НАСЛЕДСТВО ПЕНМАРОВ

СЬЮЗЕН ХОВАЧ

В увлекательном романе Сьюзен Ховач
есть нечто большее, чем сама жизнь... он драматичен
и одновременно проникнут романтикой.
Woman's Journal

АЗБУКА

Annotation

На утесах корнуолльского побережья высится старинный особняк, который скорее напоминает заброшенный склеп, чем родовое гнездо. Кто-то из многочисленного семейства Пенмар страстно, до одержимости, любит его, кто-то ненавидит всем сердцем, и у каждого есть на то свои причины. Вокруг Наследства Пенмаров – дома, расколотого семейными раздорами, разворачивается хроника трех поколений, от Викторианской эпохи до Второй мировой войны, и жестокие законы истории, словно в зеркале, отражаются в событиях человеческой жизни. Меняются эпохи, нравы, принципы, незыблем лишь замок Пенмаров. Принесет ли кому-то из них счастье это Наследство?

- Сьюзен Ховач
  -
  -
  - I
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
  - II
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
  - III
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6

        - Глава 7
    - IV
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
        - Глава 5
        - Глава 6
        - Глава 7
        - Глава 8
        - Глава 9
        - Глава 10
    - V
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
        - Глава 5
        - Глава 6
        - Глава 7
        - Глава 8
        - Глава 9
        - Глава 10
        - Глава 11
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14

- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20

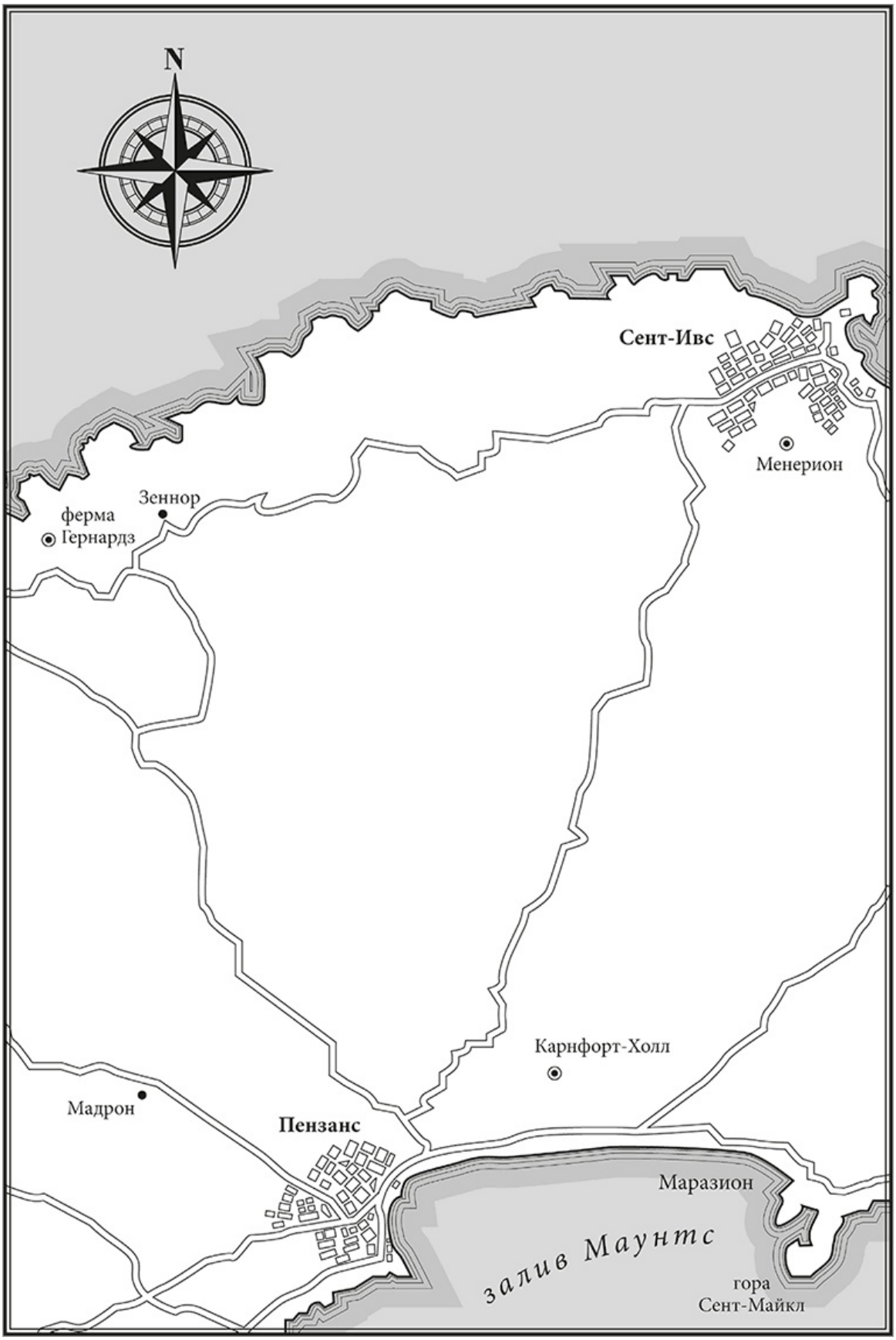
Сьюзен Ховач
Наследство Пенмаров

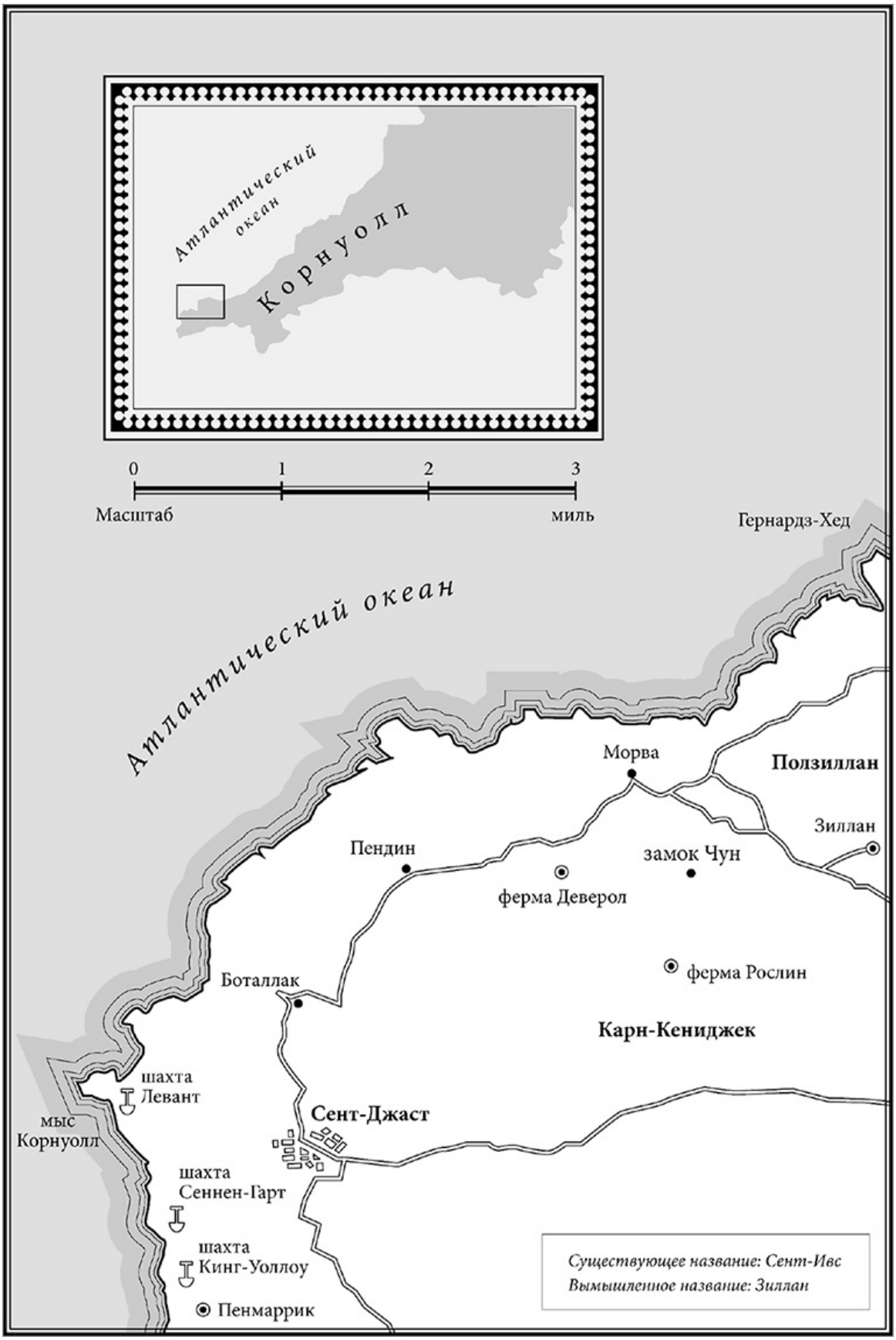
Susan Howatch
PENMARRIC
Copyright © Susan Howatch, 1971
All rights reserved
This edition is published by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd. and The Van Lear Agency LLC.

© Ю. Толкачева, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

*** * ***

Посвящается Джозефу


N
Сент-Ивс
Менерион
Зеннор
ферма
Гернардз
Карнфорт-Холл
Мадрон
Пензанс
Маразион
залив Маунтс
гора
Сент-Майкл


Атлантический океан
Корнуолл
0
1
2
3
Масштаб
миль
Гернардз-Хед
Атлантический океан
Морва
Ползиллан
Зиллан
Пендин
замок Чун
ферма Деверол
ферма Рослин
Боталлак
Карн-Кениджек
шахта Левант
мыс Корнуолл
Сент-Джаст
шахта Сеннен-Гарт
шахта Кинг-Уоллоу
Пенмаррик
Существующее название: Сент-Ивс
Вымышленное название: Зиллан

I
Марк
1890
Честь и бесчестье

Он был молодым человеком двадцати лет, который вечно находился в изнурительных текущих поездках, казавшихся вдвое продолжительней, чем они были… Работал он до глубокой ночи. Окружающие приписывали эту его нескончаемую активность боязни слишком растолстеть.

Дорис Мэри Стентон.

Английское общество в раннем Средневековье

Среднего роста, крепко сбитый, склонный к тучности, он будто источал силу. По натуре своей человек действия, он никогда не тратил время попусту. Его неуемная энергия, быть может, самая яркая его черта… У него был вкус к литературе, обличавший в нем человека прекрасно образованного, он любил общество остроумных и ученых людей.

А. Л. Пул.

Оксфордская история Англии:

От «Книги Судного дня» Вильгельма Завоевателя до Великой хартии вольностей

Несмотря на уязвимость личной этики, он пользовался любовью и уважением.

Британская энциклопедия. Генрих II

Глава 1

Матильда была неуживчива и вздорна… высокомерна и эгоистична, не желала обуздывать свой вспыльчивый нрав, доставшийся ей от предков.

Кристофер Брук.

Саксонские и нормандские короли

Трон Матильды был узурпирован ее кузеном Стефеном Блуазским. Насколько помнил Генрих, ее сын, гражданская война между приверженцами враждующих сторон бушевала без передышки.

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

1

Мне было десять лет, когда я впервые увидел свое Наследство, и двадцать, когда я впервые увидел Джанну Рослин, но моя реакция в обоих случаях была одинакова. Я равно нуждался в них.

Я хотел получить Наследство, потому что готический стиль этого архитектурного кошмара поразил мое детское воображение, потому что борьба моей матери за то, чтобы сохранить поместье за мной, была, на мой детский взгляд, не жалкой, не унизительной, но пронизанной благородством и мужеством, потому что в праве на него мне было отказано, а ребенку ничего так сильно не хочется, как того, что невозможно получить. А Джанну Рослин я хотел, потому что мне было двадцать лет и я грезил женщинами, особенно красивыми женщинами, и более всего теми, которые были красивы, хотя не принадлежали к сословию, в котором я был рожден.

Мы встретились случайно. Вообще-то, мне нечего было делать во дворе зилланской церкви в два часа пополудни в тот жаркий июльский день 1890 года. Мне, собственно, нечего было делать даже в самом Зиллане. Я

не был знаком с этой частью Корнуолла, потому что я родился и вырос близ реки Хилфорд, а мягкий климат южного Корнуолла с его деревьями, реками и убегающими вдаль холмами не имеет ничего общего с бесплодным северным побережьем, его обдуваемыми ветром пустошами, отвесными скалами и предательским прибоем.

Зиллан был изобиловавшим пустошами районом в северной части графства.

Я гулял там в тот день после ссоры с отцом в его временном пристанище в близлежащем районе, и поскольку был сильно расстроен в тот момент, то не обращал внимания на окрестности, пока не оказалось, что я иду деревенской улицей по направлению к церкви. Зиллан был привлекательнее, чем те скопления простеньких домишек, которые в северном Корнуолле обыкновенно именуются деревнями. Сады перед домами, сложенными из серого камня, были полны цветов, паб под названием «Удача рудокопа» недавно выкрашен, и даже местная бездомная собака хорошо откормлена. По всей видимости, бедность, которая сопровождала продолжающийся спад в оловодобывающей промышленности, пока еще не добралась до этого уголка графства. Задержавшись взглядом на столбах дыма, вырывающегося из нескольких шахт, видневшихся на горизонте, я прошел через боковую калитку на церковный двор и бесцельно побрел в тени нормандской башни к дверям церкви.

На паперти я замешкался, не зная, что делать дальше. Я старался не думать о недавней ссоре с отцом, о бесконечных стычках с матерью, о Наследстве, которое хотел получить так давно и так сильно. Я смутно понимал, что никогда в жизни не был столь одинок, но все же был слишком потерян и слишком запутался, чтобы полностью осознать, насколько несчастлив. Я просто замер на паперти зилланской церкви, словно обретя спасение от какой-то давящей, преследующей меня силы, и, пока я так стоял, ветерок бежал по пустоши, а с безоблачного летнего неба на нее светило полуденное солнце. На церковном дворе было очень тихо. Самый пейзаж, казалось, застыл в таинственном предвкушении; недвижный, завороженный этой атмосферой ожидания, я посмотрел через проем калитки в конец деревенской улицы и увидел одинокую фигуру женщины, которая медленно приближалась ко мне, пересекая пустошь.

2

Она была в черном и несла букет алых роз.

Я все смотрел на нее, стоя в тени на паперти, а где-то высоко над моей головой на церковной башне часы начали отбивать время.

Она миновала первый дом на краю деревни, и движения ее были столь плавны и легки, что, казалось, она бесшумно скользит по узкой улице. Она не смотрела по сторонам. Ветерок с пустоши взметнул на миг вуаль с ее шляпки, и она подняла руку в черной перчатке, чтобы ее поправить.

Она приблизилась к калитке ограды. Цветы оказались всего-навсего дикими розами, такими же, что росли у стен по соседству, но именно эта их простота делала оранжерейные лондонские розы тривиальными и нарочитыми. Женщина прошла через церковный двор к паперти, и я уже готов был выступить из тени на свет, когда она меня заметила.

Должно быть, она удивилась, увидев незнакомца в этой глухой деревне, затерянной среди пустошей, но даже тени этого удивления не отразилось у нее на лице. Она продолжала свой путь так, словно меня и не существовало, и я понял, что она хочет пройти по тропинке мимо паперти на другую сторону церковного двора.

Я непроизвольно пошевелился. На мне не было шляпы, но рука моя потянулась к голове прежде, чем я вспомнил об этом.

– Добрый день, – сказал я.

Она соизволила взглянуть на меня. Глаза за вуалью были голубые, широко расставленные, обрамленные темными ресницами. Секундой позже она чуть склонила голову в ответ на мое приветствие и прошла мимо, не промолвив ни слова.

Я смотрел ей вслед. Затем тоже прошел через двор и оглядел могилы за церковью. Она была там. Алые розы лежали на свежем могильном камне, а она недвижно стояла возле, склонив голову и сложив руки. Меня она не видела.

Я решил присесть на ограду и осмотреть архитектуру дома напротив, который, как я предположил, был домом приходского священника. Некоторое время я его изучал. А когда пришел к выводу, что дом был чрезвычайно непримечательным зданием, то услышал, как звякнул засов калитки в ограде, и увидел, что женщина пошла по улице обратно. Дойдя до конца деревни, она опять свернула на тропинку, бегущую через пустошь, и я провожал ее взглядом, пока она не скрылась из виду.

Стоило ей уйти, как я решился; я уже был не столь удручен, чтобы не знать, что делать дальше. Вскоре я уже спешил к дому своего отца, чтобы просить разрешения подольше остаться у него в этой части Корнуолла, и, по пути через пустошь в Морву, не мог думать ни о чем, кроме алых роз,

пылающих на мирном деревенском кладбище, и о черной вуали, развевающейся на ветру.

3

Мне думается, хоть и не хочется в этом признаваться, что до того момента самой важной женщиной в моей жизни была мать. Это может показаться вполне очевидным, поскольку считается, что матери должны занимать особое место в сердцах сыновей, но моя мать не была похожа на других матерей, и мои чувства к ней были до такой степени искажены неприязнью и обидами, что наши с ней отношения вряд ли могли считаться типичными.

– Первое, что ты должен усвоить, – сказала мне мать, когда я десятилетним ребенком после шести лет разлуки возобновил с ней отношения, – это то, что восстановление Справедливости в отношении нашего Наследства я считаю делом Чести.

Как я выяснил впоследствии, моя мать всегда говорила о справедливости и чести так, словно слова эти писались с большой буквы.

– Видишь ли, – пояснила она, – Пенмаррик должен был быть моим.

Мы сидели в большой унылой гостиной в лондонском доме. Я был маленьким мальчиком в жестком черном костюме с еще более жестким воротником, а она – очень красивой дамой в фиолетовом шелковом платье с черными кружевами и уродливой ниткой жемчуга.

– Все поместье и весь капитал Пенмаров были бы моими, если бы мой отец, как большинство мужчин, не имел врожденного предубеждения против женщин. По-своему он меня даже любил, но мой брат Артур был для него светом в окошке. Для него не имело значения, что Артур беспомощен, глуп и безответственен, в то время как я образованна, умна и предана каждому кирпичику Пенмаррика и каждой пяди земли, окружавшей его. Для моего отца Артур был мальчиком, сыном и наследником, я же – лишь дочерью, ненамного лучше какого-нибудь овоща, и меня надо было как можно поскорее и повыгоднее отдать замуж… Даже после того, как Артур утонул во время катания на лодке, отношение ко мне отца не поколебалось. Некоторое время я все-таки надеялась, что он сменит свои взгляды и поймет, что я заслуживаю всего, что он мог даровать мне, но тут как раз… – Она сделала паузу. Рот ее плотно сжался, а черные глаза стали холоднее, чем море в разгар зимы. – В тот момент, – сказала мать, – появился Жиль.

«Ни при каких обстоятельствах не упоминай имя Жиля Пенмара в присутствии своей матери», – умолял меня ее двоюродный брат и преданный раб Роберт Йорк, когда я впервые увидел его в тот же самый день, но чуть раньше. Моя мать велела ему встретить меня на станции и проводить до дома. По дороге он излил на меня такое количество предупреждений и взволнованных наставлений, что я, перепуганный до смерти, чуть не сбежал. Но он, конечно, не хотел меня пугать; он просто старался сделать мою встречу с матерью как можно менее болезненной. Роберт был маленьким, мягким, добрым человеком, который напоминал мне кокер-спаниеля моего отца. Дом на Парк-Лейн, где жила моя мать, принадлежал ему; она настолько подавила кузена силой своей личности, настолько заворожила характером, столь не похожим на его собственный, что он предоставлял ей все, что она хотела, исполнял все, чего бы она ни пожелала, и не получал взамен ничего, кроме не допускающей возражений любви.

– Милый Роберт, – говорила мне мать позже, – женился бы на мне, если бы я была свободна, но, к счастью, брачные узы с твоим отцом уберегли его от такой ошибки. Право, мужчины порой могут быть чрезвычайно глупы! Даже мой отец, который был исключительно умен, в отношении Жиля повел себя как законченный дурак…

«Не говори со своей матерью о Жиле, – умолял меня Роберт Йорк, пока мы ехали в экипаже со станции. – Мод очень чувствительна к тому, что касается Жиля Пенмара».

– …Конечно, его настоящее имя вовсе не Жиль Пенмар, – говорила моя мать. Я вижу ее, как сейчас: она разливает чай из серебряного чайника, поблескивая кольцами на пальцах, а от прямой линии ее спины, от посадки головы и от наклона локтя так и веет высокомерием. – Его звали Жиль Бейкер. Мы были Бейкерами до тех пор, пока мой дед не выиграл Пенмаррик в кости у принца-регента и не сменил имя в соответствии с изменившимися обстоятельствами. Жиль – его дальний родственник, авантюрист, разумеется. Все Пенмары были авантюристами и искателями денег. Мой отец, к примеру, увеличил семейный капитал более чем вдвое, когда в молодости служил в Индии… Поэтому нет ничего удивительного в том, что Жиль, бедный родственник, положил глаз на семейные деньги. Смерть моего брата Артура стала для него золотым шансом. Он приехал в Пенмаррик, втерся в доверие к моему больному отцу, сменил имя на Пенмар… Он даже был со мной в хороших отношениях – о, он умел очаровывать! Ясно, что все преуспевающие авантюристы таковы, а Жиль из их числа. С помощью обмана, мошенничества и дурного влияния он

повел дела так, что когда отец умер…

«Все фамильное поместье досталось Жилю, – шептал мне возбужденно Роберт Йорк. – Эта чудовищная несправедливость стала страшным ударом для бедной Мод. У ее отца, по крайней мере, достало приличия оставить ей скромную ренту, но Пенмаррик и все остальное состояние Пенмаров отошли этому негодяю. Но если Жиль думал, что Мод смирится с таким положением и оставит все как есть, то он очень сильно заблуждался…»

– …Естественно, – сказала мать, с грохотом ставя чайник, – я сочла своим долгом обратиться в суд. Это было делом чести. Правосудие должно было свершиться. Полагаю, детка, что твой отец если не достиг большего, то хотя бы воспитал тебя джентльменом…

«Ни при каких обстоятельствах не заговаривай с Мод о своем отце, – заблаговременно умолял меня Роберт Йорк. – Мод очень чувствительна в отношении своего неудавшегося брака с твоим отцом».

– …Вполне допускаю, что твой отец никогда не говорил тебе о Наследстве, – презрительно продолжала мать, протягивая руку за горячей, намазанной маслом лепешкой. – Как это на него похоже! Думаю, он ничего не сообщал тебе и о той судебной тяжбе, которую я вела – и продолжаю вести – с тех пор, как покинула его кров шесть лет тому назад: о моем непрестанном поиске справедливости, о моих беспрерывных усилиях обеспечить тебе Наследство?.. Ну что ж, мне вряд ли следует удивляться. Без сомнения, последние шесть лет он отравлял твое сознание россказнями обо мне.

Мне удалось вступить в разговор. Открыв рот, я услышал дрожащий, тоненький голосок, так не похожий на мой собственный:

– Он никогда о вас не говорит, мэм.

– Можешь называть меня мамой. Незачем обращаться ко мне как к королеве. Значит, Лоренс никогда обо мне не говорит! Замечательно! А ты и Найджел говорите с ним обо мне?

– Нет, мама. Няня сказала, что мы не должны говорить о тебе.

– Боже мой, какая неприятная женщина! Ну а если я настолько отвратительна, почему в таком случае твой отец разрешил тебе приехать ко мне на неделю?

И я вдруг вернулся мыслями в Корнуолл, в родные места, в Гвик на реке Хилфорд, в тот уютный, красивый фамильный дом, в котором семья моего отца жила за сотни лет до того, как выскочка Бейкер выиграл в кости состояние и сменил имя на Пенмар. Я был в кабинете отца, он держал в руках письмо матери и говорил спокойным голосом, который я так любил:

– Конечно, ты должен поехать, Марк. Твой сыновний долг – навестить ее, если она того хочет.

Я смог только возмущенно воскликнуть:

– Почему она хочет видеть меня? Раньше она никогда не хотела меня видеть! И почему она не хочет видеть Найджела? Ведь он тоже ее сын!

– Может быть, Найджел сможет повидать ее позже.

А потом, в детской, Найджел спокойно сказал мне:

– Мне не обидно, что она не хочет видеть меня. Мне кажется, она совсем не такая хорошая, как няня.

Найджел был няниным любимчиком. У него были золотистые локоны, голубые глаза и добродетельное выражение лица херувима.

– На самом деле, чем чаще я об этом думаю, – заметил Найджел, – тем больше мне кажется: было бы лучше, если бы мама любила тебя сильнее, чем меня. Иногда мне кажется несправедливым, что я всем нравлюсь больше, чем ты.

Он, похоже, был удивлен, когда я бросился драться с ним, хотя к тому времени ему уже следовало бы знать, что я пользовался малейшим поводом из тех, что он давал мне, чтобы пустить в ход кулаки. Некоторые дети очень медленно усваивают подобные истины.

– Марк, – всегда устало говорил мне отец, – тебе надо прилагать больше усилий, чтобы обуздывать свой характер.

Необузданный характер был у моей матери. Хотя она покинула усадьбу Гвикеллис более шести лет назад, воспоминания о ее вспыльчивости еще жили среди слуг.

– Ты пошел в свою маму, – говаривала мне няня, всякий раз мрачно добавляя при этом горничной: – Тем хуже для него.

– Ну! – воскликнула мать, наливая себе вторую чашку чаю в сумрачной гостиной дома братца Роберта Йорка на Парк-Лейн и останавливаясь, чтобы окинуть меня критическим взором. – Ты коротковат, толстоват, и лицо у тебя, безусловно, заурядное, но сойдет. Я узнаю этот взгляд. Ты упрям. Ты похож на меня. Не пугайся! Это комплимент. Мне нужен упрямый, сильный сын. Теперь угостись еще одной лепешкой и послушай, что я предполагаю предпринять. У меня такое чувство, что мы с тобой превосходно поладим.

Она ошибалась. Мы совсем не поладили. Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что она неверно оценила как собственные потребности, так и то, что ей был нужен упрямый, сильный сын. Это было не так. Ей нужен был сын, который стал бы ее отражением, ее слабым подобием, добавкой мужского рода при ее доминантной личности. Когда я был ребенком,

которому еще не исполнилось и одиннадцати, она подавляла меня так же, как подавила Роберта Йорка – просто силой своего характера, – но как только я вышел из детского возраста, это стало не так-то просто. Но в отношениях, которые возникли между нами в тот день и продолжались десять лет, пока я не сломил ее волю и мы не поменялись ролями, никогда не было безразличия.

– Тебе десять лет, – сказала мне мать во время того нашего первого свидания в Лондоне, – и ты никогда не видел своего Наследства. Я намерена немедленно исправить это. Завтра мы едем в Пензанс.

По всей видимости, это было единственной причиной ее желания увидеть меня. Она сочла, что десять лет – тот самый возраст, когда я буду хлопать в ладоши от восторга, впервые увидев Наследство.

Естественно, я был возбужден перспективой увидеть Пенмаррик; я думал, что смогу побродить по полям, объехать поместье и излазить дом сверху донизу. Но у моей матери на уме было совсем иное. После изнурительного путешествия в Пензанс, который находился в трехстах милях к юго-западу от Лондона, мы остановились в располагавшейся на открытом лугу гостинице под названием «Метрополь», а на следующее утро наняли экипаж, чтобы пуститься в еще одно утомительное путешествие на север через пустоши в приход Сент-Джаст. Я был слишком мал, чтобы оценить пейзаж; мне было лишь известно, что сотни миль отделяли эти места от моего дома в Гвике, от мирного устья реки и рыбачьих лодок. Я смотрел на пейзаж этой чужой для меня части Корнуолла, и моему детскому разуму представлялось, что здесь было бы хорошо дьяволу. Потому что пейзаж, по большей части представленный голой, без следов деревца или человеческого обиталища, пустошью, переходящей в холмы, увенчанные черными скалами, был суровым и впечатляющим. Пустынность ландшафта и круто взбиравшаяся в гору дорога предоставляли взору обширный вид; я помню, что оглянулся в сторону Пензанса и заметил поблескивающий вдалеке, где начинался залив, замок на горе Сент-Майкл.

На секунду я пожелал, чтобы эта гора и была моим Наследством, хотя, конечно же, не посмел признаться в этом матери.

По мере того как мы удалялись от моря, нам все чаще встречались шахты, и я впервые увидел медно- и оловодобывающую промышленность, которой веками славился Корнуолл, каменные башни с размещенными в них двигателями, черные клубы дыма, мрачные кучи шлака. В поместье Пенмаррик две шахты, сказала мне мать, но только одна, Сеннен-Гарт, еще работает. Другая, Кинг-Уоллоу, уже несколько десятилетий как закрыта.

– Можно мне спуститься в шахту? – с надеждой спросил я.

– Господь с тобой, дитя мое, ты не ремесленник. Ну-ка, выгляни в окно, и увидишь северный берег. Вон! Ну разве не восхитительный вид открывается отсюда, с гребня горы? Вдоль берега раскинулись три прихода, один рядом с другим. Сент-Джаст на западе, Морва – прямо перед нами, а Зеннор – к востоку от Морвы. Пенмаррик, конечно же, находится в приходе Сент-Джаст.

– А сейчас в каком мы приходе?

– В Зиллане. Он расположен на пустоши позади Морвы… Роберт, вели кучеру поторопиться!

Мы поехали дальше на запад через серую шахтерскую деревню Сент-Джаст, а потом по дороге, ведущей к мысу Лендс-Энд, но вскоре свернули с нее и направились на север от моря.

– Ну, – распорядилась наконец мать, – вели кучеру остановиться, Роберт.

Коляска остановилась.

– Выходи, дитя мое.

Я повиновался. Весенний ветерок слегка овевал мои щеки, теплое солнце светило с весеннего неба. На обочине дороги уже цвели полевые цветы, а чуть дальше колючие кусты утесника готовились распуститься великолепными желтыми цветами.

Мать схватила меня за руку:

– Смотри!

Я посмотрел. За пустынной долиной, позади рощицы, неожиданной в этом скудном ландшафте, на скалах над морем возвышался замок. Я открыл рот от изумления, но, присмотревшись, понял, что сооружение было вовсе не замком, а огромным домом, выстроенным из черно-серого камня и украшенным башнями, башенками и причудливой архитектурной мишурой, покорившей мое детское воображение. Позднее я отнес эту нелепую архитектуру к извращениям современного вкуса, но тогда, увидев ее впервые неискушенным взглядом ребенка, нашел очень красивой.

– Мне нужен этот дом, – сказала мать, словно читая мои мысли, и в тот момент между нами образовалась связь, которая соединяла нас долгие, но, увы, не безмятежные, годы. – Мне нужен этот дом, и я получу его, если не для себя, то, по крайней мере, для тебя.

А я спросил:

– Мы не поедем дальше? Почему мы остановились? Почему бы нам не подъехать к дому и не навестить кузена Жиля?

Она посмотрела на меня так, словно я сошел с ума.

– Навестить Жиля? Мое прелестное дитя! Неужели ты думаешь, что после шести лет бесконечных тяжб мне будет оказано гостеприимство под кровом, который он незаконно считает своим? Какая глупость! Надеюсь, с годами ты поумнеешь. – Она повернулась к кучеру, корнуолльскому неотесанному парню, таращившемуся на нас в попытках понять наш английский акцент. – Немедленно домой, в Пензанс. Цель нашего путешествия достигнута.

Перед тем как подняться вслед за ней в экипаж, я еще раз взглянул на Пенмаррик. Пройдет четыре года, прежде чем я снова увижу свое Наследство.

4

Мне было четырнадцать, когда мать выиграла дело и потребовала, чтобы ей позволили увидеть меня еще раз. Мы опять поехали в Пенмаррик, на этот раз с намерением переступить порог дома, поскольку Жиль не являлся более законным владельцем, но Жиль подал апелляцию, и решение суда было приостановлено. Парадную дверь захлопнули и заперли у нас перед носом; мать, дрожа от ярости, стучала кулаком по доскам, но ее выходка была более чем бесполезной. Пенмаррик по-прежнему принадлежал Жилю.

Миновало еще два долгих года судебных разбирательств, а потом произошло несчастье. Апелляционный суд решил дело в пользу Жиля, а решение суда низшей инстанции отменил.

– Я подам апелляцию в палату лордов! – кричала мать, вне себя от горя. – Я никогда не сдамся, никогда!

Но палата лордов решила дело не в ее пользу. Годы бесполезных судебных тяжб и бесконечных расходов окончились поражением.

И все-таки она не сдавалась. Надо спасти хоть что-нибудь из руин надежд, решила она. Она поедет в Пенмаррик, помирится с Жилем и уговорит его разрешить ей хотя бы время от времени посещать дом. Тщетно мы с Робертом Йорком объясняли ей, что у Жиля нет причин переходить к политике прощения и забвения прошлого после двенадцати лет немыслимой вражды; тщетно убеждали, что она попусту потратит время. Она, как бывало всегда, когда ей перечили, оставалась своевольной, высокомерной и неисправимо несгибаемой.

– Хорошо, – сказал я с присущим шестнадцатилетнему юнцу, который пытается проявить независимость, агрессивным вызовом. – Поезжай туда

одна, если хочешь. Но не рассчитывай, что вместе с тобой буду понапрасну тратить время и я.

– Хочешь или не хочешь, но ты со мной поедешь! – Мать очень хорошо умела справляться с бунтующими шестнадцатилетними юнцами. – Роберт, напомни юноше о его сыновнем долге!

– Марк, ты действительно должен поехать с матерью, – послушно сказал Роберт.

Я сдался, демонстрируя крайнюю степень недовольства, а мать каким-то образом удержалась от того, чтобы не надрать мне уши.

В этот свой третий приезд в Пенмаррик я впервые встретился с детьми Жиля, Реймондом, Харри и Клариссой. На самом деле у Жиля был только один ребенок, мой двоюродный брат и ровесник Реймонд, но покойная жена Жиля пожалела своих осиротевших племянника и племянницу, и Жиль принял на себя обязанности опекуна, позволив ей привести их в дом. Харри, приемному сыну, было к тому времени восемнадцать; сестра его Кларисса была на год или два моложе нас с Реймондом. Я не знал о них почти ничего и позднее, в особенности в том, что касалось Клариссы, понял, что лучше бы мне так и оставаться в неведении. Почему же я невзлюбил Клариссу? В шестнадцать лет, когда мы впервые увиделись, я уже мог оценить ее внешность, но меня никогда не привлекали смуглые девушки, возможно, потому, что они напоминали мне мать с ее высокомерием; к тому же моя нелюбовь к Клариссе не была просто неприятием ее красоты. По зрелом размышлении я стал подозревать, что все началось с нашей первой встречи на ступенях Пенмаррика, когда она оскорбила меня с жестокостью пятнадцатилетней школьницы и дала понять, с какой злобой и с какими ее ужасными последствиями мне предстоит столкнуться, когда мы станем старше. Может быть, уже в тот первый раз, когда я увидел Клариссу, я почувствовал, что ее влияние на мою жизнь не будет благотворным.

Неприятности начались, чему удивилась лишь моя мать, когда дворецкий не пустил нас в дом. Мать немедленно потребовала, чтобы к нам вышел Жиль, но испуганный дворецкий сказал, что мистер Пенмар нездоров и никого не принимает. В этот-то момент мне и пришла в голову несчастливая мысль поговорить с кузеном Реймондом; вероятно, мне казалось, что двум шестнадцатилетним юнцам договориться проще, чем их родителям, но я ошибся. Когда Реймонд осторожно вышел в холл, первое, что он сделал, – это погнал меня со двора, словно я был заражен желтой лихорадкой.

– Убирайся отсюда! – заорал он, при этом умудряясь не терять

обаяния, которое я сразу же ощутил. Это был высокий юноша с изнеженным ртом, мягкими кистями рук и надутым выражением лица. Возвысив свой голос так, чтобы он был слышен и моей матери, которая вместе с Робертом ждала в экипаже, он добавил: – Знайте, Пенмаррик никогда не будет вашим, так что убирайтесь в свой Лондон и хоть сдохните там, мне до этого нет дела.

– Ну-ну, старина, – вежливо сказал я в манере, которую освоил за годы учебы в Итоне, и уступил переполнившему меня побуждению ударить его в нос.

Он свалился как подкошенный.

Я как раз наслаждался плодами рук своих, когда входная дверь распахнулась и передо мной предстал гораздо более серьезный соперник, чем мой неудачливый кузен Реймонд. Его приемный брат Харри был высок, силен, широкоплеч и обладал кулаками, которые принудили меня быстро, но красиво ретироваться.

– Черт бы тебя побрал, ублюдок, – сказал Харри Пенмар сквозь зубы. – Убирайся к чертям собачьим, пока не пожалел, что явился сюда.

Прежде чем я успел придумать ответ, появилась его сестра. Она промчалась мимо него и опустилась на колени у неподвижного тела Реймонда. Грудь ее вздымалась от возбуждения. Будь у меня возможность, я бы рассмотрел ее получше, но в тот момент голова моя была занята обдумыванием ответа Харри Пенмару, а ноги – увеличением расстояния между нами.

– А сам-то ты кто? – высокомерно протянул я, стараясь замаскировать факт своего полного отступления. – Тоже мне легкая кавалерия перед атакой!

Ответила мне девушка. Она наблюдала с верхних ступенек лестницы, как я отступаю по хрустящему гравию дорожки, и, обернувшись, я уже не увидел ничего, кроме горящих темных глаз и охваченного дикой страстью рта.

– Уродливая тварь! – презрительно выпалила она. – Жирный, мерзкий кретин, убирайся и прихвати с собой свою отвратительную мать! И никогда – никогда! – не приближайся больше к этому месту!

Несмотря на врожденную агрессивность и тот апломб, который прививают в элитных школах, я все же был более уязвим, чем хотел признать. Шестнадцать лет – очень чувствительный возраст. Я знал, что полноват, что, несмотря на значительное сходство с матерью, не унаследовал ее привлекательной внешности. К тому времени я понял также, что уже никогда не стану высоким. И все же мне не понравилось,

что девушка, к тому же одних со мной лет, заявила мне в лицо, что я невысокий, толстый и невзрачный.

Я все еще смотрел на нее, и щеки мои уже начинали гореть от бессильного гнева, когда моя мать голосом, который остановил даже Харри Пенмара, позвала меня из экипажа:

– Марк! Мы немедленно уезжаем!

Так завершилась моя третья поездка в Пенмаррик, столь же безуспешная, сколь и попытки моей матери получить Наследство через суд. Наше дело оказалось проиграно; задобрить Жиля было невозможно; Пенмаррик навсегда уплыл из моих рук.

Вот тогда-то я впервые увидел, как плачет моя мать. Она смотрела на исчезавший из поля зрения Пенмаррик, и две большие слезы катились у нее из глаз. Но когда Роберт взволнованно предложил ей свой платок, она сделала резкий отрицательный жест.

– Убери его, глупец, – сказала она, властная даже в горе, и подняла голову чуть выше. – Ну вот и все, я полагаю. Я возвращаюсь в Лондон и посвящу свое свободное время занятиям более достойным, чем судебные тяжбы. Может быть, женскому суфражистскому движению. Это достойная цель. Или борьбе за контроль над рождаемостью.

Роберт и я обменялись взглядами, полными ужаса, но промолчали, чтобы не расстраивать ее еще больше. Уж мы-то знали, что она никогда не откажется от желания вернуть Пенмаррик, пусть даже никаких надежд как будто и не оставалось. Во всем, что касалось Пенмаррика, моя мать была слишком одержима, чтобы признать полное и окончательное поражение. И жизнерадостна настолько, что, когда мы прибыли в гостиницу «Метрополь» в Пензансе, она уже успокоилась и смогла начать обдумывать планы на будущее. Думать о Пенмаррике, по крайней мере в тот момент, было невозможно, но я, по ее мысли, оказался ему достойной заменой.

– Ну что же, Марк, – сказала она, отправив Роберта с каким-то поручением, чтобы он не помешал нам говорить наедине. – Я получала удовольствие от твоего общества, пока мы боролись за Наследство, и надеюсь не расставаться с тобой сейчас, когда борьба подошла к концу. Почему бы тебе не переехать в Лондон и не поселиться вместе со мной? У тебя были бы свои комнаты, щедрое содержание и свобода наслаждаться культурными ценностями величайшего города на земле.

– Нет, спасибо, мама.

– Да почему же нет? – Она была оскорблена таким прямолинейным отказом. – Какая неблагодарность с твоей стороны!

– Мой дом в Гвике, у моего отца.

– У твоего отца! У этого скучного провинциального сквайра, который вечно роется в каких-то пыльных исторических книгах! Мой дорогой мальчик, ты не сможешь убедить меня в том, что у тебя есть с ним что-либо общее. Послушай меня. Я…

– Нет, – повторил я, неожиданно теряя самообладание. – Нет, это ты меня послушай! Ты бросила меня, когда мне было четыре года; таскала с собой целую неделю по Пензансу, когда я достаточно вырос, чтобы проявлять интерес к твоим интригам; вытащила из дому, когда мне исполнилось четырнадцать, продержала около себя еще несколько недель, писала мне – ох какой труд! – один раз в семестр… И теперь у тебя хватает бесцеремонности предложить мне бросить все и стать одним из членов твоей свиты, как бедный кузен Роберт?!

Теперь наступил ее черед потерять самообладание. Должно быть, мы осыпали друг друга оскорблениями добрых минут десять, пока она не закричала, побагровев от гнева:

– Ах так! Ну и отправляйся в свой разваливающийся особняк в Гвике! Возвращайся к своему скучному, нагоняющему тоску отцу, скатертью дорога, да только не вздумай приползти ко мне на коленях, когда поймешь свою ошибку и захочешь пожить как светский молодой человек!

– А ты не вздумай приползти ко мне, – кипятился я в ответ, – когда столкнешься лицом к лицу с одинокой старостью!

Вернувшись к отцу в Гвик, я твердо решил больше с ней не встречаться.

5

Я думал, отец обрадуется тому, что я наконец вырвался из-под влияния матери, но он ничего не сказал. Он позволял мне видеться с ней и даже подталкивал меня к этим свиданиям, когда бы она их ни требовала, но никогда не расспрашивал меня потом, и я уже в десятилетнем возрасте чувствовал, что у него нет желания обсуждать ни прожекты моей матери по возвращению Пенмаррика, ни ее самое. Эти запретные темы воздвигли между нами барьер, и, по мере того как я рос, мне казалось, что, хотя отец всегда относился ко мне с добротой и интересом, которые должны были пойти мне на пользу, за его шаблонными родительскими чувствами таилась стена отчуждения, что и ранило, и ставило в тупик. Я знал, что, должно быть, часто напоминаю ему мою мать. Я видел, что ему проще отвечать на непринужденное добросердечие Найджела, чем на мое более сложное

поведение. Но я был его старшим сыном – сыном, который разделял его любовь к истории – о, как упорно я над ней работал! – и мне казалось несправедливым, что он, хоть и непреднамеренно, настроен против меня из-за матери. Это было тем более обидно, что именно я хотел походить на него, жить так, как жил он, и разделять его моральные нормы и убеждения.

Он был спокойным человеком. Я понимал, почему моя мать считала его скучным и провинциальным, – ведь он не любил городской жизни и лучше всего чувствовал себя в корнуолльской глуши, в Гвике, где изредка ездил верхом, иногда встречался с друзьями из местных джентри[1], которых знал всю жизнь, а самое главное – мог в тиши и уединении писать свои исторические статьи и монографии. Отец мало говорил о чести и справедливости, понятиях, которые так любила выставлять напоказ моя мать, но ему и незачем было о них разговаривать; ни мне, ни Найджелу он не читал длинных лекций о правильном поведении, а просто принимал как должное, что мы будем следовать его примеру. Потому что мой отец был человеком порядочным и целомудренным, и пример, который он нам подавал, был настолько ясен, что в поучениях не было нужды.

Мое желание походить на него было настолько сильно, что мне удавалось подавлять наклонности, унаследованные от Пенмаров, почти до семнадцати лет. Но Пенмары были авантюристами; и если они и обладали добродетелями, то целомудрия среди таковых не числилось.

Любопытно, но спровоцировала меня именно ссора с матерью. Как ни странно, я скучал по ней и даже написал бы ей письмо, чтобы перекинуть мостик через образовавшуюся между нами пропасть, если бы мне позволила гордость. А гордость не позволяла, поэтому я потянулся к представительницам ее пола. И во время рядовой поездки в Маллион-Коув, в припадке депрессии, забыл обо всех принципах моего отца.

Женщина та была женой рыбака. Ее муж был в море, и она нуждалась в деньгах и в компании, поэтому я дал ей пять шиллингов. Она была благодарна – и я поначалу тоже, – но вскоре после того, как эпизод был исчерпан, я начал страдать еще сильнее, чем раньше, на этот раз от чувства вины. Вдобавок ко всему я обнаружил, что не могу вести себя так, как будто ничего не случилось, и вернуться к воздержанию. Наконец, в неловкой попытке примириться и с изводившей меня совестью, и с отцом, который оставался в неведении насчет моей слабости, я окунулся в работу с еще большим рвением, чем раньше, и поклялся, что не прекращу усилий до тех пор, пока не стану таким же прекрасным ученым, как и он.

В Оксфорд я поступил рано. Возможно, прозвучит нескромно, если я напишу, что в Итоне меня уже ничему не могли научить, но я жаждал более

серьезных занятий и освобождения от ограничений школьной жизни ради университетской вольницы. Последний экзамен я сдал в лето перед своим двадцать первым днем рождения и был признан лучшим – большая редкость для такого молодого человека. Мой наставник хотел, чтобы я посвятил себя академической карьере, но после стольких лет упорного труда я наконец устал от занятий и сказал ему, что хочу отдохнуть, прежде чем принять решение относительно будущего.

Друг пригласил меня погостить у него в лондонском фамильном доме, чтобы насладиться оставшимися неделями светского сезона, и я принял его приглашение. Лето 1890 года было мирным. Англия топталась на месте; ирландский вопрос был искусно разрешен консервативным правительством лорда Солсбери; забастовки начала девяностых были еще впереди. Мир отдыхал между кризисами; никто не бряцал оружием, и даже дух ура-патриотизма на время угас. После своих оксфордских трудов я тоже, как и все вокруг меня, почувствовал себя в Лондоне убаюканным обманчивой надежностью, но неожиданно, без всякого предупреждения, мать снова ворвалась в мою жизнь, и я оказался звеном в цепи событий, которые привели меня на церковный двор в Зиллане, где я предстал перед широко расставленными, в обрамлении темных ресниц глазами Джанны Рослин, смотревших из-под вдовьей вуали.

Глава 2

Наследником Стефена был его старший сын Юстас, и он пытался обеспечить Юстасу наследство… В 1153 году Юстас внезапно умер.

Кристофер Брук.

Саксонские и нормандские короли

Отчаявшись, Стефен прекратил бесконечную борьбу. Жить ему оставалось недолго, и он это знал; теперь, когда законный его наследник был мертв, его единственным желанием было умереть королем Англии… своим наследником он назвал Генриха Фицэмпресса, герцога Нормандии…

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

1

Я собирался снять комнаты на Брутон-стрит, когда снова встретился с матерью. Мне не хотелось злоупотреблять гостеприимством моего оксфордского друга, и хотя я планировал вернуться в Гвик, насладившись прелестями светского сезона за неделю или две, вдруг выяснилось, что это невозможно. Отец временно закрыл особняк Гвикеллис, что меня по меньшей мере удивило, и уехал в небольшое владение в приходе Морва на северном берегу Корнуолла, милях в пяти от Пенмаррика. Он давным-давно унаследовал ферму Деверол от своей матери, семье которой принадлежали земли в ближайшем приходе. Но эти земли десятки лет сдавались в аренду, и мне казалось, что он подзабыл о них, покуда весной 1890-го арендатор не умер, аренда не истекла, а некоторые юридические проблемы, связанные с поместьем, не потребовали присутствия хозяина. Когда я еще находился в Оксфорде, отец написал мне, что рассчитывает пробыть в Морве две недели; Найджел тогда совершал продолжительное

турне по Европе, я собирался погостить в Лондоне, и особняк Гвикеллис неожиданно стал более пустынен, чем обычно; кроме того, диссертация отца о денежной реформе Генриха II продвигалась плохо, и он подумал, что смена обстановки может помочь делу.

По всей видимости, так и произошло; я был в Лондоне, когда получил от него второе письмо, из которого узнал, что он закрыл Гвикеллис на лето, решив остаться на ферме Деверол до осени.

«После стольких лет, проведенных в южном Корнуолле, – писал он, – я совершенно забыл, насколько красиво здесь, на более пустынном и живописном северном побережье, и обнаружил, что стремлюсь к одиночеству, которым мои друзья не позволили бы мне насладиться. Быть может, я окончу свои дни отшельником! Дай мне знать, когда захочешь вернуться в Гвик, и я распоряжусь, чтобы дом для тебя открыли, впрочем, я не сомневаюсь, что ты захочешь остаться в Лондоне до конца сезона и, надо полагать, получишь массу приглашений в загородные дома…»

Отец был прав; я действительно сначала хотел остаться в Лондоне до конца сезона и, конечно же, получил бы приглашения поехать за город, как он и предвидел, но я быстро разочаровался в сезоне, поняв, что возможность встретить девушек одного со мной возраста и положения была не столь велика. Разумеется, я был старшим сыном сельского джентльмена, но у меня не было ни титула, ни состояния, помимо скромного, выдаваемого мне раз в квартал содержания, и, как верно заметила Кларисса Пенмар, я не обладал привлекательной внешностью. Замужним белошвейкам и незамужним горничным в Оксфорде я, может, и казался достаточно богатым и аристократичным, чтобы привлечь их внимание, но для девушек своего класса и для их амбициозных мамаш оставался нулем без палочки.

И все же в Лондоне мне нравилось, несмотря на то что сезон не оправдал моих ожиданий, поэтому, получив письмо отца, я решил оставаться в городе и извлечь из ситуации максимум удовольствий. Мысль поехать к отцу в Морву приходила мне на ум, но он меня не звал, а я был слишком горд и не мог явиться без приглашения, подобно потерявшемуся щенку, который прибежал к хозяину, чтобы тот погладил его по голове.

Однажды утром я как раз шел по Пикадилли к Брутон-стрит, чтобы осмотреть сдаваемые внаем комнаты, когда около Королевской академии нос к носу столкнулся с матерью.

– Марк! – Она приветствовала меня так, словно мы расстались четыре дня, а не четыре года назад. – Тебя-то мне и нужно! Ты знаешь новости?

– Какие новости?

– Боже мой, разве ты не читаешь колонку некрологов в «Таймс»? Твой кузен Реймонд Пенмар умер! По всей видимости, он был за границей, в Египте, и подхватил там холеру. Сгорел за два дня, как водится. Очень печально для Жиля. Послушай, Марк, подумай о том, что это значит. Теперь у Жиля остались только двое приемных детей, Харри и Кларисса, но они вовсе не Пенмары и даже не из его семьи. Еще я слышала, что молодой Харри буян, и не исключено, что Жиль в нем разочаровался…

Я слушал. Мне было противно, что она может так говорить, но я был слишком покорен силой ее натуры, чтобы развернуться и уйти прочь. В следующую секунду, прежде чем я успел запротестовать, она затащила меня в Грин-парк и усадила рядом с собой на ближайшую скамью.

– Я писала тебе в Гвик – разве ты не получал моих писем? Как хорошо, что я тебя встретила! Воистину, неисповедимы порой пути Господни.

– Мама…

– Не будь гадким, Марк. Нам совершенно необходимо это обсудить…

Спасения не было. Как только мы сели на скамью, я сложил руки на груди и уставился на густую траву у наших ног, но мать была слишком возбуждена, чтобы замечать такие мелочи.

– …Так что я написала Жилю письмо с подобающими случаю соболезнованиями и сказала…

У нее хватило бесцеремонности написать человеку, который только что потерял сына, и предложить, коль скоро теперь я остался его единственным родственником мужского пола (о Найджеле она, как всегда, забыла), оставить Пенмаррик мне по завещанию.

– Я подчеркнула, – сказала она, – что сохранить поместье в семье – дело чести.

Я лишился дара речи, а когда наконец собрался с мыслями, чтобы сказать ей, что об этом думаю, она с триумфом произнесла:

– Я знаю, о чем ты думаешь, но ты не прав! Ты считаешь, что Жиль был слишком оскорблен, чтобы ответить, не правда ли? Так нет! Я получила ответ через неделю, и в письме было все, о чем я могла мечтать.

– Не хочешь ли ты сказать…

– Да, – кивнула она. – Да. Жиль хочет тебя видеть. Мы приглашены в Пенмаррик.

Я опять лишился дара речи. Но вдруг вспомнил Пенмаррик, неоглядные пустоши северного Корнуолла, вершины гранитных утесов, стены из серого камня и прямоугольные церковные башни этой необычной и далекой земли. Я вспомнил тот дом с башенками и зубчатыми стенами, вздымающимися над утесами, сияющую мечту, которую я хотел превратить

в действительность, но, как мне казалось, недостижимую.

– Тебя это на самом деле так удивляет? – отрывисто спросила мать. – Но ведь голос крови не заглушишь!

Я ничего не сказал. Я думал о Пенмаррике.

– Марк, пожалуй, я должна с тобой кое-что обсудить. Мне не хотелось говорить об этом раньше, но теперь, когда борьба за Наследство вступила в решающую стадию и столь многое зависит от разговора с Жилем… – Она остановилась. – Марк, ты меня не слушаешь!

Я с трудом взял себя в руки.

– Извини.

– Видишь ли, я описала тебя Жилю. Я объяснила, что ты и выглядишь, и думаешь, и поступаешь, как Пенмар…

Это меня взбесило. Я слишком долго старался походить на отца, чтобы радоваться заявлению, что не похож на него. И прежде чем успел одуматься, сказал так резко, как только мог:

– Я настолько же Касталлак, насколько и Пенмар!

– Правда? – произнесла мать. – Хотелось бы мне верить в это так же, как ты.

Секунду ничего не происходило.

Я по-прежнему смотрел на нее. На ней было пышное фиолетовое платье, застегнутое у ворота бриллиантовой брошью, и некоторое время я ничего не видел, кроме этой броши. Я до сих пор ее помню. Закрываю глаза и вижу эти бриллианты, один к одному, словно ряд острых, блестящих хищных зубов, сияющих в лучах яркого полуденного солнца.

– Я не собиралась рассказывать это тебе, потому что не была абсолютно уверена, но, как видишь, я написала Жилю… – Она опять говорила, говорила быстро, не глядя на меня, и ее голос казался чужим и далеким голосом незнакомки, повествующей о вещах, которых я не хотел понимать. – …Несчастлива, когда была молода, и не хотела замуж, я лишь хотела вести хозяйство моего отца, хотела остаться в Пенмаррике… Отец пришел в ужас, сказал, что, если я не выйду замуж в течение года, он вычеркнет меня из завещания… поэтому я вышла за первого, кто попросил моей руки. И как же мы с твоим отцом могли быть счастливы в подобных обстоятельствах? Как? Я не любила его, отказывалась вести себя, как подобает жене… в конце концов, он предложил мне покинуть его дом. Моему отцу пришлось принять меня, потому что мне больше некуда было идти. Стояло лето. Там был Жиль. Цвели рододендроны, жаль, что ты этого не видел, они были так красивы, это было такое красивое лето… Я хотела аннулировать брак с Лоренсом и выйти замуж за Жиля, но отец был против.

Ему нравился Лоренс. Видишь ли, Пенмары по-прежнему считались выскочками, нуворишами, а Касталлаки из Гвика были такой старой и респектабельной семьей… Отец не мог одобрить мой новый брак: мы с Жилем состояли в родстве; к тому же насчет Жиля у моего отца были другие планы – наследница из Лонсестона. Даже в этом случае я бы отказалась повиноваться отцу, но Жиль… Неповиновение давалось ему с трудом. Когда все кончилось, я вернулась к Лоренсу в Гвик. Я хотела показать Жилю, что сумею отвернуться от человека, которого люблю, и жить с другим… Бог его знает, почему Лоренс меня принял. Думаю, он считал это своим долгом. Пять лет мы жили как муж с женой, пять беременностей: ты, Найджел, два выкидыша и… ты, конечно, не помнишь младенца, который умер вскоре после рождения. Потом наконец отец умер, и у меня появились средства, чтобы уехать в Лондон… Знаешь, после похорон отца я больше не видела Жиля. Шестнадцать лет… Он ни разу не приехал в Лондон, чтобы проследить за тем, как суды ведут его дела. Все делалось через поверенных. За исключением того раза на похоронах, когда он меня просто игнорировал, я не видела Жиля с тех пор, как уехала из Пенмаррика перед Рождеством шестьдесят восьмого года… За девять месяцев до твоего рождения.

Она умолкла. Прошло немало времени, прежде чем она произнесла более спокойным голосом:

– Поэтому, узнав, что Реймонд умер, и решив, что нужно написать Жилю, я неожиданно поняла, что если бы Жиль знал, если бы он припомнил… Видишь ли, я никому не говорила, потому что не была уверена. Но поскольку ты совсем не похож на Лоренса Касталлака…

Я поднялся.

– Но ведь ты в состоянии сообразить, Марк! Если Жиль подумает, что ты его сын, ему и в голову не придет сделать Харри своим наследником! Марк, я действовала в твоих интересах! Если ты когда-нибудь унаследуешь Пенмаррик…

– К черту Пенмаррик.

– Марк!

– И к черту тебя, – сказал я, тщательно выговаривая слова, и бросился бежать.

Я бежал через парк, мчался по ровным лужайкам, под деревьями, изнуренными летним зноем, мимо нянек с колясками и детей с обручами. Я бежал до тех пор, пока сердце не застучало у меня в груди, – и все-таки она не оставила меня в покое. Она догнала меня, и я, наконец остановившись, упал на оказавшуюся рядом скамейку в ожидании, что вот-вот разразится

неминуемая ссора.

– Марк! – Она села рядом, раскрасневшаяся, запыхавшаяся, но незамолкавшая. – Марк, пожалуйста! Выслушай меня! Я…

– Нет, – сказал я. – Нет. Теперь ты будешь слушать меня. Я достаточно тебя слушал. Я не поеду в Пенмаррик. Я не буду встречаться с Жилем Пенмаром. И я больше не хочу тебя видеть. Никогда в жизни.

Некоторое время мы пререкались. Она кричала, унижала, умоляла, уговаривала меня и даже плакала. И под конец пустила в ход аргумент, который заставил меня передумать.

– Марк, – произнесла она, проливая слезы отчаяния, – как же я смогу поселиться в Пенмаррике, если Жиль не сделает тебя своим наследником? Ты же знаешь, что моя заветнейшая мечта – провести там остаток своих дней! Если ты не хочешь там жить, не надо, но… пожалуйста, Марк, ради меня…

И тут я понял, что делать, с такой отчетливостью, словно это было написано на бумаге. Я ясно увидел, как отомщу. Когда она наконец остановилась, чтобы перевести дух, я произнес:

– Отлично, мама, я сделаю, как ты хочешь. Я сделаю это, вопреки своему желанию и здравому смыслу, но, если ты хочешь повидать Жиля, думаю, мне следует сопровождать тебя.

Она была вне себя от радости; слезы облегчения блестели у нее на глазах, но, если бы она догадывалась о моей мести, сомневаюсь, чтобы ее обрадовала столь трудно давшаяся гнусная победа.

2

Мне недоставало еще двух месяцев до двадцати одного года, когда я впервые перешагнул порог Пенмаррика. Он более не казался мне зачарованным замком, просто старым домом, перестроенным с псевдоготической топорностью моим дедушкой Марком Пенмаром. Холл был мрачен и грязен, слуги неряшливы, деревянные стенные панели подпорчены мышами. Нас провели в унылую гостиную, оклеенную темными обоями, с громоздкой мебелью и вытертым индийским ковром. Окна выходили на террасу, обращенную к морю, но терраса заросла сорняками, а уродливая пушка, давным-давно установленная на каменных плитах для украшения зубчатой стены, покрылась ржавчиной.

Дом напоминал заброшенную могилу и был безутешной эпитафией упадку.

– Он совсем не такой, каким я его запомнила, – сказала мать и крепко сжала губы. – Неужели у Жиля кончились деньги? Не может этого быть! Как же он мог довести это место до такого состояния? Жиль был такой веселый, такой утонченный! Думаю, он произведет на тебя впечатление, Марк. Он высокий, с чудесной улыбкой и великолепными манерами. Он красив.

Но люди меняются. Когда дверь наконец отворилась, я понял, почему Жиль Пенмар ни разу не съездил в Лондон, чтобы лично защищать свои интересы, и с такой суровостью похоронил себя в Пенмаррике. Медсестра вкатила кресло: в нем сидел инвалид – ссохшийся, сгорбленный, с изрезанным морщинами лицом и безжизненными глазами. Впервые в жизни я видел человека, столь близкого к смерти и все же на удивление живого.

Когда медсестра ушла, я ждал, что мать заговорит, но она не смогла. Повисло долгое молчание. Жиль смотрел на нее, не на меня. Вряд ли он даже заметил присутствие другого человека. Темными, усталыми глазами он смотрел только на нее и после долгой паузы медленно произнес:

– Как хорошо ты выглядишь, Мод. – Он словно был до известной степени удивлен ее очевидным здоровьем и непоблекшей красотой.

– Жиль, – вздохнула мать. Больше она ничего не сказала. Только смотрела на него, но вскоре я увидел, что взгляд ее переместился на потрепанную мебель, окутанную пеленой заброшенности.

– Я потерял интерес, – объяснил Жиль. – Я потерял интерес уже давно, когда начал болеть. Я продолжал бороться ради Реймонда, а теперь, когда он мертв, мне все безразлично.

– Да, – сказала моя мать. Казалось, она не могла говорить. Она повернулась, словно не в силах больше на него смотреть, и увидела меня, стоящего в тени. – Марк.

Я сделал шаг вперед. Человек в инвалидной коляске равнодушно взглянул на меня.

– Жиль, это Марк.

Он не произнес ни слова.

– Как поживаете, сэр? – деревянным голосом спросил я.

Он продолжал хранить молчание. Все его силы были сосредоточены во взгляде на меня, и хотя я приготовился услышать, что похож на Пенмаров, он этого не сказал.

– Я слышал, – в конце концов произнес он вежливо, но в голосе его звучал металл, – что вы талантливый историк. Позвольте мне поздравить вас с этим.

– Я… благодарю вас, сэр.

– Ваш отец достаточно известный историк, верно? Как он, должно быть, рад, что сын следует по его стопам, не правда ли, Мод?

Мать стала пунцовой. Я никогда раньше не видел ее смущения. А я-то всегда считал, что ее невозможно вывести из равновесия.

– Вашего отца я не видел много лет, – сказал мне Жиль, – но хорошо его помню. Он был одним из немногих честных джентльменов, которые переступали порог этого дома. Прекрасный человек. Мне было приятно узнать, что свои вкусы и интеллектуальные предпочтения вы унаследовали от него, а не от семьи вашей матери. Я бы не оставил мою собственность человеку, который унаследовал худшие черты Пенмаров.

У моей матери даже шея покрылась уродливыми красными пятнами. Я и не предполагал, что она может долго молчать.

– Ну, Мод, – холодно обратился он к ней, – поскольку я быстро устаю, давай сразу перейдем к делу. Мое состояние уменьшилось из-за огромных издержек на судебные расходы, но оно все еще внушительно. Я предполагаю треть оставить своим приемным детям, Харри и Клариссе, и две трети твоему сыну. Эти две трети включают дом. Я не вижу причин оставлять ему больше, поскольку в свое время он унаследует твои деньги и состояние своего отца, так что и две трети – слишком щедрая сумма. Я принял такое решение только потому, что мы с Харри в настоящий момент не ладим и я не хочу оставлять ему и пенса. Полагаю, что это тебя устраивает.

– Да, сэр, – сказал я, поскольку моя мать все еще не могла говорить. – Благодарю вас.

Он посмотрел на меня.

– Я бы пригласил вас остаться погостить в доме, чтобы вы могли освоиться здесь, – сказал он, – но, боюсь, вы столкнетесь с неприязнью со стороны Харри и Клариссы и вскоре захотите уехать. Разумеется, вы им очень не нравитесь. Жаль, что я их усыновил, но они были сиротами, а моя жена настаивала, поэтому я согласился. Клариссу я люблю, но Харри всегда был и остается для меня большим испытанием. – Он потянулся к звонку, но был для этого слишком слаб. – Позвони вместо меня, пожалуйста… Спасибо. Мод, прежде чем я вернусь к себе в комнату, не хочешь ли ты сказать мне что-нибудь еще?

Но она покачала головой.

– Значит, договорились, – проговорил он слабым голосом. – Я вызову юристов и составлю новое завещание. Как только оно будет готово, я распоряжусь послать тебе копию, чтобы ты убедилась, что теперь я держу

свое слово немного лучше, чем двадцать два года назад.

В глазах ее заблестели слезы. Она вдруг постарела, охваченная горем, слишком сильным, чтобы его можно было скрыть.

– Жиль…

– Ты была права, – сказал он. – Мне следовало жениться на тебе. Но я был слаб и жаден, я хотел угодить твоему отцу, чтобы унаследовать его деньги и жить в его доме. У тебя были все основания преследовать меня судебными исками, самые веские основания, какие могут быть у женщины. Ведь ты делала это не из любви к справедливости, правда, Мод? И не из любви к правде, и не во имя чести или какого-нибудь другого возвышенного принципа, правда? Это была месть. Ты об этом когда-нибудь говорила своим юристам? Или твоему любимому братцу Роберту Йорку? Или сыну? Конечно нет! Тебе нравилось притворяться благородной, долготерпеливой, ведомой высокими принципами, но никак не разочарованной влюбленной женщиной, вечно думающей о грязной измене! Ну ничего. В конце концов ты выиграла. Как ты теперь себя чувствуешь, Мод? Ты понимаешь, что несправедливость побеждена справедливостью? Чувствуешь? Можешь признаться себе, что твоя позиция не имеет ничего общего со справедливостью и была лишь неутоленной жаждой на удивление мелочной мести?

– О Жиль, Жиль…

– Напоследок, чтобы обеспечить себе победу, ты даже объявила своего сына незаконнорожденным, не так ли? Ты специально извратила истину, чтобы добиться своей цели.

– Нет! Я никогда не лгу!

– Ты всю жизнь прожила во лжи, Мод. Почти семнадцать лет, с тех пор как умер твой отец и ты начала тяжбу, ты жила во лжи. Так что не трудись убеждать меня в своей правдивости.

– Но Марк твой сын! Я уверена… убеждена…

– Как ты можешь быть уверена или убеждена, если у тебя нет доказательств?

– Но…

– Правда состоит в том, что ты не знаешь, кто его отец. Так почему бы не извратить правду, притворяясь уверенной в том, в чем ты сама сомневаешься?

– Но, Жиль, я думала, что если скажу тебе…

– В самом деле, почему бы тебе и не сказать мне об этом, если ты ничего не теряешь? Да. Я понимаю, почему ты мне это сказала. Но зачем говорить мальчику? Я сразу понял, что ты это сделала. Это было жестоко и

грешно, Мод. Ты не имеешь права использовать сына для своей личной мести.

Раздался стук в дверь, и в комнату вошла медсестра.

– Вы звонили, мистер Пенмар?

– Да. Увезите меня в комнату. И передайте, чтобы Медлин проводил гостей.

– Жиль…

– Не о чем больше говорить, Мод. Я на тебя не сержусь. Мне просто больше нечего сказать. До свидания, молодой человек. Желаю вам всего хорошего и сожалею, что у меня не было возможности узнать вас получше.

– Спасибо, сэр, – сказал я. – До свидания.

– До свидания, Мод.

Но моя мать не могла отвечать. Когда шорох колес коляски затих вдали в холле, она закрыла лицо руками и опустилась на ближайший стул.

Я притворил дверь. Мы остались одни.

Наконец она сказала, не глядя на меня:

– Я должна вести себя разумно. Конечно, я расстроена, Жиль болен, он явно умирает, дом… не такой, каким я его помню. Но… – Она поколебалась, прежде чем добавить со своей извечной высокомерной решительностью: – Но мы ведь можем переделать дом, не правда ли? Скромный ремонт, небольшая отделка, новая мебель… Он скоро станет таким же замечательным, каким был при моем отце. Я буду жить в башенной комнате, той самой замечательной башенной комнате, что выходит окнами на море…

Наступило время моей мести. Неподвижно стоя на вытертом индийском ковре, я посмотрел ей прямо в глаза и отчеканил:

– Нет, мама.

Она посмотрела на меня. Она ничего не понимала.

– Но ведь я, по крайней мере, могу выбрать себе комнату. Я настаиваю, Марк, что когда я буду здесь жить…

– Ты не будешь здесь жить, мама.

Она продолжала смотреть на меня. Когда я понял по ее глазам, что она начала осознавать всю невообразимость моей мести, то даже удивился, почему в эту минуту триумфа не чувствую удовлетворения, только неясную пустоту.

– Ты всегда говорила, что хочешь, чтобы дом достался мне, – вдруг сказал я, и голос мой был так спокоен, словно я и не любил, и не ненавидел ее, просто был безразличен к ее присутствию в этом темном, мрачном доме. – Скоро я его получу, и мечта всей твоей жизни исполнится. Но если

ты думаешь, что мы сможем жить под одной крышей, боюсь, ты сильно ошибаешься. Я буду сам себе хозяин, но никогда – слабым отражением твоих желаний, как бедный кузен Роберт. Я и так слишком долго был у тебя на побегушках.

Она была так зла, что не могла говорить, а лишь дрожала от ярости. Потом вдруг начала, всхлипывая, умолять меня:

– Марк, пожалуйста… Я не вынесу… Пожалуйста… Я тебя люблю… Позволь мне остаться… Не отвергай меня…

И неожиданно мне захотелось, чтобы она осталась, захотелось ее благодарности, ее гордости за меня, ее любви. Я боялся открыть рот из страха, что выдам, насколько близок был к этой глупой и сентиментальной перемене. Но я заговорил. Я сказал так, чтобы она испробовала плодов своей собственной черствости:

– Я так решил, и ничто не изменит моего решения. Мне очень жаль.

Она начала кричать на меня, но мне было все равно. Я просто предложил ей покинуть дом без промедления и, когда мы добрались до экипажа, велел кучеру ехать в Пензанс через Морву.

– Морву? – сказала мать. – Морву? Зачем нам Морва?

– Туда приехал мой отец, чтобы проинспектировать свои владения, и я собираюсь погостить у него несколько дней. Роберт позаботится о тебе, когда ты приедешь в Пензанс. Мне незачем сопровождать тебя до Лондона.

– Но…

– Я хочу повидать отца.

– Но почему именно сейчас? – Она была в ярости и в отчаянии одновременно. – Мне ты нужен больше, чем ему!

– Может быть, – сказал я, – но он мне нужен больше, чем ты.

Она не ответила. Может быть, она наконец поняла, что ей нечего мне сказать. Она плакала всю дорогу до Морвы, а когда экипаж остановился у церквушки в небольшой деревушке, гордость вернулась к ней, и когда я попытался поцеловать ее на прощание, она отвернулась.

– Я зайду к тебе, когда в следующий раз приеду в Лондон, мама, – сказал я после минутного колебания. – Счастливого пути!

– Не утруждай себя визитами, – ледяным тоном вымолвила она, потом вдруг опять заплакала, прижалась ко мне и стала умолять остаться, потому что, в конце концов, я ее сын, ведь правда же, и всем ей обязан.

– Я не единственный твой сын, – сказал я. – Есть еще Найджел.

– Да, – равнодушно подтвердила она. – Найджел. Я сильно болела после его рождения. Чуть не умерла. Боюсь, я никогда его особенно не любила.

– Он бы приехал к тебе, если бы ты его пригласила. – Я выпрыгнул из экипажа и велел кучеру ехать дальше. – До свидания, мама.

Она не ответила. Экипаж медленно покатился прочь по дороге, бегущей через пустошь на юг, и я смотрел ему вслед, пока он не въехал на горный кряж и не исчез из виду. Потом, все еще чувствуя себя опустошенным после сцены в Пенмаррике, я спросил дорогу у проходившего мимо ремесленника и уже через пять минут быстрым шагом шел по дороге к ферме Деверол.

3

Я был шокирован, увидев, какой дом избрал себе отец в качестве летней резиденции. Я знал, что это была ферма, но думал, что «ферма» – это просто устаревшее название, а дом на самом деле представляет собой небольшой деревенский особняк, на худой конец, с маленькой фермой, снабжающей его простейшими съестными припасами, поблизости. Поэтому, сойдя с дороги на Пензанс и свернув на тропу, ведущую к постройкам из серого камня в четверти мили от меня, я решил, что они скрывают из виду особняк. Открытие, которое мне предстояло совершить, я сделал, лишь добравшись до места.

Особняка не было.

Не было даже фермы, поскольку ее постройками никто не пользовался, а амбар нуждался в ремонте. Все поместье состояло из старого фермерского дома, квадратного в плане, где не могло быть более десяти комнат. Я внимательно осмотрел дом на предмет труб, которые могли бы свидетельствовать об элементарных удобствах, но их не было. Поблизости стояла лишь бочка для сбора дождевой воды из водосточных желобов, и все. Пройдя по заросшей сорняками садовой тропинке сбоку от дома, я добрался до парадного входа и, с трудом веря, что мой отец мог избрать для жилья такое место, постучал в дверь.

Меня впустила седовласая корнуоллка, одетая бедно, но прилично. Она провела меня в гостиную, грязную комнату с простой мебелью, которой, казалось, никогда не пользовались. Я начал подозревать, что отец сошел с ума. Я вспомнил об особняке Гвикеллис, старом и красивом, о его облагороженном годами фасаде, о холле с великолепными сводами, о низко лежащем саде, все еще дающем знать, что он разбит на месте средневекового рва. Подумал о лесах, простирающихся от лугов до устья реки, о мире и покое деревни южного Корнуолла. Отец был неотделимой

его частью, и я совершенно не мог представить, что он может жить где-либо еще, а менее всего на этой дикой земле Корнуолльского Оловянного Берега, на скромной ферме, в каких ютятся работяги. Я уже подумывал, не спросить ли мне прямо о причинах, заставивших его жить здесь, когда дверь открылась и он вошел в комнату.

– Марк! – воскликнул он. – Какой приятный сюрприз! Как ты, дружище? – И он обнял меня. Должно быть, он был удивлен, когда почувствовал, что я не хочу его отпускать, когда он попытался высвободиться, но улыбнулся, потрепал по плечу и сказал мягко: – Пойдем в кабинет, и я попрошу экономку, миссис Мэннак, принести нам чай.

Я смотрел на него, на родное лицо, которое я так хорошо знал и любил, и вдруг увидел его глазами чужого человека: его честные голубые глаза, тонкие губы и прекрасный абрис лица, его худую, невероятно высокую фигуру, каштановые седеющие, поредевшие волосы и руки ученого с длинными пальцами. Я вспомнил быстрые, несвязные слова моей матери в лондонском парке, и хотя печаль сжала мне сердце тисками, голос мой остался ровным и спокойным:

– Странно видеть этот убогий дом, сэр! Я и не думал, что здешние владения столь скромны. Вероятно, тяжело находиться тут и не скучать по особняку Гвикеллис?

– Я понимаю твое удивление…

Отец повел меня в кабинет. Я прошел вслед за ним и увидел его любимые книги, чернильницу, любимую трубку; номер «Таймс» валялся на подоконнике, а за окном открывался захватывающий вид на Карн-Кениджек и море.

– Смена ландшафта помогает мне писать, – заговорил он извиняющимся тоном, словно понимал, что его решение поселиться на ферме было эксцентричным, но в следующую секунду в его голосе зазвучал энтузиазм: – А какой здесь ландшафт! Я заворожен видом на пустоши, простирающиеся до самого моря по одну сторону, и на пустоши, простирающиеся до гор по другую: сама уродливость шахт только подчеркивает суровую красоту приходов… Да, миссис Мэннак, будьте добры, мы выпьем чаю и попробуем того великолепного печенья, которое вы обычно подаете к вину, если оно еще осталось… Садись, Марк… На чем я остановился? Ах да, приходы. С исторической точки зрения это чрезвычайно интересное место. За домом, на гребне горы, на холме стоит древний форт, построенный, я думаю, по крайней мере двести лет назад, он называется замок Чун. «Чун» происходит от корнуолльского «chy-an-woon», что означает «дом на холме», а рядом расположен дольмен[2] с тем

же названием…

И только когда экономка принесла нам чай, он спросил, как я оказался в Корнуолле, в то время как мне следовало отдыхать в Лондоне после тяжких трудов в Оксфорде.

– Я ездил в Пенмаррик с матерью, – сообщил я.

– Понимаю. – Он посмотрел в сторону. – Позволь мне показать тебе открытку, которую я получил сегодня утром от Найджела из Флоренции…

– Папа…

– Да?

– Я ездил в Пенмаррик, потому что Жиль Пенмар захотел меня видеть. Теперь, когда его единственный сын умер, он решил сделать меня своим наследником. Когда он умрет, Пенмаррик станет моим.

Повисло молчание. Отец не произнес ни слова, но я видел, что руки его, набивающие табаком трубку, дрожат. Я сказал неуверенно:

– Я откажусь от него, если ты хочешь. Твои желания для меня важнее, чем желания матери.

– Дорогой Марк, не делай глупостей, – сразу сказал он. – Конечно, ты должен принять Пенмаррик. У тебя есть все права на наследство со стороны матери, и если я всегда находил затруднительным говорить с тобой о ней или о ее наследстве, то только потому, что мне было больно вспоминать о женщине, которая принесла мне столько горя, противно вспоминать о ее отвратительных ссорах с Жилем Пенмаром. И еще я чувствовал себя виноватым за то, что не выполнял свой отцовский долг, позволяя тебе видеться с ней и принимать участие в ее интригах. Но что я мог поделать? Нужно быть очень жестоким, чтобы не давать сыну видеться с матерью. Помимо прочего, я боялся, что Мод будет устраивать безобразные сцены, если я не разрешу ей видеться с тобой, а этого я не хотел больше всего на свете. – Он рассеянно положил трубку на стол и посмотрел в окно. – Если же теперь конфликт твоей матери с Жилем закончился, думаю, мне следует радоваться и за нее, и за тебя. Проблема наконец разрешилась. Пенмаррик будет прекрасным наследством.

Наступила пауза. Он снова взял трубку.

– Мне это тоже помогает принять решение, – сказал он наконец, и в его голосе я услышал облегчение. – Теперь, когда ты так хорошо обеспечен, я без всяких угрызений совести смогу оставить Гвикеллис Найджелу.

Я вскочил на ноги раньше, чем успел понять, что происходит. Я увидел испуганное лицо отца, кажется, он что-то сказал, но я ничего не слышал, потому что начал кричать на него резким голосом, который совсем не был похож на мой собственный. Я кричал, что Гвикеллис мой, мой, мой, потому

что я старший сын… как он смеет отдавать его Найджелу, как он смеет любить Найджела больше, чем меня, как он смеет относиться ко мне так, словно…

Неожиданно крики закончились. Меня охватила паника, мне показалось, что я задыхаюсь. Я начал отступать к двери.

– Марк, – сказал отец, очень расстроенный, – Марк, остановись, пожалуйста. Ты забываешься.

Я дошел до двери. Пальцы вслепую нащупывали ручку.

– Мать пыталась настроить тебя против меня, – догадался он. – Что она сказала? Лучше расскажи сразу.

Я был уже в узком холле, потом, спотыкаясь, пошел по лестнице к входной двери.

– Марк…

Но я убежал. Я не мог ни говорить, ни слышать, ни видеть и только потом сообразил, что нахожусь на улице, потому что свежий воздух овеял пересохшее горло, а легкое прикосновение морского ветерка пробежало по разгоряченным щекам и горящим глазам. Я сорвался с места. Вереск, жесткий и корявый, цеплялся за мои брюки и царапал обувь. Я несся по пустоши, по безлюдной, молчаливой пустоши и не чувствовал ничего, кроме своего прерывистого дыхания и безумного желания бежать, пока не оставят силы. Я спотыкался о камни гряды, ползком спускался по холму в долину Зиллана; там-то, на церковной паперти, я впервые увидел Джанну Рослин и решил, что, несмотря на все случившееся, отложу отъезд в Лондон и останусь в Корнуолле.

Глава 3

Принц Джеффри считал, что после его смерти Генрих должен будет удовлетвориться Английским королевством, если сможет его получить, а родовые поместья семейства Ангевин должны будут перейти ко второму из его сыновей.

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

Генрих был еще молодым человеком, одиннадцатью годами моложе Элеанор…

Джон Т. Эпплбай.

Генрих II

1

Когда Джанна Рослин покинула церковный двор, я проводил ее взглядом, пока она не скрылась из виду, и медленно прошел к могиле, где горели на бестрепетной траве алые розы.

«Здесь покоится Джон-Хенри Рослин, – гласила надпись на надгробном камне, – который почил мая 15-го дня 1890 года в возрасте 66 лет. Здесь также покоится его жена Ребекка-Мэри, почившая апреля 12-го дня в возрасте 58 лет. Упокой, Господи, их души. Этот камень воздвигнут в их память преданными их сыновьями Джаредом-Джоном Рослином и Джонасом-Хенри Рослином в 1890 году от Рождества Христова».

Я все еще смотрел на надпись, пытаясь определить, с кем из усопших состоит в родстве женщина, принесшая цветы на могилу, когда звучный голос произнес за моей спиной:

– Ну вот, миссис Рослин опять принесла красивые цветы! Хорошо, что у нее на ферме их так много.

Я обернулся и оказался лицом к лицу с приходским священником Зиллана. Это был худощавый человек лет за сорок с преждевременно

поседевшими волосами и странными темными глазами. Я пишу «странными», потому что видел такие единственный раз – на представлении варьете в Лондоне; человек с такими же странными глазами читал мысли зрителей и безошибочно записывал их на доске под аккомпанемент восторженных аплодисментов публики. Я подумал с тревогой, что пастырь, который обладает телепатическими способностями, должно быть, очень смущает свою паству. Можно признаться в таких грехах, о которых и не желаешь говорить.

– Добрый день, – учтиво ответил он на мое неловкое приветствие. – Добро пожаловать в Зиллан. У нас очень редко бывают гости из Англии. Или вы все-таки корнуоллец? Вы выглядите как местный… Позвольте мне представиться. Меня зовут Эдвард Барнуэлл, и я, как вы, конечно, догадались по-моему одеянию, священник этого прихода.

Когда я назвал свое имя, он, казалось, был испуган, но тут же объяснил, что хорошо знает моего отца: когда-то давно они вместе ходили в школу. А поселившись на ферме Деверол, отец стал посещать зилланскую церковь. Еще я узнал, что отец обедал в доме у священника с мистером Барнуэллом и его семьей каждое воскресенье после заутрени, а потом возвращался на двуколке через пустошь в свое уединенное пристанище в Морве.

– Если вы погостите у отца несколько дней, – говорил мистер Барнуэлл, – надеюсь, вы придете вместе с ним к нам на завтрак в следующее воскресенье. Моя жена будет очень рада вас видеть, а моя дочь Мириам обрадуется новому лицу. Ведь мы здесь, в Зиллане, так изолированы от мира… Мириам уже восемнадцать лет, и она очень мила, хотя я, понятно, пристрастный судья. Ну что ж, не смею вас более задерживать. Кланяйтесь от меня отцу. И надеюсь вас вскоре снова увидеть.

– Да, сэр. Благодарю вас, – сказал я вежливо и не удержался от вопроса: – Сэр, вы как будто сказали, что эти цветы принесла некая миссис Рослин? Она приходится женой одному из сыновей усопших?

Он посмотрел на меня, его странные глаза не выдавали никаких чувств, и в тот момент, когда я уже начал проклинать себя за этот вопрос, ответил непринужденно, словно мы обсуждали погоду:

– Нет, миссис Рослин была второй женой Джона-Хенри Рослина, который умер в мае, и мачехой его сыновей. Она до сих пор живет на ферме Рослин, на пустоши по дороге в Чун. А вы уже побывали в замке Чун? Моя жена говорит, что это просто груда старых камней, которая вряд ли заслуживает визита, но вам, я думаю, будет интересно, если вы разделяете приверженность своего отца к истории.

– Надо будет осмотреть этот замок на обратном пути в Морву, – торопливо сказал я и наконец избавился от него, но его темные глаза следили за мной, пока я шел по улице, в точности так же, как мои недавно следили за миссис Рослин.

Вернувшись на ферму Деверол, я немедленно отправился к отцу в кабинет и извинился.

– Я прихожу к выводу, что такое несвойственное мне поведение стало следствием разговора с Жилем Пенмаром, – добавил я спокойно, не выдавая своих чувств. – Боюсь, что вел себя глупо.

– Я понимаю, – тотчас откликнулся он. – Не будем больше об этом говорить. – Но ему все же было очень неловко.

– Конечно же, Найджел должен получить Гвикеллис, если я получу Пенмаррик, – сказал я. – Теперь я понимаю, это будет справедливо. Пожалуйста, прости мне мои слова.

– Да… конечно. – Но он выглядел при этом еще более несчастным, чем когда бы то ни было.

Чтобы сменить тему разговора, прежде чем отец начнет задавать мне вопросы о матери, я быстро произнес:

– Я не помешаю тебе, если задержусь на ферме Деверол? Я думаю писать диссертацию об Иоанне Безземельном… Раз уж здешняя атмосфера так располагает к работе…

– Конечно! – подхватил он, ухватившись за возможность примирения. – Оставайся сколько хочешь! Диссертация об Иоанне Безземельном? Но что привлекает тебя в таком неприятном субъекте? Разумеется, из всех Плантагенетов… Но это можно обсудить позже, на досуге. Я велю миссис Мэннак приготовить для тебя одну из свободных комнат.

– Мне бы не хотелось мешать твоей работе…

– Ты и не помешаешь, напротив, мне будет полезно общество близкого по духу человека после многих месяцев отшельнической жизни… Я больше люблю работать по утрам, а два-три раза в неделю днем предпринимаю одинокие прогулки по утесам, но все равно у нас будет масса времени для общения.

– Местность и в самом деле примечательная… – Я заговорил о своей прогулке в Зиллан и о знакомстве с мистером Барнуэллом. Я был настолько занят собой, так уверен, что полностью себя контролирую, что сам удивился, когда вдруг спросил: – Папа, ты знаешь кого-нибудь из прихожан Зиллана?

– Ну, разве что внешне, – неуверенно ответил он. – Я же каждую

неделю хожу на заутрени и к их лицам присмотрелся. Но там нет никого из нашего круга, кроме самого мистера Барнуэлла. Единственный владелец более-менее приличного куска земли в приходе Зиллан – это старый холостяк по имени Мередит, но он страдает артритом и не в силах выбираться из дому на заутреню, и я его еще не видел.

– Понимаю. – Я уже не мог остановиться. – Я хотел спросить, не знаешь ли ты некую миссис Рослин, очень красивую женщину лет тридцати или чуть моложе. – Он посмотрел на меня с крайним удивлением, а я бойко продолжал: – Я видел ее сегодня днем, приходский священник назвал ее имя. Я подумал: может быть, вы с ней знакомы.

– Наверное, я ее видел. – Он слегка улыбнулся. – Но ведь женщина «лет тридцати или чуть моложе» несколько старовата для юноши твоих лет?

– Меня просто поразила ее внешность, – пробормотал я и стал придумывать подходящий предлог, чтобы уйти, но отец заговорил прежде, чем я изыскал такую возможность.

– Смущаться ни к чему, – мягко сказал он, тронутый тем, что принял за наивное восхищение. – Я понимаю, что ты достиг того возраста, когда противоположный пол начинает привлекать. Может быть, раз мы уж заговорили об этом, мне следует сказать…

Долгожданный разговор о предмете, неотъемлемом в частной жизни джентльмена. Мне захотелось оказаться в Лондоне, за триста миль отсюда.

– …Как я был счастлив, – говорил он, – что ты хорошо себя вел в Оксфорде. Разумеется, я был уверен, что ты всегда будешь на высоте, но ты был молод и обладал свободой, к которой не привык, а я знаю, что молодому человеку в подобных обстоятельствах нелегко бывает придерживаться безупречных норм…

Я подумал обо всех женщинах, которых знал в Оксфорде, о женщинах из низшего класса, которые были готовы угодить молодому джентльмену в удовлетворении его не слишком скромных желаний, о женщинах, которые составляли столь тайную часть моей жизни, что даже ближайшие друзья не подозревали об их существовании. Стыд захлестнул меня горячей волной; я почувствовал, как у меня от чувства вины зарделись щеки.

– …Но я знал, что ты оправдаешь мое доверие, – заключил отец и тактично отвернулся, чтобы не видеть того, что он, вероятно, принял за краску невинности.

В ту ночь я спал плохо. Я то и дело просыпался и давал клятву, что незамедлительно начну новую жизнь, но, когда наконец наступило утро, мог думать только о миссис Рослин; позавтракав пораньше, я вышел из

дому и отправился на прогулку по пустоши в сторону ее фермы.

2

Замок Чун, без сомнения, представлял значительный интерес с археологической точки зрения, но в то утро мой ум занимала совсем не археология, поэтому я не стал задерживаться у двойного кольца старых стен на вершине гряды – просто полюбовался великолепным видом на море к югу от Пензанса и к северу от утесов Морвы, а потом спустился в долину прихода Зиллан. Вскоре я увидел фермы; две стояли прямо у гряды, на которой располагался замок Чун: одна – изрядных размеров с разнообразными постройками и другая – просто коттедж с маленьким амбаром. Я решил, что покойный мистер Джон-Хенри Рослин жил на ферме и сдавал коттедж арендаторам, если земля вообще принадлежала ему. В Зиллане Пенмары владели многими землями, поэтому вполне могло статься, что Рослин сам был арендатором, а не йоменом[3] с собственной землей.

Я подошел поближе к дому. Это старое, старше, чем уродливый дом моего отца в Морве, строение, хотя и построенное из обычного для Корнуолла темного камня, было облагорожено временем и напомнило мне о доме в Гвике. Вокруг крыльца росли кусты шиповника и жимолости. Перед домом был разбит палисадник, и кем-то, скорее всего хозяйкой, в нем поддерживался порядок и выращивались ароматические травы. Я почувствовал благоухание тимьяна и лаванды и секунду постоял у ворот, наслаждаясь смешивающимися запахами и покоем старого каменного дома. Когда я вошел во двор, запах навоза резко перебил ароматы садика, и я брезгливо сморщил нос, пробираясь между копавшимися в грязи курами к задней двери.

Она была приоткрыта. Я уже начал гадать, почему тут так тихо и пусто, когда услышал голос, грубый голос, который неприятно разрезал утреннюю тишину.

– Лживая сука! – произнес мужчина с безобразным акцентом необразованного корнуолльца. – Будь проклят тот день, когда отец привез тебя из Сент-Ивса!

Я прирос к месту. Раздался холодный женский голос, и сердце мое замерло.

– Это вашему отцу надо было проклинать тот день, когда он вас зачал. – В тоне женщины отчетливо слышалась нотка презрения. Голос был

низкий, самоуверенный, с легким корнуолльским акцентом. – Хороши сыновья! Вам некого винить, кроме самих себя, в том, что вы не унаследовали ферму.

– Ты в этом виновата! – закричал второй мужчина. – Если бы не ты…

– Попридержи язык, Джосс, – мрачно сказал первый. – Послушай меня, Джанна. Не знаю, как ты добываешь деньги, чтобы содержать дом, и, честно признаться, мне все равно. Но я тебе в последний раз предлагаю продать мне дом и землю. Это хорошая сделка за хорошие деньги – так что хорошенько подумай, прежде чем отказываться. Мне нужен дом, и я его получу. Если ты не отдашь его мне законным порядком, клянусь, я выживу тебя отсюда любым способом, и ты еще пожалеешь о том дне, когда решила перейти дорожку Джареду Рослину.

Я быстро и бесшумно пересек двор и, как только мужчина замолчал, широко распахнул заднюю дверь и ясным голосом сказал с порога:

– Ну-ну, поосторожней, мистер Рослин. Вымогательство карается законом. Уверен, вам не понравится, если вас вызовут в суд и упекут на несколько лет.

В комнате повисло молчание, а я тем временем переступил через порог и вошел в большую кухню.

Она стояла спиной к окну, освещенная солнцем сзади, поэтому я не видел выражения ее лица. Она не двигалась. У плиты застыл невысокий, но крепко сбитый молодой человек примерно моего возраста, который, как я решил, был младшим братом Джоссом, а поближе ко мне, у двери, стоял смуглый мускулистый фермер с жестким взглядом и плотно сжатым ртом, лет около тридцати.

Я, двадцатилетний мальчишка, посмотрел в глаза мужчине, который был старше меня лет на десять, оценивающе, как смотрят на соперника на ринге. А потом, смерив его взглядом, воздвиг между нами огромный классовый барьер, мое единственное оружие, и приготовился использовать его, чтобы уничтожить этого человека.

– Я не знаю вас, сэр, – сказал я с заученной дерзостью, которой поднабрался у титулованных молодых аристократов в Итоне. – Да и не хочу знать. Я не привык знакомиться с мужланами, которые оскорбляют вдову, носящую траур, и злоупотребляют гостеприимством в ее частном владении, чтобы угрожать ей и причинять неприятности. Жиль Пенмар, который, я думаю, вам известен, мой двоюродный брат, а Харри Пенмар – мой личный друг. Если вы не хотите серьезных неприятностей, я бы посоветовал вам и вашему брату немедленно убираться из этих владений, где вам, как я полагаю, и нет резона находиться, а если я услышу, что вы опять надоедали

миссис Рослин, то, как вы сами удивительно нагло высказались, «вы еще пожалеете о том дне», когда не послушались моего совета.

Мужчина побагровел и заговорил, только когда смог совладать с голосом:

– Везет тебе на дружков, Джанна.

Лицо женщины по-прежнему было в тени. Она молчала. Через секунду Рослин знаком велел брату уходить и сам прошел мимо меня во двор.

Я вошел в кухню, затворил дверь, и Джанна оказалась передо мной. Секунду мы стояли в дюйме друг от друга. Я в первый раз видел ее без вуали и только сейчас понял, какие светлые у нее волосы. Я запомнил ее голубые, окаймленные темными ресницами глаза и белую кожу, но не цвет волос. Он был золотистый, глубокого, чистого золотого цвета, насыщенного и возбуждающего. Я инстинктивно понял, что они длинны, густы, гладки и тяжелы на ощупь.

– Спасибо, сэр, – холодно произнесла она без всякого оттенка благодарности. – Вы были очень добры, избавив меня от такой неловкой сцены. Могу я иметь честь узнать, к кому обращаюсь?

Я обратил внимание, что, как только она заговорила со мной, ее речь улучшилась, и меня удивили ее манеры. Корнуолльский акцент по-прежнему был заметен, но в ее облике вдруг появился странный налет образованности и достоинства, неожиданный в женщине ее положения. Я попытался понять, к какому слою общества она принадлежит, но не смог.

– Меня зовут Касталлак, – медленно произнес я. – Марк Касталлак. Я из Гвика, что рядом с Хелстоном.

Она чуть помедлила, прежде чем сказать:

– Касталлак? Между Маусхолом и Ламорной есть деревня с таким названием… Итак, приветствую вас, мистер Касталлак. Могу ли я предложить вам рюмку бузинной настойки?

– Это было бы восхитительно, миссис Рослин. Спасибо. Я шел в Зиллан из дома моего отца в Морве и каким-то образом заблудился. Решил спросить дорогу на вашей ферме… – Ложь легко слетала у меня с языка, пока я следовал за ней из кухни по коридору в переднюю часть дома. Она была высока для женщины, но стройна и очень грациозна. Следуя за ней по лестнице и через холл, я заметил, как туго простое черное изношенное платье облегало ее талию, как юбка складками прилегала к бедрам. В передней части дома она открыла дверь и провела меня в безупречно чистую гостиную. На каминной доске даже стояли цветы, что меня удивило, потому что я думал, что в рабочих семьях редко используют «передние комнаты». У окна, которое выходило на сад с травами и

пустошь, стоял маленький дубовый стол, и миссис Рослин попросила меня присесть возле него, пока она принесет вино.

Вернувшись, она села напротив меня. Я не удержался от того, чтобы не окинуть ее взглядом от талии до шеи: ее поношенное черное платье было застегнуто до самого ворота, тут я вспомнил о манерах и стал смотреть в окно, чтобы успокоиться.

– Вы надолго приехали в эти места Корнуолла, мистер Касталлак? – спросила она без всякого усилия, пока я пытался справиться с неожиданно накатившей на меня волной застенчивости. Я вдруг вспомнил о том, что слишком молод, не вышел ростом, не красавец, да и в кости широковат.

– Наверное, на несколько недель.

Я сделал над собой огромное усилие, чтобы побороть скованность. В конце концов, она была просто женщиной из рабочего класса, какую бы важность на себя ни напускала. Не было никаких оснований для такой парализующей застенчивости. Я глотнул домашнего вина и принялся объяснять, что только что закончил учебу в Оксфорде и решил навестить отца, который проводил лето на ферме Деверол. Вино, сильное, каким только и может быть домашнее вино, вскоре придало мне храбрости попросить ее рассказать о себе. Всегда ли она жила в Корнуолле? Всегда ли ее приемные сыновья преследовали ее в такой отвратительной манере? Тяжело ли ей живется после смерти мужа? Я узнал, что да, она всегда жила в Корнуолле и даже никогда не была восточнее Теймара, что ее приемные сыновья, с тех пор как умер муж, не испытывают к ней ничего, кроме злобы, но она их не боится, потому что они не могут выгнать ее из дому. Она довольно хорошо справляется с хозяйством; после смерти мужа ей пришлось работать больше, но у нее есть подмога: молодая служанка Энни, слабоумная, но очень послушная, к тому же Гризельда всегда при ней.

– Гризельда? – переспросил я.

– Гризельда приехала со мной из Сент-Ивса, когда я вышла замуж, – пояснила миссис Рослин, и изменившийся тон ее голоса дал мне понять, что ей не хочется продолжать разговор на эту тему.

– Я слышал, что Сент-Ивс очень живописный городок, – сказал я после небольшой паузы. – Я давно хочу туда съездить.

Она улыбнулась, но ничего не ответила, и я понял, что неприятной темой была не безвестная Гризельда, а город, в котором она жила до замужества.

– У меня там живут друзья, – быстро продолжил я. – Сент-Энедоки. По крайней мере, Рассел Сент-Энедок был моим другом в школе, хотя я не видел его уже года два…

И я стал говорить о малозначительных вещах, о тех частях Корнуолла, которые знал лучше всего, о местных джентри, с которыми был знаком, о впечатлениях от Морвы и Зиллана, и болтал до тех пор, пока не понял по ее вежливому молчанию, что она ждет, когда я уйду.

Я так неуклюже встал, что чуть не опрокинул свой пустой бокал.

– Если позволите, миссис Рослин, я пойду.

– Ах да, – сказала она, – вы говорили, что шли в Зиллан, заблудились и решили зайти на ферму, чтобы спросить дорогу. – Она посмотрела мне прямо в глаза ясным взглядом, и мне показалось, что, когда она повторяла мою ложь, в нем промелькнула ирония. – Идите по тропинке к дороге, пересеките ее, и прямо перед вами через пустошь будет Зиллан.

– Спасибо.

К этому времени мы уже были в холле, и она открывала переднюю дверь. Когда она опять повернулась ко мне, я протянул ей руку, и после секундного колебания она вложила в нее свою. Ее пальцы были длинными и тонкими. Я представил себе их прикосновение в других обстоятельствах и, поскольку картина была очень живой, задержал их так надолго, что ей пришлось отдернуть руку, чтобы соблюсти приличия.

Я сказал неловко:

– Можно мне еще раз вас навестить?

– Разумеется, – ответила она, – если окажетесь в этих краях. – Это был вежливый ответ без капли радушия. – Лучше всего утром, – добавила она в тот момент, когда я начал ощущать, что за таким приглашением скрывается отказ, – потому что днем я отдыхаю, шью или глажу, а потом готовлю ужин. Но не приходите в четверг. По четвергам в Пензансе большая ярмарка, и я там целый день торгую продуктами с фермы.

Я почувствовал себя утешенным. Когда мы расстались, я пошел к тропинке и взглянул через плечо, но она уже вошла в дом и закрыла дверь. Дойдя до тропинки, я оглянулся во второй раз, словно не мог поверить, что она больше на меня не смотрит, и, к моему удивлению, инстинкт меня не обманул. Занавеска окна гостиной чуть шевельнулась: она все время на меня смотрела.

3

Я был настолько взволнован этой встречей, так беспокоен, что в ту ночь не смог заснуть и на следующее утро проснулся, чувствуя острейшее нежелание сопровождать отца в зилланскую церковь, а затем на обед в

приходском доме в компании с мистером, миссис и мисс Барнуэлл. Но не мог же я объяснить отцу, что с гораздо большим желанием сходил бы в Пензанс и облегчил свое невыносимое напряжение, купив потайной список женских имен и адресов у портье гостиницы «Метрополь». С трудом взяв себя в руки, я послушно проследовал за ним в двуколку и доехал до церкви, где, должен признаться, на протяжении всей службы представлял себе, что бы случилось, окажись миссис Рослин и я наедине друг с другом за закрытой дверью в темной комнате. Не то чтобы я был безбожником; напротив, в то время я был гораздо более религиозен, чем теперь, потому что отец еще в раннем возрасте привил нам с Найджелом привычку ходить в церковь; к тому же религиозность настолько тесно переплеталась с жизненными ценностями отца, которыми я так восхищался, что я принимал церковь безоговорочно. Несмотря на постдарвиновские течения, с которыми я столкнулся в Оксфорде, и независимость мысли, лелеемую в академической среде, мне никогда не приходило в голову перестать верить в Бога и прекратить прилежно ходить на службу каждое воскресенье. Даже позже, когда я стал проповедовать агностицизм, регулярное посещение церкви давало мне ощущение защищенности. Наверное, такую позицию можно назвать ханжеством, но в двадцать лет я этого не понимал. Отец был верующим, а значит, и я тоже.

Во время первого псалма я оглянулся и чуть не выронил псалтырь, потому что на задней скамье заметил миссис Рослин. Я не видел, как она вошла, и не ожидал ее увидеть. Когда мне удалось посмотреть на нее во второй раз, я заметил рядом с ней сгорбленную старую уродину и с ужасом понял, что это, должно быть, та самая таинственная Гризельда, которая приехала в Зиллан с миссис Рослин после ее замужества. Старуха была похожа на торговку рыбой. Интересно, что общего может быть у этих двух женщин, подумал я и уже не впервые задумался о жизни миссис Рослин в Сент-Ивсе.

Заутреня наконец закончилась, но возможности перемолвиться словом с миссис Рослин не представилось, так как они со старухой сразу же покинули церковь, а меня задержали в проходе, чтобы познакомить с женой и дочерью священника, а потом мы пошли к ним домой обедать. Как я и подозревал, обед оказался ужином, поданным рано, чтобы избавить слуг от излишней работы в субботу, и, разглядывая хозяина и его семью, я с жадностью накинулся на еду. Миссис Барнуэлл оказалась сплетницей с длинным носом, который она очень любила совать не в свои дела. Я был удивлен, что священник, довольно представительный мужчина, выбрал себе в спутницы такую неинтересную женщину. Их дочь поначалу

показалась мне такой же ужасной, хотя мать была болтлива и несдержанна, а Мириам молчалива и спокойна. После ужина миссис Барнуэлл застенчиво предложила дочери взять меня «в большое турне по саду», и я обнаружил, что мисс Мириам вовсе не так неприятна. Я проникся к ней сочувствием, зная, насколько сложно дочерям священников встретить подходящего молодого человека, и подумав, что этой девушке, должно быть, одиноко живется в отцовском доме, однако вскоре понял, что она не только не нуждается в моем сочувствии, но и не рассматривает меня как потенциального кавалера. Сначала я подосадовал, поскольку был для нее хорошим женихом и мог рассчитывать на соответствующее отношение, но вскоре чувство юмора позволило мне увидеть смешную сторону ситуации, и я начал лениво размышлять, кем такая девушка может интересоваться. Присмотревшись, я с удивлением обнаружил, что Мириам недурна собой. У нее были темные, в отца, глаза, густые, мягкие каштановые волосы и те тонкие черты лица, которые мужчины, любящие фарфор, находят неотразимыми.

– Я очень хорошо знаю ваших двоюродных братьев и сестру, – небрежно говорила она, пока мы гуляли среди кустов гортензии в дальнем конце лужайки. – Вам папа не говорил? Мы вместе занимались с учителем в Пенмаррике.

– Нет, он об этом не говорил.

– Я их уже давно не видела. Бедный Реймонд перед своей смертью в Каире какое-то время жил за границей, а Кларисса была очень занята своим прошлогодним дебютом в Лондоне и в Пенмаррике бывала мало. Меня пригласили на ее бал, но я не поехала. – Неприязнь, вежливая, но от этого не менее отчетливая, промелькнула в ее голосе. – Харри я иногда вижу, но он стал часто ездить в Лондон… Вы, наверное, теперь будете регулярно навещать Пенмаррик, мистер Касталлак? Ведь после того, как мистер Пенмар сделал вас своим наследником… – Она резко остановилась и, закусив губу, с минуту зло смотрела на куст гортензии.

– Вы меня заинтриговали, мисс Барнуэлл! – сухо сказал я, оправившись от удивления. – Откуда вам известно, что я наследник Жюля Пенмара? Это, конечно, не секрет, но и не достояние общественности! Вы, случаем, не умеете читать мысли?

Она засмеялась и очень мило покраснела. Теперь я сочувствовал ей гораздо меньше. Мне пришло в голову, что эта молодая женщина вполне в состоянии за себя постоять, и я решил, что, будь она гувернанткой, неженатый хозяин дома сделал бы ей предложение прежде, чем мистер Рочестер успел бы поздороваться с Джейн Эйр[4].

– Мисс Барнуэлл, – настаивал я, развеселившись, – не дайте мне умереть от любопытства, умоляю, просветите меня. Как вам удалось так быстро об этом узнать?

– Видите ли… – начала она объяснение.

Недавно она познакомилась с неким мистером Майклом Винсентом, молодым человеком из Лонсестона, их родители давно знакомы. Он приехал в Пензанс, чтобы работать в компании «Холмс, Холмс, Требарва и Холмс»…

– Юристы Пенмаров, – сказал я. – Теперь я начинаю понимать.

Мне пришло на ум, что молодой юрист для этой девушки – очень хорошая партия, и я понял, почему она не проявила интереса ко мне.

– Мистер Винсент ужинал у нас вчера, он у нас довольно часто ужинает, и он упомянул – конечно, вскользь, я уверена, что он не сделал ничего неподобающего…

– Конечно ничего, – сказал я успокаивающе.

– Мистер Винсент часто бывает в Пенмаррике. По делам. – Но по ее тону было ясно, что дела – это только предлог для визитов в Пенмаррик.

– Вот как? – сказал я. – Он друг Харри?

– Нет, – сказала Мириам, мгновенно превращаясь в злобную кошку с выпущенными когтями, – он одержим Клариссой. А она считает это отличным предметом для шуток.

Так вот в чем дело, подумал я. Мириам влюблена в молодого стряпчего, который одержим моей невероятно красивой двоюродной сестрой. Неудивительно, что Мириам с неприязнью говорила о Клариссе. И я вспомнил тот единственный случай четырехлетней давности, когда видел Клариссу в Пенмаррике, вспомнил ее блестящие темные глаза и большой страстный рот. Я не был в Лондоне прошлым летом, когда Кларисса впервые показывалась в обществе, но слава о ее успехе до меня дошла. Один из моих оксфордских друзей познакомился с ней и посылал ей в день по сонету до тех пор, пока у него не иссякло вдохновение; говорили, что она вот-вот выйдет замуж не то за герцога, не то за графа, не то за богатого американца. Представительницы ее собственного пола, особенно такие же, как она, дебютантки, были ошеломлены этим незаслуженным успехом; незаслуженным потому, что Кларисса не отвечала стандартным канонам женской красоты, и пришли в восторг, когда она по какой-то необъяснимой причине не вышла замуж ни за кого из своих пылких поклонников и вернулась в Корнуолл по окончании светского сезона. Скандал разразился вскоре после этого. Все гадали о том, почему угас пыл ее поклонников; поговаривали даже, что она вернулась в Корнуолл опозоренная. Я не знал,

насколько эти слухи были правдивы, но то, что у Клариссы теперь была «репутация», а молодой поверенный Майкл Винсент стал одним из длинной вереницы мужчин, которые находили ее необычную внешность неотразимой, – походило на правду.

Возвращаясь домой в двуколке из Зиллана, я сказал отцу:

– Мне кажется, мисс Барнуэлл безответно влюблена в того молодого человека, Майкла Винсента, о котором говорил мистер Барнуэлл перед нашим уходом.

– Правда? – пробормотал отец. Он был измучен своей еженедельной уступкой приличиям, но не настолько, чтобы не поразиться моим словам. – Я думаю, ты ошибаешься. Я не люблю сплетен, но слышал, что маленькая мисс Барнуэлл метит гораздо выше, чем стать супругой простого сельского стряпчего. Я слышал, что Реймонд Пенмар интересовался ею, что именно она была причиной его ссылки в Рим, Афины и Каир. Жиль Пенмар, конечно же, хотел, чтобы его сын женился удачно, а не связывался с дочерью священника.

Я пораженно воззрился на него.

– Это рассказал мистер Барнуэлл?

– Нет, намекнула миссис Барнуэлл, но супруг при этом присутствовал и не опроверг ее слов. Он еще сказал, что глубоко сожалеет, что позволил дочери связаться с Пенмарами. У молодого Харри дурная репутация, а что касается Клариссы… этих слухов я даже и повторять не хочу. Достаточно будет сказать, что я хотел бы, чтобы ты не общался ни с Харри, ни с Клариссой, пока гостишь у меня в Морве.

– Вероятность нашего общения невелика, – сказал я откровенно. – Мне кажется, что, даже если я просто поздороваюсь с Харри, он меня изобьет.

Он промолчал, удовлетворенный моими заверениями. Муж его экономки, Уолтер Мэннак, вез нас из прихода Зиллан через холмы в Морву, и у меня вылетели из головы и Пенмары, и дочь священника – я опять начал думать о миссис Джанне Рослин.

4

Я наведался на ферму Рослин в понедельник утром, но старая карга Гризельда сказала мне, что хозяйка «устала», «отдыхает» и не принимает гостей. Во вторник мне сообщили, что она уехала в Пензанс, чтобы лишний день поторговать на рынке; рынок в Пензансе был открыт три раза в неделю, и, хотя самая бойкая торговля происходила в четверг, мне было

сказано, что со времени смерти мужа миссис Рослин часто приходится ездить на рынок еще по вторникам и субботам, видимо из-за стесненных финансовых обстоятельств. В среду я еще раз попытался увидеть ее, но она гостила на соседней ферме, а в четверг, конечно, снова уехала в Пензанс. К пятнице у меня сложилось определенное ощущение, что она меня избегает, но мне так хотелось ее увидеть, что это казалось просто неудобством, которое я был готов вытерпеть. Чего я не мог вытерпеть, так это провести еще один день без перспективы перемолвиться с нею словом, поэтому в пятницу утром я снова оседлал отцовского коня и поехал через холмы, мимо замка Чун, к ферме.

Она была дома. Она согласилась принять меня. Мы опять пили вино в ее гостиной, она говорила мало, и мне пришлось самому вести разговор. Я говорил о Лондоне и о сотне других вещей. Ей, казалось, не было скучно. Не было ей и особенно интересно, но она была безупречно вежлива. Мне кажется, именно тогда, во время нашей второй встречи, я начал понимать, что напрасно трачу время, но было уже слишком поздно. Уже бесполезно было приказывать себе забыть о ее прелестях и переместиться на новые, более свежие луга. Я не мог ни забыть ее, ни жить так, словно никогда ее не встречал. Мне нужно было ее видеть. Моя одержимость ею была совершенно иррациональна, но я не мог от этого избавиться. Я понимал, что веду себя как дурак, знал, что каждый новый визит на ферму был шагом, ведущим в тупик, но не мог перестать к ней ходить. Визиты к другим женщинам, которые в прошлом становились для меня панацеей от горькой боли разочарования, теперь не приносили успокоения. Одержимость не проходила.

Я называл это любовью, но речь шла не о любви. Некоторые назвали бы это безрассудной страстью, но это не была и безрассудная страсть. Скорее болезненное сочетание похоти, ненасытности, восхищения и желания, прежде всего желания обладать. Моей любимой мечтой стало полное обладание. Я мечтал о том, как она сдастся, сама того не желая. Взаимность с ее стороны меня не волновала. Я мечтал о том, как она сдастся, не желая этого, потому что я ее заставлю, притом что это не будет изнасилованием. Я мечтал о том, как она снимет одежду, одну вещь за другой, как она будет срывать с себя вещи этими длинными красивыми пальцами и аккуратно складывать их на стул. Она будет холодна, у нее будет каменное лицо, она будет презирать меня. Поскольку она была респектабельной женщиной, она не разденется догола, а оставит последнюю нижнюю юбку, а когда сядет на постель спиной ко мне и поднимет белые руки к голове, чтобы распустить волосы, я наклонюсь и

расстегну крючки ее корсажа и обниму так, что руки дотянутся до груди… Ее волосы беззвучно упадут ей на спину, я зароюсь в них лицом, опрокину ее на подушки и тогда…

Ничто больше не имело значения. Единственное, чего я хотел, – это обладания.

И я продолжал мечтать, коротая час за часом, и так молод я был, так простодушен в своих желаниях, что мне не приходило в голову, пока я упивался своими фантазиями, что, добившись обладания ею, я стану еще более одержимым.

5

Тем временем я без усилий приспособился к новой жизни. Уолтер Мэннак, муж экономки, который исполнял обязанности садовника и подсобного рабочего на ферме Деверол, забрал багаж, оставленный мною в гостинице «Метрополь», а вскоре по моей просьбе экономка, присматривавшая за особняком Гвикеллис, прислала мне одежду и коробку с письменными принадлежностями и заметками для диссертации об Иоанне Безземельном. Но в тот момент у меня не было желания возобновлять свои исторические изыскания и, чтобы убить время между посещениями фермы Рослин, я ездил в Пензанс и основательно его исследовал, на что прежде, во время краткосрочных визитов с матерью, не имел времени. Я обнаружил, что это было странное местечко, в котором новомодная элегантность приморского города смешивалась с традиционной непрезентабельностью рыбного порта. Гостиница «Метрополь», здание в стиле модерн, обращенное фасадом к морю, служила образцом новейших архитектурных достижений и обслуживала гостей, жаждущих дышать морским воздухом в изысканной обстановке, но главная улица города была намного старше и располагалась дальше от моря, напоминая приезжему о том, что горожане не всегда ценили морские виды. Сочетание нового и старого подчеркивалось новым зданием рынка в начале старинной Маркет-Джу-стрит и новыми муниципальными садами с полутропической растительностью в двух шагах от узких улочек и мощенных камнем переулков возле гавани. А за гаванью, подавляя и новое и старое, стоял сказочный замок на горе Сент-Майкл, тот самый, который мне в детстве хотелось получить в наследство вместо Пенмаррика.

Я не знал Сент-Обинов, которые жили в замке, но встречал их наследника в Карнфорт-Холле, большом, богатом поместье, лежавшем в

одной-двух милях к востоку от Пензанса. Джастин Карнфорт был старше меня на три года и ужасный зануда, не мог говорить ни о чем, кроме лошадей, но он был дружелюбен и гостеприимен, и я не считал, что посещать вечеринки с карточными играми, которые он организовывал время от времени, когда родители уезжали из дома, ниже моего достоинства. Его сестру звали Джудит Карнфорт, но она была страшненькой, самодовольной девушкой, и я не мог находить ее общество приятным для себя; впрочем, ее состояние было столь же велико, сколь оставляло желать лучшего ее чувство юмора, и я предполагал, что она со временем без труда найдет себе мужа.

За этими карточными играми я познакомился с несколькими сверстниками, включая дальнего родственника Роджера Уеймарка, чья семья владела фермой Гернардз в Зенноре, приходе, граничащем с Морвой на востоке; моя бабушка по отцу была из зеннорских Уеймарков, и именно от нее он унаследовал ферму Деверол. Уеймарк был приятным парнем, но, к несчастью, разделял любовь Карнфорта к лошадям, и, поскольку эти животные мне всегда казались просто удобным средством передвижения, я вскоре перестал находить темы для разговоров с ним. Харри Пенмар когда-то тоже был членом карточной команды, но ему было сложно выплачивать долги; его по-прежнему принимали в Карнфорт-Холле, но играть в карты больше не приглашали. Говорили, что он ухаживал за Джудит Карнфорт, но я не верил, что даже Харри, знаменитый своими долгами, мог оказаться в таком отчаянном положении, чтобы рассматривать мисс Карнфорт как потенциальную жену.

Меня представил Джудит Карнфорт и ввел в круг картежников молодой человек, чье имя я впервые услышал в доме зилланского священника, – стряпчий Майкл Винсент из конторы «Холмс, Холмс, Требарва и Холмс». Я познакомился с ним во время своего второго обеда в доме священника, и, хотя у нас с ним тоже было мало общего, я вскоре решил, что он единственный из моих новых знакомых, кого я действительно могу считать другом.

Младший из четырех братьев, он был вынужден зарабатывать себе на жизнь, однако благодаря его происхождению и образованию он был вхож в Карнфорт-Холл, хотя отсутствие денег и высокие моральные принципы не позволяли ему играть в карты. Когда я с ним познакомился, разница в возрасте между нами была особенно ощутима: мне еще не было двадцати одного, а ему уже почти тридцать три, он был квалифицированным юристом, пробивающим себе дорогу в жизни. И все же он не выказывал большую искушенность в житейских делах. Свободное время посвящал

простым удовольствиям, таким как рыбалка и крикет, и хотя любил читать, научным биографиям предпочитал исторические романы. Но с ним было легко разговаривать на обыденные темы – о прогулках по утесам из Пензанса в Ламорну или к скале Логана, о летних путешествиях под парусами по заливу Маунтс, к тому же он был добр и обладал легким характером. Мне нужен был друг, и я чувствовал, что ему тоже; он недолго прожил в Пензансе, и хотя был знаком с молодежью из Карнфорт-Холла, я подозревал, что ему они надоели так же, как и мне. Роджер Уейнмарк был для него слишком незрел, а Джудит Карнфорт слишком ограниченна, и, хотя Винсент никогда не говорил об этом, я был уверен, что он не любил Харри Пенмара так же сильно, как любил его сестру Клариссу.

– Как она красива! – бывало вздыхал он, совершенно опьяненный, и в сотый раз повторял, как тяжело не располагать деньгами и, соответственно, возможностью добиться логического завершения своих чувств.

Мне Кларисса по-прежнему была совершенно безразлична. К тому времени я уже видел ее раз или два в Пензансе, но все равно не испытывал ничего, кроме презрения, к прелестям, которыми Винсент так восхищался. Я и раньше видел женщин с полными губами и с телом, пышным до вульгарности. Но те женщины обычно не ездили в каретах.

– В ней больше общего с ее братом, чем ты думаешь, – предупредил я Винсента однажды.

Но он ничего не желал слышать.

– Мне не хочется говорить так о вашем брате, Касталлак, но я бы ни на йоту не доверял Харри Пенмару. Не знаю, почему его терпят в Карнфорт-Холле; невооруженным глазом видно, что он хочет жениться на Джудит, потому что ему нужен союзник в лице наследницы, чтобы ублажить кредиторов.

– А он точно хочет на ней жениться?

– Ходят разговоры о помолвке. Джудит жаждет этого, и хотя сэр Джеймс и леди Карнфорт не в таком восторге, как она, но рано или поздно они согласятся.

– Что ж, у мисс Карнфорт не та внешность, чтобы сводить с ума тысячи поклонников, – сказал я с иронией. – Ее может ждать и худшее, чем Пенмар.

– Да я не имею ничего против Пенмаров как семьи! Господь свидетель, что если бы у меня была возможность ухаживать за Клариссой…

Я вздохнул. Винсент становился скучным, когда речь заходила о Клариссе, и иногда я задумывался, что бы он сказал, если бы я признался ему, что тоже знаю, что значит быть одержимым женщиной – причем

вдовой фермера, которая старше меня на десять лет. Возможно, это бы его глубоко шокировало; он был, насколько я начал понимать, человеком, строго придерживающимся традиций. Я же и не понимал, насколько презрел их, пока не подружился с ним.

– Я рад, что ты общаешься с молодым Винсентом, – сказал мне за завтраком отец однажды августовским утром. – Кажется, он спокойный парень, не из тех, что могут заставить тебя залезть в долги или повести по кривой дорожке… Кстати, раз уж мы заговорили о деньгах, тебе хватает твоего нынешнего содержания? Ты ведь проводишь много времени в Пензансе, а я знаю, как быстро улетают деньги, когда торчишь в городе.

Я почувствовал себя одновременно виноватым и смущенным, но не мог же я признаться, что пополняю свой доход, обыгрывая компанию молодых людей, с которыми познакомился через Майкла Винсента. В конце концов я сказал:

– Мне вполне хватает, спасибо, сэр.

– Хорошо, я рад. Но ты ведь не залезешь в долги, правда, Марк? Ты ведь придешь ко мне, если у тебя возникнут финансовые затруднения? Мне бы не хотелось, чтобы ты занимал у всех подряд и приобрел такую же репутацию, как Харри Пенмар.

– Нет, сэр, этого не случится. – Чувство вины заставило меня добавить: – И потом, я теперь не буду ездить в Пензанс так часто, как раньше. Я хочу начать работу об Иоанне Безземельном. Собственно говоря, прямо сегодня утром и начну.

Я и в самом деле попробовал начать. Я пошел в гостиную с бумагой и чернилами, с заметками из средневековых хроник, с книгой Кейт Норгейт «Англия при Анжуйской династии» и другими работами, посвященными моему предмету; я даже составил первую фразу. «Целью этой диссертации, – смело написал я, – является попытка опровергнуть утверждение мистера Дж. Р. Грина (цитирую по Мэттью Пэрису): „Самый ад бледнеет перед ужасами правления Иоанна Безземельного“».

Для человека моего возраста у меня были очень смелые взгляды. Мой наставник назвал их «радикальными», когда я попытался объяснить, что традиционное восприятие Иоанна Безземельного основано на воспоминаниях о слухах, написанных парой хроникеров намного позже его смерти. Но я был убежден, что любому историку предстоит немало поработать, если он займется правлением Иоанна Безземельного. В свои последние месяцы в Оксфорде я решил очистить репутацию этого короля от дурной славы, и мысль о диссертации, которая бы разрушила некоторые знаменитые мифы, овладела мною.

Некоторое время я думал об Иоанне Безземельном.

За окном простирались поля, за полями – деревушка Морва, а за Морвой – утесы, которые обрывались в море. Стояло жаркое солнечное утро. «А не пойти ли мне прогуляться вдоль утесов в сторону Зеннора, – подумал я, – и, может быть, зайти в гости к Роджеру Уеймарку на ферму Гернардз?»

Итак, я выбрался из дома, но не пошел на восток вдоль утесов к Зеннору. Ноги сами понесли меня через пустошь к Зиллану, к замку Чун, и, спотыкаясь, я побрел по крутому холму к ферме Рослин.

6

На ферме выяснилось, что миссис Рослин опять понесла розы в Зиллан на могилу мужа. Мне понадобилось по крайней мере пять минут, чтобы выжать эту информацию из старой карги Гризельды, которая почему-то невзлюбила меня.

– Ты понапрасну теряешь время, – проскрипела она своим густым корнуолльским говором мне вслед, когда я вышел через переднюю дверь в сад, благоухающий травами. – Ей не нужны мальчишки твоих лет!

– Невероятно наглое замечание для служанки! – парировал я, сердито обернувшись к ней, но она лишь взвизгнула:

– Я не служанка! – Она ретировалась в прихожую и захлопнула дверь у меня перед носом.

И я опять задался вопросом, что за отношения могут у нее быть с миссис Рослин.

На полдороге в Зиллан я встретил ее, она шла навстречу через пустошь. Вскоре она меня увидела; чуть замешкалась, но потом продолжила путь. Через пять минут мы уже стояли лицом к лицу.

– Доброе утро, мистер Касталлак, – вежливо произнесла она.

– Доброе утро, миссис Рослин.

Она по-прежнему была в черном, потому что все еще носила траур. В то лето я видел ее только в черном. Я помню, как это подчеркивало белизну ее кожи, золото волос и чистоту глаз.

Я предложил ей помочь донести корзину. Она приняла предложение с улыбкой, а я сделал замечание о погоде. Мы пришли к выводу, что в последнее время было необычно тепло, и я заметил, что, коль скоро погода столь благоприятна, она могла бы как-нибудь вечером съездить со мной в Пензанс поужинать.

– Спасибо, – ответила она, – но я вынуждена отказаться. У меня нет подходящего платья.

– Тогда, может быть, мы лучше пообедаем, а не поужинаем…

– Спасибо, но это невозможно. Простите меня, если мои слова прозвучали грубо.

Этого не стоило делать, но я принялся расспрашивать ее о причинах отказа. Она отказывается, потому что в трауре или потому что я слишком молод? А может, потому, что у нее кто-то есть?

– Пожалуйста, мистер Касталлак, – сказала она, и ее глаза были так холодны, что из голубых стали серыми. – Вы, похоже, забываетесь. Я благодарна вам за приглашение в Пензанс, но не хочу принимать его, потому что не собираюсь строить с вами отношения таким образом, как вам хочется. Мне нравится ваше общество, и если вам время от времени захотелось бы заходить на ферму, то вас ожидал бы гостеприимный прием, но я не вижу нужды в поддержании наших контактов на более интимной основе. У меня никого нет. Если бы он был, я бы давно вам об этом сказала, потому что я не из тех, кому нравятся тайные интрижки. Я порядочная женщина, мистер Касталлак, и, поскольку более близкие отношения с вами не привели бы к благоприятному исходу, вынуждена отвергнуть ваши знаки внимания. До свидания.

Она протянула руку, чтобы взять у меня корзину, а когда я отвел корзину в сторону, просто ускорила шаги, словно корзина ее не интересовала. Я догнал ее, щеки у меня горели, сердце стучало.

– Прошу прощения, – быстро произнес я. – Пожалуйста, простите меня, миссис Рослин.

Она снова повернулась ко мне и протянула руку за корзиной.

– Будет лучше, если я вернусь домой одна. Извините.

– Нет, я настаиваю…

– До свидания, мистер Касталлак.

Я отдал ей корзину.

– Могу ли я, по крайней мере, узнать, – произнес я дрожащим голосом, – приняты ли мои извинения? Оказывая вам знаки внимания, я нисколько не имел в виду, что вы непорядочная женщина…

– Правда, сэр? А чего же вы тогда надеялись достичь?

– Я просто хотел показать вам, приглашая на ужин, что я вами восхищаюсь…

– А каково было бы ваше следующее предложение?

– Миссис Рослин, вы недооцениваете себя, задавая подобный вопрос…

– Может быть, – сказала она, – но все же вам не помешало бы ответить

на него.

– Я могу только повторить, что никогда не сомневался в вашей респектабельности.

– Очень рада это слышать. Но не к такому выводу я прихожу, когда вижу, как вы иногда на меня смотрите.

– Прошу прощения, если когда-либо обидел вас…

– Кроме того, – произнесла она, не давая мне закончить, – молодые джентльмены с вашим воспитанием и образованием обычно ухаживают за женщинами низшего класса с одной-единственной целью. Вы очень молоды, но в вас уже есть высокомерие, которое свидетельствует о том, что вы надеетесь добиться своего. Но вы ошиблись, мистер Касталлак. Я не из таких женщин, а даже если бы это было не так, я вряд ли захотела бы связаться с мальчишкой, у которого едва обсохло на губах молоко.

Мгновение помедлив, я сказал:

– Понимаю.

Я замедлил шаги, она ускорила, и мы расстались. Некоторое время я смотрел ей вслед, потом сделал шаг в сторону и упал на вереск. Теплый ветер, овевая лицо, сдул волосы мне на виски. Я попытался собраться с мыслями, но после этой встречи чувствовал себя настолько опустошенным, что мне понадобилось несколько минут, чтобы понять, до какой степени я зол.

– Сука, – тихо сказал я теплому ветру с холмов. – Сука!

Так называл ее Джаред Рослин, ее приемный сын. Я помнил, как был шокирован, услышав это слово, когда первый раз зашел на ферму Рослин.

Глаза щипало от слез. Я смахнул их, встал, засунул руки в карманы. Поднимаясь вверх по холму, я повторил наш разговор слово в слово и решил, что именно мне следовало бы сказать. Она манипулировала мной с самого начала и до конца. Мне следовало быть гораздо более твердым, не таким послушным, с меньшей готовностью бормотать извинения. Удивительно ли, что она видела во мне мальчишку и не принимала меня всерьез! Я вел себя как школьник, позволил ей диктовать мне условия и поворачивать разговор в ту сторону, в какую ей было угодно. «Очень хорошо, – яростно подумал я, – она порядочная женщина. Но это не значит, что ее невозможно завоевать. Тот факт, что я пытался сделать это, еще не давал ей права напускать на себя важность и вести себя так холодно, так презрительно». Я попытался вспомнить, не давал ли ей серьезного повода оскорбиться, и пришел к выводу, что нет. Наконец я заключил, что ей просто надоели мои постоянные визиты на ферму и она намеренно затеяла ссору, чтобы прекратить наши ничего для нее не значащие отношения.

Глаза опять защипало от слез. Злость утихла, осталась только горечь. Я слепо брел к вершине скалистого хребта; добравшись наконец до Чуна, поковылял к уединенным стенам замка.

– Сука! – в третий раз громко сказал я и тихо заплакал среди старинных камней.

Казалось, мои эмоции ходили по кругу. Вскоре я снова почувствовал злость и стал таким злым, что был не в силах оставаться на одном месте. Я вышел из замка, миновал круглый форт Чуна и стал спускаться вниз по холму к приходу Морва. Я шел и снова слышал ее оскорбительное «мальчишка» и презрительные слова: «Молодые джентльмены с вашим воспитанием и образованием обычно ухаживают за женщинами низшего класса с одной-единственной целью». Эти слова почему-то особенно бесили меня. И только когда до отцовского дома оставалось уже четверть мили, я понял почему. Я злился, потому что это было правдой и потому что она – простая необразованная женщина, вдова фермера – использовала правду, чтобы перехитрить меня.

Я кипел от ярости.

Я добрался до фермы Деверол, заперся у себя в комнате, снова плакал, снова злился и наконец принялся ходить взад и вперед, потому что не мог усидеть на месте. Наконец я уже не в силах был сдерживать себя. Разыскав отца, я сказал ему, что собираюсь съездить в Сент-Ивс, чтобы день-другой погостить у своего бывшего однокашника Рассела Сент-Энедока, и он, хотя и был удивлен моим неожиданным решением, не возражал. После чего, даже не дожидаясь обеда, я отправился по дороге в Зеннор в восточном направлении и под вечер уже спускался по холмам к Сент-Ивсу.

Глава 4

Генрих утешился, взяв себе в наложницы некую Розамунду Клиффорд, «прекрасную Розамунду», как впоследствии называли ее в балладах и легендах.

Джон Т. Эпплбай.

Генрих II

Розамунда Клиффорд была леди из хорошей семьи.

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

1

У меня не было намерения сразу ехать в замок Менерион, дом Сент-Энедоков, и спрашивать Рассела. Вместо этого я оставил лошадь на постоялом дворе, зарезервировал комнату на ночь и пешком отправился осматривать город. В глубине души я надеялся, что если поищу как следует, то найду какую-нибудь работницу, у которой был выходной, и вскоре удалился от извилистых улочек рядом с гаванью и побродил вдоль залива в сторону к пляжу и к более благоустроенным жилым кварталам.

Я часто слышал, что Сент-Ивс уникален и живописен, и теперь смог убедиться в том, что эти отзывы не были преувеличением. Когда я прогуливался в тот августовский день по улицам, он показался мне странным, иностранным городом со всеми этими средневековыми улочками и мощенными брусчаткой аллеями, с белыми стенами, блестевшими на ярком южном солнце. Все здесь напоминало о том, что не так уж много веков назад Корнуолл был самостоятельным государством, а не отдаленным придатком Англии. Но вскоре я понял, что Сент-Ивс, вместо того чтобы с тоской оглядываться в прошлое, был устремлен в будущее; уже имелись признаки того, что когда-нибудь он поспорит с Пензансом за звание приморского курорта; мне сказали, что, с тех пор как сюда провели железную дорогу, местные жители уже привыкли к мысли, что приезжие

будут останавливаться в пансионах на август и сентябрь, а художники станут бродить по городу, чтобы насладиться особым светом.

Современные кварталы Сент-Ивса на другой стороне залива были менее причудливы, чем сборище разношерстных рыбачьих хижин на полуострове, но зато там не воняло рыбой и средневековой канализацией. Сокрушаясь по поводу того, что вид, казавшийся столь привлекательным издали, при ближайшем рассмотрении оказался таким убогим, я пошел по тропинке к песчаному пляжу и в поисках дамы, готовой меня развлечь, оглядел полотняные тенты, группы нелепо одетых купальщиков и детей, играющих с ведерками и лопатками.

Мне следовало бы вернуться на постоялый двор, как только я понял, что в этот день отдыхало мало работниц. Либо идти в замок Менерион к Сент-Энедокам. Я мог бы сделать многое, вместо того чтобы оставаться на пляже, но ведь всем известно, что задним умом быть крепким легко.

Не осознавая собственной глупости, я застрял у моря.

Я все еще бесцельно бродил среди песков, когда красный пляжный мяч ударил меня по бедру, а обернувшись, я увидел отвратительного мальчишку, который, расставив локти, пробирался между моих ног за мячом к кромке воды.

– Джеймс! – раздался позади меня мелодичный девичий голос, в котором слышались расстроенные нотки. – Какой ты шалун! Немедленно извинись перед джентльменом! – А когда ее подопечный проигнорировал призыв, девушка в отчаянии произнесла: – Простите, пожалуйста, он сегодня, к сожалению, совсем не слушается. Простите!

– Ничего, – учтиво ответил я. – Пожалуйста, не беспокойтесь.

На вид ей было лет восемнадцать. Я был удивлен, когда впоследствии узнал, что она на год старше меня. У нее были красивые светлые волосы, тонкие и потому выбивавшиеся из прически, вьющимися прядями ниспадая на лицо и шею. У нее были голубые глаза, нежный рот и тонкая, бело-розовая кожа. Если бы образ Джанны не столь сильно врезался в мою память, я бы счел девушку довольно привлекательной, но поскольку это было не так, то я и увидел в ней лишь бледное отражение женщины, которую хотел, но не мог получить.

Конечно, я сразу понял, что она едва ли из тех девушек, с кем я мог бы поразвлечься известным образом, но все же, прежде чем понял, что делаю, попытался завязать разговор. Я узнал, что ее зовут Роза Парриш. С наивным удовольствием я подумал, что имя Роза ей очень идет. Мистер и миссис Трин из Сент-Ивса взяли ее нянькой три месяца назад, когда ее отец, сельский врач из Девона, умер в нищете и ей пришлось самой

зарабатывать себе на жизнь.

– Сначала они сказали, что я буду гувернанткой, – пояснила Роза, – но у меня голова начинает болеть, когда я думаю о задачках, арифметике и тому подобных вещах. Папа пытался меня учить, но науки никогда мне не давались.

– Так оно и должно быть, – твердо сказал я. – Женщины не предназначены для того, чтобы проводить время за решением задачек.

Ободренная моими словами, она стала несколько менее застенчивой.

– Да… ну я и подумала, что лучше я буду присматривать за детьми, чем учить их, поэтому была очень рада получить место у Тринов. Джеймс на самом деле хороший мальчик. – Она перехватила мой взгляд в сторону отвратительного ребенка. – Что ж, все дети иногда своевольничают, но…

– Вы каждый день приводите его на пляж, мисс Парриш?

– Да, если погода хорошая.

– А завтра придете?

– Завтра у меня выходной.

– Правда? Как замечательно! Может быть, вы выпьете со мной завтра чаю в Сент-Ивсе?

– Вы… вы очень добры, но… я не могу… Миссис Трин никак не одобрит этого. Понимаете… это сложно объяснить, но она чувствует себя ответственной за меня, поэтому… я бы и рада, но…

– Я бы мог зайти к ней и представиться, – сказал я. – Может быть, если она со мной познакомится и узнает, что я приехал в Сент-Ивс, чтобы проведать Сент-Энедоков в замке Менерион…

– Сент-Энедоков! – Она произнесла это так, словно я упомянул родство с королевской семьей. – О, тогда, я уверена, миссис Трин не будет возражать! Она часто занимается благотворительностью с леди Сент-Энедок, и иногда они с мистером Трином ужинают в замке…

Вот так все и устроилось. Ничего не могло быть проще.

– Прошу прощения, – сказала Роза, когда наконец пришло время забирать Джеймса с пляжа, – мне неудобно спрашивать после того, как мы с вами так много общались, но… как вы говорите, вас зовут, сэр?

– Касталлак, – ответил я и, заметив пустое выражение лица, которым англичане обычно реагируют на корнуолльские имена, добавил с легкостью, приобретенной благодаря долгой практике: – Кас-тал-лак.

– Мистер Касталлак, – вздохнув, сказала Роза, и вздох этот был вздохом одинокой женщины, которая бы хотела, чтобы джентльмен с хорошими намерениями облегчил ее одиночество. – Я буду с нетерпением ждать завтрашнего чая с вами, мистер Касталлак!

После того как мы расстались, я объяснил свое глупое поведение тем, что чаепитие – самое безобидное из когда-либо изобретенных светских развлечений и что, как только оно закончится, я больше с ней не встречусь.

Вот такими были мои благие намерения.

На следующий день в три тридцать я представился миссис Родерик Трин и, естественно, был ею тщательно проинспектирован в течение нескольких минут. Наконец, удостоверившись в том, что я действительно тот, за кого себя выдаю, вполне достойный джентльмен, она призвала Розу в гостиную и благословила нас, добавив, что ожидает Розу домой к шести.

За чаем со сливками в чайной близ Хай-стрит я обнаружил, что разговаривать с Розой легко. Я рассказывал ей об Оксфорде и Лондоне, и она слушала затаив дыхание, ловя каждое слово; говорил о своей склонности к истории, и она впитывала каждый звук с искренним восхищением в глазах; рассказывал об отце, брате и о доме в Гвике, и она, у которой не было ни дома, ни родных, вздыхала, тосковала и говорила, что ей бы так хотелось оказаться на моем месте.

– Мистер и миссис Трин очень добрые и заботливые, – быстро добавила она, – но я ведь, в конце концов, всего-навсего няня и не могу ожидать многого.

Мое сердце раскрылось ей навстречу. Я подумал о девушках, которых встречал в лондонском свете, – богатых, избалованных наследницах, которые устраивали скандалы, когда не могли получить ткань на бальное платье в точности желаемого оттенка, и увядали, если не находили на брачном рынке титулованных женихов. Передо мной сидела дочь врача, стоившая десятка женщин, попадавшихся мне на лондонских светских раутах, но у нее не было и десятой доли их материального благополучия и положения в обществе.

Конечно, я встретился с Розой на следующий день. У нее не было выходного, но я договорился с ней, что мы увидим друг друга на пляже, и снял один из полотняных тентов для большего уединения. Сооруженные каким-то смелым местным предпринимателем, эти тенты должны были удовлетворять самым высоким требованиям купальщиков и обслуживались стариком, который устроил настоящий скандал, когда я пригласил Розу в тент, нанятый мною в отделении для джентльменов, но гинея быстро утихомирила его, и он больше не пытался нас беспокоить.

После того как были съедены принесенные Розой припасы для пикника, а барчук Джеймс был отправлен строить замки из песка, мы с Розой остались в тенте, предохранявшем нас от ветра. Вскоре я наклонился, опустил полотняную дверь и плотно отгородился ею от

внешнего мира.

– Пожалуйста, – тотчас же заговорила обеспокоенная Роза. – Я должна видеть Джеймса. Если с ним что-нибудь случится…

Я поцеловал ее. Я подумал: «Это ничего не значит. Что такое один поцелуй? Заходить далеко совсем не обязательно». Поэтому я целовал ее до тех пор, пока не перестал видеть что бы то ни было, кроме копны светлых волос, белой кожи и голубых глаз. Неожиданно мне показалось, что я целую не ее, а Джанну и что нахожусь в гостиной фермы Рослин.

– Пожалуйста, – произнесла Роза тихим голосом хорошо воспитанной женщины, совсем не похожим на голос Джанны. – Пожалуйста, Марк… не надо…

Неожиданно я пришел в себя и отпустил ее.

– Извини, – быстро сказал я. – Пожалуйста, прости меня. Я не должен был так поступать, тем более что я скоро уезжаю из Сент-Ивса и не знаю, когда смогу вернуться. Наша… дружба не может иметь продолжения, и с моей стороны было бы нечестно утверждать обратное.

Она кивнула, не глядя на меня, онемев от разочарования, и тут жалость затмила мой здравый смысл: я наклонился, опять обнял ее и долго, крепко держал в объятиях.

– О нет… нет, пожалуйста…

Ее губы были мягкими, теплыми и очень женственными. Ее ресницы трепетали на моей щеке и потом замерли.

– Марк… нет, Марк…

Я чувствовал, как ее грудь натягивает ткань блузки. Я расстегнул одну пуговицу. Потом еще одну.

– Нет, ты не должен…

– Я ничего не сделаю…

– Тогда…

– Дай мне просто…

– Нет!

– Пожалуйста, Роза, пожалуйста. – Я почувствовал, как при этих словах она заколебалась. Она больше не цепенела и не пыталась отстранить меня. – Пожалуйста… пожалуйста…

– Ты не должен, я…

– Я должен. Ты такая милая. Дай мне просто увидеть…

– Я…

– Я не сделаю тебе больно.

Но я сделал. Я был более осторожен, чем когда-либо бывал с женщиной, но все равно причинил ей боль. Потом она плакала, жалась ко

мне и не давала уйти.

– Я не хотела… Теперь ты должен обо мне плохо думать. – Она плакала, обуреваемая раскаянием, полным ужаса. – Если миссис Трин узнает…

Я принялся ее успокаивать, утешать, говорил, что стал еще лучшего мнения о ней, чем раньше, но все время думал: «Это не должно повториться». Когда слезы ее иссякли, она посмотрела на меня с таким обожанием, что, смущенный, я отвернулся.

– Ты такой добрый, – сказала она дрожащим голосом, – и такой хороший. Я с самого начала знала, что влюблюсь в тебя.

Я прокашлялся.

– Я ничего не могу предложить тебе, Роза. Я…

– Нет, можешь, – сказала она с сияющими глазами. – Можешь!

Я неловко засмеялся:

– Не думаю, что ты согласишься на свидания в тенте.

– Мне все равно, – честно призналась она. – Это даже романтично. А мне, когда я была одна и не с кем было поговорить, так хотелось романтики!

Я опять был тронут ее простотой и смущен неожиданной готовностью.

– Ты встретишься со мной завтра… здесь… вот так?

– О да, пожалуйста, да.

– Роза… – Я опять ее поцеловал. Где-то в глубине мозга зашевелился здравый смысл, но скоро затих. – Полагаю… – сказал я непринужденно, словно только что об этом подумал. – Полагаю, что это… удобно? Я имею в виду… ты, конечно, уверена, что сейчас безопасное время месяца?

Она пунцово покраснела от такого неделикатного вопроса и сразу отвернулась.

– Да, – услышал я ее шепот.

Но пока уже не стало поздно, мне не пришло в голову, что она совершенно не поняла моего вопроса.

2

В Сент-Ивсе я пробыл семь дней. На третий день я написал отцу и сообщил ему о намерении продлить свое пребывание у него, а на седьмой, чтобы не пришлось потом лгать ему, наведался в замок Менерион с визитом к своему другу Расселу Сент-Энедоку и его семье. У меня не было ни гроша. Мне едва хватило денег, чтобы оплатить счет на постоялом

дворе, и я понял, что не смогу вернуться в Сент-Ивс до тех пор, пока тридцатого сентября, то есть больше чем через месяц, не получу свое содержание за квартал. Тем не менее я оставил Розу, обещав написать, и наконец отправился в Морву.

Я действительно собирался писать письма. Но когда я вернулся в отцовский дом, во мне воскресло благоразумие и я пришел в ужас от того, что натворил. Одно дело – отнестись к проститутке как к проститутке; совсем другое – отнестись так к невинной, хорошо воспитанной девушке. Воспоминание о Розе стало для меня постыдным. Я понимал, что продолжение наших отношений было бы верхом глупости, и надеялся, что она не очень расстроится, если я не напишу ей, я убеждал себя, что должен быть жестоким, чтобы остаться добрым. И для нее, и для меня будет лучше, если мы больше не увидимся.

Чтобы забыть об этом постыдном эпизоде, я попытался продолжить свою прежнюю жизнь: проводил время с Майклом Винсентом, обедал в доме священника и изредка предпринимал по большей части безуспешные попытки работать над диссертацией. Можно было опять попытаться играть, чтобы компенсировать потраченное в Сент-Ивсе, но я и так уже жил на деньги, одолженные у отца, и слишком боялся проиграть и оказаться вынужденным опять обращаться к нему. Кроме того, может быть и к счастью, все мои карточные партнеры были в то время заняты чем-то другим; трое или четверо, включая Роджера Уеймарка, уехали в Лондон, а Джастин Карнфорт развлекал моего двоюродного брата Харри Пенмара, который был формально помолвлен с некрасивой, но богатой сестрой Карнфорта. Вскоре я лишился даже общества Майкла Винсента, потому что Кларисса решила поразвлечься с ним, и бедняга то и дело носился в Пенмаррик, чтобы ходить перед ней на задних лапках. Конечно же, Мириам Барнуэлл была по-прежнему преисполнена презрения к нему, но сделалась больна, когда Харри объявил о своей помолвке с мисс Карнфорт, и я не видел ее несколько дней, хотя каждую неделю вместе с отцом являлся с визитами в дом зилланского священника.

Поначалу я был рад, что ничто меня не отвлекало, и думал, что наконец смогу заставить себя заняться диссертацией, но мне не хватило воли, и, вместо того чтобы убить время, я взялся за автобиографию (первоначальный вариант черновика этой рукописи). Но эта литературщина была совсем не то, что мне требовалось для интеллектуальных упражнений в качестве историка, и, ко всему прочему, я не мог сосредоточиться над текстом более чем на полчаса. Постоянно думая о Джанне, я, по мере того как шли недели, против своей воли начал думать и о Розе.

Сценой, которая меня более всего преследовала, был тот момент, когда я небрежно осведомился: «Ты, конечно, уверена, что сейчас безопасное время месяца?» – и без сомнений принял ее смущенное бормотание за утвердительный ответ. Неприятный холодок пробегал у меня по спине, когда я вспоминал эту сцену. Умели ли такие девушки, как Роза, считать дни и делать подобающие случаю вычисления? А что, если она не поняла, о чем идет речь? Теперь я осознавал, что Роза, скорее всего, подумала, что я имею в виду другой период месяца, тот период, о котором нельзя даже упоминать, о котором ни одна леди не станет разговаривать с представителем противоположного пола.

Ее письмо с просьбой о помощи пришло на следующий день после моего двадцать первого дня рождения в конце сентября. Свое совершеннолетие я отметил тихо, выпив шампанского с отцом, который подарил мне красивые золотые часы и «Историю упадка и падения Римской империи» Гиббона, и, решив отпраздновать эту дату с большей помпой, когда мы зимой вернемся в Гвик, я остался доволен спокойным днем в Морве в компании отца. Мы долго обсуждали мою диссертацию, и, после того как он признал, что мой подход был оправданным, я отправился в постель, и отцовские похвалы все звучали у меня в ушах.

Жаль, что мое счастье было таким коротким. Уже через двадцать четыре часа я опять стоял перед Розой в Сент-Ивсе.

3

Она пришла ко мне в гостиницу. Я уже наведался в дом, где она жила, и миссис Трин сообщила мне, что Роза плохо себя чувствует, но будет счастлива выпить со мною чаю на следующий день. Потом, пытаясь не думать об удовольствии, которое не скрыла миссис Трин в связи с вероятным возрождением романа Розы, я два часа бродил по городу и размышлял о затруднительном положении, в которое попал.

Наконец, заставив себя вернуться в гостиницу, я обнаружил, что Роза ждет меня в вестибюле.

Я взял себя в руки, ожидая, что она разразится слезами и бросится ко мне в объятия самым неприличным образом, но она ничего подобного не сделала. Думаю, что именно тогда я впервые осознал неожиданную силу ее характера. Во мне вспыхнула искорка восхищения, но тут же угасла.

– Роза! – воскликнул я. – Как тебе удалось прийти сюда в такой час?

– Миссис Трин думает, что я рано легла спать. Я попросила, чтобы

меня не беспокоили, а сама выскользнула через черный ход, когда все ужинали. Я вспомнила, что ты здесь останавливался.

Мы смотрели друг на друга. Ее лицо было бледным, под глазами залегли темные круги. Она выглядела хрупкой, нежной и несчастной.

– Хорошо, что ты приехал, – сказала она наконец.

– Я приехал, как только смог.

Я предложил ей поужинать, но она не была голодна, поэтому я пригласил ее подняться в мою комнату, чтобы укрыться от чужих глаз. При этом предложении она отпрянула от меня, в отчаянии огляделась вокруг, словно боялась, что за нами кто-то наблюдает, но в конце концов согласилась. В моей комнате мы сели рядом на край кровати, я взял ее за руку.

– Роза… – Я точно знал, что собирался ей сказать. Я двадцать раз репетировал этот разговор во время долгой дороги из Морвы и в точности решил, что надо делать, поэтому начал говорить с уверенностью, которая должна была ее успокоить. – Первое, что надо сделать, – быстро говорил я, – это сходить к врачу. Нужен точный диагноз. Если подтвердится наихудшее, положись на меня. Я о тебе позабочусь. Я не богат – на самом деле сейчас у меня почти ничего нет, – но у меня есть определенные надежды, и я думаю, что знаю, где достать денег. Как только я их достану, я напишу тебе письмо на бумаге с гербом моей матери. К счастью, у меня осталась пара листков, и я сделаю вид, что мать предложила тебе место в Лондоне. Ты покажешь письмо миссис Трин, я не думаю, что она усомнится. Это будет предлогом уехать из Сент-Ивса. Пока ты будешь ждать, я думаю, тебе лучше будет поселиться в Пензансе, по крайней мере, пока я остаюсь в Морве; если же мне придется переехать в Гвик, я устрою так, чтобы ты перебралась в Хелстон. И все же Пензанс сейчас наилучший выход, поскольку он находится достаточно близко от Морвы, чтобы я мог приезжать к тебе каждую неделю и следить, чтобы все шло нормально. Я сниму для тебя там комнаты, оплачу врача, акушерку и все остальные расходы. Видишь, тебе не о чем волноваться! Ты сможешь носить обручальное кольцо, представляться всем как миссис Парриш, вдова, и никто никогда ни о чем не догадается. Когда все окончится, мы найдем ребенку приемную семью. Существует много богатых, но бездетных семей…

– Нет, – твердо произнесла она.

Наступило молчание. С прервавшимся дыханием я увидел, что по ее щеке течет слеза.

– Но, Роза…

– Нет, – повторила она, и ее нежный рот сложился в упрямую линию. – Я не могу. Я не могу отдать своего собственного ребенка. Это разобьет мне сердце.

Я умолк. Я не знал, что делать. Этой возможности я не предусмотрел.

– Я не буду просить тебя о помощи, когда он родится, – сказала она. – Я как-нибудь управлюсь. Но не отдам его.

– Но, Роза, я не смогу содержать…

– Я уже сказала, что не буду просить твоей помощи.

– Но ведь я должен буду тебе помогать! – Я почувствовал, что угодил в ловушку, и разозлился. – Не кажется ли тебе, что ты поступаешь эгоистично? Разве два хорошо обеспеченных приемных родителя не дадут ему больше, чем…

– Нет, – сказала она, – я его родная мать, я буду его любить, а ни один ребенок не нуждается в большем, чем любовь. Это ты поступаешь эгоистично.

Я резко поднялся.

– Я просто рассуждаю практично, конструктивно и пытаюсь сделать все возможное в наших общих интересах. Чё… – Я чуть было не чертыхнулся. – Роза, если ты оставишь ребенка, ты можешь никогда не выйти замуж! По крайней мере, у ничем не обремененной женщины больше шансов…

– Если я не могу выйти за тебя, то не хочу замуж ни за кого.

Я опять умолк.

– Но я… – Я не находил слов. В конце концов мне удалось, запинаясь, проговорить: – Но я не могу жениться на тебе, Роза! Не могу!

– Да, ты уже объяснял, – сказала она, – у тебя нет денег. – Она заколебалась, потом произнесла быстро, не глядя на меня: – Но если тебе есть чего ждать… может быть, позже…

– Это не только вопрос денег. – Чувство вины заставило меня признаться в том, что я собирался от нее скрыть. – Видишь ли, есть другая женщина…

Она закрыла уши руками.

– Я не желаю слышать.

– Но…

Она отняла руки от ушей.

– Если у тебя был кто-то еще, зачем ты ухаживал за мной, когда приехал в Сент-Ивс?

– Это было неправильно с моей стороны…

– Значит, тебе все равно. Даже тогда было все равно.

– Нет, не все равно… по-своему… ты нравишься мне, Роза, но…

– Ты с ней… ну, как мы в купальном тенте…

– Нет.

Она была раздавлена. Я виновато смотрел на нее, а она попыталась заговорить, но слова не шли у нее с языка.

– Мне не следовало соглашаться… в купальном тенте… но я так тебя любила… и не понимала, что происходит, до тех пор, пока… О, какой же ты, должно быть, считаешь меня дурой… дурой, невеждой, достойной презрения!

– Это не твоя вина, Роза. Конечно же, ни одна хорошо воспитанная девушка не может знать достаточно о таких вещах. Об этом не может быть и речи. Вина лежит на мне, и я не могу понять, почему ты, после того как я так постыдно с тобой обошелся, хочешь за меня замуж…

– Я тебя люблю, – просто сказала она.

– Но ведь ты не можешь меня любить!

– Могу, я ничего не могу с собой поделать. – В ее глазах опять заблестели слезы. – Я раньше не встречала никого, похожего на тебя. Ты, Марк, так отличаешься от молодых людей, которых я знала в Девоне. Ты такой умный, так полон энергии и… у тебя есть цель. Даже просто быть рядом с тобой – это так волнующе и ново. Тебе не понять, что значили для меня дни, проведенные с тобой. Это были самые замечательные дни за всю мою жизнь.

Я полыхал краской смущения, не находя слов из-за угрызений совести.

– Не сердись на меня, Марк. Пожалуйста.

– Я не сержусь на тебя, Роза, – сказал я. – Не сержусь. – Стыд мучил меня так, что я едва мог находиться с ней в одной комнате. – Но я некрасив! – сказал я сердито, желая, чтобы она меня возненавидела, желая ее презрения, чего-нибудь, чем я мог бы облегчить накатившее на меня чудовищное чувство вины. – Я уродлив! Я слишком толст! Во мне нет даже обычной привлекательности! Как я могу тебя волновать?

Она смотрела на меня, щеки ее были мокры от слез, губы дрожали, но, несмотря на это, я увидел, как в уголках ее губ задрожала улыбка.

– Да? – произнесла она. – Я не заметила. Мне твоя внешность всегда казалась великолепной. Я никогда не считала тебя некрасивым.

Я открыл окно и перегнулся через подоконник. Свежий воздух охладил мне лицо. Далеко внизу над гаванью кружили чайки, легко взлетая в небо над узкими улочками города.

Ее рука тронула мою.

– Марк, мне нужно идти, пока миссис Трин не обнаружила моего

отсутствия. Прости, что я была несдержанной и печальной. Я очень благодарна тебе за то, что ты приехал мне помочь.

После этого я мог только извиниться за слова, прозвучавшие, вероятно, грубо или рассерженно.

Проводив Розу до дома Тринов, я остановился у ворот, чтобы поцеловать ее на прощание.

– Помни, тебе не о чем беспокоиться, – сказал я в последний раз за тот вечер. – Обещаю, я позабочусь о тебе. Не надо больше волноваться.

Она с трудом улыбнулась. К этому времени лицо ее осунулось от изнеможения, но, когда я открыл рот, чтобы сказать, что волнуюсь за нее, она, не произнеся ни слова, повернулась и пошла по подъездной аллее к дому.

4

Врач в конце концов подтвердил, что она беременна. Я сразу взялся за осуществление своих планов и подготовил отъезд Розы из Сент-Ивса, написав письмо якобы от имени моей матери и отправив его Розе с соответствующей вежливой припиской, в которой сообщалось, что она может показать его миссис Трин. После этого я выкинул Сент-Ивс из головы и отправился в Пензанс, чтобы поделиться своими проблемами с Майклом Винсентом.

Он был бледен, словно провел долгие часы за неблагодарной работой. Серые глаза покраснели, и я впервые заметил, что волосы у него редеют на висках.

– Как дела? – спросил я без особого интереса. – Давно тебя не видел. Как поживает Кларисса?

Он пожал плечами:

– Я давно не был в Пенмаррике.

Так вот оно в чем дело. Клариссе прискучил бедный провинциальный юрист, и она обратила свое внимание на другой предмет. Мне стало жаль Винсента. Договорившись об обеде, я оставил его заниматься делами и увидел только через два часа в таверне, куда мы часто наведывались.

Как только мы уселись, я принялся решать сложную задачу, которую перед собой поставил: мне нужен был совет, но я не хотел рассказывать ему много. Зная, что он хорошо знаком с Пензансом, я спросил, где мне найти приличные, но недорогие комнаты для Розы, и, как я и предвидел, он смог дать несколько ценных советов. Но его любопытство было разбужено, и я

понял, что мне следует объяснить ему, что комнаты мне нужны для подруги, которая имела несчастье попасть в затруднительное для женщины положение.

Его глаза округлились.

– Боже мой, – произнес он наконец, – ну вы, Пенмары, и даете! Недавно нам пришлось откупаться от одной из любовниц Харри. Она услышала о его помолвке с Джудит Карнфорт и попыталась доставить ему неприятности.

– Меня зовут не Пенмар, – сказал я, быть может, слишком резко. – Мое имя Касталлак. А Харри вообще не в родстве со мной. Он приемный сын Жиля, а на самом деле племянник его жены.

– Да, я знаю. Я…

– И если уж говорить начистоту, Винсент, ты не должен был рассказывать мне эту историю про любовницу Харри. Мне казалось, что юристы должны хранить подобного рода сведения в тайне.

– Да… да, прости. Ты совершенно прав. – Он выглядел осунувшимся. – Боюсь, сейчас во мне слишком много горечи по отношению к Пенмарам. Не слушай меня. Но, Касталлак, что это за женщина, эта твоя подруга? Как это случилось? Что ты собираешься делать, если узнает отец?

– Он не узнает, потому что ты единственный человек, которому я собирался об этом рассказать.

Одна мысль о том, что отец может узнать о моем романе с Розой, заставляла меня холодеть от ужаса. Я рассказал Винсенту так мало, как только смог, но он все равно был потрясен до глубины души. Было ясно, что он считал меня обязанным жениться на Розе, чтобы исправить положение, и не одобрял мою практичную, но неджентльменскую позицию.

После обеда я проводил его до офиса. Стоял серый денек конца сентября, и из гавани доносился запах лодок и рыбы. Стрелки часов на ближайшей церкви на холме показывали два часа, и я уже собрался попрощаться с Винсентом, когда позади нас раздался громкий цокот копыт, и, обернувшись, мы увидели Джастина Карнфорта. Он натянул поводья, остановился и прокричал нам:

– Касталлак! Винсент! Подождите секунду!

Мы едва не застонали. Разговоры с Карнфортом были утомительно односторонними и бесконечными, и, скорее всего, теперешний не обещал стать исключением.

– Как поживаешь, Карнфорт? – вежливо произнес Винсент, но, увидев

выражение его лица, тут же добавил: – Что-нибудь случилось?

– Случилось? Боже мой! – Его лицо было темным от гнева. – Вы разве не слышали новости? Я так зол, что едва сдерживаюсь! Этот негодяй Харри Пенмар! Черт его побери, если я когда-нибудь до него доберусь…

– Что он натворил? – прервал я его, неожиданно заинтересовавшись. – Что стряслось?

От Карнфорта чуть искры не сыпались.

– Моя сестра… Джудит… его будущая жена…

– Он сбежал с ней? – спросил удивленный Винсент.

– Нет! – заорал Карнфорт. – Нет, черт побери, сэр, он ее обманул! Он сбежал с дочерью зилланского священника! С маленькой Мириам Барнуэлл! С дочерью священника, черт побери! Когда я думаю о своей бедной сестре, униженной, опозоренной…

– Святый Боже, – вздохнул Винсент. – Какой ужасный удар для священника!

– Зато миссис Барнуэлл обрадуется, – сказал я, мысленно посмеиваясь. – Ее дочь выходит замуж за светского человека, хотя свадьба и будет довольно необычной.

– К черту Барнуэллов! – зашипел Карнфорт. – Что будет с моей сестрой? Она же брошена, черт побери! Послушай, Винсент, ты же теперь часто бываешь в Пенмаррике, правда? Когда в следующий раз увидишь Клариссу, скажи ей, чтобы она передала своему братцу, что, если он еще хоть раз сунет нос в Пензанс, я…

– Да, да, – торопливо пробормотал Винсент, поджав губы при упоминании имени Клариссы, но желая угомонить Карнфорта как можно быстрее. Его громкий голос уже начал привлекать внимание прохожих. – Я скажу ей.

– А если ты, Касталлак, когда-нибудь будешь в Пенмаррике…

– Я там не бываю, – вежливо возразил я, но, едва произнеся эту фразу, тут же вспомнил о своем намерении отправиться туда, чтобы просить у Жиля Пенмара денег, в которых так нуждался.

5

– Какая некрасивая ситуация, – сказал мне за обедом отец. – Только подумать, Мириам Барнуэлл, дочь священника, хорошо воспитанная, благородная девушка, неожиданно забывает о морали и бежит с таким негодяем! Я этого не понимаю. Всегда неприятно, когда девушка ее

происхождения ведет себя так, но сейчас это вдвойне неприятно, потому что мне жаль ее родителей. Бедный Барнуэлл ужасно расстроен.

– Да, сэр.

– Мне не хочется этого говорить, но боюсь, что часть вины лежит на миссис Барнуэлл. Слишком уж она хотела, чтобы ее дочь удачно вышла замуж. Я уверен, что прошлым летом, прежде чем Жиль отослал сына за границу, она способствовала и поддерживала флирт своей дочери с молодым Реймондом, и я бы не удивился, если бы узнал, что мать сквозь пальцы смотрела на всю эту историю с Харри. Боже мой, ведь должна же она была знать, что они где-то тайно встречаются, даже после его помолвки с Джудит Карнфорт! Как можно было допустить, чтобы подобные вещи творились прямо у нее перед носом? Полагаю, Харри решил жениться на Джудит, чтобы угодить Жилю и кредиторам, но в последнюю минуту струсил и сбежал с девушкой, которая казалась ему более привлекательной.

– Да, сэр.

– Удивительно, как молодой человек может вести себя подобным образом! Не удивлюсь, если он не женится на бедной маленькой Мириам, и что с ней тогда станется? Она будет погублена навсегда. Хотя я и осуждаю ее, все же Харри виню больше. Думаю, что молодой человек, который использует хорошо воспитанных, порядочных девушек в своих эгоистических и безответственных целях, должен быть окончательно испорчен.

– Да.

Отец пристально на меня посмотрел.

– Тебя эта новость, наверное, шокировала так же, как и меня, – заметил он. – Ты сегодня очень подавлен. Ты хорошо себя чувствуешь?

– Я немного устал, – сказал я. – Если позволите, сэр…

– Да, конечно, надеюсь, ты хорошо выспишься и отдохнешь.

Он улыбнулся мне, глаза его были так светлы и честны. Желая мне доброй ночи, он, конечно же, и предположить не мог, что я вел себя так же отвратительно, как Харри Пенмар.

6

На следующее утро я поехал в Пенмаррик повидать Жиля.

Когда пришло письмо Розы с просьбой о помощи и стало ясно, что мне вскоре придется занять крупную сумму денег, я некоторое время ломал голову, к кому бы обратиться. Одно время я думал, что сумею преодолеть

гордость и попытаюсь занять денег у матери, но побоялся, что она может написать отцу и, считая, что поступает в моих интересах, спросить, почему он дает мне столь нищенское содержание, что я вынужден просить у нее помощи. Нет, решил я, не стоит вовлекать мать в ситуацию, которая и без того ужасна. Но кто же еще оставался? Роберт Йорк был богат и, насколько я знал, достаточно расположен ко мне, чтобы одолжить любую нужную мне сумму, но он находился под каблуком у моей матери и ничего не смог бы удержать от нее в секрете. О том, чтобы занять денег у отца, не могло быть и речи.

Оставался Жиль Пенмар.

Однако, зная, что он в силах мне помочь, я тут же выкинул его из головы. Мысли о Жиле были опасны, и их следовало сразу же подавлять. Оправившись от шока, в который повергли меня чудовищные признания моей матери, я выстроил вокруг этих воспоминаний стену, и она успешно защищала меня от излишних размышлений и сильных эмоций. Итак, я отказывался думать и о Жиле, и о признаниях матери, в которые не мог и не хотел верить. Я помнил лишь, что я его наследник и что он, возможно, даст мне субсидию из тех денег, которые собирался оставить по завещанию. На этом в мозгу у меня захлопывалась дверь, и я больше не думал о нем до тех пор, пока не понял, что дальше откладывать малоприятный разговор в Пенмаррике нельзя.

В то утро я нашел дом одиноким и заброшенным, томительный корнуолльский туман клубился у его мрачных стен. Некоторое время я смотрел на Пенмаррик, не понимая, почему полюбил его, коль скоро он так безобразен, но тем не менее уверенный в том, что мне предстоит вдохнуть в него жизнь. Я улыбнулся собственной сентиментальности, но это чувство осталось, навсегда застряло в сердце. Это был мой дом, моя земля; когда-нибудь я вступлю в права владения ими.

Через пять минут, когда конюх с всклокоченными волосами увел мою лошадь, а лакей, горя желанием угодить будущему хозяину, быстро провел меня в дом, я снова очутился в гостиной с протертым индийским ковром и стал смотреть, как ветер гонит с моря на террасу прохладный туман.

Устав от напряжения, я уже прикидывал, долго ли мне еще ждать хозяина, когда дверь распахнулась и передо мной предстала не тень моего дяди в кресле-каталке, чего я так опасался, а ничуть не отталкивающее лицо его приемной дочери Клариссы.

– Дорогой кузен Марк! – воскликнула она тоном, рассчитанным на то, чтобы у меня по спине пробежала дрожь восторга. – Спешу к вам с оливковой ветвью, чтобы между нами воцарился мир!

Надо признаться, что дрожь восторга пробежала-таки у меня по спине, прежде чем мне удалось восстановить в памяти свое привычное безразличие к ее прелестям. На Клариссе было отделанное шелком светло-зеленого цвета кремовое платье, которое ей очень шло. Оно, правда, казалось несколько тесноватым в известных пикантных местах, и я подумал, что, если бы у нее была мать, тетя или хотя бы какая-нибудь наставница женского пола, платье это либо никогда бы не надевалось, либо было бы отправлено портнихе на переделку.

– Доброе утро, кузина Кларисса, – настороженно произнес я. – Благодарю вас за оливковую ветвь и принимаю ее с удовольствием.

– Но вам, разумеется, интересно, почему я ищу мира, – сказала она, изящно располагаясь в шезлонге и жестом приглашая меня сесть рядом. – Достаточно мы были врагами, не правда ли?

– Я никогда не стремился враждовать ни с кем из обитателей Пенмаррика, Кларисса, – ответил я, опускаясь в одно из кресел. – Этого хотелось вам, не мне.

– Но вы, само собой, понимаете, что я чувствовала! Мы с Харри всегда были всего лишь бедными родственниками, даже не Пенмарами. Папа, мой приемный папа, любил только Реймонда, а когда тот умер, не счел чудачеством написать завещание в пользу совершенно постороннего человека. Вы же понимаете, каково это было для нас с Харри.

– Вероятно… Но почему вы теперь переменились ко мне?

– Благодарите за это хитрую маленькую охотницу за состояниями Мириам Барнуэлл! Я просто не понимаю, как Харри позволил этой девчонке обвести его вокруг пальца! Естественно, это последняя капля, теперь папа лишит его наследства, а я не увижу его долгие годы… а здесь, в Пенмаррике, мне довольно одиноко, братец Марк. – Она одарила меня томным, полным тоски взглядом своих темно-карих, печальных глаз. Это были красивые глаза, большие, горящие, с длинными ресницами. – Дом такой мрачный, пустынный! Не хочу даже и думать о том, что теперь, без Харри, я буду погребена здесь и меня никто неделями не навестит.

– Моя дорогая Кларисса, – сказал я не без иронии, – вы слишком скромны. Вы знаете так же хорошо, как и я, что стоит вам только пошевелить пальцем, и мой друг Винсент бегом прибежит, чтобы составить вам компанию.

– Ах да, дорогой мистер Винсент – ваш друг! – Она улыбнулась и добавила безразличным тоном: – Как я могла забыть? Правда, я решила не видеться с ним так часто, как раньше, но вчера вечером он приехал в Пенмаррик по какому-то делу, и я его пожалела. Мы выпили по бокалу

портвейна, и он рассказал мне – о! – так много интересного о вас, братец Марк!

Я посмотрел на нее. Она по-прежнему улыбалась. В голове у меня пронеслась отчетливая мысль: если идиот Винсент сказал этой девчонке хоть слово о моих проблемах с Розой, он пожалеет, что знает и Клариссу Пенмар, и меня.

– Ему, оказывается, известно о вас на удивление много. Я узнала, что вы очень популярны у дам, кузен Марк. И это одна из причин, по которой я решила одарить вас оливковой ветвью. Меня всегда интригуют джентльмены с романтической репутацией.

– Романтической? – переспросил я, имитируя ее томную, расчетливо тягучую речь. – Боюсь, Винсент переоценил мои достижения в этой области. Как вам нетрудно заметить, моя внешность не позволяет мне следовать примеру вашего брата Харри в его романтических приключениях.

– Кого заботит романтическая внешность, когда шторы задернуты, а свеча погашена?

Я подскочил, словно чья-то сильная рука дернула меня вверх. Кажется, я даже охнул. Никогда прежде не слышал я подобных слов от девушки ее возраста и происхождения.

Она засмеялась.

– Как вы шокированы! Не стоит! Харри уже много лет поверяет мне свои тайны. Я знаю, что к чему. – Она тоже поднялась и грациозно прошлась по комнате в мою сторону, и, еще более шокированный, я понял, что все слухи о ее похотливости были правдой. – Не хотите ли пройтись со мной по дому? – предложила она непринужденно. – Я покажу вам…

– Нет, спасибо, – коротко ответил я.

Я увидел, что мой тон заставил ее темные брови чуть подняться. Улыбка померкла.

– Ну же, Марк, это просто невежливо. Я думала, что вы приняли оливковую ветвь.

Я повернулся и направился к звонку, чтобы напомнить лакею, что все еще жду Жиля. Но прежде чем я успел дотронуться до звонка, она с прохладцей произнесла своим теплым, изменчивым голосом:

– Я уверена, что со мной вам будет интереснее, чем с дочкой врача. В женщинах среднего класса есть что-то ужасное, вы не находите?

Я резко развернулся, но сказать ничего не смог.

Увидев выражение моего лица, она рассмеялась.

– Вы сердитесь, потому что я знаю о вашей жалкой дочке врача!

– Послушайте, Кларисса, – сказал я очень вежливо, – если вы произнесете в подобном тоне еще хоть слово о женщине, которая в тысячу раз более благородна, чем вы когда-либо сможете быть…

– Как скучно иметь любовницу, которая пытается походить на леди!

Я ударил ее. Я ударил ее по лицу тыльной стороной ладони, и глаза ее вспыхнули, а рука схватилась за щеку.

– Ты… ублюдок! – Она плюнула в меня изо всей силы, и ужасное слово, выбранное ею без задней мысли, только от злости, поразило меня больше, чем любое самое скверное площадное ругательство. – Ты… убогий… ублюдок… – Она едва могла говорить. Она вся дрожала от ярости. – У тебя нет права бить меня! – выдохнула она наконец. – Убирайся! Убирайся сию же секунду, не то пожалеешь!

Я вынул платок, вытер плевок со щеки и нагло уселся в шезлонг.

– Очень хорошо, – сказала она, все еще трясясь от ярости. – Я позову слугу, и он вышвырнет тебя отсюда.

Уже несколько минут я боролся с приступом гнева, но теперь дал ему волю. Вскочив на ноги, я схватил Клариссу за плечи, прежде чем она успела позвонить, и тряс, пока она не потеряла дар речи.

– Ты, маленькая… вынюхиваешь тут… – Мой горячий нрав был проклятием моего детства, и, хотя теперь я повзрослел уже достаточно, чтобы контролировать себя даже при самых серьезных провокациях, в тот момент мной овладела такая ярость, что я уже ничего не помнил. – Думаешь, я не понимаю, почему ты так злишься? Тебе трудно пережить, если кто-то может противостоять твоим чарам! Ты злишься и плюешься, потому что ты мне неинтересна! Тебе кажется, что ты можешь относиться ко мне как к этому дураку Винсенту, но, Господь свидетель, на этот раз ты ошиблась! Ни одна женщина не будет мне диктовать, не сможет заставить меня действовать по ее указке. Да и почему ты должна мне нравиться? Ты ведь даже не красива, у тебя карие коровьи глаза, толстогубый рот и отвратительный ворох черных завитушек! Я не лягу с тобой в постель, даже если ты мне заплатишь!

Я оттолкнул ее с такой силой, что она ударилась о шезлонг. В этот момент дверь распахнулась, на пороге кто-то кашлянул, и секундой позже дворецкий с приличествующей случаю уважительной дрожью в голосе объявил, что хозяин меня ожидает.

– Как вас зовут? – коротко спросил я у дворецкого, пока шел за ним через просторный мрачный холл к широкой лестнице. Спрашивая, я поправлял галстук и отирал со лба пот, проступивший от гнева. Руки мои все еще тряслись.

– Медлин, сэр.

Я понял, что в его глазах я уже доказал, что обладаю таким же буйным нравом, как любой Пенмар, и, когда мы поднимались по лестнице в галерею, он обратил мое внимание на портреты моих предков-выскочек, украшавшие стены. Первый Пенмар, азартный игрок по имени Бейкер, который выиграл Пенмаррик у принца-регента, решил, что его следует запечатлеть с пресловутыми игральными костями в руках; выражение лица у него было одновременно циничное и светское, и, несмотря на вычурный костюм эпохи Бруммеля, он, без сомнения, выглядел жестоким. Рядом с ним висели портреты его троих сыновей, из которых двое старших окончили свою жизнь неизвестно как, а младший, мой дед Марк Пенмар, заработал состояние на спекуляциях в Индии, а потом стал хозяином Пенмаррика. Я смотрел на деда, которого так любила моя мать. Как она и говаривала частенько, я был очень похож на него; я узнал темные раскосые глаза, уродливый нос и широкий рот, но мне не понравились холодное выражение лица и хитрость в уголках глаз. Последними в галерее были портреты моей матери и ее утонувшего брата Артура, который оставил Пенмаррик без наследника; это был первый Пенмар, которого можно было без сомнения назвать красивым, и он же был первым, кто выглядел как полный дурак. Я повернулся к портрету своей матери, написанному, когда ей было лет восемнадцать, чтобы найти черты той жесткой, высокомерной, полной горечи женщины, которую знал, но никакого сходства не нашел. Ее темные глаза светились теплым светом, губы были приоткрыты. Она излучала свет.

Неожиданно меня охватило уныние. Я отвернулся и последовал за Медлином из галереи по длинному коридору, который вел в спальню хозяина дома, в знаменитую башенную комнату Пенмаррика, где мой кузен медленно умирал в постели, глядя на море.

Когда я перешагнул через порог, в нос мне ударил запах медикаментов, но я постарался не морщиться. Его темные глаза глубоко запали, лицо было похоже на маску мертвеца; он кивнул мне, приглашая сесть. Пожилая сиделка молча удалилась. Мы остались одни.

– Значит, ты вернулся, – произнес он наконец. – Я все думал, вернешься ли ты.

– Да, сэр.

Но больше смотреть на него я не мог. Я слишком отчетливо понимал, что ничего не чувствую – никакого отклика, никакой неуловимой ниточки связи, никакой общности, никакого понимания, никакой любви. Он был просто чужак, которого я так никогда и не узнаю.

– Видимо, у тебя имеется серьезная причина для визита, – сухо сказал он. – Я не наивен. – В ответ я промолчал, и он коротко добавил: – Ты, конечно, знаешь о Харри. Не думай, что теперь тебе достанутся все мои деньги. Не достанутся. Я достаточно дал тебе, чтобы очистить свою совесть. Я добавлю долю Харри к приданому Клариссы, в надежде, что кто-нибудь женится на ней ради денег. Господь свидетель, никто бы не захотел жениться на ней из-за ее репутации.

Я был смущен. В замешательстве я оглядывал большую круглую комнату с окнами, выходящими на пустошь, и продолжал молчать.

Наконец он сардонически спросил:

– Ну что ж, признавайся, сколько тебе надо?

– Если… если бы вы могли предоставить мне эту сумму как часть наследства, а не в качестве подарка…

– Естественно. Сколько?

Я назвал цифру.

– Зачем тебе эти деньги? Разве твой отец не дает тебе содержания?

Мы вступили на опасную тропу. Скованность постепенно проходила, и я начал ощущать боль, но, когда я заговорил, мой голос был суше, чем прежде, – это был холодный, резкий голос уверенного в себе человека:

– Сэр, я не хочу просить у него такую сумму, поскольку она не может быть определена как часть наследства. Он собирается оставить большую часть своих денег моему младшему брату.

– Правда? И отчего же, как ты полагаешь?

Боль пронизывала меня, задевала каждый мой нерв, а лицо горело под его взглядом.

– Из чувства справедливости, сэр… поскольку я унаследую Пенмаррик… – Я едва соображал, что говорю. – Найджелу должен достаться особняк Гвикеллис… и это справедливо и честно…

– Не могу придумать ничего более несправедливого, чем лишить наследства старшего сына ради младшего… если, конечно, Касталлак не уверен, что у него только один сын.

После этих слов мне показалось, что я больше ни секунды не вынесу боли. Я поднялся и побрел прочь из комнаты. Но он меня остановил. Он принял мое унижение за ярость и, когда я повернулся к нему спиной, нащупывая ручку двери, окликнул меня быстрым, неровным голосом:

– Подожди! Я дам тебе деньги. Незачем злиться. Прошу прощения, что так много говорил о болезненном для тебя предмете, но с тех пор, как ты приходил сюда с матерью, я все думал, уж не… ну да ладно, теперь это не имеет значения. А сейчас подойди к секретеру и открой ящик… Да, этот. Там ручка и бумага. Тебе придется писать под диктовку. Я попрошу Требарву, моего юриста, дать необходимые распоряжения банку, чтобы тебе перевели деньги.

Огромным усилием воли я успокоил трясущиеся пальцы, взял ручку и написал, что было велено.

Когда письмо было составлено, он посоветовал мне потратить деньги с пользой, а не растранжиривать их на карты, лошадей и женщин, как это принято у Пенмаров, но к тому времени я уже взял себя в руки и злость вытесняла боль. Когда я огрызнулся: «Меня зовут Касталлак, а не Пенмар, сэр», мой голос был холоден, как серое море за окном, и безразличен, как пустошь за усадьбой.

– О да, – сказал он. Наши взгляды скрестились на одну долгую минуту, и я почувствовал то, чего не хотел чувствовать: отклик в душе, вспышку понимания, тень сочувствия, которые не мог не признать. – О да, – повторил Жиль Пенмар, и в его сухом, исхудалом лице я прочел муки одиночества и смог его простить. – Тебя зовут Касталлак. – Губы его сложились в чуть заметную, вежливую усмешку. – Прошу прощения.

Вскоре после этого я ушел. Я почти бежал по темному коридору в галерею, и все мертвые Пенмары, казалось, насмехались надо мной из своих рам, когда я, спотыкаясь, спускался по лестнице в вестибюль. В тот момент ни один дом не казался мне таким угнетающим, как Пенмаррик, и, убегая по подъездной дорожке, я в приступе отчаяния пожалел, что мой прапрадед выиграл ту знаменитую игру в кости с принцем-регентом. Лучше бы он оставался никому не известным человеком по имени Бейкер до самого конца своей карьеры авантюриста.

Глава 5

В отчаянии он отправил гонцов к королю Стефену, прося у него помощи, как у родственника… (Стефен) немедленно отправил мальчишке, пытавшемуся узурпировать его трон, деньги, в которых тот нуждался.

Джеффри пожаловался на нездоровье… У графа была высокая температура, и он приготовился к смерти.

Джон Т. Эпплбай.

Генрих II

1

К моему великому раздражению, в ту ночь я некоторое время провел без сна, думая о Клариссе Пенмар. Без сомнения, если бы я не думал о ней, то я все равно бы не уснул, размышляя о разговоре с Жилем, но я прилагал большие усилия, чтобы не вспоминать о сцене в башенной комнате, и мне было приятнее думать о Клариссе, воскрешая в памяти нашу ссору.

В прошлом я познал достаточное количество бесстыдных женщин, но те не притворялись, что они лучше, чем были на самом деле, и в их падении легко было обвинить тяжелый удел низших классов и множество других социальных обстоятельств. Но иметь деньги, аристократическое происхождение и при этом не считаться с принципами – с таким феноменом я сталкивался впервые. С тайным развратом мне встречаться доводилось, как и всякому, кто вращался в лондонском светском обществе, но для незамужней девушки такая ужасающая неразборчивость в связях была редкостью: я полагал, что все, или почти все, девушки моего класса были девственницами до замужества, независимо от того, как менялись их принципы позднее. Часто они хранили девственность вовсе не из представлений о чистоте, а скорее поневоле, но даже их дебюты на светских балах в Лондоне всегда происходили под присмотром родителей

или компаньонок. У Клариссы тоже должна была быть такая компаньонка во время ее дебюта на лондонском сезоне, но, по всей видимости, эта дама оказалась чрезвычайно рассеянной.

Я не мог не думать о том, скольких мужчин соблазнила Кларисса, и с отвращением обнаружил, что невольно вспоминаю о ней с похотливым интересом. В порыве ярости я сказал ей, что она меня не привлекает, и это было правдой, но большинство мужчин проявляют тайный интерес к женщинам с подобной репутацией, и я с раздражением понял, что не являюсь исключением.

Чтобы отвлечься, я переключился на мысли о Майкле Винсенте. Я был очень зол на него за то, что он предал мое доверие, и мне было трудно спокойно размышлять об этом, но, когда наступило утро, я отправился в Пензанс, чтобы с ним встретиться.

– Касталлак! – воскликнул он, когда клерк провел меня в его офис. – Какой приятный сюрприз!

– Я так не думаю, – заметил я коротко и подождал, когда за клерком закроется дверь. – Черт тебя побери! – сказал я. Голос мой дрожал от гнева, хотя я себя полностью контролировал. – Черт тебя побери! Если бы мы были не у тебя в офисе, где слышен любой шум, я бы сбил тебя с ног и, если бы повезло, к чертям размозжил бы тебе нос.

– Касталлак… – Его лицо посерело. – Я не…

– Даже и не говори мне, что не понимаешь, о чем я! Чертов дурак! Как ты смеешь рассказывать своей любовнице о моей личной жизни!

– Любовнице! – Он, казалось, был на грани обморока.

– Любовнице! – заорал я. – Любовнице! Ты рассказал этой шлюхе из Пенмаррика о Розе Парриш!

– Кларисса мне не любовница, – сказал он. – Не любовница.

– Ты думаешь, что сможешь убедить меня в этом? – Я почувствовал, что снова теряю над собою контроль. – Она ведь уступает любому, кто предложит ей свои услуги! Боже, она даже мне себя предлагала! Так что и не говори мне…

Он поднялся. Он весь дрожал.

– Ты… ты… – Он не мог говорить. – Ты хочешь сказать, что ты и она…

– Господи, Винсент, не будь таким дураком! Ты думаешь, что у меня возникло желание вступить с ней в связь на вытертом индийском ковре в гостиной Пенмаррика, после того как я узнал, что ты ей рассказал…

– О боже, – сказал он и неожиданно опять сел. – О боже. – Он закрыл лицо руками.

Я смотрел на него.

– Очень хорошо, – с горечью произнес я наконец. – Очень хорошо. Она тебе не любовница. Может быть, она спит со старшим конюхом. Но если она тебе не любовница, то у тебя остается еще меньше шансов оправдаться в том, что ты рассказал ей о Розе Парриш! Я открыл тебе строжайший секрет… я полагался на твою корректность как юриста и джентльмена, а ты предал мое доверие, предал эти понятия…

– Не тебе говорить об этике, – сказал он. – Если бы ты вел себя как джентльмен, тебе не пришлось бы рассказывать мне о Розе Парриш.

– Черт тебя побери! – заорал я. – Не смей читать мне мораль!

– И ты не смей!

– Ты…

– Очень хорошо, я прошу прощения. Я прошу прощения за то, что я выдал Клариссе твою тайну! Я не собирался ей говорить, мы просто беседовали о тебе, и она сделала замечание о том… о том, что ты не так красив, как ее брат Реймонд. И тут я, не подумав, ляпнул, что другие женщины находят тебя достаточно привлекательным…

– Ты слабый, бесхребетный…

– Я не хотел говорить ей, клянусь! Но я любил ее, Касталлак, я и сейчас люблю ее, и, когда я с ней, я обо всем забываю, я словно глина в ее руках…

– Глина! – Я посмотрел на него с презрением. – Она тебя, бедного, сломает. Разорвет надвое! Ты просто теряешь время, потому что она никогда тебя не полюбит. Самое большее, на что ты можешь надеяться, – это несколько часов в ее спальне в Пенмаррике, прежде чем она найдет еще кого-нибудь.

Удар был так быстр, что я не успел уклониться от его кулака. Только что он бессильно сидел в кресле и вот уже вскочил, перегнулся и отшвырнул меня в другой конец комнаты. Я ударился о три ящика с документами, сбил с табурета груду бумаг и влетел в деревянный шкаф. Дверца шкафа распахнулась. Ручки, перья и бумага каскадом посыпались на пол.

– Касталлак… ты в порядке? – Он был настолько джентльмен, что даже попытался помочь мне подняться, после того как сбил с ног.

Я поднялся с пола без его помощи и повернулся к нему спиной.

– Касталлак, прости меня. Послушай, я не хочу с тобой ссориться. Пожалуйста, давай помиримся и останемся друзьями. Я знаю, что поступил отвратительно, предав тебя, я прошу прощения от всего сердца, но…

– Я никогда больше не смогу тебе доверять, – процедил я сквозь зубы

и вышел из комнаты.

Дверь захлопнулась с громким стуком. Три пожилых клерка из соседнего офиса с любопытством посмотрели на меня поверх очков, но я не остановился. Не понимая, куда иду, я вышел на улицу и, все еще не в состоянии сказать ни слова от ярости, промчался вниз к лужайке, к успокаивающей тишине гостиницы «Метрополь».

Прошло немало времени, прежде чем я вернулся в тот офис, чтобы помириться с Майклом Винсентом; мы не общались много месяцев.

2

В тот день я нашел для Розы комнаты с видом на море и нанял дочь хозяйки, приятную, умелую женщину, чтобы готовить, ходить по магазинам и помогать Розе в других делах по хозяйству.

– Моя кузина миссис Парриш слабого здоровья, – объяснил я и хозяйке, и ее дочери, когда все приготовления были закончены. – Месяц назад ее муж трагически погиб во Франции.

Они сочувственно вздохнули.

– Бедняжка, – сказала хозяйка. – Бедная молодая леди.

– Он участвовал там в испытаниях безлошадной кареты, – фантазировал я. – Мотор взорвался, и карета вышла из-под управления. Это была большая трагедия.

Глаза у них округлились. Они слышали, что во Франции происходят такие вещи, но впервые познакомились с человеком, который был напрямую связан с этим последним достижением современной науки.

– Ох уж эти мне новомодные изобретения! – неодобрительно прокомментировала хозяйка.

– Ничего хорошего из этого не выйдет, – поддержала ее дочь. – Совсем ничего.

Они дружно закивали. Я оставил их размышлять о судьбе мифического мистера Парриша и отправился в холл гостиницы «Метрополь», чтобы написать записку Розе. Я сообщал, что снял комнаты и нанял горничную, и обещал прислать за ней в Сент-Ивс наемный экипаж в следующий понедельник.

«Скажешь Тринам, что экипаж доставит тебя на станцию и ты поездом отправишься в Лондон, – писал я. – Если они захотят проводить тебя, скажи им, что расставание на станции будет для тебя слишком тяжело. Я постараюсь оказаться на месте к твоему приезду, но, если меня не будет,

тебя встретят миссис Полджер и ее дочь, поэтому волноваться незачем. У менеджера „Грейт-Вестерн-банка“ на Маркет-Джу-стрит, дом 16, я оставлю тебе двадцать фунтов, а если тебе когда-нибудь понадобятся деньги и не удастся сразу со мной связаться, ты всегда сможешь обратиться к Майклу Винсенту, юристу в конторе „Холмс, Холмс, Требарва и Холмс“ в переулке Болито, дом 3, недалеко от Маркет-Джу-стрит рядом с памятником сэру Хамфри Дейви. Я, конечно, буду писать тебе каждую неделю…»

Я подумал, что не будет вреда, если я дам ей адрес Винсента. Несмотря на наши нынешние отношения, он не откажет в помощи женщине, попавшей в беду.

Я запечатал письмо, отправил его, вернулся к своему коню. К тому времени вечер уже начинался, и я знал, что мне надо поторапливаться, чтобы успеть домой к ужину. Поэтому, чувствуя одновременно и удовлетворение оттого, что все приготовления для Розы завершены, и горечь от ссоры с Винсентом, я покинул Пензанс и холмами поехал через Зиллан к дому своего отца в Морве.

3

Отца я, когда приехал домой, не встретил. Я предположил, что он работает у себя в кабинете, и, почистив коня и оставив его в конюшне на попечение Мэннака, отправился в свою комнату и начал переодеваться к ужину. Вскоре миссис Мэннак принесла мне горячей воды.

– Мистер Касталлак хочет поговорить с вами, сэр, – сообщила она, ставя кувшин на тумбочку. – Когда будете готовы.

– Очень хорошо. Спасибо, миссис Мэннак.

– Спасибо, сэр. – Она ушла.

Я быстро помылся и переоделся; а когда привел себя в порядок, спустился вниз и постучал в дверь отцовского кабинета.

– Войдите, – послышался его голос.

Я вошел. Он стоял у окна и смотрел, как вечерний свет отбрасывает через пустошь длинные тени. Я направился к нему, как вдруг увидел у него в руках письмо.

Я остановился. Он повернулся. Под глазами его были тени, он выглядел несчастным. Он протянул мне письмо.

– Пожалуйста, прочти. – Он ничего более не добавил, поэтому я взял письмо, взглянул на него и наверху страницы увидел знакомый герб Пенмаров, а внизу страницы подпись: «Кларисса Пенмар».

Я поднял на него глаза. Ничего не случилось. Где-то тикали часы, далеко за окном солнце садилось в кровавый мрак мутного корнуолльского моря.

– Прочти, – повторил он.

Я опять посмотрел на письмо.

«Дорогой мистер Касталлак, – писала Кларисса отвратительным детским почерком, – возможно, Вам будет интересно узнать, что Ваш сын сегодня выпрашивал здесь денег; во всяком случае, так мне сказал отец. Кажется, братец Марк содержит в Пензансе женщину, докторскую…»

Листок выпал у меня из рук и бесшумно слетел на пол. В горле встал ком. Я отвернулся.

После долгого молчания отец спросил:

– Это правда?

Я не ответил. Я стоял у его стола, трогал ручку, чернильницу. Мои пальцы бездумно скользили по его книгам. Я ничего не видел.

– Это правда, Марк?

– Нет, – ответил я. – Это все ложь.

Я все время ходил по комнате. Я не мог стоять на месте. Когда я отвернулся от стола, то увидел письмо, лежащее на полу, поднял его, разгладил пальцами и попытался прочесть заново. Но не смог.

– Ложь? – переспросил он. – Но ты ведь был у Жиля, не так ли? Зачем Клариссе придумывать? Ты же ездил в Пенмаррик.

– Да.

Его шахматы были расставлены на столике около двери. Я взял в руки черного коня, потом черную пешку и поставил их обратно.

– Ты занял денег у Жиля.

– Да.

– Но для какой цели?

– Они… были мне нужны.

– Да, но почему ты не обратился ко мне? Ведь я просил тебя, Марк, если ты когда-нибудь залезешь в долги, обращаться ко мне, а не к другим, не к чужим…

– Мне не хотелось просить у тебя, – сказал я. – Мне не хотелось становиться для тебя обузой. А деньги Пенмаров – мои по праву.

– Но ты должен был прийти ко мне! Я тебе велел! Почему ты пошел к Жилю?

– Только потому, что к тебе обратиться было невозможно. – Мои пальцы по-прежнему переставляли шахматы, передвигая маленькие фигурки из слоновой кости в неровную линию. – Мне не хотелось, чтобы

ты знал.

– Об этой женщине?

– Нет никакой женщины, – сказал я. – Это все ложь.

– Тогда зачем тебе понадобились деньги?

– Карты. Я проигрался в карты. В Карнфорт-Холле.

– Значит, дочери доктора не существует.

– Нет, – повторил я. – Не существует. Кларисса все выдумала.

Наступило долгое молчание. Белая королева выскользнула у меня из рук и со стуком упала на доску.

– Боюсь, я тебе не верю, – сказал он.

Снова наступило молчание. Я опять взял черного коня и сжал его, словно хотел расплющить. Это была унизительная сцена, и глаза у меня защипало от слез.

– Думаю, тебе лучше все мне рассказать.

Я ничего не говорил. Я стоял к нему спиной. Я видел только доску и маленькие фигурки из слоновой кости.

– Я слушаю, Марк.

– Тебе незачем знать подробности, – сказал я. – Все уже улажено. Все кончено. Я сделал все необходимое. Тебе вовсе незачем об этом знать. Я не хочу, чтобы ты об этом знал.

– Боюсь, я тебя не понимаю. Как может быть «все кончено», если Кларисса пишет, что ты собираешься в будущем содержать в Пензансе эту женщину?

– Только несколько месяцев, – быстро сказал я, – а когда у нее родится ребенок…

Я остановился. Повисла тягостная, отвратительная тишина. Я повернулся, чтобы посмотреть на отца, увидел выражение его лица, попытался опять сосредоточиться на письме. И тут я все понял.

Кларисса не написала, что Роза беременна. Винсент рассказал ей не все.

– О боже! – Я сел, поставил локти на столик для шахмат, и несколько фигурок из слоновой кости упали на ковер. Казалось, щеки прожгут мне ладони. – О нет! – Крупные горячие слезы выступили у меня на глазах. Я плакал. – Нет, нет…

– Пожалуйста, – сказал отец. – Пожалуйста, Марк.

Я продолжал плакать.

– Думаю, тебе лучше рассказать мне всю историю.

– Нет, – сказал я. – Я не хочу тебе рассказывать. Я не хочу, чтобы ты знал.

– Но я уже знаю. У тебя было приключение с дочерью врача, и теперь у нее будет ребенок.

Я не мог слушать его голос. Я заткнул уши руками, мои слезы полились на шахматные фигурки из слоновой кости и потекли по полированной поверхности доски.

– Я даю тебе шанс оправдаться.

– Я не могу.

Как мог я ему объяснить, что хотел Розу, потому что она напоминала мне Джанну, и что я хотел Джанну, потому что мне было необходимо обладать такой женщиной, а обладать такой женщиной мне было необходимо, потому что… Я сам не знал почему. Я не понимал, почему холостяцкое воздержание было для меня невозможно. Я никогда не понимал, почему так часто хочу женщину, которая совершала бы со мной все обряды любви, даже если никакой любви и нет. Я знал только одно: чем несчастнее я был, тем труднее мне было оставаться без женщины. Моя одержимость Джанной возникла, когда я чувствовал себя подавленным, сбитым с толку и одиноким.

Отец заговорил снова. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы выслушать его и понять.

– Кто эта женщина? – Его голос был по-прежнему спокоен и серьезен, но было понятно, что он расстроен еще сильнее. – Как ты с ней познакомился?

– Случайно, в Сент-Ивсе. Она работала нянькой. У нее нет ни денег, ни родных. – Я достал платок, рука моя дрожала. – Мы встречались каждый день в течение недели.

– Ты хочешь сказать, что она приходила к тебе в гостиницу? Дочь врача? Хорошо воспитанная девушка?

– Нет, я… я снял тент для купания на пляже.

– И там у вас было приключение.

– Да.

– В течение недели.

– Да.

– Ты ввел ее в заблуждение обещанием жениться?

– Нет, я ничего не обещал.

– А теперь… ты обещал на ней жениться?

– Нет.

– Понимаю. Значит, ты пользовался ею несколько дней, погубил ее, потом решил очистить свою совесть с помощью денег, занятых у Жиля Пенмара. Ты сказал Жилю…

– Нет.

– Но ты пошел к *нему*, – сказал он. – Ты не пришел ко мне.

– Я не мог… я не хотел тебя расстраивать.

– Ты еще больше расстроил меня тем, что обратился к Жилю. Конечно, ты вел себя отвратительно, мне за тебя стыдно, я глубоко шокирован, но человек несовершенен; у каждого есть недостатки, каждый совершает ошибки… Я не отрицаю, что очень сердит на тебя, но постараюсь понять и простить. И труднее всего простить не твое аморальное поведение, хотя и это достаточно скверно, а твое двуличие. Ты обманул меня, лгал мне…

– Только потому, что…

– …Только потому, что у тебя не хватило мужества признаться в таком бесчестном поступке! И все же я не имею права сильно на тебя сердиться; это не только твоя вина, но и моя. Я очень старался быть тебе хорошим отцом – дать приличное воспитание и внушить определенные принципы, – но теперь я вижу, что не сумел. Я делал все, что мог, но этого, видимо, было недостаточно.

– Не говори так. Пожалуйста. – Я встал, все еще держа письмо Клариссы в руке. Лицо мое было мокрым от слез. – Не надо, не надо, не надо.

– Это правда, – сказал он. – Я никогда тебя не понимал. Я никогда не понимал твою мать и никогда не понимал тебя. В тебе нет ничего от меня, совсем ничего. Я все искал и искал хоть какую-нибудь искру, которую мог бы узнать, какое-нибудь сходство… но ничего нет, даже твоя любовь к истории – это наносное, выросшее из твоего желания во всем превзойти Найджела. Ты похож только на свою мать. Ты – Пенмар. Наверное, подсознательно я это понимал с момента твоего рождения.

– Нет! – закричал я. От какого-то ужасного, всепоглощающего чувства я вдруг ослабел настолько, что едва мог стоять. – Нет, нет, нет…

– И ты пошел к Жилю, – сказал он. – Ты пошел к Жилю. Ты не пришел ко мне. Ты пошел к нему.

– Да, я пошел к нему! – Я едва мог говорить. Я потер кулаками глаза, как ребенок, пытающийся удержаться от слез. – Я пошел к нему, потому что твое мнение для меня важно, а мнение Жиля совсем не важно…

– Жиль, – сказал он. – Жиль Пенмар. Беспринципный, бесчестный человек. Они все такие, Пенмары. Злая, аморальная, развратная семья.

– Но я не… не похож на них… – Я попытался схватить его за рукав, но он отвернулся, словно не мог больше на меня смотреть. – Я похож на тебя, – сказал я. – Я знаю это. Я знаю, что похож на тебя. Пожалуйста, поверь. Пожалуйста, скажи, что веришь. Пожалуйста. Пожалуйста, скажи.

– Я пытался в это поверить, – сказал он, – но не получилось.

После этого наступило молчание, потому что говорить нам было больше не о чем. Я отстранился от него, слишком исполненный горя, чтобы выплакаться, и вслепую выбрался из комнаты в холл. Открыв переднюю дверь, я побрел на улицу. Смеркалось, сильный ветер гнал с моря огромную массу черных туч.

Я побежал. Я бежал прочь от дома, через поля, через каменные ограды к пустоши, а когда добежал до вершины холма, вокруг меня завыл ветер. Было темно. Вереск царапал ботинки, цеплялся за брюки, но я все бежал и бежал… дыхание вырывалось всхлипами. И вот неожиданно, зловеще вздымаясь от древней земли и рассекая темноту, передо мной встали каменные стены замка Чун.

Я остановился, пытаясь отдышаться. Отбросив волосы со лба, я стер с лица слезы, которые давно высохли, а затем, поправив галстук, стал спускаться вниз по холму в долину, к освещенным окнам фермы Рослин.

4

Сверкнула молния. Удар грома заглушил стук моего кулака в заднюю дверь. Молния сверкнула опять, и на одну жуткую секунду, далеко-далеко на горизонте, я увидел моторный цех шахты Динг-Донг, вырисовавшийся на фоне штормового неба.

– Есть кто-нибудь дома? – закричал я.

Дверь на дюйм приоткрылась, и старая карга Гризельда просунула в щель нос, чтобы посмотреть, кто там.

– Чё те надо? – Она смотрела на меня с сильнейшим подозрением. – Чё те надо от нас?

– Впусти меня. – Я бы оттолкнул ее, но дверь была на цепочке. – Где твоя хозяйка?

Откуда-то издалека, из освещенной комнаты, я услышал тихий голос Джанны:

– Кто там, Гризельда?

Старая ведьма повернула голову:

– Это молодой мистер Марк.

Ее слова до сих пор звучат у меня в ушах. Она не сказала: «Мистер Касталлак» или хотя бы «Молодой мистер Касталлак». Просто: «Молодой мистер Марк».

– Ну что ж, впусти его, – сказала Джанна Рослин, и в ее спокойном,

ровном голосе прозвучала нотка нетерпения. – В самом деле, Гризельда, разве можно быть такой негостеприимной?

Старая карга, ворча, сняла цепочку и открыла дверь еще на несколько дюймов. Я протиснулся мимо нее в комнату.

Она стояла у стола. Я некоторое время ее не видел, и ее осанка и красота поразили меня, словно в первый раз. Она, как всегда, была в черном, на воротнике приколота брошь, камея из полудрагоценного камня. Я помню, как удивился, увидев в ее руке номер «Времени», издаваемой в Пензансе газеты, которую она, по всей видимости, читала, когда я ее прервал. Странно было видеть, пусть даже местную, газету в руках у владелицы отдаленной фермы.

– Добрый вечер, мистер Касталлак, – произнесла она. – Какой неожиданный сюрприз.

– Добрый вечер, миссис Рослин, – сказал я.

Начинался дождь. Молния вновь рассекла пространство за окном, а секундой позже грянул гром.

– Гризельда, – спросила Джанна, – все окна наверху закрыты? А тебе, Энни… – (бедная полоумная служанка дрожала как осиновый лист), – не надо бояться. Гром не причинит тебе вреда. – Она повернулась ко мне. – Мы только что приготовили чай. Хотите?

– Да… пожалуйста. Если можно.

Она подошла к буфету, достала еще одну чашку и блюдце и поставила их на стол. Черный, как чернила, чай потек из носика чайника.

– Молока?

– Да. Немного.

– Положить сахар?

– Нет, спасибо.

Она поставила мою и свою чашки на поднос и направилась к двери.

– Пройдемте в гостиную.

Я проследовал за ней по коридору в гостиную. Неожиданно я почувствовал, что скованность проходит, а силы и энергия возвращаются ко мне.

– Пожалуйста, садитесь. – Она задвинула шторы. – Вам не холодно? Разжечь огонь?

– Нет, спасибо.

Мы сели друг напротив друга за маленький столик. Гром опять прокатился по долине, в окна ударил дождь.

– Вы выглядите очень усталым, мистер Касталлак, – сказала она. – Вы хорошо себя чувствуете?

– Спасибо, хорошо.

Она пристально на меня посмотрела, словно заподозрила было, что я пьян, но, по всей видимости, все-таки решила, что трезв.

– Позволено мне будет спросить, почему вы пришли ко мне в такой час?

– Да, – ответил я. – Вы можете спросить. Но ответить мне нечего. Я не знаю, зачем пришел. Может быть, потому, что мне некуда пойти.

Она пила чай. Больше вопросов она не задавала. Просто ждала, чтобы я объяснился, но я не мог ничего объяснить, поэтому, лишь бы что-нибудь сказать, спросил:

– Почему вы читаете «Время»?

Наступила пауза. Она казалась удивленной.

– Может быть, – сказала она наконец, – потому что умею читать.

Тогда я понял, почему газета показалась мне странной в ее руках. Несмотря на социально ориентированное законодательство семидесятых годов, большинство женщин ее класса по-прежнему оставались безграмотными.

– Вы ходили в школу? – неловко спросил я.

– Нет.

– И все же вы умеете читать.

– Я научилась.

– Вы, должно быть, были очень одаренной ученицей, если научились читать без учителя.

– У меня был учитель. Но не в школе.

– А… а по другим предметам у вас тоже был учитель?

– Да, мистер Касталлак, – сказала она. – Думаю, что можно сказать и так. Чтение – лишь одна из наук, которыми я овладела в молодости.

– В Сент-Ивсе?

– В Сент-Ивсе.

Я попробовал чай. Он был крепким, как микстура. Я сделал еще глоток.

– Почему вы не любите Сент-Ивс, миссис Рослин?

– Почему? – переспросила она. Глаза ее были чисты, в них отражалось чуть-чуть презрения, чуть-чуть смеха. – Без особой причины. Мне просто надоел запах рыбы.

– Понимаю. – Гром ушел дальше, но дождь по-прежнему постукивал в окна. – И все-таки приятно жить у моря, – сказал я наконец. – Когда-нибудь я буду жить около моря, в Пенмаррике. Вы знаете об этом?

– Я… слышала сплетни.

– Это большое поместье. Мне повезло, что у меня есть такой… Как сказать?.. Такой…

– Такие большие надежды, – сказала она с улыбкой.

– Точно. – Я посмотрел ей прямо в глаза. – Я рад, что вам известны факты; мне бы хотелось, чтобы мое положение было вам ясно.

– О? Зачем?

– Потому что я хотел спросить вас, миссис Рослин, не станете ли вы моей женой?

Она посмотрела на меня. Ее чистые глаза были полны изумления.

– Выйти за вас замуж, мистер Касталлак?

– Выходите за меня замуж, миссис Рослин. Выйдете?

Она сразу подобралась. Я увидел, как она взглянула на чашку чая на столе перед собой, пытаясь, вероятно, вспомнить подходящую фразу из какой-нибудь книги, некогда читанной в Сент-Ивсе.

– Видите ли, мистер Касталлак, – сказала она, тщательно подбирая слова, – я, конечно, целиком осознаю оказанную мне честь…

Я попытался вспомнить, была ли эта фраза позаимствована у Диккенса. Или у Джейн Остин.

– …Но, к моему глубочайшему сожалению, я вынуждена отклонить ваше предложение. Я вам очень благодарна и сожалею, что не могу стать вашей женой. – Она неловко улыбнулась. Глаза ее были настороженными.

Наконец я прервал тишину:

– Может быть, вам нужно время, чтобы обдумать предложение? У вас же его не было.

– Боюсь, что мне не требуется дополнительное время на размышление, мистер Касталлак. Но тем не менее благодарю вас.

– Могу ли я узнать, какова причина вашего отказа?

– В данный момент я не хочу вторично выходить замуж. Слишком мало времени прошло после смерти мужа.

– Тогда можно ли мне повторить свою просьбу, когда…

– Нет, мистер Касталлак. Спасибо.

– Потому что я слишком молод?

Она заколебалась.

– Может быть.

– Тогда, когда я стану старше…

– Нет, мистер Касталлак. Мне очень жаль. Замужество исключается.

Я посмотрел на нее. Руки мои сжались и замерли. В голове не было ни единой мысли, кроме той, что я хочу провести с ней ночь и не могу.

– Мне очень жаль, – сказала она. – Пожалуйста, простите меня. Это

неосуществимо. Простите.

– Это осуществимо, – возразил я, – и это осуществится. – Я встал. – Извините, что отнял у вас время, миссис Рослин. Простите. – Я направился к двери.

Она была удивлена:

– Вы уже уходите?

– Да. Я и так злоупотребил вашим гостеприимством.

– Но ведь дождь еще идет! Останьтесь хотя бы, пока не кончится гроза.

– Нет, мне нужно уходить. Немедленно. Простите меня. – Я вслепую побрел в холл и завозился с задвижкой входной двери.

– До свидания, мистер Касталлак. – Ей по-прежнему было неловко. – Спасибо, что заглянули.

– До свидания, миссис Рослин, – сказал я, не в состоянии на нее смотреть, и вышел в темноту, дождь и ветер.

Дверь закрылась.

Я стоял, часто дыша, бессмысленные слезы снова защипали мне глаза, а при новой вспышке молнии, осветившей долину, на горизонте я опять увидел моторный цех, каменную башню шахты Динг-Донг. Гром, дрожа, укатился к Пензансу и Маразиону. Дождь хлестал меня по щекам, будто маленьким хлыстом. Наконец, спотыкаясь в темноте, я обогнул дом и начал свой тяжкий путь вверх по холму к обдуваемым ветром стенам замка Чун.

5

Когда я пришел домой, отца не было.

– Он оседлал лошадь, – сказала миссис Мэннак, – и отправился вас искать. Очень волновался. Я сказала ему, что приближается гроза, но он не обратил внимания. «Гроза – это ерунда», – сказал он. Очень волновался.

Меня охватили ужас и раскаяние.

– Куда он поехал?

– Сказал, что на запад от Сент-Джаста. Да не корите себя, мистер Марк. Сейчас он поди уж сидит где-нибудь в трактире.

Отец, вероятно, поехал в Пенмаррик. Он, наверно, подумал, что я вернулся к Жилю. Я надел пальто, шарф, сапоги для верховой езды и выбежал на тропинку, ведущую к дороге на Морву. Дождь сыпал уже не так часто, но ветер был по-прежнему силен и дул мне в лицо, когда я спускался по холму к церкви. Едва свернув к Сент-Джасту, я услышал слабый топот копыт.

– Папа! – Я ринулся вперед, поскальзываясь в грязи, стуча зубами от холода и сырости. – Папа! – закричал я, но ветер срывал слова с моих губ и относил их через пустошь в сторону Чуна. – Папа!

Из-за поворота показалась лошадь. Было так темно, что я не видел лица седока.

– Папа…

– Марк. – Он был уже рядом и слезал с лошади. – Марк, я так за тебя волновался. Так волновался. – Он обнял меня, и я прижался к его груди, как когда-то в Гвике маленьким мальчиком. – Где ты был? – спросил он. – Я искал тебя. Я доехал до Пенмаррика, но дворецкий сказал, что тебя там нет. Где ты был?

– В Чуне.

– В грозу?

– Я укрылся… на ближайшей ферме.

– Очень разумно с твоей стороны. Бедный мальчик, ты дрожишь с головы до ног! Садись на лошадь, поезжай домой как можно быстрее и прими горячую ванну. Я никогда не прощу себе, если ты умрешь от простуды.

– Нет… со мной все будет хорошо. Но нельзя ли нам обоим сесть на лошадь? Не могли бы мы…

– Нет, я слишком высок и тяжел, а лошадь слишком стара и не выдержит нас обоих. Делай, как велено, и немедленно поезжай домой. Обо мне не думай.

Я запротестовал, но он был тверд, поэтому я вскоре сдался и сделал, как он хотел. Добравшись до дома, я велел миссис Мэннак нагреть как можно больше воды и ушел в свою комнату, чтобы содрать с себя мокрую одежду. Как только я, завернутый в одеяло, вошел на кухню, чтобы устроиться у плиты, появился отец.

– Вода греется?

– Да, сэр, – сказала миссис Мэннак.

– Хорошо. Ты все еще дрожишь, Марк?

– Нет, – ответил я. – Нет, я уже согрелся.

– Дай Бог, чтобы ты не подхватил пневмонию.

– Нет, не подхвачу, – сказал я. – Я никогда ничем не болею.

Я был прав. Пневмонию я не подхватил. Но на следующее утро отец сказал, что неважно себя чувствует, а днем я уже ехал в Пензанс за врачом.

Он болел десять дней. Большую часть времени у него была такая высокая температура, что он меня не узнавал, а под конец вообще ничего не говорил, лежа на подушках без сознания. Накануне десятого дня я снова отправил миссис Мэннак за врачом и вернулся к его постели. Через некоторое время я взял его за руку, но он не отреагировал. Он по-прежнему был без сознания, глаза его были закрыты, дыхание было слабым, лицо осунулось от болезни, на нем уже лежала тень смерти. Я все сидел подле него, все старался не чувствовать себя подавленным, испуганным и одиноким, но в конце концов отпустил его руку и отошел к окну. Стоял холодный, блеклый день. Море было такое же серое, как и небо, и зловещая жуть сумерек опускалась на пустошь, разбрасывая странные тени по этому забытому богом пейзажу.

Я попробовал молиться. «Пусть он заговорит, – думал я. – Пусть только скажет…» Слова тоскливо звучали у меня в мозгу: «Я больше ничего не прошу. Пожалуйста… пусть он заговорит».

Словно в ответ на свои мольбы, я услышал слабый шорох простыней и опять повернулся к нему.

Глаза его были открыты. Он посмотрел на меня, узнал.

– Марк.

Хотя всякая надежда, казалось, уже была потеряна, во мне вместе с облегчением вспыхнула надежда: кризис миновал. Он поправляется. Он будет жить.

– Марк.

– Да, – сказал я, запинаясь, – да, я здесь, папа, я здесь. – Спотыкаясь, я подошел к постели, встал на колени, схватил его за руку. – Ты чего-нибудь хочешь? Что тебе принести? Что мне сделать?

Он сказал ровным голосом, но с большим усилием:

– Я не сделал одно дело.

– Да, – сказал я, – но не волнуйся, папа, ты поправишься. Все будет хорошо. Не волнуйся.

Но он словно не слышал меня. Его глаза, такие большие, такие блестящие, такие голубые, смотрели на меня, но не видели. Он повторил:

– Я не сделал одно дело.

– Скажи мне, – попросил я. – Я сделаю. Я сделаю все, что ты хочешь. Скажи мне, что делать.

Его губы зашевелились. Я напряг слух, наклонился так, чтобы его губы были напротив моего уха.

– Да, – повторил я. – Скажи мне. Скажи мне, папа. Что нужно сделать?

Он глубоко вздохнул. Это был его последний вздох, хотя тогда я этого

еще не знал. Я весь напрягся, чтобы расслышать его слова, я так хотел их услышать. Он сказал медленно, четким голосом:

– Позаботься о Джанне, Марк. Проследи, чтобы она ни в чем не нуждалась.

II
Джанна
1890–1904
Любовь и ненависть

Ричард считал ее «бесподобной женщиной: красивой и, сверх того, доброжелательной; волевой, но доброй; непритязательной и притом прозорливой (а это сочетание в женщине крайне редко)». Но все же он не мог игнорировать слухи о ее скандальной юности: «Многие познали то, что я бы предпочел, чтобы никто не знал… но пусть впредь об этом молчат, хотя мне об этом хорошо известно. Тсс!»

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

Много обвинений воздвигалось против Элеанор, как насчет того, кем она была, так и о том, что она делала; ее представляли как обыкновенную потаскушку, женщину, одержимую дьяволом, мегеру, движимую ненавистью…

Режина Перно.

Элеанор Аквитанская

Глава 1

Элеанор была знаменитой красавицей… Еще она славилась своей взбалмошностью и, говорят, распутством.

Альфред Дагган.

Жизнь за паству

(Элеанор была), возможно, безупречно добродетельной, но ходили слухи, что она позволяла себе более чем просто флирт с Джеффри Анжуйским.

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

1

Он умер в октябре, когда розы увяли, а на пустошах отцвел вереск. Мне сказал об этом зилланский священник. Думаю, что узнать эту новость от священника было лучше, чем от какой-нибудь сплетницы в Пензансе, но было ужасно услышать это во время случайного разговора. Я пришла на могилу мужа; я приходила сюда каждую неделю, чтобы в молитвах поблагодарить его за то, что он помог мне уехать из Сент-Ивса, и даже когда Лоренс стал заходить на ферму, я никогда не пропускала своих еженедельных визитов в церковный двор в Зиллане.

Священник сказал:

– У меня сегодня печальные новости. Мой старый друг из Морвы; возможно, вы видели его в конгрегации, такой хороший человек…

Священник был очень наблюдателен, от его глаз не укрывалось ничто из происходящего, и он объявил мне печальное известие самым сочувственным тоном, а когда закончил и я поняла смысл его слов, спросил меня, не желаю ли я присесть, и предложил проводить меня в церковь.

– Спасибо, сэр, – сказала я, – не беспокойтесь. Я хорошо себя чувствую.

Мне было стыдно, что он все знает, но потом стыд прошел, потому что это не имело значения, ничто теперь не имело значения, я могла только стоять над могилой мужа и, уставившись на невысокую траву, колеблемую осенним ветерком, думать: «Почему, ну почему мне вечно не везет, почему я должна постоянно бороться, разве я уже недостаточно наказана?» Но ответа не было, как не бывает ответа на вопросы, на которые нет ответа, и все, что мне оставалось, это осознать, что Лоренс умер, а я осталась одна.

Но я всегда была одна. Единственное, чего мне всегда хотелось, – это не быть одинокой, не быть снедаемой одиночеством. Моим единственным желанием всегда было желание любви и безопасности, которую дает эта любовь, – о, как я хотела безопасности! – но любовь никогда не бывала долгой, и безопасности я никогда не ощущала. Когда я, спотыкаясь, брела по вереску, мне казалось, что вся моя жизнь прошла в поиске того, что многие другие люди получают как должное и всегда, всегда получают, а мои поиски окончились одиночеством.

– Лоренс! – плакала я, плетясь домой по пустоши, но он ушел, и горе застилало мне глаза.

Я добралась до фермы, прошла к себе в комнату и попыталась заплакать, но слез не было. Я с сухими глазами сидела в комнате, где мы любили друг друга, а когда я попыталась воскресить в памяти образ Лоренса, мне на ум являлись лишь мысли о муже, который смеялся надо мной из могилы.

– Лоренс! – звала я. – Лоренс!

Неожиданно рядом со мной оказалась Гризельда, моя дорогая Гризельда, которая разделила со мной уже столько трудностей. Она обняла меня, и я заплакала, как не плакала с тех пор, как была ребенком в забытой богом рыбачьей деревушке под названием Сент-Ивс.

2

Я родилась в Сент-Ивсе. До сих пор помню лачугу в одну комнату, где я провела первые годы жизни. Тогда Гризельда жила с нами и каждый день ходила на причал потрошить рыбу. Сент-Ивс славился своими сардинами – их консервировали, укладывали в большие бочки и экспортировали в Италию, – а также скумбрией, которую отправляли в Лондон и в другие большие города. Гризельда всю жизнь работала с рыбой, но моя мать, ее племянница, считала это слишком постыдным для себя занятием и предпочитала стирать белье. Однако стирка – занятие тяжелое, а моя мать,

по свойственному ей недомыслию, считала, что, для того чтобы подняться по социальной лестнице, необязательно упорно трудиться.

Ее неизбежный конец мог бы оказаться другим, если бы мой отец не был таким, каким он был, но он был рыбаком и часто находился вдали от дома, а вернувшись с моря, успевал потратить заработанное раньше, чем добирался до двери нашей хибарки. Он был французом, ему нравилось веселиться и сорить деньгами. Он иногда привозил мне из Бретани игрушки, а однажды привез имбирный пряник с Нормандских островов. Это уже потом он начал приносить домой джин, но, с тех пор как мать бросила стирку ради ярких ставней веселого дома на Шримп-стрит, он пил все больше и больше, пока ему не перестали предлагать работу на рыбачьих шхунах. Мне было девять лет, когда он умер. Он упал в канаву, и его переехал экипаж. Мать не присутствовала на его нищенских похоронах, потому что к тому времени сама была больна и двумя неделями позже умерла в работном доме.

Впоследствии, в Евангелической миссии во имя спасения падших женщин, я узнала, что такие женщины, как моя мать, как правило, не доживают до старости.

Но я не была похожа на нее. Я хотела много работать, так много, чтобы появилась возможность уехать от воняющей рыбы, смрада кривых улочек и застоявшегося духа желтозубых гаванских крыс. Местные дамы, которые занимались благотворительностью, придерживались мнения, что меня надо поместить в приют, но я считала иначе. Я помыла голову, выстирала белье и платье, одолжила ботинки поприличней и отправилась в замок Менерион, самый большой дом в Сент-Ивсе.

Мне невероятно повезло: там недоставало судомойки. На это место брали чистеньких, аккуратных девушек без опыта.

– Очень уж ты маленькая, – сказала экономка, добрая женщина, – но кажешься сообразительной девочкой, и если обещаешь работать как следует…

И я работала не за страх, а за совесть! В замке Менерион я провела почти девять лет и смогла пройти путь от корыта для мытья посуды до буфетной, а в конце концов доросла и до места горничной. Даже леди Сент-Энедок, хозяйка дома, стала замечать мое старание, а экономка предрекла, что если у меня не закружится голова от успехов, то я далеко пойду.

Когда мне исполнилось пятнадцать, я отпраздновала свою самую большую победу: меня назначили личной горничной старшей хозяйской дочери, мисс Шарлотты, которая была всего на год старше меня. Я должна была следить, чтобы были в порядке ее чудесные платья, укладывала ей

волосы, и самое главное – вела с ней разговоры. Никогда прежде не доводилось мне разговаривать с леди подолгу, и вначале я очень стеснялась, но мисс Шарлотта была мягкой и непретенциозной, и вскоре я преодолела свою робость.

К тому времени я научилась правильно говорить, по крайней мере настолько правильно, насколько могла научиться девушка моего положения, и, что еще более ценно, усвоила хорошие манеры и поднаторела в этикете высших классов. Вскоре после того, как я начала работать в замке, я подружилась с дворецким; узнав, что моя заветная мечта – когда-нибудь стать экономкой, он сказал, что ни одна служанка не может надеяться получить такой пост, не умея читать, писать и считать, и преподал мне основы арифметики и письма.

Мисс Шарлотта тоже помогала мне учиться читать, она отдавала мне модные журналы, которые ей присылали из Лондона, а позднее разрешила брать романы из своей библиотеки, и я читала их у себя в комнате. Еще она дарила мне платья, которые не собиралась больше носить. Как ни странно, мои неприятности начались именно из-за щедрости мисс Шарлотты. Я надела одно из ее старых платьев на вечеринку для прислуги по случаю Рождества; должно быть, выглядела я в этом наряде хорошо, потому что кавалеры приглашали меня на каждый танец, но, когда я отправилась по какому-то поручению в господское крыло, случилось ужасное. Я встретила хозяина дома, сэра Бертрама Сент-Энедока, и он, опьяневший от чрезмерной дозы рождественского вина, ясно дал мне понять, что, как и лакеи, находит мое платье привлекательным.

Мне удалось довольно ловко ускользнуть от него, но я не на шутку встревожилась. У меня не было желания заниматься подобными глупостями. Я была амбициозна и достаточно умна, чтобы понять, что путь к успеху вовсе не пролегает через постель сэра Бертрама. Я всего лишь хотела сохранить положение горничной мисс Шарлотты и, возможно, когда-нибудь стать экономкой. Я не стремилась походить на свою мать, которая считала, что путь к комфорту и безопасности гораздо проще. Кроме того, сэр Бертрам казался мне отвратительным стариканом, и мысль о том, чтобы поддаться его неуклюжим ухаживаниям, ничуть не вдохновляла меня.

К несчастью, леди Сент-Энедок стало известно о том, что я отвергла ухаживания ее мужа, и вскоре после моего восемнадцатилетия мне было приказано упаковать свой скарб и убираться на все четыре стороны.

3

Нет ничего сложнее, чем бороться с пересудами и чудовищной присказкой вроде «нет дыма без огня». Никто не поверил в мою невиновность. Завистливые языки называли меня «интриганкой», «бесстыдницей» и «хитрюгой». Даже мой друг дворецкий смотрел на меня так, словно я стала падшей женщиной. Страшно рассерженная, но слишком гордая, чтобы устраивать сцены и что-то доказывать, я ушла из замка с высоко поднятой головой, твердя себе, что теперь я достаточно вышколена, чтобы получить подходящую должность где-нибудь еще.

Но я не приняла в расчет злонамеренность леди Сент-Энедок. И еще тот факт, что меня уволили без рекомендательных писем.

Никто на меня и смотреть не хотел.

Наконец, когда мои сбережения закончились и я уже не знала, что делать, мне пришлось съехать из меблированной комнаты, которую я снимала, и вернуться на кривые улочки квартала, где обитала Гризельда.

– Боже мой, боже мой! – неодобрительно восклицала она. – Какие мы важные! Слишком важные, чтобы взяться за грязную работу. Ты совсем как твоя мать, та все напускала на себя важность. Чем плоха работа в магазине? Или в какой-нибудь из этих новых гостиниц?

Но меня коробило при мысли о подобной работе. После такого большого дома, как замок Менерион, магазин казался мне местом, где я просто тратила бы впустую свои навыки. Однако замечание Гризельды насчет моей матери заставило меня о многом задуматься, и в результате я проглотила свою гордость.

Шесть месяцев я служила в мебельном магазине, а потом один из клиентов моего работодателя, юрист по имени Уильям Поумрой, узнав о моей квалификации, предложил мне место экономки. Я была счастлива вернуться в респектабельную обстановку, поэтому ухватилась за его предложение. Дом стоял у залива Карбис рядом с Сент-Ивсом, красивый дом с видом на море; у меня в подчинении были кухарка, горничная и садовник; штат, конечно, маленький после Сент-Энедоков, но зато я стала экономкой и управляла целым домом.

Мистер Поумрой выказал свои истинные намерения уже через месяц, но к тому времени я успела влюбиться и в дом, и в новый образ жизни. Я не была настолько глупа, чтобы рассчитывать, что он на мне женится, но надеялась, что если мы будем соблюдать предложенную им договоренность, то у меня появится хоть какая-то безопасность.

Целый вечер я обдумывала ситуацию. Мистер Поумрой был вдовцом тридцати пяти лет и довольно привлекательной наружности, хотя лично у меня не возникало желания упасть в обморок, когда он входил в комнату. Он был остроумен и скорее добр, чем зол. Мне с ним было интересно, и я чувствовала, что он будет хорошо ко мне относиться. Кроме того, это не выглядело так, словно я продаюсь за деньги; я добросовестно выполняла свою работу, и она соответственно оплачивалась, потому что я хотела трудиться в достойной обстановке, не рискуя оказаться в канаве и быть вынужденной открыть яркие ставни на Шримп-стрит, чтобы завлекать прохожих.

Я не была похожа на мать.

С другой стороны, вскоре мне должно было исполниться девятнадцать. Большинство девушек моего класса в этом возрасте уже были женами или матерями, а иногда и тем и другим вместе. Было бы глупо отказывать мистеру Поумрою из-за щепетильности, скромность в такой ситуации была не к месту, кроме того, он уже наверняка слышал сплетни о том, будто я состояла в связи с сэром Бертрамом, и не поверил бы, если бы я упрямо настаивала на своей невинности.

Я сочла, что обманывать его ожидания глупо.

Сама я ничего не ждала от него. Я не любила этого человека, хотя и не испытывала к нему неприязни. А поскольку я ничего не ждала, то и не была разочарована. Собственно, меня даже удивило, с какой легкостью все произошло. Его ласки ничего для меня не значили, хотя через некоторое время я из благодарности стала стараться ублажать его как могла, а награды, которые я получала от нашего альянса, более чем соответствовали тем неудобствам, которые я терпела.

Итак, я ни о чем не жалела, пока не забеременела. И тогда снова очутилась в омерзительной конуре у Гризельды, которая приготовила для меня не менее омерзительное питье, чтобы выручить из беды.

Я заболела. Два дня я стонала и молила Бога, чтобы Он послал мне смерть. Но в конце концов все разрешилось, и я осталась лежать одна в полной блох комнате, где только мыши составляли мне компанию, потому что Гризельда потрошила на набережной рыбу. К тому времени как она вернулась домой, я уже усвоила свой горький урок.

– Со мной никогда, никогда более не повторится такое, – проговорила я сквозь зубы. – Никогда больше ни один мужчина не дотронется до меня, пока не наденет мне на палец обручальное кольцо.

Гризельда, обиженная, что я не оценила ее снадобья, сказала, что нужно просто не доводить дело до таких неприятностей.

– Всегда есть способы и средства, – добавила она печально. – Всегда.

– Прибереги их для себя, – неблагодарно огрызнулась я. – Я с этим покончила. Все равно это для меня никогда ничего не значило.

Я долго держала данное себе слово. За следующие пять лет я сменила не одно место, и каждое следующее было хуже предыдущего, причем все эти годы прошлое грозило повториться. Когда же я окончательно осознала, что мне на роду написано работать на глупых мужчин, а потом терять работу из-за их ревнивых жен, наконец нашелся хозяин, который был так счастливо женат, что совершенно не собирался преследовать меня знаками внимания. Работа, которую он мне предложил, была самой неквалифицированной изо всех, что мне когда-либо приходилось выполнять, но я так отчаянно нуждалась, что не смогла отказаться от места барменши в его маленькой таверне.

Я очень боялась этой работы, но, как ни странно, она оказалась не так плоха, как я ожидала. Моя презрительная, высокомерная манера держаться пришлась здесь к месту; бар начал заполняться клиентами, а хозяин, который был от меня в восторге, сказал, что я придаю его заведению «класс».

Миновало три года; в общем, я не была так уж несчастлива, но в отчаянии спрашивала себя, уж не придется ли мне всю жизнь подавать эль неотесанным рыбакам. И тут наконец мне улыбнулась удача. Однажды светлым весенним вечером, незадолго до моего двадцать седьмого дня рождения, дверь пивной со стуком распахнулась и вошел Джаред Рослин.

4

Джаред казался мне привлекательным. К моменту нашего с ним знакомства я уже примирилась с мыслью, что никогда безумно не влюблюсь, но это не мешало мне считать некоторых мужчин более симпатичными, чем другие. Джаред, безусловно, меня заинтересовал. Это был высокий, крупный мужчина с темными волосами и глазами и с плотно сжатыми губами. Я узнала, что он холостяк, и это меня удивило, потому что ему было, по крайней мере, столько же лет, сколько и мне, а деревенские жители обычно рано обзаводятся семьями. Я решила, что броская внешность слишком часто позволяла ему добиваться своего без необходимости тратиться на обручальное кольцо.

Он рассказал мне, что у него есть младший брат, а их отец, хотя и считается обыкновенным фермером, владеет землей на пустошах в

зилланском приходе в нескольких милях к западу. Интерес мой к нему возрос, когда он рассказал мне о своем доме, «самой красивой ферме между Пензансом и Сент-Джастом», но иллюзий насчет брака с ним я не питала. Жаль, что в то время я стояла намного ниже его на социальной лестнице; если бы мы встретились сразу после того, как меня выгнали из замка Менерион, у меня был бы шанс выйти за него замуж, но мужчины с такими запросами, как у Джареда Рослина, не женятся на барменшах.

– Не хочешь прокатиться со мной в Зиллан, когда у тебя будет выходной? – предложил он как-то жарким августовским вечером.

Мне ли было не знать, что стояло за этим приглашением. Он был распален до такого состояния, когда уже трудно скрывать похоть.

– О! Отличная мысль! – сказала я. – А это путешествие не закончится в какой-нибудь таверне по пути на ферму Рослин?

Я думала, что потеряла его, но ошиблась. Через неделю он появился вновь, на этот раз с маленьким жилистым мужчиной лет шестидесяти; тот был очень подвижен и весело смеялся, поглядывая на меня живыми, блестящими голубыми глазами.

Это был отец Джареда, Джон-Хенри Рослин. Он вдовствовал: Джаред сказал мне, что его мать умерла год назад после тридцати лет счастливого брака.

– Так вот, значит, почему ты не ленишься отмахать столько миль до Сент-Ивса, негодник! – упрекнул он Джареда и, обернувшись ко мне, добавил: – И я его понимаю. Вы хороши, как картинка, дорогая. Выпейте за мой счет стаканчик портвейна, или что там молодые дамы сейчас пьют, а мы с сыном возьмем по пинте пива.

Я понимаю, что глупо в том признаваться, но его слова тронули меня, и на глазах выступили слезы. Когда я, находясь за стойкой бара плохонькой, заурядной таверны, услышала, что он называет меня «молодой дамой», мне представилось, что я стою в гостиной замка Менерион. Но не только его доброта поразила меня; я поняла, что еще не встречала такого жизнерадостного и остроумного человека, как он. Рядом с ним Джаред казался напыщенным.

После этого они регулярно приходили в таверну. Я с нетерпением ждала их прихода и потом уходила в свою крошечную спальню на чердаке, и ни ее жалкие размеры, ни духота, ни мышиная возня под кроватью меня больше не угнетали.

А однажды в конце лета старый мистер Рослин появился в баре один.

Мы проговорили минуту или две, и вдруг он сказал:

– Негоже такой молодой даме находиться в подобном месте. Вам

нужен дом, где бы вы были хозяйкой. Вы можете вести хозяйство?

Не совсем понимая, что он имеет в виду, я переспросила:

– Ваше хозяйство?

– Мое, Джареда и моего младшего сына Джосса. Прошел уже целый год, как моя жена умерла, и там все в страшном беспорядке. У нас есть две служанки: глухая старуха, лет под восемьдесят, и ее внучка, Энни, милое дитя, но недоумок. Мне очень нужна хорошая экономка.

– Я… – Я опять заколебалась. Ситуация была очень неловкой. – Я очень благодарна вам за это предложение, но я могу согласиться только при условии…

– Да, конечно, вы будете миссис Рослин, – перебил меня он. – Никаких шуток. Я бы не пригласил порядочную молодую даму вести хозяйство вдовца и двух холостяков, если бы не мог обеспечить ей достойное общественное положение.

Я изумленно уставилась на него. Вокруг нас смеялись и кричали люди. Кто-то попросил выпить, но я не шелохнулась.

– Итак? – спросил мистер Рослин неожиданно деловым тоном. – Вы согласны?

Я еще помолчала. Потом сказала:

– Да. Спасибо.

– Вот и хорошо! – ответил он, улыбнувшись своей широкой улыбкой, которая обнаруживала отсутствие нескольких зубов, и его лицо покрылось веселыми морщинками. – Ничего большего я и не желал.

– Но…

– Да?

– Ваша первая жена… не слишком ли рано? Я…

– Она умерла больше года назад, дорогая, а ведь нельзя горевать вечно. Она была хорошей женщиной, я по ней скучаю, но ничто не вернет мне ее. Кроме того, разве не станет данью ее памяти тот факт, что я не могу жить без женщины в доме?

– Да… да. Я об этом не подумала.

– Завтра я повидаю зилланского священника и попрошу его огласить наши имена в церкви, а пока зайду к приходскому священнику и попрошу сделать то же самое и в здешней церкви. Вам хотелось бы обвенчаться здесь, в Сент-Ивсе?

– Я… не часто посещала церковь.

– В таком случае лучше всего будет в Зиллане. – Он сделал большой глоток пива и опять мне улыбнулся. – Я все устрою.

– Я… я немного растеряна.

– Конечно, это естественно. Вам правда не потребуется время, чтобы все обдумать?

– Нет, – сказала я. – У меня нет никаких сомнений. Просто… я не ожидала, я думала… – В смущении я замолчала. – Джаред…

– Не думай о Джареде. Он мог тебя получить, но упустил свой шанс. Я не раз говорил ему, что когда-нибудь он пожалеет о своей уверенности в том, что каждая женщина, которая ему нравится, позабудет об обручальных кольцах, если он ласково с ней поговорит. Так что это будет ему хорошим уроком. – Он засмеялся, допил пиво и встал, но, поднявшись, заколебался. Смех исчез из его глаз. – И еще одно, дорогая, – сказал он. – Не ожидай от меня многого. Я старый человек, мои лучшие годы уже позади. Я не могу предложить тебе того, что под силу Джареду. Если тебе больше хочется замуж за него, то лучше скажи об этом сейчас, пока не поздно, потому что я не потерплю никаких глупостей у себя в доме. Либо ты выходишь замуж за меня и оставляешь Джареда в покое, либо выходишь замуж за него. Я мог бы заставить его жениться на тебе, если тебе так уж этого захотелось.

– Я не хочу замуж за Джареда, – сказала я, и это было правдой. Я знала, что он скоро мне прискучит, и не уважала его. Со старым мистером Рослином было все наоборот: я уважала его и знала, что он мне не прискучит. – Я с удовольствием выйду замуж за вас, – добавила я честно. – Правда.

– Что ж, благослови тебя за это Господь, дорогая, но могу я узнать почему? Джаред хорош собой, а мне шестьдесят два года, и я страшен как смертный грех! Объясни.

– Вы добры, – сказала я, – и вы все понимаете. Мне больше ничего не надо.

Через месяц мы обвенчались.

5

Я была замужем уже четыре года, когда впервые увидела Лоренса Касталлака. В целом семейная жизнь вполне устраивала меня; ведь мое положение стало намного прочнее, чем за все то время, что я прожила в Сент-Ивсе, хотя мне и приходилось много работать, иногда даже больше, чем раньше. Жизнь в качестве миссис Рослин, жены одного из самых зажиточных фермеров в Зиллане, владевшего своей землей, безусловно, была респектабельной и спокойной, но она была заполнена множеством ежедневных дел, таких как приготовление молочных продуктов, уход за

курами и свиньями, уборка дома, стирка, глажка, готовка, выпечка хлеба, варка пива и приготовление более крепких напитков, чтобы в чулане всегда хранился достаточный запас еды и питья. К счастью, у меня были помощники, хотя глухая старуха умерла в первую же мою зиму на ферме, а ее внучка Энни была слишком глупенькой, чтобы работать самостоятельно, без постоянного присмотра. Я привезла с собой из Сент-Ивса Гризельду, чтобы она разделила со мной мою удачу, но, поскольку она умела управляться на ферме ничуть не лучше, чем я, тяжелые обязанности хозяйки дома полностью оставались на мне. Полегче стало, когда мой муж нанял двух девочек из Зиллана, чтобы помогать мне с готовкой и уборкой, но я по-прежнему каждый вечер ложилась спать совершенно измотанная. Хорошо, что кое в чем он уже был не так деятелен, как раньше, и ничто не мешало мне засыпать, как только голова касалась подушки. Правда, муж не терял надежд, и иногда, в первые месяцы брака, ему удавалось их осуществлять, но позже его неудачи делали ситуацию неловкой для нас обоих, и через год после венчания он перестал пытаться наладить нашу интимную жизнь.

Я ни о чем не жалела. Муж мой совсем не был мне неприятен, я к нему привязалась, а по окончании долгого, трудного дня мечтала только о том, чтобы поскорее заснуть.

Впрочем, жизнь моя состояла не из одной работы. По воскресеньям мы с утра ходили в церковь, а вечерами я практиковалась в чтении газеты, которую всегда покупала в Пензансе, когда по четвергам ездила туда на рынок. Муж гордился тем, что я умею читать и писать, и, наверное, был бы полностью удовлетворен своим вторым браком, если бы отношения с сыновьями складывались лучше.

У него было пятеро детей, но трое средних умерли в детстве, и выжили только старший и младший. Джосс был на одиннадцать лет младше Джареда, поэтому они были не слишком близки, но старший для младшего всегда был примером, и он принимал его сторону при любых семейных раздорах. А тот, конечно, не смог простить отцу женитьбу на мне.

Через полгода Джаред женился на дочери фермера из Мадрона, и мой муж, радуясь, что атмосфера в доме наконец-то разрядится, отдал ему приданое его матери – ферму, расположенную вверх по долине, которую они прежде сдавали в аренду. Это был простой каменный коттедж, а прилегающую землю покрывали холмы, сложные для обработки, но Джареда устроило то, что давало ему независимость. Он сразу же переехал в коттедж и стал всячески избегать встреч с отцом.

Вскоре его примеру последовал Джосс, который переехал к брату. В отличие от Джареда, который был любимчиком Джона-Хенри, Джосс и раньше не ладил с отцом. Это был угрюмый, сложный подросток, который возненавидел меня сразу же. Я совсем не жалела о том, что он покинул наш дом, но чувствовала себя виноватой в том, что мое появление разобщило семью. Муж молчал, но я знала, что он упрекает себя за то, что не увидел в интересе ко мне Джареда большего, чем просто мимолетное увлечение, и не предусмотрел печальных последствий нашего брака для себя и сыновей.

Закончился четвертый год моего замужества, и я уже привыкла к положению жены фермера. Я с нетерпением ждала ярмарки по случаю праздника Тела Христова в Пензансе, по случаю приходского праздника в Сент-Джасте и по случаю праздника урожая в Зиллане, я даже с радостью готовила угощение по случаю окончания сбора картофеля. Я перезнакомилась со всеми жителями деревни, от фермеров до шахтеров, от кузнеца до ломового извозчика, и, хотя никогда с ними близко не сходилась (потому что меня всегда считали чужой), все же как-то общалась с их женами и детьми.

Все, что меня окружало, стало казаться менее чуждым и даже начало ласкать глаз. Мне нравился большой холм, который поднимался к замку Чун, прямоугольная башня зилланской церкви, расположенная на пустоши, каменный моторный цех шахты Динг-Донг на гребне холмов на востоке. Но больше всего я полюбила ферму Рослин, ее облагороженные временем кирпичи, просторные комнаты, солидность темной, тяжелой мебели. Я любила каждую неровную каменную плиту в маслобойне, даже решетчатые окна гостиной, которые было так тяжело мыть. Летом я их открывала, и запах шиповника проникал в дом, подгоняемый мягким теплым ветерком с пустоши, а в кустах жимолости жужжали пчелы. Я наслаждалась этим; душа моя успокоилась. После многих лет борьбы я наконец обрела свой дом. Он был мне особенно дорог, потому что мне пришлось так долго за него бороться.

Жизнь моя была полна. Вероятно, мой брак мог бы быть более романтичным, но я сочла бы себя дурой, если бы всерьез возжелала романтики при подобных обстоятельствах. Помню, изредка я размышляла о том, каково было бы обзавестись детьми, но их отсутствие меня не расстраивало. Я не испытывала такого сильного материнского чувства, как иные женщины: ребенка мне заменял дом, и я страстно была к нему привязана. Мне казалось, что, пока у меня есть дом, я под защитой, у меня нет повода для беспокойства, я в блаженной безопасности.

Так шло время, чередовались времена года, и я считала, что моя жизнь

достаточно приятна. Почему бы и нет? Мне никогда раньше так не везло. Я не понимала, что на самом деле жизнь проходит мимо меня стороной, пока в тридцать лет не увидела впервые Лоренса Касталлака.

6

Я встретила его вечером, когда свет был золотист, воздух все еще неподвижен, а разрушенные стены замка Чун дышали покоем. Стоял март, мягкий март, когда весенние цветы уже распустились, а теплый воздух предвещает лето. У нас в Корнуолле зимы теплые; ранняя весна скорее правило, чем исключение, а когда я впервые увидела Лоренса, стояла весна, весна 1890 года.

Догорал прекрасный день.

В тот вечер после ужина Джаред неожиданно зашел к отцу, а поскольку при виде его у меня всегда начинала болеть голова, я выскользнула из дому, чтобы подышать свежим воздухом. Почему я решила подняться на холм позади фермы, не знаю, но через несколько минут я уже видела его вершину и приближалась к развалинам замка Чун.

Замок этот совсем и не замок, а просто двойной ряд каменных стен, которые возвышались на вершине холма с незапамятных времен, но вид, открывающийся с этих стен, очень живописен, поэтому я не слишком удивилась, заметив, что кто-то уже наслаждается им. Но когда я увидела, что это не просто незнакомец, а благородный незнакомец, это меня поразило, потому что холм стоял в отдаленной части прихода и приезжие не утруждали себя поездкой к замку ради лицезрения горы камней.

Мы сказали друг другу лишь «добрый вечер», но я уже не могла не думать о нем долгие часы после нашей встречи. У него было печальное лицо. Глаза голубые, неожиданно кроткие. Что еще сказать? У меня нет сил его описывать; описания – занятие для людей, достаточно бесстрастных, чтобы наблюдать, а если не считать нескольких первых секунд, я никогда не была бесстрастна в отношении Лоренса Касталлака.

Потом я несколько раз встречала его в церкви по воскресеньям, а однажды в Пензансе в рыночный день даже столкнулась с ним лицом к лицу. И каждый раз, когда я его видела, со мной случалось что-нибудь такое, что, как мне раньше казалось, могло происходить только в романах, которые мисс Шарлотта Сент-Энедок давала мне читать в замке Менерион. Я чувствовала слабость. В груди начинало стучать, а под сердцем возникало странное ощущение, словно что-то опускалось. У меня даже

колени начинали дрожать.

Конечно, я быстро узнала, кто он. Поскольку благородные незнакомцы были крайней редкостью в Зиллане, Лоренс Касталлак стал объектом интереса деревенских жителей, стоило ему только начать посещать утренние воскресные службы в зилланской церкви. Мне сказали, что он владелец фермы в Морве, где перед тем жил недавно умерший Нед Спарнон; мистер Касталлак унаследовал ферму от своей матери, урожденной Уеймарк из Зеннона. Более двадцати лет назад он женился на девушке из печально известной семьи Пенмаров, но он и его жена, по слухам, были разведены.

– Не может быть, чтобы он был связан с Пенмарами! – спорила я с самыми заядлыми сплетницами, Этель и Милли Тернер, которые каждый день приходили на ферму, чтобы помочь мне по хозяйству. – С кем угодно – с Уеймарками, Карнфортами или с Сент-Энедоками, но только не с Пенмарами!

– Да уж! – хором победно сказали Этель и Милли, хватаясь за возможность поделиться одним из своих излюбленных наблюдений. – Худая кровь течет в жилах этой семьи, это все знают.

И в самом деле, об этом знали все. Пенмары были семейкой распущенных выскочек, искателей приключений и жили в дальней части Сент-Джаста в огромном особняке, именовавшемся Пенмаррик. Первый Пенмар обманным путем выиграл эту усадьбу в начале века у будущего короля Георга Четвертого с помощью костей с грузом. У него было три сына, все известные распутники, и младший, Марк Пенмар, прежде чем унаследовать усадьбу, заработал состояние махинациями в Индии. Именно его дочь, мисс Мод, вышла замуж за мистера Касталлака. Мисс Мод жила теперь в Лондоне, а мистер Касталлак с двумя сыновьями – в фамильном доме далеко от этих мест, в Гвике. В Морве он остановился только на лето, рассказали мне девицы Тернер, и с тех пор, как мне это стало известно, я жила в постоянном страхе, что он уедет.

Но он остался.

И вскоре я уже не знала, как сдержать себя. Меня сжигало вспыхнувшее чувство. Я постоянно думала об этом человеке, но не смела ничего предпринять. Джаред с некоторых пор пытался вогнать клин между мной и мужем, намекая ему, что я флиртую с фермером Полмартом, нашим молодым холостым соседом, и хотя мне и удалось убедить Джона-Хенри в своей невиновности, я слишком ясно осознавала, что мое прошлое того и гляди опять повторится, чтобы быть уверенной в том, что муж мне полностью доверяет. Вскоре все мои прежние страхи и отвратительное

чувство незащищенности начали охватывать меня вновь. Если муж заподозрит, что я поддалась этому дикому чувству одержимости мистером Касталлаком…

От этой мысли я слабела.

Я знала, что муж составил завещание, по которому отписал мне в пожизненное владение дом и небольшую сумму на его содержание, но сознавала, что преклонные лета и углубляющаяся пропасть между ним и сыновьями заставили его пожалеть о браке со мной; подозрения и разочарование во мне со временем все сильнее затрудняли наше общение. Я прекрасно понимала, что стоит мне дать ему малейший повод – и он перепишет завещание в пользу Джареда, который на тот момент получал после смерти отца только страховку дома вкупе с большим участком земли и сдаваемую в аренду ферму.

В спорных обстоятельствах всегда отдадут предпочтение кровным узам. Я начала чувствовать себя так, словно иду по лезвию ножа и при любом неверном шаге могу рухнуть в бездну нищеты.

Но все же, когда наступил май, я, по-прежнему опутанная нитями моего безумия, пылала решимостью сохранить все, что имею. Несчастье случилось в четверг. В тот день я решила остаться дома, а не ехать, как всегда, на рынок; незадолго перед тем я лечила мужа от серьезной простуды и очень устала. Энни ушла в Зеннор проведать родственников, а Гризельда уехала с моим мужем в Пензанс, поэтому дома я оставалась одна.

Я сидела в своей комнате и с горечью думала о том, что мне скоро исполнится тридцать один год, а я все еще попусту трачу остаток лет, как вдруг внизу послышался стук закрывшейся задней двери.

– Кто там? – громко крикнула я.

Ответа не было.

Неожиданно разволновавшись, я помчалась вниз, но, когда распахнула кухонную дверь, мои надежды растаяли так же быстро, как и появились.

– Вот ты где, Джанна, – сказал удивленный Джаред. – Я так и думал, что ты дома.

Шок от встречи с ним и сильное разочарование заставили меня задрожать от ярости.

– Как ты смеешь проникать ко мне в дом и так пугать меня! – налетела я на него. – Я скажу твоему отцу…

– …что сохнешь по мистеру Касталлаку из Морвы?

Эти слова были как удар. Я-то думала, что умело скрываю свои чувства. Мне и в голову не приходило, что влюбленная женщина выдает

себя миллионами мелких, но красноречивых признаков.

Джаред засмеялся.

– Давай договоримся, Джанна, – уверенно сказал он, забавляясь моей реакцией. – Все будет справедливо. Отец оставил тебе дом в пожизненное владение, так ведь? Обещай мне, что отдашь дом мне, когда он умрет, а я дам тебе сто фунтов. Я знаю, что получу ровно столько. Обещай, и я позабочусь, чтобы отец никогда не услышал о мистере Касталлаке. Если же нет… тогда я расскажу ему, что происходит, и тебе не достанется ни дома, ни денег.

– Ты обнищаешь раньше, чем это произойдет! – закричала я в новом приступе гнева. – Скажи, скажи ему, и мы посмотрим, кому он больше поверит, тебе или мне! Он поверил мне, когда ты обвинил меня в романе с фермером Полмартом, поверит и теперь! Только попробуй заварить эту кашу и увидишь, к чему это приведет! Только попробуй!

Наступила тишина. Джаред на секунду заколебался. Мы стояли близко друг к другу, нас разделяло менее двух футов. Я смотрела ему в глаза, и он смотрел в мои с таким же вызовом. Неожиданно выражение его лица изменилось; темные глаза стали не такими жесткими, угрюмая линия рта смягчилась.

– Что ж, в мужестве тебе не откажешь, – сказал он.

Я быстро сделала шаг в сторону, но все-таки недостаточно быстро. Он опередил меня и, прежде чем я смогла понять, что происходит, дернув за запястье, прижал к себе и поцеловал в губы.

Комната закачалась, поплыла, потеряла очертания. Я одеревенела от отвращения, меня парализовала паника. Я чувствовала, как его огромные руки, поросшие черной шерстью, скользнули по моим бедрам, потом быстро пробежали по груди, а язык, словно чудовищное орудие пытки, задвигался у меня во рту. Я задыхалась. Его влажные губы были отвратительны на вкус, но, поскольку он прижал меня к стене, я не могла повернуть голову.

Неожиданно все кончилось. Джаред исчез; я, ослабевшая и задыхающаяся, опиралась о стену, но, когда я открыла рот, чтобы закричать, зрение мое прояснилось и я увидела мужа, наблюдавшего за нами через проем двери.

На следующий день он уехал в Пензанс, отказавшись говорить, зачем едет. Со времени своего раннего возвращения с рынка он не сказал мне ни слова, и, хотя его молчание довело меня до слез, он все равно не стал со мной разговаривать.

Четырьмя часами позже, когда он выходил от юристов после

составления нового завещания, у него начался сердечный приступ, и он умер прежде, чем его успели доставить в больницу.

7

Мне бы хотелось написать, что все были очень добры ко мне, но это не так. Именно тогда я узнала, кто мне настоящие друзья, а кто просто притворялся таковыми, потому что я была женой одного из самых зажиточных фермеров в приходе. Священник мистер Барнуэлл, как я и ожидала, был участлив и добр; он был наилучшим из священников, мудрым, понимающим и лишенным предубеждений. Мои работницы Этель и Милли тоже были настолько добры, что пробыли в доме несколько часов после похорон, когда мне трудно было оставаться одной, но я подозреваю, что они тоже принялись сплетничать, как только я отвернулась.

Сплетен было множество. Воздух, казалось, был переполнен ими.

– Вы слышали? – сказал кто-то, когда я появилась на Маркет-Джу-стрит в Пензансе, чтобы повидать юристов мужа. – Джон-Хенри Рослин… Вот что бывает, когда старый человек женится на легкомысленной молодой женщине… всего четыре года прошло, а он уже умер! Разрази меня гром, ей палец в рот не клади! Подумать только, Джон-Хенри Рослин, который столько лет был женат на той милой, почтенной женщине, вдруг взял в жены барменшу, которая годилась ему в дочери… а ведь мы все знаем, что значит быть барменшей в таком городе, как Сент-Ивс!

Казалось, даже юристы мужа разглядывали меня с похотливым интересом. Завещание хранилось у мистера Требарвы, старшего партнера в «Холмс, Холмс, Требарва и Холмс», самой большой конторе поверенных в Пензансе, но с мистером Требарвой в то утро, когда я пришла, был его помощник, молодой человек по имени Винсент. Когда приехали Джаред и Джосс, завещание было зачитано, и мистер Требарва, переводя нам юридические термины, пояснил, что именно муж сделал перед смертью.

Он полностью исключил Джареда из завещания; его маленький внук Абель, которому было два года, получил деньги, скот, землю и ферму, которую сдавали в аренду; впрочем, Джаред в качестве опекуна вместе с мистером Требарвой имел право распоряжаться наследством от имени ребенка до его совершеннолетия. Джосс получил золотые часы отца и двадцать пять фунтов. Что касается меня, мне был оставлен дом и ни копейки на жизнь и на поддержание построек, сада и огорода, которые были завещаны мне же, но не в пожизненное владение, а как поместье,

наследуемое без ограничений. Я тут же поняла, что буду вынуждена продать наследство, в то время как Джаред, действуя от имени сына, будет вынужден его купить, если захочет получить обратно семейный дом. Муж сдержал слово и оставил дом мне, но так, что я лишена была возможности в нем жить.

– Так тому и быть, Джанна, – сказал Джаред, с трудом сдерживая гнев. – Мы оба наказаны. Называй свою цену, и, если она будет разумной, ты ее получишь. Мистер Требарва может оформить сделку и проследить, чтобы с юридической точки зрения все было правильно, а потом, получив деньги, ты сможешь купить себе маленький коттедж в Сент-Ивсе.

Как только он произнес слово «Сент-Ивс», я поняла, что не смогу уехать и не уеду с фермы. Она стала для меня домом – единственным настоящим домом за всю мою жизнь. Он дарил мне покой и безопасность, убежище после всех лет тяжких трудов и лишений, которые последовали после увольнения из замка Менерион. Дом был моим, я его любила, и никто, а уж Джаред и подавно, не отнимет его у меня.

– Я не продам его, – сказала я.

Последовала горькая и ожесточенная ссора, во время которой мистер Требарва безуспешно пытался выполнять роль посредника, а молодой Винсент выглядел подавленным и смущенным.

– Но у тебя нет денег! – вопил Джаред. – А если ты хочешь сводить концы с концами, тебе придется купить скот взамен того, что он оставил мне!

– У меня есть сбережения, – сказала я. Но это была ложь.

– Даже если ты купишь кур и коров, тебе все равно не свести концы с концами!

– Время покажет.

– Ну что ж, смотри! – кричал Джосс. – Мы тебя выживем!

– Молодой человек, нельзя же так разговаривать с дамой, – увещевал мистер Требарва, очень скандализованный подобной угрозой.

– Она не дама! – возразил Джосс, дрожа от ненависти. – Об этом известно всем в Сент-Ивсе!

И вышел из комнаты.

Вскоре ушли и мы с Джаредом. На улице он вновь попытался со мной торговаться, но я не стала его слушать и убежала к таверне, где Куллис, один из работников с фермы, ждал меня с двуколкой. Через час я вернулась на ферму, закрылась в небольшой комнатке позади гостиной, где хранила счета, и в отчаянии попыталась сообразить, откуда взять столь нужные мне деньги.

К ростовщикам я идти не смела, опасаясь, что не смогу выплачивать их проценты и потеряю крышу над головой. Я бы могла обратиться в банк, но подумала, что банкиры с презрением отнесутся к простой жене фермера, потому что остальные их клиенты были джентри или богатые торговцы.

Только тогда я дала волю мысли, которая все время пряталась в уголке моего сознания: я позволила себе подумать о Лоренсе Касталлаке.

Я была уверена в том, что он мне поможет, так же твердо, как и в том, что никто другой этого не сделает. Но мне предстояло написать письмо джентльмену, с которым была знакома только шапочно. Это было нарушением всяческих норм этикета, но я откинула эту деталь как несущественную. Этикет не имел значения, потому что Лоренс все поймет.

Итак, стараясь писать правильно, я попросила его зайти на ферму, чтобы дать мне совет по вопросу, который я хотела обсудить с ним как с джентльменом, имеющим положение в обществе и образование. Однако когда письмо было отправлено, мужество меня покинуло, а уверенность испарилась. Я только с ужасом думала: он не придет.

Но он пришел. Он появился, когда дождь ушел на восток и майское солнце заблестело на безоблачном голубом небе, а полевые цветы засияли на лужайке у реки. Он пришел днем, в один из тех долгих часов, которые обычно тянутся перед ужином. Я гладила, волосы мои были растрепаны, и на мне было поношенное черное платье и затертый фартук. Когда я открыла дверь и увидела его, он улыбнулся и снял, как всегда, шляпу. Мне не нужно было ничего говорить, потому что между нами уже давно все было сказано.

8

Мне пришлось ждать больше тридцати лет, чтобы узнать, чего я ждала, но наконец этот момент настал, и эти тридцать лет исчезли, потому что время перестало существовать. Не имело значения, что я уже не молода. Я была женщиной; я любила и была любима; и пока мы любили друг друга, весна превратилась в лето, долгое, медлительное, томное лето, и в моих глазах мир возродился, потому что каждый миг имел свое особое значение.

Он приходил днем, не каждый день, только два, может быть, три раза в неделю и оставался на два-три часа. Теперь мне странно и даже больно осознавать, что из ста шестидесяти восьми часов, составляющих неделю, я проводила с ним не более девяти, но тогда и они представлялись мне

огромным счастьем. Никогда прежде я не проводила девять часов в неделю в обществе любимого человека; поначалу я была счастлива, что они, эти часы, есть, но постепенно начала нервничать. Мое желание выросло так, что девять часов стали казаться мне каплей в огромном океане времени, я проводила дни, ожидая его появления и боясь его ухода. Я хотела видеть его все дни, а не два-три раза в неделю. Я нуждалась в нем по утрам и вечерам, а не только днем. А больше всего я желала его ночами, когда лежала одна в постели, а дом был темен и тих.

Но я боялась показаться слишком настойчивой, слишком нескромной. Он был застенчив, утончен в выражении своих чувств, и я не хотела пугать его своей страстью. Поэтому я заставила себя быть такой же сдержанной, как и он, научилась никогда не жаловаться, когда он уходил, никогда не спрашивать, когда вернется, никогда не причитать, что буду скучать, когда он уйдет. Годы приучили меня к невероятному самоконтролю, но даже с его помощью мне не удавалось преодолеть чувства, которые я испытывала тем летом. Я терпела до июля и однажды в среду, когда он уходил, сломалась и заплакала.

– Я не вынесу, если ты уйдешь, – всхлипывала я. – Я этого не вынесу… я слишком тебя люблю… я хочу всегда быть с тобой… – Я сказала все то, что женщина не должна говорить мужчине. Выдала все чувства, в которых умная женщина не должна признаваться любовнику. Я выплеснула все. – Разве ты не можешь приходить каждый день? Я не перенесу новых расставаний и долгих часов без тебя.

– Джанна, дорогая… – Лоренс был смущен и расстроен. Хотя он и был очень проницателен, но до того момента явно не догадывался, насколько сильны мои чувства. – Если бы я знал, что ты так страдаешь…

– Меня расстраивает каждый час, когда я тебя не вижу! – Я была настолько подавлена, настолько потеряла самоконтроль, что крикнула: – Разве мы не можем пожениться? Я была бы тебе хорошей женой: я научусь быть леди, говорить без акцента… я не опозорю тебя…

Я остановилась. Повисло ужасное молчание. Но даже прежде, чем я почувствовала ужас от того, что наделала, он сказал тихим, несчастным голосом:

– Я не могу на тебе жениться. Мне надо было сказать тебе с самого начала, но я думал, что ты и так все знаешь. Я не разведен. В глазах закона, не говоря уже о церкви, я все еще женат.

Я смотрела мимо него. На каминной полке стояли часы, которые он мне подарил, стрелки показывали половину пятого. Маленькие, симпатичные деревянные часики с римскими цифрами, прорисованными

черным по белому циферблату. Впоследствии я часто вспоминала, как смотрела на эти бесстрастные, мирно тикающие часики, отмеряющие время бесстрастными, успокаивающими стрелочками.

– Прости меня… если бы я знал, что ты начала думать о браке…

И он принялся объяснять, что жена не давала ему повода для развода, что развестись только на основании того, что он с ней не живет, невозможно, но я его почти не слышала. Прошло много времени, прежде чем я смогла произнести:

– Пожалуйста, Лоренс, не думай больше об этом. Я должна извиниться за то, что вела себя так глупо. Ты, должно быть, думаешь, что я сошла с ума.

Если бы он только принял мои извинения и ответил каким-нибудь ничего не значащим замечанием, я смогла бы призвать на помощь все оставшееся у меня самообладание и остатки гордости и все бы было хорошо. Но вместо этого он сказал:

– Джанна, дорогая… милая Джанна…

Жалость в его голосе сломала меня опять, и я зарыдала так, что все мое тело сотрясалось от всхлипываний.

Я прижалась к нему, и он меня поцеловал. От этого до постели было всего три шага, но, даже когда между нами все было кончено, я опять почувствовала, что мне этого мало, и меня опять охватили разъедающие душу чувства.

Все было так, словно ничего не случилось, словно совсем ничего не изменилось.

9

Через два дня я впервые увидела Марка.

Лоренс, естественно, рассказывал мне о своих сыновьях, и, поскольку я его любила, мне было очень любопытно их увидеть, чтобы в их чертах и манере поведения разглядеть сходство с ним. Когда я спросила его, очень ли они на него похожи, он долго говорил о Найджеле, младшем, а потом добавил, что Марк разделяет его интеллектуальные вкусы. Несмотря на то что он долго объяснял, что не хочет перехваливать Марка, чтобы я не подумала, что он им слишком гордится, со временем мне пришло в голову, что именно Марк, а не Найджел был его любимчиком. Потому что, решила я, хотя Марк и был ученым эрудитом, он был флегматичным и пресным, в то время как Найджел, хотя и менее одаренный с интеллектуальной точки

зрения, обладал обаянием и изяществом манер.

Теперь мне смешно думать, как я ошибалась.

Я помню, как впервые увидела Марка, как сочла его непривлекательным, потому что он был маленьким, бледным и склонным к полноте, но потом заметила его волосы, густые и темные, – о таких часто мечтают женщины, но они редко у кого бывают, обратила я внимание и на его плечи, неожиданно широкие для такого молодого человека. Но самыми необычными в нем были глаза. Черные, чернее, чем самая глубокая шахта, и узкие, словно он смотрел на мир с опаской и постоянно что-то прикидывал в уме.

Я не поверила этим глазам. И стала доверять им еще меньше, когда выяснилось, что он хочет отдать мне дань своей скороспелой приязни, для чего и зачастил на ферму. Его дерзость вкупе с откровенным безразличием к моим деликатным намекам на неуместность его визитов очень меня раздражала, но в то же самое время я в растерянности поняла, что меня восхищает эта его дерзость. Большинству двадцатилетних юнцов недостает воспитания, а на нем лежал странный налет утонченности – результат крайне редкого сочетания учтивых манер, острого языка, избытка аристократического высокомерия, которое так часто встречается среди высших классов, и не в последнюю очередь явного опыта в деле, знатоком которого такому молодому человеку быть еще рановато.

Он не понравился мне.

В результате, после нашей первой встречи во дворе зилланской церкви, затем воистину примечательной сцены на ферме, когда он выгнал Джареда и Джосса, которые пришли, чтобы донимать меня тягостными разговорами о доме, и, наконец, после нескольких светских визитов, во время которых я считала своим долгом быть вежливой, чтобы не давать пищу для подозрений, мне удалось объяснить ему в достаточно ясных выражениях, что я больше не хочу принимать от него знаки внимания. И он на неделю отправился дуться в Сент-Ивс.

Я почувствовала невероятное облегчение. Надо мной висела постоянная опасность, что Марку станет известен характер моих отношений с его отцом, хотя Лоренс приходил, только когда его сын проводил день в Пензансе, а это случалось часто. Я надеялась, что Марку скоро прискучит общество отца и он вернется к друзьям в Лондон, но он так и застрял на ферме, которая должна была казаться ему неудобной и изолированной от мира.

– Ты слишком беспокоишься на его счет, – успокаивал меня Лоренс.

– Но если он заподозрит…

– Такая мысль ему и в голову не придет.

Меня раздражало, что Лоренс не имеет и отдаленного представления о том, что такое Марк, и считает его просто подросшим ребенком, проявившим наивный и трогательный интерес к женщине старше себя. Не подумав, я неосторожно сказала:

– Он и вполовину не так невинен, как ты думаешь! Мне кажется…

– Дорогая, я знаю Марка лучше, чем ты. Если бы у тебя были дети, ты бы поняла, что отцы понимают своих сыновей лучше, чем кто бы то ни было из посторонних людей.

Намного позже, когда я вспоминала этот разговор, меня поражало, что Лоренс, человек умный и чуткий, мог, сам того не ведая, так меня обидеть. Ничто не могло оскорбить меня больше, чем это прямое упоминание о моей бездетности. После многих лет безразличного отношения к детям я теперь страстно желала ребенка, его ребенка, и в начале наших отношений, думая, что он разведен, я надеялась, что беременность поможет мне выйти за него замуж. Страсть ослепила меня; на некоторое время я забыла, что мой социальный статус намного ниже и я не могла стать его женой независимо от обстоятельств, но, когда узнала, что он не разведен, я пришла в себя и с помощью Гризельды делала все, что могла, чтобы избежать беременности.

Но желание иметь ребенка осталось.

И все-таки Лоренс, похоже, почувствовал, что причинил мне боль во время той привычной перебранки из-за Марка, потому что, как только мы опомнились, он заговорил о плане, который должен был сделать мое будущее безбедным.

– На днях я составил новое завещание, – сказал он. – Я долго об этом думал. – Поколебавшись, он добавил: – Я не упомянул там твое имя, Джанна, чтобы не ставить тебя в неловкое положение, но перед смертью я собираюсь обеспечить твое будущее, учредив для тебя фонд. Обещаю, тебе больше никогда не придется думать о деньгах.

– Прошу тебя, Лоренс, – легкомысленно заметила я. – Давай не будем раньше времени говорить о твоей смерти.

Это было первого октября. Через три дня в деревне я услышала, что он слег с высокой температурой, вскоре – что его здоровье ухудшилось и что он очень плох. Наконец, не выдержав ужаса ожидания, я отправилась в Зиллан под предлогом посещения могилы мужа, а на самом деле в тайной надежде услышать что-нибудь сверх того, что Гризельда могла узнать у деревенских. Тогда-то, в церковном дворе в Зиллане, священник нашел меня и сообщил мне печальную весть.

Лоренс умер. Я потеряла единственного человека, которого любила, и во второй раз за последние полгода могла потерять ферму и все, чем располагала.

10

Поначалу горе настолько овладело мной, что я сделалась безразличной ко всему, даже к своему будущему на ферме Рослин, но в конце концов Гризельде удалось меня образумить. Что же, товару портиться только потому, что я не могу заставить себя поехать в Пензанс? Или я хочу уморить нас обеих голодом?

– Страдания очень хороши для хрупких молодых барышень, – ядовито заметила она, – у них для этого есть время, досуг и деньги. Тебе же повезло меньше, и пора бы это понять. Надо же, только о себе и думает, – ворчала Гризельда. – В точности как ее мать. Только о себе и думает.

Она прекрасно знала, что я терпеть не могу, когда меня сравнивают с матерью. Сильное раздражение и желание доказать ее неправоту заставили меня взять себя в руки и попытаться снова заняться каждодневной работой.

К воскресенью, последовавшему за похоронами Лоренса, мне удалось притупить боль, но мысль о том, что надо будет пройти мимо его свежей могилы, наполняла меня страхом. Поэтому, когда Гризельда поковыляла через пустоши на утреннюю службу, я с ней не пошла. Вместо этого я расположилась в гостиной и вновь в отчаянии уставилась в счета. Денег едва хватало, чтобы дотянуть до начала нового года. А потом… Глаза опять защипало от слез, когда я посмотрела на список одолженных мне Лоренсом денег. Он настоял, чтобы некоторые суммы я рассматривала как подарки, но остальные я намеревалась как-нибудь отдать. Мне придется продать ферму Джареду, и все будет потеряно.

Перед глазами у меня поплыло. Я уже была готова сдаться и зарыдать от унижения и отчаяния, когда послышался громкий стук в заднюю дверь.

Я вскочила.

Если это опять Джаред пришел приставать, чтобы я продала ему дом, подумала я с яростью, то я плюну ему в лицо.

Утерев слезы, я отправилась к двери и распахнула ее решительным, сердитым жестом. Но это был не Джаред.

Передо мной стоял Марк Касталлак.

Глава 2

Генрих, в отличие от своего отца, никогда не считался красивым, но его юношеская свежесть завоевала сердце Элеанор.

Джон Т. Эпплбай.

Генрих II

Она, в свою очередь, нуждалась в защитнике… и нашла его в Генрихе Анжуйском.

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

1

– Доброе утро, – сказал он.

Я уставилась на него пустым взглядом.

Наконец ответила: «Доброе утро» – и голос мой показался мне холодным и недружелюбным.

Наступило молчание. Я не знала, что сказать. Мы стояли, глядя друг на друга. Тогда он спросил:

– Можно войти?

Я открыла ему дверь, и он вошел на кухню.

– Простите, – сказал он, – если я пришел в неподходящее время, но я увидел, что вас не было на утренней службе, и ухватился за возможность поговорить с вами наедине.

– Ничего страшного.

Опять повисло молчание. Я хотела сказать: «Я с сожалением узнала о смерти вашего отца», но слова не шли с языка.

Молчание уже становилось невыносимым, когда он непринужденно, словно это было совершенно естественно, произнес:

– Я пришел выразить вам свои соболезнования.

Несколько секунд я не видела ничего, совсем ничего, кроме его

раскосых, темных, внимательных глаз, а когда наконец снова смогла ровно дышать и шок превратился просто в боль где-то далеко в горле, я осознала, что мир вокруг существует: куры кудахтали во дворе за открытым окном, птицы пели на карнизе, огонь потрескивал в кухонной плите напротив нас. Во рту у меня пересохло. Наконец мне удалось вежливо выговорить:

– Вы очень добры.

Больше я ничего не сказала. Я думала о Лоренсе, и было уже не важно, много ли знает этот мальчик, потому что мне все было безразлично, все, кроме того, что я больше никогда не увижу Лоренса.

– Может быть, поговорим в гостиной?

– Да. Пожалуйста.

Мы стояли в холле, который тогда располагался в передней части дома. Я больше не могла на него смотреть. Мои глаза застилали слезы.

В зеркало я увидела, что он сел за стол, словно ожидая, что ему принесут бокал вина: руки засунуты в карманы, стул накренен так, чтобы можно было тихонько раскачиваться на нем взад-вперед. Его небрежное поведение так меня задело, что я почувствовала злость. Это ослабило горе; через секунду слезы высохли и я смогла взять себя в руки.

– Зачем вы пришли? – коротко спросила я. – Полагаю, не только за тем, чтобы выразить соболезнования, но если это не так, то прошу меня извинить. Сегодня утром я слишком плохо себя чувствую, чтобы принимать посетителей.

Он не сказал, как ему жаль, что я плохо себя чувствую. Может быть, он догадался, что мое недомогание происходило от горя. А может быть, не поверил в само недомогание.

– Вы не сядете, миссис Рослин? – спросил он ленивым, спокойным голосом, покачиваясь на стуле. – Мне неловко сидеть, когда вы стоите. Конечно, с моей стороны было невежливо садиться без приглашения, и я приношу свои извинения. У меня не было намерения вести себя по отношению к вам так, словно вы не почтенная вдова, за которую себя выдавали.

– Мистер Касталлак…

– Прошу вас, – сказал он, резко вставая и придвигая мне стул, как джентльмен для леди, – прошу вас, садитесь и простите мне мои дурные манеры.

Я послушно села. Он сел напротив меня. Нас разделял стол, а за окном ветви шиповника скреблись о раму, покачиваемые легким ветерком.

– Как дела на ферме? – вежливо осведомился он. – Надеюсь, у вас все в порядке.

– Спасибо, все в порядке.

– Очень рад слышать. Знаете, отец о вас беспокоился. Его последними словами была забота о вашем благополучии.

Я не могла говорить. Я смотрела себе на руки и вспоминала голос Лоренса, который так любила: «Ты больше не будешь ни в чем нуждаться, обещаю. Тебе больше не придется думать о деньгах».

– Если вам когда-нибудь что-нибудь понадобится, – сказал Марк Касталлак, – я уверен, что это можно будет устроить.

Я подняла на него взгляд. Черные глаза смотрели на меня без выражения. Уголки жесткого мужского рта чуть кривились в усмешке. Отворачиваясь от него, я увидела, что его рука скользнула в карман и он достал пять соверенов. Золото тускло заблестело в ярком утреннем свете.

– Вам, должно быть, предстоит много расходов, – проговорил он, аккуратно, мелкими, точными движениями складывая монеты в стопку на столе перед собой, – а ведь нет ничего более скучного, чем отсутствие достаточного количества денег для комфортной жизни.

Он откашлялся, взял один соверен и начал его разглядывать. Я наблюдала за ним, не в силах оторваться. Я думала, что он полностью поглощен разглядыванием монеты, когда вдруг он посмотрел на меня, и наши взгляды встретились.

Я встала и отошла к камину.

Монеты звякнули. В зеркале над камином я видела, что он складывает монеты обратно в карман.

– Помните, – повторил он, – если вам понадобится помощь, нужно только обратиться ко мне, и я сделаю все возможное, чтобы оказать вам содействие.

Я быстро, слишком быстро, сказала, мысли кружились в голове:

– Что ж, как раз теперь… – Я остановилась.

Он развернулся на стуле, чтобы взглянуть на меня.

– Вам требуется помощь уже сейчас?

– Я… я в довольно затруднительном положении… – Я закусила губу. – Может быть, – холодно сказала я, – если бы можно было получить кредит, я могла бы предоставить в залог дом…

– Ах да, – пробормотал он, – дом. Да, я думаю, можно это устроить, миссис Рослин. Я думаю, это даже легко будет устроить.

Если бы он не повторял с таким нажимом это слово «устроить»! Мне не нравилось, что он произносит его так расчетливо.

– Можно посмотреть дом? – небрежно спросил он. – Если речь идет о займе, мне было бы интересно – это чистая формальность, разумеется, *что*

за залог вы предоставляете.

– Очень хорошо, – сказала я, помедлив. – Если пожелаете.

Я пошла к двери, а он за мной. О эти небрежные движения, замечающие все вокруг острые узкие глаза! Мои ладони покрылись испариной. Когда я шла через холл, мне пришлось потихоньку вытереть их о юбку.

– Вот столовая, – сказала я, открывая дверь. – Мы ели здесь на Рождество и на Пасху и в день рождения мужа. Обычно мы едим на кухне.

Солидный дубовый стол поблескивал в солнечном свете; голубая фарфоровая посуда стояла в темном буфете. Лоренсу нравилась старая дубовая мебель. Она пережила не одно поколение семьи Рослин.

Марк молчал. Мы опять вышли в холл, и я направилась вглубь дома.

– Кухню вы уже видели.

– Да, – подтвердил он. – Кухню я видел.

Мы прошли через кладовую, мимо чулана и наконец пришли на маслобойню.

– Она очень старая, – сказала я. – Видите, какие неровные плиты. Это одна из самых старых частей дома.

– Да. А Энни сегодня нет?

– Она ушла к родственникам в Зеннор. Она ходит туда раз в месяц. – Я опять провела руками по юбке. Сердце забилось в груди.

Через кухню мы вернулись в малую гостиную, располагавшуюся сразу же за большой гостиной.

– Здесь я обычно сижу по воскресеньям и читаю газету, – сказала я. – Мы никогда не пользовались большой гостиной. Она предназначалась только для гостей – таких, как вы.

«И Лоренс», – могла бы добавить я. Мне вспомнилось, как мы с Лоренсом сидели здесь за бокалом вина, когда я впервые пригласила его в дом. «Какая милая комната», – сказал он. Лоренс любил этот дом так же сильно, как и я.

– Там еще пара буфетных, – сказала я, – и маленькая комната рядом с чуланом, где можно наполнить ванну и помыться, а так больше смотреть нечего.

– А наверху?

Повисла пауза. Мы опять стояли в холле. Я повернулась, чтобы взглянуть на него, и увидела, что он смотрит на лестницу.

– Наверху смотреть нечего, – сказала я, – там лишь несколько комнат, большей частью из которых уже давно не пользовались. И еще, конечно, чердак. Очень хороший чердак с деревянным полом. Раньше там спала

прислуга, а теперь и у Энни, и у Гризельды есть по комнате в дальней части дома. – Я снова повернулась в сторону гостиной. Теперь испарина выступила у меня на лбу, а руки дрожали так, что мне пришлось сжать кулаки, чтобы не было заметно, что пальцы трясутся. – Пойдемте присядем. Не хотите ли вина?..

– Мне бы хотелось посмотреть комнаты наверху. – Он был безупречно вежлив, бесконечно вкрадчив.

– Я…

– Разве это нельзя… устроить, миссис Рослин?

Потом была долгая пауза, которую ничто не могло заполнить. Я не могла ни дышать, ни говорить, ни думать. Но эта заминка прошла. Они всегда проходят, эти ужасные долгие секунды, когда невозможно поверить в то, что совершается у тебя перед глазами, а когда они уже позади и ты убеждаешься в реальности происходящего, так много сразу происходит, что чувствуешь, как все запутывается. В следующий миг сердце мое болезненно екнуло, в желудке стало нехорошо, в глазах потемнело. Я подумала: «Нет, этого не будет». Потом: «Это не имеет значения». И наконец: «Он предлагает мне кредит, где дом выступает в качестве залога; в этом нет ничего неподобающего; эти деньги – не подарок; это заем, что может быть более основательного, чем кредит, полученный под честный залог? Все остальное не имеет значения. Ничто другое не будет иметь значения».

– Очень хорошо, – вежливо сказала я. – Как пожелаете.

И мы пошли вверх по старой деревянной лестнице с резными перилами на верхнюю площадку, и я начала показывать ему верхние комнаты.

– Вот комнатушка Гризельды… а вот Энни…

Я старалась не вспоминать о Лоренсе, потому что лучше всего было о нем не думать. Но все равно думала о нем. Слезы горячими иглами кололи мне глаза.

– В этой комнате жил Джаред… а в той – Джосс…

Я двигалась как можно медленнее, чтобы дать себе время подумать, но думать я не могла, как не могла утешиться; все, на что я была способна, – это сказать себе, что ничто не разрушит моей любви к Лоренсу, а менее всего – незначительный эпизод, который я скоро забуду.

– А это кладовая, – говорила я, – здесь мой муж держал вещи своей первой жены.

Я так истово думала о Лоренсе, что почти ощущала его у себя за спиной. Я думала: «Если я сейчас повернусь, то увижу его; мы улыбнемся

друг другу, и я вскричу: „Никогда не бросай меня, будь со мной, потому что я тебя так люблю, что не вынесу, если ты уйдешь!“»

Но его не было. Я потеряла его.

– А это моя комната, – сказала я. – Она, как вы видите, выходит окнами на пустошь. Мужу этот вид нравился больше всего, и я с ним согласна. – Я подошла к окну, чтобы посмотреть на вид, словно никогда прежде им не любовалась.

Я услышала, как дверь захлопнулась и раздался тихий, осторожный щелчок. С легким свистом задвинулась щеколда, но я не обернулась. Я закрывала окно, которое отворила утром, чтобы проветрить комнату, потом задернула шторы.

Наступило молчание. Я повернулась. Он стоял, не глядя на меня, его взгляд был направлен на часики с римскими цифрами, которые Лоренс привез мне из Пензанса несколько месяцев назад. Я любила их, потому что они были его подарком, и в то же время ненавидела эти черные стрелочки, которые так жестоко отмеряли короткие часы, которые он проводил в этой комнате.

– Какие на редкость неказистые часы, – заметил Марк, снимая пиджак. – Наверное, они принадлежали твоему мужу?

На этом разговор прекратился. Мы разделись, он – очень быстро, я – с такой тщательностью, словно каждое движение было жизненно важно, а когда больше уже нечего было делать, отправились в постель.

2

Я ничего не ждала.

Я не любила его. Я потеряла человека, которого любила, и была переполнена горем. Я внутренне сопротивлялась, но слишком велико было мое горе, слишком сильно отчаяние от несправедливости жизни, чтобы злиться или испытывать унижение. Я ничего не чувствовала. Я приняла ситуацию так пассивно, что решила позабыть о ней, как только она закончится, а ведь от близости, которая началась подобным образом, ничего не ожидаешь.

Я и не хотела ничего ждать. Это означало бы предать Лоренса, а Лоренса я любила.

Поэтому я раскрылась навстречу Марку, ничего не желая и ничего не ожидая, но неожиданно все переменилось, словно в тех кошмарах, когда знакомые пейзажи становятся неузнаваемыми, и я поняла, что сама себя не

знаю. Я смотрела в эти узкие черные глаза так, словно моя суть была заключена в чье-то чужое тело, которым я не распоряжалась. А когда он дотронулся до меня, расстегивая корсаж и зарываясь лицом в мои волосы, распущенные по плечам, я почувствовала себя так, словно меня никогда не касался мужчина, и я забыла Лоренса – да, забыла о нем, – забыла, будто его никогда и не было, потому что с Лоренсом я даже и не представляла, что можно чувствовать то, что я чувствовала с его сыном.

Это было неописуемо. Еще не изобретено слов, чтобы хоть приблизительно описать это.

Когда я наконец проснулась, было далеко за полдень и пустошь за окном уже давно купалась в золотистом октябрьском солнце. Я лежала, совершенно не желая двигаться, руки и ноги под простынями были теплыми и расслабленными, веки отяжелели от сна, тело было удовлетворенным, успокоенным. В доме было очень тихо. Я только слышала рядом с собой дыхание мужчины, но не посмотрела на него, потому что не хотела признаться себе в случившемся. Я закрыла глаза и позволила сонному томлению просочиться изысканной дремотой в мое тело, я попыталась представить, что рядом со мной Лоренс и что мне стоит только открыть глаза, чтобы увидеть лицо, которое я так любила, но вопреки ожиданиям его лицо не появлялось, я его уже не помнила, и все, что я видела, – были раскосые глаза и жесткий мужественный рот.

Я села.

Марк не пошевелился. Я посмотрела на него. Он казался очень юным, почти ребенком, черные волосы ярко выделялись на белой подушке, ресницы были неподвижно сомкнуты, щеки раскраснелись. Я все смотрела на него, а когда не смогла больше смотреть, соскользнула с кровати и начала одеваться.

Он так и не пошевелился. Я продолжала одеваться, моля о слезах или какой-нибудь другой форме разрядки от боли и шока, но не заплакала. Я оделась, подняла упавший на пол валик для подушек, причесалась. Закончив, посмотрела в зеркало. Глаза были сухи. Я думала, что выгляжу усталой, но усталой я не была. Я выглядела молодой.

Лет, может, на двадцать пять. Ну, на двадцать шесть. Я подумала: «Я молода, молода!» Но я этого не понимала; это было невозможно понять. А когда я вышла из комнаты и спустилась вниз, то почувствовала себя легко и свободно, как ветер.

В холле меня встретила Гризельда. Я перехватила ее взгляд на шляпу Марка, лежавшую на столе, но мы ничего не сказали друг другу. Я вышла на воздух. Солнце пригревало; легкий ветерок ласкал пустошь, и

неожиданно для себя я побрела вверх по холму. Я брела до тех пор, пока передо мной среди вереска не выросли стены замка Чун.

Тогда я заплакала. Слезы беззвучно подступали к глазам и обжигали щеки. Я вошла во внутренний круг руин, словно так могла вызвать призрак человека, которого впервые увидела здесь семь месяцев тому назад, но там не было никаких призраков – только горькие воспоминания о любви плохо подходящей друг другу пары: жены фермера, горящей желанием компенсировать попусту растраченную юность, и ученого средних лет, уставшего терпеливо переносить семнадцатый год безбрачия. Каждый из нас подходил другому; это я поняла только сейчас. Единственная разница между нами была в том, что я обманывала себя, думая, что страстно влюблена, а Лоренс сразу признал, что мы были двумя незнакомцами, которые, стремясь избавиться от одиночества, решились на отношения, которые проявлялись в тех или иных формах взаимности трижды в неделю на фоне долгого, скучного деревенского лета.

Вот и все. Может быть, правда была слишком проста, но я бы могла дожить до самой смерти и не понять этого, если бы не столкнулась с гораздо более непрошеной правдой при своем вынужденном знакомстве с Марком Касталлаком.

Я опять принялась плакать и попыталась возненавидеть его за разрушенные иллюзии, с которыми я так долго жила и любила, но не смогла. Как только я подумала о Марке, мне сразу же захотелось снова оказаться с ним в той запертой комнате, ведь нельзя ненавидеть мужчину, которому ты готова отдаться еще и еще раз без малейших колебаний.

Потом я выбралась из развалин замка и медленно пошла вниз по холму к ферме.

Гризельда на кухне жевала хлеб с сыром. Мы опять не произнесли ни слова. Пройдя в холл, я увидела, что шляпа Марка все еще лежит на комоде; занервничав, я вернулась на кухню и отрезала большой кусок холодного пирога, который лежал на блюде в шкафу. Оказалось, что я зверски голодна, и, покончив с пирогом, я съела еще яблоко и кусок торта с лимонным мармеладом. Когда ко мне наконец пришло ощущение сытости, я услышала на лестнице шаги Марка.

Я сразу же ушла в холл. И увидела его словно впервые. Он выглядел старше, спокойнее, лучше владел собой, в его раскосых глазах было знание, которое я нашла странно возбуждающим. Увидев меня, он улыбнулся. И я перестала понимать, почему когда-то могла считать его некрасивым. В тот момент, как я подумала о том, как потрясающе он выглядит, он пригладил локон, и его короткие сильные пальцы тотчас же напомнили о часах,

проведенных за запертой дверью.

Краска прилила к моему лицу; сердце сильно забилось.

– Останешься на ужин? – ровным голосом спросила я. – Если ты голоден, еды полно.

– Спасибо, но ужин ждет меня в Морве, мне пора идти. – Он сделал паузу и взглянул на закрытую дверь большой гостиной. – Хотя, должен признаться, я хочу пить. Может, найдется сидр?..

– Сейчас принесу.

Когда я вернулась с полным кувшином и бокалом, он все еще стоял в холле, но дверь большой гостиной была приоткрыта. Я подумала: что ему там было надо?

Он быстро выпил сидр и поставил бокал на комод по соседству.

– Можно прийти завтра вечером после ужина?

– Очень хорошо… но, может быть, ты придешь пораньше и поужинаешь со мной?

– Нет, – сказал он, – но останусь на завтрак.

И он опять улыбнулся. В его глазах было выражение, которое я видела и презирала у других мужчин, но у него оно почему-то было невыносимо возбуждающим. Мы стояли, глядя друг на друга, примерно на расстоянии двух футов, и притяжение между нами было настолько сильно, что я почувствовала, что если мы сейчас прикоснемся друг к другу, то вспыхнем, как молния в глухую ночь.

– Тогда до завтра, – сказал он после паузы. – Всего доброго, миссис Рослин.

– Всего доброго, мистер Касталлак, – без энтузиазма ответила я и придержала дверь, когда он выходил на крыльцо.

Когда он исчез из виду, я закрыла дверь и оперлась спиной о стену. Колени опять дрожали; физическое изнеможение ударило по мне, словно молотком. Взяв кувшин с сидром, я налила немного себе в бокал, из которого он пил, и неровными шагами направилась в гостиную.

Стол я увидела с порога. И чуть не выронила бокал. Сидр перелился через край, забрызгал платье и запачкал ковер. Потом у меня начали гореть щеки. Я медленно поставила бокал на стол и один за другим взяла в руки пять золотых соверенов, которые он так заботливо оставил после своего ухода.

3

В ту неделю каждую ночь Марк проводил на ферме. Когда его не было, я ничем не могла занять себя, кроме самых простых дел, таких как вытирание пыли с мебели или кормление кур, и в конце концов предоставила Гризельде и Энни выполнять подавляющую часть работы; из экономии я не пользовалась услугами Этель и Милли Тернер со времени смерти мужа. Однажды я таки съездила на рынок с Гризельдой, но не могла сконцентрироваться на деле и только все напутала. Я жила ради вечеров, но, хотя не раз просила Марка поужинать со мной на ферме, он всегда отказывался.

Его отказы злили меня и странным образом унижали.

– Я что, недостойна с тобой ужинать? – наконец спросила я. – Меня оскорбляет, что ты приходишь сюда вечер за вечером, но не делаешь ничего, кроме…

– Кроме? – Он засмеялся, забавляясь моим смущением, и сказал тягучим голосом: – Но ты же должна признать, что это весьма существенное «кроме»!

Его спокойствие очень меня разозлило.

– Но почему ты отказываешься со мной ужинать? – спросила я. – Мне кажется, я, по крайней мере, имею право узнать причину!

– Ты ни на что не имеешь права, моя дорогая, – вежливо возразил он. – Я тебе не подотчетен. Я вправе делать все, что мне заблагорассудится.

– Очень хорошо, – воскликнула я в ярости, – будь независимым сколько влезет! Полагаю, ты по своей молодости путаешь это понятие с высокомерием. Но это не имеет для меня ни малейшего значения.

Он опять засмеялся.

– Мне нравится, когда ты сердишься! – только и сказал он, а потом протянул руку через стол и коснулся моей руки, и я почувствовала, как уже знакомая дрожь возбуждения пробегает по моему телу. Его голос, низкий, красивый голос, который мне так нравился, велел мне быть терпеливой, потому что в конце концов я получу все, что хочу. – Когда мы с тобой первый раз поужинаем вместе, это будет большой праздник, – сказал он, – а не прозаическая трапеза на маленькой корнуолльской ферме, где ты ужинала с мужем и принимала… других людей. Лишь верь мне…

Но я ему не верила. Я не верила его торжественным обещаниям, а его откровенная нелюбовь к ферме, которую я так любила, мучила меня и отталкивала от него. Я знала, что молодые люди часто обещают в будущем дать много, не собираясь держать слово, поэтому подумала, что он просто успокаивал меня, сглаживал раздражение, чтобы я снова превратилась в податливую, удобную женщину, к которой можно приходить, когда

захочется.

Мое недоверие усилилось, когда на следующий день он уехал в фамильное поместье Касталлаков в Гвике. Там у него были какие-то дела, как он небрежно сообщил мне, и в Морву он должен был возвратиться только через несколько дней.

Прошли две недели, а он все не появлялся. К этому времени каждый день для меня тянулся, как целая неделя. Наконец я с ужасом услышала в деревне, что молодой мистер Касталлак переехал из Гвика в Лондон и его экономка в Морве не знает, когда он вернется.

– Но ведь он должен вернуться в Морву! – говорила я Гризельде в отчаянии. – Лоренс оставил ему там дом, он не будет жить в Гвике, потому что по завещанию особняк Гвикеллис получит Найджел, а они не ладят. Братья сильно поссорились, когда Найджел вернулся из-за границы и выяснил, что похороны отца прошли в его отсутствие и он похоронен в Зиллане, а не во дворе церкви в Гвике, прихожанами которой они были. И потом, Марк не станет жить у матери в Лондоне, потому что с ней он тоже не ладит, так что он должен вернуться на ферму Деверол в Морве, ему же больше некуда деваться.

Гризельда отвечала, что не будет тратить драгоценное время на мечтания о Марке Касталлаке и гадать, что он сделает дальше. И вообще, пора уже мне взять себя в руки, забыть молодого мистера Марка и серьезно подумать о новом замужестве. Тех золотых монет надолго не хватит, и где мы тогда окажемся? Было бы разумно продать ферму мистеру Джареду, выйти замуж за молодого мистера Полмарта, владельца фермы Полмарт, которому я всегда так нравилась, и прекратить постоянно беспокоиться о том, где взять следующий грош.

– Томас Полмарт? – сказала я с отвращением. – Этот неотесанный плюгавый мужлан? Нет, спасибо!

– Экие мы важные! – заверещала Гризельда, теряя терпение. – За нами ухаживали два джентльмена, поэтому теперь мы потеряли голову и заважничали! Уж лучше бы взяла себя в руки, драгоценная моя, да поднабралась бы умишка! Джентльмены не женятся на таких, как ты, даже и не думай. Джентльмены женятся на леди, а не на рыбацких дочках. Не забывай, откуда ты родом и кто такая! Если ты думаешь, что мистер Марк когда-нибудь сюда вернется, чтобы на тебе жениться…

– Я вовсе так не думаю! – сказала я сердито, и это была правда.

Марк на самом деле однажды упоминал о женитьбе, еще до смерти Лоренса; но в то время я не приняла его слова всерьез. К тому же тогда он был последним человеком, за которого я хотела бы выйти замуж. Теперь

мои чувства были иными, но, несмотря на их перемену, я еще не потеряла здравого смысла.

– Я интересна Марку только в определенном качестве, – резко сказала я Гризельде, – а это не имеет ничего общего с брачными узами.

Она проворчала что-то о грехе и осуждении на вечные муки.

– Прекрасно! – воскликнула я раздраженно. – Значит, я вела себя с ним как грешница, неверно себя вела! Но почему мне нельзя хотя бы раз позволить себе любить? Мне всегда не везло в любви: всю свою молодость я провела в неблагоприятных условиях, разве я не заслужила право на капельку удовольствия с человеком, который мне нравится? Ведь Господь не настолько жесток, чтобы не позволить мне немного счастья после такого количества боли и унижений! Если я чего-то и хотела от жизни, так это любви и покоя, и раз мне не дано получить одно, я, по крайней мере, имею право на второе!

Гризельда сказала, что теперь, когда стало ясно как день, что Марк получил от меня то, чего хотел, и нашел кого-то еще, все это уже не имеет значения.

Но она ошибалась.

Он вернулся двумя неделями позже, как раз тогда, когда я уже потеряла всякую надежду снова его увидеть и в отчаянии составляла холодную записку, чтобы напомнить ему, что он обещал мне кредит. Он вошел в мой дом так, словно это была его собственность, с самой возмутительной беспечностью продефилировал в большую гостиную, где я писала письмо, и поздоровался со мной так, словно мы расстались только вчера.

– Я три недели был в Лондоне, – сообщил он без намека на извинения. – Нужно было уладить пару скучнейших семейных дел. Вдобавок ко всему умер мой кузен Роберт Йорк, и мне пришлось задержаться в Лондоне на похороны. – Не обращая внимания на мою холодность, которая не могла остаться незамеченной, он посмотрел в окно на тусклый ноябрьский день и небрежно добавил: – Я думал, ты догадаешься, что меня задержали обстоятельства.

– К сожалению, – произнесла я ледяным тоном, – ясновидение не вошло в число тех добродетелей, которыми Господь счел нужным меня наградить.

– Дорогая моя, – сказал он так насмешливо-серьезно, что мои щеки запылали от гнева, – мне очень жаль. Но поскольку Господь счел нужным наградить тебя большим количеством других великолепных добродетелей, несправедливо сетовать на такое ничтожное упущение. – И прежде чем я

успела открыть рот, чтобы сказать ему все, что о нем думаю, он сунул мне в руку небольшую квадратную коробочку и попросил ее открыть.

Все гневные слова замерли у меня на устах. Неожиданно задрожавшими горячими пальцами я повозилась с застежкой, подняла крышку и заглянула внутрь.

Я увидела перстень с огромным сапфиром. В темноте камень лучился тепло и спокойно, а на свету играл ослепительным блеском. Сапфир был окружен бриллиантами, яркими, твердыми, многогранными бриллиантами, каких я не видела с тех пор, как давным-давно служила личной горничной в замке Менерион.

Я потеряла дар речи. Онемела. Я смотрела на этот изысканный перстень и думала только об одном: он не забыл меня, уехав. Я не поняла его. Он думал обо мне, когда был в Лондоне, и наконец вернулся, как и обещал. Каждое слово он произносил всерьез. Он был искренен.

– Он… очень красив, – робко произнесла я наконец. – Мне… мне никогда никто не дарил таких замечательных подарков.

– Надеюсь, этот будет первым из многих.

– Правда? – Я была покорена; слезы, нелепые и непрошеные, защипали глаза. – Ты уехал от меня, – сказала я неожиданно, с трудом выговаривая слова. – Я думала, что ты меня бросил.

– Добиваясь тебя столько месяцев?

Я подняла глаза. Слезы застилали их, жгли щеки, но это уже не имело значения. Ничто не имело значения, коль скоро он сдержал слово и вернулся ко мне, а его знаки внимания оказались не пустыми, а полными смысла и значения.

– Я тебе не верила, – призналась я. – Я тебе не доверяла. Не думала, что ты так…

«Так честно выполняешь обещания», – чуть было не сказала я, но слова больше не шли у меня с языка. И когда я неуверенно замолчала, из-за слез не видя выражения его лица, он наклонился, взял мою руку в свою и тихо сказал своим красивым голосом:

– Ты могла сомневаться, что я опять попрошу тебя выйти за меня замуж?

А я не могла говорить; я была словно в каком-то волшебном сне, который никак не был связан с долгими прожитыми мной годами трудов, несчастий и страхов. Я чувствовала его горячую, сухую руку, держащую мою, и видела его темные глаза – в них не было ни цинизма, ни расчета, они лучились светом, какого я еще ни разу не встречала в мужских глазах. Это была не жалость и сострадание Лоренса, не похоть Джареда, а

нежность, и эта нежность простиралась так далеко, насколько могло видеть сердце, а за ней стояла любовь, та любовь, которая была мне нужна, любовь, покой и защищенность, которые я искала всю свою жизнь.

– Ты выйдешь за меня, Джанна? – спросил он. – Выйдешь?

И я сказала, даже на секунду не задумавшись, одержимая страхом, что мечта всей моей жизни может опять ускользнуть от меня:

– Да, Марк… да, я выйду за тебя, да, да, да…

4

Как только я дала ему ответ, меня охватила паника. Марк беспечно говорил о свадьбе в Лондоне, о медовом месяце на континенте и о ремонте на ферме Деверол, который надо произвести, чтобы мы могли там жить с комфортом, пока он не унаследует Пенмаррик, и чем больше он говорил, тем больше я пугалась. В конце концов, когда он остановился, чтобы перевести дух, мне удалось вставить тоненьким голоском:

– А разве мы не можем пожениться в Пензансе, Марк? Или в Труро, или в Лонсестоне, или в каком-нибудь другом большом корнуолльском городе?

– В Пензансе? – воскликнул он, немало позабавленный. – Ну и странная идея! Нет, гораздо практичнее будет пожениться в Лондоне. Кузен Роберт оставил мне свой дом на Парк-Лейн, и мы поживем там до отъезда за границу. У тебя будет возможность заказать хорошую одежду, походить по магазинам, купить, что захочется…

– Но, Марк, – прошептала я, и голос мой задрожал, – я никогда раньше не уезжала из Корнуолла. Пензанс – самый большой город, который я видела. Я… я не знаю, как себя вести в Лондоне. Я наделаю глупостей, я так давно жила в замке Менерион, что просто забыла все правила этикета. Твои друзья будут снисходить до меня, а твоя мать… – Я чуть в обморок не упала от испуга при мысли о матери Марка и лишилась дара речи.

– Моя дорогая, – сказал Марк очень мягко, – просто будь собой, и я буду горд представить тебя в любой лондонской гостиной. Если ты достаточно хороша для меня, то будешь достаточно хороша и для всех остальных.

– Но моя речь… я говорю не как леди…

– У тебя восхитительный акцент! Я обожаю тебя слушать!

– Но я необразованна! Я ничего не знаю…

– Ты умеешь читать и писать, а это все, что требуется. Женщины

теряют все очарование от избытка образования.

– Да, но…

– Послушай, – сказал он, целуя меня, – тебе понравится в Лондоне: мы снимем ложу в театре, будем ужинать в хороших ресторанах, увидим все знаменитые места…

– Но мне придется познакомиться с твоей матерью.

– Да, тебе будет скучно, я признаю, но…

– Скучно?! – Я опять почувствовала слабость.

– Она не осмелится сказать тебе ничего неприятного, пока я буду рядом. Кроме того, она больше не живет в доме на Парк-Лейн. Она купила себе дом близ площади Беркли, поэтому, пока мы будем в Лондоне, нам придется повидать ее только раз… Больше тебе ни с кем не надо будет знакомиться, ну, может быть, с одним-двумя из моих друзей по Оксфорду, но это все. Зато тебе не придется видеться с Найджелом. Мы с ним по-прежнему не разговариваем.

Слово «Лондон» все еще громко звенело у меня в ушах, поэтому я не сразу поняла его следующую фразу.

– …И коль скоро речь зашла о моей семье, я хочу, чтобы ты ясно поняла одно: я не желаю говорить с тобой о моем отце. Понятно? Я не хочу, чтобы ты говорила о нем или упоминала его имя в разговоре. Он умер. Он ушел из твоей жизни и из моей, и больше не о чем говорить. Я никогда не буду вспоминать о нем сам, а если услышу, что это сделала ты, то очень рассержусь. Понятно?

Я была так ошеломлена его горячностью и резкостью, что просто покорно произнесла:

– Да, Марк.

– Хорошо.

Он встал, я тоже поднялась, и через секунду мы стояли лицом к лицу, и он меня обнял. Мы поцеловались. Я уже забыла, насколько слабею в его объятиях, как кружится от них голова. Я едва держалась на ногах.

– Марк, Марк.

Мы не могли расцепиться даже для того, чтобы подняться наверх в мою комнату. Я помню, как лежала на диване, а потом, когда диван стал для нас мал, на ковре у камина.

Позже, намного позже, мы пришли в себя, и, когда я причесывалась у зеркала, он спросил, есть ли у меня платье для поездки в Пензанс.

– Сегодня вечером? – глупо переспросила я. – В Пензанс?

– В гостиницу «Метрополь», – сказал он. – Надеюсь, сегодня мы впервые поужинаем вместе.

5

Я сказала Гризельде:

– Он хочет на мне жениться.

Она только фыркнула.

– Правда, Гризельда. На Рождество. В Лондоне.

Она уставилась на меня:

– В Лондоне?

– Он собирается жениться на мне, Гризельда. А я хочу за него замуж. Он не такая пустышка, как я думала. Он держит слово, он говорит всерьез, поэтому я могу доверять ему, Гризельда, понимаешь? Я могу доверять ему и чувствовать себя в безопасности.

– А дом? Дом, по которому ты с ума сходила? Что будет с домом?

– Я сдам его в аренду Джареду. Мы с Марком будем жить в Морве, а тебе, Гризельда, он обещал построить небольшой коттедж, твой собственный домик! Ах, Гризельда, как я люблю его! Я выхожу за него замуж не потому, что он богат! Если бы ты знала, что я чувствую, ты бы поняла…

– Дурная ты. Дурная, чокнутая. Ведь он же мальчишка, ему не больше двадцати одного…

– Угомонись, глупая старуха! Иногда ты меня так злишь, что я просто выхожу из себя. Быстренько доставай гладильную доску – мне нужно выгладить то бледно-зеленое платье, которое когда-то подарила мисс Шарлотта. Мне кажется, если затянуть корсет потуже, оно еще сойдется в талии.

Новость о том, как мне повезло, взорвалась в Зиллане, как порох на труте. Поначалу я, естественно, чувствовала восторг, но постепенно он померк и уступил место горечи и гневу.

– Может быть, ты бы вышла замуж за меня, Джанна, – сказал Джаред, – если бы я был на шесть дюймов короче, на порядок страшнее, но при этом был богатым джентльменом, а не мелким фермером.

– Миссис Рослин, – сказал мой друг священник с тактичностью, которая не могла полностью скрыть его озабоченность, – может быть, было бы более осмотрительно подождать до весны? Я понимаю, что ни вы, ни Марк не видите резона в ожидании, поскольку совершенно уверены в своих чувствах, но, боюсь, такая спешка даст повод для самых неприятных сплетен…

– Сплетни, – ворчала Гризельда, – сплетни, сплетни, сплетни. Они

думают, что я глухая, но я очень хорошо все слышу. Люди говорят, что ты наглая, наглая и расчетливая. Кое-кто болтает о тебе и мистере Лоренсе – наверно, Джаред. Или этот злой на язык Джосс… Что ж, говорят, не смогла получить отца, так отхватила сына. Хватает, говорят, все, что идет в руки, а муж еще и одного года в могиле не пролежал. Да еще мистер Марк, невинный младенец, говорят, едва двадцать один год исполнился, говорят, он мягок, как глина, говорят, как глина в руках жадной бабы, которая намного старше его. Сплетни, ужасные сплетни, по всему приходу Зиллан, по всей Морве, Зеннору и Сент-Джасту и даже по Пензансу, Мадрону и Маразиону…

– Прекрати, Гризельда! – вскрикнула я. Я готова была разрыдаться от ужаса и обиды. – Прекрати! – В порыве сильного гнева я воскликнула: – Я рада, что уезжаю отсюда в Лондон! Я устала от их злословия! Я буду рада уехать из Зиллана и никогда больше не общаться ни с кем отсюда!

Не прошло и недели, как мы с Марком уехали с фермы Рослин.

Глава 3

Она немедленно вышла замуж за Генриха.

Кристофер Брук.

Саксонские и нормандские короли

Генрих и Элеанор тихо обвенчались в Пуатье без всякой помпы, почти тайком…

Джон Т. Эпплбай.

Генрих II

1

Никогда не забуду изумления, охватившего меня, когда я впервые увидела дом на Парк-Лейн, который кузен Роберт Йорк незадолго перед тем оставил Марку по завещанию. Я и без того была оглушена долгой поездкой из Пензанса – никогда прежде мне не доводилось ездить поездом – и подавлена громадой просторного, грязного, переполненного, беспорядочного, путаного города, в котором оказалась поздним декабрьским вечером, но, увидев этот городской дом, просто онемела от шока, так что забыла даже о страшном возбуждении, вызванном во мне путешествием и зрелищем лондонских огней, убегающих во все стороны вплоть до бесконечности. Парк-Лейн представлялась мне уютной маленькой улочкой в каком-нибудь скромном квартале, более или менее похожем на лучшие жилые районы Пензанса, а дом – простым жилищем, чуть поменьше фермы Рослин, хотя и с большим количеством слуг. Но, к своему ужасу, я оказалась на одной из крупнейших улиц Лондона, с великолепным Гайд-парком по одну сторону и огромными особняками по другую. Я немедленно лишилась дара речи. Я так разнервничалась, что едва смогла заставить себя выйти из двухколесного экипажа.

Нас вышел встречать ливрейный лакей. Потом еще один. В холле возвышался дворецкий. А за ним стоял еще один лакей. А холл! Массивная люстра свисала с лепного потолка. Красивая лестница, элегантно

изгибаясь, вела наверх. Я в полном изумлении смотрела вокруг. Прислуга кланялась, дворецкий бормотал вежливые слова. Мне кажется, я в ответ улыбалась. Не помню точно. Я только помню, что тотчас же с испугом подумала о своем залатанном белье в чемоданах и начала шепотом умолять Марка разрешить мне самой их распаковать. Перед поездкой я купила в Пензансе несколько самых необходимых вещей, но он предложил отложить самые важные покупки до Лондона.

– Но я должна распаковать чемоданы! – жалко настаивала я. – Моя одежда…

– Нет. – Это было все, что я от него услышала. Только «нет» – и все.

– Но, Марк…

– Дорогая, это просто не принято. Делай, как я говорю.

Звучало это так, словно у него было на десять лет больше опыта, чем у меня, словно я только что вышла из подросткового возраста. Но я была настолько подавлена его манерой говорить, его авторитетом, что не посмела больше задавать вопросы.

Поднявшись наверх, я обнаружила, что мне отвели просторную спальню с огромной современной кроватью, роскошной мебелью и темными картинами на стенах. Ковер был с таким густым ворсом, что я с трудом по нему передвигалась. Вскоре горничная с непроницаемым выражением лица, которая распаковывала мой багаж, поставила меня в известность, что рядом есть даже ванная, и я, ухватившись за возможность исчезнуть, прежде чем она обнаружит мое залатанное белье, поспешила по коридору на поиски. Ванна была из белого фарфора на маленьких позолоченных ножках, а еще там была раковина с кранами. Я повернула кран. Полилась вода. Я завернула кран. Вода перестала литься. Осмелев, я исследовала комнату рядом и обнаружила, что это, как я и ожидала, ватерклозет, где унитаз причудливо украшен голубым рисунком по белому полю. В замке Менерион тоже был ватерклозет, но никому из слуг не разрешалось им пользоваться, кроме того, в семидесятые годы, когда я там жила, на водопроводные трубы никогда нельзя было полностью положиться. Возможно, ситуация теперь улучшилась настолько, что все джентри обзавелись прекрасными ванными комнатами и отлично функционирующими ватерклозетами. А возможно, Лондон был просто более прогрессивен, чем отдаленный, провинциальный Корнуолл.

Я была так переполнена впечатлениями, что позабыла о своей нервозности.

В тот вечер после ужина мы рано отправились спать. Мы, конечно же, спали в разных комнатах, чтобы соблюсти приличия, но перед рассветом

Марк проскользнул в мою постель и оставался там, пока не рассвело, так что мне не пришлось проводить в одиночестве всю ночь. На самом же деле приличия вряд ли соблюдались по-настоящему, поскольку мы были не женаты, но спали под одной крышей, и весь дом был в нашем распоряжении. И все же, раз мы собирались вскоре обвенчаться и не планировали выходить в свет до свадьбы, я решила, что не стоит расстраиваться из-за того, что приличия были соблюдены недостаточно строго.

На следующее утро впервые в жизни я завтракала в постели, потом моя горничная предложила налить мне ванну. О, что это за чудо – неторопливо принимать горячую ванну! Когда я закончила с этим, было почти одиннадцать часов. Одиннадцать, подумала я, одиннадцать! Я вспомнила свою жизнь фермерской жены, дойку и сбивание масла, бесконечную рутину утренних забот. А теперь – уже одиннадцать, а я только и сделала, что позавтракала, повалялась в постели и приняла ванну!

Я начала получать от жизни удовольствие.

В тот же день пришла портниха и, будучи компетентной женщиной, сразу наметила необходимый мне гардероб и сделала различные предложения о тканях и их рисунках. Увлекательное утро! После позднего обеда мы поехали сначала в Гайд-парк, потом на Бонд-стрит и Оксфорд-стрит, где я увидела невероятное разнообразие магазинов. Следующие несколько дней пролетели быстро; Марк занимался приготовлениями к свадьбе, а я – примеркой платьев, которые начала присылать портниха. И только я начала привыкать к новой жизни и приобретать хоть какую-то толику уверенности в себе, как Марк объявил, что пора ехать с визитом к его матери.

Я опять запаниковала. Я в буквальном смысле тряслась от страха. Тщетно Марк уверял меня, будто я настолько красива в своих новых платьях, что он без колебаний отправился бы со мной в Букингемский дворец. Тщетно говорил он мне, что его мать всего-навсего женщина средних лет, очень тщеславная, невероятно высокомерная, но на самом деле трогательная в своем одиночестве. Впустую уверял он меня, что она не дьявол во плоти. Все, что я о ней помнила, – это то, что это та самая надменная, деспотичная «мисс Мод Пенмар» из злоречивых воспоминаний Этель и Милли Тернер о местных джентри и скандальная, вечно недовольная жена, которая сделала Лоренса таким несчастным за годы, проведенные им вместе с ней в Гвике.

– Да, кстати, – небрежно сказал Марк, – не забудь, что к матери надо обращаться «миссис Пенмар», она никогда не называла себя «миссис

Касталлак».

– Миссис Пенмар. Да. Я запомню.

Я напрягла всю свою фантазию в поисках предлога, который позволил бы мне избежать ужасной встречи, но отговорки не нашлось, и в конце концов мы отправились в дом на Чарльз-стрит.

– О Марк! – прошептала я в приступе страха, когда величественный дворецкий бросил на нас мрачный взгляд и провел нас в гостиную. – А мы не можем уйти, улизнуть, пока она не пришла? Ты мог бы сказать, что мне вдруг стало плохо, что я почувствовала слабость…

– Чтобы она немедленно вообразила, что ты беременна и что я женюсь на тебе, потому что вынужден это сделать? Конечно нет!

Я была уже готова поддаться охватившей меня панике и объявить, что мне все равно, какими мотивами его мать объяснит наш брак, когда дверь открылась. Красивая, высокая женщина надменно вплыла в комнату и остановилась, чтобы без малейшего смущения рассмотреть меня в лорнет. У нее были седые, со стальным отливом волосы, черные глаза Пенмаров, которые я так хорошо знала, плотно сжатый, брюзгливый рот и не по-женски волевой подбородок. На пальцах сверкали перстни. Ее платье великолепного фиолетового цвета странным образом ее украшало. Когда она выпустила из руки лорнет и направилась ко мне, я увидела, что в ее движениях были заметны повадки привилегированного класса, позволяющие приходить и уходить, когда и куда ему вздумается, и то высокомерие, которое поначалу и привлекало, и раздражало меня в Марке.

– Да уж, – недовольно сказала она сыну, – хорошенькое дельце, ничего не скажешь. Но она, по крайней мере, прилично выглядит. Надо постараться увидеть положительный аспект в сложившейся ситуации.

– Мама, – произнес Марк с металлом в голосе, – если ты не можешь принимать нас с должной учтивостью, пожалуйста, не трудись. Я не нуждаюсь в твоем позволении на брак…

– И в этом тебе повезло, ты так не считаешь?

– …и, уж конечно, я не собираюсь становиться перед тобой на колени и испрашивать благословения!

– А я этого и не ожидала! Терпеть не могу подхалимажа. Отлично! Если позвонишь сонеткой и прекратишь ходить взад и вперед, как плохой актер, играющий Гамлета, я велю Типсток принести хереса. Присаживайтесь, миссис Рослин, – добавила она, не глядя на меня, сама же села на великолепный стул с высокой спинкой, откуда было удобнее играть роль инквизиторши.

Прошел изнурительный час, в течение которого моя будущая свекровь

безжалостно расспрашивала меня о моем происхождении. Марк убедил меня не скрывать ничего и говорить в таком тоне, словно я горжусь быть дочерью рыбака не менее, чем она гордится тем, что происходит из семьи Пенмар, но мне было очень нелегко последовать этому совету. Тем не менее я говорила настолько убедительно, насколько могла: рассказала, что мои родители умерли молодыми, вынудив меня в нежном возрасте пойти в прислуги, и каким-то образом мне даже удалось создать впечатление, что я работала в замке Менерион до тех пор, пока не вышла замуж в первый раз; еще я подчеркнула, что Рослины были не арендаторами, а мелкими фермерами, у которых была своя земля.

– Хм, – пробормотала Мод Пенмар и сделала большой глоток хереса. Пила она, совершенно не утруждая себя изящными манерами. – Что ж, я полагаю, все это вполне приемлемо. Джанна – это ваше настоящее имя?

– Нет, меня крестили как Жанну, в честь отца, которого звали Жан-Ив. Но корнуолльцы не умеют произносить французские имена.

– Он был француз?

– Да, из Бретани. В Сент-Ивсе есть колония бретонских моряков.

– Вы говорите по-французски?

– Я все забыла. Отец умер так давно.

– Жаль. Было бы лучше, если бы вы говорили по-французски. – Она поставила бокал и повернулась к Марку. – Когда вы собираетесь пожениться?

– На следующей неделе. Вот-вот придет разрешение, и я уже отдал все распоряжения, чтобы нас обвенчали в церкви Савой…

– Я приглашена?

– Я бы никогда не посмел поставить тебя в такое неловкое положение!

– Как тактично с твоей стороны! – Выражения их лиц стали горькими, когда они посмотрели друг на друга. Ее рот сжался в твердую узкую полоску. – Что ж, – сказала она, ни на кого не глядя и наливая себе третий бокал хереса из графина, – как ты понимаешь, я не одобряю твой выбор. Но могло быть и намного хуже. Не вижу причин, чтобы миссис Рослин не сумела приобрести некоторый аристократический лоск, а это, Господь свидетель, можно сказать далеко не о многих женщинах из рабочего класса. Она умна, хороша собой и, если сделает над собой усилие, сможет быть вполне презентабельной. Желаю вам всего наилучшего и надеюсь, что вы будете ко мне заходить каждый раз, когда окажетесь в Лондоне.

Визит был окончен. Через несколько минут я в изнеможении опустилась на скамейку экипажа, испытывая от этого невероятное облегчение.

– Конечно, – кратко подытожил Марк, – моя мать вела себя ужасно грубо. Я приношу за нее извинения. Но подобное испытание нам больше не грозит. Тебе не нужно приезжать к ней снова, у меня нет намерения везти тебя туда для оскорблений.

От облегчения я подобрела.

– Мне кажется, она не хотела меня оскорбить, Марк. Она просто слишком прямолинейно выражала свои мысли, а ее разочарование вполне объяснимо. Она ведь наверняка ждала, что ты подыщешь себе хорошую партию.

– Могла бы порадоваться, что я женюсь по любви! Она страшно злилась на своего отца, когда тот не разрешил ей выйти замуж за Жиля Пенмара!

– Она пожелала нам добра, Марк…

– Потому что, если бы она этого не сделала, я бы к ней никогда больше не пришел, а теперь, после смерти кузена Роберта, она наконец начинает жалеть, что не была близка со своими детьми. Ее поведение продиктовано эгоизмом, и так было всегда. Я презираю ее.

Я не ответила. Мне было по душе, что он не так уж сильно привязан к матери и что мне не придется часто навещать ее. Всю дорогу до Парк-Лейн он молчал, но дома неловкая атмосфера быстро рассеялась; приехав, мы обнаружили, что посыльный привез разрешение на брак, и в тот же день отправились на Стрэнд, чтобы отдать священнику последние распоряжения о свадьбе.

2

Пятью днями позже, утром девятнадцатого декабря, мы поженились. На мне была маленькая, но модная шляпка, подходящая моему вдовьему статусу, голубое шелковое платье великолепных чистых линий, которое подчеркивало мою фигуру, оставаясь при этом образцом хорошего вкуса, и самая неудобная обувь, какую мне только приходилось носить. Нашими свидетелями были два оксфордских друга Марка; церемония прошла быстро и непринужденно, после чего мы вчетвером отправились на завтрак с шампанским в «Клариджес», а когда мы собрались возвращаться на Парк-Лейн, они нас оставили. Как только мы приехали домой, Марк сразу же распорядился, чтобы нас не беспокоили, а потом мы пошли ко мне в комнату, заперли дверь и задвинули шторы. У меня с непривычки кружилась голова от шампанского, и я была на седьмом небе от счастья, что

стала миссис Касталлак, так что я отправилась в постель без мыслей о возможных последствиях, ведь теперь я могла не опасаться забеременеть. И чувство защищенности стало таким огромным, что чудо неожиданного везения просто оглушило меня.

В тот вечер мы пошли в театр. У нас, как у членов королевской семьи, была ложа, на мне было мое лучшее вечернее платье из белого шелка и гипюра, отделанное черным кружевом, и все джентльмены направляли свои бинокли на меня, а не на сцену.

– Все думают: кто же это такая? – шепнул мне в восторге Марк. – Ты – загадка этого вечера.

На следующее утро объявление о нашей тихой свадьбе появилось в «Таймс». И только тогда, увидев слова, набранные черным по белому, я наконец смогла полностью осознать значение того, что случилось. Мне кажется, что, если бы у меня тогда было хоть немного времени, чтобы поразмышлять, я бы немедленно ощутила всевозможные страхи, но времени у меня не было. А едва я начала привыкать к необычности лондонской жизни и к головокружительной верхушке общества, где я теперь вращалась, как Марк сказал, что закончил все приготовления к медовому месяцу, и на следующий день мы уже мчались через Ла-Манш во Францию.

3

Должно быть, я единственная женщина на свете, которая не влюбилась в Париж с первого взгляда. Он показался мне холодным, мрачным городом, заполненным огромными зданиями, которые слыли знаменитыми, и грубыми, эгоистичными женщинами, чей язык я не понимала. Мужчины фальшиво улыбались, их внимание приводило в замешательство, и я решительно отказалась выходить куда-либо без Марка. Я чувствовала себя иностранкой, смущенной и потерянной.

– Но ты ведь наполовину француженка и должна чувствовать себя здесь как дома! – говорил Марк.

– Мой отец был бретонцем, – сказала я, – а Бретань отличается от Франции так же, как Корнуолл от Англии.

Наконец, к моему облегчению, мы уехали из Парижа и сели в поезд, идущий на юг, в Монте-Карло, и, хотя я по-прежнему была убеждена, что Франция – страна ужасная, Монте-Карло понравился мне больше, чем я ожидала. Это был город у моря, а субтропическая растительность

напомнила мне новые моррабские сады в Пензансе, где росло множество пальм и экзотических кустарников. Погода была хорошая, и я бы наслаждалась каждой минутой нашего пребывания там, если бы меня не раздражали обильная французская пища и французское вино, которое лилось рекой. Но по мере того как время шло, а позывы к рвоте стали регулярно повторяться каждое утро, я поняла, что французская пища была не единственной причиной моих недомоганий. Я не согласилась обращаться за консультацией к французскому врачу, но, как только в феврале мы вернулись в Лондон, сходила к доктору на Уимпол-стрит, и он подтвердил, что у меня будет ребенок.

Я не собиралась проводить первый год замужества в борьбе с неприятностями, вызываемыми беременностью, но я была небрежна с самой свадьбы и поэтому не очень удивилась своему положению. В конце концов я решила, что раз мне хотелось рано или поздно обзавестись детьми, то не имело значения, начнут ли они рождаться в этом или в следующем году, поэтому примирилась с неизбежным и даже с радостью принялась ожидать материнства.

Марку очень хотелось остаться в Лондоне, чтобы я получала наилучший уход, но мне не терпелось вернуться в Корнуолл. Я тосковала по виду корнуолльского моря, по просторным пустошам, по каменным моторным цехам шахт. Мне хотелось снова вдохнуть корнуолльского воздуха, пройтись по корнуолльской земле и выспаться под корнуолльской крышей. Я больше не могла и дня находиться в Лондоне, и наконец после отсрочки, показавшейся мне бесконечной, как-то теплым утром в начале марта мы сели в поезд и начали свое долгое путешествие домой – в Корнуолл, в Морву, на ферму Деверол.

4

Ферма, которую я видела издалека, но в которую раньше не заходила, представляла собой простое, непритязательное здание, совсем не похожее на мою любимую ферму Рослин, но эта ферма была просторной, комнаты в ней были красиво меблированы, поэтому я решила, что смогу к ней привыкнуть. Новый водопровод, установленный в наше отсутствие, был большой роскошью, и я могла принимать по утрам ванну независимо от того, когда мне заблагорассудится подняться с постели после завтрака. Марк хотел, чтобы я сходила к врачу в Пензансе, у которого в числе пациентов значились Карнфорты из Карнфорт-Холла, но доктор Логан был

старым снобом, поэтому я решила сходить к молодому врачу из Сент-Джаста доктору Солтеру, который пару раз лечил моего первого мужа на ферме Рослин. Доктор Солтер прописал мне умеренные физические упражнения после обеда в дни хорошего самочувствия, а вообще отдыхать как можно больше, и, хотя меня втайне позабавила мысль о том, что я все месяцы ожидания смогу лениво проваляться в шезлонге, я решила последовать его совету и делать, как он сказал.

Пребывание в Монте-Карло позволило нам избежать самой скверной части зимы, но не большой мартовской вьюги, которая традиционно бесновалась добрые сутки, разбивая корабли в пензансской гавани и заметая железную дорогу в Редруте. Это было совершенно исключительное природное явление, и впоследствии люди вспоминали о нем годами. Но тем не менее вскоре наступила весна, которая потом быстро перешла в лето. Я по-прежнему в основном бездельничала. Сара Мэннак оказалась очень хорошей экономкой и была добра к бедняжке Энни, которая поначалу никак не могла привыкнуть к новому дому. У Гризельды, как всегда капризной, несколько раз возникали стычки с миссис Мэннак, но, поскольку она была теперь удобно устроена в небольшом коттедже неподалеку, обстановка на кухне складывалась не так безнадежно, как это могло бы быть.

К нам изредка приходили гости, но из-за моего состояния принимали мы мало. Чаще всего мы виделись с Барнуэллами, потому что по-прежнему ходили на богослужения в ближайшую церковь, а иногда, после утренней службы, обедали в доме священника. Их дочь Мириам, которая годом раньше опозорила себя, сбежав с молодым Харри Пенмаром, была, как и я, «в деликатном положении»; по крайней мере, так однажды за чаем мне с удовлетворением поведала утомительная миссис Барнуэлл. Харри Пенмар женился на Мириам, так что она теперь считалась порядочной женщиной, но он, как всегда, был по уши в долгах, и у меня возникло подозрение, что Мириам, должно быть, уже раскаивается в своем тайном побеге.

Время шло; Марк был занят каким-то историческим трудом, который был слишком сложен для моего разумения, и, казалось, тихая жизнь, которую мы вели, не обременяла его. Я была вполне довольна своим пребыванием в Морве, но иногда мне хотелось сходить на ферму Рослин, и только сознание того, что там я встречу неприятный прием, заставляло меня подавлять такое желание и держаться подальше от этой части Зиллана. Я сдала дом в аренду Джареду, но, чтобы успокоить свою совесть, брала с него лишь символическую плату; у меня не было причин чувствовать себя виноватой перед ним, но ему не везло, да и я всегда холодно к нему относилась. Но его невезение продолжалось, и тем летом

двое его детей, в том числе единственный сын Авель, умерли от болезни, а у его жены, одной из тех покорных, поблекших женщин, которые кажутся хронически беременными, начался долгий период выкидышей. Мне было жаль Джареда, но ему моя жалость была ни к чему. Как я слышала, он стал более религиозен и никогда не пропускал служб по воскресеньям. Вскоре после того, как я вышла замуж за его отца, он начал посещать уэслианскую методистскую церковь в Морве, а не приходскую в Зиллане, и это, конечно, был с его стороны вызов отцу, который, как он знал, не переносил методистов, но даже после смерти старшего Рослина Джаред продолжал ходить туда со своей семьей и братом Джоссом. Вдобавок к неожиданному религиозному рвению в то лето он начал принимать активное участие в деревенской жизни и завел дружбу с шахтерами. Вскоре он организовал в Зиллане рабочий клуб и произносил там речи о том, что шахтерам следует начать забастовку, чтобы потребовать лучших условий труда, и что у них столько же прав на достойную, комфортную жизнь, сколько и у аристократии.

– Очень радикально, – недовольно сказала я Марку, но Марк и сам придерживался довольно необычных для такого молодого человека взглядов на жизнь, и он привел мне массу доводов в пользу точки зрения Джареда.

Наступил август. До родов был еще месяц, но к этому времени я уже так устала от своей отяжелевшей фигуры и надоедливых рекомендаций доктора Солтера отдыхать как можно больше, что уже не могла дождаться появления ребенка. В конце месяца, когда я в сотый раз вздыхала и желала, чтобы это поскорее кончилось, чтобы я вновь могла надевать свои красивые лондонские платья, ребенок, словно почувствовав мое нетерпение, решил появиться на свет раньше срока и я внезапно лицом к лицу столкнулась с муками деторождения.

Мне казалось, что не будет никаких трудностей. Я всегда была здорова и в глубине души считала, что коль скоро я успешно пережила несколько лет назад искусственное прерывание беременности, то успешно переживу теперь и естественное. Единственное, чего я не учла, так это того, что впервые рожать после тридцати рискованно для любой женщины.

Усталость сменилась дискомфортом; дискомфорт уступил место сильной боли; на смену боли пришли испуг, потом страх, потом ужас. Я вопила, призывая Гризельду, но при мне была только бормочущая успокоительные слова повитуха, а потом пришел доктор Солтер, который сказал мне с бесполезным участием:

– Крепитесь, миссис Касталлак. Скоро все кончится.

Я грубо выругалась в ответ и увидела, как он открыл рот, удивившись, что я знаю такие слова. А потом наконец появилась Гризельда; она пробралась к моей кровати, и морщинистое лицо ее было перекошено от гнева, потому что ее не пускали ко мне.

Я решила, что никогда больше не буду рожать. Никогда, никогда, никогда в жизни. Потом потеряла сознание.

Но когда мне на руки положили моего сына, моего бедного злосчастного малыша, которого я так полюбила впоследствии, я забыла обо всем, кроме восхитительного ощущения, что я дала ему жизнь.

5

Счастье и гордость, которые охватили меня после родов, были намного сильнее, чем я представляла себе во время беременности, а вместе с ними пришло и другое чувство, которое сложно определить. Это было что-то вроде ощущения бесконечного покоя, словно сам Господь Бог твердо пообещал мне, что я никогда больше не буду одна, не буду нелюбима. Ребенок был так мал, так беззащитен, настолько от меня зависел, что я расцвела, потому что почувствовала, как я нужна, любима и удовлетворена. Лишь тогда я поняла, насколько пуста была моя бездетная жизнь. Поразительно, как только я могла мириться с бездетным будущим, живя на ферме Рослин? Мне было сложно даже вспомнить свое безразличие к материнству, потому что теперь я была поглощена своим новым счастьем. У меня кружилась голова от неожиданного блаженства, и даже слово «экстаз» вряд ли может описать охватившую меня эйфорию.

Мы назвали младенца Стефеном – это было второе имя Марка, нам обоим оно нравилось – и долгие часы проводили у его колыбели, словно не могли поверить в то, что он настоящий. Конечно же, он был самым красивым малышом изо всех, каких мне доводилось видеть. Я едва дождалась момента, когда было можно встать с постели и продемонстрировать его миру в колясочке.

– Полагаю, он будет похож на тебя, – сказал Марк. – Он совсем не похож на меня.

Потому что Стефен был светленьким. Его голубые глаза не обещали потемнеть, а на макушке был намек на золотистые волосики.

– Еще слишком рано об этом говорить, – поспешно возразила я, боясь, что обсуждение семейных черт в младенце приведет нас к запретной теме о Лоренсе. – Глаза Стефена еще могут потемнеть, а волосы стать черными.

Сейчас он ни на кого не похож. Только сам на себя.

И это было совершенной правдой. Я уже собралась обсудить предстоящие крестины, когда Марк неожиданно заметил:

– А тебе не кажется, что он немного похож на моего отца?

Я была так удивлена его неуверенным тоном и упоминанием запретного имени, что не смогла быстро найти ответ. Наконец я сказала, повторяя очевидную истину:

– Слишком рано искать в нем сходство с кем-либо, Марк. Всем известно, что новорожденные редко на кого-то похожи, и Стефен не исключение.

Он кивнул, пожал плечами, словно этот вопрос для него был несущественен, и отвернулся.

– Марк, – неожиданно я почувствовала желание навсегда разрушить тот невидимый барьер, который стоял между нами, – а что касается Лоренса…

– Я не хочу о нем говорить, – сразу же с нажимом сказал он.

– Ах, если бы ты смог взглянуть в лицо правде и не ревновать каждый раз при упоминании его имени! Да, у нас был роман. Да, я была к нему привязана и, как мне кажется, нравилась ему. Мы оба были одиноки и оба хотели скрасить одиночество. Но Лоренс умер. Все кончилось. Теперь весь этот эпизод ушел в историю. Ты мой муж, я тебя люблю, и ты единственный мужчина в моей жизни, вот и все.

– Ты не понимаешь, – хрипло сказал он. Я уже подумала, что больше он ничего не скажет, когда он выкрикнул в отчаянии: – Ты не понимаешь, что я почувствовал, когда узнал, что ты была его любовницей! Ты не понимаешь, как я ненавидел и тебя, и отца, и его невыносимое ханжество… – Он остановился. А потом неожиданно добавил печально: – Мне было так одиноко. Если бы мистер Барнуэлл не был так добр ко мне, я не знаю, что бы я сделал.

Я была подавлена. Слезы, блестевшие в его глазах, напомнили мне, что он еще очень молод, и во мне проснулся новоприобретенный материнский инстинкт.

– Марк, – начала я, но он перебил меня.

– Теперь все кончилось, – коротко сказал он. – Мистер Барнуэлл показал мне, насколько бессмысленна ненависть, и потом, я не мог продолжать ненавидеть, когда понял… – Он опять остановился.

– Что понял?

– Что ты мне нужна, несмотря ни на что, потому что я любил тебя больше всего на свете. – Он отвернулся, но я остановила его и потянулась к

нему губами. Я почувствовала, как страсть закипает в его теле, но стоило нам крепко обняться, как младенец проснулся, тонким голоском жалобно требуя внимания.

6

Мы едва закончили приготовления к крещению сына, когда мистера и миссис Барнуэлл постигло большое горе, и мы из сочувствия к ним предложили перенести церемонию на несколько дней. Их дочь Мириам скончалась, родив девочку, а поскольку вскоре ее муж умер от воспаления печени, вызванной, по слухам, неумеренным пристрастием к алкоголю, младенца привезли в дом священника в Зиллане к дедушке и бабушке. Они назвали внучку Элис; это имя мне не нравилось, и, когда я изредка приходила в священнический дом посмотреть на малышку, она казалась мне безобразным ребенком, в отличие от моего Стефена, который был большим, сильным и, на мой взгляд, совершенным. У него было спокойное, удовлетворенное личико с красивыми мелкими чертами, а на макушке уже кудрявились светлые волосики, которые я любила приглаживать пальцем. Мы наняли няню присматривать за ним, поэтому мне больше не приходилось вставать к нему ночью, когда он плакал или чтобы поменять пеленки. Когда я его видела, он всегда выглядел очень довольным и ухоженным, так что у меня не осталось никаких воспоминаний о трудностях, связанных с уходом за младенцем.

Наступила весна. Стефен рос. Марк опять трудился над историческими исследованиями, но раз в неделю отвлекался от работы, чтобы на двуколке свозить меня и Стефена с няней в Пензанс. Мы держали коляску в «Метрополе», забирали ее, когда приезжали, и катали Стефена по лугу или под пальмами в моррабском саду, а потом возвращались в «Метрополь» пить чай. Я покупала ему игрушки: маленькую пушистую собачку, набор кубиков, пирамидки на стержне; ему все нравилось. Когда он выказывал ловкость и сообразительность в играх, я брала его на руки, обнимала и с гордостью рассказывала Марку, как умен и развит его сын, а Марк смеялся, разделяя мой восторг, и я была счастлива.

Эти поездки были очень приятными: мы беззаботно веселились, хотя в последнее время я часто чувствовала между нами напряжение. Не то чтобы мы были несчастливы; ничуть нет. После рождения Стефена мы без всяких проблем возобновили наши отношения в спальне, но брак, как всем известно, состоит не только из успехов на двуспальной кровати. До

замужества я и не подозревала, что Марк был таким серьезным ученым, и мое запоздалое открытие о его страстном увлечении историей не слишком меня обрадовало. Он надолго закрывался в кабинете и утром, и вечером, а днем обычно отправлялся на прогулки один, чтобы «подумать». Раз в две недели он, тоже в одиночестве, ездил в Пензанс на обед со своим другом Майклом Винсентом, молодым поверенным из «Холмс, Холмс, Требарва и Холмс», а потом заходил с визитом в Карнфорт-Холл, где собиралась молодежь его возраста из джентри, но мне, естественно, не разрешалось сопровождать его в этих случаях. Я не возражала, чтобы он встречался с друзьями, потому что всем мужьям время от времени нужна мужская компания, но мне не нравилось проводить время в одиночестве – нечем было заняться, не с кем поговорить. Сара Мэннак так хорошо управлялась по дому, что мне мало что оставалось делать, и, хотя я много часов тратила на преобразование домашнего интерьера или на занятия благотворительностью, как и полагалось жене джентльмена со средствами, мне часто бывало одиноко и тревожно.

Наконец я догадалась, что одной из причин такого положения был недостаток у меня образования, и немедленно принялась это исправлять. Я снова начала читать романы, чтобы расширить свой словарный запас, а чтобы практиковаться в письме, завела дневник – не эти записи, а краткий отчет о своих занятиях днем. Я купила атлас, чтобы заниматься географией, школьный учебник, который доступно рассказывал об истории Англии, учебник французского и большой орфографический словарь.

– Откуда вдруг такое рвение к учебе? – спросил Марк, увидев меня однажды среди книг и безмерно удивившись. – Ты же знаешь, я не хочу, чтобы ты стала синим чулком!

– Да, но… – Я заколебалась. Потом быстро проговорила: – Мне казалось, что тебе будет приятнее приглашать сюда друзей, если ты будешь знать, что я…

– Дорогая, мое нынешнее отшельничество не имеет к тебе никакого отношения, можешь мне поверить. Я буду рад пригласить к нам Джастина Карнфорта, Роджера Уеймарка или Рассела Сент-Энедока, когда почувствую, что время пришло.

– Я понимаю, тебе будет неловко, если мистер Сент-Энедок узнает меня, но, Марк, когда я служила в замке Менерион, он еще ходил в коротких штанишках…

– Дорогая, я тебе уже сказал, что мое нынешнее отшельническое настроение совсем не имеет к тебе никакого отношения!

– Тогда почему?..

– Просто я считаю, что ферма Деверол – неподходящее место, чтобы развлечься на должном уровне.

Я была изумлена. Мне казалось, что улучшения, которые я произвела на ферме, сделали ее достаточно милым и уютным местом для друзей, которых Марк захотел бы пригласить, но, по всей видимости, я была наивна, полагая, что на бывшей ферме можно принимать местную аристократию.

– Может быть, мы могли бы пригласить на ужин Барнуэллов? – осторожно предложила я. – Или хотя бы доктора и миссис Солтер…

– Не думаю, – сказал Марк. – Когда мы будем жить в Пенмаррике, мы не станем приглашать их на ужин, хотя, несомненно, время от времени сможем обедать с ними в знак вежливости. По части обедов начать можно уже сейчас. Но если мы пригласим их сейчас на ужин, то не сможем перестать это делать, когда переедем в Пенмаррик. Так не принято.

– О! – воскликнула я. Что еще я могла на это сказать! Мысль о том, что Барнуэллы и Солтеры, принадлежащие к среднему классу, окажутся ниже нас на социальной лестнице, как только мы переедем в Пенмаррик, заставила меня похолодеть. Я еще могла заставить себя собраться и быть непринужденной, когда мы обедали в доме священника, и понимала, что мне придется сделать еще большее усилие над собой, чтобы привыкнуть принимать друзей Марка из числа местных джентри, но перспектива жить исключительно среди членов прихода, подобных Карнфортам или Сент-Энедокам, повергла меня в панику. Тем не менее я, как могла, подавила нервозность и постаралась сосредоточиться на успехах Стефена и на ведении дел по хозяйству.

Но все равно я время от времени начинала сильно нервничать при мысли о будущем.

К моему облегчению, Марк вскоре раскаялся в том, что мы ведем замкнутую жизнь, и однажды теплым вечером в начале июня, к моему восторгу, повез меня ужинать в «Метрополь». Ужин удался. Я так усердно занималась самоусовершенствованием, что теперь могла поддержать разговор на самые разные темы. Набравшись храбрости, я заговорила о самой горячей новости, о пьесе Уайльда «Саломея», обреченной на запрет к постановке на лондонской сцене в тот год, и согласилась с той точкой зрения, что аморальности нет места в искусстве, но Марк сказал мне, что, по его мнению, тенденция к развитию декаданса еще только начинается. Мы говорили о Киплинге и Честертоне: я просто-напросто пересказывала статьи из газет и журналов, но Марк сказал мне, что популярность этих писателей объяснялась тем, что они предоставляли миллионам людей,

живущих скучной жизнью обывателей, возможность окунуться в недоступную экзотику. Меня никогда не переставало удивлять, что точка зрения Марка часто не совпадала с мнением большинства; я не могла понять, было ли это результатом серьезного образования или происходило оттого, что он был все еще достаточно молод и наслаждается несогласием со старшими. Как бы то ни было, он сделал множество комплиментов моим новоприобретенным знаниям. Ему так понравилось, что меня интересует его мнение, что он заговорил о политике – предмете, о котором, как он считал, женщина не должна знать ничего, и сказал, что надеется, что мистер Гладстон вскоре сменит лорда Солсбери на посту премьер-министра и тогда Ирландия наконец получит автономию.

– Но, говорят, мистер Гладстон не очень нравится королеве, – произнесла я с сомнением.

Он нашел это очень забавным.

– Дорогая, мы живем при демократии, а не при деспотизме! Человек может голосовать, как ему велит совесть, а не его суверен!

Я не была полностью уверена в том, что в точности означают слова «демократия» или «суверен», но тоже улыбнулась. Нам было так легко друг с другом, что чувство собственной неполноценности и одиночества теперь казалось мне кошмаром из прошлого, ерундой, которой больше не существовало.

Из «Метрополя» мы ушли поздно и как раз направлялись к миссис Мэннак, которая ожидала нас в двуколке, когда маленькая девочка с горящими щеками и блестящими глазами подбежала ко мне, чтобы предложить букетик цветов.

– Спасибо, не надо, – коротко сказал Марк и взял меня под руку, чтобы пройти мимо, но я в каждом нищем ребенке видела себя маленькую и остановилась, опустив руку в сумочку.

– Вот, – сказала я, давая ей три пенса, и наклонилась, чтобы взять букетик.

– Спасибо, леди.

Ее рука была горяча. Я сделала шаг назад, и Марк потащил меня прочь.

– Она больна, – сказал он. – Ты можешь заразиться.

Но было уже поздно. Через несколько дней мои щеки тоже раскраснелись, лоб начал гореть, глаза стали блестящими и заболели. Врач приходил и уходил. Из Пензанса приезжал даже врач Карнфортов, старый доктор Логан. Я лежала в постели с закрытыми глазами, мысли мои путались, и откуда-то издалека я слышала слова доктора Логана: «В

Пензансе много больных корью».

А потом наступила всепоглощающая, головокружительная темнота, и я долго не отличала день от ночи, пока однажды утром глаза у меня болеть перестали и я почувствовала себя лучше.

– У вас крепкое здоровье, миссис Касталлак, – удовлетворенно сказал доктор Солтер. – Теперь вы очень быстро поправитесь, конечно, если будете следовать моим указаниям. – Он не забыл, как я вела себя в конце беременности.

Я откинулась на подушки, чувствуя страшную слабость, но при этом радуясь, что худшее уже позади, но, как только я закрыла глаза, услышала его слова, сказанные кому-то за дверью тихим голосом: «Проследите, чтобы ей пока не сообщали о ребенке».

7

Он умер через два дня от болезни, которой я его заразила. Все были очень добры ко мне. Я была еще очень слаба, когда мне об этом рассказали, но поднялась с постели и пошла в детскую. Его мертвое тельце лежало в колыбели, спокойное личико выглядело восковым. Неожиданно я почувствовала невыносимую боль, горе было слишком сильным, чтобы его можно было облегчить слезами. В этот момент я предпочла бы, чтобы малыш родился мертвым или умер вскоре после рождения, но только не такой ужасной смертью, когда он уже стал личностью, которую я любила, со своим характером и индивидуальностью.

Люди постоянно писали сочувственные письма; все были так участливы, а больше всех Марк. Наконец, когда слезы мои высохли, а лицо окаменело, он зашел ко мне в комнату и присел на кровать.

– Джанна, дорогая, прости меня, но нам нужно договориться о похоронах. Мне предложили похоронить Стефена во дворе церкви в Морве, но я сказал, что, поскольку мой отец погребен в Зиллане, я хочу, чтобы Стефена похоронили там же. Мне показалось, что ты со мной согласишься… Я повидал мистера Барнуэлла, он не имел ничего против, служба будет послезавтра. Я поговорил с Солтером, но он определенно сказал, что ты еще слишком слаба, чтобы идти на похороны…

– Я пойду! – закричала я. – Я не могу не пойти на похороны своего собственного ребенка!

И тут все мое горе вырвалось наружу; меня начали сотрясать рыдания, разрывая мне грудь и обдирая горло. Я плакала и плакала, но Марк ничего

не говорил, только крепко обнимал меня, дожидаясь, пока пройдет первый приступ горя. Наконец я немного успокоилась и попыталась заговорить, но, взглянув ему в лицо, увидела морщины вокруг рта, печаль в глазах и с огромным чувством вины поняла, что не у одной меня умер ребенок.

– Марк, я была так эгоистична, прости меня…

– Тсс. – Он погладил меня по голове. – Я понимаю, что тебе тяжелее, чем мне.

– Почему? Он ведь был и твоим единственным ребенком.

Марк был не в силах отвечать. Мы еще немного посидели, объединенные горем, и в странный момент просветления мне пришло в голову, что впервые со дня свадьбы мы стали мужем и женой, а не просто любовником и любовницей.

8

Вскоре после этого я опять забеременела. Горе все еще тлело во мне, но теперь его приглушило новое ожидание, и это предвкушение помогло заполнить пустоту потери. Я все еще медленно оправлялась от шока и возвращалась к обыденному течению жизни, когда случилось событие, перевернувшее всю нашу дальнейшую жизнь. В конце декабря умер наконец Жиль Пенмар, и три четверти огромного состояния Пенмаров, включая огромную усадьбу Пенмаррик, тотчас же отошли к Марку. Мои дни в качестве хозяйки фермы Деверол, вращающейся среди среднего класса, закончились; начиналась жизнь среди аристократии в качестве миссис Касталлак из Пенмаррика.

Глава 4

В первые годы правления она бывала, как правило, беременна и поэтому не могла часто сопровождать своего неугомонного мужа.

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

Несмотря на блеск своего дома, жизнь Генриха была довольно скучной, полной хлопот и трудов, поскольку ему приходилось постоянно принимать участие в тяжбах вследствие беспорядка, создаваемого гражданской войной, улаживать конфликты между арендаторами и безостановочно углубляться в каждый аспект функционирования его нового королевства. Он был чрезвычайно толковым человеком, и главной его заботой было установление мира и порядка… во имя умножения доходов короны…

Джон Т. Эпплбай.

Генрих II

1

К этому времени Марк был уже очень состоятельным молодым человеком. В придачу к деньгам Пенмаров он унаследовал довольно скромную часть состояния своего отца и львиную долю денег по завещанию кузена своей матери Роберта Йорка, который умер вскоре после Лоренса в конце 1890 года. К тому же Марк должен был унаследовать состояние матери после ее смерти, так что у него были и еще перспективы. Я не вникала в его финансовые дела, потому что он ясно дал мне понять, что это не женское дело, но однажды все же сообщил мне, каким капиталом владеет, и от этой суммы голова у меня пошла кругом. Я не могла даже представить себе такого несметного богатства.

Единственной, кто, кроме Марка, получил существенные деньги по завещанию Жиля Пенмара, была его приемная дочь Кларисса. Она приехала в Пенмаррик из Лондона на похороны, а двумя днями позже, после службы, к нашему величайшему изумлению, пришла с визитом к нам в Морву.

Согласно зилланским сплетням, мисс Кларисса Пенмар достойно поддерживала семейную традицию буйной жизни. Всем было известно, что она крайне беспутна. Поговаривали даже, что у нее бывали шуры-муры с конюхами из Пенмаррика, хотя мне не верилось, что женщина, воспитанная как леди, могла опуститься так низко. Я никогда ее не видела, потому что Марк не общался с родственниками из Пенмаррика, и даже теперь, когда Кларисса пришла на ферму Деверол, Марк не разрешил мне с ней увидеться.

– Я один ее приму, – сказал он, заранее распаляясь. – Мы с ней давние враги, и мне не хотелось бы втягивать тебя в наши ссоры.

Меня удивила его явная неприязнь к Клариссе, потому что она казалась одной из самых привлекательных девушек, которых я когда-либо встречала, и мне думалось, что ее прелестная внешность не могла не произвести впечатление на Марка. Но я не стала с ним спорить, а просто с любопытством ждала в кабинете, пока он разговаривал с ней в гостиной. Я уже думала, что больше ни секунды не смогу сдерживать любопытство, когда услышала, как дверь гостиной открылась. Я ждала, прислушиваясь. К моему удивлению, Марк провел гостью через холл на кухню, а потом на второй этаж. Я с трудом заставляла себя оставаться в кабинете, зная, что Марк рассердится, если я его ослушаюсь, поэтому ограничилась тем, что приоткрыла дверь и напрягла слух.

Вскоре они снова спустились и остановились в холле.

– И все же мне трудно себе представить, зачем тебе понадобилось жить здесь, Кларисса, – откровенно сказал он ей. – Было бы более естественно, если бы ты захотела купить мой дом в Лондоне, а не этот в Морве.

– Напротив, – произнесла Кларисса Пенмар своим вкрадчивым, хорошо поставленным голосом. – Мне так надоел Лондон! Дорогой Марк, уж ты-то можешь это понять. Ты променял его на это местечко, следовательно, лондонское общество наскучило тебе так же, как и мне теперь. Меня раздражают предрассудки, в соответствии с которыми девушка должна выйти замуж как можно быстрее, и желательно за богача; надоели танцы, ужины, скучные приемы; надоело, что в Лондоне надо останавливаться только у друзей, а в противном случае остается только

похоронить себя в этом ужасном мавзолее на гребне скал. Не представляю, почему ты хочешь жить там, дорогой Марк! Ах, мне надоело даже то, что мне все надоело! Теперь, когда папа умер, у меня наконец есть средства, чтобы поступать так, как я захочу, и ехать, куда мне заблагорассудится. Как только я услышала, что миссис Барнуэлл говорит об этом доме, о том, каким приятным и уютным он стал заботами твоей жены, я решила, что могу попробовать здесь пожить. Вполне возможно, что я не останусь здесь надолго, но мне хочется попробовать, мне нравится новизна жизни в доме, в котором когда-то жил рабочий класс! Я сейчас одержима новизной – это, на мой взгляд, единственное лекарство от скуки, а для таких людей, как мы, рабочий класс должен казаться чем-то новым… Дорогой Марк, не смотри на меня так! Я же ничего не имею против того, что ты женился на вдове фермера! Лично я считаю, что представители низших слоев очень даже возбуждают чувственность.

У меня дух зашелся от ярости, а Марк протянул:

– Да, я слышал о твоем пристрастии к конюхам Пенмаррика. До свидания, Кларисса. Если желаешь купить этот дом, уведоми о своем решении моих юристов в Пензансе, и они оформят сделку от моего имени. – И она едва успела попрощаться, как он с грохотом захлопнул входную дверь.

Узнав, что Кларисса решила купить ферму Деверол, я обрадовалась, что Марк так невзлюбил это место. У прихода Морва и прихода Зиллан была общая граница, а ферму Деверол и Пенмаррик разделяло менее шести миль. Кларисса же была из тех, кого очень привлекают чужие мужья, особенно если больше нечем развлечься. А шесть миль не крюк для такой женщины.

Нам пора было уезжать с фермы Деверол, но Марк опасался, что переезд меня утомит, потому что у меня к тому времени был уже поздний срок, и хотел оставаться в Морве до тех пор, пока не родится ребенок. Но меня терзал необъяснимый страх – я боялась рожать ребенка в том самом доме, где умер Стефен, и, хотя Пенмаррик в то время был самым неприглядным особняком, какой только можно себе представить, мне страстно хотелось переехать туда как можно скорее. Марк посоветовался с доктором Солтером, и они решили пойти мне навстречу.

Ясным майским днем в Пенмаррике, в большой башенной комнате с видом на море, родился мой второй сын.

2

На этот раз роды были легкими, а мое выздоровление быстрым. Я решила, что в конце концов была права и рождение ребенка было очень простым делом. Малыш рос быстро; вскоре стало ясно, что он будет таким же очаровательным, как и Стефен. Мне хотелось назвать его в честь отца, но Марк сказал, что впоследствии это приведет к путанице, и мы окрестили сына Маркусом. Волосы мальчика, хоть и реденькие, были очень темными, и я решила, что со временем они превратятся в густые темные волосы Пенмаров, но у него были мои голубые глаза и светлая кожа, поэтому казалось, что он будет похож на нас обоих. Вскоре я поняла, что он отличается от Стефена: чаще плачет, чаще смеется, требует больше внимания, хотя развивается и медленнее.

Но я не могла вечно тосковать по Стефену. У меня просто не оставалось на это времени. Как только я оправилась после родов, мне пришлось заняться ужасным старым особняком, который стал теперь нашим домом, и вскоре я обнаружила, что предстоит совершить огромные преобразования. Теперь вся моя энергия уходила на то, чтобы сделать дом удобным для жилья.

Трудно найти слова, чтобы описать Пенмаррик. Такие дома могут вызвать только сочувствие к аристократам, вынужденным всю жизнь провести в мрачных, продуваемых сквозняками, отвратительных хоромах. Как рассказал мне Марк, особняк был сооружен из обычного для Корнуолла серого камня, и его главную часть построили еще в елизаветинские времена. Документы свидетельствовали, что когда-то перед домом существовала караульная башня, потому что северный берег Корнуолла являлся постоянным объектом нападения со стороны ирландских пиратов, а то, что Пенмаррик был расположен на высоких утесах, облегчало его защиту. Оставшаяся часть дома была более современной, комнаты для прислуги пристроил в начале века прапрадед Марка, авантюрист, а весь дом целиком отремонтировали в модном тогда готическом стиле его наследники. Снаружи он выглядел довольно презентабельно – здесь были и причудливые украшения в виде множества романтических псевдозубцов и легких контрфорсов; каменные желоба для стока воды с крыши оканчивались фантастическими фигурами, а в конце каждого крыла располагались приземистые круглые башни, из окон которых открывался великолепный вид на море, пустоши и скалы. Но внутри!.. Стены, с которых слоями отваливалась краска. Протертые до дыр ковры, плинтусы, под которыми хозяйничали мыши и кое-кто похуже, плесень, сырость, разложение… Я была в ужасе. Водопроводные трубы были либо примитивными, либо их не существовало вовсе, кухни –

грязными и безнадежно устаревшими, методы ведения хозяйства – возмутительно расточительными. Я попросила экономку принести счета; она адресовала меня к управляющему; он же свалил все на нее. Столкнувшись с бесконечным враньем, я к тому же обнаружила массу упущений в отчетности и на следующий день сообщила и экономке, и управляющему, что они могут укладывать свои вещи и быть свободны.

Дворецкий был приятный старик, очень преданный Пенмарам, и хотя я подозревала, что он пристрастился прикладываться к лучшему портвейну из погреба, все же решила дать ему шанс начать новую жизнь и занялась остальной прислугой. В результате было отказано от места чрезмерно любвеобильному лакею и его беременной подружке-судомойке и немедленно уволен наглый грум. Напоследок я вселила страх во всех горничных.

– Всем известно, – строго сказала я им, – что чистота – залог здоровья. Теперь комнаты должны выглядеть так…

И я произнесла строгую речь об отполированной мебели, чистых коврах, выстиранных шторах, вычищенных горшках и кастрюлях, выскобленных полах на кухне и пище, завернутой в муслин, чтобы отвадить голодных мышей. Вдохновленная предметом обсуждения, я мрачно намекнула о незавидной судьбе, которая постигнет любую служанку, позволяющую паутине висеть по углам, а в заключение объявила, что в Пенмаррике начинается новая эра и теперь среди прислуги нет места ленивым, развязным и безответственным.

Но новая эра не приходит сама по себе. В течение многих месяцев после переезда в Пенмаррик мы с Марком были поглощены борьбой за улучшение быта, и я уже начала думать, что мы никогда не преуспеем в этом настолько, чтобы наслаждаться жизнью, а только будем стараться просто выжить там.

На самом деле мне нравилась роль хозяйки усадьбы, ведь сбылась моя мечта вести хозяйство в большом особняке, но, к сожалению, мне это не удалось. Пришлось нанять экономку; было бы чрезвычайно странным для человека в моем новом положении торговаться с поставщиками и постоянно руководить прислугой, и Марк не замедлил мне на это указать. Но пока подыскивали экономку, я сама набирала новый штат прислуги, следила за широкомасштабной операцией по уборке дома, заказывала ковры и ткани для новых штор. Марк подрядил архитектора, и вскоре мы уже проводили долгие прекрасные часы, мечтая о том, как наш дом станет не только пригодным, но и приятным для обитания. Наконец интерьер был отделан в светлые тона, новые окна вставлены так, чтобы солнце

проникало в мрачные комнаты, а восточное крыло (где, по поверью, водилось привидение) превратилось во множество светлых комнат для гостей. Целая армия водопроводчиков оборудовала две ванные комнаты, три ватерклозета и водопровод на кухне. Кошачье семейство ликвидировало мышей на чердаке, заросший сад был атакован батальоном садовников, и к концу этого длинного многотрудного лета мне стало казаться, что в доме наконец все заработало.

Тем временем Марк всерьез занимался усадьбой. Он нанял нового управляющего и много часов проводил, изучая дела на шахте Сеннен-Гарт, которая в начале века принесла Пенмарам большое состояние. Я мало знала об оловянных и медных шахтах, их каменные моторные цеха всегда были для меня лишь частью пейзажа, а уродливые горы шлака – средством к существованию для бедняков, у которых не было своей земли. «За рыбу, олово и медь!» – таков был знаменитый корнуолльский тост, но эти три ключа к процветанию были расположены в нем не в том порядке. Корнуолл с незапамятных времен славился своим оловом, но в девятнадцатом веке шахты добывали больше меди, чем олова. Недалеко от Пенмаррика были две известные на весь мир шахты – Боталлак, расположенный на краю утесов, настоящий памятник человеческой изобретательности, и Левант, который уходил так глубоко под землю и так далеко в море, что по сравнению с ним шахта Пенмаров Сеннен-Гарт казалась маленькой. Пенмарам принадлежала еще одна шахта, Кинг-Уоллоу, но она была закрыта уже многие годы и больше не приносила доходов семье. Когда мы приехали в Пенмаррик, Сеннен-Гарт тоже уже почти не окупался; он еще действовал, но производство упало, и народу там трудилось немного.

Из Долкоута, знаменитой шахты близ Камборна, для консультаций были выписаны специалисты по горному делу; их отчет был неблагоприятен, и Марк, ужаснувшись условиям работы на шахте и оценив огромные расходы, необходимые лишь для улучшения безопасности труда, не говоря уже о том, чтобы сделать шахту прибыльной, решил, что Сеннен-Гарт надо закрыть.

В Сент-Джасте и Зиллане, где жило большинство шахтеров, немедленно начался бунт. В Пенмаррик прибывали делегации с протестами, а Джаред повел шахтеров в шумный крестовый поход за возобновление работы на шахте, но, конечно, это было пустой тратой времени. Марк был тверд как кремень. Протесты не прекращались, люди надеялись, что молодой, неопытный хозяин может изменить свое решение, если они посильнее на него нажмут, но чем упорнее они становились, тем жестче оказывалась позиция Марка. Он был упрям, как полдюжины мулов,

и превосходил своей неподатливостью всех недовольных шахтеров Корнуолльского Оловянного Берега.

Посреди всей этой заварухи неожиданно, никого не предупредив, приехала мать Марка. Она поселилась в гостинице «Метрополь» и прислала сыну записку, сообщая, что ничто и единого дня не удержит ее вдали от любимого Пенмаррика, независимо от причин, которые он мог бы привести, чтобы предотвратить ее прибытие.

– О боже! – возопил Марк в приступе ярости. – Мне не хватало только, чтобы она совала везде свой нос и критиковала все, что мы сделали в Пенмаррике! И как она смеет приезжать сюда, никого не уведомив! Как она смеет! Боже, как я ненавижу высокомерных, надменных, задирающих нос женщин! Я скажу ей прямо в лицо все, что думаю о ее своевольных попытках проникнуть в мой дом!

Но я не могла не сочувствовать Мод Пенмар. Со времени нашей свадьбы она виделась с нами только однажды, после рождения Стефена, когда приехала, чтобы повидать своего первого внука, и неделю жила в «Метрополе». Я была уверена, что ей не терпится увидеть Маркуса и навестить дом, который она в молодости так любила. Мне не удалось предотвратить ссору Марка с матерью, потому что они всегда ссорились, встречаясь, но, после того как она пролила одну большую стеклянную слезу, он взял ее за руку и сказал, что она все же может остаться на один-два дня, а я сделала все возможное, чтобы обеспечить ей радушный прием. Но она меня очень утомляла, а я уже и без того устала из-за бесконечных хлопот по благоустройству дома и к тому же в мае ждала еще одного ребенка. Когда Марку удалось-таки отправить миссис Пенмар в Гвик повидать Найджела, я почувствовала невероятное облегчение и пролежала бы в постели целую неделю, если бы не Рождество, самое суматошное для всех нас время года.

К этому времени весь приход уже знал о нашем приезде, и вскоре нас завалили разного рода приглашениями, так что я была рада своей беременности – она давала мне предлог хотя бы на время избегать самых обременительных проявлений моего нового социального статуса. Когда доктор Солтер дал мне свой уже привычный совет отдыхать как можно больше, я ухватилась за этот шанс и вела спокойную жизнь, возобновив попытки усовершенствовать свой запас знаний. Чтение расширило мой словарь, акцент мой стал менее заметным, но Корнуолл в нем все еще звучал, и это меня очень смущало. Наконец, уже в полном отчаянии, я тайно дала объявление в пензансской газете о том, что ищу учителя фонетики, и вскоре наняла пожилую даму, которая приезжала в Пенмаррик

дважды в неделю, чтобы помочь мне преодолеть мой недостаток.

Марк удивился и сказал, что я говорю достаточно хорошо, но сопротивление его длилось недолго, и мне казалось, что в глубине души он радовался больше, чем признавался в том вслух.

Наступил новый год. Я лежала в шезлонге и в ужасе смотрела на внушительную стопку приглашений от корнуолльской аристократии. В такие моменты меня одолевало знакомое чувство неполноценности и я не могла думать ни о чем, кроме того, что Маркус и мои будущие дети будут жить в мире, который никогда меня полностью не примет. И я с тревогой говорила себе: «Надеюсь, мне будет с ними легко». А потом меня снова охватывал страх и я думала: «Надеюсь, они не будут меня стыдиться».

Разумеется, болезненно впечатлительной делала меня беременность. Я всегда решительно боролась с такими мрачными мыслями, и в целом у меня это получалось, но иногда, не в силах совладать с собой, я часами пребывала в скверном настроении и – какая ирония – впустую тосковала по той спокойной жизни, какую мы вели на ферме Деверол.

3

Моя старшая дочь родилась в конце мая, когда Маркусу был год. В последние месяцы беременности я увлеклась поэзией Теннисона, и его поэма об одинокой, обнесенной рвом ферме, где скрывается от людских взоров героиня в ожидании своего любимого, разбудила мое воображение. Мне казалось, что бедная девушка была изолирована от внешнего мира в таком же месте, каким был Пенмаррик, когда мы приехали, и мое сердце обливалось за нее кровью. Когда Марк спросил меня, как нам назвать младенца, я без колебаний ответила: «Мариана».

– В честь героини из «Любовью за любовь»?

– В честь девушки из поэмы Теннисона, – сказала я, не зная, что Теннисона вдохновил Шекспир, о чем Марк сразу же поставил меня в известность.

– Что ж, – добавил он, – хорошее имя. Но мы должны назвать ее и в честь тебя тоже.

– Нет-нет, Марк! «Мариана Джанна» звучит ужасно! Пусть она будет просто Марианой. Кроме того, мне не нравится мое имя.

– А мне нравится, – возразил он. – Ну что ж, может быть, у нас будет еще одна девочка…

Мы не знали, сколько хотим иметь детей, – может быть, четверых или

пятерых. После смерти Стефена у меня появилось безумное желание родить как можно быстрее еще несколько детей, чтобы больше никогда не довелось входить в пустую детскую, я даже предпочла бы, чтобы они могли рождаться чаще, чем раз в год.

Но вскоре после рождения Марианы Марк сказал:

– У нас масса времени и уже двое детей, давай теперь немного поживем для себя. Я весь год очень много работал, да и ты тоже, несмотря на беременность. Почему бы нам не махнуть куда-нибудь передохнуть пару месяцев? Мне бы хотелось поехать в Италию, или Швейцарию, или, может быть, еще раз во Францию. Мне нужен отдых.

Не знаю, почему меня расстроило его предложение. Несомненно, одной из причин нежелания путешествовать за границей был наш медовый месяц, когда я страдала от тоски по дому, незащищенности и от чувства собственной неполноценности. Другой причиной было то, что я с огромным трудом привыкала к новой жизни в Пенмаррике и чувствовала, что не выдержу дополнительного испытания путешествием за границу. Но какими бы ни были причины, я сразу поняла, что не хочу ехать.

– Мне еще рано оставлять Мариану, – неуверенно начала я, но, к моему ужасу, Марк сразу же разгадал мою уловку и сделал резкое замечание о том, что долг жены – заниматься не только детьми, но и мужем.

Это меня расстроило, потому что я прилагала невероятные усилия, чтобы ему угодить, даже занималась самообразованием, чтобы он не стыдился меня, когда мы встречались с людьми, равными ему по положению. Но он не извинился, а просто ушел, прежде чем я смогла сказать, что он несправедлив. Потом я попыталась забыть о нашей размолвке, но вскоре обнаружила, что снова и снова вспоминаю о ней, пока наконец, не в силах больше расстраиваться, не решила снова завести разговор об отдыхе.

– Марк, – начала я на следующий день, когда сентябрьское солнце заливало светом террасу, а щеки наши обдувал ветерок с моря, – Марк, по поводу отдыха…

Он посмотрел на меня, и в его черных глазах появилось то расчетливое выражение, которое я так хорошо знала.

– Любопытно, что ты завела об этом речь, – сказал он. – Я как раз сам собирался вернуться к нашему разговору.

– А-а. – Я так растерялась, что не находила слов.

– Что ты хотела сказать?

– Я… просто хотела извиниться за то, что отказалась ехать… я просто

пока к этому не готова. Но, Марк, я совсем не хотела сказать, что больше никогда не захочу путешествовать! Может быть, на следующий год…

– На следующий год, – отрезал он, – ты опять будешь беременна, и мы опять не сможем никуда поехать.

Теперь наступила моя очередь злиться.

– А тебе будет так противно, если я опять забеременею? Мне казалось, ты тоже хотел детей!

– Но не всех же сразу! – парировал он. – Зачем так спешить? Разве нельзя выделить немного времени, чтобы насладиться обществом друг друга? Попробуй поставить себя на мое место, если, конечно, ты способна принимать какую-либо точку зрения, кроме своей собственной! За четыре года ты родила троих детей; это, может быть, очень приятно и удовлетворяет твои материнские инстинкты, но не оставляет тебе возможности удовлетворять мои инстинкты! Мне кажется, тебе пора уже подумать не о себе, а обо мне. Мне надоело быть мужем от случая к случаю, даже если тебе по вкусу быть эпизодической женой.

Невероятным усилием я сохранила самообладание.

– Другие мужья как-то обходятся. Немало жен рожают детей каждый год.

– В наши дни только простолюдины плодятся как кролики!

– А я, как ты никогда не упускаешь случая напомнить мне, как раз из простой семьи! Ты это хочешь сказать? Ты хочешь сказать, что у леди «не принято» рожать каждый год? Да?

– Да не будь ты так чертовски обидчива! – Он напрягся от досады. – Черт побери, Джанна, я не хочу сказать, что нам не нужна большая семья, я просто не понимаю, почему мы не можем подождать два года или хотя бы год, прежде чем заводить еще одного ребенка.

– У меня нет времени ждать, – сказала я с досадой, потому что не любила задумываться о разнице в десять лет, которые нас разделяли, а тем более обсуждать это с ним. – Времени нет у *меня*.

– Ты сможешь рожать еще по крайней мере десять лет.

– После сорока лет роды становятся более опасными. Так что остается пять лет, а не десять.

– Значит, ты собираешься провести следующие пять лет, рожая как можно больше детей и обеспечивая себя предлогом избегать меня по нескольку месяцев каждый год!

– Это не так!

– Разве врачи не рекомендуют женщинам воздерживаться от сексуальных отношений во время беременности и после родов?

Я терпеть не могла, когда он так прямо говорил об интимных вещах. Подобная откровенность унижала меня. Я больше не была ни барменшей, ни даже женой фермера и негодовала, когда Марк обращался со мной так, словно я привыкла к грубости.

Но хотя я оскорбленно замолчала, он и не подумал переменить тему.

– Я тебе чем-то не угодил?

– Ах, Марк, не говори ерунды!

– Но спать со мной тебе нравится уже меньше, чем раньше.

Я сказала себе, что он расстроен, и подавила негодование.

– Нет… нет, не меньше, но… – Я с трудом подыскивала слова, чтобы он меня правильно понял. – Но ведь это приходит и уходит, и ничего не остается. А дети – дети остаются! Женщина чувствует себя полноценной, когда у нее есть дети. О Марк, попытайся понять…

– Похоже, наш спор совершенно бесполезен, – холодно прервал он меня. – Я говорил тебе, что очень хочу детей. То, что я хочу втолковать тебе сейчас, – это чтобы хотя бы один год ты была только моей.

Я взорвалась, и это было непростительно с моей стороны, но терпение мое лопнуло.

– И ты еще обвиняешь меня в эгоизме! Да ты гораздо более эгоистичен, чем я!

– Я просто требую того, на что имеет право любой муж! – Мы раздраженно уставились друг на друга. Потом он спросил ровным голосом: – Так ты поедешь со мной в следующем месяце отдыхать или нет?

– Марк, я только что попыталась объяснить…

– Да или нет?

Я подумала об иностранных городах, незнакомых людях, о страдании, которое вызывало во мне пребывание на чужой, враждебной земле.

– Может быть, на следующий год…

– Да или нет, Джанна!

Я только начала привыкать к Пенмаррику. В тот момент я не могла вынести больше никаких изменений. В том, что в Марке не было сострадания, что он даже не пытался понять меня, была его вина.

– Нет, – сказала я. – В этом году я не хочу ехать.

Снова наступило тяжелое молчание.

– Понимаю, – произнес он наконец. – Полагаю, тебе не хочется откладывать следующую беременность.

Я ухватилась за возможность уступить ему.

– Я попытаюсь ее отсрочить, – сказала я, стараясь скрыть волнение, чтобы он не догадался, как мне хочется еще одного ребенка и еще

несколько месяцев возможности избежать обязанностей хозяйки Пенмаррика. – Я не хочу сердить тебя, Марк. Но… конечно, никогда нельзя быть абсолютно уверенной… я не могу гарантировать…

– Другими словами, – ядовито подытожил он, – ты не сделаешь ни малейшей попытки избежать беременности, притворяясь при этом, что очень стараешься, а как только забеременеешь, скажешь, что это была случайность, и попросишь прощения.

Я чуть не подпрыгнула от того, как точно он разгадал мой замысел, и на время потеряла дар речи.

– Что ж, позволь мне сказать следующее, – процедил он сквозь зубы, пока я все еще не могла найти слова. – Если ты не будешь со мной спать, найдутся другие. А если ты забеременеешь до того, как Мариане исполнится год, ты всю беременность будешь думать, где я провожу вечера. Понятно? И не думай, что я буду хранить тебе верность, если ты будешь часто закрывать передо мной дверь своей спальни. Я долго терпел, но больше терпеть не намерен.

Мрачные намеки, сделанные в приступе гнева, не обеспокоили меня, потому что я знала, что была единственной женщиной в его жизни, но мне было больно оттого, что он говорил такие вещи, и я рассердилась, что он угрожает мне таким образом.

– Марк, – сказала я спокойно, – я никогда по собственной воле не закрывала перед тобой дверь своей спальни. Я…

– До сих пор, – сказал он, – ты закрывала ее по крайней мере на пять месяцев каждый год, и именно по собственному желанию, потому что ты хотела детей. Но до сих пор это было простительно, потому что мы оба их хотели и я был готов принимать такую ситуацию. Теперь же я детей не хочу, и, если ты забеременеешь после всего, что я сказал, я приму это точно так, как если бы ты захлопнула дверь спальни у меня перед носом.

– Боже мой! – закричала я, больше не в состоянии сдерживать гнев. – Ты что, не можешь думать ни о чем, кроме того, что происходит между нами в спальне? Ты что, совершенно не способен провести ночь без… – И прежде чем я успела прикусить язык, словечко из лексикона обитателей портовых доков сорвалось с моих губ. Я сразу же замолчала и залилась краской, но было поздно.

Марк посмотрел на меня. Потом поднял брови с выражением мрачного удивления.

– Дорогая, – протяжно сказал он, подчеркивая свой безупречный лондонский выговор, – тебе не требуется утруждать себя, чтобы напомнить мне, откуда ты родом. Когда это происходит, мне сразу хочется снова

оказаться с тобой наедине на ферме Рослин! Тогда я мог получить от тебя, что хотел, без всякого шума. Жаль, что я решил жениться на тебе! Ты была такой замечательной любовницей.

Он замолчал. В воздухе повисла такая тишина, что был слышен только шум прибоя, разбивающегося внизу о скалы. За парапетом террасы море простиралось до покрытого дымкой горизонта, а на чистом небе сияло солнце.

Я повернулась и на ощупь побрела к балкону.

Я услышала, как он окликнул меня, но не остановилась. Я открыла двери, споткнулась о маленький столик, опрокинула вазу с цветами. Вскоре я была уже в коридоре, ведущем в холл. Там было прохладно, но после яркого сияния дня он казался темным. Я с трудом различала, куда иду. В холле я подумала: «Я хочу домой. Я ненавижу Пенмаррик. Ненавижу».

Я вышла на улицу: передо мной была подъездная дорожка, ведущая к деревьям у ворот, где дикая рощица поднимала ветки деревьев к лазурному корнуолльскому небу. Я пересекла лужайку; солнце грело спину, а пустошь вдали, где дрожало горячее марево, казалось, таинственным образом манила меня.

Я шла и шла. Я дошла до Сент-Джаста, миновала его и двинулась по дороге к пустоши, которая простиралась до самого прихода Зиллан. Пустошь была серо-зеленой, блестела на летнем солнце, а скалы Карн-Кениджек показывали острыми зазубренными пальцами в сияющее летнее небо.

Я остановилась и обернулась.

Марк шел за мной на некотором расстоянии и, когда я остановилась, тоже остановился. Я ничего не слышала, но мне показалось, что он меня позвал. Я повернулась и опять побрела по вереску в Зиллан.

Я шла долго. У меня начали болеть ноги, поэтому я сняла элегантные туфли и босиком побрела по пустоши в прошлое, пока мысленно не оказалась на грязных, вонючих улочках Сент-Ивса. И неожиданно я увидела своего отца: он возвращается с моря, мой бедный, веселый, щедрый отец, который всегда был добр ко мне. Он спрашивал, где сейчас мать и где ее найти. Я увидела цветные ставни Шримп-стрит, грубых моряков, разбитые бутылки, пьяные драки. Голод, нужду, тяжелые времена. Я снова услышала, как женщина из Евангелистской миссии говорит: «Цена греха – смерть, моя девочка, не забудь об этом»; услышала, как священник шепчет: «Бедное дитя, какой печальный случай»; услышала, как, прижимая меня к себе, Гризельда, моя дорогая Гризельда, кричит им: «Она мне родственница! Я буду ее содержать! Пока я дышу, вы ее у меня не

отнимете!» И я подумала: «Я хочу к Гризельде. И больше ни к кому. Только к Гризельде. Я пойду к Гризельде, потому что Гризельда всегда на месте, с самого первого дня и по сию пору».

Я запуталась, подумав, что она живет в маленьком коттедже в Морве, и только через минуту вспомнила, что теперь у нее коттедж в Пенмаррике. Значит, я шла не туда и каждый мой шаг уносил меня все дальше от нее, но я все равно не вернулась.

Я шла в приход Зиллан.

Я шла и шла, иногда останавливалась, чтобы посмотреть, не приблизился ли Марк, но он следовал за мной все на том же расстоянии. В какой-то момент мне померещилось, что я осталась одна на пустоши, что я опять жена фермера, урвавшая десять минут драгоценного безделья… Наконец передо мной показалась разрушенная стена Чуна.

Я вошла во внутренний круг руин и остановилась. Там было тихо, огромные камни защищали от ветра. Я неподвижно стояла среди папоротника-орляка и мягкой травы, а взглянув через плечо, увидела, что Марк идет ко мне по вереску.

Когда он подошел, я увидела, что его глаза опять заволокло дымкой, рот крепко сжат, а лицо словно закрыто от меня – оно ничего не выражало. Мы стояли футах в двух друг от друга полных десять секунд, а потом, ступая по древней земле, он пересек разделявшее нас пространство и медленно, осторожно коснулся моих рук своими пальцами.

Я закрыла глаза, почувствовала, как слезы горячими иглами закололи мне веки, и наклонила голову вбок, но он все равно нашел мои губы. Неожиданно колени мои ослабели, дрожь пробежала по телу, и я почувствовала жар желания.

– Прости, – сказал он.

И все. Больше никаких объяснений. Просто холодное «прости», произнесенное голосом, который я так любила. И я простила ему все, потому что любила его, потому что никогда раньше и не предполагала, как важно мне было, чтобы он меня тоже любил. Он женился на мне, потому что любил меня, и не оставил в одиночку бороться за ферму Рослин. Ничто не имело значения, раз он меня любил, ничто на свете! И когда я взглянула ему в лицо и увидела, что он меня все еще любит, я прижалась к нему на долгую потрясающую секунду. Мы обнимались под жарким сентябрьским солнцем. Объятия становились все головокружительней, все невыносимей; наконец мы легли в тени замковых руин, и там, на жесткой земле корнуолльской пустоши, он любил меня так страстно, что было зачато мое самое любимое дитя.

Глава 5

К этому времени маленький Генрих был старшим сыном все увеличивающейся семьи. Его сестра Матильда родилась в 1156 году. В 1157 году во дворце Бомонт, в Оксфорде, родился еще один сын, которого окрестили Ричардом… Королева всегда бывала погружена в заботы и каждый год подолгу принуждена была жить в изоляции. Это предоставляло Генриху широкие возможности для нарушения супружеской верности…

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

1

Когда я поняла, что снова в положении, то очень расстроилась. Прежде всего, я чувствовала раздражение оттого, что забеременела, не собираясь этого делать, как какая-нибудь утонченная женщина, которая не имеет представления о том, как этого можно избежать, но вскоре раздражение сменилось страхом – мне предстояло признаться Марку. Но тайное удовлетворение и облегчение уменьшало даже этот страх; испытание новогодним балом в Пенмаррике можно было отложить еще ненадолго. Придется расширить детскую, нанять помощницу няне, обрадовать Маркуса тем, что скоро у него появится братик, с которым можно будет играть…

И все же прежде всего нужно сказать Марку, что скоро у него будет еще один сын.

В то время мы были в Лондоне; после эпизода в Чуне я сказала Марку, что поеду с ним за границу, как только он пожелает, но он был настолько благороден, что в качестве компромисса предложил провести несколько недель в столице вместо более утомительного путешествия на континент. В Лондоне мы обнаружили, что все только и говорят что о книгах – скандально знаменитой «Желтой книге» Обри Бердсли и более невинной

«Книге джунглей» Киплинга. Мне так не терпелось увидеть скабрезные рисунки Бердсли, что я уже подумывала, не достать ли тайком эту книжку, но Марк купил ее совершенно открыто и оставил в незапертом ящике, так что я могла заглядывать в книгу, стоило мужу отвернуться. Он сказал, что рисунки «умны, но поверхностны» и «не вполне в его вкусе». Я вскоре поняла, что они и не в моем вкусе, они оказались слишком странными, чтобы потрясти меня своей откровенностью. Впрочем, я не призналась, что разочарована, поскольку считать их шокирующими было модно, просто переключила свое внимание на другие события культурной жизни. Мы ходили на концерты, слушали новую симфонию Чайковского, премьера которой состоялась годом раньше, ходили в театр, наслаждаясь всем, начиная от оперетт Гилберта и Салливана и заканчивая ужасно мрачными пьесами иностранного драматурга Ибсена. Мы бывали в картинных галереях, ужинали в модных ресторанах и иногда совершали светские визиты, которые страшно действовали мне на нервы. Наконец, по прошествии нескольких недель, я собралась с духом и сходила к врачу на Уимпол-стрит.

– …Так что, для того чтобы наслаждаться оперой, не надо иметь музыкального слуха, – говорил в тот вечер за ужином Марк. – Опера, независимо от музыки, сама по себе замечательное представление. Конечно, эти новые произведения Рихарда Штрауса отвратительны, но некоторые итальянские композиторы… В чем дело?

Когда страшишься чего-либо несколько часов подряд, ожидание частенько бывает хуже самого события. На долгую минуту, после того как я сообщила ему новость, он замер, а у меня от страха начало покалывать голову, но потом он пожал плечами, улыбнулся и сказал непринужденно:

– Ах, после той истории! Как нелепа она была! Мне следовало бы знать, что спорить бессмысленно.

Я натянуто произнесла:

– Я не хотела этого, Марк. Я понимаю, что ты сердишься, но…

– Дорогая, какое право я имею сердиться? Ты не могла забеременеть без меня. Давай забудем ту дурацкую ссору, и все.

Так что я больше не пыталась извиняться, но чувствовала себя разбитой и была уверена, что Марк подозревает, будто я забеременела специально. По дороге домой он очень заботился обо мне, мы даже начали вместе обсуждать, как назовем ребенка, но в новогодние праздники, после долгого перерыва, он опять погрузился в свою работу по истории, а в феврале уехал на три недели в Лондон, чтобы поработать там. Я ужасно по нему скучала. Я терпеть не могла есть в одиночестве в огромной столовой,

меня раздражала церемонность слуг, торжественно вносящих каждое блюдо, я ненавидела в одиночестве сидеть по вечерам в гостиной. По утрам я приходила в детскую, но Маркус, хотя и был очарователен, не мог составить мне компанию, а у Марианы резались зубки, и она ужасно капризничала. Днем я пыталась заниматься делами прихода и корреспонденцией, но боялась отсылать письма, прежде чем Марк убедится в отсутствии там ошибок, и нервничала, не зная, что писать. Трудно было придумать, как проводить время. Когда Марк наконец вернулся домой, я была несказанно рада видеть его.

Но даже после его возвращения мы виделись мало. По утрам он работал в библиотеке. Днем ездил верхом, гулял пешком или занимался делами усадьбы, а по вечерам опять уединялся с книгами. Раз или два в неделю он ездил в Пензанс, чтобы провести день в Карнфорт-Холле, а потом ужинал со своим старым другом Майклом Винсентом, но я была достаточно осторожна и не возражала против его явного предпочтения мужской компании. Я считала, что мистер Винсент очень скучен, но Марк, конечно же, имел право видеться с друзьями, сколько ему хотелось, и я не желала утомлять его жалобами на недостаток внимания к себе.

Проползли долгие, мрачные зимние месяцы. Экономка так замечательно справлялась с хозяйством, что мне мало что оставалось делать, а вскоре из-за своего положения я перестала участвовать и в делах прихода. Я ходила в детскую, пыталась строить планы относительно нового ребенка, но почему-то чувствовала апатию и не могла собраться с силами, чтобы начать приготовления.

Пришла весна, за ней лето, и наконец настало время ребенку появиться на свет. Он родился восемнадцатого июня и закричал с такой силой и решительностью, что всех оглушил. Он перестал кричать только у меня на руках, и тогда полный покой снизошел на его маленькое сморщенное личико, а когда он открыл глаза и посмотрел на меня первый раз, мне показалось, что он долго меня изучал, словно мое присутствие имело для него какое-то таинственное значение.

Я тихонько коснулась его руки большим и указательным пальцем, и с того самого момента между нами родилась неразрывная, невидимая, но очень крепкая связь.

Я улыбнулась.

Поскольку Марк выбрал имя для Маркуса, он доверил мне самой назвать нашего третьего сына, и я окрестила его Филипом – просто потому, что это было мое любимое мужское имя.

2

Я любила всех своих детей, но некоторых все-таки больше. Много лет спустя Мариана крикнула мне в приступе гнева: «Ты любила только мальчиков! Для тебя только мальчики имели значение!» И хотя я горячо это отрицала, сыновья действительно интересовали меня гораздо больше дочерей. Долгое время Стефен или, скорее, память о нем жила в моем сердце – наверное, оттого, что он был первенцем, а его смерть особенно остро отпечатала его образ в моей памяти. Маркус, голубоглазый, с растрепанными темными волосами, был неотразимо привлекателен; он легко очаровывал всех, и мне казалось, что он вырастет в прелестного молодого человека, но он был мало на меня похож; я не узнавала себя ни в нем, ни в Мариане и находила очень слабое сходство только между собой и Стефеном, но он умер прежде, чем оно смогло проявиться. А Филип с самого начала был моим сыном. Белокожий, как я, с большими, спокойными голубыми глазами и светлыми густыми волосами. С ранних лет он был явно в десять раз умнее, чем Маркус, и намного быстрее все схватывал.

Я обожала его. Маркус начал ревновать.

– Забери маленького, – говорил он няне. – Забери. Я не хочу его.

– Лучше поиграй с Марианой, – говорила я ему в раздражении, но он цеплялся за мои юбки и никуда не пускал.

– Ты балуешь этого ребенка, Джанна, – с осуждением сказал Марк, вернувшись однажды из Пензанса и найдя меня в детской, как всегда, с Филипом. – Он потом этим воспользуется.

– Нет, не воспользуется, – сказала я, – и я его не балую.

Но на самом деле я, конечно, баловала его.

Наконец рассердилась даже няня.

– Извините меня, мадам, – твердо сказала она однажды, – но как я могу научить мистера Филипа быть послушным, хорошим мальчиком, если вы никогда ни в чем ему не отказываете? Он растет очень своевольным и думает, что стоит ему закричать, как он немедленно получит все, что захочет. Это неправильно, мадам, уж позвольте мне сказать. Когда я служила у де Кланси в Бадли-Солтертон…

И я была вынуждена слушать ее рассказы об ужасных детях, которых портили обожающие родители.

Я решила, что надо быть более разумной.

Думаю, одной из причин моей поглощенности детьми было то, что в

отношениях с Марком уже чего-то недоставало. Мне казалось, что после рождения Филипа дело поправится само собой, и я решила не заводить детей по крайней мере еще два года, чтобы ничто не отвлекало меня от Марка, но напряжение между нами не исчезло. Я решила поехать за границу, раз он хочет, но он мне этого больше не предлагал. Он глубоко погрузился в свои исторические исследования и закончил еще одну работу об Иоанне Безземельном, что должно было стать новым шагом в его карьере историка, и теперь мечтал поехать в Оксфорд, чтобы поработать в тамошней Бодлианской библиотеке. Вскоре возродилась наша старая привычка встречаться главным образом за обеденным столом, и тревога моя усилилась, когда участились его поездки в Пензанс. Теперь он виделся с Майклом Винсентом два-три раза в неделю, и, хотя в дни, когда он уходил из дому, я не ложилась, не дождавшись его, он ни разу не зашел ко мне в комнату и спал у себя в гардеробной через коридор.

Пытаясь угодить ему и как-то сблизиться, я в конце концов сказала:

– Марк, почему бы тебе не пригласить своих друзей сюда, вместо того чтобы постоянно ездить к ним в Пензанс? Они, вероятно, считают нас негостеприимными.

– Но я же знаю, что ты не любишь принимать гостей, – возразил он.

– Мне кажется, что теперь, когда я привыкла к Пенмаррику, мне это понравится, – настаивала я, пытаясь убедить в этом и его, и себя.

Вскоре мне уже пришлось изнемогать во время мучительных званых ужинов, а Марк снова заговорил об устройстве бала после Рождества. Наша светская жизнь стала развиваться, а поскольку я уже оправилась после родов, то принимала большее участие в делах прихода и была постоянно занята.

Но, несмотря на это, Марка я почти не видела.

Я пыталась не волноваться, не думать о десяти годах разницы между нами, не думать о том времени, когда я стану женщиной среднего возраста, а Марк еще будет в расцвете сил. Но все равно думала, думала до тех пор, пока не выбилась из сил. Однажды вечером, когда Марк поздно возвратился из Пензанса, я зашла к нему в гардеробную и неуверенно спросила, не обидела ли его чем-то или не угодила?

– Конечно нет! – Ему было неловко.

– Тогда почему… с недавних пор…

– Это моя вина, – сразу же сказал он, – не твоя. Я последнее время был занят и очень устал.

На следующий день он на самом деле постарался сделать мне приятное, пообедав со мной и с детьми в детской, а потом вечером

отужинав со мной; он был учтив и обворожителен и впервые за несколько недель я начисто забыла о своей депрессии и ощущала только счастье.

Мое счастье продолжалось пять дней. Потом Марк опять ускакал в Пензанс на целый день, а меня позвали в детскую, потому что у Маркуса поднялась температура.

3

Я сходила с ума от беспокойства. Няня сказала:

– Я уверена, что тут ничего серьезного, мадам. У маленьких детей часто бывает высокая температура, но мне кажется, что врача все равно надо вызвать – на всякий случай.

Я немедленно послала за доктором Солтером, а пока ждала его, нетерпеливо ходила туда-сюда по комнате. Я думала о Стефене, вспоминая ужасную тишину в детской и его восковое личико в колыбели. Я пыталась об этом не думать, но не могла. Я стала представлять себе мертвого Маркуса, заболевающего Филипа, всех своих детей умирающими…

Я запаниковала. Даже когда приехал врач и диагностировал корь средней тяжести, я с трудом сдерживала ужас и в конце концов к середине дня настолько затосковала по Марку, что пришла в отчаяние. Мне так захотелось, чтобы он приехал, успокоил меня, что, выйдя из детской, я взяла шляпу, пальто и приказала подать коляску.

– В дом Майкла Винсента в Пензансе, – скомандовала я кучеру.

Когда я приеду, Майкл уже придет домой из офиса, а Марк приедет к нему на ужин из Карнфорт-Холла, прикидывала я.

Карета покатилась по подъездной дорожке к пустоши.

В половине седьмого я приехала в симпатичный жилой район Пензанса, где Майкл недавно купил дом. Его экономка провела меня в гостиную, а вскоре и сам Майкл вышел из примыкающей к гостиной библиотеки.

Он удивленно на меня посмотрел.

– Джанна! – воскликнул он, словно увидев привидение. – Что ты делаешь в Пензансе? – Быстро придя в себя, он вспомнил о хороших манерах и добавил: – Прости, присаживайся, пожалуйста.

Он был типичным холостяком: серьезный, некрасивый, застенчивый в отношениях с противоположным полом; какими бы добродетелями он ни обладал как юрист и приятель Марка, ему не удалось бы противостоять женщине в таком отчаянном, паническом состоянии, как я в тот вечер. Мне

понадобилось меньше пяти минут, чтобы выяснить, что он не только собирался ужинать в тот вечер в одиночестве, но, вопреки словам Марка, уже несколько недель его почти не видел. Ко всему прочему я узнала, что Марк не мог в тот вечер ужинать в Карнфорт-Холле, потому что его сверстники, которые там жили, мистер Джастин и мисс Джудит, проводили ту неделю у Трехарнов в Хелстоне.

Наконец, после долгой ужасной паузы, мне удалось произнести:

– Тогда где же он?

Но Майкл не ответил.

– Пожалуйста, – взмолилась я, тогда как паника поднималась во мне огромной безмолвной волной, – если ты знаешь, пожалуйста, ну пожалуйста, скажи мне! Это очень важно, ты же можешь понять…

– Да, – неожиданно сказал Майкл, – конечно, я понимаю. Послушай, мне кажется, я знаю, где найти Марка. Если бы ты могла подождать здесь…

– Нет, – проговорила я. – Говори, где он.

– Может быть, его там и нет.

– Все равно говори. Я не хочу терять времени, ожидая тебя здесь, пока ты будешь ездить куда-то узнавать, там ли он. Говори, где он.

– Джанна, прости меня, но ты просишь невозможного. Я… Марк и я однажды страшно поссорились… и он был прав… потому что я не оправдал его доверия… Я не могу… во второй раз…

– Очень хорошо, не говори мне ничего! Но ты не сможешь запретить мне последовать за тобой! Тогда как я могу сказать Марку, что ты опять предал его!

– Но… – Он был в таком ужасе, что едва мог говорить. – Но…

– Дай мне адрес, – потребовала я, – и я скажу Марку, что ехала за тобой без твоего ведома и твоей вины здесь нет.

– Джанна, пожалуйста… умоляю тебя, будь разумна… прости меня, но я просто не могу…

Я вышла из себя. Напряжение этого дня и беспокойство за Маркуса смешались с ужасом от предательства Марка, и я потеряла самообладание.

– Нет, я не прощу тебя! – взорвалась я. – Если Маркус умрет, а рядом с ним не будет никого из родителей, потому что ты не хочешь сказать мне, где Марк…

– Но…

– Черт бы тебя побрал! – накинулась я на него. – Черт бы побрал твое упрямство! Какое мне дело, если Марк развлекается с бедной, дешевой женщиной возле гавани? Ради бога, дай мне ее адрес, позволь съездить туда и поговорить с ним! Это необходимо, Майкл, необходимо, понимаешь ты

или нет? Ты просто обязан сказать мне, где Марк, чтобы я могла найти его как можно быстрее!

– Но это личное… я не могу…

– О, черт побери! Я беру на себя всю ответственность, клянусь… полную, абсолютную ответственность, ты это хочешь услышать? Я сделаю так, что Марк ни в чем не будет тебя винить. А если ты мне ничего не скажешь, то я… я…

– Подожди. – Он пошел к рабочему столу, словно хватаясь за любую возможность оттянуть неизбежное, и начал дрожащими пальцами переворачивать страницы записной книжки. Я видела, как он добрался до буквы «П». – Думаю, он может быть в гостях у одной моей знакомой, – наконец сказал он бесцветным голосом, – вдовы одного их моих клиентов… Ее зовут миссис Роза Парриш. Она живет на авеню Ландерион, двенадцать, это примерно в полумиле отсюда, второй поворот налево от главной дороги в сторону Лендс-Энд.

– Спасибо, – пробормотала я и ушла.

Я вышла к карете.

– Авеню Ландерион, двенадцать, Кроулас, – сказала я кучеру. – Второй поворот налево от главной дороги в сторону Лендс-Энд.

– Да, мэм. – Он помог мне сесть в карету и закрыл дверь.

Я осталась одна.

Мысли путались. Я смутно ощущала боль, но сильнее всего было пронизывающее чувство, что жизнь опять ко мне несправедлива. Я не собиралась зачинать Филипа; я не хотела отдалять от себя Марка. Беременность была случайной, и я виновата в ней столько же, сколько Марк, но все же он использовал ее как предлог, чтобы изменить мне с какой-то несчастной, жалкой простолюдинкой. Я очень живо представила ее себе. Миссис Роза Парриш, возможно, бывшая актриса, у нее есть немного денег, и она живет в каком-нибудь унылом квартале для низших слоев. Ей около сорока, она неряшлива, но привлекательна, и у нее острый язык; Марка всегда привлекали женщины старше его самого.

Боль ревности прошла, утонула в поднимающемся гневе. Я все еще сердито прикидывала, что скажу ему, когда карета остановилась и кучер крикнул:

– Дом номер двенадцать, мэм, – и слез с козел, чтобы помочь мне.

Я нетерпеливо огляделась. Я находилась в тихом квартале, типичном для среднего класса, похожем на тот, где жил Майкл. Дом номер двенадцать был средних размеров и стоял в прелестном саду размером около акра, с кустами, лужайками и большими клумбами.

У миссис Парриш явно были деньги, чтобы держать садовника.

Я не стала терять время, прошла по дорожке к передней двери и позвонила.

Свет в холле загорелся ярче. Я почувствовала, как под сердцем у меня образовалась пустота и сжалось горло, но дверь открыла горничная, молоденькая девушка, аккуратно одетая, в безупречно накрахмаленном чепчике и фартуке.

Я не назвала себя, а просто сказала ей самым величавым тоном, на какой была способна, что мне немедленно нужно видеть миссис Парриш. Горничная не стала со мной спорить; через маленький холл она провела меня в простую, но со вкусом меблированную комнату для гостей, а когда она зажгла газ, я увидела, что повсюду были цветы, вазы с тонко пахнущими растениями на подоконниках, на каминной доске и на двух маленьких столиках, а сама комната дышала элегантностью и утонченностью.

Как только горничная ушла, я подошла к книжному шкафу и посмотрела на книги. Там были три тома по истории искусства, альбом с репродукциями итальянских мастеров, учебник по акварельной живописи и справочник по рисункам. Еще одна книга называлась «Сокровища Национальной галереи», а рядом стоял том, называвшийся «Путеводитель по опере». На полке ниже стояла биография Моцарта и двухтомная биография Бетховена. Я взяла в руки одну из книг и открыла ее. Страницы были разрезаны. Я поставила книгу на место, повернулась, и единственное, о чем подумала: мне не надо было возражать, чтобы ехал Майкл. Мне нужно было остаться у него дома и ждать.

И тут паника, страх, сильнейший ужас охватили меня, я едва устояла на ногах, потому что все поплыло у меня перед глазами.

Дверь открылась.

Я медленно повернулась и посмотрела на вошедшую женщину.

Она была молода. Поначалу я видела ее неясно, но сразу поняла, что она молода. У нее была хорошая кожа, немного бледноватая, мягкие, тонкие светлые волосы, неловко уложенные, с выбивающимися прядями. Бледно-голубые глаза, светло-каштановые ресницы, которые ей следовало бы красить, чтобы выглядеть эффектнее. Ее внешность показалась мне анемичной, манеры – неловкими, но она улыбнулась и тогда – о! – как она похорошела, какое у нее было милое молодое лицо с наивным, очаровательным выражением, как она сияла! Ощущение наполненности было потрясающим, я смотрела, не в силах отвести глаза, она сделала шаг вперед, складки ее вечернего платья шевельнулись, и я увидела, что она

беременна.

Я попыталась заговорить, но не смогла. Я попыталась призвать на помощь гнев, который испытывала в карете, но гнева больше не было, только ужасная боль. Я начала молиться, чтобы боль отпустила, но она не проходила, а завибрировала в мозгу, и я подумала, что упаду в обморок.

Но я не упала в обморок. Я стояла неподвижно, дыхание было неровным, и вскоре женщина смущенно произнесла:

– Простите меня… я не уверена… мы раньше встречались? Пожалуйста, простите…

Она вела себя как леди.

Я почувствовала себя настолько раздавленной, настолько подавленной, что мне пришлось сесть. Я произнесла, чуть заикаясь:

– Мой муж… Марк здесь? Мой маленький мальчик болен… Мне нужен Марк… врач сказал… – Я не могла продолжать.

Я смотрела на красивый ковер у меня под ногами, потом рисунок расплылся и в конце концов превратился в красный туман перед глазами.

Через большой промежуток времени я услышала женский взволнованный, озабоченный голос, произнесший:

– Как это ужасно для вас! Надеюсь, ничего серьезного. Я сейчас же позову Марка.

За ее спиной послышались легкие шаги; детский голос произнес:

– Мама, позволь мне подольше не ложиться! Я еще не хочу в постель!

– Тише, Уильям.

Я подняла глаза, увидела, как она наклонилась над маленьким мальчиком лет четырех. У него были бледно-золотистые волосы, поэтому сначала я подумала, что он похож на мать, но когда он повернулся, чтобы взглянуть на меня, на его сияющем личике я увидела раскосые глаза Марка.

– Кто это, мама?

– Ш-ш, Уильям… – Она вывела его в холл, прикрыв за собой дверь, и я опять осталась одна.

На душе было пусто. Я подумала: он давно ее знает. Разумеется, в течение всего того времени, что мы женаты.

Тогда я вспомнила о других своих беременностях, а не только о той, когда я носила Филипа. Я подумала о том, как, не сомневаясь ни в чем, считала, что я единственная женщина в жизни Марка. Это знание придавало мне уверенности в себе и сил, чтобы справляться с трудностями моего нового социального положения. Я чувствовала себя любимой и защищенной, а он между тем ездил к этой молодой женщине в Пензанс, содержал ее в этом респектабельном квартале, давал ей книги о живописи и

опере, обсуждал с ней свою работу и все время, конечно же, думал, какую ошибку он совершил, не женившись на ней.

Я сидела с сухими глазами, слишком напуганная, чтобы плакать. Я все сидела, а когда наконец услышала его шаги в холле, лишь отстраненно подумала: я должна взять себя в руки, я должна вести себя так, как должна вести себя леди. Никаких сцен. Никаких криков. Никакой вульгарности.

Когда он открыл дверь, я встала, и мы посмотрели друг на друга. Его лицо ничего не выражало. Темные глаза были пусты, рот сжат. Вскоре он закрыл за собой дверь и стал ждать, пока я заговорю, но я молчала, и он заговорил первым:

– Говоришь, Маркус болен?

После этого мне стало легче говорить. Я подумала о Маркусе, лежащем в кроватке в детской, с горящими щеками, со слишком сильно блестевшими глазами, с горящим лбом.

– Да, – сказала я неуверенно. – Врач говорит, это корь, но не очень серьезный случай. Мне не стоило так пугаться, я знаю, но у бедного Маркуса такая высокая температура, ему так плохо. Я… с моей стороны было глупо не дождаться, пока ты вернешься домой… мне не следовало приезжать в Пензанс, но… я вспомнила о Стефене…

– Да, – сказал он. – Я понимаю. Тебе Майкл сказал, что я здесь?

– Да, я… я заставила его дать мне адрес. Он сказал, что она его знакомая. Он не признался… не признал…

– Да. И он предложил привезти меня?

– Я… – Слова застряли у меня в горле. С огромным усилием я заставила себя заговорить: – Боюсь, что я вела себя очень глупо, мне следует извиниться перед Майклом. Его нельзя в этом винить. Это все моя вина, его нельзя винить.

– Понимаю. – Он опять повернулся к двери. – Давай уедем сейчас же. Ты, конечно же, в карете?

– Да.

– Мой конь в трактире. Я потом пошлю кого-нибудь за ним.

Он открыл мне дверь, и мы вышли в холл. Он, должно быть, попрощался с миссис Парриш, потому что ее не было видно и он не останавливался для прощания. Он прошел к карете, помог мне сесть, кучер открыл для него дверцу, и он сел рядом со мной.

– Пожалуйста, домой, Кроулас.

– Да, сэр.

Мы отправились в Сент-Джаст.

Когда мы отъехали от Пензанса, он сказал:

– Прости, что так случилось.

Я не могла отвечать. Слезы снова защипали глаза, и я слишком боялась, что сломаюсь и расплачусь и, когда мы приедем домой, уже не смогу взять себя в руки. Не годится показывать слугам, что расстроена. Я не перенесу, если они начнут сплетничать за моей спиной.

Словно угадав мои мысли, он сказал:

– Мы обсудим это позже, когда будем одни.

После этого уже ничто не нарушало молчания нашей поездки по пустоши к северному берегу.

Мы приехали домой. Один из лакеев взял шляпу и пальто Марка и сказал мне, что приезжал викарий из Сент-Джаста. Мы пошли наверх, я не могла даже смотреть на него, и мы наконец вошли в детскую.

Няня вышла нас встретить.

– Добрый вечер, сэр… добрый вечер, мадам… да, он теперь спит, бедный ягненочек, но у него все еще сильный жар. Как только проступит сыпь, ему станет легче. Он звал вас, когда вас не было, миссис Касталлак, я ему сказала, что вы поехали за папой.

Мы пошли в комнату Маркуса посмотреть на него. Он казался очень маленьким и беззащитным, так тихо лежал, голова его была на подушке, и неожиданно я опять вспомнила Стефена, вспомнила, как его крошечное тельце лежало в колыбели, вспомнила тишину опустевшей детской. Если бы Стефен не умер, ему сейчас было бы четыре, столько же, сколько сыну миссис Парриш. Разум начал мутиться от боли. Когда, сама не желая того, я мысленным взором увидела сына миссис Парриш, я только и могла думать о том, что ее сын жив. А мой умер.

– Где Мариана? – спросил Марк у няни. – Надеюсь, она и Филип находятся в изолированной комнате?

Во мне поднялись слезы. Я знала, что заплачу, что не смогу сдерживаться ни секунды больше. Мне удалось произнести:

– Простите меня… Мне нездоровится. – И я вышла из детской и слепо побрела по темным, сырым коридорам к себе в комнату в западном крыле. Рыдания душили меня. Добравшись до комнаты, я захлопнула дверь, упала на кровать и плакала до полного изнеможения.

Потом я зажгла спичку и засветила лампу. Большая комната, знаменитая башенная комната смотрела на меня пустотой. Я ходила взад и вперед, пальцы скользили по отполированной мебели, в голове мешались болезненные мысли, и наконец я заметила себя в зеркале и резко остановилась, чтобы посмотреть на отражение. Свет падал таким образом, что волосы казались очень светлыми, почти серебряными. Я зажгла свечу и

медленно пошла навстречу своему отражению. Тени прочертили странные линии вокруг рта; горе меня согнуло и таинственным образом сделало меньше.

Я долго на себя смотрела, я была слишком заворожена тем, что увидела, чтобы отвернуться, потому что это было мое Завтра, я знала, что это будущее, которое меня ожидает, только теперь мое Завтра больше не было завтра.

Это было сегодня.

Плечи опять задрожали от всхлипываний. Я прижимала ладони к щекам в отчаянной попытке успокоиться, когда за моей спиной тихо открылась дверь, и я сразу поняла, что вошел Марк.

4

– Джанна… дорогая…

– Нет, пожалуйста… пожалуйста, не надо. Пожалуйста, уходи. Я не могу сейчас разговаривать. Пожалуйста, уходи.

– Но я хочу объяснить.

– Я не хочу слушать. – Я села, закрыв руками уши, крепко закрыв глаза, чтобы не капали слезы. – Я хочу побыть одна. Я не могу говорить. Пожалуйста.

– Дорогая…

– Не трогай меня!

– Я просто хотел тебе сказать…

– Нет… нет, я не хочу слушать!

– …что ты моя жена и я тебя люблю.

– О!..

Я заплакала. Плакала я долго. Он сидел рядом со мной и держал за руку, а через некоторое время, когда мой носовой платок совсем вымок, он дал мне свой и терпеливо ждал, пока я высморкаюсь и возьму себя в руки. Наконец, когда я несколько успокоилась, он тихо стал рассказывать о прошлом. У него был роман еще до того, как мы стали мужем и женой, даже до того, как стали любовниками, но после того первого случая он был мне верен до тех пор, пока до рождения Филипа не осталось несколько месяцев. Он не искал себе оправданий, просто сказал, что было неправильно с его стороны даже просто поддерживать с ней связь, но вначале, когда провел с ней время в Сент-Ивсе, он поступил с ней так плохо, что совесть велела ему делать все возможное, чтобы загладить вину;

он занял денег у Жиля Пенмара, чтобы содержать ее во время беременности, а потом, когда умер кузен его матери, Роберт Йорк, у него появились средства, чтобы купить ей дом в Пензансе, чтобы она могла жить так, как привыкла. Он время от времени навещал ее как друг, ей даны были указания связываться с ним только через Майкла; их новые отношения легко развивались в этой правильной и формальной манере, пока однажды он не приехал к ней в Пензанс и…

– Я не хочу больше слушать, – сказала я, зажав уши руками, но, как только услышала тишину, у меня появилось сильнейшее желание заставить его снова заговорить. И прежде чем смогла осознать, что делаю, я быстро заговорила: – Как ты мог допустить, чтобы она опять забеременела? – В тишине комнаты мой голос прозвучал тонко и неестественно. – Как ты мог? Я знаю, что большинство женщин безграмотны в подобных вещах и вряд ли она знает те бабьи хитрости, о которых рассказывала мне Гризельда, но ты по крайней мере мог бы…

– Конечно, я давал ей советы.

– И все? Ты давал ей советы?

Он покраснел и, к моему удивлению, не рассердился. Должно быть, чувствовал себя слишком виноватым, чтобы злиться.

– Нет, я делал больше.

– Но тогда…

– По большей части. – Он резко отвернулся. – Но она с самого начала следовала моим советам. К несчастью, ей не повезло, но ты знаешь так же хорошо, как и я, что в подобных вещах нет стопроцентной гарантии. Женщина может только быть осторожной и надеяться на лучшее.

– Ерунда, – хрипло сказала я. – Всегда известно, когда есть хотя бы малейший риск. Даже в Чуне я знала, что возможно, маловероятно, но возможно, что я могу зачать. Если хочешь гарантий, то просто не рискуешь, вот и все. Эта женщина хотела еще одного ребенка. Она тебя обманула. Она хотела опять забеременеть.

Он опустил голову. Я уже начала думать, что у него нет ответа, когда он наконец сказал:

– Ей бы следовало выйти замуж. У нее должен быть милый, заурядный муж, полдюжины заурядных детишек, респектабельный дом…

– Вероятно, Пенмаррик. – Я должна была это сказать. Я не могла удержаться. – Как бы хорошо она здесь смотрелась!

– Я мог бы жениться на ней, если бы захотел, – сказал он ровным голосом. – Но я не женился. Я женился на тебе, а не на Розе.

– Может быть, это был неудачный выбор. – Я не хотела говорить такие

ужасные вещи, но какое-то странное чувство заставляло меня их произносить. – Она была бы такой прекрасной женой, а я, как ты ясно объяснил мне год назад, была бы просто идеальной любовницей.

– Ты была моей любовницей, – сказал он, – но я все равно хотел, чтобы ты стала моей женой. Ты, должно быть, забыла.

Я резко отвернулась и встала. Меня опять душила боль. Я не могла говорить, но вскоре услышала его слова:

– Прости меня, Джанна. Пожалуйста. Мы начнем все сначала.

Я полистала роман, лежавший у меня на ночном столике, и вспомнила книги о музыке и об искусстве в том доме в Пензансе. Он приезжал к Розе Парриш, даже когда ее состояние не позволяло ей доставлять ему удовольствие. Когда мое состояние ставило меня в такое же положение, он уезжал в Лондон учиться или развлекаться в Пензанс, а я оставалась одна в Пенмаррике.

– Я глупо себя вел, – говорил он. – Я это признаю, но многие мужья время от времени изменяют; это редко бывает серьезно. В конце концов они возвращаются к женам.

– Да? – Я делала усилия, чтобы мой голос звучал так же ровно, как и его. – И всегда ли жены прощают их?

– Если они разумны.

Дрожа, я развернулась, но когда посмотрела ему в лицо, то увидела только одиночество, едва представив себе, каким стало бы наше существование, если бы мы продолжали жить каждый своей жизнью. Конечно, развода не будет. Я плохо знала брачное право, знала лишь, что должна быть измена, но что жена не может развестись с мужем только из-за измены. Может быть, нельзя даже формально оформить разрыв. Он захотел бы сохранить приличия и не допустить скандала, поэтому мы продолжали бы жить в Пенмаррике, он продолжал бы жить той жизнью, которая ему так нравится, а я… я была бы отрезана, изолирована от мира, более одинока, чем раньше, навсегда похоронена за железными стенами классовых различий. Это можно было бы вытерпеть, если бы я его ненавидела, но я его не ненавидела. Несмотря на то что случилось, я все еще любила его, хотела его, знала, что не смогу жить с ним под одной крышей, но в разрыве.

– Ну, может быть… – Я замолчала. Слезы опять защипали глаза. – Ради детей…

– Никоим образом не ради детей, – грубо сказал он, позабыв о спокойствии и терпении. – Им бывает лучше, когда родители разъезжаются, чем с родителями, которые живут вместе только ради них, я знаю, о чем говорю! Нет, я хочу примирения потому, что ты нужна мне, а если ты

хочешь примирения, но я тебе не нужен, то, думаю, нам лучше жить раздельно.

– Ты мне нужен. – Голос дрожал больше, чем прежде. Сердце разрывалось. – Нужен, нужен, нужен… – Очертания комнаты расплылись, я закрыла глаза от боли, он обнял меня и поцеловал в губы.

Мы помирились. Инцидент был исчерпан. Я отсрочила свое завтра, но с того дня я всегда чувствовала, что взяла время в кредит, чувствовала, что уже никогда не смогу полностью доверять Марку.

Глава 6

…Он уже был женат на Элеанор. Тем не менее он и Розамунда возобновили отношения, и родился еще один сын, которого назвали Джеффри…

Томас Костейн.

Семья завоевателей

Старший сын короля достиг того возраста, когда приходит время начинать учиться в школе.

Джон Т. Эпплбай.

Генрих II

Не исключено, что они поссорились из-за образования детей…

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

1

Несколько месяцев о миссис Парриш не было сказано ни слова. Марк решил, что ей следует переехать в Труро, на много миль дальше, и, хотя он ездил в тот городок, чтобы подыскать дом, по возвращении не сказал о поездке ни слова. В предновогодние дни, как-то раз вечером, мне удалось непринужденно произнести:

– Должно быть, миссис Парриш уже родила.

Но он ответил только:

– Да, к несчастью, еще одного мальчика, – но таким резким тоном, что я более не решилась задавать вопросы.

Рождество было богато событиями. Казалось, все ровесники Марка либо женились, либо делали предложения, и балам и вечеринкам не было

конца. Роджер Уеймарк уже был женат, Рассел Сент-Энедок был помолвлен, а Джастин Карнфорт влюбился в хорошенькую пустоголовую дебютанточку светского салона и говорил, что женится весной. Джудит Карнфорт потеряла благосклонность общества, выйдя замуж за банкира, но ведь бедняжка со своей внешностью не могла рассчитывать на более подходящую пару, а поскольку ей было уже сильно за двадцать, мне кажется, она думала, что любой брак лучше, чем судьба старой девы. Другой потенциальной старой девой, тоже уже за двадцать, была Кларисса Пенмар, хотя она была настолько привлекательна, что вряд ли заслуживала участи старой девы, потому что могла бы выйти замуж в любой момент, стоило ей только пожелать. После покупки нашего старого дома, фермы Деверол, она мало жила там, деля свой досуг между Лондоном и континентом, при этом путешествуя со свободой, неслыханной для незамужней дамы. Но она была совершеннолетней, у нее не было опекунов и были деньги, чтобы поступать так, как ей заблагорассудится. Ее состояние, унаследованное от приемного отца Жиля Пенмара, безусловно, подталкивало ее держаться за свою независимость; должно быть, Жиль, давая ей соблазнительное приданое, хотел, чтобы поклонники закрыли глаза на ее сомнительную репутацию, но Кларисса не подвергала анализу причину его щедрости и развлекалась с поклонниками на безопасном расстоянии от алтаря. Сэр Джеймс и леди Карнфорт, которые всегда были очень строги, перестали принимать ее в Карнфорт-Холле, но Кларисса едва ли была тем человеком, кто стал бы расстраиваться из-за недоброжелательности местной аристократии.

Осенью 1895 года, вскоре после того, как я обнаружила неверность Марка, она вернулась в Морву и поселилась там, словно великолепная бабочка, устроившаяся отдохнуть в тени, чтобы потом воспрянуть и снова порхать на солнышке среди экзотических цветов. Барнуэллы пригласили ее в Зиллан посмотреть на племянницу Элис, дочь ее брата Гарри, и в ответ она пригласила их на обед на ферму Деверол, но, кроме Барнуэллов, она ни с кем не виделась, поэтому трудно было понять, чем она занимается, чтобы убить время.

– Думаю, у нее роман, – прокомментировал Марк с присущей ему резкостью суждений, и, хотя я сомневалась в правоте этого суждения, вскоре я убедилась, что это правда.

Правду я обнаружила – подумать только! – на своей собственной любимой ферме Рослин. Закончилась пятилетняя аренда Джареда, и, воспользовавшись возможностью посетить дом, который я когда-то так любила, я убедила Марка позволить мне вернуться туда под предлогом

осмотра собственности, перед тем как заключить новый арендный договор. Конечно, одной мне отправляться туда было не позволено; Марк наотрез отказался возвращаться в дом, но попросил Майкла, как семейного юриста, сопровождать меня и обсудить детали нового договора с Джаредом. Поэтому вскоре после новогодних праздников мы с Майклом в карете, принадлежащей поместью Пенмаррик, отправились на ферму Рослин. Поскольку я взяла на себя полную ответственность за то, что выудила у него в тот день в Пензансе имя и адрес миссис Парриш, у нас с ним не было взаимных обид, но, когда мы встречались, между нами возникала натянутость, которую невозможно было не учитывать. И все же по дороге на ферму Рослин мы обменивались какими-то ничего не значащими любезностями, притворяясь, что забыли о чудовищной сцене в его доме, пока наконец, к обоюдному облегчению, не прибыли на место, вышли из кареты и двинулись по тропинке к главному входу.

О, как я любила этот дом! Я переступила порог, его мягкая атмосфера обволокла меня, и я сразу же почувствовала себя комфортно. Хныкали дети, на кухне творилась суета, но я ничего не замечала. Я была дома. Я прошла в гостиную, там стояла все та же солидная мебель, тот же самый стол, за которым я так часто сидела сначала с Лоренсом, а потом с Марком, тот же самый диван и ковер, на котором мы с Марком предавались любви, после того как я согласилась выйти за него замуж. Когда я подошла к окну и посмотрела на заросший палисадник, за которым я так заботливо ухаживала, годы каким-то волшебным образом улетучились и я почувствовала себя так уютно, так спокойно.

– У Рослина ведь больше не было сыновей? – сказал Майкл, прислушиваясь к отдаленному детскому гомону. – Помнится, ваш первый муж оставил деньги и собственность маленькому Абелю, а после его смерти деньги и собственность вернулись к Рослину. Должно быть, его смерть была для него тяжелым ударом.

Я не ответила, потому что в этот момент в холле послышалась хозяйская поступь. Через секунду дверь распахнулась и сам Джаред вошел в комнату.

Он хорошо выглядел. Ему было тридцать шесть, как и мне, и его лицо светилось здоровьем и благополучием. Он несколько погрузнел, но это ему шло; он был яркой иллюстрацией преуспевающего фермера и столпа рабочего сообщества, каким он теперь стал.

– Доброе утро, Джанна, – сказал он. Он не церемонился. Не было поклонов, и он не стал называть меня «миссис Касталлак». – Доброе утро, мистер Винсент.

– Доброе утро, мистер Рослин.

Мы заговорили о деле. Вскоре, когда он позволил нам осмотреть ферму, я с интересом поняла, что, хотя дом был грязен и захламлен, сама ферма находилась в превосходном состоянии. Обращали на себя внимание новые постройки, новый скот, новая птица.

– Вы, должно быть, процветаете, – вежливо сказала я Джареду.

Наши взгляды встретились.

– Да, – сказал он.

Мы подписали новый договор аренды на пять лет, и вскоре его жена принесла вино, хотя и не осталась, чтобы выпить с нами.

– У вас прекрасная семья, мистер Рослин, – светским тоном сказал Майкл, когда дверь гостиной закрылась за ней. – Сколько у вас теперь детей?

– Выжили пять дочерей, – коротко сказал Джаред и добавил: – Не всем женам удается так удачно снабжать мужей сыновьями.

Я была настолько ошарашена, что ничего не сказала. Я могла предположить, что его враждебность примет форму кратких, резких слов, но враждебности в виде горького комплимента я не ждала. Неожиданно, когда наши взгляды на секунду встретились, я поняла его и подумала уже в который раз, как бы повернулась жизнь, если бы он был так же готов жениться на мне, как и его отец, когда мы впервые встретились вечность тому назад в Сент-Ивсе.

Я все еще пыталась придумать, что сказать, чтобы нарушить неловкое молчание, когда из палисадника послышался девичий смех, громкий и чистый, и звук шагов по каменным плитам. Мы все трое одновременно выглянули из окна; все трое увидели Клариссу Пенмар.

Ее волосы были распущены, и, с темными глазами и оливковой кожей, она походила не на леди, а на цыганку. Наряд ее был самым неприличным, настолько неприличным, что я не могла поверить своим глазам. Правда, велосипедный спорт был популярен уже несколько лет, правда, женщины часто развлекались катанием на велосипеде и нуждались в свободе движений, которой не мог обеспечить респектабельный наряд, но никогда прежде я не видела девушки, которая носила бы велосипедный костюм, не собираясь кататься на велосипеде. На Клариссе были брюки. «Бриджи» было бы более правильным словом, но, что бы это ни было, это было чудовищно. На ней был еще пиджак мужского покроя из материала в тон, и чистые линии этого мужского наряда неприлично подчеркивали пышность ее тела. На ней даже не было шляпы; волосы были откинуты с лица и повязаны вульгарной красной лентой, а ветер развевал ее черные локоны.

Она выглядела необузданно, экзотически и лишенной принципов.

Я услышала, как Майкл, сидевший рядом со мной, сделал короткий, болезненный вздох, но даже не взглянула на него. Мне было слишком интересно происходящее за окном, потому что рядом с Клариссой шел мой младший приемный сын, брат Джареда Джосс.

Я никогда не думала, что Джосс и Кларисса могут быть вместе, но теперь сразу же поняла, что они похожи. Они были примерно одного возраста, оба не в ладах с окружающими, оба были готовы с презрением отринуть любого, кто захотел бы им помешать, оба очень дорожили независимостью. Джосс тоже был небрежно одет. Словно демонстрируя пренебрежение к условностям, он отбросил фермерскую куртку и надел грязные, порванные на боку брюки, грубую рубаху и расстегнутую дубленую куртку. Ни шейного платка, ни шляпы, на ногах грязные ботинки. Он ей улыбался. Я никогда не видела, чтобы Джосс так улыбался, никогда не видела, как озаряется его мрачное лицо, не видела, чтобы его голубые глаза искрились от смеха. На секунду он показался мне так невероятно похожим на своего отца, что я не могла отвести от него глаз, но тут Кларисса засмеялась во второй раз, и я снова поняла, что они вместе, и, потрясенная, не веря собственным глазам, увидела, что они держатся за руки.

Я услышала, как Джаред подавил чуть было не вырвавшееся у него восклицание, торопливо пробормотав извинение, вышел из комнаты.

– Господи боже мой! – воскликнула я, все еще не в силах поверить в происходящее. – Вы когда-нибудь такое видели?

Но Майкл был рассержен, глаза его ослепли от горьких воспоминаний, и я наконец вспомнила, что он когда-то был влюблен в Клариссу, а когда она потеряла интерес к нему, вообще перестал смотреть на женщин.

– Простите, – быстро сказала я. – Я забыла. Давайте сейчас же уйдем. Наше дело завершено, и нам незачем здесь более оставаться.

Он безмолвно проследовал за мной в холл как раз в тот момент, когда вошел Джаред, а за ним Джосс и Кларисса. Повисло молчание, затем я холодно произнесла:

– Доброе утро, мисс Пенмар. Доброе утро, Джосс. Джаред, прошу прощения, но мы вынуждены вас покинуть. Желаю удачи и дальнейшего процветания. Пожалуйста, поблагодарите вашу жену за вино.

Джаред взял мою руку в свою. У него была грубая кожа, толстые пальцы, неожиданно широкая ладонь. Я и забыла, какие невероятно большие у него руки.

– Спасибо, Джанна. До свидания, мистер Винсент.

– До свидания, мистер Рослин. – Он смотрел на Клариссу.

Она взглянула на него дерзко, без тени смущения.

– Привет, Майкл! Сколько времени прошло с нашей последней встречи!

– Да, – сказал он. Бедняга болезненно покраснел. – Да, в самом деле.

Я прошла мимо Джосса и подождала, чтобы он открыл дверь, но он просто стоял, глядя на меня со своей обычной грубостью.

– Джосс! – хрипло сказал Джаред. – Где твои манеры?

Джосс осмотрел меня с ног до головы, открыл дверь и оперся о косяк так, что я была вынуждена протискиваться мимо него. Это был самый неприятный молодой человек, которого я когда-либо встречала.

– В чем дело? – насмешливо спросил он. – Ты так же неодобрительно смотрела на мистера Касталлака и его отца, когда у них появился вкус к компании рабочего класса? Клариссе все же повезло больше, чем им! Я не из канав Сент-Ивса.

– Правда? – сказала я. – А вы оба выглядите так, словно только что оттуда. До свидания. – И я, не оглядываясь, полетела по тропинке к ожидавшей меня карете.

Майкл поплелся за мной.

– Обратно в Пенмаррик, Кроулас, – резко приказала я кучеру и стала ждать, когда Майкл поможет мне сесть в карету, но в то утро хороших манер я ждала впустую. Бедный Майкл был слишком расстроен, чтобы понимать, что происходит, и, хотя я пробовала завести разговор, он не отвечал мне.

Решив, что лучше всего будет оставить его в покое, я принялась смотреть в окно, но все еще думала о невероятной встрече на ферме. Я была так занята мыслями, что едва замечала скрип кареты, когда она сначала поднялась на холм, а затем покатилась вниз к морю.

2

– Должна признаться, – сказала я Марку позднее, – я была шокирована. Молодая дама, подобная Клариссе! Тебе стоило бы на нее посмотреть! Такая развязная, такая… откровенно развратная! Честно говоря, я была в ужасе.

– Я понимаю, что интересует в ней Джосса, – цинично произнес Марк. – Она хорошо обеспечена, очень, по его понятиям, богата, у нее есть ферма в Морве, лучший фермерский дом в приходе с приличным куском

земли. Конечно, эта земля сдается в аренду фермеру Роузморрану еще с тех пор, как там жил мой отец, но аренда годовая, и ее можно прекратить без проволочек. Ему нужны ее деньги и собственность. Он устал жить из милости на задрипанной съемной ферме брата. Ему хочется подняться по социальной лестнице.

– Ну, она никогда не выйдет за него, – неприязненно сказала я. – Она не такая дура. Она развлекается с ним, как развлекалась с помощниками конюхов из Пенмаррика. Скоро он ей надоест, и она снова вернется в Лондон, чтобы найти кого-нибудь из своего сословия.

Но я ошибалась. Через неделю в церкви в первый раз объявили о свадьбе, а через месяц, к удивлению всего графства и к восторгу деревенских сплетниц, Кларисса сменила свою фамилию на фамилию Рослин, и Джосс в единый миг стал одним из самых богатых молодых людей в западном Корнуолле.

Конечно же, их не принимали. Кларисса своим поведением отрезала себя от своего класса, а Джосса невозможно было представить в гостиной пристойного дома. Их венчал мистер Барнуэлл в зилланской церкви, но на свадьбе не было никого, кроме Джареда и его семьи, миссис Барнуэлл и внучки Барнуэллов, маленькой Элис Пенмар. После свадьбы они поселились на ферме Деверол, и вскоре Джосс взял обратно землю, сдававшуюся в аренду фермеру Роузморрану, и принялся чинить дворовые постройки и покупать скот. Ума не приложу, как Кларисса, после стольких лет беззаботной жизни, не обремененной никакой ответственностью, приспособилась к жизни фермерской жены, потому что я редко ее видела. Время от времени я встречала ее в Пензансе, но мы с ней не разговаривали, а Джосс в любом случае не позволил бы ей наводить какие бы то ни было мосты для общения с Марком или со мной.

Что и говорить, местные кумушки сочли, что она вышла замуж, потому что ей пришлось это сделать, но минула зима, пришла весна, а фигура ее оставалась прежней, и это заставило злые языки замолчать. Казалось, что она все-таки вышла замуж по любви, что в Джоссе, с его непокорством и грубой вульгарностью, она наконец нашла то, что годами искала на блестящих лондонских балах.

– Ну что ж, удачи ей, – пожал плечами Марк, в то время как я все удивлялась этому брачному союзу. – Надеюсь, она счастлива.

Он был слишком занят, чтобы предаваться размышлениям о мезальянсе Клариссы.

Оксфордский журнал опубликовал его диссертацию об Иоанне Безземельном, а впоследствии она была перепечатана видным лондонским

издательством. В академических кругах он начал завоевывать себе имя, и весной 1896 года он снова уехал изучать серию документов, реестры казначейства средневековой эпохи, в которых, насколько я поняла, содержались домовые счета королевской семьи. Тогда я с ним не поехала, но когда в конце года он пригласил меня с собой в Оксфорд, куда он уезжал на пару месяцев, чтобы заняться исследовательской работой, я с охотой согласилась. Я знала, что отказываться не стоит, но Оксфорд показался мне холодным, чопорным местом с неприветливыми старыми зданиями и атмосферой такого развитого учительствования, что я сразу же почувствовала недостатки своего жалкого образования.

– Ничего страшного, миссис Касталлак, – сказал мне с улыбкой один профессор, когда я сделала какую-то чудовищную ошибку из истории. – Господь создавал прекрасных дам не для того, чтобы они занимались наукой!

Но я почувствовала, что Марк был смущен моим очевидным невежеством.

И тем не менее несколько недель вдали от Пенмаррика сделали нас ближе, чем мы были последние несколько месяцев, и, когда мы вернулись домой, я почувствовала, что усилия, которые я предприняла, чтобы совершить это путешествие, не пропали даром. В начале 1897 года, когда я сказала ему, что опять жду ребенка, мы оба были довольны, и в августе, через два года и два месяца после появления Филипа, в башенной комнате Пенмаррика я родила еще одного сына.

В этот раз была очередь Марка выбирать имя. Ребенка окрестили Хью, имя мне не нравилось, но младенец не протестовал и мирно проспал всю службу. Он был маленьким, намного тоньше в кости, чем Филип, но Филип был необычно крупным. На приеме после крестин Маркусу стало плохо от бокала шампанского, который он выпил, пока никто не видел, Мариана отказалась садиться из страха помять платье, а Филип стащил соломенную шляпку сестры и запрыгал на ней.

– Противный, противный мальчишка! – заплакала Мариана, которая была очень женственна, любила всю свою одежду и особенно шляпки. – Ненавижу тебя! – И она так ухватила Филипа за уши, что тот сел на пол и принялся громко плакать, пока всех не оглушил.

– Мариана, какая ты непослушная! – сказала я, раздраженная этой сценой, боясь, как бы гости не подумали, что мои дети не умеют себя вести. Я наклонилась и прижала к себе Филипа. – Ну-ну, дорогой… ш-ш! мама здесь.

Он посмотрел на меня замутненным взглядом своих больших голубых,

наполненных слезами глаз. Мое сердце защемило от любви к нему.

– Ну-ну, – раздался рядом строгий голос няни. – В чем дело? Кто наступил на шляпу?

– Он! – заныла Мариана. – Я его ненавижу!

– Успокойся, Мариана, – сердито сказала я. – У меня от тебя голова болит. Шляпе ничего не сделалось. – Я обратилась к няне: – Думаю, дети уже устали и перевозбуждены.

– Да, мэм, – согласилась няня. – Я заберу его и положу в постель. – И к моей досаде, она взяла Филипа на руки и понесла его в детскую.

Шло время. Хью был хотя и маленьким, но сильным и здоровым. Он, как и Филип, был светленьким и унаследовал мои голубые глаза и мои черты, но я часто задумывалась, на кого он на самом деле похож. Когда он немного вырос, в нем оказалось понемногу ото всех: немного обаяния Маркуса, немного красоты Филипа, немного раздражающей привередливости Марианы. Он был достаточно умен, но не опережал своих сверстников в развитии. Когда он начал ходить, то смог противостоять Филипу в многочисленных драках в детской, и наконец я заподозрила, что в нем есть воинственная жилка.

Но няня думала по-другому.

– Это все барчук Филип, мэм, – открыто сказала она мне, когда я об этом заговорила. – Он заводит все неприятности в детской.

В глубине души я сочла, что она предубеждена против Филипа. Чтобы компенсировать все знаки пренебрежения, которые он от нее получал или не получал, я относилась к нему с особой любовью, когда приходила в детскую.

Когда Хью исполнился год, до нас дошли новости о Рослинах из Морвы. Кларисса после более чем двух лет замужества родила девочку, и, как со злобным удовлетворением сообщали местные сплетницы, роды были тяжелыми, настолько тяжелыми, что врач сказал, что детей у нее больше не будет. Не представляю, как кумушкам стали известны такие интимные подробности, и подозреваю, что большая часть этих сплетен были выдумкой, правда же состояла в том, что ребенок родился и что это была девочка. Назвали ее Ребеккой, в честь матери Джосса, моей предшественницы на ферме Рослин. Джосса и Клариссу по-прежнему не принимали в обществе, и они редко ходили даже в церковь, но раз в месяц Кларисса одна бывала в доме священника в Зиллане, где навещала свою племянницу Элис и пила чай с Барнуэллами. Элис была примерно на два года старше Маркуса. Я подумывала о том, чтобы пригласить ее в Пенмаррик, когда мы наняли гувернантку для детей, потому что Мариана

постоянно жаловалась, что терпеть не может мальчиков, а девочек, с кем она могла бы играть, не было.

Тогда было модно рожать детей. Все ровесники Марка, казалось, были заняты увековечением своих знаменитых родовых имен. Помнится, я думала тогда, что моим детям будет приятно потом, когда у них возникнет потребность в друзьях их возраста, но при этой мысли тень снова пробегала передо мной, оживал страх уходящей молодости, и я опять становилась мрачной, впадала в депрессию.

Когда Хью было полтора года, я сказала Марку:

– Мне бы так хотелось еще одного ребенка!

Он не возражал, но засмеялся и сказал:

– Ты еще не устала от детей? При трех шумливых сыновьях и одной очень горластой дочери?

Отвечая ему, я высказала мысль, которая меня преследовала.

– В следующем году мне будет сорок, – сказала я, – а как только исполняется сорок, рожать становится сложнее и опаснее. Мне остались всего какие-то месяцы.

– Ты говоришь так, будто сорок лет – это конец жизни! – сказал он, улыбаясь. – Я уверен, что кое-что еще остается!

Ему было двадцать девять.

Моя вторая дочь родилась в декабре, в самом конце девятнадцатого века. Я не разрешила назвать ее Джанной, поэтому мы назвали ее моим настоящим именем, Жанна, и окрестили ее сразу после Рождества. Через три дня ушел старый год, и, хотя королевский астроном сказал, что конец девятнадцатого века официально наступит тридцать первого декабря 1900 года, мы в далеком Корнуолле не обратили на это внимания и отпраздновали приход нового столетия в конце 1899 года. Двадцатый век! Помню, мы все были очень веселы, немного благоговели перед тем, что вступаем в новую эпоху, но и взволнованы, словно все лучшее еще было впереди и каждого ждала земля обетованная. Тот Новый год мы отпраздновали великолепно, и, когда в полночь услышали звон колоколов, переливающийся по пустоши, не догадывались, что они возвещают гибель большим домам, таким как Пенмаррик, и смерть тому образу жизни, который мы вели.

3

Пришло время бурской войны, газеты были полны сообщений о

борьбе Англии против фермеров голландского происхождения в Южной Африке. Поскольку это был крайне спорный вопрос не только между тори и либералами, но и между либералами и другими либералами, война скоро стала главным предметом обсуждения, когда речь заходила о политике. Волна патриотизма, прокатившаяся по стране, повлекла за собой волну записи в добровольцы; молодые мужчины, оставляя дома, шли в армию, чтобы рисковать жизнью в далекой заморской стране.

– Ты ведь не пойдешь в армию? – спросила я испуганно, после того как Рассел Сент-Энедок уехал из Сент-Ивса в Лондон с намерением оттуда отправиться на войну. – Ты ведь не рвешься воевать, дорогой?

Но мне не нужно было волноваться. Марк, как всегда, когда речь заходила о политике, отстаивал необычную точку зрения, которую большинство его сословия не разделяло.

– Конечно нет! – резко сказал он. – Мне и во сне не приснится такая идея. Во-первых, я считаю, что любая война чудовищна и непростительна, если только речь не идет о защите своей семьи и земли. Во-вторых, я не одобряю Британскую империю, когда ее внешняя политика превращается в ура-патриотизм, и, наконец, я совершенно не уверен, что буры не имеют права принимать свои собственные решения без внешнего вмешательства. Мне не нравится их достойное сожаления отношение к черному населению, но проявление силы со стороны самой сильной в мире нации только убедит их в том, что за такое отношение следует держаться. Скоро они превратятся в мучеников, и в мировом общественном мнении Британская империя уподобится хулигану, слишком склонному к размахиванию палкой. Нет, моя дорогая, у меня есть дела поважнее, чем идти на войну, которую я в высшей степени не одобряю! Большего патриота, чем я, трудно найти, но я не очень доверяю политикам и еще меньше доверяю войнам. Когда я думаю об истории, о том, сколько бед и страданий войны принесли стольким людям, притом что результат обычно нулевой, я не перестаю удивляться, почему человечество не учится на ошибках прошлого.

Итак, он не записался в армию. Но его брат Найджел не разделял его взглядов и вскоре отправился в Южную Африку. Я никогда не видела Найджела, поскольку они с Марком не общались со времени смерти их отца, и вскоре узнала, что встретиться нам не суждено. Он погиб в бою в 1900 году и, поскольку не был женат, оставил свои средства и собственность матери.

– Великий Боже! – сказала Мод Пенмар с характерным для нее отсутствием какого-либо чувства, напоминающего жалость. – Что я буду

делать с этим проклятым домом? Он мне не нужен! Может, тебе? Забирай его, если хочешь, и деньги тоже. Из наследства Касталлаков мне ничего не нужно.

Получив известие о смерти Найджела, она приехала к нам, но, хотя я и готова была посочувствовать ей в ее потере, в сочувствии она совершенно не нуждалась.

– Он был милым мальчиком, – сказала она просто, – но глупым. Марк поступил правильно, не завербовавшись в армию. К чему отправляться за шесть тысяч миль, чтобы воевать с кучкой иностранной деревенщины? Пусть жители колоний сами решают свои собственные споры. В конце концов, не за этим ли они в первую очередь определяются там на жительство? Чтобы плакаться на груди у родины-матери, как только случится стычка с какими-нибудь другими белыми людьми, которые даже не говорят по-английски? Не знаю, куда в наши дни катится империя, я так и сказала Найджелу, но Найджел возразил, что под угрозой моральные устои и что его моральный, а также патриотический долг – идти на войну. Что ж, разумеется, я целиком на стороне патриотизма и моральных обязательств, но все равно очень печально, что я больше не увижу Найджела только потому, что нынешние колонисты явно не обладают той силой духа, которая воздвигла империю.

– Конечно же, – сказала я осторожно, – вы будете очень по нему скучать.

– Да, несомненно, – ответила она угрюмо. – Я не знала его так хорошо, как Марка, но он был милым мальчиком. Добрым, очень добрым… Я его любила. Но когда я уехала из Гвика, ему и двух лет не было, и я не видела его до тех пор, пока он не стал взрослым. С Марком было по-другому. Я постоянно виделась с Марком, когда он рос.

– Три раза за двенадцать лет, – сказал Марк.

– Да, но… – Они опять начали ссориться, чуть ли не скандалить, и преждевременная смерть Найджела была на время забыта.

– Полагаю, мне следует забрать особняк Гвикеллис, – позднее без энтузиазма решил Марк. – Касталлаки жили в Гвике сотни лет. Без сомнения, я должен сохранить поместье в семье. – Некоторое время он был озабочен этой проблемой, но наконец, в 1901 году, незадолго до смерти королевы, ему удалось сдать дом и поместье на срок в пятьдесят лет полковнику индийской армии в отставке и таким образом избавиться от замка, сохранив на него юридические права.

У него появилась привычка три раза в год ездить в Лондон или в Оксфорд, чтобы заниматься исследовательской работой, и я наконец

привыкла к тому, что видела его все меньше и меньше. Его последующим проектом было исследование меняющихся социальных условий в двенадцатом веке, и уже нашлись издатели, готовые опубликовать работу, как только рукопись будет закончена. В Оксфорде его теперь хорошо знали; ему даже предложили научную должность, но ему не хотелось читать лекции и заниматься другой работой на факультете, он был доволен тем, что мог продолжать заниматься писательством. Но академический мир привлекал его; я видела, с каким нетерпением он ждал поездок в Оксфорд, а из его писем понимала, как тамошняя атмосфера оживляет его. Понемногу, почти незаметно, его привычки менялись; он чаще ездил в Оксфорд, оставался там дольше, реже писал письма. Вскоре он снял там квартиру.

– Почему бы и нет? – вкрадчиво сказал он. – Мне надоело останавливаться в одной и той же гостинице, мне нужно место, где я мог бы принимать друзей.

– Да, конечно, – сказала я натянутым голосом. – Я понимаю.

Но я не понимала. Меня охватила депрессия. Мне был сорок один год, потом исполнилось сорок два. Волосы уже утратили тот густой золотистый оттенок, они были бледнее, тусклее от увеличивающегося количества седых волос, которые я не могла больше скрывать. Но фигура была хорошей, кожа не выдавала возраста, если свет не был слишком ярок. Я говорила себе, что я все еще привлекательна, еще красива, еще желанна, но месяцы шли, а Марк проводил вне дома все больше времени, и обманывать себя более не имело смысла.

Он больше не хотел меня. Словно он меня перерос, так же как он перерос Корнуолл. Тот период его жизни, когда ему нравилось разыгрывать из себя джентльмена, на досуге занимающегося поместьем, кончился, и теперь он вернулся туда, где было его место, в библиотеки Оксфорда, в гостиные высшего общества, в компанию самых блестящих интеллектуалов своего времени. Его место было там, где мне места не было, среди людей, которым я показалась бы слишком провинциальной, узкомыслящей и, прежде всего, необразованной.

Он, естественно, отрицал это.

– Я бы чаще звал тебя с собой, – объяснил он, – но я ведь знаю, что ты не захочешь уезжать из Корнуолла.

Это было правдой, но, когда я предлагала поехать с ним, он всегда находил предлог, чтобы ехать одному, и я поняла, что все разговоры о том, чтобы я ехала с ним, были просто учтивым жестом, пустой вежливостью, за которой ничего не стояло. И все же мы не ссорились. Когда он находился

в Пенмаррике, он всегда заботился о том, чтобы быть со мной учтивым и приятным, поэтому сцен не было, было постоянное напряжение, которое хуже любой сцены, и через некоторое время моя боль утихла и я уже с трудом могла себе представить, что можно жить иначе.

Я знала, что была несчастлива, но изо всех сил старалась не давать себе времени думать об этом. Я больше занималась домом, приходскими делами, чаще навещала соседей и постоянно бывала занята. И чем больше я удалялась от Марка, тем ближе становилась к детям.

Они росли. Их индивидуальности, неясные во младенчестве, проявлялись все ярче. Я знала, что Маркус всегда будет любить меня, будет полон искреннего очарования, с ним всегда будет интересно поговорить; он был общителен, ему нравилось, когда вокруг него было много народа. В Мариане я начала обнаруживать антагонизм, сопротивление дисциплине, привычку командовать. Они с Маркусом были неразлучны, поскольку между ними был всего год разницы, но именно она, а не Маркус диктовала, в какие игры играть, за ней всегда было последнее слово. Филип не терпел такого командирства. Он играл один, сам находил, как развлечься, а за ним маленькой бледной тенью следовал Хью, который всегда был готов составить ему компанию, хотя Филип не всегда этого хотел. Жанна была еще младенцем, поэтому стояла особняком от других, но я считала ее хорошеньким, спокойным ребенком, совсем не такой, как ее своевольная старшая сестра. Я очень ее полюбила. Она была светленькой, как Филип и Хью, но все равно она была не очень на меня похожа. Иногда ее спокойствие напоминало мне о Стефене, и поэтому по отношению к ней я чувствовала теплоту, которой не ощущала по отношению к Мариане. Позднее я всегда говорила, что любила всех своих дочерей одинаково, но многие годы, особенно когда они были детьми, Жанна была моей любимицей.

Шел 1902 год, когда в Пензанс и на Мон-Сент-Майкл приезжал новый король, год, когда я могла бы быть представлена ко двору, как и подобало моему положению в графстве. Но я не была представлена. В то время Марк был в Оксфорде, и, хотя он в письме настаивал на том, чтобы я приняла приглашение в Мон-Сент-Майкл и съездила туда с Карнфортами, мужество мне изменило и я не смогла появиться на приеме такого размаха без мужа. Кроме того, Карнфорты не приглашали меня поехать с ними, а мои манеры были не настолько плохи, чтобы добиваться с их стороны приглашения, коль скоро они полагали, что лучше мне оставаться дома. Мы с няней взяли детей на вокзал, чтобы они помахали королевскому эскорту по прибытии в Пензанс, а потом вернулись в Пенмаррик, и больше я короля не видела.

По правде сказать, у меня в то время было слишком много забот, чтобы долго раздумывать о приезде короля в Корнуолл. Марк планировал образование детей и вскоре объявил мне, что договорился отправить Маркуса в начальную школу в Сарри, а когда ему исполнится двенадцать – в Итон.

Для меня это не было неожиданным ударом, потому что я давно знала, что сыновьям придется уехать из дому, чтобы получить образование, приличествующее джентльменам, но все равно, когда пришло время, меня наполнили дурные предчувствия. Маркусу всего девять и он так привязан к дому! Сердце мое начинало болеть, когда я думала о том, как он будет скучать по дому, находясь так далеко, в Суррее.

Тем не менее сам Маркус был в восторге от перспективы, и, по крайней мере, на некоторое время мне удалось заглушить дурные предчувствия.

– Я еду в школу! – весело напевал довольный Маркус, радостно крича Мариане: – Никаких больше уроков с тобой, Элис и мисс Пич!

Мисс Пич была гувернанткой; маленькая Элис Пенмар, очень невзрачный ребенок, приходила по будним дням из дома священника в Зиллане заниматься вместе с моими детьми и проявила удивительную способность к учению. Полагаю, она унаследовала эту способность от своего дедушки-священника, поскольку ни Харри Пенмар, ни Мириам не славились острым умом.

– Теперь ты, Мариана и Филип будете делать уроки одни, Элис, – гордо объявил Маркус. – Я еду в школу.

– Что ж, – сказала Элис, которая для ее возраста была весьма язвительной, – желаю удачи. Я рада, что еду не я.

– Ты завидуешь! – сказала Мариана. – Маркус ждет не дождется, когда поедет.

Конечно же, это было правдой. Но в день отъезда он плакал всю дорогу до вокзала в Пензансе, а на платформе прижался ко мне и зарыдал, что совсем не хочет ехать.

Я была ужасно подавлена. Если бы это был кто-нибудь из других моих детей, я, быть может, не была бы так расстроена, но Маркус был таким привязчивым ребенком, что мое сердце разрывалось от мысли, что мы отсылаем его, одного, так, словно больше не любим. Мысль, что бабушка встретит его на вокзале в Паддингтоне и присмотрит за ним, пока он на следующий день не сядет в поезд на вокзале Ватерлоо, не была для меня большим утешением; Мод Пенмар была такой сухой, безжалостной женщиной, а Маркус будет растерян и напуган…

– Не отсылайте меня, – жалко всхлипывал он, пряча лицо в моих юбках. – Пожалуйста. Я буду так хорошо себя вести, что вам больше не придется меня ругать.

– О Маркус! – Для меня было непереносимо видеть его таким жалким. Когда я обняла его, то почувствовала, как слезы заструились у меня по щекам. – Маркус, дорогой, мы заберем тебя домой, тебе не надо ехать.

– Это еще что такое? – Марк, который занимался багажом, появился рядом с нами на платформе. – Что за ерунда? Ну-ка, Маркус, так не пойдет. Возьми себя в руки, ведь ты уже большой мальчик, пора прекратить цепляться за мамины юбки. Ты ничего не забыл? Тогда возьми мой платок, высморкайся и немедленно садись в поезд. Мы не хотим, чтобы он ушел без тебя.

Маркус начал всхлипывать в платок отца.

– Марк… – начала я, но осеклась, увидев выражение его лица.

– Думаю, – сказал он, – тебе лучше подождать в карете.

Потом, когда поезд ушел и Марк сел в карету рядом со мной, его первыми гневными словами были:

– Я последний раз позволяю тебе провожать детей в школу! – Он говорил тихо, так, чтобы Кроулас не расслышал нашего разговора через помятый чехол кареты. – Маркус никогда бы так не расстроился, если бы ты была спокойна. Он ждал от тебя поддержки, а ты ему этого не дала. Вся эта дурацкая сцена – целиком твоя вина.

– Но я не могла не…

– Не могла, потому что не знаешь, как иначе себя вести, но впоследствии ты будешь прощаться с Маркусом в Пенмаррике. Разумно. Без всяких неловких сцен, происходящих по причине дурного воспитания.

И тогда-то у нас случилась так долго откладываемая ссора.

Я сказала, что меня тошнит оттого, что он относится ко мне с презрением, от постоянных намеков, что я недостаточно для него хороша, оттого, что он ведет себя так, словно я слишком проста, слишком необразованна, слишком стара, чтобы что-либо значить для него. Марк сказал, что это все неправда, что я слишком расстроена, чтобы соображать, что говорю; поэтому я напомнила ему, что большую часть года он проводит вне Пенмаррика и, даже когда он в Пенмаррике, старается меня избегать. Он сказал, что полагал, что делает мне одолжение, оставляя меня в покое; что он прекрасно понимает, что я так и не простила ему романа с Розой Парриш, потому что, с тех пор как я об этом узнала, в постели уже никогда не бывала прежней. Кроме того, было очевидно, что теперь, когда я не хотела больше детей, я находила супружеские обязанности не только

непривлекательными, но и невыносимо скучными и старалась избегать их, насколько возможно.

– Неправда! – закричала я. – Это неправда! Я по-прежнему люблю тебя, я хочу тебя, но что я могу сделать, если твое поведение так меня нервирует, что иногда я бываю холодной и не в своей тарелке? Правда состоит в том, что ты используешь мою холодность, мое нежелание как предлог! Раз ты можешь убедить себя, что я тебя больше не хочу, ты считаешь, что имеешь право идти, куда тебе заблагорассудится, а именно этого-то тебе и хочется!

– Если ты не можешь смотреть в лицо правде, то я не вижу смысла в дальнейшем обсуждении, – сказал он. – Полагаю, мы достаточно об этом сказали. Добавить больше нечего.

Мы ехали в Пенмаррик. Молча. По прибытии домой разошлись в разные стороны, я – в свою комнату, он – в библиотеку, и между нами возникло отчуждение, такое, что, как мне показалось, никакой мост перекинуть через эту пропасть уже невозможно.

4

Марк пришел ко мне в комнату в ту же ночь. Полагаю, он сожалел о ссоре так же, как и я; конечно же, мы оба старались помириться, но потом я почувствовала, что не только не оправдала его надежд, но и он нашел это не более приятным, чем я. Это было просто жестом примирения. Когда я посмотрела на себя в зеркало при холодном, ярком свете раннего утра, то убедилась, что никакой другой причины прийти в мою комнату у него и быть не могло, и поняла, что не хочу, чтобы он приходил ко мне в комнату только с такой целью.

Одеваясь в то утро, я долго смотрела в окно на льющийся в штормовое море дождь, на уродливые черные скалы вокруг уродливого блеклого особняка. И через некоторое время мне показалось, что было бы лучше не терзаться так, пытаясь сохранить обрывки старых отношений. Было очевидно, что Марк больше меня не хочет, и если бы я могла примириться с правдой и принять тот факт, что наши физические отношения умерли, то его безразличие не ранило бы меня более. Может быть, я бы даже примирилась с тем, что Марк ходит к другим женщинам, потому что к тому времени уже знала своего мужа достаточно хорошо, чтобы наивно полагать, что он всегда будет мне верен. Я знала, что у него бывали другие женщины. И мне не стоило унижаться, борясь за него, словно я – его

любовница и целиком завишу от его милостей. Я остаюсь его женой, матерью его детей, хозяйкой его дома, и ничто уже не может этого изменить.

За завтраком, улучив момент, когда нас никто не слышал, я осторожно сказала:

– Если тебе больше не хочется приходить ко мне в комнату, не приходи, я пойму. Прошу прощения за вчерашнюю сцену в карете. Я не собиралась требовать от тебя выполнения супружеского долга.

Он долго смотрел на меня. Наконец произнес коротко:

– Это твое решение.

– Я просто думала, что нам обоим было бы легче, если бы…

– Именно так. – Но он меня не слушал. Когда я замолкла, он сказал с грубой откровенностью, которую я так ненавидела: – Спи одна, если хочешь, но не жди, что я последую твоему примеру.

Я постаралась не показать ему, как ранили меня его слова, и заметила только:

– Конечно, ты будешь делать это втайне, – и резко отвернулась, чтобы он не видел моих слез.

Он не потрудился ответить и через секунду вышел из комнаты. Я осталась одна, слушая, как его шаги затихают вдалеке.

Стул опрокинулся, когда я вскочила на ноги. Я побежала за ним, но к тому времени, как я добралась до холла, его уже не было, а когда я остановилась, тишина обволокла меня толстыми душащими складками. Мне стало тяжело дышать. В ужасе я огляделась: вокруг были только густые тени опустевшего холла, а с вершины лестницы из огромной рамы на меня с циничной улыбкой смотрел первый Пенмар, перебирая свои шулерские игральные кости.

Глава 7

Разница в возрасте между Генрихом и Элеанор была, вероятно, главной причиной их растущего отчуждения: в сорок пять она уже пережила свой расцвет, а он, моложе ее на одиннадцать лет, был полон чувственных страстей.

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

Элеанор перестал нравиться муж. По всей видимости, он стал теперь более открыто неверен ей, чем прежде…

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

1

Позднее лето незаметно перешло в осень; тихий свет лился на пустошь, ветер, более прохладный, чем раньше, дул с моря, и наконец, к моему смущению и сожалению, мне становилось все более очевидно, что у меня снова будет ребенок.

Новость эта была неожиданной и неприятной. Впервые советы Гризельды мне не помогли, потому что все мои предыдущие беременности были либо желанными, либо случались вследствие неосторожности, о которой я впоследствии не жалела. Но в этот раз я была осторожна. Я не хотела еще одного ребенка, и, когда беременность подтвердилась, я поначалу почувствовала такое отвращение, что не могла заставить себя сказать Марку, что случилось. Но ведь не было нужды сообщать ему известие немедленно. Первые несколько месяцев скрывать было легко, потому что он уехал вскоре после зачатия, провел некоторое время в Лондоне и в Оксфорде и вернулся в Пенмаррик только к Рождеству. Но даже тогда мы виделись так мало, что он ни о чем не догадался, а на Новый

год опять уехал в Оксфорд, и я снова осталась одна.

Теперь он купил дом, особняк в деревне под названием Алленгейт, неподалеку от Оксфорда, где мог развлекать друзей с большим, нежели раньше, размахом. Он сказал, что это удобнее, чем снимать квартиру, и, кроме того, предпочитал деревенский простор скученности города. Он даже пригласил меня посетить свое новое жилье, но знал, что я откажусь; он помнил, как мне в свое время не понравился Оксфорд, как скованно я себя чувствовала среди его друзей-интеллектуалов. Моим единственным утешением было то, что Марк собирался жить в Алленгейте только в течение академического года, – уезжая из Пенмаррика в начале января, он обещал вернуться на Пасху, чтобы повидаться с детьми во время каникул Маркуса.

Когда он приехал, я была уже на седьмом месяце, и скрыть это было невозможно.

Я почувствовала, что его так же смутило это обстоятельство, как и меня, хотя он все время был учтив и заботлив.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спрашивал он. – Надеюсь, ты не перегружаешь себя, а викарий Сент-Джаста не слишком донимает тебя проблемами прихода?

– Нет, – отвечала я. – Я в полном порядке.

И я не кривила душой. Несмотря на то что мне было уже сорок четыре года и, по моему мнению, я была слишком стара, чтобы рожать, здоровье у меня было отличное, и доктор Солтер был мною доволен. Даже во время родов не возникло никаких осложнений. Элизабет родилась в июне – смуглая и некрасивая. Родила я быстро, поправилась скоро, а после крестин с облегчением оставила девочку на попечение няни и, хотя по-прежнему навещала детскую, теперь делала это больше из чувства долга, чем из какой-то эмоциональной привязанности к новому младенцу. Эта девочка первой из моих детей унаследовала раскосые темные глаза Марка, и, глядя на нее, я невольно вспоминала старшего сына миссис Парриш, которого мельком видела несколько лет назад. Бедная, маленькая, страшненькая Элизабет! Я сожалею, что ставила ей в вину ее внешность, но, что бы я ни делала, мне не удавалось побороть свое глупое предубеждение.

Между тем Филипу пришло время вместе в Маркусом, который уже наслаждался своей школьной карьерой, отправляться в школу. Я была рада, что Маркус так хорошо прижился там, но в то же время мне было грустно, что теперь он более не зависит от меня так, как раньше. Он чувствовал себя старшим и с пренебрежением смотрел на Филипа и Хью, которые еще не повидали мира.

– А там есть пустоши? – спросил брата Филип. – Там есть шахты? Это рядом с морем?

– Конечно нет! – важно ответил Маркус. – Школа находится недалеко от Лондона, и в лесу полно деревьев. Там все совсем по-другому.

– Как глупо, – сказал Филип. – Зачем мне туда ехать? – А отцу он прямо заявил: – Я не поеду.

– Ты сделаешь так, как тебе велят, – коротко сказал Марк, – и точка!

– Я убегу, – упрямился Филип. – Ты не сможешь заставить меня там остаться.

– Если ты убежишь, – пригрозил ему Марк, – я выпорю тебя так, как тебя никогда в жизни не пороли.

Они смотрели друг на друга с открытой враждебностью, и неожиданно я заметила, насколько Филип похож на отца: та же сила воли, то же упрямство, непреодолимая решимость сделать по-своему.

Он не придал значения угрозам Марка. Когда он убежал в первый раз, его поймали за несколько миль от школы, во второй же раз он пропадал три дня. Я была ужасно расстроена, и Марк даже приехал из Оксфорда, чтобы побыть со мной, пока мы ждали новостей. Наконец Филип, грязный, измученный и заплаканный, был доставлен в Пенмаррик и сразу кинулся ко мне в объятия.

– Мы не можем отсылать его обратно! – воскликнула я в ужасе. – Пожалуйста, Марк, позволь ему остаться!

– Разумеется, не позволю, – ответил Марк. – Он должен усвоить: нельзя делать только то, что хочется. Я не уступлю ему, и чем скорее он это поймет, тем лучше. Он немедленно отправится прямо в школу, и доставлю его туда я сам.

– Но…

– Если тебе не нравится такая постановка вопроса, вини в этом только себя! Если бы ты не портила его с самой колыбели, с ним можно было бы теперь справиться!

Мы серьезно поссорились и расстались разгневанные друг на друга. На следующий день Марк отправился с Филипом на восток, а доставив сына в школу в Сарри, уехал в Оксфордшир и жил в Алленгейте до декабря.

К Рождеству он вернулся в Пенмаррик и провел с нами неделю и потом еще на неделю приехал на Пасху, но потом его попросили почитать лекции выпускникам, которые интересовались монастырской жизнью двенадцатого века, и он остался в Оксфорде на все летние месяцы. Затем начался новый учебный год, и я поняла, что не увижу его до декабря. Мы

изредка писали друг другу письма о детях, он аккуратно поздравлял их с днями рождения, но постепенно, по мере того как лето кончилось и началась осень, я стала чувствовать себя более одиноко, чем когда-либо прежде. Приходские заботы казались скучными, светские визиты – бессмысленными. Наконец в ноябре я почувствовала себя настолько подавленной, что решила предпринять путешествие через Теймар и навестить старших мальчиков в школе. Их короткие каникулы попадали на начало ноября, и они могли уехать из школы с родителями на три дня, поэтому я написала им о своем приезде.

Однако выяснилось, что Маркус уже согласился провести эти дни у своего приятеля в Лондоне; родители мальчика уже купили им билеты в театр, и, поскольку Маркусу было бы неудобно отказываться от приглашения, я на своем и не настаивала. Так что рано утром в субботу я встретила в школе только Филипа и после визита в деревенскую чайную, где он выпил лимонада и съел две сдобные булочки с изюмом, спросила у него, как бы ему хотелось провести выходные.

Я ждала целого списка того, что ему бы хотелось сделать в Лондоне, и уже велела слугам нашего городского дома подготовить все к нашему приезду, но, к моему удивлению, планы у Филипа были совершенно другие.

– Я хочу в Брайтон, – твердо сказал он. – Там песчаные дюны, как пустоши, и еще море. Там живет один из школьных учителей, он сказал, что надо доехать до Лондона, а потом сесть в поезд на вокзале Виктория. А еще там много школ; может быть, они мне понравятся, и тогда я попрошу папу разрешить мне сменить школу. Я хочу жить возле моря.

Итак, все было решено. Мы без труда добрались до Брайтона и оказались в хорошеньком приморском городке с прелестными домами, лужайками и необычным, на вид иностранным, дворцом, недавно построенным там принцем-регентом. Возница кеба, который мы наняли, доставил нас в самую большую гостиницу, которая было открыта круглый год, даже в ноябре, и администратор предложил мне чудесные комнаты с видом на море. Я тут же их сняла, и коридорные начали вносить наш багаж.

– Замечательно! – воскликнула я, обрадованная тем, что город понравился мне больше, чем я ожидала, а гостиница оказалась роскошной и комфортабельной. – Как дивно, что ты предложил, чтобы мы сюда приехали!

В тот вечер мы решили поужинать в гостиничном ресторане, а не у себя в номере, поэтому я надела свое лучшее платье и позаботилась о том, чтобы Филип был умыт и причесан. В начале девятого мы спустились вниз.

Поначалу гостиница казалась такой же тихой и сонной, как когда мы приехали, но вскоре мы услышали голоса из ресторана, и я поняла, что здесь остановилось больше народу, чем можно было ожидать в это время года.

Когда мы вошли в ресторан, к нам подошел и поклонился официант.

– Столик для двоих, мадам?

– Да, – сказал Филип, прежде чем я успела ответить. – Пожалуйста, в углу.

– Не так громко, Филип. – Меня и позабавило, и смутило то, как смело он обратился к официанту, но тот только улыбнулся и вежливо кивнул:

– Конечно, сэр! Сюда, пожалуйста.

Я уже сделала шаг, чтобы идти за ним, когда Филип, удивленный, произнес:

– А вон папа.

У меня упало сердце. Перехватило дыхание. Потом я взглянула в другой конец зала. Там за столиком сидели Марк, Роза Парриш и два их сына.

2

Она по-прежнему выглядела молодой и хорошенькой. А почему бы и нет? Ей ведь было не больше тридцати пяти. Она была одета в красивое, дорогое платье, на шее сверкали бриллианты. Годы не испортили, а улучшили ее внешность, и, хотя она и раньше была хорошенькой, теперь эта привлекательность стала более зрелой, более эффектной. А еще она была счастлива. Она весело и беззаботно смеялась. Рядом с ней сидели два мальчика: старший очень хорошенький, похожий на Пенмаров, а младший – блондин с чертами херувима.

– Мама! – нетерпеливо звал меня Филип. – Мама!

И в эту минуту Марк нас заметил. Я увидела, как изменилось выражение его лица.

– Мадам? – произнес официант, возвратившись к нам, потому что мы не шли за ним к столику.

Нас увидела и миссис Парриш. Смех умер в ее глазах, с лица сошел румянец.

– Мама, – настаивал Филип, дергая меня за руку, – почему папа сидит здесь с этими людьми?

Я сказала официанту:

– Пожалуйста, не беспокойтесь о столике для нас. Мы поужинаем где-нибудь в другом месте.

Он даже не сумел скрыть своего изумления, но мне было все равно. Я повернулась, слепо вышла из ресторана в ярко освещенный холл и стала медленно подниматься по лестнице. Мне было плохо, я дышала короткими, неровными хрипами.

– Мама! – Филип следовал за мной по пятам. – Мама, что происходит? Что случилось?

Я плакала. Я старалась не плакать, но не могла взять себя в руки. Я принялась искать платок, чтобы скрыть от сына слезы.

– Разве ты не хочешь повидать папу? А кто эта женщина? И мальчики? Они здесь учатся в школе?

А Филип прав, подумала я, ведь у них тоже сейчас короткие каникулы. Марк приехал из Оксфорда, чтобы повидать их, забрать из школы. Он не предпринял ни малейшего усилия, чтобы увидеться со своими законными сыновьями, тогда как ради детей миссис Парриш совершил поездку из Оксфорда в Брайтон.

– Мама, пожалуйста! – Филип был в отчаянии. – Пожалуйста, поговори со мной! Кто эти люди? Почему папа здесь?

– Я… объясню…

Мы добрались до номера. Я стала искать ключ в сумочке и почувствовала, как слезы заливают мне щеки.

– Ты плачешь, – сказал Филип.

– Нет. – Я нашла ключ, вставила его в замок.

– Он тебя расстроил. – Филип повернулся и пошел по коридору к лестнице. – Пойду поговорю с ним.

– Нет, Филип! – в ужасе закричала я. – Нет, нет! Немедленно иди сюда. Не смей спускаться вниз!

Он заколебался. Я никогда еще не говорила с ним так резко.

– Пожалуйста, – взмолилась я. – Иди сюда, Филип. Будь послушным. Пожалуйста.

Он молча вернулся. Мы вошли в номер, я заперла дверь. Горничная уже зажгла газ, и там было тепло и светло. Я села у огня и стала смотреть на пламя, стараясь успокоиться.

– Скажи мне… – Филип опустился на колени и крепко ко мне прижался, чтобы привлечь мое внимание. – Скажи мне. Я хочу знать. Пожалуйста, мама. Не плачь.

– Я не плачу, Филип. – Теперь я лучше владела собой. Голос был ровным, твердым. Я попыталась сглотнуть, но горло все еще слишком

болело. Через некоторое время я произнесла: – Эту женщину зовут Роза Парриш. Она вдова, знакомая папы. Мальчики – ее сыновья.

– У них тоже каникулы? Они здесь в школе? Почему папа приехал к ним, а не ко мне и Маркусу?

– Я… не знаю… должно быть, есть какая-то причина…

– Но это нечестно, – сказал Филип. Он поднялся на ноги. – Можно, я пойду поговорю с ним?

– Нет… пожалуйста, дорогой. Останься со мной.

Раздался стук в дверь.

Я сильно вздрогнула и вскочила, но, прежде чем успела вымолвить и слово, Филип сказал:

– Это папа. Наверное, он пришел извиниться. – Он пересек комнату, дернул ручку и открыл дверь.

На пороге стоял Марк. Он был один, и неожиданно я почувствовала такую слабость, что мне пришлось опять сесть.

– Привет, Филип, – сказал он. – Вот сюрприз так сюрприз! Как вы здесь оказались? Где мама?

Филип ничего не ответил, просто уставился на него каменным взглядом. Марк этого не замечал. Он прошел в комнату и, увидев меня, протянул руки.

Я отвернулась.

Помолчав, он спросил:

– Зачем ты привезла Филипа в Брайтон?

– Я… просто… – Голос дрожал. Мне пришлось остановиться.

– Это я попросил, – сказал Филип из-за моей спины. – Я слышал, что в Брайтоне есть школы, и хотел их посмотреть. Я хотел попросить тебя перевести меня в школу рядом с морем. Мама здесь ни при чем. Это не ее вина.

– Никто, – возразил Марк, – не говорит, что мама в чем-то виновата.

Наступило молчание.

– А почему здесь ты? – вдруг дерзко спросил Филип. – У мальчиков каникулы? Почему ты навещаешь их, а не нас с Маркусом?

– Должно быть, потому, что у них лучше манеры. – Марк повернулся ко мне. – Что ты ему сказала?

– Ничего. Только как ее зовут.

– Я должен поговорить с тобой наедине, – коротко сказал он. – Мой номер дальше по коридору. Пройдем туда на несколько минут.

– Нет, – наотрез отказалась я. – Я не пойду в номер, который ты делишь с этой женщиной.

– Пожалуйста, Джанна! – Лицо его потемнело от гнева. – Не при ребенке.

– Мне все равно, – сказала я. – Мне все равно. Ни разу в жизни я не была так унижена, как когда я вошла в ресторан и увидела, что ты сидишь там с ее… с твоими сыновьями.

– Они не его, – вмешался Филип. – Они ее. Ты сказала мне…

– Послушай, Джанна…

– Нет, не стану слушать! Где она теперь живет? В Лондоне? Ах нет, конечно же в Оксфорде… в твоем новом доме в Алленгейте! Какой же надо было быть дурой, чтобы не догадаться раньше! Полагаю, она выступает в роли твоей экономки.

– Я отказываюсь обсуждать это при ребенке. Его здесь не должно быть.

– Ты не смеешь диктовать, как мне поступать с моими детьми! Какое ты имеешь право вмешиваться в их воспитание, если ты игнорировал их большую часть года? Как мне объяснить Маркусу и Филипу, почему на каникулах ты предпочел увидеться с Уильямом и его братом? Как ты смеешь уделять столько внимания своим ублюдкам?

Он схватил меня за плечи. Он тряс меня.

– Черт подери! – Он был так зол, что даже выругался. – У тебя что, совсем нет мозгов, нет представлений о приличиях, никакого…

– Прекрати! – закричал Филип. Своим маленьким кулачком он ударил отца в бок и попытался оттащить его от меня. – Прекрати, прекрати, прекрати!

– Видишь, как ты расстраиваешь ребенка? – Марк взял сына за шкирку и освободился от его хватки, но Филип немедленно атаковал его снова.

– Не надо, Филип. – Я схватила его за руку и притянула к себе. – Все хорошо, дорогой, все хорошо. – Я наклонилась и крепко обняла сына.

Он смотрел на меня своими ясными голубыми глазами, лицо его было бледным, напряженным. Потом рот неожиданно задрожал, и он заплакал. Я прижала его к себе и посмотрела на Марка горящими глазами.

– Ты в этом виноват.

– Прошу прощения, но не я устроил эту безобразную сцену при ребенке! Пойдем немедленно в мой номер, и мы сможем обсудить все наедине.

– Мне нечего тебе сказать.

– Не говори ерунды! Обсудить надо очень многое, даже если мы просто собираемся развестись.

Шок был настолько силен, что на секунду я перестала дышать. Мне

удалось подняться.

– Развестись? – повторила я пустым голосом. – Развестись? Но это невозможно. Об этом не может быть и речи. Это немыслимо.

– Ты никогда об этом не думала? Я считаю, что коль скоро ты отказалась жить со мной…

– Я месяцами ждала тебя в Пенмаррике!

– Ты могла бы быть со мной в Оксфорде… я дал тебе шанс, но ты отказалась. Я приглашал тебя жить в Алленгейте.

– Да… с миссис Парриш в качестве экономки!

Он побледнел.

– Я отказываюсь обсуждать это при Филипе.

– Очень хорошо, – от гнева мой голос стал холодным и жестким, – мы пойдем в твой номер. – Я повернулась к Филипу. – Дорогой, я не надолго, всего на минутку, мне надо кое о чем поговорить с папой. Тебе незачем волноваться и расстраиваться. Когда я вернусь, мы поужинаем здесь. Побудь здесь один, ладно?

– Конечно. – Но голос его был слаб, губы белы и плотно сжаты.

– Если тебе что-то понадобится, Филип, – произнес Марк строго, – ты найдешь нас в самом конце коридора. На двери номер семь.

Филип молча отвернулся и отошел к окну смотреть на море.

Мы оставили его, молча прошли по коридору и наконец вошли в номер – он был просторнее, чем наш, и более роскошный. Поначалу мне показалось, что в гостиной нет следов чьего-либо присутствия, но потом я приметила школьную шапочку, небрежно брошенную на шезлонг. Подойдя ближе, я увидела имя, вышитое на подкладке, имя младшего мальчика, который родился вскоре после Филипа. Поскольку это имя каким-то таинственным образом показалось мне дурным предзнаменованием, предвестником грядущих черных дней, я подняла шапочку и провела пальцем по буквам.

Его звали Адриан. Адриан Парриш.

Марк закрыл дверь. Неожиданно оказалось, что нам не о чем больше говорить. Пауза в ссоре привела к тому, что от моего гнева не осталось и следа; я даже не помнила шока, который испытала, услышав слово «развод». Теперь меня даже удивляло, что после стольких месяцев разлуки я все еще остро ощущаю ревность и обиду. Я приняла тот факт, что у него должны быть другие женщины; но почему я не могла смириться с существованием Розы Парриш? Этому не было логического объяснения. Видимо, я просто вдруг болезненно осознала, что Роза Парриш символизирует собой больше, чем просто конец моего брака. Она была

символом молодости, которая ушла от меня навсегда, символом класса, частью которого я не смогла стать, символом мира, в котором я всегда чувствовала себя неловко. Она олицетворяла собой все мое горе, словно, глядя на ее красивое, веселое лицо, я видела все то, чего всегда хотела, но так и не смогла по-настоящему достичь.

– Что ж, – произнес издалека холодный голос Марка, – это была самая отвратительная сцена, какую только можно было разыграть перед нашим сыном.

Я села на неудобный стул с высокой спинкой и попыталась подумать о том, что мне следует делать, но мысли путались, и я не нашлась даже что ответить.

– Поскольку я считаю, что в будущем совершенно необходимо избегать подобных сцен, то предлагаю тебе пока разъехаться, а потом оформить развод, как только это станет возможным. У меня нет причин разводиться с тобой, как ты понимаешь, но, если я уеду сейчас и останусь в Алленгейте без твоего согласия, ты сможешь подать на развод на том основании, что я тебе изменил и затем бросил тебя. Полагаю, что период неисполнения супружеских обязанностей должен тянуться по крайней мере два года, поэтому нам придется подождать, прежде чем начинать процедуру, но, к сожалению, поскольку ты не можешь развестись со мной лишь на основании адюльтера, нам ничего другого не остается. Я понимаю, что развод повлечет за собой большой скандал, и уверен, что многие его не только не одобрят, но и будут шокированы, однако, смею заверить тебя, большая часть критики достанется на мою долю. Впрочем, я готов стерпеть многое, чтобы покончить с этой ситуацией самым подходящим из имеющихся способов. Я знаю, и ты тоже знаешь, что наш брак распался навсегда. Однако нам следует вести себя так, чтобы дети пострадали как можно меньше, и, с моей точки зрения, для них в итоге окажется лучше, если наш развод будет официально оформлен в суде.

Я услышала собственный голос, произнесший без всякого выражения:

– Не понимаю, каким образом позор и бесчестье развода могут пойти им на пользу.

– А я не понимаю, какую пользу принесут им родители, которые враждуют друг с другом! Послушай, Джанна, будь благоразумной. Ты по-прежнему думаешь только о себе, а вовсе не о детях! Если мы возьмемся за дело спокойно, осмотрительно…

– Ты тоже думаешь не о детях, – возразила я. – И не из-за них просишь развода. Ты хочешь развода только для одного – чтобы жениться на миссис Парриш.

На секунду он заколебался. Потом сказал:

– Я не отрицаю, – произнес он медленно, – что собираюсь когда-нибудь снова жениться, но…

– Ну так вот, ты никогда не женишься снова, – твердо заявила я, – потому что я никогда с тобой не разведусь. Никогда в жизни! – Слезы застилали глаза, мысли тоже начали путаться, так что в конце концов у меня в сознании заклубилась мешанина ярких, болезненных образов. Я немедленно представила себе сплетни слуг, неискренние соболезнования соседей, слухи, насмешки, разговоры за спиной. Я увидела свое прошлое, свои попытки стать лучше, невероятные усилия жить той жизнью, которой от меня требовали, напряжение, страх, агонию, смущение, одиночество и горе. Развод означал бы, что все было впустую. Моим единственным утешением было то, что я его жена и никто, даже миссис Парриш, не сможет отнять у меня этого. Как могла бы я согласиться на развод? Это стало бы насмешкой над всей моей жизнью, полной страданий и бесконечного терпения… а кроме того… я просто не могла отдать его миссис Парриш. – Я не разведусь с тобой, – с тихой яростью повторила я, и самое слово «развод» прозвенело как ужасный вызов моему спокойствию. – Не разведусь.

Я видела, что он очень зол, но держит себя в руках.

– Пожалуйста, – сказал он спокойным голосом. – Пожалуйста, попытайся быть разумной, Джанна. Я понимаю, что для нас обоих унизительно объявлять всему миру, что наш брак развалился, но ведь жить так, как сейчас, бессмысленно и бесполезно. Кроме того, это очень плохо для детей. Послушай, ты же должна это понимать! Если мы не будем эгоистичны и прежде всего будем заботиться об интересах детей, то я уверен, что мы сможем прийти к таким условиям раздельного проживания, которые будут намного лучше для детей и не столь уж неприемлемы для нас…

– Я не соглашусь ни на раздельное проживание, – сказала я, – ни на развод. Если ты решил бросить меня, это твое решение, но, пожалуйста, не жди, что я с этим примирюсь.

– Если ты беспокоишься о деньгах, то я, конечно же, щедро тебя обеспечу, ты сможешь продолжать жить в Пенмаррике…

– Нет, – сказала я.

Он посмотрел на меня:

– Что ты имеешь в виду?

– Если ты меня бросишь, я больше туда не поеду.

– Но…

– Я его ненавижу, – произнесла я, запинаясь, – я ненавижу Пенмаррик, ненавижу. Ненавижу давать эти ужасные ужины, принимать этих ужасных гостей и отдавать визиты. Я ненавижу эти огромные холодные комнаты, в которых меня везде преследуют взгляды слуг. Я ненавидела этот дом все время, что жила там без тебя. Если ты меня бросишь, я в Пенмаррике не останусь. Я уеду домой. Я буду жить на ферме Рослин. Пенмаррик мне никогда не нравился, даже в начале нашей жизни там. Я всегда скучала по ферме и по Зиллану.

Он смотрел на меня так, словно я сошла с ума.

– Но, Джанна, дорогая… – Он не находил слов. – Боже мой, ты не можешь вернуться на ферму и жить там, как простолюдинка! Ты не можешь этого сделать!

– Я хочу домой, – сказала я. – Это все, чего я хочу. Я просто хочу домой. Я больше не стану жить в Пенмаррике, если ты уйдешь от меня.

– Послушай, Джанна, постарайся взять себя в руки. Ты была хозяйкой Пенмаррика одиннадцать лет. Все наши дети родились там. Ты не можешь, я повторяю, не можешь вернуться теперь на ферму Рослин. Я думаю, ты просто не понимаешь, что говоришь.

– Я могу вернуться. И вернусь.

– Тогда как же я смогу отдать тебе на попечение детей?

Я не сразу поняла, что он говорит. А когда поняла, похолодела: я увидела, как мои дети вырастают и становятся чужими. Они не будут меня любить, не будут заботиться обо мне, оставят меня одну лицом к лицу со старостью.

– Ты не посмеешь забрать их у меня, – сказала я. – Ты не сможешь быть таким жестоким.

– Я собирался предложить, чтобы они жили с тобой большую часть года и приезжали в городской дом в Лондоне на несколько недель повидать меня на Рождество либо на Пасху. Но, Боже всемогущий, как я могу согласиться, чтобы моих детей забрали из Пенмаррика и воспитывали на ферме? Как?

– Если ты попытаешься их у меня забрать, я обращусь в суд. Я найму юристов… лондонских юристов…

– Ты и в самом деле думаешь, что какой-нибудь судья даст согласие на опекунство, если дети из высших слоев общества будут воспитываться на сельской ферме?

– А ты всерьез думаешь, – от страха я очень хорошо собой владела, – что какой-нибудь судья согласится на опекунство, при котором детей будет воспитывать любовница их отца вместо родной матери?

– Да, – сказал Марк без колебаний. – Вопрос не в том, что я живу с женщиной, которая не является моей женой, а в том, какая обстановка лучше всего для детей. И если ты думаешь, что какой-нибудь судья решит, что для детей лучше, если их воспитают как представителей рабочего класса на какой-то захолустной корнуолльской ферме…

– Тогда я останусь в Пенмаррике! Я принесу детям эту жертву!

– Правда, Джанна? Правда? А ты уверена, что, пообещав суду оставаться в Пенмаррике, ты не станешь проводить все больше и больше времени на ферме Рослин? Теперь я думаю, что, даже если ты останешься в Пенмаррике, я буду просить суд забрать у тебя детей. Я не верю, что ты сможешь их должным образом воспитать, не отравив россказнями обо мне и о том, почему распался наш брак.

– Иными словами, ты решил наказать меня, забрав детей!

– А разве ты не пыталась только что наказать меня, не давая развод?

– Ты не имеешь права просить развода! А у меня есть все права на детей!

– Попробуй убедить в этом судью Верховного суда! Думаю, тебя ожидает сюрприз самого неприятного свойства, особенно когда я скажу ему…

– Я сумею его убедить! Но если ты думаешь, что я разведусь с тобой…

– Если ты согласишься на развод, я буду терпим в отношении детей.

– Даже если я буду жить на ферме Рослин?

– Я не могу гарантировать, что скажет судья, если ты уедешь из Пенмаррика.

– Понимаю! Другими словами, ты пытаешься склонить меня к разводу, обещая оставить детей, а как только получишь развод, сразу переменишь свое мнение и будешь добиваться, чтобы меня все равно лишили детей! Что ж, в таком случае я никогда с тобой не разведусь и никогда не отдам детей, и даже не думай, что сможешь обманом заставить меня отказаться от них!

– Мальчиков тебе не оставят.

– Никто, – сказала я, дрожа, – никто на земле не отнимет у меня сыновей. Если ты попробуешь разлучить меня с Филипом…

– Именно Филипа у тебя надо отнять любой ценой! Это совершенно ясно! Послушай, Джанна, я больше не собираюсь спокойно смотреть, как ты его портишь…

– Как я могу его испортить! Я люблю его! Я люблю всех своих детей, всех, и я люблю тебя, но ты так околдован этой бесстыдной женщиной…

Он ударил меня. Тыльной стороной руки он дал мне звонкую, обжигающую пощечину. Я задохнулась, сделала шаг назад, я не могла

говорить, я видела, как его узкие черные глаза загорелись от гнева.

– Сука, – сказал он. Он не кричал. Голос его был тих и полон самого горького презрения. – Ну ты и сука. И лицемерка. Чертова лицемерка.

Эти слова ударили меня, как новая пощечина. Я сделала еще один шаг назад, прячась от его слов, и наконец оказалась прижатой к стене.

– Марк, – сказала я неожиданно, – Марк, не надо.

– Надо! – сказал он. – Надо, надо, надо! Я скажу все, что о тебе думаю! Ты первый раз в жизни поймешь, что ты такое! Ты очень, очень хорошо это поймешь, моя дорогая, и в этот раз ты не сможешь натянуть вуаль лицемерия, чтобы не видеть того, что не желаешь видеть.

– Марк, пожалуйста…

– А как мы говорим о любви! Все эти мелодраматические заявления: ты любишь меня, любишь детей! Черт подери, ты даже не знаешь значения этого слова! Ты не любишь меня… ты никогда меня не любила! Ты любила деньги, которые я мог тебе предложить, безопасность, комфорт, роскошь и – как особый приз – сексуальное удовлетворение в спальне. И не думай, что сможешь убедить меня в своей любви к нашим детям! Ты любишь безопасность, которую они тебе обеспечивают, тебя греет мысль, что есть шесть человек, которые тебя обожают и говорят, какая ты замечательная! Ты не любишь даже Филипа, ты одержима им только потому, что он выглядит как маленькое мужское отражение тебя самой! Так давай будем честными перед самими собой, Джанна, давай больше не будем притворяться, давай откинем лицемерие, давай посмотрим правде в глаза: есть только один человек на свете, которого ты любишь, и этот человек ты сама! Иначе почему ты все время выпячиваешь себя? Почему все должно подчиняться только тому, что хочешь ты, чего желаешь ты? Ты себялюбива, тщеславна, эгоцетрична… холодна, пуста и эмоционально стерильна.

Я вслепую побрела к двери. Мой голос произнес откуда-то издалека:

– Я не собираюсь больше это выслушивать.

– Нет, ты выслушаешь, моя дорогая, – сказал он. – Все выслушаешь. – И прежде чем я успела его остановить, он ринулся вперед, запер дверь и положил ключ в карман.

– Выпусти меня! – вскрикнула я срывающимся голосом. – Выпусти меня немедленно.

– Нет, – ответил он. – Не выпущу. Мы еще не обсудили наше будущее, если ты помнишь. Мы еще не решили, как быть с детьми. Все, что мы обсудили, – это кое-какие очевидные истины относительно твоего характера. Хотя ты и притворяешься, что не слышала, но теперь услышишь меня, моя дорогая, потому что я больше не собираюсь говорить впустую, я

заговорю так, чтобы ты поняла. Я буду говорить с тобой на твоем языке просто потому, что другого языка ты не понимаешь.

Он замолчал. Я посмотрела на него. Я дрожала с ног до головы, голова раскалывалась от боли, во рту пересохло. Я не могла говорить.

Он достал золотой соверен. Потом еще один. Положил их на столик, стоявший рядом с нами у двери.

– Ты будешь получать по четыреста девяносто девять таких же монет в год до конца твоей жизни, – сказал он, – если позволишь мне забрать детей без всяких ненужных драматических сцен. Если ты сможешь вести себя прилично, я даже разрешу тебе навещать их в Оксфорде, когда ты этого захочешь, и позволю им навещать тебя на ферме, если я буду привозить их в Пенмаррик. Эти деньги, конечно, ты будешь получать сверх того содержания, которое я должен буду тебе выплачивать.

Я сразу сказала дрожащим голосом:

– Мне не нужны деньги. Мне нужны дети. Пожалуйста. Я останусь в Пенмаррике… я сделаю все, что ты хочешь, только…

– Тогда дай мне развод.

Но я сразу поняла, что, получив развод, он тут же возобновит попытки отнять у меня детей. Я знала: став хозяином положения, он не согласится оставить их со мной.

– Нет, – сказала я, слепо качая головой. – Только не это. Не развод.

– Я тебе заплачу. Сколько ты хочешь? Скажи мне, сколько ты хочешь, и я заплачу любые деньги.

– Мне не нужны деньги! – Глаза мои щипало от слез. Голос охрип от боли. – Они мне не нужны!

– Подумать только! – сказал он с тем нарочитым лондонским акцентом, который я всегда ненавидела. – Только подумать! Ты что, всерьез стараешься убедить меня, что не продаешься? Как меняются времена!

– Я никогда не продавалась! Никогда!

Он засмеялся. Я набросилась на него. Я была ослеплена гневом и ненавистью. Я попыталась ударить его, но он просто перехватил мои руки и отшвырнул меня так, что я поскользнулась и упала на шезлонг.

– Ты никогда не продавалась? – сказал он, глядя на меня сверху вниз. – Ну-ну. Надо же так обманываться. – Голос его изменился. – А разве старый Джон-Хенри Рослин не купил тебя, когда предложил тебе деньги и крышу над головой в обмен на твою благосклонность? Ах нет, я и забыл! Он ведь женился на тебе! Поэтому вся эта история стала респектабельной и тебе даже не пришлось объяснять самой себе, почему ты бросила бар и отправилась жить с человеком, которого не любила. Полагаю, зная твой дар

самообмана, что ты даже смогла убедить себя, что любишь его! А что было до старого Рослина? С ним ли ты впервые легла в постель за деньги и за крышу над головой? Ты всегда говорила мне, что была девственницей до брака с Рослином, но ведь ты ею не была, не так ли, моя дорогая? До него были другие мужчины! Женщина с твоим лицом и фигурой не может оставаться девственной до двадцати семи лет. Нет, я уверен, были и другие мужчины, которые платили тебе за услуги, а с Рослином тебе просто повезло – он случайно оказался порядочным человеком и предложил тебе стать его женой. А потом… что ж, за тебя говорят твои поступки. Что ты сделала, когда Рослин умер и оставил тебя без денег, чтобы достать их? Нет, не пытайся убедить меня, что ты легла в постель с моим отцом только из романтических чувств! Он содержал тебя, а ты спала с ним, чтобы продолжать жить в своем доме! А что ты сделала, когда он так некстати умер? Мне стоило всего лишь положить на стол пять соверенов, и ты сразу же пригласила меня наверх в свою комнату. Ты продалась мне за пять фунтов, моя дорогая, и не пытайся убедить себя, что ты сделала это по любви! Но тогда боги благоволили к тебе, не так ли, потому что я был столь по-детски одержим твоим очень красивым, очень желанным телом, что здравый смысл покинул меня, и я решил, что не успокоюсь, пока не представлю тебя миру как свою жену. Вот повезло-то тебе! Как невероятно повезло! Вот богатый молодой человек, который просит твоей руки! Конечно, он довольно молод и, безусловно, некрасив, но, сделав небольшое усилие, можно поверить в свою любовь к нему. Это же так просто, не правда ли? Несколько ночей там, несколько ночей тут, и – гляди-ка! Ты – леди, живешь в особняке и общаешься с аристократией! Кому теперь дело до того, как ты туда попала, незачем об этом думать, все забыто. Ты теперь леди или, во всяком случае, себя ею считаешь. Но понимаешь ли, в том-то и трагедия, моя дорогая, – ты никогда не была леди и никогда не могла ею стать. Ты проститутка. Всегда ею была и всегда ею будешь. Некоторых женщин изменить невозможно.

Он замолчал. Наступила долгая пауза. Я подумала: мне нужно идти. Я должна уйти отсюда. Я не могу здесь оставаться. Но двигаться было до странности трудно. В конце концов мне удалось встать. Я не могла смотреть на него, но знала, что он по-прежнему за мной наблюдает. Я просто физически почувствовала его ненависть ко мне и не испытывала больше ничего, кроме ужасного страха и желания убежать из комнаты.

Я добрела до двери и подергала за ручку. Дверь была заперта. Я развернулась.

– Выпусти меня! – закричала я. – Выпусти меня отсюда! Выпусти! –

Потребность вырваться из этого замкнутого пространства была необоримой. Повернувшись, чтобы опять подергать дверную ручку, я вдруг инстинктивно, как это бывает у женщин, поняла, что вот-вот должно случиться что-то еще более ужасное, чем предыдущая сцена. – Выпусти меня!

Я услышала, как он небрежно протянул:

– Выпустить? Конечно, если сначала отпустишь меня, дав развод.

Я развернулась, чтобы взглянуть ему в лицо, и с ужасом обнаружила, что он стоит прямо передо мной. Нервы мои сдали. Я потеряла контроль.

– Ты никогда не заставишь меня согласиться на развод! – закричала я с грубым корнуолльским акцентом. – Мы с тобой – муж и жена и навсегда останемся ими! Тебе никогда этого не изменить… ты никогда не заставишь меня сделать то, чего я не желаю делать!

Последовало секундное молчание. Я ощутила пустоту комнаты, а потом всепоглощающую вспышку первобытного, дикого чувства.

– Нет? – спросил он очень вежливо. – Посмотрим. – Тут вежливое выражение слетело с его лица, как маска, и я увидела, что он жаждет мести.

Я отступила назад.

– Не трогай меня.

– Почему нет? – Он сделал шаг вперед. – Ты ведь моя жена. Разве не это ты только что пыталась мне внушить? Ты моя жена, а я твой муж.

– Не прикасайся ко мне!

– Не так должна отвечать послушная жена!

– Если ты посмеешь тронуть меня хоть пальцем…

– Я трону тебя всеми пальцами, сука, чтобы доказать тебе, какая ты лицемерка!

– Прочь… Я тебя ненавижу!

– Я тоже тебя ненавижу, черт тебя побери, – процедил он сквозь зубы и изо всех сил прижал меня к стене.

Я кричала и кричала, но дверь была заперта, окна закрыты, а стены очень толсты. Никто меня не услышал. Никто не пришел. А когда он наконец меня отпустил и мы с ненавистью смогли посмотреть друг на друга, над нами сомкнулась тишина и заволокла память о нашей любви.

Как только я смогла двигаться, я снова попросила ключ, и он молча дал мне его.

Я ушла от него. Я ушла из комнаты. Я ушла из Пенмаррика и аристократического общества, от роскоши и величия, которые можно купить за деньги.

Всхлипывая, я брела по коридору гостиницы и думала – не о будущем,

не о Филипе, даже не о чудовищном унижении, которое только что испытала, а о Марке, моем муже, о человеке, которого я когда-то любила так, как и не представляла, что можно любить. Я думала в оцепенении: «Я любила его, любила, о Боже, скажи мне, что я когда-то его любила!» Но Бог молчал, Бог не говорил, и все, что мне оставалось, была правда, слишком ужасная, чтобы взглянуть ей в лицо, и горький голос Марка, вежливо произносящий: «Ты проститутка. Ты всегда ею была и всегда ею будешь. Некоторых женщин изменить невозможно».

III
Адриан
1904–1914
Добро и зло

Он отличался от законных сводных братьев своей постоянной привязанностью к отцу и верностью ему… История его жизни по большей части представляет собой цепь скандалов со сводными братьями.

Джеффри Йоркский.

Британская энциклопедия

Джеффри, сын Генриха, хотя и слыл скандалистом и легко приходил в ярость, всегда был верен отцу и заслужил похвалу отца, который (говорил): «Ты один заслужил название моего законного и настоящего сына, остальные мои сыновья воистину ублюдки».

А. Л. Пул.

Оксфордская история Англии:

От «Книги Судного дня» Вильгельма Завоевателя до Великой хартии вольностей

То, что Генрих был искренне влюблен в (Розамунду Клиффорд), подтверждалось тем, что он делал для нее и ее двух сыновей… второй, Джеффри, по всей видимости, был в большом фаворе у короля.

Томас Костейн.

Семья завоевателей

Глава 1

Джеральдиус упоминает, что король, который обыкновенно изменял жене втайне, начал открыто с Розамундой Клиффорд.

А. Л. Пул.

Оксфордская история Англии:

От «Книги Судного дня» Вильгельма Завоевателя до Великой хартии вольностей

Как это обычно бывает с королевскими любовницами, она не требовала многого и не претендовала на то, чтобы оказывать влияние на политику. Некоторые дамы высокого происхождения и безупречных моральных принципов даже любили ее.

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

1

Я невзлюбил своего сводного брата Филипа Касталлака с той секунды, когда увидел его. В то время мне было восемь, почти девять; день рождения у меня восемнадцатого декабря, я ровно на шесть месяцев моложе Филипа, который родился восемнадцатого июня. Первый раз я увидел его в Брайтоне.

После этого я невзлюбил Брайтон.

Даже став намного старше, я ни разу не приехал на этот элегантный и популярный морской курорт. Даже сейчас, когда я слышу слово «Брайтон», мне вспоминаются не террасы времен регентства, не покрытый галькой пляж, не спокойное море, а Филип, с его крепко сжатым, враждебным ртом и ледяными глазами, и, потом, много позже, как отец зажигает сигару и произносит, так осторожно выбирая слова, таким тщательно небрежным

тоном:

– Боюсь, мне надо сказать кое о чем, что должно было быть сказано очень давно.

Тогда я впервые понял, что хорошие люди могут совершать дурные поступки. По крайней мере, в детстве я именно так это формулировал.

– Но, папа, – сказал я, – если вы с мамой хорошие, разве вы можете сделать что-нибудь дурное?

– В этом мире нет ничего просто черного и просто белого, Адриан, – вот и все, что он мог сказать в ответ. – Нельзя делить людей на две категории и аккуратно приклеивать к ним ярлычки «хороший» или «злой». Когда ты станешь старше, ты поймешь. Жизнь не такова.

Но я был мал и не понимал. Его слова смутили меня, заставили почувствовать себя неуверенно. Мне нравилось приклеивать ярлыки ко всему. Мне нравилось понимать, где что. У меня была страсть отбирать предметы, людей, сцены – все что угодно – и аккуратно классифицировать их в своей маленькой головке так, чтобы жизнь укладывалась в разумный, комфортный, логический порядок.

– Все на земле – это часть порядка, – говорила нам мама, когда мы были еще очень маленькими. – У всего есть свое значение, цель и место в порядке существования, только не всегда возможно понять этот порядок. Лишь Господь понимает порядок, потому что Он его придумал. Это как волшебная головоломка. Мы не можем понимать всего. Некоторые вещи находятся за пределами человеческого понимания, но, если мы доверяем Господу и верим в Него, с нами ничего плохого не случится. Надо верить в нашу часть порядка, в ту часть, которую Он дал нам разыграть, а если это нам не нравится, всегда надо понимать, что Он лучше нас знает, что к чему, и что все на свете – часть порядка столь совершенного, что ни один смертный не мог бы его придумать.

Мысль, что жизнь похожа на головоломку, привела меня в восторг. Мне нравилось перебирать неровные кусочки и составлять их вместе. В первые восемь лет моей жизни предположение, что мне попадется кусочек, который я не смогу никуда вставить, показалось бы мне глупым и в то же время пугающим, – я имею в виду, если бы такое предположение пришло мне в голову, но оно, конечно же, не приходило. Я смотрел на мир с полным спокойствием. Все – часть порядка. Все складывается в картинку. Мир был знакомым, почти уютным, потому что был теплым, дружелюбным и безопасным.

А потом, просто ниоткуда, появился Брайтон.

Мое короткое прошлое не подготовило меня к этому. Я родился в

Труро, приятном корнуолльском городке с собором, но не считал себя корнуолльцем, потому что мы переехали в Англию, когда мне было два года. Мои самые ранние воспоминания относятся не к Корнуоллу, а к нашему дому в Лондоне, в Сент-Джонс-Вуде. Дом был небольшой, у мамы не было прислуги, кроме садовника и двух женщин, которые приходили каждый день: одна – убирать, а другая – готовить. Позже Касталлаки говорили с крайним удивлением:

– Но кто же тебя воспитывал?

И я, не зная, что они в точности имеют в виду, огрызался:

– Конечно же мама! Разве мамы не для этого?

– Но у тебя же была няня, – говорили они, – когда ты был маленьким. У тебя должна была быть няня.

– Мама заботилась о нас с самого начала, – говорил я, опасаясь, что няня – это что-то такое, что должно быть у каждого приличного человека, но Уильям непринужденно отвечал, так, словно это было вполне естественно:

– Она сама так хотела, понимаете. Она сама. Она хотела обходиться без няни.

Она на самом деле не хотела иметь слуг, которые бы жили в доме; этого отрицать нельзя. Поначалу я смутно догадывался, что мы, должно быть, бедны, и даже спросил ее однажды, не хочет ли она, чтобы я пошел чистить каминные трубы, чтобы заработать немного денег, но она только засмеялась и воскликнула: «Ах, милый Адриан, совсем как малыш Том из „Речных детей“!» – и постепенно я понял, что мы никогда не будем бедны, потому что папа очень богат. Мама предпочитала жить просто. У нее мог бы быть больший дом и больше прислуги, но она предпочла жить на тихой, обсаженной деревьями улочке на севере Лондона в мирном, полном солнца домике. Она говорила, что так спокойней и намного экономней.

И так было уединенней. Когда к нам приезжал папа, она просто просила прислугу не приходить несколько дней.

– Будет веселее, если мы будем одни, – говорила она, – и потом, мне так не нравится думать, что слуги за нами постоянно наблюдают. Время от времени мне нравится уединение.

Это значило, что хлопот у нее прибавлялось, но она об этом не сожалела. Ей приходилось самой готовить и убирать, хотя мы с Уильямом и помогали ей ходить за покупками. Уильям выполнял много ее поручений. Он был на четыре с половиной года старше меня, поэтому ему разрешалось одному выходить на улицу, мама знала, что он не попадет под кеб и не заблудится в пугающей паутине лондонских улиц.

Папа редко приезжал к нам, по крайней мере – когда я был совсем маленьким, поэтому каждый раз, когда он появлялся, это был большой праздник. Мама немедленно прекращала всякую общественную жизнь, забрасывала даже благотворительность; викарию очень не нравилось, когда она отказывалась в последнюю минуту, но ему просто приходилось терпеть. Когда приезжал папа, все откладывалось в сторону. Дом чистили сверху донизу, чулан заполнялся самой вкусной едой, какую можно было купить в магазинах. Мама переезжала из комнаты, где она обычно спала, когда была одна, в главную спальню с двойной кроватью, толстым ковром и акварелями на стенах. Вазы наполнялись цветами, серебро чистилось, Уильяма и меня одевали в лучшую одежду, а мама доставала из пыльных чехлов в шкафу свои лучшие наряды.

Мне становилось плохо от перевозбуждения. Каждый раз, услышав цокот копыт на улице, я мчался к окну, выходившему на улицу, и вставал на цыпочки, чтобы увидеть, не остановился ли экипаж. Уильям, спокойствие которого меня злило, притворялся, что читает утреннюю газету, и время от времени кусал ногти. Мама бродила из комнаты в комнату, глаза ее блестели, на щеках горели пятна, руки сжимались, словно она не могла выдержать более ни секунды ожидания.

Наконец, после того как проходила, казалось, вечность, к воротам подъезжал двухколесный экипаж, и папа, сам неся багаж, шел по садовой дорожке к передней двери.

Мама говорила, что папа очень похож на иностранца. Он не был похож на англичанина.

– Что не удивительно, – говорил папа, – потому что я родился и вырос в Корнуолле.

Он был смуглым, волосы его были черны как вороново крыло, кожа была очень бледной, а темные глаза притягивали к себе. Мы не сводили с него глаз, когда он говорил, хотя сложно было сказать, происходило ли это оттого, что мы, не стыдясь, его идолизировали, то ли оттого, что он обладал какими-то гипнотическими качествами. Он был всего на дюйм или два выше мамы и несколько плотноват. «Хорошо сложен, – говорила мама. – Какая у него прекрасная фигура!» Она, конечно, никогда не забывала ни о ком из нас во время его визитов, но папа, без сомнения, был главным. Нашей обязанностью было не приставать к нему, а просто помогать ей сделать его пребывание у нас настолько прекрасным, насколько возможно.

Я говорил с ним об истории. Папа был историком, «замечательный ученый», по словам мамы, и был так занят исследованиями в Оксфорде и у себя в усадьбе в Корнуолле, что у него не было времени оставаться у нас

долго.

«Он так занят, что мы должны считать за счастье, что мы вообще его видим». Она часто говорила это, когда он уезжал. Цветы в вазах увядали, и она тоже немного сникала, становилась тише, время от времени вздыхала, убирала красивые наряды и опять доставала поношенные платья, которые обычно надевала. Прислуга возвращалась; жизнь продолжалась; все шло по-старому.

Она ему, конечно же, писала. Мне было пять, когда я научился читать имя на конверте и понял, что у папы фамилия не такая, как у нас. Я спросил Уильяма:

– Почему фамилия папы не Парриш?

– Потому что у него другая фамилия, – спокойно ответил он.

– Тогда почему наша фамилия не Касталлак?

– Потому что у нас другая фамилия.

– Почему?

– Ах, Адриан, ну почему ты только и делаешь, что спрашиваешь: почему это, почему то? Ты самый противный приставала, какого я знаю. Наша фамилия не Касталлак, потому что мама так хотела. Она мне давно рассказала. Она обещала своему папе, что всегда будет носить это имя, Парриш, и что ее детей тоже будут звать Парриш. У него не было сыновей, и его последним желанием было, чтобы имя Парриш не исчезло.

– Понимаю, – сказал я, удовлетворенный, вспомнив бесконечные сказки, где тоже бывали последние желания, и представив себе дедушку Парриша на королевском смертном ложе и его красивую дочь, с разбитым сердцем стоящую на коленях у его одра. В сказке она была прекрасной принцессой, а после смерти короля злая мачеха заперла ее в башне, где она и оставалась до тех пор, пока прекрасный принц не освободил ее.

Трудно сказать, что мне нравилось больше: сказки, легенды или исторические мифы.

– Когда я вырасту, – сказал я однажды папе, – я отправлюсь в Крестовый поход, как Ричард Львиное Сердце, буду носить на груди белый крест и спасать дам, попавших в беду…

– Это был святой Георгий, – важно сказал Уильям, – и кроме того, сейчас уже не бывает Крестовых походов.

– А я его организую, – твердо сказал я. – Я пойду в мир и буду драться со злом.

– Драки – вот зло, – сказал папа.

Но он улыбался мне и держал мою руку, и вдруг я почувствовал такое счастье просто оттого, что иду с ним за руку по улице, и мне было не

важно, что я не понимал его слов. Мое сердце почти разрывалось от любви к нему, потому что он был такой хороший, мудрый и добрый.

– А почему папа не живет с нами всегда? – с тоской спросил я у мамы. – Почему он не бросит дела и не приедет жить к нам в Сент-Джонс-Вуд?

– Он живет с нами, когда может, – разумно отвечала мама, – но у него много забот в его поместье в Корнуолле и, конечно же, работа в Оксфорде. Нельзя требовать от него, чтобы он приезжал чаще.

– Боже всемилостивый, – молился я, когда викарий добирался до самой скучной части службы, а я смотрел, как солнце льется сквозь решетчатые окна церкви, – пожалуйста, сделай так, чтобы папа приезжал к нам почаще. Пожалуйста, сделай так, чтобы он стал жить с нами. Я всегда буду хорошим. Аминь.

Я не понимал, почему мне может быть отказано в такой естественной и разумной просьбе, и нисколько не был удивлен, когда она быстро исполнилась. Папа решил проводить большую часть времени в Оксфордшире, чтобы производить исторические исследования и писать недалеко от библиотеки, и купил старый особняк в деревне Алленгейт в десяти милях от Оксфорда, и мы все уехали из Сент-Джонс-Вуда, чтобы жить там с ним. Ему все еще приходилось уезжать в свое отдаленное поместье в Корнуолле, которое в прошлом отнимало у него столько времени, на Рождество и на Пасху, но он обещал жить с нами весь год, кроме этих двух праздников и еще одной-двух недель летом.

Поначалу такая перспектива казалась слишком замечательной, чтобы она могла осуществиться. В течение нескольких часов я нервничал, думая, что неизвестный особняк в Алленгейте может оказаться ужасным местом, но мне не следовало волноваться. Особняк был самым прекрасным домом, какой мне приходилось видеть, и показался таким огромным после нашего домика в Сент-Джонс-Вуде, что мы едва поверили своим глазам, когда увидели его. Там были многие акры земли, лужайки, клумбы, огород, сад и даже заброшенный розарий. Позади лужаек среди высоких берез бурлил ручей, который с помощью дамбы образовывал небольшой пруд. Неподалеку от дома находились конюшни, а рядом с конюшнями была еще одна постройка, где стояли коляска и карета. Нам пришлось привыкнуть к присутствию конюхов, садовников, дворецкого, горничных, судомойки и повара.

– Папа, должно быть, очень богат, – удивленный, сказал Уильям маме. – Как он может позволить себе все это?

– Милый, папа – джентльмен с изрядными средствами и привык так

жить. Таким джентльменам не приходиться думать о деньгах. А теперь нам придется приспособиться к его стилю жизни как можно более безболезненно, потому что он так легко приспосабливался к нашему в Сент-Джонс-Вуде.

Уильям медленно произнес:

– Значит, папа намного знатнее нас.

– Да, дорогой, намного. Как ты знаешь, мой папа был всего лишь сельским врачом, и у нас с ним был очень скромный дом в Девоне, а из слуг были только садовник и кухарка. А твой папа привык к большим домам, великолепной обстановке и к неисчислимому количеству слуг. Он аристократ, хотя у него нет титула, а я всего лишь из среднего класса. Но это не имеет значения. Тебе нисколько не следует стыдиться того, что до сих пор тебя воспитывали в традициях среднего класса. В этом нет ничего постыдного. Средний класс – это опора Англии, и папа гордится тем, что я из среднего класса. Ведь не всем же рождаться в богатых семьях! Самое главное не в том, чтобы вы были аристократами, а в том, чтобы вы стали джентльменами. Джентльмен может отправиться куда угодно и быть принят в любом обществе.

Мы быстро привыкли к Алленгейту, и вскоре я понял, что он нравится мне больше, чем Сент-Джонс-Вуд. Единственное, что мне не нравилось в Алленгейте, так это притворяшки. Нам никогда не приходилось играть в эту игру в Сент-Джонс-Вуде, потому что мама никогда не приглашала гостей, когда у нас бывал папа, но в Алленгейте ей пришлось помогать ему давать ужины для друзей, и, когда друзья приходили и нас им представляли, нам приходилось притворяться, что мы не папины сыновья, что он наш опекун, а что наш настоящий папа умер много лет назад.

Я до сих пор помню, как папа говорил нам, что нам придется играть в притворяшки. Это было вечером перед переездом в Алленгейт, мы были с ним одни, потому что мама была на кухне.

– Понимаете, – сказал он странным голосом, – если люди узнают, что вы мои сыновья, но не носите мою фамилию, они плохо подумают о маме. Поэтому, чтобы защитить маму…

– Но почему люди плохо о ней подумают? – спросил я, запутавшись.

– Ты слишком мал, чтобы понять, – важно сказал Уильям и добавил, обращаясь к папе: – Я понимаю, почему мы должны притворяться ради мамы, но почему мы не можем просто сменить фамилию Парриш на Касталлак? Разве это не будет гораздо проще?

– Боюсь, – сказал папа, – что это невозможно, Уильям. Понимаешь…

– Конечно невозможно! – Я был скандализован. – Помнишь обещание,

которое мама дала дедушке Парришу, Уильям? – Я снова повернулся к папе. – Папа, и все же я не понимаю, почему люди станут плохо говорить о маме.

Папа попытался что-то сказать, но вместо этого отхлебнул бренди. Его сигара потухла. Когда он клал изжеванный окурок в пепельницу, я с удивлением увидел, что его пальцы дрожат.

– Адриан, ты еще такой ребенок! – в отчаянии сказал Уильям. – Я знаю, что с этим ничего не поделаешь, но это так. Люди могут подумать, что папа и мама не были женаты, если неправильно поймут ситуацию, это будет ужасно для мамы, поэтому…

– Я не понимаю. – Моя система классификации была нарушена. – Как можно подумать, что мама и папа не женаты? Разве у людей могут быть дети, если они не женаты?

– Нет, ну честное слово! – Уильям покраснел от смущения. Он посмотрел на папу из-под ресниц и заерзал на стуле. – Могут, и все. Брак – это просто благословение Церкви, а дети не имеют к этому никакого отношения, кроме того, что брак – это святое дело, а дети должны быть результатом святого дела. Поэтому никто не хочет иметь детей без брака, потому что тогда это не будет святым делом.

– Ты хочешь сказать, что дети после брака – это хорошо, – сказал я, снова начав классифицировать после неприятного замешательства. – А дети до брака или вне брака – это дело плохое и не святое. Понимаю. – Я опять повернулся к папе. – Ты хочешь сказать, что люди могут по ошибке решить, что мы плохие, что мы грешники, если мы не будем играть в притворяшки.

– Дети – невинные жертвы, – сказал папа, не глядя на нас. Он рвал сигару на кусочки. – Никто не подумает плохо о вас. Но они подумают, что мама плохая, что она грешница.

– Как жестоко! – сердито сказал я. – Мама – лучший человек на свете! В таком случае давайте играть в притворяшки, и тогда никому не придут в голову такие ужасные вещи.

Поэтому мы играли в притворяшки, но мне очень не нравилось, когда папа говорил: «Это мои подопечные – Уильям и Адриан Парриш», и, хотя она ни разу и словом нам не обмолвилась, я знал, что маме это тоже очень не нравилось. Гости всегда бывали очень добры, интересовались нами, обычно задавали один-два вопроса, но иногда обменивались взглядами, и я спрашивал себя, не разгадали ли они нашу игру. Все обычно очень пристально смотрели на Уильяма. Я знал почему. Уильям унаследовал папины необычные глаза, хотя в остальном очень напоминал маму.

Я не был похож ни на кого. Мои глаза были голубее, чем у мамы, и другой формы, чем у нее. Волосы у меня были светлыми, но темнее, чем у мамы, и не такие тонкие и шелковистые. Черты лица не были похожи на мамины, не был я похож и на папу – ни в чем, кроме одного. У меня были его руки. Квадратные ладони с сильными пальцами, а большие пальцы были характерно искривлены – странные руки, довольно уродливые.

Шло время, и наконец наступило лето 1904 года, когда мы с мамой поехали в Лондон, чтобы купить мне форму, обувь и другую одежду, необходимую, чтобы учиться в школе. Уильям уже два года ходил в подготовительную школу в Роттингдине рядом с Брайтоном и привык надолго уезжать из дома, но я, по мере того как приближалась осень, все более и более страшился отъезда и втайне надеялся остаться в Алленгейте и продолжать свои ежеутренние занятия с викарием.

Мама тоже нервничала, когда они с папой приехали провожать нас на станцию, и на секунду, в панике, я подумал, что ей так же не хочется, чтобы я уезжал, как и мне. Но потом она улыбнулась, и я решил, что она совсем не нервничает, а просто возбуждена и счастлива, что я стою на пороге нового приключения.

– Только подумай, как хорошо, что с тобой будет Уильям, – сказала она, – и как весело будет общаться с мальчиками твоего возраста после уроков один на один с викарием! Конечно, я очень, очень буду по тебе скучать, – тут она остановилась, чтобы поцеловать меня, – но я, как всегда, буду приезжать в школу во время каждых коротких каникул и буду отмечать дни, чтобы время шло быстрее.

Мысль о том, что я буду видеть ее на каждых каникулах, невероятно меня ободрила. Мне даже удалось произнести заинтересованным тоном:

– А когда будут короткие каникулы? Долго ждать?

– В начале ноября, – сказала мама, а папа сразу добавил:

– Мы с мамой оба приедем и проведем выходные в Брайтоне.

2

Брайтон.

Поначалу он мне понравился. После неуверенных первых дней, после нескольких ужасных первых ночей, какие бывают у любого новенького маленького мальчика, мне в школе понравилось, но, несмотря на это, мне все равно было приятно уехать из Роттингдина с мамой и папой на три дня в Брайтон.

– Брайтон – замечательный город, – сказал папа. – Там есть на что посмотреть.

Величественный, элегантный Брайтон с его великолепной эспланадой, домами времен Регентства, дворцом, словно явившимся из снов, рядами антикварных лавок, роскошными гостиницами с видом на море! Мы восхищались всем, от белых утесов, расположенных ближе к Роттингдину, до гладкой, зеленой возвышенности Саут-Даунс, поднимавшейся в направлении к лощине Овраг Дьявола. Красивый, большой Брайтон! Как нам повезло, думали мы, что мы учимся в школе рядом с таким ярким и неповторимым прибрежным городом!

Папа снял апартаменты в самой большой, самой великолепной гостинице, а вечером в субботу мы спустились в гостиничный ресторан поужинать.

Мы съели одно блюдо. Это был луковый суп, очень вкусный. Мы заказали следующее блюдо и ждали рыбу.

– Папа, – сказал я, – а Георг Четвертый был хорошим или плохим королем?

Он улыбнулся:

– Адриан, когда-нибудь ты поймешь, что в мире нет ничего просто белого или просто черного. Нельзя делить людей на…

Он остановился.

– Да, но, папа… – начал я и тоже замолчал.

Мама мертвенно побледнела. Они оба смотрели мне за спину. Я развернулся, очень напуганный, чтобы посмотреть, что их так ужасно шокировало, но там не было никого, кроме женщины и мальчика примерно моего возраста.

Потом я заметил, что женщина смотрит на папу и маму с таким же выражением ужаса на лице. Я увидел, как мальчик начал дергать ее за рукав и заговорил, а потом опять повернулся к нам. На долю секунды наши взгляды встретились. Его глаза были ледяными, враждебными и блестели от чувства, которое можно было определить либо как злость, или страх, или просто негодование. У него были светлые волосы, светлее даже, чем у мамы, он был крепко сбит, что сразу напомнило мне школьного задиру. Пока я смотрел на него, завороженный, женщина пошла прочь. Она была высокой, наверное немного старше мамы, и на ней было платье кричащих цветов, или, может быть, мне они показались кричащими, потому что мама любила одеваться в простые платья пастельных тонов. У нее были волосы цвета светлого золота, очень затейливо уложенные, и ледяные глаза, которые я уже заметил у мальчика.

Официант засуетился вокруг нее, как мошка, привлеченная ярким пламенем.

– Кто это? – спросил я слишком громко. – Кто она?

Никто не ответил на мой вопрос. Женщина повернулась и быстро вышла из комнаты, а мальчик побежал за ней, пытаясь схватить ее за рукав, словно тоже просил объяснений.

Папа встал.

Мы все сразу на него посмотрели. Но он нас даже не заметил. Он вышел из-за стола, словно под влиянием тех чар, о которых я так часто читал в любимых сказках. Голос у меня в голове заговорил: «И злая ведьма заколдовала прекрасного принца и заточила его в своем дворце на тысячу лет…»

– Марк, – сказала мама, – Марк.

К своему ужасу, я увидел, что она страшно расстроена. Я повернулся, уже очень напуганный, к Уильяму, но он был так же напуган, как и я.

– Папа! – Я вскочил и побежал за ним. – Папа, не уходи! Не оставляй нас!

Он остановился, посмотрел на меня сверху вниз. Потом посмотрел через плечо на маму.

Вернулся к нашему столу.

– Роза, – сказал он, – ты понимаешь. Мне нужно с ней поговорить. Мы уезжаем сегодня же.

Мама кивнула. Она словно не могла говорить.

– Я недолго. Оставайся с мальчиками здесь и постарайтесь доесть ужин.

Она снова кивнула и взяла рыбный нож, словно рыба уже перед ней стояла.

– Да, Марк. Конечно.

Он ушел. Мы остались одни. Мама старалась не плакать. Страх мешался у меня со злостью, и я думал: он сделал ее несчастной. Он не должен был так делать.

Официант принес рыбу. Секунду мы на нее смотрели.

– Пожалуйста, ешьте, – сказала мама тем быстрым голосом, каким она обычно говорила при расставании на станциях. – Пожалуйста, мои дорогие. А то остынет.

Я посмотрел на Уильяма. Он оттолкнул тарелку, поэтому я оттолкнул свою.

– Мама, – сказал Уильям, – пожалуйста, скажи нам. Кто…

– Уильям, мне очень жаль, но я не могу. Я знаю, это глупо, но я просто

не могу об этом говорить. Спроси у папы.

Я спросил тихим дрожащим голосом:

– Это плохо?

– Да, – сказала мама, – но не надо бояться. Совсем не надо бояться. Папа все объяснит, когда вернется.

После этого мы замолчали. Мы просто сидели и ждали папу. Когда официант подошел, чтобы забрать наши тарелки, мама, с нашего согласия, отменила остальной заказ.

– Потом можно будет заказать еду в номер, – сказала она, – если мы проголодаемся.

Мы все ждали папу. Мы ждали его долго.

– Давайте пойдем посидим в гостиной, – сказал я, неловко ерзая на стуле с высокой спинкой.

– Нет, – сказала мама, – папа велел сидеть здесь, и мы будем сидеть здесь, пока он не вернется.

Мы все ждали.

Наконец Уильям неожиданно сказал:

– Вот он.

Я развернулся. Он медленно, не спеша шел по направлению к нам, и я заметил, когда он взглянул в нашу сторону, что он смотрит не на маму, а на нас. Лицо его было очень бледным, а на щеке были две красные царапины, словно он сильно поцарапал себя ногтями.

– Ну, – сказал он, – все устроилось. – Потом сказал маме, не глядя на нее: – Извини, Роза. Мне очень жаль.

Мама не сказала ни слова.

– Все хорошо, – сказал он, взяв ее за руку, но по-прежнему не глядя на нее. – Все кончено, Роза. Я с этим покончил. Раз и навсегда. Больше никаких неизгнанных духов. Никаких рождественских и пасхальных праздников в Корнуолле. Больше не буду жить на два дома.

– Марк…

– Я покончил с этим, Роза. Все кончено.

– Марк, пожалуйста…

– Понимаешь, я с этим покончил. Раз и навсегда.

– Пожалуйста, – прошептала мама, – пожалуйста, посмотри на меня.

Но он не мог. Он отодвинул стул, сел, но только и смог произнести:

– Все кончено. Я с этим покончил.

Мама очень медленно поднялась.

– Не уходи, Роза!

– Я подожду в гостиной. – Голос ее был слабым. – Пожалуйста,

объясни мальчикам.

– Роза…

– Со мной все в порядке, – сказала она. – Ничего страшного. Я не хочу присутствовать при том, как ты будешь говорить мальчикам.

– Роза, моя дорогая Роза… – Он неловко поднялся и первый раз на нее посмотрел. Я не видел выражения его лица. – Это было так ужасно, – пробормотал он, мне было плохо слышно. – Так ужасно. Я не могу объяснить…

– Я понимаю.

– Ты не можешь понять. Это слишком грязно для твоего понимания.

– Все равно. Ничто не имеет значения, если ты…

– Да. Больше всего на свете.

Они посмотрели друг на друга. Мы смотрели на них, но они нас не видели. Мама плакала.

– Тогда все в порядке, – сказала она, отворачиваясь, чтобы мы не видели ее слез, – правда?

– Позволь мне пойти с тобой в гостиную.

– Нет… пожалуйста, Марк. Мальчики…

– Да, – сказал он. – Да, конечно. Мальчики.

– Я подожду тебя в гостиной.

– Очень хорошо.

Мы проследили взглядом, как она вышла из ресторана и скрылась из виду. Наконец папа сел напротив нас, жестом подозвал официанта и заказал стакан бренди. Мы молча смотрели, как он достает сигару, зажигает ее. Потом он медленно произнес:

– Боюсь, мне придется сказать вам кое-что, что надо было сказать очень давно.

Мы ждали, безотрывно глядя на него. Вскоре официант принес ему стакан бренди, и папа выпил половину содержимого почти в ту же секунду, как взял стакан в руку.

После долгого молчания он сказал:

– Должно быть, вам хочется знать, кто эта женщина и кто этот мальчик.

Мы по-прежнему молчали.

– Наверное, они твои знакомые, – наконец неловко произнес Уильям.

– Да, – сказал папа. – Да.

Он стал играть с сигарой и сказал без выражения:

– Этот мальчик – мой сын.

Мы уставились на него.

– Ты хочешь сказать, он наш брат? – спросил я, и мое сердце быстро забилось.

– Ваш сводный брат. А женщина, что была с ним, – его мать.

– Ты хочешь сказать… – Я запутался. Я почувствовал, что моя система классификации начала разваливаться. – Но ведь это противозаконно, – произнес я наконец, – быть женатым на двух женщинах сразу?

– У меня только одна жена.

– У той дамы появился ребенок, хотя она не была за тобой замужем?

– Она моя жена, – сказал папа. – Ваша мама мне не жена.

Мы посмотрели на него, ничего не понимая. Он отхлебнул еще бренди и принялся рвать сигару.

– Извините, – сказал папа больше для Уильяма, чем для меня. – Мне следовало давно сказать вам, но мы были счастливы, и случай все как-то не подворачивался.

Уильям ничего не сказал.

– Но как же тогда вы с мамой могли решиться, чтобы у вас появились мы с Уильямом? – сказал я. – Вы же знали, что это плохо.

– Да, – сказал он. – Это было плохо.

– Но, папа, если вы с мамой хорошие, как вы могли сделать что-нибудь плохое?

– Нет ничего только белого или только черного в этом мире, Адриан. Нельзя делить людей на две категории и вешать ярлычки «хороший» и «плохой». Когда ты станешь старше, ты поймешь. Жизнь не такова.

Уильям сказал таким ледяным тоном, что я едва узнал его голос:

– Почему ты не женился на маме? Почему ты женился на той женщине?

– Потому что мне казалось, что я люблю ту женщину. Я не понимал, насколько сильно люблю вашу маму.

– А сейчас ты ее любишь?

– Очень.

– Почему тогда ты немедленно не разведешься с женой и не женишься на маме?

– У меня нет оснований для развода, – произнес папа ровным голосом. – Я бы женился на маме, если бы мог, но я не могу.

Водя пальцем по рисунку на скатерти, чтобы получше сосредоточиться, я сказал осторожно:

– Получается, что ты как будто женат на маме. И мы как любая другая семья.

– Да. На самом деле мы больше семья, чем многие семьи, которые мне

известны.

– Ну, – сказал Уильям громким, резким, неприятным голосом, совсем ему несвойственным, – в таком случае, я не понимаю, зачем люди вообще женятся. Если можно счастливо жить и без Божьего благословения и все же быть как любая другая семья, зачем тогда вообще существует брак? Если женишься неудачно и ничего хорошего не выйдет, то может случиться, что множество людей будут несчастливы, а ты не сможешь жениться на той, на ком надо было. А вот если не женишься ни на ком, тогда не будет несчастливых. Я никогда, никогда не женюсь, никогда в жизни. – И он резко оттолкнул от себя стул и выбежал из комнаты.

Я смотрел, как он убегает, а потом повернулся к папе. Он казался потрясенным и постаревшим. Под глазами залегли темные круги, а вокруг рта – глубокие морщины.

– Ничего страшного, папа, – сказал я, пожалев его за то, что он выглядел таким уставшим. – Можно играть в притворяшки немного по-другому, вот и все. Мы будем притворяться для себя, что вы с мамой женаты.

Он молча покачал головой.

– Папа, значит, неправда, что дедушка Парриш хотел, чтобы мама сохранила его имя?

– Нет, эту историю мама придумала, по глупости или еще почему, чтобы не ранить вас, когда вы были маленькими. Очень жаль, что она… я… не сказали вам правду с самого начала.

Я опять начал водить пальцем по скатерти.

– А Бог думает, что я нечестив и греховен?

– Нет, конечно нет.

– Но вы с мамой – да.

– Мы любим друг друга. Господь поймет и простит нас.

– Ты уверен?

– Конечно!

– Но она поступила плохо.

– Все поступают плохо, – сказал папа. – Только святые всегда ведут себя хорошо, а я люблю маму не за то, что она святая. Я люблю ее за то, что она человек.

– Значит, хорошо, если люди живут, как будто они женаты, когда они на самом деле не женаты.

– Нет, этого я не сказал. – Как всегда, он был со мной бесконечно терпелив. – Я говорю о другом: когда два человека любят друг друга так сильно, как любим мы с мамой, но не могут пожениться, даже если и

хотели бы, тогда Господь, будучи милостив, простит им их грехи. Но когда у двоих простой роман, то есть когда они встречаются, ведут себя так, как будто они женаты несколько часов, дней, месяцев, но не собираются жениться, такие отношения – плохие, и Господь их так легко не простит. Господь может простить любовь, но не вожделение.

– А как различить, когда любовь, а когда вожделение?

– Адриан, – сказал папа, – если бы на этот вопрос существовал простой ответ, тогда не было бы такого количества несчастных мужей и жен… Но в восемь лет ты не можешь этого понять. Пойдем, пора идти в гостиную к маме и разыскать Уильяма.

Мама была одна. Папа оставил меня с ней, а сам пошел выяснять, куда подевался Уильям.

– Бедная мама, – сказал я, обнимая ее. – Не будь такой печальной! Мне совершенно все равно! Для меня все это не играет роли, раз Господь не будет на нас сердиться за то, что мы плохие. Но ведь папа говорит, что мы все равно хорошие. – Мне в голову пришла замечательная мысль. – Пойдем наверх, в нашу гостиную, – предложил я, пытаясь ее подбодрить, – и я почитаю тебе вслух из книжки, которую взял в школьной библиотеке.

– Нет, дорогой, администратор переводит нас в другой номер. Папе не понравился наш номер, поэтому администратор сказал, что мы можем взять другой номер.

– А-а-а, понимаю. – Я заерзал. – Эта дама с мальчиком тоже здесь?

– Нет, они переехали в другую гостиницу. Папа тоже хотел уехать, но, когда узнал, что она уезжает, он просто решил переехать в другой номер. Поэтому нам придется подождать, пока носильщики перенесут наши вещи и все будет готово.

Мы немного подождали, мама смотрела в журнал, а я сидел рядом с ней, чтобы можно было разглядывать картинки.

– Ты ведь уже не грустишь, правда, мама?

– Нет, Адриан. Уже нет.

Наконец папа вернулся один и подошел к нам.

– Уильям пошел спать, – сказал он. – Мы долго говорили. – Он посмотрел на меня. – Тебе тоже пора в постель. Уже очень поздно.

Неожиданно я почувствовал пустоту.

– Я хочу есть, – сказал я в удивлении. – Очень хочу.

Мама чуть улыбнулась. Я с облегчением увидел ее улыбку.

– Мне кажется, я тоже хочу есть! Может быть, заказать еду наверх, Марк?

– Какая замечательная мысль, – сказал он. – Немедленно закажу.

Он взял ее за руку, протянул другую мне; мы все вместе вышли из гостиной и начали путешествие вверх по лестнице, к уединению нашего нового номера.

Вечер закончился. Но ничто уже не было по-прежнему.

3

На следующее утро я спросил Уильяма:

– Тебе это не нравится?

– Нет, – сказал он. – Но я не подам и виду. Я буду жить так, словно мне все по фигу.

Я был шокирован таким словом, хотя после шести месяцев в школе мои уши привыкли к такого рода словам.

– Вот как? – спросил я, не понимая, почему он говорит так вызывающе.

– Да. Потому что им тоже все по фигу. Им не важно, что они не женаты, им не важно, что скажут люди. Они говорят, что хотели бы пожениться, еще бы, им приходится так говорить, но они не могут пожениться, поэтому им безразлично. А почему им безразлично? Потому что они знают, что они все равно что муж и жена. Поэтому я буду все равно что законный сын, буду думать о себе как о законном сыне, но если кто-нибудь назовет меня ублюдком, я не буду выбивать ему зубы, потому что это будет означать, что мне не безразлично, поэтому я просто засмеюсь и скажу: «Какого черта!» – и тогда никто никогда, никогда не сможет меня оскорбить, потому что мне все равно.

Я слушал его завороженный. Я еще никогда не слышал, чтобы Уильям говорил о чем-либо с такой горячностью. После долгой паузы я спросил:

– А что такое «ублюдок»?

– Это я. И ты, – сказал Уильям. – Это ругательное слово, как «черт», «дерьмо» и «сука».

Я был поражен.

– Что ж, если кто-нибудь назовет меня так, – заявил я сразу, – я буду с ним драться. Я собью его с ног и буду бить до тех пор, пока он не извинится.

– Вот еще! Побереги силы!

– Но я должен! – воскликнул я, еще более пораженный. – Это дело принципа! Никто не сможет обзывать меня скверными словами, если я того не заслуживаю.

– Но ты же и есть ублюдок, глупый! Это правда!

– Неправда, – упрямо сказал я, цепляясь за свой порядок, свою аккуратную классификацию и безупречную систему подмен, – и никто не может обзывать меня ругательными словами.

– Тогда ты просто напрашиваешься на неприятности, – заметил Уильям. – Просто умоляешь, чтобы они случились.

Но я ему не поверил.

4

После этого мы стали все чаще и чаще слышать о Касталлаках. С ужасом узнали, что мальчик, которого мы видели в Брайтоне, не был единственным ребенком; у него были два брата и три сестры, а самым ужасным было то, что папа хотел привезти их всех жить с нами в Алленгейт.

– Как мило со стороны папы подумать, что нам хочется поиграть с другими детьми, – сказал я, когда мама сообщила нам об этих планах, – но, пожалуйста, скажи, чтобы он не волновался. Алленгейт хорош и так, просто для тебя, папы, меня и Уильяма. Нам больше никто не нужен, спасибо.

– Конечно нет! – подтвердил Уильям. – И мне кажется, он не должен был этого предлагать.

– Вам должно быть стыдно! – твердо сказала мама. – Подумайте о том, как вам повезло! У вас есть красивый дом, есть все, что вам нужно, и любящие родители. Вам следует подумать о тех, кому не так повезло. Эти дети росли в ужасном, одиноком доме, с родителями, которые были настолько несчастны, что им было не до детей, а теперь, когда их мама подает в суд, чтобы жить отдельно от папы, детям кажется, что жизнь к ним еще более несправедлива, чем раньше. Вы должны хотеть, чтобы они приехали в Алленгейт, хотя бы для того, чтобы показать им, что такое настоящий счастливый дом.

Я от стыда повесил голову, но Уильям заявил резко:

– Я знаю, папа сказал, что не может развестись с их матерью, но почему она не может с ним развестись? Если она подает в суд, чтобы жить отдельно от него, почему она не может подать в суд на развод? Какая разница между жизнью отдельно и разводом?

– Развод – это очень смелый шаг, – сказала мама, – и миссис Касталлак, видимо, не может на него решиться по религиозным,

моральным или общественным причинам. Жить раздельно – это значит, что она останется папиной женой, но только на бумаге. Ему нельзя будет относиться к ней как к жене, и он не будет ездить к ней, как раньше.

– Это похоже на развод, – заметил я, озадаченный.

– Это немного похоже. Но при раздельной жизни брак все еще существует, а при разводе брак перестает существовать, и обе стороны опять могут вступить в брак.

– Ей надо с ним развестись! – сердито сказал Уильям. – Какой смысл в раздельной жизни? Это несправедливо!

– Я знаю, что ее решение – правильное или неправильное – очень неприятно для нас всех, – согласилась мама без колебаний, – но мы должны помнить, что для папы это еще хуже, потому что ему неприятно, когда мы несчастливы. Поэтому мы не должны жаловаться. И еще у папы сейчас много других забот, поэтому мы не должны добавлять ему неприятностей. Например, я знаю, что он очень беспокоится о тех шестерых детях. Он и миссис Касталлак не могут прийти к соглашению, где им теперь жить, поэтому ему приходится часто ездить в Лондон с тех пор, как вы приехали домой на каникулы. Ему надо было проконсультироваться с судьей, потому что только судья может решить это дело.

– А судья решит в пользу папы?

– Мы еще не знаем, что он решит. Но я думаю, что вам нужно знать, что дети могут приехать сюда. Миссис Касталлак ведет себя не очень разумно, и судья может решить, что ей нельзя оставить даже девочек. Но что бы ни случилось с девочками, папа почти наверняка получит опекунство над мальчиками, поэтому…

– Надо всеми мальчиками? – спросил я. – Даже над тем, что был в Брайтоне?

– Филипом? Да, конечно. Он лишь ненамного старше тебя, поэтому я уверена, что вы с ним скоро подружитесь.

Я замолчал. Даже тогда я уже знал, что мы с Филипом никогда не станем друзьями.

В конце рождественских каникул Уильям заболел, и мне не разрешили ехать в школу, пока карантин не закончился. У него была дифтерия. Мама неотлучно была при нем, а папа, который от усталости тоже выглядел нездоровым, мотался между комнатой больного в Алленгейте и судами в Лондоне. Наконец мне разрешили вернуться в школу, а Уильям, которому к тому времени стало немного лучше, остался медленно выздоравливать дома. В марте мама повезла его на две недели в Швейцарию, чтобы он окончательно поправился. Я завидовал ему, потому что он развлекался в

Альпах, в то время как мне приходилось упорно учиться.

Когда я приехал домой на весенние каникулы, папа встречал меня на вокзале, а рядом с ним на платформе стоял худой, бледный Уильям, который недавно вернулся из Швейцарии.

– Уильям! – радостно кинулся к нему я. – Ты хорошо провел время? Спасибо за открытку! У тебя по-прежнему осложнение на сердце?

– У меня высокое давление, – важно сказал Уильям, – но в остальном я здоров, спасибо.

Папа обнял меня и погладил по голове:

– Ты хорошо доехал?

Я кивнул и осмотрел платформу.

– А где мама?

– Она ждет тебя дома, – сказал папа, – с детьми.

Я остановился как вкопанный. На секунду я встретился взглядом с глазами Уильяма, темными и внимательными. Он на момент состроил гримасу.

– Со всеми детьми, – сказал папа, подумав. – Я привез девочек и Хью неделю назад, а Маркус и Филип приехали из школы в Суррее позавчера. А теперь давай найдем твой багаж и поедем домой.

Как только мы остались одни, я прошипел Уильяму:

– Почему ты не написал мне об этом? Ты ни словом не обмолвился об этом в своих письмах!

– Меня мама просила, потому что не хотела, чтобы ты волновался так далеко от дома. А когда я болел, то все равно писать не мог…

– Какие они?

– Ну, Маркус вполне приличный парень, Хью довольно безобиден, девчонки – просто девчонки, а Филип – это просто кошмар. Самый противный тип, какого я знаю.

У меня волосы встали дыбом.

– Я так и знал, – сказал я. – Я так и знал. Я к нему даже не подойду.

– Придется. Ты будешь жить с ним в одной комнате.

– Что?!

– Спален на всех не хватает. Я живу в одной комнате с Маркусом, и папа сказал, что поскольку вы с Филипом одного возраста…

Я пошел от него прочь. Я прошагал по платформе, подошел к папе и объявил твердо, как только мог:

– Папа, я не хочу жить в одной комнате ни с кем, кроме Уильяма. Не можешь ли ты устроить так, чтобы…

– В карету, Адриан, – коротко сказал папа. – Семейные дела на

платформе не обсуждают.

В карете я опять попробовал гнуть свое.

– Папа, я не против жить в одной комнате с Уильямом, но я не хочу жить с…

– Ты сделаешь так, как тебе велят, – сказал он резким, твердым голосом, каким никогда прежде со мной не разговаривал, – и точка!

Я замолчал. Я смотрел на него, мои щеки горели, и я подумал в отчаянии: мы ему больше не нужны. Ему нужны другие дети. И когда карета покатила к Алленгейту, слезы неожиданно защипали мне глаза.

5

Нас вышла встречать мама, она обняла меня так же тепло, как и всегда. Она выглядела совсем как раньше и была так спокойна, что я обнимал ее немного дольше, чем раньше. Когда я наконец ее отпустил и повернулся к открытой двери, я увидел две пары голубых глаз, с любопытством меня разглядывающих.

– Дорогой Адриан, – сказала мама, – познакомься: это Хью, а это Жанна. Хью семь лет, а Жанне пять.

Я холодно на них посмотрел. Маленькая девочка повернулась и в смущении убежала в холл, а мальчик улыбнулся мне. У него была очень приятная улыбка, открытая и искренняя. Золотистые волосы и голубые глаза придавали ему очень невинный вид.

– Ну же, Адриан, – сказал папа. – Где же твои манеры?

Щеки мои опять запылали.

– Привет, – сказал я мальчику.

– Здравствуй, – вежливо ответил Хью и протянул руку.

Помедлив, я пожал ее и отвернулся.

– Как поживаешь, дорогая мама? – четко произнес я. – Спасибо за чудесные открытки из Швейцарии.

– Они тебе понравились? Там так красиво, в следующий раз тебе тоже надо будет поехать и увидеть все своими глазами. – Она взяла меня за руку и крепко ее сжала. – Пойдем, ты познакомишься с Маркусом и Марианой.

Маркус уже стоял в холле. Он был высокий, крепко сбитый, у него была ободряющая, дружелюбная улыбка.

– Привет, Адриан, – сказал он и тоже протянул мне руку. – Уильям много о тебе рассказывал. Так приятно наконец тебя увидеть.

Его глаза, светло-голубые, как и у Хью, были чисты, искренни и

спокойны. Но почему-то я не мог им доверять. На секунду я представил себе, что меня забрали от мамы и из Алленгейта и отправили жить среди чужих; мне пришло в голову, что я не испытывал бы никаких дружеских чувств к новым людям. Я подумал: они притворяются. Они ненавидят нас так же, как мы ненавидим их. На самом деле они не хотят с нами дружить.

Мы пошли в гостиную. На подоконнике в классической позе сидела самая красивая девочка, какую я когда-либо видел. У нее были темные, красиво уложенные волосы, розово-белая кожа и все те же светло-голубые глаза.

Я подумал: как странно, что у них у всех эти ужасные глаза, и неожиданно вспомнил Брайтон, женщину в платье кричащих цветов, ее ледяной взгляд.

– Привет, – сказала Мариана, расправляя складки своего изящного белого платья, и осмотрела меня с головы до ног, взмахнув длинными темными ресницами.

Я переминался с ноги на ногу, потрясенный ее женственностью, и обрадовался, когда Хью весело спросил:

– А ты видел на дороге автомобили, Уильям?

– Только один.

– Как здорово! Мариана, надо было поехать с ними на станцию, как папа предлагал, и мы бы тогда тоже увидели автомобиль!

– Мне не нравятся автомобили, – сообщила Мариана.

Мама сказала:

– Жанна! Не стесняйся, дорогая, пойди поздоровайся с Адрианом!

Но малышка, стоявшая за диваном, только спрятала лицо в мамины юбки и не посмотрела на меня.

– Позвони к чаю, пожалуйста, Роза, – попросил папа, входя в комнату. – Маркус, а где Филип?

Наступило неловкое молчание.

– Не знаю, папа, – ответил Маркус.

Было так странно слышать, что какой-то незнакомец, обращаясь к моему отцу, называет его «папой». Мне это не понравилось. Я разозлился.

– Ну, – коротко заметил папа, – если Филип не хочет чаю – это его дело, пусть ходит голодный. Ты голоден, Адриан?

– Да, – сказал я. – Очень.

Должно быть, это прозвучало воинственно, что на меня совсем не похоже, но папа только улыбнулся мне и предложил пойти помыть руки, пока горничная Финч принесет чай.

Я убежал, но, вместо того чтобы отправиться вниз мыть руки,

пробежал по холлу и помчался наверх в свою комнату.

Где-то плакал младенец. Я состроил гримасу и, вне себя оттого, что мой собственный дом наводнило целое племя нежеланных чужаков, распахнул дверь своей комнаты с такой силой и треском, что она чуть не слетела с петель, и вошел, все еще дрожа от негодования, в свое убежище.

Но оно больше не было таковым. У стены находилась вторая кровать; полки с моими книгами оказались сдвинуты; в углу стоял еще один комод. Я застыл, кипя от гнева, что в моей комнате произвели перемены без моего согласия, а потом, почувствовав, что за мной наблюдают, развернулся и увидел мальчишку, которого видел в Брайтоне.

Он сидел. На моей кровати. Мое шумное вторжение потревожило его, и он протирал глаза, словно после сна.

Мы смотрели друг на друга.

– Это моя кровать, – заявил я.

Он не ответил. Продолжал на меня смотреть.

– Убирайся.

Он ничего не сказал. Я уже был готов, стиснув зубы, кинуться на него, когда он встал и подошел к столу. Он писал письмо. Я увидел листок, вырванный из тетради, и несколько букв, написанных тупым карандашом.

– Адриан! – крикнула мама из холла. – Чай готов!

– Иду! – ответил я.

Я еще раз посмотрел на мальчишку, но он стоял ко мне спиной и не повернулся. Я вышел, медленно спустился в холл и заметил, что мама выходит из своего маленького будуара.

– Мама, – быстро спросил я, – почему я не могу жить в одной комнате с Уильямом? Я не хочу жить с Филипом. Почему я должен с ним жить?

– Дорогой, постарайся не быть эгоистом. Бедный Филип сейчас очень несчастен, потому что не хотел уезжать от мамы, а его мама попыталась ослушаться решения суда и оставить его, и от этого вся эта история стала еще неприятней. Очень важно дать понять Филипу, что мы хотим его видеть, что хотим, чтобы он был счастлив, а что он подумает, если ты не захочешь жить с ним в одной комнате? Уильям живет в одной комнате с Маркусом, и они ладят. Маркус такой хороший мальчик, и я уверена, Филип тоже будет хорошим, когда он станет немного счастливее. Постарайся полюбить их, дорогой, пожалуйста. Ради меня. Я не хочу, чтобы это место наполнилось скандалами и стало неблагополучным домом.

– Папе не нужно было привозить их сюда, – упрямо повторил я. – Почему нам нужно с ними мириться? Это несправедливо. Это плохо.

– Адриан, пожалуйста. Я знаю, трудно не ревновать…

– Я не ревную! Я просто не понимаю, почему папа не мог оставить Филипа его матери, если она этого так хотела! И почему здесь девочки? Я думал, что им позволят остаться с ней! Что произошло?

– Это слишком сложно, чтобы вдаваться в детали. Сначала судья присудил опеку над мальчиками папе, а опеку над девочками – миссис Касталлак, если она останется в папином доме, Пенмаррике, но Мариана не захотела оставаться в Пенмаррике без Маркуса и папы, поэтому миссис Касталлак попыталась обменять Мариану на Филипа, что было против указаний судьи. Это рассердило судью, а когда папа попросил изменить распоряжение судьи, миссис Касталлак воспротивилась этому в такой возбужденной, неразумной форме, что судья рассердился еще больше и изменил судебное постановление целиком в папину пользу, так что теперь папа получил не только опеку над всеми детьми, но и право решать, может ли миссис Касталлак видеть мальчиков или нет. Ей разрешено навещать девочек, и, пока она остается в Пенмаррике, им можно к ней ездить, но она не может видеться с мальчиками без папиного разрешения. Ситуация очень сложная и печальная.

– Но почему папа не захотел отдать ей Филипа и покончить с этой ситуацией мирно? Я не понимаю.

– Бывает, что воспитание мальчиков без отца приводит к плачевным результатам.

– Но ведь ты воспитывала нас с Уильямом, а папа поначалу у нас почти и не бывал!

– Это другое.

– Почему?

– Дорогой, я на самом деле не могу вдаваться в длинные объяснения. Ты просто должен мне поверить, что Филипу лучше не жить с его мамой. А теперь пойдем в гостиную пить чай.

Я подумал: даже мама изменилась. Она стала скрытной, нетерпеливой и даже немного сердитой. Раньше она никогда на нас не сердилась. Никогда – до их приезда.

Я почувствовал себя таким подавленным, мне стало так жаль себя, что аппетит пропал и я за чаем почти ничего не ел.

Потом я закрылся на чердаке с игрушечными поездами, но даже там мне не дали побыть одному. Пришел папа с Хью.

– Хью любит поезда, – сказал он. – Я подумал, что тебе захочется показать ему свою коллекцию.

– Пожалуйста, – попросил Хью заискивающе. Он смотрел на мою коллекцию широко открытыми глазами. – Папа, она гораздо лучше, чем

моя коллекция в Пенмаррике.

– Почти такая же, мне кажется, – рассеянно заметил папа и оставил меня с Хью, вернувшись вниз к маме.

– Какая прекрасная коллекция! – искренне восхитился Хью, пока я боролся со злостью. – Как тебе повезло. Можно я с ними поиграю?

Я проглотил комок в горле, делая над собой огромное усилие.

– Я очень аккуратно, – сказал Хью. – Обещаю.

– Хорошо, – согласился я.

Мы немного поиграли вместе, но вскоре я почувствовал желание побыть одному, поэтому ушел, оставив счастливого Хью.

Уильям и Маркус играли на лужайке во французский крикет, а Мариана изящно сидела на качелях и смотрела на них. Уильям даже смеялся. Я резко повернулся и пошел в сторону леса.

– Иди поиграй с нами, Адриан, – позвал Маркус.

– Нет, спасибо.

– Давай! – закричал Уильям.

Я покачал головой. И услышал, как Маркус сказал со вздохом:

– О боже мой! Надеюсь, он не будет таким, как Филип. Я ужасно не люблю, когда люди плохо относятся друг к другу.

– Адриан, – возразил Уильям с холодной суровостью, – никогда ни к кому не относится плохо.

– Ну конечно же, я не хотел сказать…

Я быстро пошел прочь, чтобы их не слышать. В лесу я пришел к своему любимому дереву и забрался на свою любимую ветку. Там было спокойно. Я почувствовал себя лучше, но, когда несколькими минутами позже стал спускаться вниз, обнаружил, что какой-то вандал вырезал на стволе инициалы «Ф. К.».

Филип Касталлак. Он даже изуродовал мое любимое дерево. Я пришел в такую ярость, что немедленно побежал в дом за ножом и принялся менять инициалы. Я изменил «Ф» на «А», добавив палочку, и «К» на «П», добавив две.

За ужином я снова увидел его. Когда я вошел в комнату, он уже запихивал в рот сосиски и картофельное пюре.

– Ты что, всегда царапаешь свои глупые инициалы на каждом красивом дереве? – сразу спросил его я.

Он не ответил.

– Не надо, Адриан, – сказал Уильям. Он, Маркус и Мариана ужинали вместе с нами; папа и мама должны были ужинать позже, одни, а Хью и Жанна уже поужинали в детской с няней и малышкой Элизабет.

Я сказал Филипу – вполне ясно, так, чтобы он понял:

– Если ты нацарапаешь свои инициалы еще хоть на одном дереве, я тебя побью.

Он сделал вид, что не расслышал. Маркус с несчастным видом прокашлялся.

– Заткнись, Адриан, – сказал Уильям.

Я пришел в ярость:

– Как ты смеешь вставать на его сторону!

– Я не встаю ни на чью сторону, – возразил Уильям, беря себе еще одну сосиску. – Я просто не хочу, чтобы вы все передрались. Это того не стоит.

– Ужасно, – с облегчением согласился Маркус. – Я терпеть не могу сцен.

– В конце концов, – утомленно сказала Мариана, изящно отпивая молоко из стакана, – что такое дерево?

– Да, конечно, – сказал я, – ты ведь просто девчонка. Ты не понимаешь.

– Ах! – воскликнула Мариана. – Как мне надоели мальчики! Почему тетя Роза не завела себе девочку, если уж ей так хотелось иметь детей? Жаль, что здесь нет Элис.

– Кто такая Элис? – спросил Уильям.

– Наша подружка, – пояснил Маркус. – Она брала уроки вместе с Марианой в Пенмаррике.

– Теперь мне даже хочется, чтобы здесь была няня, – сказала Мариана, размазывая пюре по тарелке. – Знаю, я все время ворчала на нее, но она мне очень даже нравилась. Даже старая глупая мисс Пич…

– А папа уволил мисс Пич? – спросил обеспокоенный Маркус. – Я ничего не знаю, потому что мы с Филипом были в школе.

– Ах, это было ужасно, – сказала Мариана, подавив зевок. – Все эти утомительные сцены, когда папа приехал в Пенмаррик, а вы были в Суррее! Вы себе не представляете, как это было ужасно. Няня все время плакала, говорила, что не расстанется с нами, но не будет жить под одной крышей с хозяйкой, которая падшая женщина – интересно, что бы это значило? – а мисс Пич плакала, стонала и говорила то же самое, и папа сразу уволил их обеих, прежде чем они одумались. Мне кажется, что няня могла бы и передумать, потому что она нас всех обожала, но папа не хотел ее больше видеть, потому что она плохо отзывалась о тете Розе. Не понимаю, как они могли так говорить о тете Розе, если никогда ее не видели. Мне, например, кажется, что тетя Роза намного приятнее и лучше, чем…

– Бедная няня и мисс Пич, – очень быстро сказал Маркус, – бедная мама. Как она, должно быть, расстроилась. Жаль, что нас с Филипом там не было, мы могли бы помочь.

– Даже если бы ты там был, ты все равно бы ее не увидел, потому что я там была и почти ее не видела. Она все время плакала: то у нее была мигрень, то она ездила в Лондон, чтобы встретиться с юристами. То и дело приезжал доктор Солтер, говорил: «Ах, миссис Касталлак, вам не следует делать то, делать это, вы не должны ездить в Лондон». Но она не обращала внимания на его слова. И выглядела она плохо. Была такая бледная и совсем не заботилась о том, чтобы волосы лежали красиво, а еще она располнела, как-то осела, и одежда плохо на ней смотрелась. Я слышала, как няня говорила мисс Пич, что маме тяжело в это ужасное время оказаться в таком положении, и мисс Пич согласилась.

– Бедная мама, – сказал Маркус. Он был бледен. – Надеюсь, сейчас она хорошо себя чувствует. Я рад, что няня и мисс Пич пожалели ее.

– Тебе бы следовало послушать, что говорили другие слуги, – продолжала Мариана. – Я-то думала, что они будут против папы и станут жалеть маму. Но они говорили: она должна была знать, что этого следовало ожидать, если выходишь замуж за Пенмара, – правда смешно, что они считают папу Пенмаром, как бабушку? – и что если бы она была умнее, то не устраивала бы такого скандала. Они говорили, что такое случается, когда напускаешь на себя важность и пытаешься притворяться тем, кем ты не являешься. Они говорили…

– Заткнись, – сказал Филип.

Я был так удивлен, услышав его голос, что с грохотом уронил вилку. Мы все на него уставились.

– Но это правда! – с вызовом заявила Мариана. – И если хочешь знать, няня и мисс Пич тоже не очень-то ее жалели. Мисс Пич сказала…

– Закрой свой глупый рот!

– Пожалуйста, перестаньте, – попросил Маркус. – Не надо. Пожалуйста.

– Нет, честное слово! – сказал Уильям. – Разве можно так разговаривать с девочкой!

– Мне все равно, – сказала Мариана, сжимая свой красивый ротик цвета розы в жесткую, злую линию. – От него я никогда не ожидала вежливости. Жаль, что маме не разрешили оставить его себе в Пенмаррике. Не понимаю, зачем он здесь папе.

– Послушайте, давайте не будем больше об этом говорить, – предложил Маркус. – Это так неприятно, что, когда я об этом думаю, у

меня желудок завязывается в узел и я совсем не могу есть этот прекрасный ужин. Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

– Почему ты не сбежал? – спросила Мариана Филипа. – Мне очень жаль, что ты не сбежал. Скатертью дорожка!

– Нет, честное слово! – снова произнес Уильям, ужаснувшись. – Вы что, всегда так между собой разговариваете?

– Как я мог убежать? – закричал Филип на Мариану. – Если бы я сбежал, папа привез бы меня обратно, побил, а маму посадили бы в тюрьму за то, что она ослушалась судью! Как я мог сбежать?

– Маму не могут посадить в тюрьму, – сказал Маркус, побелевший как полотно. – Не могут.

– Могут! Она сама мне сказала! «Тебе надо ехать с папой, – сказала она мне, – потому что если я оставлю тебя при себе, то меня посадят в тюрьму за то, что я ослушалась судью. Тебе нельзя жить со мной», – говорила она и все плакала, плакала так, что я почти не понимал ее слов…

– А когда она прощалась со мной, то не плакала, – сообщила Мариана. – «До свидания, дорогая, – сказала она мне, – я буду очень по тебе скучать». Фи! Ей было все равно. Когда она думала, что может оставить тебя, она с радостью прощалась со мной. Но меня она не проведет! Я знаю!

– Она, должно быть, думала: «Скатертью дорожка!»

– О! Противный, гадкий мальчишка!

– Мариана, не надо, не надо!.. – в ужасе воскликнул Маркус, но было уже поздно. Мариана дала Филипу звонкую пощечину, а он вскочил на ноги и толкнул ее так сильно, что она отлетела к стене и разрыдалась.

– Нет, честное слово! – повторил Уильям в третий раз. – Где ты воспитывался, Филип? Разве тебе не говорили, что девочек бить нельзя?

– Не плачь, Мариана, – сказал ужасно расстроенный Маркус. – Пожалуйста. Я этого не вынесу. Не плачь.

Мариана рыдала в изящный кружевной платочек.

– Послушай, – сказал Уильям Филипу, – мне кажется, тебе надо извиниться. Мне кажется…

– Кому какое дело, что ты думаешь! – закричал Филип, побагровев от гнева. – Кто ты такой? Кто ты такой, чтобы мне указывать, чтобы…

Мама вошла в комнату.

Мы повернулись к ней. Мариана прекратила всхлипывать и позволила Маркусу поднять ее на ноги. Наступила тишина.

– Боже мой, – спокойно сказала мама. – Ужин остынет. Я думала, вы настолько голодны, что не будете ругаться, по крайней мере, пока едите.

Уильям и Адриан, сядьте и доешьте все, чтобы на тарелке ничего не оставалось. Мариана, дорогая, что случилось?

– Ничего, – сказал Маркус, прежде чем Мариана смогла открыть рот. – Совсем ничего. Все нормально, спасибо, миссис Парриш.

– Ты в порядке, Мариана?

Мариана высморкалась и бросила косой взгляд на Маркуса.

– Да, тетя Роза.

– Хорошо. Тогда садись и ешь. Я на всякий случай принесла еще один кувшин молока. Хочешь еще, Филип?

Филип, не говоря ни слова, вышел из комнаты.

– Мама, – сказал я в ярости, – мама, это Филип виноват. Филип ударил Мариану, и она…

– Адриан, – с нажимом произнесла мама, – я не хочу, чтобы вы друг на друга ябедничали. Маркус и Мариана не жаловались на Филипа. Если их ссора не имела к тебе никакого отношения, тебе не на что жаловаться.

Какое-то темное чувство, слишком сильное для понимания, заставило меня положить нож и вилку и отодвинуть стул.

– Я иду в постель.

– Очень хорошо, дорогой, – сказала мама. – Ты, должно быть, устал с дороги. Через четверть часа я приду пожелать тебе доброй ночи.

Я поплелся наверх, кипя от ярости, и с удивлением обнаружил, что Филип тоже раздевается. Мы молчали. Я сходил в ванную, помылся, вернулся и прочел несколько страниц, ожидая маму.

Она пришла через пять минут. Филип уже лежал в постели, глаза его были закрыты.

– Ты был в ванной, дорогой? Помыл за ушами?

– Конечно, – ответил я холодно.

Она улыбнулась, и неожиданно я прижался к ней и зарылся лицом ей в грудь.

Она поцеловала меня:

– Не забудь помолиться.

Я привычно начал читать «Отче наш» с долженствующими присовокуплениями: «Господи-помилуй-маму-и-папу-и-Уильяма-и-всех-бедных-и-страждущих-аминь», – закончил я и, поднимаясь с коленей и укладываясь в постель, украдкой посмотрел на неподвижную фигуру Филипа.

– Спокойной ночи, дорогой. – Она снова поцеловала меня и подоткнула одеяло. – Спи спокойно.

– Спокойной ночи, мама.

Она подошла к другой постели.

– Спокойной ночи, Филип, – сказала она, поцеловав в щеку и его.

Он ничего не сказал. Он притворялся, что спит, но я знал, что он не спит. Она подоткнула и расправила его одеяло. Затем выключила свет и вышла, закрыв за собой дверь.

Наступило долгое молчание.

– Ты что, безбожник? – запальчиво спросил я в темноте. – Ты что, не молишься?

Никакого ответа.

– Я думаю, ты безбожник, – сказал я. – Тебя воспитали безбожники, а твоя мать – ведьма.

– А я думаю, – произнес он громким, ясным голосом, – что ты ублюдок, а твоя мать потаскушка.

Я не колебался ни секунды. Сорвал одеяло и, словно пуля из ружья, пролетел через комнату и набросился на него.

Он меня ждал.

Мы затеяли дикую драку.

К сожалению, преимущества были на его стороне. Он был больше меня, крепче сбит и сильнее. Когда силы мои начали убывать, я испугался.

– Пх! – хватал я ртом воздух. – Пх!

Но Филип не подчинялся никаким обычным школьным правилам драки. Он продолжал схватку. Я уже чуть было не унизил себя бегством в коридор, когда оттуда послышались шаги. В следующую секунду в комнату вошел папа и увидел, что мы на полу тузим друг друга.

В комнату проник свет из коридора. Папа издал возглас, поднял нас за шкирки и резко встряхнул.

– Что это такое? – Он отпустил нас и зажег газ. – Я шел пожелать вам спокойной ночи, – отрывисто сказал он. – Я думал, вы оба в постели, а не возитесь на полу, как беспризорники. Кто в этом виноват?

– Он, – сказали мы с Филипом хором и в ярости посмотрели друг на друга.

– Врешь! – закричал Филип. – Это ты начал! Ты меня оскорбил!

– А ты еще хуже меня оскорбил!

– Ты первый меня оскорбил!

– Тихо! – гаркнул папа так громко, что мы оба подпрыгнули. Он повернулся ко мне. – Ты первый нанес оскорбление?

– Да, но…

– Послушай меня, Адриан, и слушай очень внимательно. Я не собираюсь терпеть такое поведение. В следующий раз, если ты опять

затеешь ссору, я тебя выпорю. В этом доме будет мир и порядок, и я не потерплю, чтобы кто-либо из вас затевал драку за моей спиной. Будешь вести себя как следует или будешь бит. – Он повернулся к Филипу. – Ты меня слушаешь?

– Да, сэр.

– В таком случае я предлагаю тебе принять мои слова в качестве последнего предупреждения и взять себя в руки, не дожидаясь, пока я достану палку. Ты будешь вежлив со своими братьями, вежлив со своими сестрами, вежлив с тетей Розой. Ты будешь отвечать, когда к тебе обращаются, и держаться как положено. Твои грубости мне уже надоели, и я не намерен далее оставлять их безнаказанными.

– Да, сэр, – сказал Филип покорно.

– А теперь оба в постель и спать. Попозже я снова зайду с палкой, и если не будете спать, то горе вам.

Он замолчал. Мы молча отправились по постелям. Я крепко зажмурил глаза, чтобы не текли слезы.

Когда мы улеглись, отец выключил свет, вышел и закрыл дверь. Он даже не пожелал доброй ночи. Он прошел по коридору к лестнице, и я остался в темной комнате один на один с мальчишкой, которого презирал.

Мы не говорили, но и не спали. Я некоторое время беззвучно плакал, а когда слезы кончились, украдкой взглянул на него. Глаза уже привыкли к темноте, а шторы были неплотно задернуты, поэтому я его видел. Глаза его были открыты, он смотрел на лунные блики на потолке.

Я без особого интереса подумал: «А о чем он думает?»

Наутро я попытался загладить свою вину за то, что затеял драку.

– Хочешь поиграть моими поездами? – угрюмо спросил я, когда мы одевались.

Он взглянул на меня. Его светлые глаза были холодны от презрения.

– Спасибо, – сказал он, но это слово прозвучало насмешкой, – но я уже большой и не играю в поезда.

После этого пути назад не было. Мы стали злейшими врагами и оставались ими более двадцати грядущих лет.

Глава 2

Ричард терпеть не мог Джеффри.

Томас Костейн.

Семья завоевателей

(Джеффри) рос с задатками хорошего бойца.

Джон Т. Эпплбай.

Генрих II

1

Каникулы шли, и мы начали привыкать друг к другу. Мне было обидно, что Уильям проводит так много времени с Маркусом, но, поскольку Маркусу больше, чем мне, нравилось ездить верхом и удить рыбу, я не винил Уильяма за то, что он с ним подружился. Кроме того, Маркус был моложе Уильяма всего на два года и больше подходил ему по возрасту. Мариану не интересовали их развлечения, ей нравилось шить и рассматривать мамины лондонские журналы для дам. Изредка они с мамой ездили в Оксфорд, чтобы пройтись по магазинам; мама помогала ей шить и следила за ее уроками игры на фортепиано. Я редко видел младших девочек. Няня Эдит присматривала за толстушкой Элизабет, а Жанна, хотя изредка и присоединялась к Хью, когда он поднимался ко мне, чтобы поиграть с поездами, большую часть времени все же проводила в детской. Мы с Хью стали очень дружны, но мне не нравилось, что он продолжал дружить с Филипом и в то же время старательно добивался хорошего отношения с моей стороны.

– Тебе придется выбрать между нами, – сказал я, потому что его раздвоенность не укладывалась в мою классификацию. – Нельзя дружить и с ним, и со мной.

– Почему? – невинно спросил Хью, и я с раздражением понял, что мне очень трудно дать ему адекватный ответ.

Так что Хью продолжал играть моими поездами и брать мои книги, но,

когда я бывал чем-нибудь занят, он бегал за Филипом и забывал о моем существовании. Я с самого начала понял, как ловок он был в умении угождать и вашим и нашим.

Мы с Филипом, конечно же, продолжали драться. Иногда папа останавливал наши драки, иногда – нет, но, когда он видел, что мы деремся, он очень сердился и бил нас обоих. Уильям все время просил меня оставить Филипа в покое, но, как я ни старался, я был совершенно не в состоянии последовать его совету. Я думаю, отчасти это происходило потому, что мы были ровесниками. Если бы Филип был намного старше меня или намного младше, мы не видели бы друг друга так часто, мы же то и дело мешались друг у друга под ногами, и наши индивидуальности нещадно опровергали одна другую.

Наконец я почти с радостью вернулся в школу на летний триместр. Мне до смерти надоело, что Филип постоянно пытается занять мое любимое дерево, что Филип прорыл яму (он назвал ее шахтой) рядом с ручьем и загрязнил пруд, где я пускал кораблики, что Филип считал Алленгейт паршивым местечком по сравнению с Корнуоллом или Корнуолльским Оловянным Берегом. Мне надоело слушать истории о Корнуолле, и я вскоре решил, что никогда, ни при каких обстоятельствах не поеду туда. Но мама сказала мне, что, поскольку Корнуолл был их домом, совершенно естественно, что все Касталлаки, а не только Филип, время от времени по нему скучают.

Раз в неделю, когда их мама присылала письмо, они получали новости из Корнуолла; папа читал письмо вслух после завтрака, хотя мы с Уильямом, конечно, не оставались слушать. Каждое воскресенье после посещения церкви они усаживались писать ей ответы, и Мариана зевала и говорила: «Какая скука! Что же мне написать?» – а Жанна приносила цветные карандаши и рисовала домик, солнце и деревце; Филип исписывал один лист тупым карандашом, а Хью писал: «Дорогая мама! Надеюсь, ты хорошо себя чувствуешь. Я хорошо себя чувствую. К сожалению, новостей у меня нет. С любовью, Хью».

Только Маркус писал такие письма, какие я бы и сам написал своей маме. Он исписывал два листа своим крупным, щедрым почерком и всегда заканчивал письмо словами: «Мы все по тебе очень скучаем и ждем не дождемся, когда снова тебя увидим. С огромной любовью, твой преданный сын Маркус».

Я присоединялся к их писаниям и писал письма своему лучшему школьному другу, а иногда бродил вокруг стола и тайком заглядывал им через плечо, чтобы посмотреть, что они написали.

В конце августа еженедельное письмо из Корнуолла не пришло. Вместо этого письмо пришло папе, и все Касталлаки сразу решили, что их мать написала ему, чтобы попросить разрешения на встречу с детьми.

– Может быть, папа разрешил ей приехать сюда, – сказал Маркус, озабоченно глядя на письмо, дожидавшееся папу на столе, накрытом для завтрака. – Я знаю, что официально ей не позволено видеться с мальчиками, но если бы папа согласился, то приказ судьи не имел бы значения. А папа никогда не говорил, что не позволит нам с ней видеться. Он только сказал, что нам нельзя с ней видеться «некоторое время». Как вы думаете, «некоторое время» может означать семь месяцев? Прошло семь месяцев, с тех пор как я ее видел в Корнуолле. Может быть, он даже разрешит нам поехать повидаться с ней в Корнуолл!

– Какая тоска! – воскликнула Мариана. – Поездка в Пензанс так ужасно скучна! Я, наверное, не поеду.

– А я поеду, – сказал Хью.

– И я, – эхом откликнулась маленькая Жанна.

Мы все посмотрели на Филипа. Он молчал. Глаза его горели, как два голубых пламени на напряженном бледном лице.

Папа вскрыл письмо, как только вошел в комнату. На его лице не было никакого выражения. Мы все с жадностью смотрели на него, а когда мама вошла в комнату, я заметил, что она тоже на него смотрит. Он дочитал письмо и тоже посмотрел на нее.

Она сказала:

– Это…

– Да, – сказал он. Аккуратно сложил письмо и сунул его в бумажник. Больше он не сказал ничего.

– Ах боже мой, – рассеянно произнесла мама, – я же забыла кое-что сказать Эдит. Простите.

– Папа, – слабым голосом спросил Маркус, когда она вышла, – мама… мама приезжает? Мы ее увидим?

Удивленный, он взглянул на него. Я почти почувствовал, как Касталлаки затаили дыхание.

– Ах боже мой, нет, – непринужденно сказал он. – Ваша мама сейчас слишком занята, чтобы ездить с визитами. У нее только что родился ребенок.

Наступила абсолютная тишина. Все молчали.

– Еще один мальчик, – сказал папа. – Ваш братик.

Мы все на него посмотрели. Я с любопытством заметил, что Уильям положил нож и вилку. Папа налил себе кофе.

– Еще один мальчик? – спросила обрадованная Жанна. – Как мило! А Элизабет уже знает?

– Нет, еще нет. – Он улыбнулся. – Хочешь объявить ей новость?

– Да! Можно, папа? Можно?

– Конечно можно. Я пойду с тобой. Хью, хочешь пойти с нами рассказать Элизабет новости?

– Нет, спасибо, папа, – вежливо ответил Хью.

– Финч, – обратился папа к горничной, которая входила в комнату, когда он выходил, – я вернусь через пять минут. Не подавай мне яичницу до возвращения.

– Хорошо, сэр. – Забрав гору грязных тарелок с буфета, она вышла вслед за ним.

Дверь закрылась. Мы остались одни. Посмотрели друг на друга.

– Как странно, – произнес Маркус. Он взглянул на Уильяма и покраснел. – Я совсем ничего не понимаю.

– Почему? – спросил крайне заинтересованный Хью. Он не по годам рано проявлял жгучий интерес к некоторым обстоятельствам.

– Я тоже ничего не понимаю, – безразлично сказал Уильям. – Я не думал, что у него и твоей мамы в прошлом году были хорошие отношения.

– А я, – заявила Мариана, – думаю, что иметь детей в таком возрасте – это дурной вкус. Она для этого слишком стара. И еще один мальчишка! Как будто мне не хватает братьев!

– Не представляю, как это случилось, – по-прежнему краснея, произнес Маркус. – Он последнее время почти ее не видел. Он и не ездил в прошлом году в Пенмаррик после Пасхи.

– Что ж, – мне не терпелось продемонстрировать свои познания, – совершенно ясно, как это случилось. Он виделся с ней девять месяцев назад. Посмотрим. Девять месяцев назад…

Филип оттолкнул стул. Он так побледнел, что его лицо приобрело зеленоватый оттенок. Не промолвив и слова, он выскочил из комнаты, и мы услышали, как он пробежал по холлу.

– Куда он? – спросил ошарашенный Хью.

Вдалеке с грохотом захлопнулась входная дверь.

– Ноябрь, – подсчитал Маркус. – Как странно. Я думал, что именно тогда они поссорились.

– Ах, Маркус, ну какая разница? – нетерпеливо заметила Мариана. – Противный ребенок родился, и все тут. Интересно, пришлют ли его в Алленгейт?

– Да, – сказал Маркус, – но я не понимаю…

– Мариана права, – произнес Уильям. – Теперь это не имеет значения. Какого черта! Мне все равно. – Он неловко поднялся из-за стола. – Я не хочу есть. Пойду покатаюсь верхом.

Он вышел из комнаты. Маркус и Мариана начали спорить о том, пришлют ли младенца в Алленгейт или нет. Я погонял кусочек яичницы по тарелке, потом оттолкнул стул и выбежал за Уильямом.

Он седлал лошадь.

– Уильям…

– Заткнись, – сказал Уильям. – Я не хочу разговаривать.

– Уильям, пожалуйста! – Я почувствовал, как паника волной пробежала по позвоночнику. – Я не совсем понимаю, но хочу знать. Это значит, что в Брайтоне…

– Да, конечно, это значит то, что значит! Не будь таким дураком! Или ты ничего не знаешь о жизни?

После трех триместров, проведенных среди девяноста мальчиков в возрасте от восьми до тринадцати, я уже смутно понимал основные биологические принципы, но все это по-прежнему казалось мне тревожаще-гротескным. Я пытался разобраться в простейших фактах и аккуратно классифицировать их.

– Но, Уильям, – сказал я, – если папа любит маму…

– Заткнись, – сказал Уильям.

– …почему он целовал миссис Касталлак… и все остальное? Он, что ли, любит и ее, и маму? Я не понимаю.

– О боже, – сказал Уильям, – это проще пареной репы. Ты еще такой ребенок, Адриан! Я понимаю, с этим ничего не поделаешь, но…

– Тогда скажи мне! Объясни! Мне нужно знать!

– Нечего говорить. Папа жил с двумя женщинами одновременно годами, вот и все, так и жил, пока миссис Касталлак не решила пойти в суд, чтобы жить раздельно. Это просто доказывает, какой обман брак. Даже если бы он был женат на маме, он бы все равно приезжал к миссис Касталлак, как только подворачивался случай, а то, что произошло в Брайтоне, все равно произошло бы, вне зависимости от того, на ком он был бы женат… Брак ничего не значит. Он мог выбирать между двумя женщинами, поэтому выбрал обеих.

– Это неправильно, – сразу сказал я. – Это плохо.

– Это не плохо. Как это может быть плохо? Папа не плохой человек.

– Но если папа любит маму…

– Ах, ради бога, перестань рассуждать так, словно живешь в сказке! Я не верю, что есть настоящая любовь. Просто сейчас папе больше нравится

мама, чем миссис Касталлак, вот и все. Он живет с ней, потому что она ему нравится. Но когда дело доходит до другого, ему все равно, кто ему нравится больше, он просто это делает, раз подворачивается возможность. Наверно, ему надоедает делать это все время с одной и той же женщиной и время от времени нужно разнообразие.

Я безнадежно запутался.

– Но ведь настоящая любовь есть! – запротестовал я. – Они оба говорили, что любят друг друга! Тогда почему же папа изменил маме?

– Он ей не изменял! Он же не женат на ней!

– Изменил! – упрямо сказал я. – Она любит его, а он любит ее, и это все равно как если бы они были женаты. Но он ее предал. Я просто этого не понимаю.

– Что ж, по всей видимости, мама нравится ему больше, если он по-прежнему живет с ней. – Он отвернулся. – Разве не понимаешь, что то, что произошло с миссис Касталлак в Брайтоне, было совершенно заурядной историей? Это не значит, что папа меньше любит маму, это вообще ничего не значит… Когда я вырасту, у меня будут только заурядные истории, я никогда не женюсь, а если какая-нибудь женщина понравится мне больше других, я буду с ней жить, и все равно у меня будут заурядные истории, когда мне захочется.

– Но это плохо!

– Почему? Мне кажется, что гораздо хуже жениться и обещать любить всегда, если потом все равно нарушишь обещание и обидишь людей, которые этого не заслуживают.

– Но… – Меня неожиданно затошнило. Заболела голова. – Брак и настоящая любовь – это хорошо, – упрямо повторил я, – а заурядные истории – это плохо. Мне так папа говорил. Бог прощает настоящую любовь, а не заурядные истории. У меня никогда не будет заурядных историй, а если я полюблю, то постараюсь на той, кого люблю, жениться. Грешно любить и не жениться, если это возможно. Это прелюбодеяние.

– Ах, не будь же таким святошей, – сказал Уильям, выводя лошадь во двор. – Ты прекрасно понимаешь, что, если бы не прелюбодеяние, никого бы из нас не было на свете.

– Но, Уильям…

– Успокойся, черт тебя побери! Разве не видишь, что я не хочу об этом говорить? – В его глазах блестели слезы. – Оставь меня в покое!

Он отвернулся от меня, сел на лошадь и галопом поскакал к успокаивающему одиночеству леса.

2

Я был ужасно расстроен и неважно чувствовал себя из-за беспокойства. Я долго искал маму и наконец нашел ее в будуаре. Она проверяла счета.

– Мама, – сказал я несчастным голосом, вертясь вокруг нее, как какая-нибудь неугомонная муха. – Ты расстроилась из-за ребенка?

Она ответила не сразу. Она проверяла счет от мясника.

– Мне жаль, что бедный малыш, – произнесла она наконец, – пришел в этот мир нежеланным и нелюбимым.

– Ты сердишься на папу?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я слишком люблю его, чтобы долго на него сердиться.

– А ты знала, что должен родиться ребенок?

– Да, папа сказал мне некоторое время назад.

– Ты расстроилась, когда он сказал?

– Не из-за себя. Я тогда уже знала, что миссис Касталлак хочет жить раздельно и что папа больше к ней не вернется.

– Но разве ты не рассердилась на папу за то, что он стал причиной появления ребенка? Он ведь не должен был этого делать. Это было плохо.

– Не в глазах Церкви, – сказала мама. – Папа должен был пытаться жить с женой, хотя они и были несчастливы. Когда муж и жена живут вместе, естественно, появляются дети. Но теперь все изменилось, потому что по закону он и миссис Касталлак будут жить раздельно, он больше не должен с ней жить, поэтому детей больше не будет.

Постепенно мне становилось лучше.

– Значит, папа и правда все время любил тебя больше, чем ее. Он виделся с миссис Касталлак просто потому, что пытался быть хорошим. – Переваривая информацию, я принялся рассеянно листать календарь у нее на столе. – Но, мама…

– Да?

– Я понимаю, что папа делал хорошо, выполняя свой долг, но разве ты не расстраивалась, когда он ездил к миссис Касталлак?

– Наверное, расстраивалась миссис Касталлак, – сказала мама, – когда он ездил ко мне.

– Но…

– Все иногда расстраиваются, Адриан. Но понимаешь, я так люблю

папу, что не могу долго из-за него расстраиваться.

– Значит, тебе не обидно из-за ребенка? Я просто не хочу, чтобы он тебя расстраивал, как тогда в Брайтоне. Ты ведь не расстроилась, а, мама?

– Нет, дорогой, конечно нет! Не надо меня жалеть. Подумай лучше о бедном малыше – вот он действительно заслуживает жалости. Я не знаю, что с ним будет.

– А он сюда не приедет?

– По крайней мере, не в ближайший год. Пока он такой маленький, ему надо быть с мамой. А что будет потом, я не знаю. Конечно, нужно будет опять спросить у судьи, хотя папа не хочет, чтобы ребенок приезжал в Алленгейт.

– Почему?

– Ах, – она углубилась в колонки цифр, – потому что… Дорогой, лучше тебе пойти к себе и дать мне закончить с этими ужасными счетами. И пожалуйста, больше не волнуйся и не переживай. Тебе совершенно не о чем беспокоиться.

После этого я на самом деле почувствовал себя лучше. Потом Уильям опять стал беззаботным и извинился за то, что был резок со мной на конюшне. Казалось, все были спокойны. Маркус и Мариана играли в крокет; Хью и Жанна покорно пропалывали кусок земли, который Филип реквизировал рядом со своей «шахтой» и назвал гордым словом «огород». Сам Филип, как всегда, отправился куда-то в лес. Толстушка Элизабет ковыляла по лужайке вместе с няней Эдит и пыталась выдернуть крокетные кольца, а потом мама немножко поиграла с малышкой в тени. Все было как всегда.

Но, несмотря на успокоивший меня разговор с мамой и несмотря на то, что все вокруг меня вели себя как всегда, я чувствовал себя потерянным и неудовлетворенным.

3

Папа не поехал в Корнуолл на крестины младенца. Он даже не говорил о нем, кроме того случая, когда сказал нам, как его назвали.

– Джан-Ив! – с отвращением произнесла Мариана. – Как странно! – А потом потихоньку сказала Маркусу: – Как простолюдина!

– Не очень подходящее имя для английского джентльмена, – сухо сказал папа маме. – Но она меня не спровоцирует, я не буду оспаривать имя. – Прозвучало это так, словно миссис Касталлак хотела сделать ему

неприятно.

– Джан-Ив – это по-корнуолльски Жан-Ив, – осторожно объяснил нам Маркус, – и маминого папу звали Жан-Ив. Он был французом и, когда был жив, жил в Сент-Ивсе. Он занимался морским делом.

– Мне так хочется посмотреть на младенчика! – вздыхала малышка Жанна. – Папа, мы скоро поедем в Корнуолл, чтобы повидать маму и ребеночка?

– Не сейчас, дорогая, – отвечал отец мягко, гладя ее по длинным золотистым волосам. – Может быть, позже.

– Когда? – спросил Филип.

– Посмотрим, – сказал папа.

Он всегда так говорил. Он говорил так до Рождества, а после Рождества просто сказал:

– Боюсь, мы сейчас не сможем поехать к маме. Она уехала из Пенмаррика и вернулась на ферму Рослин, а судья не позволит вам навещать ее, пока она живет там.

Пораженный, я узнал, что миссис Касталлак была женой фермера, до того как вышла замуж за папу, и ей до сих пор принадлежала ферма, которая была расположена рядом с папиным поместьем, Пенмарриком. Конечно же, судье не понравилось бы, если бы дети воспитывались на простой ферме, в то время как они могли жить в таком замечательном доме, как особняк Алленгейт, поэтому мне ничуть не показалось удивительным, что он не разрешал детям навещать мать при таких обстоятельствах. Но Касталлаки приняли это решение с куда большим трудом, чем я.

В конце концов Филип сказал папе:

– Ведь не важно, где она живет, правда? Ты все равно не позволил бы нам с ней увидеться, даже если бы она осталась в Пенмаррике, а она не уехала бы из Пенмаррика, если бы думала, что ты позволишь нам поехать туда к ней. Но пока она была в Пенмаррике, тебе приходилось притворяться, что не можешь позволить нам увидеться. А теперь, когда она уехала на ферму, тебе даже не надо притворяться. Ты никогда не позволишь нам увидеться с ней.

Но папа просто сказал:

– Судья постановил, что она может видеть девочек, и я не собираюсь нарушать это постановление. Поскольку девочки не могут поехать к ней на ферму, я собираюсь, когда придет время, подготовить их встречу в лондонском доме. Мальчики не могут с ней увидеться без моего согласия, но думаю, что с моей стороны будет неразумно, если я на этом этапе проигнорирую решение судьи о предоставлении мне полного опекунства и

предоставлю маме права, которыми она не обладает. Но если все будет хорошо и все будут хорошо себя вести, судья со временем может изменить решение. А до тех пор я ничего более не могу сказать. Решение принимал судья, а не я.

– Но ты заставил его принять такое решение! – закричал Филип. – И ты мог бы заставить отменить его, если бы захотел!

– Конечно нет! Судья принял независимое решение после встреч с мамой и со мной и поговорив с вами со всеми. Я просто подчиняюсь решению суда, вот и все.

Мне это казалось очень логичным, но Касталлаки по-прежнему были расстроены, а Филип был убежден, что папа подчиняется решению суда просто для того, чтобы как можно сильнее уязвить миссис Касталлак.

– Как будто папа может так поступить! – хмыкнул я, когда мы с Уильямом остались одни.

И только много позже мне пришло в голову, что папа был очень зол на миссис Касталлак за то, что она обратилась в суд за постановлением жить раздельно, а не за разводом и что, разозлившись, мужчины редко совершают разумные, хорошо продуманные, достойные поступки.

На Новый год, когда мы все были в школе на весеннем триместре, миссис Касталлак, в сопровождении папиного друга по имени мистер Винсент, приехала в Оксфордшир из Корнуолла, чтобы повидать девочек. Мальчиков не было: Хью к тому времени уже учился в подготовительной школе около Банбери, Филип – по-прежнему в школе в Суррее, а Маркус уже второй год находился в Итоне.

«Миссис Касталлак не хотела приезжать в Алленгейт, – писала мне мама, которая в то время гостила у подруги в Лондоне, – но папа решил, что для девочек будет лучше, если они не уедут из своего нового дома, к которому они уже привыкли, поэтому он переменил свое первоначальное решение, согласно которому они должны были встретиться в лондонском доме. Он думал, что миссис Касталлак может и не приехать, но я была уверена, что никакие неблагоприятные обстоятельства не помешают ей увидеть дочерей, и поэтому ничуть не удивилась, когда она согласилась приехать в Алленгейт. Я рада, что Мариана, Жанна и Элизабет смогли снова повидаться с мамой, но боюсь, что Филип очень расстроится, узнав, что ему такая возможность не представилась, а Маркусу это просто разобьет сердце…»

В конце триместра Филип вернулся домой, кипя от гнева. Увидев папу, он сразу же направился прямо к нему со сжатыми кулаками и высоко поднятым подбородком.

– Три недели назад мама приезжала сюда, чтобы повидаться с девочками, – сказал он подчеркнуто громко. – Ты разрешил ей приехать именно тогда, когда я находился в школе, и велел директору не пускать ее, когда она приехала в школу по дороге в Корнуолл.

Папа сказал спокойно:

– Судья решил, что для тебя будет лучше, если ты некоторое время не будешь с ней видеться. Это временная мера, в твоих же интересах. Я тебе уже объяснял.

– Но она хотела видеть меня! – закричал Филип. Голос его дрожал. – Каким образом запрет видеться с ней может быть в моих интересах? Объясни!

Маме стало его жаль. Она наклонилась, поцеловала и обняла его. Я почувствовал укол ревности, как всегда, когда она уделяла ему внимание.

– Не расстраивайся, дорогой Филип. Я уверена, ты скоро увидишь маму.

Он попытался ее оттолкнуть.

– Мне не нужно вашей жалости! – Голос его срывался от горя. – Оставьте меня.

«Неблагодарная тварь», – подумал я.

Мама расстроилась:

– Марк…

– Хватит, Роза, – коротко сказал папа, и она замолчала.

Потом Маркус сказал Филипу:

– Я обсудил это с Уильямом. Мне кажется, папа еще долго не разрешит нам видеться с мамой и судья еще очень долго не изменит решения. Я знаю, папа говорит, что это временная мера, но насколько временная? Мне кажется, он не разрешит нам видеться с ней, пока мы не вырастем.

– Решение не может быть окончательным, – сказал Филип. – Я заставлю его сказать мне, когда оно изменится.

Но папин ответ его не удовлетворил. Он сказал Филипу, что, хотя судья и может изменить решение при определенных обстоятельствах, он всегда, меняя или отменяя предыдущее решение, будет руководствоваться интересами детей. Папе казалось, что судья вряд ли изменит решение в том, что касается Филипа, до тех пор, пока Филипу не исполнится шестнадцать лет, а о том, чтобы решение изменилось раньше, и речи быть не может.

– Я ему покажу! – частенько бормотал Филип. – Я ему покажу! Как только мне исполнится шестнадцать, я уеду. Я буду большим и смогу бороться с кем угодно, даже с судьей. Как только мне исполнится

шестнадцать, я брошу школу и поеду к маме на ферму, а папа пусть убирается к черту.

Он начертил календарь на пять лет, повесил на стену в ногах кровати и принялся тщательно вычеркивать дни.

В таком беспощадном внимании к уходящему времени что-то пугало меня. Я смотрел на последний месяц намеченного срока, июнь 1911 года, думал о том, что случится до той поры, и меня охватывала тревога. Я попытался представить себе, каким я буду в пятнадцать с половиной лет, и решил, что мне совсем не хочется расти.

– Если бы годы проходили быстрее! – нетерпеливо говорил Филип. – Если бы я был взрослым!

Словно в ответ на эти пожелания, он начал расти. Когда ему было тринадцать, он стал очень высоким. В четырнадцать у него начал ломаться голос и он был шести футов роста. В пятнадцать он вполне мог сойти за молодого человека двадцати лет. Неловкость, сальные волосы, прыщи, раздраженная кожа, застенчивость – все эти проклятия подросткового возраста обошли его стороной и не оставили никаких следов. Даже я, хотя и ненавидел его, должен был признать, что он стал самым красивым молодым человеком изо всех, кого я видел. Невероятное, ослепительное великолепие Филипа затмевало Маркуса, который казался чрезвычайно привлекательным молодым человеком, и даже Уильям, у которого была вполне приятная внешность, рядом с Филипом казался совсем незаметным.

К собственному отвращению, я становился все невзрачней и невзрачней. Я долго не рос, оставался унизительно маленьким. А когда начал расти, вырос так быстро, что стал невероятно худым.

– Как скелет, – небезучастно заметил Хью. Он тоже был очень маленьким, поэтому его обрадовало то, что я так вырос.

Мне оказалась мала вся одежда. Ступни стали слишком большими, а когда я пытался аккуратно сесть в кресло, руки и ноги, не повинуясь мне, раскидывались во все стороны. Голос ломался наисквернейшим образом, и я постыдно пищал, когда мне бывало совершенно необходимо говорить низким голосом. Кожа беспокоила меня. Все симптомы наступающей зрелости проявлялись самым неприятным образом. Я чувствовал себя жалким.

– Не терзайся, – подбадривал меня Уильям. – Это не навсегда. Может быть, в конце концов ты станешь достаточно презентабельным.

Но я ему не верил и долго и бесплодно завидовал приятной внешности Касталлаков. Только Элизабет была толстой и некрасивой, да еще никто не знал, хорош ли собой или некрасив младенец Джан-Ив. Его в Алленгейт не

привозили. Миссис Касталлак вернулась на свою ферму, а Джан-Ива воспитывала няня в Пенмаррике. Я считал, что миссис Касталлак поступила неожиданно разумно, потому что согласно постановлению судьи она не имела права воспитывать сыновей, но Мариана и Маркус находили это странным и время от времени обсуждали.

– Раз папа не хочет видеть Джан-Ива в Алленгейте, маме следовало бы воспитывать его на ферме, – говорил Маркус.

– Папа не хочет его видеть, а мама не хочет с ним жить, – говорила Мариана, – должно быть, он не как все.

– Ты хочешь сказать, слабоумный?

– Или настолько страшен, что на него никто смотреть не хочет. – Мариана кокетливо поежилась, а Маркус принял серьезный вид.

Каждый год папа говорил, что ему надо съездить в Корнуолл, чтобы посмотреть, что происходит в усадьбе, и проведать младшего сына, но почему-то так и не собрался. Удивительно, но каждый раз в последнюю минуту происходило что-нибудь, что удерживало его в Оксфорде, а потом разговоры о поездке в Пенмаррик откладывались до конца следующего учебного года.

Миссис Касталлак больше в Алленгейт не приезжала, но вместо этого потребовала, чтобы девочки навестили ее в городском доме. Папа отказал. Миссис Касталлак обратилась к судье, который сказал папе, что девочки должны получить разрешение поехать с матерью в подходящее место. Миссис Касталлак отвезла их в Эксмут, но их свидание не удалось, потому что Элизабет все время скучала по нашей маме, а Мариана дулась, потому что хотела остаться в городском доме, чтобы походить по лондонским магазинам. Даже Жанна, которая с нетерпением ждала поездки с матерью к морю, была рада вернуться в Алленгейт. После этой неудачной попытки миссис Касталлак совершенно уединилась в Корнуолле и, казалось, не могла более выносить ежегодных столкновений с папой по поводу того, где и когда она может встретиться с дочерьми.

Позже, в том же году, умерла папина мама, но поскольку мы с Уильямом никогда ее не видели, весть о ее смерти нас почти не тронула. Папа даже сказал, что нам нет необходимости ехать на похороны, хотя это и наша бабушка. Тем не менее все Касталлаки, кроме Элизабет, были наряжены в черное и отправлены с папой на похороны в Лондон. Ехать никто не хотел.

– Я ее боялся, – признался Маркус. – Когда она первый раз приехала в Пенмаррик после смерти дяди Найджела, я подумал, что она ведьма. Я ужасно испугался.

– Я тоже, – подхватила Мариана. – Она была ужасна: такая громкоголосая и шумная. Она все время кричала.

– Слава богу, нам не надо ехать на похороны! – сказал я Уильяму, но все-таки, когда я смотрел, как они с папой садятся в карету, чтобы поспеть на лондонский поезд, меня охватило странное чувство изолированности.

Последующие годы были сравнительно бедны событиями. Поначалу мне ужасно не понравилось в Уинчестерском колледже, но потом я привык к жизни в этой привилегированной частной школе и топил свое горе в учении. Мне ставили самые высокие баллы. Папа был мной доволен, а я радовался тому, что хотя бы в этой области мог превзойти Касталлаков. Успехи Маркуса были посредственными, а по некоторым предметам даже ниже среднего уровня. Филип, когда хотел, мог учиться хорошо, но постоянно не успевал по гуманитарным предметам; его коньком были математика и другие точные науки, которые меня совершенно не интересовали. Хью, судя по его собственным рассказам о школьной жизни, делал уроки редко, но, на удивление, ни разу ни провалил ни одного экзамена.

В Хью было нечто загадочное. У меня часто возникало чувство, что он умнее, чем казалось большинству из нас.

Только я и Уильям учились в Уинчестере, все остальные получали образование в других школах. Папа сказал, что обучение в разных заведениях исключало возможность развития зависти, если бы один брат превзошел в успехах другого и это бы стало известно в тесной студенческой среде. Поэтому, после того как Маркус начал учиться в Итоне, Филипа отправили в Рагби, а Хью – в Харроу. Что касается девочек, у них была гувернантка, некая мисс Картрайт, а когда Мариане исполнилось шестнадцать, ее отправили в Женеву заканчивать образование. Она вернулась через полгода с гардеробом, полным французских нарядов, взрослой прической и разговорами только о предстоящем светском дебюте в Лондоне и о холостяках, которых она поработит за первый же летний сезон.

– Мариана, дорогая, – говорила мама, – тебе нужно постараться говорить и о другом, иначе люди подумают, что ты очень тщеславна. Джентльменам не нравятся девушки, которые думают только о себе.

Но мысль о предстоящем светском сезоне слишком возбуждала Мариану, и она не обратила на мамины слова никакого внимания. Одна почтенная вдова, подруга папиной мамы, должна была представить ее в свете и сопровождать. Папа много времени проводил в лондонском доме, и бал для Марианы был назначен на конец мая. Филип, Хью и я в это время

должны были находиться в школе и, кроме того, были слишком малы, чтобы танцевать на балу.

– Слава богу! – сказал Филип, который ненавидел танцы.

Но Жанна и Элизабет должны были надеть праздничные платья и в течение часа вместе с мисс Картрайт наблюдать за началом бала. Маркуса, в свои восемнадцать заканчивающего Итон, по этому случаю отпускали в Лондон, и Уильям, которому почти исполнилось двадцать, тоже обязан был присутствовать там. Закончив Уинчестер и проведя несколько месяцев в континентальной Европе, чтобы «расширить познания», он размышлял, не поехать ли ему в Оксфорд осенью 1911 года. Мне казалось, что он не поедет. Учиться ему не нравилось, и в глубине души он надеялся, что сможет жить на вольном воздухе, предаваясь традиционным занятиям: охоте, стрельбе и ловле рыбы. Но летом ему нечего было делать, кроме как наслаждаться лондонским сезоном, и он уже предвкушал знакомство с симпатичными девушками.

Меня девушки смущали. Я не знал, о чем с ними говорить, и решил, что большинство из них легкомысленны и не стоят моего внимания. Конечно же, Мариана, которая безостановочно говорила о своем дурацком представлении ко двору и о не менее дурацком бале, казалась мне самой легкомысленной из всех, кого я встречал.

– Ах, тетя Роза! – восклицала она. – Ты ведь придешь на бал, не правда ли? Пожалуйста, приходи! Я не вынесу, если ты не придешь!

Но мама подхватила какую-то инфекцию, и здоровье не позволило ей ехать в Лондон.

Некоторое время я размышлял, приедет ли миссис Касталлак на дебют своей дочери, но об этом не упоминалось, и я подумал, что Мариана в глубине души рада, что бывшая жена фермера не будет присутствовать на таком великосветском событии. Она ни разу не сказала папе, что ее матери следовало бы приехать.

К этому времени отношение Касталлаков к своей матери стало противоречивым. Маркус, когда ему исполнилось шестнадцать, попросил разрешения поехать к ней одному, но папа пообещал ему, что как только он закончит учебу, то сможет видеться с ней, когда захочет, и Маркус согласился подождать еще два года до окончания Итона. Мне пришло в голову, что, хотя Маркус совершенно искренне хотел увидеться с матерью, он нервничал при мысли о том, что увидит ее через столько лет, и его стало легче уговорить отложить свидание, чем раньше. Еще я заметил, что за исключением Филипа, который по-прежнему грозил убежать из школы и побороть всякого, кто бы вздумал его удержать, когда ему исполнится

шестнадцать, Касталлаки не горели желанием увидеться с матерью.

«Жаль, что я не могу убежать с тобой в Корнуолл, Филип», – говорил Хью, но, когда Филип принялся подбивать его на это, сказал, что ему, должно быть, тоже надо подождать, пока не исполнится шестнадцать. «Как здорово будет повидать маму!» – изредка вздыхала Жанна, но тем не менее была более чем довольна жизнью в Алленгейте с мамой. Да и Мариана тоже. Элизабет же вряд ли помнила, что не всегда жила в Оксфордшире и что наша мама на самом деле ей не родная.

– Ну и странная же она у вас, – не удержался я, когда Мариана сказала, что коль скоро ее мама много лет прекрасно жила без нее, то вряд ли стоит ожидать, что она приедет на бал, даже если ее пригласить. – Да уж, каких только людей нет на свете.

Конечно же, Филип оказался достаточно близко, чтобы услышать мои слова и устроить скандал.

– Ты прав, черт побери! – заорал он на меня. – Но по крайней мере, моя мать не спит с мужчиной, который ей не муж!

– Ах ты!..

Маркус и Уильям вошли в комнату как раз вовремя, чтобы нас разнять.

– О боже! – воскликнул Филип, побелев от гнева. – Я, наверное, не дождусь, когда смогу убраться из этого чертова дома! Слава богу, мне уже в июне исполнится шестнадцать. Мне осточертело жить с ублюдками, которых надо было поместить в приют сразу после рождения, а не воспитывать так, чтобы считали себя ровней мне! Ну погодите! Только попробуйте сунуть нос в мой дом – я дам вам такого пинка, что вы отлетите в ту самую канаву, где вам и место!

– О боже, – произнес я с нарочитым зевком, – с какой стати захотелось бы нам совать нос в твои дома? Они будут теми местами на земле, которых я стану сторониться, как чумных бараков.

Он плюнул на пол мне под ноги и вышел из комнаты. Дверь за ним захлопнулась с оглушительным треском.

– Адриан Парриш! – сказал Уильям. Он и Маркус смотрели на меня устало. – Ты что, никогда не поумнеешь?

– А при чем тут я? – возмутился я, вне себя от гнева. – Это он виноват! Он оскорбил мою мать, а я этого не потерплю! Ты, Уильям, должно быть, думаешь, что очень умно себя ведешь, но это не так: ты слабак! К чему принципы, если не можешь их защитить?

Они потрясенно уставились на меня, а я заорал: «Да подите вы все к черту!» – и в ярости выскочил из комнаты.

4

Мама все не могла избавиться от своей инфекции. После бала Марианы, который все светские газеты назвали «блестящим», Жанна и Элизабет остались с мисс Картрайт в Лондоне, а папа, препоручив Мариану попечению ее дуэньи, вернулся в Алленгейт.

К концу триместра он написал мне короткое письмо, веля на каникулы ехать из Уинчестера в Лондон; мама по-прежнему была нездорова, и врачи рекомендовали детям и молодежи уехать из Алленгейта, чтобы не подхватить инфекцию.

Уильям встретил меня на Ватерлоо. Он весь сезон жил в лондонском доме и о происходящем в Алленгейте знал понаслышке.

– Как мама? – с беспокойством спросил я.

– Кажется, не очень хорошо. Папа надеется, что скоро ей станет получше и он сможет поехать с ней в Швейцарию, чтобы она полностью поправилась.

– Да? – Страх пробежал у меня по позвоночнику, сердце забилось сильнее. – Ведь это же ничего серьезного, а, Уильям? Ей… ей уже лучше, правда?

Уильям не ответил. Он даже не смотрел на меня.

– Уильям?

– Папа сегодня вечером приедет из Алленгейта, чтобы поговорить с нами. Тогда мы все узнаем.

Меня захлестнула паника. Я схватил его за руку и затряс.

– Что с ней? Говори! Что? Что с ней?

Он пристально на меня посмотрел. Глаза его были спокойны, но невыразительны. Наконец он произнес странным голосом:

– Папа сказал – туберкулез. – И добавил затем дрожащим, быстрым голосом: – Она умирает.

Глава 3

Когда она умерла, Генрих воздвиг ей перед алтарем монастыря Годстоу близ Оксфорда великолепную могилу.

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

1

Она умерла.

Под конец мы были с ней. Даже Мариана, которая с нетерпением ждала блистательного окончания своего сезона, бросила прогулки на яхте в Каусе[5] и вернулась в Алленгейт. Был август. В конце концов все приехали в Алленгейт, кроме Филипа, который бросил Рагби на половине триместра, серьезно разругался с папой и сел на поезд, идущий в Корнуолл, в утро своего шестнадцатилетия.

Папа написал ему о маминой смерти и известил о похоронах. Я видел письмо на комоде в холле. Оно было адресовано Филипу Касталлаку, эсквайру, ферма Рослин, Зиллан, рядом с Сент-Джаст-ин-Пенуит, Корнуолл.

– Он не приедет, – сказал я Уильяму. – Он никогда ее не любил. Он был самым холодным, бесчувственным скотом из всех, кого я знал. Мама просто зря теряла время, стараясь быть доброй к нему, потому что она ему ни капли не была дорога. Я рад, что нам не придется выносить его присутствие на похоронах.

Похороны.

Я никогда прежде не бывал на похоронах. И никогда прежде не видел умирающих. Чувство всепоглощающего страха охватило меня, и еще я с болью понял, что Бог жесток и несправедлив.

– Бога нет, – сказал я Уильяму. – Почему мама умирает, если она еще молода? Да к тому же от туберкулеза, такой ужасной, кошмарной болезни! Все потеряло смысл. Все.

Но мама говорила мне: «Существует порядок. Никогда, никогда в этом

не сомневайся. Порядок есть всегда. Во всем. В каждом». А в самом конце она сказала: «Люби папу».

Она умерла, и дом затих. Цветы в вазах увяли, и лепестки тихо падали на пол, как слезы. Шел дождь. То лето было самым солнечным на моей памяти, но теперь шел дождь, он все шел и шел, а потом начали прибывать письма и цветы, множество прекрасных, великолепных цветов, словно для того, чтобы вытеснить увядшие. А во время похорон в маленькую церквушку в Алленгейте пришли люди, десятки людей – друзья папы по Оксфорду, прислуга из деревни, друзья мамы из Сент-Джонс-Вуда – один за другим, и никого из них не интересовало, как плохо она поступила, потому что теперь это не имело значения, потому что от нее осталась только ее доброта, люди помнили только эту доброту, и только для того, чтобы оплакать маму, они приехали издалека.

Касталлаки тоже оплакивали ее. Филипа, конечно же, не было, но все остальные пришли. Мариана и Жанна проплакали всю службу, и малышка Элизабет, которой было восемь, плакала вместе с ними. Хью был бледен и тих; Маркус стал мертвенно-бледен, его пальцы без конца крутили помятый носовой платок; Уильям плакал. А я плакать не мог. Мне было не до слез. Рядом со мной стоял папа, его лицо покрылось морщинами от горя, волосы поседели, он постарел.

Во дворе церкви было тихо, очень покойно. Священник читал по книге, а когда гроб опускали в могилу, солнце вновь выглянуло из-за облаков. Он все читал, а я думал: «Где же тут порядок? Покажите мне порядок. Если порядок существует, то покажите мне хотя бы его проблеск».

Ветерок невидимыми пальцами пробежал по волосам. Я стал смотреть в сторону, потому что не мог больше наблюдать за церемонией, а когда поднял глаза, то увидел, что к нам через церковный двор идет Филип, а в его руке пламенеет одинокая красная роза.

2

Папа отошел от меня и направился к нему. Я услышал, как он произнес:

– Почему ты не прислал мне телеграмму, что едешь? Я бы послал кого-нибудь встретить тебя на станции, чтобы ты успел на службу.

– Вот как? – воскликнул, как всегда резко, Филип. – Мне показалось, что, когда мы расставались в июне, ты обещал, что и пальцем не пошевелишь, чтобы помочь мне. Ты наказал мне, чтобы я никогда ничего у

тебя не просил.

Черной неуправляемой волной злость смыла мое горе. Мне захотелось крикнуть папе: «Скажи ему – пусть убирается! Он нам здесь не нужен! Пусть уезжает к себе в Корнуолл и никогда больше не возвращается!»

Но папа тронул Филипа за плечо и тихо сказал:

– Дорогой Филип, я часто говорю сгоряча, а потом жалею. Да и с тобой, я уверен, такое случается. Я не могу выразить словами свою признательность тебе за то, что ты приехал на похороны. Надеюсь, ты останешься с нами на несколько дней.

– Я никогда больше не буду жить с тобой под одной крышей, – произнес Филип, и, потрясенный, я услышал в его голосе дрожь. – Никогда.

– Хорошо. Я не буду уговаривать тебя вернуться в школу или отговаривать от возвращения в Корнуолл. Я просто не хочу, чтобы мы расстались.

Он покачал головой:

– Я хочу вернуться в Зиллан к маме.

И тогда папа проговорил спокойным голосом, который болью пронзил мое кровоточащее от горя сердце:

– Как поживает твоя мать?

Я повернулся и побежал. Я вбежал в церковь и спрятался за задней скамьей у колонны. Рыдания разрывали мне горло и сотрясали тело. Я плакал и плакал, словно мне было пять лет, а не пятнадцать; я оплакивал маму и себя, и пока я плакал, прошлое беззвучно закрыло за собой двери, а я остался в холодном настоящем, не смея смотреть в будущее.

Уильям нашел меня часом позже.

– Мы тебя повсюду ищем, – сказал он. – Я уже начал волноваться. – Он присел на скамью рядом со мной и обнял за плечи. – Ну-ну, старина, – проговорил он. – Пожалуйста. Пора остановиться. Надо постараться снова стать собой, как и прежде. Мама ушла, и ничто ее не вернет. И менее всего слезы.

– Да, но… – Я не мог говорить. – Что теперь с нами будет? – с болью произнес я в конце концов. Но говорить все еще было трудно. Мне на ум приходили только простые, неловкие слова. – Пока мама была жива, все всегда было хорошо… а теперь, когда она ушла, нет ничего твердого… надежного.

– Ну же, дурачок, не говори ерунды! Что теперь случится? Ты думаешь, папа позовет нас к себе в кабинет, отрастит рога, начнет изрыгать пламя и велит, чтобы мы больше носа на порог не показывали? Я тебе удивляюсь! Откуда такое неверие в папу? Конечно же, он будет заботиться

о нас, как и прежде. Не глупи!

Но папа все же позвал нас к себе в кабинет, чтобы обсудить наше будущее. Правда, он подождал до сентября, когда наше горе поутихло и я начал с тоской думать об учебе. Алленгейт уже давно казался заброшенным и покинутым; Мариана после похорон в слезах обещала заказать себе черные платья к лицу и вернулась в Лондон, а Маркус уехал в Корнуолл, чтобы наконец навестить мать; гувернантка мисс Картрайт увезла Жанну и Элизабет на месяц в Борнмут, потому что папа считал отдых у моря полезным для них после стольких печальных дней дома, а Хью уехал на неделю погостить к школьному другу в Норфолк. В день отъезда Хью, вечером, когда папа наконец остался один в доме со мной и Уильямом, он пригласил нас к себе после ужина в кабинет, и я инстинктивно понял, что он хочет поговорить о нашем будущем.

– Ну что ж, Уильям, – начал он дружелюбным тоном, – поскольку ты мне ничего не говорил, я не стал организовывать твой отъезд в Оксфорд в следующем месяце. Но, я думаю, ты уже решил, какую профессию хочешь избрать. Какое решение ты принял?

Уильям покраснел. Мне стало жаль его, потому что я знал, что он не любит учиться, а учиться надо было, если ему пришлось избрать бы профессию, потому что призвания к церкви или армии у него не было. Ему не повезло, что он не родился деревенским сквайром, которого по достижении двадцати одного года ожидала бы твердая рента, но папа некоторое время назад ясно дал нам понять, что, хотя по завещанию нам и достанутся деньги, нам всегда придется зарабатывать на жизнь. Мама тоже объясняла, что такое отношение естественно, потому что папа не любил, когда молодежь ведет праздную жизнь, и, поскольку мама считала это правильным, я тоже принял это, не жалуясь. Но теперь я начал злиться. Маркус только что закончил учиться, но никто и не думал о том, что ему надо зарабатывать на жизнь. Он, похоже, принимал как должное тот факт, что проведет молодость, не ударив пальцем о палец. Мне показалось ужасно несправедливым, что Уильям, который был старшим сыном, вынужден заботиться о средствах к существованию, в то время как Маркус мог делать, что ему заблагорассудится, не думая о том, на какие деньги он это делает.

– Что ж, папа, – скованно произнес Уильям после неловкого молчания, – боюсь, мне очень трудно принять решение. Дело в том, что о единственном, что мне по душе, не может быть и речи, поэтому мне в голову не приходит, чем еще заняться.

– Я горячо приветствую, когда люди занимаются тем, что им

нравится, – сказал папа. – Что у тебя на уме?

– Ну… по правде говоря, мне бы хотелось управлять поместьем, проводить много времени на свежем воздухе, но я понимаю, что управляющий – это занятие для людей из очень низкого класса, поэтому, боюсь, ты этого не одобришь.

К моему удивлению, папа заинтересовался.

– Управление поместьем требует много навыков, – заметил он вполне мирно. – Мне бы, конечно, не хотелось, чтобы ты избрал такую карьеру, но, если ты склоняешься к этому, Уильям, я не стану тебя останавливать. Думаю, я даже смогу помочь тебе поначалу и обеспечить тебе обучение на большой усадьбе.

Уильям просветлел и подался вперед.

– Как это мило с твоей стороны, папа! Ты… ты уже знаешь, на какой усадьбе?

Папа взял из коробки на столе сигару. Я инстинктивно напрягся, но заставил себя расслабиться. Даже семь лет спустя папины сигары напоминали мне о той столовой в Брайтоне.

– Да, – сказал папа, долго раскуривая сигару. – Да, я уже знаю, на какой усадьбе.

Тогда я понял. Я уставился на него, но он на меня не смотрел; он был слишком занят тушением спички, и неожиданно я перенесся в Брайтон, когда папа сквозь облако сигарного дыма говорил: «Боюсь, мне надо сказать кое-что, о чем следовало сказать давным-давно».

– Какая это усадьба, сэр? – невинным голосом спросил Уильям.

– Пенмаррик, – ответил папа.

Наступило молчание. Я сжал кулаки и уставился в пол, сжав зубы.

Папа принялся объяснять. Он решил на время оставить Оксфорд и вернуться в Пенмаррик, чтобы работать над книгой. Ему всегда хорошо писалось в Корнуолле, кроме того, Пенмаррик был его домом, и он начал по нему скучать. Что касается Алленгейта, то он решил его продать. Мы, конечно же, понимаем почему. Дом и для него, и для нас полон воспоминаний: тут Роза болела… страдала… умирала… Он больше не хочет здесь жить. Кроме того, он уверен, что Корнуолл нам понравится. Мы оба родились там, хотя поначалу можем найти Корнуолльский Оловянный Берег странным, но со временем мы привыкнем…

– Я туда не поеду, – с нажимом сказал я. – И в Пенмаррик не поеду. Я решительно отказываюсь. Я не собираюсь терпеть публичное унижение.

– Мы можем притворяться и дальше, что я ваш опекун.

– Ну да, сказка, в которую никто не верит!

– Адриан, какая разница, что подумают несколько деревенских сплетников? Ты должен научиться быть менее чувствительным! Попытайся вести себя разумно, по-взрослому, так, как, я уверен, поступит Уильям…

– Уильям! – взорвался я. – Уильям, как всегда, пойдет по пути наименьшего сопротивления, но я не таков! Я защищаю свои принципы и… Заткнись! – прошипел я Уильяму, который умудрился пнуть меня в ногу. – И я думаю, что с твоей стороны несправедливо и неправильно тащить нас в Корнуолл и выставлять нас как своих… своих…

– Я просто стараюсь помочь вам, как могу.

– Нет! Ты нас дискриминируешь, как ты дискриминировал Уильяма, когда сказал, что ему придется зарабатывать себе на жизнь, в то время как мы все знаем, что Маркус может жить в праздности! Это несправедливо! Ты относился к маме как к своей жене и должен относиться к нам как к своим законным сыновьям!

– Я бы не пригласил вас в Пенмаррик, если бы не хотел относиться к вам как к законным сыновьям. Но есть предел моего отношения к вам как к законным детям, и я не могу пойти дальше его, потому что тогда буду несправедлив к моим законным детям. Не перебивай меня, или я тоже потеряю терпение, и тогда мы оба об этом пожалеем! Тебе почти шестнадцать лет, и давно пора посмотреть на жизнь реалистично. Ваша мать не была моей женой. Мне очень жаль, что не была, но это так. Прошлого не изменишь. С ним можно только жить. Она была моей любовницей. Вы это знаете, и я это знаю, и, что бы мы ни говорили, этого не изменишь. Я любил ее, я относился к ней как к жене, я бы женился на ней, если бы мог, но она была моей любовницей. Вы мои незаконные сыновья. Надо смотреть правде в глаза. Это очень неприятный факт, я это признаю, но это не должно испортить вам жизнь. Вам обоим дали хорошее образование и воспитание. Если вы преуспеете в избранных вами профессиях и достойно проживете жизнь, сомневаюсь, что кто-нибудь когда-нибудь усомнится в вашем происхождении.

– Но…

– Вот что я хочу тебе сказать: не стоит терять время, пытаясь доказать, что вы законные дети, искать оскорбления в оттенках моего отношения. Прими тот факт, что ты незаконнорожденный, таким, какой он есть, – это недостаток, который совсем не обязательно скажется на твоей жизни, – и решись жить с ним как можно лучше.

– Ну да, в Пенмаррике!

– Если ты научишься жить с этим в Пенмаррике, то сможешь жить с этим где угодно.

– Я не поеду туда! – Неожиданно мне захотелось заплакать. – Я уеду в Америку. Я…

– Мой дорогой Адриан, проблем не решить, убегая от них. Да и как ты осуществишь свою мечту читать лекции по истории в университете, если, не закончив образования, ближайшим пароходом уедешь в Америку?

Он встал, обошел вокруг стола и подошел ко мне. Мне захотелось, чтобы Уильям исчез. Я чувствовал, что сейчас наделаю много глупостей, и не желал, чтобы он стал тому свидетелем.

– Уильям, – сказал папа, – о твоей работе мы поговорим позже. – А когда Уильям ушел, он наклонился ко мне, обнял за плечи и произнес очень мягко: – Бедный Адриан, как ты запутался! Как мне тебя жаль!

Но я не хотел его сочувствия.

– Ничуть я не запутался, – быстро сказал я. – Ясно как божий день, что ты нас стесняешься и приглашаешь в Пенмаррик только из уважения к памяти мамы. И еще мне ясно, что законных детей ты…

– Люблю больше? Я никогда этого не говорил.

– Но… – Все было бесполезно. Я не мог продолжать, слова застряли у меня в горле, и мне ничего не оставалось, как безуспешно бороться со слезами.

– Послушай, – сказал отец. – Я очень хочу видеть тебя в Пенмаррике, и не только из уважения к памяти Розы. Неужели ты думаешь, что я не мог бы все потихоньку устроить, если бы хотел избавиться от вас? Ведь сейчас для этого самое подходящее время. Но я действительно хочу видеть вас в своем доме. Пожалуйста, поверь в мои добрые чувства, когда я приглашаю вас в Корнуолл. Если бы я думал, что ты будешь там несчастлив, я бы не заставлял тебя ехать туда, но мне кажется, тебе там понравится. Обещай, по крайней мере, что попытаешься его полюбить.

Мне удалось кивнуть.

– И еще обещай, что никогда больше не будешь думать, что я не хочу тебя видеть. Обещаешь?

Я кивнул во второй раз.

– Ну что ж, в таком случае, – с облегчением произнес он, и в его голосе зазвучали ободряющие нотки, – наши проблемы кончились, не правда ли?

Но они только начинались.

3

Я не мог заставить себя попрощаться с Алленгейтом. Я упаковал вещи в чемодан, как велел папа, но, когда пришло время ехать в Уинчестер, я покинул дом, притворяясь, что вернусь туда, как обычно, на рождественские каникулы. Мне кажется, что, если бы я позволил себе задуматься о том, что никогда больше не буду в нем жить, уезжать мне было бы невыносимо больно. Единственным моим поступком, совершив который я признал, что надолго оставляю Алленгейт, было то, что я отдал свои сбережения жене викария и попросил ее, чтобы у прекрасного памятника, который папа поставил над маминой могилой, время от времени появлялись цветы.

Возвращение в школу было до некоторой степени облегчением. Я опять с жаром погрузился в занятия, чтобы позабыть о мире, существовавшем вне школьных стен, но письма от папы приходили регулярно, и мне было сложно совершенно закрыться от внешних обстоятельств, как я того хотел. Уильям тоже, конечно же, писал. Его письма не отличались большой эрудированностью, но всегда были полны новостей.

«…Итак, Мариана помолвлена, – писал он в конце сентября. – Ей были предложения от лорда, баронета и еще от одного знатного господина, поэтому, конечно же, она выбрала лорда. Его зовут де Леонард, он, по-моему, барон. Денег, конечно же, куры не клюют…»

«Дорогой Адриан, – писала Мариана своим летящим почерком. – Огромное спасибо тебе за очаровательное письмо! Замечательная новость, и я совершенно фантастически счастлива. Мой дорогой Ник именно тот, о ком я всегда мечтала. Я, конечно, понимаю, что звания и деньги ни капли не значат, но это так здорово! Вообрази: я – леди де Леонард!!! У Ника прекрасный загородный дом в графстве Кент, но мне кажется, что большую часть времени мы будем проводить в Лондоне (Верхняя Гросвенор-стрит). Кольцо – умопомрачительное! Конечно, я знаю, что материальные ценности не играют совершенно никакой роли, но все-таки жизнь от них становится намного комфортнее, согласись…»

Папа писал, что он настоял на том, чтобы помолвка длилась год, поскольку Мариане всего лишь семнадцать, и день свадьбы был предварительно назначен на следующий сентябрь. Мариана теперь живет с ним в Пенмаррике, но жених собирался приехать с визитом сразу после Рождества, и я смогу тогда с ним познакомиться.

Но мне не хотелось думать о рождественских каникулах, которые мне придется провести в Пенмаррике. Я с облегчением получил следующее письмо от Уильяма, но он не писал ни о чем, кроме Пенмаррика: как ему

нравится живописная природа, как я буду изумлен, когда увижу дом, как он удивился, увидев в галерее портреты и поняв, что глаза Пенмаров выдают его.

«…Тебе повезло, что ты совсем не похож на Пенмаров, – весело добавлял он. – По крайней мере, ты будешь избавлен от странных взглядов дворецкого, когда тот будет думать, что ты на него не смотришь! Кстати, раз уж речь зашла о внешности Пенмаров, подожди, пока не увидишь самого младшего члена семьи. Джан-Ив, без сомнения, самый несносный ребенок, какого можно себе представить. Бедняга! Он уродлив, груб, громогласен, непослушен, грязен, кажется существом, которого оставили после себя цыгане. И он почему-то ужасно ко мне привязался и ходит за мной по пятам. Мальчишка никого больше не любит, поэтому, полагаю, я должен быть польщен. Ты знаешь, его мать даже ни разу не пришла его навестить. Ни разу! А ведь она живет всего лишь в нескольких милях от Зиллана. Вот уж, должно быть, странная женщина! Чем больше я о ней слышу, тем более неприятной она мне представляется. Но все остальные от нее в восторге, и даже Мариана немного оттаяла. Ты удивишься, но папа больше не пытается препятствовать их встречам и говорит, что они могут ходить на ферму Рослин, сколько им заблагорассудится. Как будто ему уже безразлично, что мама умерла…

Так или иначе, Маркус и девочки ходят на ферму каждую субботу на обед, но Джан-Ив не соглашается ходить туда, и я его не виню. Даже если папа просит его сходить, он просто не слушается. Между нами, мне кажется, что он не любит папу так же, как и свою мать, хотя папа просто из кожи вон лезет, чтобы ему угодить. Ты бы удивился, увидев, как невероятно терпелив и ровен папа перед лицом его откровенных провокаций и, кажется, решил страдать от него до конца… Интересно, что ты обо всем этом подумаешь, когда приедешь. С нетерпением ожидающий тебя…»

Был декабрь. Триместр близился к концу, и наконец восемнадцатого декабря 1911 года я уехал из Уинчестера и начал долгое, утомительное путешествие на запад, в Корнуолл, к своему новому дому.

Мне исполнилось шестнадцать лет.

Глава 4

У короля Генриха был теперь и еще один сын, Джон… Это был милый малыш.

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

Их мать, которой уже давно прискучили брачные утехи, несколько лет как жила отдельно от мужа, управляя своим собственным наследственным имуществом на юге вместе с сыном Ричардом.

А. Л. Пул.

Оксфордская история Англии:

От «Книги Судного дня» Вильгельма Завоевателя до Великой хартии вольностей

1

Я никогда не бывал западнее Труро. Я подъезжал к Пензансу, поезд мчался вдоль песков залива Маунтс, а передо мной, поблескивая на декабрьском солнце, поднималась гора Сент-Майкл со сверкающим острием средневекового великолепия, возвышающимся над сияющей гладью Ла-Манша. Тогда-то я и почувствовал, насколько необычен Корнуолл, его старинность, это эхо затерянного народа, чей язык умер, и люди забыли, что являются другой нацией, с иной, чем англичане, историей. Моя память внезапно обострилась; я вдруг вспомнил, как мама говорила нам еще давно, в Сент-Джонс-Вуде: «Папа выглядит как иностранец».

Но мое первое благоприятное впечатление от Корнуолла быстро погасло, когда на платформе я встретил Уильяма, потому что за ним по пятам шел очень маленький, очень уродливый сорванец. У него были густые черные волосы, наглый надутый рот и черные раскосые глаза

Пенмаров. Когда я посмотрел на него, он высунул маленький розовый язык и засмеялся.

– Это Джан-Ив, – сказал Уильям. – Ты, наверное, узнаешь его по моим описаниям. Джан-Ив, это мой брат Адриан.

– Привет, прыщавый, – произнес мальчишка.

– Прекрати, толстяк, – сказал Уильям.

– Я не толстый!

– А Адриан не прыщавый. А теперь давай помогай. Возьми сумку Адриана – вот так, – не слишком тяжелая? Очень хорошо, отнеси ее Кроуласу в коляску. Спасибо.

Мальчуган вырвал сумку у меня из рук и заковылял к выходу, чуть спотыкаясь.

– Какой плюгавый ребенок, – сказал я с неприязнью. – Как ты с ним уживаешься?

– На самом деле он хороший малый… Пошли в коляску.

Поездка в Пенмаррик была совершенно испорчена надоедливым ребенком. Он прыгал по коляске, прерывал все мои попытки завязать разговор с Уильямом и хвастался тем, что он сделает, когда вырастет.

– Я буду гением, – заявил он, нагло глядя на меня своими узкими черными глазами, – и еще я буду богатым. Я буду таким богатым, что все будут просить меня, чтобы я их полюбил, но я не буду. Я сброшу их со скал и посмотрю, как они разобьются.

Я осторожно шепнул Уильяму:

– Y a-t-il une maladie de la tete peut-etre?[6]

– Он просто пытается произвести на тебя впечатление, – спокойно ответил Уильям. – Пока что он думает, что может привлечь к себе внимание, лишь эпатируя людей. Правда, Джан-Ив?

Ребенок оглушительно захохотал и прицелился кулаком Уильяму в грудь. Уильям рассеянно парировал удар и погладил мальчика по голове. Коляска тащилась в Пенмаррик.

Конечно же, я возненавидел Корнуолльский Оловянный Берег, как только его увидел. Он так отличался от деревьев, лужаек и живописных деревушек Оксфордшира: здесь все было голым и уродливым, нигде ни деревца, а дома шахтеров серы и мрачны. Раны шахт, по большей части заброшенных, делали этот забытый богом пейзаж ужасно унылым, и даже прежде, чем мы достигли того места на дороге, откуда был виден мой новый дом, я уже знал, чего ожидать.

– Вон он! – закричал ребенок. – Вон Пенмаррик! – Он повернулся ко мне, и его маленькие черные глазки засияли. – Я жил там совсем один, –

сказал он гордо, – один со слугами. Замок был полностью моим. Пока они не приехали. Но когда-нибудь я его себе верну.

Здание было похоже на серого раскинувшегося зверя, а когда мы подъехали ближе, мне показалось, что тусклые стены, злобные горгульи[7], высокие трубы, окна, из которых не открывалось никакого вида, и гротескные фальшивые бойницы насмехаются надо мной.

– Мило, не правда ли? – сказал Уильям. – Мне нравится.

Я промолчал. Когда мы вышли из коляски, передняя дверь распахнулась и папа выбежал мне навстречу.

– Адриан! Добро пожаловать в Пенмаррик!

За ним спешили Жанна и Элизабет.

– Привет, Адриан! – сказала, запыхавшись, Жанна. – Как здорово, что ты приехал! Это ведь самый красивый дом на свете, не правда ли? Так здорово быть дома!

– Привет, – сказала Элизабет. – Кухарка специально для тебя приготовила к чаю особый крем из лучшей корнуолльской сметаны. Еда здесь действительно очень хороша.

В дверях появился Маркус.

– Привет! – воскликнул он. – Тебе нравится вид на море? Мы приготовили для тебя бывшую комнату Филипа, чтобы ты мог смотреть на мыс Лендс-Энд. Потрясающая комната.

Через холл летела Мариана.

– Адриан, как чудно! Проходи в дом. Тебе нравится мое кольцо? Бриллиант в середке ужасно красивый, не правда ли? Это самое лучшее кольцо в моей жизни…

– Медлин, – сказал папа дворецкому, – пожалуйста, чай в гостиную через десять минут. Джеймс, будь добр отнести вещи наверх.

Лакей резво подскочил ко мне.

– Я покажу тебе твою комнату, – предложил Маркус. – Очень надеюсь, что она тебе понравится. Хорошо ведь жить одному после стольких лет в Алленгейте, когда тебе приходилось делить комнату с Филипом.

По широкой лестнице мы прошли в длинную галерею. Я, против своей воли, остановился посмотреть на портреты на стенах.

– Прежние Пенмары, – с усмешкой заметил Маркус. Он быстро, по-галльски пожал плечами. – Странное сборище, не так ли?

Потом шел огромный мрачный коридор. Маркус открыл дверь, и мы вошли в невероятных размеров комнату с высокими потолками и солидной викторианской мебелью. За окном плескалось море.

– Очень мило, – вежливо произнес я.

– Тебе нравится? – с готовностью откликнулся Маркус. Ему всегда так хотелось, чтобы людям все нравилось, чтобы все были счастливы. – Прекрасный вид, не правда ли?

– Прелестный, – сказал я.

– Ванная совсем близко: пройдешь до конца коридора, потом направо, первая дверь налево. Как только будешь готов, спускайся. Лакей покажет тебе, где гостиная.

– Хорошо. Спасибо, Маркус.

– До встречи! – Он улыбнулся мне.

– Да.

Он вышел, закрыл за собой дверь, и я наконец остался один.

Я медленно огляделся. Мне все не нравилось. Это был самый холодный особняк из всех, какие я видел, и я сразу понял, что не буду здесь счастлив.

2

На следующий день из Харроу приехал Хью. Он задержался в Пенмаррике, только чтобы поужинать и сладко выспаться, а на следующее утро оседлал лошадь и уехал в Зиллан повидаться с матерью. Его не было целый день, и вернулся он лишь затем, чтобы не рассердить папу опозданием к ужину.

– Она хорошо выглядит, не правда ли? – спросил его Маркус. – Как тебе показалось, она сильно изменилась?

– Не очень, – сказал Хью, тщательно обдумав вопрос. – В волосах больше седины, но в остальном все такая же. Мне показалось, что для своего возраста она замечательно выглядит.

– Она так по тебе скучала, – сказала Жанна. – Просто дождаться не могла. «Как хорошо будет снова увидеть Хью! – сказала она в прошлую субботу. – Жду не дождусь, когда он вернется!»

Хью улыбнулся своей странной сладкой улыбкой, он был доволен.

– Она сказала, что я похорошел, – спокойно сказал он, – и еще сказала, что уверена, что со временем я стану таким же высоким, как Филип. Хоть бы это было так! Несправедливо, что я такой коротышка. Все высокие, кроме меня.

– Ты сделал маме подарок? – с нетерпением спросил Маркус.

– Конечно! По дороге из Харроу, в Лондоне, я купил ей французские духи. С очень изысканным ароматом, – подчеркнул он, – и ей отлично

подходят. Я долго их выбирал.

– Как мило! – выдохнула Жанна. – Ей понравилось?

– Очень, – сказал Хью. – Я знал, что ей понравится. Замечательный подарок.

– А обед был вкусный? – с интересом спросила Элизабет. – Мама сделала корнуолльские пирожки? У нее они хорошо получаются.

– Нет, – сказал Хью. – Гризельда приготовила по старинному рецепту рагу с травами. Честно говоря, это не очень вкусно, но я съел из вежливости.

Я спросил, борясь со вновь подкравшимся чувством обособленности:

– Кто такая Гризельда?

– А, жуткая старая карга, – небрежно ответил Хью. – Ей по крайней мере девяносто. Кажется, она была когда-то маминой няней.

– В прошлую субботу мы очень мило провели время на ферме, – сказала Элизабет. – На поздний завтрак выпили немного бузинного вина и ели лучшие медовые бисквиты, какие мне приходилось пробовать.

– Честное слово, Лиззи, – сказала Мариана, подняв глаза от своего ежедневного письма жениху в Лондон, – ты когда-нибудь думаешь о чем-нибудь, кроме своего желудка?

– А мама обрадовалась твоей помолвке, Мариана? – поинтересовался Хью.

– Пришла в восторг. Она была так мила! Сказала, что у меня очень красивые руки, как раз для бриллиантов, и…

Я уже начал порядком уставать от бриллиантового кольца Марианы.

– …И еще она сказала, что очень довольна: для меня это весьма подходящая партия. Мне кажется, что папа поступил с ней не очень хорошо, как вы считаете? Конечно, у него были свои причины, чтобы чинить ей всякие препятствия для встреч с нами в Алленгейте, но… все равно она должна прийти на новогодний бал, который папа дает для Ника и для меня, и, конечно же, она должна познакомиться с Ником, как только он приедет в Пенмаррик после Рождества… Хотя все это будет немного неловко. Как я поведу Ника на эту ужасную ферму? Жаль, что мама живет там.

– Я тоже не могу этого понять, – согласился Хью. – Трудно себе представить, чтобы женщина с таким тонким вкусом и утонченными манерами могла предпочесть ферму Пенмаррику. Боже милостивый, там даже нет настоящей уборной! Мягко говоря, ужасающе примитивное сооружение.

– Мама могла бы прийти на чай в Пенмаррик, чтобы познакомиться с

Ником, – предложил Маркус. – Это разрешило бы проблему и не создало бы ни для кого неловкой ситуации. Не думаю, что папа будет возражать.

– Какая хорошая мысль! Я поговорю с ним об этом за ужином.

Когда мы остались одни, я спросил Уильяма:

– Нам ведь не надо будет с ней знакомиться, правда?

– С миссис Касталлак? Конечно же нет! Мы вот что сделаем: когда Филип привезет ее на чай, поедем в Зиллан навестить священника. Он милый старикан, а его внучка Элис Пенмар что-то вроде нашей приемной двоюродной сестры. Ее отец был приемным сыном Жиля Пенмара, который жил здесь до папы, а ее мать – единственной дочерью священника. Они оба умерли, поэтому Элис воспитывали бабушка и дедушка, но миссис Барнуэлл, ее бабушка, тоже недавно скончалась, и Элис теперь сама ведет хозяйство. Она классная. Не красотка, но веселая. Мне кажется, она тебе понравится.

– Сколько ей лет? – с подозрением спросил я, потому что девушки по-прежнему смущали меня и их компания мне не нравилась.

– Она моего возраста! – засмеялся Уильям. – Слишком стара для тебя! Не беспокойся, я не собираюсь вас сводить. Она, может быть, заглянет в Пенмаррик на этой неделе, чтобы повидаться с Марианой, так что у тебя будет возможность увидеть ее.

– У меня сейчас нет желания ни с кем встречаться, – упрямо сказал я. – Лучше я побуду один: не хочу напрягаться и заводить знакомства.

И, несмотря на старания Уильяма переубедить меня, первые дни после приезда в Пенмаррик я провел в одиночестве. Я гулял по усадьбе, спускался в крохотную бухту под террасой, обследовал пару пещер, но потом погода испортилась, скалы окутало туманом, и у меня пропало желание выходить из дому. Я постоянно поддерживал огонь у себя в комнате и проводил долгие часы, читая романы Энтони Троллопа[8] из папиной библиотеки.

Я оставался один даже на Рождество. В Пенмаррике устроили замечательное празднество на корнуолльский лад, но я по-прежнему чувствовал себя чужим, аутсайдером, которого преследовало чувство обособленности, поэтому как можно больше держался в тени. Все остальные веселились как могли. Уильям и Маркус один или два раза напились и гонялись за горничными под омелой; вскоре они начали часто уезжать по вечерам в Сент-Джаст, а то даже в Зеннор или Зиллан, чтобы выпить в пабе, и нередко возвращались в Пенмаррик глубокой ночью.

Я по-прежнему проводил время у себя в комнате или иногда отправлялся в одиночестве на короткие прогулки и все время со слезами на

глазах вспоминал прежние рождественские праздники в Алленгейте с мамой.

В Пенмаррике бывало много гостей. С фермы Гернардз в Зенноре приезжал молодой Питер Уеймарк; Джордж и Обри Карнфорт с сестрой Фелисити приезжали из Карнфорт-Холла, который располагался между Пензансом и Маразионом. Вечеринки, приглашения, ответные визиты случались то и дело, но я игнорировал их все без исключения.

– Поедем, – говорил Уильям. – Пожалуйста! Почему ты не хочешь? Послушай, никто не знает о…

– Дело совсем не в этом, – отвечал я.

– Они думают, что мы просто какие-то бедные родственники, в которых есть кровь Пенмаров! Никто не думает, что папа…

– Все равно. Терпеть не могу вечеринки и не хочу ни с кем встречаться.

– Но вечеринки – это весело, Адриан! Девушки – это здорово! Ты так много упускаешь!

Я упрямо качал головой и еще глубже прятался в свою скорлупу.

К счастью, после Рождества из Лондона приехал жених Марианы Николас де Леонард, и все, развлекая его, были слишком заняты, чтобы беспокоиться обо мне. Но Джан-Ив, не то что я, не находил удовольствия в том, что его игнорируют, и однажды утром сердито признался мне, что его тошнит, оттого что «этот глупый лорд» отнимает у Уильяма все время.

– Хоть бы он уехал, забрал с собой Мариану и никогда больше не возвращался, – мрачно добавил он. – Терпеть не моту их обоих.

– Тебе что, из всей семьи нравится только Уильям? – спросил я в отчаянии. – Неблагоразумно не любить никого, кроме него!

– Почему? – возразил Джан-Ив. – Маркус всегда велит мне пойти поиграть, как только я подхожу к нему; Мариана смотрит на меня так, словно я дохлая морская звезда, которую вынесло на пляж; Хью ни разу не сказал мне ничего, кроме слова «привет»; Жанна глупа; Элизабет съедает всю мою еду, а ты всегда пытаешься завладеть вниманием Уильяма и увести его от меня. Ты такой же плохой, как и лорд, и тоже мне не нравишься. А папу я не люблю, потому что он привез их всех сюда без моего разрешения, и новую няню я тоже не люблю, потому что она бьет меня тапкой, и старую гувернантку Картрайт не люблю, потому что она отстала от жизни. Мне нравилась старая няня, – неожиданно прибавил он, – няня, которая у меня была до того, как они сюда приехали. Но она пила джин и должна была уйти. И папа опять не спросил моего мнения. Я пошел в ее комнату и увидел, что она собирает вещи. Я сказал, что убегу

вместе с ней, но она сказала, что я не должен этого делать, хотя мне кажется, что ей хотелось, чтобы я убежал, потому что она плакала. Бедная няня! А пить джин – очень плохо?

– Очень, – сказал я и попытался от него избавиться, но он присосался ко мне как пиявка.

– А ты видел моего брата Филипа? Лично я не видел и не собираюсь. Он живет с ней. Ее я ненавижу больше всех на свете. Я никогда в жизни не захочу ее видеть. Никто не заставит меня с ней познакомиться.

– А почему ты ее не любишь? – Я не знал, что еще сказать.

– Потому что не люблю! – Он огляделся с таинственным видом, потом схватил меня за руку и притянул поближе. – Ну, знаешь, как когда видишь на полу мусор, ты поднимаешь его и бросаешь в мусорную корзину?

– Ну да, разумеется.

– Так вот это-то она со мной и сделала. Мне было четыре месяца, она взяла меня, принесла к няне и сказала: «Выброси его!» Но няня не выбросила. Няня спрятала меня и ухаживала за мной. Я знаю, это правда, потому что няня мне рассказывала.

– Не могу поверить, чтобы твоя мама могла сказать…

– Но ведь она ушла, ведь ушла? – настаивал мальчик. – И не вернулась. Она думала, что няня выбросила меня в корзину для мусора. Иначе почему она не приходила, чтобы меня проведать? И я никогда не приду проведать ее. Завтра она придет, чтобы познакомиться с глупым лордом, и папа говорит, что я должен при этом присутствовать, но я не пойду. Я пойду с тобой и Уильямом на чай к священнику в Зиллан.

Но папа предвидел реакцию Джан-Ива на визит миссис Касталлак и запер его в комнате, чтобы он не сбежал.

– Бедняга, – сказал Уильям, когда мы тряслись по неровной дороге в сторону Зиллана.

В Зиллане я никогда прежде не был. Это был приход на пустоши к востоку от Сент-Джаста и к югу от Морвы, и, к своему удивлению, я обнаружил, что эта деревенька в суровом корнуолльском стиле по-своему привлекательна, а у церкви имеется прекрасная нормандская башня.

– Там похоронен наш дедушка, – сказал Уильям, – и наш старший сводный брат, который был бы всего на несколько месяцев моложе меня, если бы остался в живых.

Я не ответил, поэтому он сказал мне резко:

– Ради бога, Адриан, ну развеселись хоть чуть-чуть! Надеюсь, ты не собираешься и за чаем сидеть в мрачном молчании, а то мне будет ужасно неловко. Ну встряхнись же немного, вот так, молодец. Терпеть не могу,

когда у тебя плохое настроение.

– Прости. – Я вздохнул. – Но иногда жизнь кажется такой ужасной.

– А мне она кажется очень увлекательной, – сказал Уильям. – Не волнуйся, она не вечно будет казаться ужасной! Скоро она тебе опять понравится.

Мы подъехали к дому священника, привязали лошадей и направились к крыльцу. Когда мы подходили, передняя дверь открылась и тоненькая, худенькая девушка лет двадцати, с темными глазами, острым носом и умным ртом, заулыбалась нам с порога.

– Добрый день, – сказала Элис Пенмар приятным контральто. – Как я рада видеть вас обоих! – И она посмотрела на меня тем пристальным, заинтересованным взглядом, который я запомнил и которого впоследствии боялся.

– Элис, – сказал Уильям, – позволь мне представить тебе моего брата, Адриана Парриша. Адриан – мисс Элис Пенмар.

– Здравствуй, – вежливо произнес я.

– Наконец-то! – воскликнула Элис. – Я все думала, когда же ты снизойдешь до светских визитов в окрестные дома. Честно говоря, даже начала сомневаться в твоем существовании! Приходя в Пенмаррик навестить Мариану или Маркуса, я никогда не вижу тебя даже краешком глаза. Не понимаю, почему ты прятался. Мне ты кажешься не только очень симпатичным, но даже приветливым – какое облегчение! Я боялась, что у тебя какой-нибудь страшный дефект, о котором никто из вежливости не говорит.

Я покраснел. На меня напала стеснительность. Я постарался улыбнуться.

– Входи, – приветливо пригласила Элис, – познакомься с дедушкой.

Мы прошли в большую старомодную гостиную, и священник поднялся нам навстречу. Ему было, по моему мнению, лет семьдесят, но его худое тело было ловким, а глаза светились живостью. У него были необыкновенные глаза, глубоко посаженные и лучистые.

– Дедушка, – сказала Элис, – познакомься с Адрианом Парришем.

Он посмотрел на меня и все понял. Я увидел, как расположение ко мне мелькнуло у него в глазах, хотя он тут же потушил этот блеск. Я не слишком похож на отца, но, уж не знаю как, он все понял.

– Как мило с твоей стороны, что ты пришел, – сказал он, взял меня за руку и улыбнулся, словно встретил давно потерянного друга. – Какая приятная неожиданность!

В ответ я тоже улыбнулся. Мне очень хотелось спросить его, почему

он так обрадовался, увидев меня, но я понимал, что время для таких вопросов еще не пришло, что их можно будет задать, только когда мы останемся одни.

Словно читая мои мысли, он сказал:

– Нам попозже нужно будет о многом поговорить. Мне хочется все о тебе узнать. – А когда он протянул руку и тронул за плечо, я почувствовал себя так, словно после долгого путешествия я добрался домой, словно наконец понял порядок и не был больше один.

3

Позднее он сказал мне:

– Касталлаки заходили сюда несколько раз после приезда. Они все так хвалили вашу маму. Должно быть, она была замечательной женщиной.

– Да, – сказал я. – Была.

Элис стояла у окна, показывая Уильяму фотографии, которые она сделала во время поездки в Сент-Ивс. Они смеялись.

Я неловко заметил:

– Она была… очень хорошим человеком.

– Марку повезло, что у него был такой хороший человек, чтобы присматривать за детьми. Я знаю Марка… вашего опекуна… очень давно. С тех пор, как он был в возрасте Уильяма.

– Правда?

– Да, он был несчастливым молодым человеком. Он знавал трудные времена. Но он был сильным. Он выжил. Высокая выживаемость в крови у Пенмаров, и ваш опекун не был исключением.

– Наверное, – сказал я, – жизнь иногда настолько отвратительна, что приходится быть сильным, чтобы выжить.

– Боже мой! Ты говоришь так, словно испытал все муки ада! Жизнь действительно была так плоха?

Это заставило меня призадуматься.

– Нет, – пришлось мне наконец признаться. – Если не считать смерти мамы, мне очень везло. И я это знаю. Просто я чувствую себя таким подавленным от… несправедливости мира. Так нечестно, что людям приходится страдать ни за что или за что-нибудь, в чем они не виноваты. В мире столько зла и несправедливости, а со времени смерти мамы мне особенно невыносимо думать, что я так мало могу сделать. В сущности, мне кажется, что все, что я могу сделать, – это уйти из мира и

притвориться, что зло и страдание не существуют.

– Но это не поможет ни тебе, ни кому-либо еще! – Священник с жаром наклонился ко мне. Его глаза были такими темными и блестящими, что я не смог отвести взгляд. – Нужно идти навстречу этим вещам с открытым забралом! Противостоять им! Не прятать голову в песок, надеясь, что они сами, стоит лишь пожелать, исчезнут. Мир покажется тебе гораздо лучше, но только если ты сам внесешь свой вклад, потому что люди пассивные, апатичные, не связавшие себя обязательствами, не приносили добра никакому делу. Не уходи в себя, считая, что мир слишком отвратителен, что тебе нет в нем места! Иди в мир, займи в нем свое место и больше не замирай от страха.

4

После этого я решил, что впредь буду ходить в церковь в Зиллане. Все в Пенмаррике посещали церковь в Сент-Джасте, ближайшей шахтерской деревушке, папа чувствовал особую обязанность ходить в приходскую церковь как самый большой землевладелец в приходе, но, когда я попросил его позволения посещать церковь в Зиллане, он не возражал. На самом деле, как мне показалось, он был рад, что священник мне настолько понравился, и добавил, что тот был очень добр к нему много лет назад после смерти его отца.

Единственным препятствием моему намерению была миссис Касталлак. Ее ферма находилась в приходе Зиллан, и я вскоре услышал, что она никогда не пропускает утренней воскресной службы. Мне было неприятно узнать, что она принадлежит к пастве мистера Барнуэлла, но, вдохновленный разговором в доме священника, я решительно сказал себе, что ее присутствие на утренних службах не помешает мне – по крайней мере, не должно помешать. Но больше, чем миссис Касталлак, меня беспокоил Филип, потому что, я был уверен, он мог подумать, будто, появившись в церкви в Зиллане, я хочу затеять с ним ссору, а мне не хотелось никаких неприятных сцен. Наконец я решил посещать не утренние, а вечерние службы, и все вышло превосходно. Еще до конца рождественских праздников я дважды побывал на вечерней службе в Зиллане, и каждый раз священник приглашал меня после службы в дом на ужин. Поначалу я очень стеснялся, особенно Элис, но она своим быстрым, легким разговором без труда заставила меня почувствовать себя с ней легко, и во время моего второго визита мне уже понравилось с ней

разговаривать. Мы говорили о романах Энтони Троллопа и обсуждали характер Фердинанда Лопеса в его романе «Премьер-министр».

– Привлекательный негодяй, – говорила Элис. – Удивительно, как много девушек влюбляются в никуда не годных мужчин. Странная вещь – любовь.

– Да, должно быть, это так, – сказал я серьезно и покраснел, когда она засмеялась.

– Какой ты милый! – сказала она в свойственной ей открытой, резковатой манере и погладила меня по голове, словно мне было шесть, а не шестнадцать лет.

Мне кажется, именно тогда я впервые почувствовал юношеское увлечение.

Поскольку она была очень открытым человеком, я вскоре узнал ее мнение об очень многих предметах. Ее глубоко интересовали текущие события, и хотя она всегда жила в глухой деревушке, далеко от Лондона, все же намного больше меня знала о современной политике, социальных вопросах и других актуальных вещах. В своем желании подражать папиной любви к истории я всегда больше интересовался прошлым, нежели настоящим, но теперь все переменилось. Элис открыла мне, что сегодняшние события – это завтрашняя история, и я жадно принялся читать газеты, пытаясь соответствовать ее знаниям и придать бóльшую основательность нашим разговорам.

Я узнал, что Элис придерживалась либеральных взглядов, была поклонницей сэра Эдуарда Грея, министра иностранных дел, несмотря на то что его недавно критиковали за политику, которая прошлым летом подвела Англию слишком близко к войне.

– Но ведь иногда надо занимать твердую позицию, – говорила Элис. – Особенно в отношениях с немцами. Как можно говорить об их умиротворении, если они только и делают, что строят дурацкие подводные лодки и бросают вызов нашему превосходству. Я рада, что Черчилль сейчас в Адмиралтействе, – по крайней мере, у него правильные идеи о том, что надо увеличивать флот, чтобы немцы нас не превзошли. На этом посту он будет намного лучше, чем на посту министра внутренних дел, да, и он, и этот ужасный Ллойд Джордж! Когда я думаю о том, как они вели себя в вопросе о праве женщин на голосование…

Тогда-то я и узнал, что в вопросах суфражизма Элис была более радикальна, чем многие либеральные члены парламента.

– Ты на самом деле думаешь, что всем женщинам надо предоставить право голосовать? – спросил с сомнением я, выросший на папином

убеждении, что женщинам не место в политике.

– А почему бы и нет? – ответила Элис. – А ты считаешь правильным либо справедливым, что человека дискриминируют за то, что он не в силах изменить?

– Конечно же нет! – с чувством воскликнул я, думая о своей незаконнорожденности, и неожиданно для себя стал приверженцем суфражизма. И все же во мне оставалось еще довольно старых убеждений, поэтому я добавил: – Но мне кажется, суфражистки заходят слишком далеко. Неудивительно, что Черчилль и Ллойд Джордж потеряли терпение.

– К несчастью, – согласилась Элис, – в любом деле всегда есть фанатики, и именно они становятся широко известными. Нет, хотя мне и не нравится отношение Черчилля, я бы не напала на него с хлыстом, как та женщина на днях. Это только убеждает людей в том, что женщинам нельзя разрешать голосовать ни при каких обстоятельствах.

– Да и что женщинам делать с правом голоса? – сказал я, возвращаясь к своим консервативным убеждениям. – Возьми, к примеру, Мариану. Ей абсолютно все равно, имеет она право голосовать или нет. Все, о чем она думает, – это брак с лордом, жизнь в Лондоне и идиотское кольцо с бриллиантом.

Но Элис, которая считалась подругой Марианы, была достаточно осторожна, чтобы критиковать ее. Я заметил, что характер Марианы всегда приукрашивали, а поскольку Элис мало говорила о Филипе, то я решил, что и он не был у нее в фаворе. В сущности, единственным человеком, которого Элис открыто не любила, была миссис Касталлак, и вскоре я получил кое-какие сведения, о которых никогда не упоминал ни один из моих сводных братьев и сестер.

– У меня есть тетя, – сказала мне Элис. – Ее звали мисс Кларисса Пенмар, и она была воспитана в Пенмаррике, но вышла замуж за фермера, одного из приемных сыновей миссис Касталлак от ее первого брака, за Джосса Рослина. Теперь у них одна из самых больших ферм в Морве. Брат Джосса Джаред и его семья жили на ферме Рослин после брака миссис Касталлак и вашего опекуна – они были арендаторами, и Джаред считал, что дом будет принадлежать ему до конца жизни за номинальную плату…

– Это была пятилетняя аренда, Элис, дорогая! – сказал священник, который вошел в комнату как раз в тот момент, когда Элис произносила свою последнюю фразу. – И миссис Касталлак подождала, пока не пройдет третий срок, выселив его только тогда!

– Да, но все равно это был плохой поступок, дедушка! К счастью для Джареда, Адриан, его брат Джосс купил ему ферму и землю в Морве,

поэтому все окончилось хорошо, но если бы у Джосса не было денег тети Клариссы…

– Элис, дорогая! Незачем в это вдаваться…

– Да, но, дедушка, она ведь отдала ему все свои деньги, когда они поженились, ведь правда?

– Это не наше дело, дорогая, ты знаешь так же хорошо, как и я.

Мне было жаль, когда я не смог более проводить воскресные вечера в доме священника в Зиллане, – в середине января я уехал в школу и вернулся в Пенмаррик только в конце марта. Когда я в следующий раз увидел Корнуолл, весна была уже в разгаре, обочины дорог полыхали цветами, и солнце освещало блеклый пейзаж вплоть до самого темного, блестящего моря.

5

Следуя установившейся традиции, Маркус несколько месяцев провел за границей, а в сентябре вернулся в Англию на свадьбу Марианы; когда я приехал в Пенмаррик в конце марта, он был в Париже. Мариана отправилась в Лондон, чтобы провести светский сезон в городском доме со своей дуэньей, папа тоже был в отъезде в городе по свадебным делам. В Пенмаррике Жанна и Элизабет обсуждали платья подружек невесты, а Джан-Ив, который не собирался оставаться в стороне, приставал ко всем с требованием сделать его одним из пажей, несущих шлейф невесты. В отсутствие папы Уильям был так занят делами усадьбы, что я мало его встречал. Вскоре, когда Хью вернулся из Харроу и возобновил ежедневные поездки на ферму, мне прискучило одиночество, и однажды, скорее от скуки, чем по какой-либо другой причине, я осторожно поехал за ним через пустошь в Зиллан.

Мне было любопытно посмотреть на ферму, которую миссис Касталлак предпочла Пенмаррику. По всей видимости, это была необычная ферма. Я не собирался идти до самых ее стен, но мне казалось, что будет интересно объехать ее на некотором расстоянии, к тому же мне надоело читать, а погода так и звала выйти на улицу.

Я отправился следом за Хью. Выезжая из Сент-Джаста, по пути к Морве, да и свернув налево и поехав по горной тропке, ведущей к пустоши, он ни разу не обернулся.

Полуразвалившийся указатель у тропки гласил: «К Чуну, Зиллану и шахте Динг-Донг», и неожиданно я оказался в самом сердце Корнуолла.

Раздолье пустоши дышало памятью об исчезнувшей цивилизации, пик утеса Кениджек возносился черным гранитом в безоблачное небо. Мы ехали и ехали, местность была дикой, доисторической, заброшенной. Вереск и папоротник-орляк перешептывались под соленым ветром с моря, а вдалеке, под нами, на побережье выделялись мыс Пендин и моторные дома Оловянного Берега.

Мы добрались до конца горного кряжа. Вид оттуда был удивительный. На юг – до горы Сент-Майкл, поблескивающей в просторе залива Маунтс, на север – до Морвы и моря, на восток – до моторного дома шахты Динг-Донг, а на запад – до могучей крестовины утеса Кениджек. Прямо напротив меня, еще дальше по кряжу, Хью и его лошадь, казалось, медленно таяли за нагромождением изъеденных ветром скал.

Я удивился, но, когда подъехал поближе, понял, в чем дело. Там, на холме, находился старинный форт с еще крепкими каменными стенами, и я неожиданно вспомнил, как однажды за ужином отец рассказывал о «замке», который все еще стоит на горном кряже у Чуна.

Я осторожно пробирался среди вереска к стенам замка.

Там были внутреннее и внешние кольца. Я въехал во внутреннее кольцо, предполагая, что у него два выхода и что Хью въехал в один и выехал из другого. Но я ошибся. В тот момент, когда я привязывал лошадь в центре внутреннего кольца, позади меня холодно прозвучал голос Хью:

– Какого черта ты меня преследуешь!

Я развернулся в седле. Он уже спешился и вместе с лошадью стоял в тени стены. Я тоже спешился и повернулся к нему.

– Прости, – с готовностью сказал я. – Я не собирался за тобой шпионить, я понял, что ты поехал на ферму. А мне было скучно, хотелось проехаться, поэтому я решил посмотреть, куда ты поедешь. Кстати, что это? Замок Чун?

– Да, – сказал Хью, который был безразличен к истории. – Он самый. – Он улыбнулся своей широкой, очаровательной улыбкой. – Почему ты не сказал мне, что хочешь прогуляться? Поехали бы вместе.

– Я… подумал, что тебе, может быть, хочется побыть одному.

– Ну вот еще! Это ты любишь одиночество, не я! Я рад тебя видеть. Послушай, поехали на ферму вместе! Сегодня Филип повез маму в Пензанс, а я туда еду только потому, что Гризельда обещала приготовить пирог по случаю начала каникул. Поедем, поможешь мне одолеть его!

Я смущенно произнес:

– Может, не стоит?

– Да поехали! Мама и Филипп, наверно, уже полчаса как уехали.

Слушай, не глупи, ты что, думаешь, я пригласил бы тебя, если бы хоть на минуту мог предположить, что они там? Мне не больше твоего хочется, чтобы Филип на меня наорал!

– Хорошо, – сдался я. – Если ты уверен…

– Абсолютно. Поехали, это всего лишь вниз по холму, в долину, и я уже почти чувствую запах пирога! Завтракали же сто лет назад!

Мы вывели лошадей из замка, вновь сели верхом и поехали с холма в долину внизу.

– Вон ферма арендаторов, – сказал Хью. – Она принадлежала Джареду Рослину. Он жил на хозяйской ферме, когда мама обитала в Пенмаррике. Когда договор с ним истек, она выкупила у него и ферму арендаторов, потому что не хотела, чтобы он торчал у нее под носом. Да и дом был бы для него слишком мал. У него и его жены восемь дочерей и один сын. Восемь девчонок! Можешь себе такое представить? У них у всех такие смешные имена: Целомудрие, Верность, Воздержание!..

– Не может быть, Хью!

– Ну, тогда, значит, Вера, Надежда и Благотворительность![9]

Мы засмеялись.

– А сейчас Джаред Рослин ведь в Морве?

– Да, у него и его брата Джосса фермы рядом. У Джосса мешки денег, но он ни на что не тратится, только на помощь брату. Мама говорила, что его жена когда-то была леди, но сейчас этого по ней не скажешь. Мама их не любит. У них вражда.

– Вражда?

– Да, Джосса Рослина никто не любит. Он настоящий ублюдок. – Хью закашлялся. – Прости, старина, вырвалось. Не хотел тебя обидеть.

Но я думал уже о другом.

– Кажется, жена Джосса выросла в Пенмаррике? Почему она вышла за фермера?

– Amor vincit omnia[10], – важно произнес Хью, – во всяком случае, так говорят.

– А у них есть дети?

– Девочка. Я видел ее однажды, очень давно, еще до того, как переехал в Алленгейт.

На горизонте показалась ферма, и я с удивлением обнаружил, что она красива. Над шиферной крышей поднимались пастельного цвета трубы, а под крышей в утреннем солнце купались стены приятного серого оттенка; у крыльца росли кусты жимолости и вьющейся розы.

Привязав лошадей у конюшни, мы прошли через двор к задней двери.

– Гризельда! – заорал Хью, входя в старомодную кухню. – Гризельда! Где мой пирог?

Послышался топот. Появилась служанка, с виду слабоумная, и произнесла нечто нечленораздельное.

– Привет, Энни, – сказал Хью. – Гризельда приготовила мне пирог?

В дальнем конце кухни открылась дверь. Старая карга в черном платье и черной шали прошаркала в комнату.

– Гризельда, – спросил Хью, – ты испекла?..

Она произнесла что-то резкое, и я с ужасом увидел, что ее палец нацелен на меня. Она говорила с таким сильным корнуолльским акцентом, что я ее не понимал.

– А-а, это мой школьный друг, – пояснил Хью, пуская в ход свой дар врать без запинки. – Он остановился в Пенмаррике.

Старая карга побагровела и принялась на него орать. Я наблюдал за этой сценой с беспокойством, но одновременно был заинтригован поведением старухи; она вела себя вовсе не как прислуга, а скорее как хозяйка дома.

– Глупости, Гризельда, – спокойно произнес Хью. – Не понимаю, о чем ты. Пирог готов? Если готов, я съем его на улице.

Старая карга что-то пробурчала и покачала головой. Хью повернулся ко мне:

– Он будет готов через несколько минут. Пойдем, я покажу тебе дом.

Я молча последовал за ним по коридору. Закрыв дверь, он сообщил:

– Она догадалась, кто ты.

– Что? – Я похолодел. – Но каким образом?

– Бог ее знает. Не беспокойся, если она проговорится маме, я скажу, что она ошиблась, что это был Обри Карнфорт. Вы примерно одного роста и телосложения… Ну что ж, вот холл, а вот гостиная…

Я пошел вслед за ним в комнаты. Они были красивы, со старинной, солидной мебелью, простор радовал глаз. Все содержалось в безупречной чистоте и порядке.

– Какой прекрасный дом, – проговорил я с искренним восхищением. – Он нравится мне гораздо больше, чем Пенмаррик. Такой теплый, уютный и спокойный.

– Странно! А мне здесь совсем не нравится, я предпочитаю Пенмаррик! Там гораздо больше цивилизации, тебе не кажется?

– Потому что там оборудована пара современных ватерклозетов?

– Да, приходится признать, что водопровод – большое

преимущество. – Хью говорил совершенно серьезно. Казалось, он совсем не замечал очарования фермы. – Хочешь посмотреть комнаты наверху?

– А можно? Я бы взглянул.

Комната Филипа смотрела окнами на пустошь. На столе у окна лежали несколько книг по истории Корнуолльского Оловянного Берега, включая том об истории шахты Левант. Я взял ее и перелистнул несколько страниц, но Хью уже вышел в коридор, поэтому я положил книгу и последовал за ним. Миссис Касталлак занимала приятную комнату рядом, со старомодной кроватью возле окна и с огромным шкафом вдоль стены.

Я огляделся.

– Какие смешные часики! – воскликнул я, подойдя к каминной полке. – Они мне нравятся! Не знаешь, откуда они?

– Никакого понятия, – сказал Хью. – Они тебе действительно нравятся? Мне кажется, они ужасны… Иди сюда, полюбуйся видом. Правда замечательный?

Мы вместе полюбовались видом и вернулись на кухню. Пирог был готов. Мы вышли с ним на улицу, нашли уединенный уголок у каменной стены и уселись за ранний обед.

Пирог оказался необычайно вкусным. Вскоре Хью принес сидра, а когда мы закончили обед, то легли на спину и смотрели, как легкие облачка плывут по голубому небу.

Хью уснул.

Я встал и пошел искать хоть какой-нибудь нужник, но, поскольку поиски оказались тщетными, просто зашел за амбар. Потом вернулся к дому и заглянул на кухню. В доме никого не было видно. Я вошел, нервничая, и снова побродил по этим красивым комнатам, легко проводя пальцами по мебели. Никто мне не мешал. Я поднялся наверх, и под моими ногами заскрипели половицы. Дверь в комнату миссис Касталлак была приоткрыта. Я подошел к окну, потом к кровати, потом к камину. Часики все тикали на каминной полке. Я дотронулся до них и невольно обернулся, словно ожидая, что кто-то за мной наблюдает, но никого не было, только на подоконнике пела птичка, и на ветру чуть колыхались занавески.

Я вышел, вошел в комнату Филипа, взял в руки книгу о шахте Левант. К моему удивлению, она оказалась интересной. Я сел и принялся читать. Минуты летели, утро переходило в полдень.

Я как раз подумал, что пора возвращаться к Хью, когда услышал, как хлопнула дверь.

Я встал, положил книгу и вышел в коридор.

Из холла послышался мужской голос:

– Может быть, ты оставила ее наверху.

Но это был не Хью. Это был Филип.

Я прирос к месту от ужаса, на лбу проступил пот, а Филип добавил:

– Пойду посмотрю.

Мне захотелось убежать. Я в ужасе оглядел закрытые двери, но паника была столь велика, что я не мог решить, в какой комнате укрыться.

А потом заговорила она. Голос ее был низким и тихим, похожим на звук прибоя, разбивающегося о пляж внизу:

– Не беспокойся, дорогой. Я сама ее найду. Мне кажется, я знаю, где она.

Я не мог дышать. Сердце стучало так сильно, что заболела грудь. Я все еще не мог двигаться, но, когда ступеньки заскрипели у нее под ногами, я неожиданно понял, что делать. Я прошел к началу лестницы. Я решил ее встретить. Внизу голос Филипа говорил:

– Интересно, где же Хью? Он сказал, что утром приедет. Пойду спрошу Гризельду…

Я увидел ее. Она взглянула на меня, и я вспомнил ее холодные голубые глаза, которые впервые увидел много лет назад в ресторане в Брайтоне. Они расширились, ее рука подлетела к горлу, и я услышал всхлип страха. Словно перед нею было привидение.

Она произнесла имя, мужское имя, знакомое мне, но, прежде чем я успел вымолвить хоть слово, мимо нее по ступенькам ко мне пронесся Филип с криком:

– Ты, ублюдок, убирайся отсюда! Убирайся, убирайся, убирайся!..

Я пошел вниз. Она повернулась, пропустила меня, а я сказал:

– Простите. Я не собирался приходить. Простите.

Она захлопнула дверь гостиной.

– Чертов ублюдок! – все еще орал Филип. – Если ты еще хоть раз сунешь сюда нос…

Хью стоял в холле. Его глаза были того же холодного голубого цвета.

– Он предложил мне зайти, – сказал я Филипу дрожащим голосом. – Он сказал, что все будет в порядке. Он сказал…

– Совершеннейшее вранье, – сказал Хью. – Ты сам на этом настоял. Ты ехал за мной всю дорогу до Чуна. – Он повернулся к Филипу. – Я сделал все, что мог, чтобы отвадить его, но…

– Лжец! – заорал я. – Маленький, отвратительный…

Филип ударил меня в челюсть. Я отлетел к шкафу, поднялся и прошел к передней двери, доковылял до крыльца и побежал по дорожке. Воздух был напоен запахами трав, солнце мирно светило с прозрачного южного

неба.

Я обернулся.

Я заметил ее лицо в окне гостиной, прежде чем она отступила за занавеску. Оно было бледное, искаженное, словно она плакала, и, вслепую пробираясь к конюшне, я размышлял: была ли она расстроена только потому, что я был незаконным отпрыском ее мужа, или на одну ужасную секунду ей показалось, что призрак моего деда Лоренса Касталлака вернулся из мира мертвых, чтобы напомнить ей о прошлом.

Глава 5

Леди Элис отправилась ко двору короля Генриха… казалось, это было к добру, потому что, как говорили, он привязался к ребенку.

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

Наследовала герцогу (Бретани) дочь по имени Констанс… Бретонские бароны ненавидели нормандское засилье.

А. Л. Пул.

Оксфордская история Англии:

от «Книги Судного дня» Вильгельма Завоевателя до Великой хартии вольностей

1

Я въехал в деревню Зиллан. Подъезжая к дому священника, я уже не плакал. Я был совершенно спокоен. Кухарка сказала мне, что Элис ушла на соседнюю ферму покупать молоко и яйца, а священник в кабинете, готовится к воскресной проповеди.

Я долго с ним разговаривал.

– Я похож на Лоренса Касталлака? – спросил я. – Похож?

Он улыбнулся.

– Да, – сказал он, – сходство есть. Должен признаться, что отчасти поэтому ты меня заинтересовал с первого же раза. Мы с Лоренсом были друзьями.

Я сделал над собой огромное усилие. Это мне многого стоило, но я смог произнести:

– Он мой дед. Мой опекун мне не дальний родственник, а отец.

После этого все стало просто, и плакать мне расхотелось.

– Бедная миссис Касталлак, – говорил потом священник. – Да, без сомнения, она пережила сильное потрясение, увидев тебя, да еще так неожиданно. Надо же такому случиться! Хью очень плохо поступил, что отказался от тебя, но мне кажется, что он больше боится навлечь на себя немилость матери, чем твой гнев… Знаешь, надо научиться прощать. Миссис Касталлак была не очень любящей матерью – у нее было слишком много собственных проблем, – и в результате дети очень стремятся заслужить ее внимание и любовь.

– Не понимаю, зачем она им нужна! – с гневом сказал я. – Она прекрасно жила без них целых семь лет!

– Ты делаешь слишком поспешные выводы. – И он начал рассказывать о миссис Касталлак таким спокойным, бесстрастным голосом, что я вскоре забыл, что речь идет о той, кого я так давно и сильно ненавидел, и стал внимательно слушать рассказ о женщине, пережившей сиротское детство, с трудом добившейся для себя статуса жены фермера, а затем поставившей свое счастье под угрозу браком, который закончился самым печальным образом.

– Бедная женщина, – сказал священник, – она стала жертвой сил, с которыми не могла совладать. Я всерьез беспокоился о ней, когда суд лишил ее детей. Беременность была тяжелой, и ей пришлось нелегко совершенно одной. Поверь мне, она заслуживала жалости.

Я молчал. Прежде мне и в голову не приходило жалеть миссис Касталлак, и это чувство по отношению к ней было для меня настолько ново, что я не знал, что сказать. В конце концов я произнес печально:

– Если бы она дала папе развод, он не был бы с ней так строг в вопросе о детях. – Но эти мои слова обличали отца и оправдывали миссис Касталлак.

Священник же просто заметил:

– Брак для миссис Касталлак значил очень много. Кроме того, она была убеждена, что, даже если бы она развелась с твоим отцом, он все равно бы лишил ее детей. Ты не должен судить ее слишком строго.

– Да, – произнес я с усилием. – Я понимаю, почему вы говорите, что она достойна жалости, но… – Я остановился было, но потом все же сказал, не с силах сдерживаться: – Мою маму тоже нужно пожалеть.

– Конечно, – тотчас откликнулся священник. – У нее тоже бывали ужасно тяжелые времена.

– Значит, отец не должен был их обеих так обижать, – сказал я, пытаясь поставить все на свои места. – Значит, виноват он.

– Не совсем, – возразил священник. – По-своему они все виноваты:

и твоя мама, и папа, и миссис Касталлак; было бы несправедливо обвинять только твоего отца. Конечно, он совершал плохие поступки, но в молодости он вовсе не был злодеем. Он был одинок. Он жаждал любви своего отца, но Лоренс был, не в упрек ему будь сказано, более склонен к проявлению любви на стороне. Ждать тепла от матери твоему отцу тоже не приходилось, у нее был очень тяжелый характер. Твой отец был некрасив, не особенно привлекал дам и стремился к дружбе с женщинами определенного сорта. Его неудачный брак был почти что предопределен.

Мы поговорили еще, и я почувствовал себя намного лучше. Вскоре с покупками вернулась Элис, я остался на обед, а когда возвращался в Пенмаррик, то уже совсем оправился от визита на ферму.

По возвращении в Пенмаррик я, к своему неудовольствию, обнаружил, что Хью дожидается меня в моей комнате.

– Адриан! – Он подскочил в волнении, когда я вошел. – Боже, я уже начал беспокоиться о тебе! Послушай, старина, я прошу прощения за эту сцену на ферме…

Я уже пресытился его талантом двуличия, о чем ему и сказал, но он просто источал извинения и заискивающе улыбался, поэтому я не мог долго на него сердиться.

– В конце концов, – умолял он, – откуда мне было знать, что Филип и мама рано вернутся из Пензанса? Что мама по ошибке возьмет не ту сумку, а потом они с Филипом, приехав на Маркет-Джу-стрит, обнаружат, что у них с собой всего полсоверена? Нам просто ужасно не повезло.

– Ну ладно, хорошо, – сказал я, не желая быть жестоким. – Но если ты еще раз выступишь против меня, как сегодня, то нашей дружбе конец. Мне не нужен друг, который не может за меня постоять, когда я в беде.

– Я с тобой совершенно согласен, – сказал Хью. – Значит, друзья? Хорошо! Я так рад. Послушай, почему бы нам как-нибудь на следующей неделе не съездить вместе в Пензанс? Я на днях был там с Филипом и у гавани обнаружил чудный магазинчик. Пойдем ко мне в комнату, я покажу, что там купил.

Я с отвращением обнаружил, что его покупки состояли всего лишь из трех открыток с безвкусными изображениями полуодетых женщин в искусственных позах.

– Это называется «полуклассическая» поза, – объяснил Хью. – Классическая – значит обнаженная. Я пытался купить классические фото, но не получилось, продавец отказал. А ты высокий и легко сойдешь по крайней мере за восемнадцатилетнего, так что, если бы пошел со мной, я уверен, тебе бы их продали.

– Но зачем они тебе?

– Ну конечно же чтобы смотреть! – Хью удивленно взглянул на меня. – Разве ты в школе этого не делал?

– Нет, я был слишком занят учебой или игрой в крикет.

– Но ведь девушки гораздо интереснее! – вздохнул он. – Ах, если бы я не был таким коротышкой! Если бы я был на два, три, четыре дюйма выше, то получил бы любую девушку, стоило только свистнуть.

– Меня это не слишком волнует, – безразличным тоном сказал я. – Когда-нибудь я женюсь, но до тех пор мне не хочется иметь дело с девушками. Случайные связи кажутся мне отвратительными.

– Правда? – сказал Хью. – А мне это так нравится. Слушай, а ты не влюблен в какого-нибудь мальчика в школе или что-нибудь в этом роде, нет?

– Слушай, почему тебе непременно надо сказать что-нибудь гадкое?

– Значит, нет. В таком случае почему ты не интересуешься девушками? Я целыми днями думаю о том, как это… кстати, в том же магазине, где я покупал фотографии, я обнаружил, что есть женщина, которая делает это с мальчиками нашего возраста. Но она берет гинею. Так дорого! Ты не…

– Неужели ты и вправду собираешься пойти к какой-то проститутке?

– Нет, – сказал Хью. – Просто думаю об этом.

– А если честно?

– А почему бы и нет? Все ложатся в постель с женщинами, почему же я не могу? Я бы пошел к барменше Тилли в Зиллане, но к ней ходит Маркус, а мне не хочется, чтобы, когда он вернется с континента, она сказала, что я занимал его место. Он такой глупый, что может проболтаться папе, хотя я не понимаю, почему бы папе возражать, раз он семь лет в Алленгейте ложился в постель с… прости, старина! Я совсем не то хотел сказать, я так просто подумал. Я не хотел тебя обидеть… На самом деле девушка, с которой я бы действительно хотел переспать, находится здесь, в Пенмаррике. Знаешь Ханну, горничную? Она мне очень нравится. Ты заметил, какой у нее рот? Очень полные губы. Ее, должно быть, приятно целовать. И еще у нее роскошная грудь… Эй, ты куда? В чем дело?

Но я, не отвечая, слепо покачал головой. Меня тошнило от его разговоров, мне хотелось остаться одному.

– Подожди! – Он бросился за мной и схватил за руку. – Прости, послушай, давай пока забудем о девочках, я ведь все равно сказал это наполовину в шутку! Пойдем погуляем среди скал: погода великолепная, не хочется сидеть дома.

Я попытался от него избавиться, но это было не так-то просто,

поэтому мы вышли и прогулялись по каменистой тропке мимо заброшенных моторных домов шахт Сеннен-Гарт и Кинг-Уоллоу. Вскоре справа от нас оказался Сент-Джаст, слева – море. Мы миновали мыс Корнуолл, обошли могучие завалы шахты Левант и прошли по изуродованным скалам к Боталлаку, потом повернули от моря к утесу Кениджек и побрели по пустоши. Наконец, после подъема по крутому склону, мы прилегли отдохнуть на вереск. Я лежал на спине и старался не думать об открытках Хью и его одержимости анатомическими подробностями фигуры горничной, но вскоре он приподнялся на локте и сказал:

– Там девчонка! – Его глаза сузились на ярком солнце. – Верхом.

– Полуклассическая? – не удержался я от сарказма.

Он не ответил. Я продолжал намеренно равнодушно смотреть на небо.

– Странно, – сказал Хью. – Я ее не знаю. Но раз она едет верхом на собственной лошади, это, должно быть, важная особа. Может быть, какая-нибудь подруга сестер Питера Уеймарка проводит каникулы на ферме Гернардз… Но почему она одна?

Тут меня одолело любопытство. Я сел.

Девушка уже была близко от нас, но понять, заметила ли она наше присутствие, было сложно. Даже если и так, виду не подала. Она была совсем юной, моложе нас, у нее были темные, прямые, зачесанные назад волосы. Маленькая шляпка плотно сидела у нее на макушке. Костюм для верховой езды был элегантным, но старомодным, словно достался ей от кого-то из старших.

– Очень хорошенькая, – заметил Хью.

Мне тоже так показалось. Мы смотрели, как девушка приближается, пока наконец она не взглянула на нас, высокомерно подняв подбородок.

Мы оба поднялись, словно две марионетки, подчиняющиеся одному кукловоду.

– Добрый день! – прокричал Хью.

Она наградила его гордым взглядом темных глаз.

– Добрый день, – ответила она пренебрежительно и хотела было проехать мимо.

– Хорошая погода! – не сдавался Хью, и я не мог не восхититься его бесшабашной решимостью. – Прекрасная погода для каникул!

Девушка взметнула тонкие темные брови; легкая улыбка приподняла уголки ее пухлых губ.

– Я здесь живу, – холодно сообщила она и, пришпорив лошадь, поскакала галопом.

Мы смотрели, как она несется по пустоши к Морве.

– Кто же это? – бормотал Хью. – Кто это? Кто?

– Откуда мне знать? Ты местный, не я.

– Черт побери, кто это может быть? Если только… – Он остановился.

– Да?

– Она, должно быть, из Рослинов.

– Конечно, – сразу же сказал я. – Должно быть, это дочь Клариссы, тетушки Элис. Поэтому она так похожа на леди.

– Великий Боже! – воскликнул Хью. Он все еще смотрел девушке вслед. – Маленькая Ребекка Рослин! Когда я последний раз видел ее, ей было шесть лет, она носила детский фартучек и говорила с корнуолльским акцентом!

Он долго не мог успокоиться, вспоминая об этой встрече всю дорогу до Пенмаррика. И наконец сказал с отвращением:

– А я ведь даже не могу сходить к ним, чтобы пригласить покататься! Этот ублюдок Джосс Рослин прогонит меня со своей земли вилами.

– Если у нее такой неприятный отец, – сказал я, пытаясь его успокоить, – может быть, она тоже не так уж безупречна.

– А какое это имеет к ней отношение? – очень раздраженно, как мне показалось, произнес Хью и, даже не извинившись, удалился к себе в комнату.

2

Мне было суждено увидеть Ребекку Рослин в тот год только однажды, но вскоре меня снова заняли мысли о ее двоюродной сестре Элис Пенмар. В Пенмаррике Джан-Ив довел экономку до того, что та потребовала расчет, и, когда я обсуждал эту новость с Элис во время визита в дом священника, меня вдруг осенила великолепная идея: Элис может захотеть стать нашей новой экономкой. Она часто говорила, что, если бы ей не приходилось присматривать за домом дедушки, она зарабатывала бы на жизнь ведением хозяйства для кого-нибудь еще, а мистер Барнуэлл как-то раз с сожалением сказал мне в частной беседе, что в Зиллане Элис видит слишком мало людей и что ему хотелось бы изменить это положение. Очень возбужденный, я решил, что моя идея устроит всех наилучшим образом, и осмелился воплотить ее в жизнь.

– Уильям, – сказал я, невольно подражая интонации из «Дэвида Копперфилда», – скажи папе, что Элис согласна.

– Очень хорошо, – в тон мне ответил Уильям, – но почему бы тебе самому об этом не рассказать? Ведь ты же был в доме священника, когда это обсуждалось, а не я. – Переполненный энтузиазмом, я уже рассказал о своей мысли Элис, которая, поначалу запротестовав, что не сможет бросить деда, даже если бы ей предложили такую работу, позволила священнику убедить себя, что у него нет никакого желания держать ее в заточении в своем доме до конца жизни.

– Нет, ты скажи папе, Уильям, – попросил я. – Ты управляющий имением, и он прислушается к твоему мнению в том, что касается дел.

Сам я стеснялся говорить об Элис. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь знал, как мне нравилась мысль о том, что она приедет в Пенмаррик и будет вести хозяйство для всех нас. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь знал, как приятно мне будет по вечерам после ужина обсуждать с ней текущие события и, может быть, гулять по усадьбе после обеда, когда у нее выдастся свободная минутка.

Папа сначала сказал, что Элис слишком молода, чтобы даже рассматривать ее кандидатуру на такой пост, но, пригласив ее на обед, чтобы обсудить вопрос, переменил свое мнение. После обеда, удивленный, он сказал:

– Она кажется способной, уверенной в себе девушкой. Она мне понравилась. Мы договорились, что я возьму ее на работу с полугодовым испытательным сроком, – это, по крайней мере, даст нам возможность дожить до свадьбы Марианы. А потом, если кого-либо из нас не устроит положение вещей, то мы расстанемся друзьями. – Джан-Иву он сказал: – Если ты позволишь себе хоть что-нибудь из того, что вытворял с миссис Холлингдейл, то получишь хорошую трепку, понятно? Мне уже надоели твои издевки над прислугой, терпение мое лопнуло.

– Фу! – грубо сказал ребенок, но папа ему это спустил. Несмотря на словесные угрозы, он почему-то не умел призвать Джан-Ива к порядку.

Вскоре после этого я отправился в школу на летний триместр и двенадцать недель узнавал о домашних делах только из писем Уильяма и папы. Мариана удостоила Пенмаррик краткосрочным визитом, чтобы обсудить подготовку к свадьбе, и папа привел ее в ярость, сказав, что, коль скоро Жанна и Элизабет будут подружками невесты, Джан-Иву следует предоставить возможность исполнить его голубую мечту стать пажом.

«Папа из кожи вон лезет, чтобы угодить паршивцу, – писал Уильям, – но мне кажется, что это ничуть не уменьшает врожденной нелюбви Джан-Ива к нему. Кстати – вот уж ты удивишься! – Джан-Ив теперь раз в неделю посещает мать и даже здоровается с ней. Это случилось потому, что Элис

любит посещать утренние службы в церкви деда, а теперь, когда у меня есть ключи от новой машины, я каждую неделю вожу ее в Зиллан. Конечно же, Джан-Ив не мог устоять перед поездкой на автомобиле, – („И ты тоже“, – сухо подумал я), – поэтому он ездит с нами, но только при условии, что потом поздоровается с матерью. Папа был очень тверд на этот счет. Оказалось, мне совсем не неприятно видеть миссис Касталлак – разумеется, мы соблюдаем дистанцию, – а если ей не нравится со мной встречаться, то это ее проблема, не моя. Но по всей видимости, ей не очень противно, иначе бы она ходила на вечерние службы».

Но позднее он писал:

«Из-за миссис К. опять возникают неприятности. Мариана по поручению Ника попросила меня быть шафером на своей грандиозной свадьбе, что, надо сказать, мне польстило, и эту идею одобрили все, кроме Филипа и миссис К. Филип написал папе, что они не приедут на свадьбу, если шафером буду я, более того, если мы поселимся в городском доме, то они с мамой остановятся в гостинице. Поэтому, думается мне, придется сдаться. Жаль, не правда ли? Если вспомнить, как мама предоставляла свой дом Касталлакам в течение семи лет, то миссис К. могла бы и примириться на день-другой с нашим присутствием, но, по всей видимости, она не рассматривает ситуацию в таком свете».

Эти новости привели меня в ярость, и я написал Уильяму, поинтересовавшись, что папа сказал, получив письмо Филипа, но ответ был туманен: «Папа отложил решение вопроса и сейчас ссорится с Маркусом».

«Маркус разорился в Монте-Карло, – написал мне Уильям в мае, вскоре после своего двадцать первого дня рождения. – Бог его знает, что он там делал не в сезон! Предполагалось, что он где-то еще. Он прислал папе телеграмму, в которой просил денег. Папа разгневался, потому что Маркус уже третий раз попадает в подобную историю, и телеграммой велел ему возвращаться домой. Маркус же телеграфировал, что занял денег и не собирается никуда уезжать, потому что прекрасно проводит время. Папа был в ярости. Редко видел я его таким злым. Он немедленно отправил еще одну телеграмму, чтобы Маркус немедленно возвращался домой, если хочет вернуться осенью в Оксфорд, а Маркус телеграфировал, что не понимает, почему папа раздувает из этого такую историю. Папа отправил телеграмму: „БУДЬ ЛЮБЕЗЕН ПЕРЕСТАНЬ ТРАТИТЬ ЗАЕМНЫЕ ДЕНЬГИ НА ДОРОГИЕ ТЕЛЕГРАММЫ ТЧК ТВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАГЛО ДЕРЗКО СОВЕРШЕННО БЕЗОТВЕТСТВЕННО ТЧК ВОЗВРАЩАЙСЯ ПЕНМАРРИК ПЯТНИЦУ ИЛИ Я НЕМЕДЛЕННО ПРИЕДУ МОНТЕ КАРЛО И ТВОЕМУ ВЕЛИКОМУ ВОЯЖУ ПРИДЕТ КОНЕЦ КОТОРОМ НЕ

БУДЕТ НИЧЕГО ВЕЛИКОГО ТЧК МАРК КАСТАЛЛАК“. Я помню телеграмму дословно, потому что мне пришлось ехать в Пензанс, чтобы ее отправить. Бедняга Маркус! Когда в пятницу он, разъяренный, приехал в Пенмаррик, у них с папой произошла ужасная ссора. Маркуса потом даже вырвало. Ты же знаешь, он терпеть не может сцен и неприятностей. Выяснилось, что он по уши влюбился в танцовщицу из французского кабаре в Монте-Карло и каждый день посылал ей две дюжины красных роз, а также поил и кормил ее в самых дорогих ресторанах, наивно полагая, что денег хватит…»

Возвращаясь в Пенмаррик на летние каникулы, я ожидал найти там натянутую атмосферу, но Маркус, по всей видимости, уже помирился с папой, и тот тоже забыл про ссору. Тем не менее я заметил, что Маркус все больше времени проводит с матерью. Он, как всегда, ездил туда с девочками на обед по субботам, но у него появилась еще и привычка ужинать там посреди недели и заезжать туда каждый раз, как он оказывался поблизости.

Я увидел миссис Касталлак на первой же воскресной утренней службе после своего возвращения. Я не видел, как она вошла, потому что у Уильяма и Элис была привычка приезжать рано, чтобы оказаться в первом ряду, но во время первого псалма я обернулся и заметил золотистую голову Филипа у дальней стены. Обернувшись еще раз, я заметил рядом с ним его мать. Она была в черном и на расстоянии выглядела почти молодой. Я не осмелился долго на нее глазеть, опасаясь встретиться взглядами, поэтому весь остаток службы старательно смотрел перед собой на алтарь.

Но всю службу ее присутствие беспокоило меня.

– Теперь тебе хоть немного нравится твоя мать? – спросил я Джан-Ива, когда он после еженедельного «Доброе утро, миссис Касталлак» вернулся к нам и мы шли к дому священника на обед.

– Нет, – сказал он, сделав гримасу. – Что это она обо мне так беспокоится? Ей это и в голову не приходило, пока папа не забеспокоился. Хоть бы они все пропали и оставили меня в покое. Лучше бы вместо них была моя старая няня. Она-то меня любила, а не притворялась, как остальные, потому что если бы она притворялась, то не спасла бы меня от мусорной корзины, когда я был маленьким.

– Опять ты со своей мусорной корзиной! – засмеялся я, а он показал мне язык и вприпрыжку побежал вперед, чтобы догнать Уильяма.

После обеда мы со священником играли в саду в шахматы, Элис ушла в дальний конец сада, чтобы срезать цветы для гостиной, а Уильям и Джан-Ив отправились на традиционную дневную прогулку по пустоши. Прошло некоторое время. Я уже начал думать, когда же Элис закончит ставить

цветы в вазу и придет к нам, как нас неожиданно прервали. Боковая калитка у задней двери открылась, послышались легкие шаги, и в следующую секунду, подняв глаза, я увидел девушку, идущую к нам через лужайку. В руке ее качалась пустая корзинка.

Это была та самая девушка, которую мы с Хью видели весной верхом на лошади и сочли Ребеккой Рослин, двоюродной сестрой Элис.

Теперь она выглядела иначе, моложе. Волосы ее были заплетены в тугую косичку, а не развевались свободно по ветру, а клетчатое платье сурового покроя придавало ей сходство с девочкой. А еще оно было ей мало. Я с неудовольствием заметил, что она уже начинала походить на женщину, в яростном смущении вспомнил открытки Хью и почувствовал, как по щекам у меня медленно разливается румянец.

– А-а, добрый день, Ребекка! – сказал священник. – Еще сыр с фермы Деверол? Как мило со стороны твоей матери помнить о нас!

– Была еще курица, – сообщила девушка, – и яйца от курбентамок. Я отдала их кухарке. – Она говорила осторожно, словно прислушиваясь к себе, и бросала короткие взгляды в мою сторону.

Когда священник представил нас друг другу, я сразу понял, что она меня помнит.

– Здравствуйте, мисс Рослин, – произнес я, чуть заикаясь.

– Здравствуйте, мистер Парриш, – ответила она, оглянувшись, словно думала, что я пришел не один, и спросила: – А где же ваш друг?

– Вы имеете в виду того мальчика, с которым я был, когда мы встретились у утеса Кениджек в прошлую Пасху? Это мой кузен Хью Касталлак. Сегодня его со мной нет.

– Понимаю, – сказала она и потеряла ко мне интерес.

Я почувствовал необъяснимое разочарование. Когда Уильям и Джан-Ив вернулись с прогулки, Элис принесла лимонада и мы уселись на лужайке, чтобы насладиться солнцем.

Уильям, как я с завистью заметил, завел разговор с Ребеккой без всяких усилий. Они говорили о Морве, где она жила, а потом о Пензансе.

– Я учусь там в маленьком пансионе, – сказала девушка, и я опять заметил, что она очень четко выговаривает звуки, словно на уроке. – Это ужасно. Папаша не хотел, чтобы я там училась, но мама считает, что я должна научиться вышивать скатерти и говорить «спасибо» и «пожалуйста» по-французски.

Слово «папаша» в ее устах резануло мне ухо и напомнило, что ее отец – фермер.

– Тебе не нравится общаться с девочками твоего возраста? – мягко

спросил священник.

– Не очень. Они почти все задаются, и я их не люблю.

– Мне тоже не нравятся девчонки, – немедленно сказал Джан-Ив. – Когда мы ходим на пляж, я всегда рушу песочные замки, которые они там строят.

– Мне надо будет попросить Элизабет, чтобы она как-нибудь разрушила парочку твоих, – пошутил Уильям и посмотрел на часы. – Ну что же, сэр, думаю, нам пора возвращаться в Пенмаррик…

– Уильям, мы должны остаться на чай! – воскликнула Элис. – Кухарка приготовила особенный пирог. Давай останемся.

В конце концов мы остались все и приятно провели время на лужайке. Первой засобиралась девушка. Она подобрала корзинку и встала на ноги.

– Мне надо идти, – сказала она. – Папа очень сердится, когда я опаздываю к чаю.

– Но ведь ты только что пила чай! – запротестовал Джан-Ив и добавил с завистью: – Но он об этом не знает. Понимаю. Ты получишь два чая, если промолчишь.

Она засмеялась:

– Я имела в виду поздний чай! Ужин! Или поздний обед, называй как хочешь! – Она повернулась к священнику. – Большое спасибо за чай, мистер Барнуэлл. Спасибо за лимонад, Элис.

– Мисс Рослин, – обратился к ней Уильям, – давайте мы подвезем вас домой. В машине много места, а нам все равно ехать домой через Морву.

– Спасибо, но не стоит вам беспокоиться…

– Да боже мой, это не составит нам никакого труда! А вам не придется предпринимать долгую прогулку, и вы не опоздаете на вашу вечернюю трапезу.

– Соглашайся, Ребекка, – поддержала его Элис. – Мы высадим тебя в конце аллеи.

– Правда? Мне бы не хотелось, чтобы папа подумал…

– Я знаю, – сказала Элис и повернулась, чтобы попрощаться с дедушкой.

Вскоре мы все сели в машину. Верх был опущен; я сел сзади, справа от меня сидел Джан-Ив, а слева – Ребекка. Элис устроилась впереди с Уильямом. Когда Джан-Ив локтями освободил себе достаточно места, чтобы прыгать позади Уильяма и выкрикивать ему в ухо слова поддержки, я обнаружил, что сижу слишком близко к Ребекке. Впрочем, она, казалось, не возражала против этого. Я со смущением почувствовал, как ее бедро, теплое и крепкое, прижалось к моей ноге, а когда украдкой окинул ее

взглядом, то заметил некоторые особенности ее фигуры под детским клетчатым платьем. Мне стало жарко. Силясь направить мысли в другое русло, я решил попытаться любоваться природой или увлечься разговором.

– Как поживает твой брат, Ребекка? – спросила Элис. – Как девочки?

– Хорошо, спасибо. Пейшенс по-прежнему гуляет с Уиллом Прайдом. Они гуляют уже больше двух лет.

– Где гуляют? – спросил Джан-Ив.

– Это выражение означает «разделять чье-либо общество с целью возможного брака», – пояснил Уильям. – Не перебивай.

– Чарити хочет поступить служанкой на ферму Гернардз, но дядя Джаред не разрешает, потому что считается, что репутация молодого мистера Питера Уеймарка… – Она остановилась, и я увидел, как они с Уильямом переглянулись в зеркале автомобиля.

– Продолжай! – засмеялся Уильям. – Я не расскажу Питеру!

– Ну… – Ребекка смутилась. – Поскольку Чарити немного легкомысленна… Вы знаете мою двоюродную сестру Чарити Рослин, мистер Парриш?

– Нет, но благодаря вашим рассказам она меня очень заинтересовала. Она такая же хорошенькая, как и вы?

Они снова посмотрели друг на друга в зеркало, и щеки девушки стали ярко-пунцовыми.

– Пожалуйста, смотри на дорогу, Уильям, – досадливо сказала Элис. – Я не хочу свалиться в канаву.

– Саймон Питер по-прежнему страдает от астмы, – торопливо продолжила рассказ Ребекка, словно желая завуалировать комплимент Уильяма, и я услышал, что в ее голос опять прокрался корнуолльский акцент. Потом она прибавила, больше для Джан-Ива, чем для меня: – Это мой младший двоюродный брат. Ему девять лет, но столько ему не дашь, такой он маленький и болезненный.

– А мне в следующем месяце исполнится семь, – сообщил Джан-Ив. – И я никогда не болею.

– Бедный маленький Саймон Питер, – рассеянно сказала Элис. – Как жаль. А ведь его восемь сестер такие здоровые, рослые девочки. Может быть, он окрепнет, когда вырастет.

Машина въехала на кряж и медленно покатила вниз в приход Морва. Деревушка лежала в полумиле от нас, ее крошечная церквушка купалась в предзакатных лучах, а за деревней до самых утесов простирались поля и море. Стоял великолепный летний день.

– Как здорово! – неожиданно воскликнула Ребекка. – Я никогда

раньше не ездила на машине. Это лучше, чем в коляске. Жаль, что… – Она замолчала.

Я взглянул на нее. Она смотрела на дорогу впереди, лицо ее побледнело.

Элис сказала коротко:

– Остановись здесь, Уильям, выпусти Ребекку.

– Нет! – закричала Ребекка и нырнула под сиденье, так что ее съежившееся в мягкий комочек тело прижалось к моим ногам. – Поезжайте в деревню! Не останавливайтесь! Если он увидит, что я выхожу из машины…

– Он тебя уже увидел, – сказала Элис. – Поздно. Он машет палкой.

Я был так занят прикосновением тела Ребекки, так оглушен своими ощущениями, что не сразу понял, что происходит. В замешательстве я огляделся, чтобы увидеть причину переполоха. Уильям к тому времени уже остановил машину, и я понял, что выбора у него просто не было: перед нами посреди дороги, широко расставив ноги, стоял худой, жилистый фермер лет сорока, с редкими седеющими волосами и сверкающими злобой голубыми глазами. Когда мотор смущенно заурчал на холостых оборотах, он пошел на нас и замахал большой палкой.

– Кто это? – зашипел Джан-Ив. – Что ему надо? Кто это?

– Мой дядя Джосс, – мрачно ответила Элис. – Как нам не повезло, Ребекка! Что бы нам такое придумать, как объяснить…

– Нет. – Ребекка возилась с дверной ручкой, но Уильям уже выпрыгнул из машины и быстрым шагом обходил ее, чтобы помочь девушке выйти.

Элис высунулась из машины.

– Добрый день, дядя Джосс! Мы просто подвозили Ребекку из дома священника. Вы знакомы с мистером Уильямом Парришем? Он управляющий в Пенмаррике.

Мужчина повернулся к Ребекке.

– Я тебе что говорил? – заорал он. – Разве я тебя не предупреждал, что, если ты хотя бы посмотришь на кого-либо из этих чертовых Касталлаков, я…

– Пожалуйста, дядя Джосс, – сказала Элис. – Позвольте мне взять вину на себя. Я упросила Ребекку согласиться, чтобы мы ее подвезли. Я…

– Замолчи! – Он опять повернулся к дочери. – Я тебя разве не предупреждал? Нет?

Ребекка натянуто произнесла:

– Мистер Парриш не из них, папуля. Он просто управляющий.

– Управляющий! Ты прекрасно знаешь, кто он, моя девочка, и нечего

притворяться, что тебе неведомо то, что известно всей Морве, Зиллану и Сент-Джасту! Он такой же Касталлак, как и этот гадкий ублюдок на заднем сиденье!

– Не понимаю, о чем ты, папуля.

– Черт подери, девочка, ты родилась и выросла на ферме! Не притворяйся, что не понимаешь, о чем я говорю!

– Прости, папуля. Пожалуйста, прости. Я не хотела сделать ничего дурного. – Ребекка дрожала.

Я уже собирался выпрыгнуть из машины, чтобы защитить ее от таких чудовищных нападок, когда Уильям вежливо произнес:

– Мне очень жаль, что вы так расстроены поведением вашей дочери, мистер Рослин. Позвольте мне подтвердить слова Элис и повторить, что вина целиком лежит на нас, а не на мисс Рослин. Она поначалу и правда отказывалась, но мы убедили ее сопровождать нас против ее воли. Мисс Рослин, позвольте принести свои извинения за то, что мы доставили вам столько неприятностей. Пожалуйста, простите нас. До свидания, мистер Рослин. – И, не произнеся более ни единого слова, он повернулся к мужчине спиной и быстрым шагом пошел к водительскому сиденью.

– И не смей больше приближаться к моей дочке! – заорал мужчина нам в спину, когда Уильям отпустил тормоз. – Оставь ее в покое!

Мы поехали вниз по холму в Морву.

Джан-Ив продолжал твердить:

– Кто это был? Почему он был так груб? Что он хотел сказать? Почему он нас не любит?

– Мне очень жаль, Уильям, – сказала Элис, когда мы повернули на запад к Сент-Джасту. – Я приношу свои извинения.

– Дорогая Элис, за что тебе извиняться? Это же не твоя вина.

– Да, но он был так отвратительно груб…

– Помилуй боже! – мягко сказал Уильям. – Стану я расстраиваться из-за всякой глупости потому лишь, что злобный корнуолльский фермер наорал на меня в такой чудесный мирный июльский день! Мне все равно. Да и какая разница? Мы все знаем, что он неприятный человек и фанатично ненавидит всех Касталлаков. Мне только жаль Ребекку, вот и все. Уверен, он доставит бедной девчонке массу неприятностей.

– Уильям, – не отставал Джан-Ив. – Уильям, я не понимаю. Что он хотел сказать, когда…

– Он просто грубил, Джан-Ив. Он нас ненавидит. Так что нам лучше всего просто забыть эту историю.

– Но что он хотел сказать, когда… Уильям, ты что, Касталлак? Разве

твоя фамилия не Парриш?

– Черт побери! – вырвалось у меня, настолько я был раздосадован его настойчивостью. – Когда ты перестанешь задавать вопросы?

– Но он сказал…

– Да, сказал, – произнес Уильям. – Нет, моя фамилия не Касталлак, Джан-Ив, но, раз уж ты спрашиваешь, я скажу тебе правду. Мне кажется, что не надо ничего скрывать от детей. Я тебе не двоюродный брат, а сводный. У нас один отец, но разные матери.

– Уильям! – закричал я. Я не мог перенести, что Элис это слышит. Вся сцена неожиданно превратилась в кошмар. – Прекрати, Уильям, замолчи!

– Ничего страшного, – возразил Уильям. – До Элис доходят слухи, как и до всех остальных. Уверен, что она давно все знает.

– Но… – Я не мог продолжать.

Раздавленный, я откинулся на сиденье и плотно закрыл глаза, чтобы не видеть лица Элис. Но я все-таки услышал ее голос. Она сказала:

– Пожалуйста, Адриан, не расстраивайся. Для меня это не имеет никакого значения.

– Погодите, – захотел уточнить сообразительный Джан-Ив. – Как интересно! Разве папа не был женат на твоей матери?

– Нет. Поэтому наша фамилия не Касталлак.

– Понимаю, – сказал удовлетворенный Джан-Ив. – Это как у кухарки Беллы и помощника конюха Дейви. Как здорово! Я рад! Я всегда знал, что ты слишком хороший, чтобы быть просто кузеном.

Он развалился на сиденье и начал изводить Уильяма вопросами о Джоссе Рослине.

Как только мы приехали в Пенмаррик, я отправился в свою комнату и заперся там. Я чувствовал себя измученным и несчастным. Сначала мне пришлось лицезреть в церкви миссис Касталлак, а потом, словно этого было недостаточно для одного дня, я вынужден был вытерпеть унизительную сцену с Джоссом Рослином. Когда я устало повалился на кровать, единственной моей мыслью было: «И как папа мог думать, что незаконнорожденность – не порок?» И на меня нахлынула безысходная тоска по Алленгейту и маме.

Я попытался представить себе будущее. Может быть, когда я поступлю в Оксфорд, папа разрешит мне проводить каникулы там или в лондонском доме, но до начала моего первого триместра в Оксфорде было еще два года. До октября 1914 года мне оставалось лишь переносить по возможности более стойко испытующие взгляды, шепоток сплетен и все несчастья, происходящие оттого, что мне приходится жить в Пенмаррике. Но в 1914

году я буду свободен; в 1914 году я начну жизнь с чистого листа на новом месте. Меня одолевало нетерпение. Схватив карандаш и бумагу, я нарисовал огромных размеров календарь, совсем такой же, как тот, что когда-то давно, в Алленгейте, был у Филипа, и повесил его на стену, чтобы можно было вычеркивать дни.

Глава 6

Была достигнута договоренность о браке между старшей дочерью Генриха, Матильдой, и Генрихом, по прозванию Лев, герцогом Саксонским и Баварским… Поскольку она была старшей дочерью короля, ее нарядили в великолепное платье.

Джон Т. Эпплбай.

Генрих II

Джеффри был любимым бастардом старого короля… хотя его жизнь прошла в ссорах, сам по себе он обладал набожностью и даже целомудрием – добродетелью, очень редкой среди Плантагенетов.

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

1

Стоял август 1912 года. Далеко на другом конце Европы, на Балканах, назревали осложнения, но даже Элис не могла заинтересоваться раздорами между такими далекими и варварскими народами. Бесконечные забастовки на родине, казалось, прекратились; в Ирландии опять начались волнения, но, поскольку в Ирландии они не прекращались никогда, это вряд ли могло сойти за новость, и, хотя готовился закон о расширении прав участия в выборах (к большому удовлетворению Элис), я думал про себя, что у этого закона мало шансов на одобрение в ультраконсервативной палате лордов, даже если за него проголосует палата общин. Короче говоря, время было пресное, и, не в состоянии отвлечься от личных проблем, наблюдая за событиями в стране и за рубежом, я с неохотой должен был задуматься о предстоящем спектакле под названием «изысканное, светское замужество Марианы».

После церемонии, которая должна была пройти в Вестминстере, в

самом центре Лондона, в фешенебельной церкви Святой Маргариты во вторую субботу сентября, предстоял роскошный прием в «Клариджесе». Уильям согласился не быть шафером, но папа так и не решил вопрос о том, где нам жить в Лондоне, и мы уже начали думать, что миссис Касталлак все-таки решила остановиться в гостинице, когда папа позвал нас к себе в кабинет, чтобы обсудить этот вопрос.

– После некоторого колебания моя жена согласилась остановиться в городском доме, – сказал он, крутя в руках сигару, словно в нерешительности – зажечь ее или нет. На нас он не смотрел. – Завтра мы с ней уезжаем в Лондон. Она решила пожить в Лондоне две недели до свадьбы, чтобы заказать новые платья и привыкнуть к лондонскому обществу после такого длительного отсутствия. – Он посмотрел прямо на нас своими темными глазами и добавил без выражения: – О примирении не может быть и речи, но ради Марианы мы хотим создать для общества хоть какую-то видимость брака.

Мы ничего не сказали. Мы просто смотрели на него, и я невольно вспомнил о своей маме, как она, с сияющими глазами, выбегала из двери дома в Сент-Джонс-Вуде и бежала по тропинке ему навстречу.

– В начале следующей недели к нам приедет Филип; может быть, он отправится в город с Маркусом и Хью. Мисс Картрайт и няня за три дня до свадьбы привезут девочек и Джан-Ива. Не знаю, как захотите поступить вы, и предоставляю вам самим решить, когда уезжать из Пенмаррика. Кстати, я договорился, что вы остановитесь у брата Майкла Винсента и его жены. У них дом рядом с Рассел-сквер, и мне кажется, вам будет приятнее жить у них, чем в гостинице. Майкл тоже остановится у них, поэтому вы не будете одни среди чужих людей. После того как решите, когда приезжать в Лондон, напишите Питеру Винсенту о своих планах. Я дам вам его адрес.

После некоторой паузы Уильям сказал:

– Благодарю вас, сэр. Очень мило со стороны мистера Винсента согласиться приютить нас.

– Ну, мы с Майклом старые друзья, и с Питером я встречался несколько раз… – С минуту-другую он бойко говорил о Винсентах, а мы слушали его в вежливом молчании. – Теперь о деньгах, – сказал он затем, открывая ящик стола. – Конечно же, в Лондоне вам все покажется дорого, а мне хочется, чтобы вы получили удовольствие от поездки и выходили в свет как можно чаще. Я решил дать вам немного больше денег, чем обычно, чтобы вы могли делать что хочется и не экономить.

– Нет, спасибо, папа, – сказал я. – Не стоит беспокоиться. В этом нет нужды.

– Совсем никакой, – поддержал меня Уильям, – кроме того, у тебя и так много расходов из-за свадьбы Марианы, чтобы тратиться еще и на нас.

– Ерунда! Я настаиваю…

– Нет, спасибо, сэр, – с нажимом сказал я.

– Нет, спасибо, – повторил Уильям. – Ты очень добр, но мы не примем этих денег.

Он пожал плечами и закрыл ящик, не глядя на нас.

– Как хотите.

Наступила напряженная, неловкая тишина. Я неуклюже поднялся.

– В таком случае – до встречи в Лондоне, папа, – сказал я. – Хочу пожелать тебе приятной поездки – вдруг мы не увидимся перед отъездом.

– Да, сэр, – сказал Уильям, тоже вставая. – Спасибо за заботу. До свидания.

– До свидания, папа, – сказал я, открывая дверь.

Помолчав, он сказал: «До свидания» – и принялся складывать бумаги на столе в стопку.

Мы вышли, пересекли холл, и я помчался вверх по ступенькам в галерею. Уильям побежал вместе со мной ко мне в комнату. Когда дверь наконец закрылась, мы остались одни и посмотрели друг на друга.

– Как это вульгарно, – сказал Уильям, – пытаться откупиться от нас.

От сквозняка из окна задрожал газ. Я подошел к раме и попытался заткнуть щель шторой. В комнате было сыро и холодно, но стоял август, и ни одна горничная не осмеливалась разжечь огонь.

– Я не поеду, – сказал я.

– Мы должны. Не поехать было бы несправедливо по отношению к Мариане.

– Да она и не заметит нашего отсутствия!

– Может заметить. Мариана не так бездушна и тщеславна, как можно подумать. Мне кажется, что на самом деле она очень чувствительна. Кроме того, она всегда относилась к нам как к братьям – она ведь даже просила меня стать шафером! Ей не надо было просить об этом от имени Ника, но она ведь попросила. Она действительно хотела, чтобы я стал шафером.

Газ опять задрожал.

– Честно говоря, – продолжал Уильям, – я почему-то не доверяю папе. Мне кажется, он подготавливает примирение. Иначе зачем ему соглашаться провести две недели – две недели! – под одной крышей с этой женщиной? Черт подери, они ведь и двух часов не пробыли вместе в Брайтоне, и что из этого получилось!

– Прекрати! – закричал я.

Мысль о Брайтоне была мне невыносима. Теперь, когда я думал о тех событиях, у меня перед глазами вставали заплаканная, пытающаяся скрыть от нас свое горе мама и папа, который вернулся в ресторан, но был не в состоянии смотреть ей в глаза.

– Я не хочу говорить о Брайтоне! – в ярости крикнул я. – Не хочу!

Но Уильям меня словно не слышал.

– В конце концов, – сказал он, – давай посмотрим фактам в глаза. Мама была единственной, кто мог удержать его от этой женщины, но даже ей это не всегда удавалось… – Он вдруг замолчал, должно быть заметив, как мне больно. Но в следующую секунду к нему вернулась непринужденность и он небрежно пожал плечами, как будто отмахиваясь от затронутой темы. – Черт побери, – лениво произнес он, направляясь к двери. – Все будет хорошо. Глупо волноваться из-за того, что может никогда и не случиться… Ну что ж, мне пора спать. Спокойной ночи, старина. Извини, если что не так.

Но я ему не ответил. Он вышел, тихонько прикрыв за собой дверь, и я остался один в дрожащем желтом свете. Среди скал стонал ветер; с моря налетал дождь и разбивался о стекло. Я подошел к окну и долго смотрел на черный океан, думая о Брайтоне, о сером ноябрьском море, неустанно бьющемся об уродливый пляж с кабинками для раздевания. Память ворошила прошлое, словно в отчаянных поисках ускользнувшего воспоминания, пока я не вспомнил маму в последние дни в Алленгейте и не услышал ее слова: «Люби папу». Я закрыл лицо руками и заплакал.

2

Когда папа уехал в Лондон, Хью опять начал приставать ко мне с предложением устроить пикник при луне в пещере, чтобы с некоторым опозданием отметить его пятнадцатилетие. Вскоре я обнаружил, что он уже все спланировал; с фермы Рослин была привезена бутылка домашнего вина, из Пензанса в дом контрабандой прибыли два десятка сигарет, и он подумывал о том, чтобы пригласить горничную Ханну и ее сестру выпить и покурить с нами.

– Нет, спасибо, – коротко отвечал я. – Мне это неинтересно.

Я все еще был расстроен разговором с отцом, но в тот вечер уже раскаялся за свое некрасивое поведение в отношении Хью и решил найти его, чтобы сказать, что передумал. К тому времени приглашать девушек было уже поздно, и мне не пришлось бы смущаться, став свидетелем

преждевременного интереса Хью к анатомическим подробностям Ханны.

Но в тот вечер мне суждено было смутиться. Безуспешно поискав Хью в доме и даже спустившись к пещере на случай, если он решил устроить вечеринку без меня, я пришел к выводу, что он, должно быть, решил рано лечь спать, и тихонько подошел к его комнате.

– Хью? – позвал я, постучав. – Это Адриан, можно войти?

Послышался легкий скрип матраса и шум, словно перевернули стакан. Не услышав отказа, я повернул ручку и вошел.

Он был в постели с Ханной. Я чуть не застал их во время свершения прелюбодеяния.

3

Когда я одевался следующим утром, Хью прокрался в мою комнату и тихонько прикрыл за собой дверь.

– Прости меня за вчерашнее, – мягко сказал он, явно беспокоясь, что обидел меня. – Понимаешь… – И он стал рассказывать бесконечную историю о крепости домашнего вина, о том, что он совершенно случайно встретил Ханну и… – Я вовсе не хотел чего-либо затевать, – говорил он, – но прежде чем сообразил, что происходит… ну, ты ведь понимаешь, как это бывает.

Он остановился, ожидая поддержки, а я уставился на него. Глаза его были большими и честными. Обаятельная полуулыбка играла на губах. Казалось, у него и мысли нечестной отродясь не бывало.

– Я тебе не верю, – услышал я свой неожиданно резкий голос. – Вчера это было не в первый раз. Ты развлекаешься с этой глупой горничной уже несколько недель.

Странно, но я был убежден в своей правоте. Воспоминания о его увлечении полуклассическими открытками, похотливые разговоры во время прошлых каникул, его склонность ко лжи – все соединилось у меня в мозгу и стерло последние сомнения.

– Итак, ты знал! – сказал Хью. Он засмеялся, потом расслабился. – Тогда почему же ты не сказал мне сразу? А я столько времени притворялся, потому что боялся тебя шокировать и потерять твою дружбу! Мне хочется, чтобы мы остались друзьями, потому что я знаю, что, как только ты начнешь интересоваться девушками, мы можем здорово повеселиться. – И неожиданно он мне во всем признался: как шантажом заставил Ханну переспать с ним еще на прошлых каникулах, пригрозив рассказать отцу, как

она выходила «из кое-чьей спальни» рано утром, – я предположил, что он имеет в виду Маркуса, – и как после первого раза ему больше не пришлось ее шантажировать.

– Она думала, что у меня нет опыта, – усмехнувшись, сказал он. – Как же она удивилась, когда поняла, насколько я посвящен.

– Ты хочешь сказать, что до Ханны…

– Да, я ходил к той проститутке в Пензансе, но, честно говоря, ее никому не порекомендую. Она старая и душилась вульгарными духами. Я потерял охоту к ней ходить.

– Но… – На секунду я лишился дара речи. – Как ты мог? – произнес я наконец. – Самое грязное из всего, что можно представить. И тебе было четырнадцать – четырнадцать! Об этом даже говорить отвратительно!

Выражение его глаз чуть изменилось. Они стали светлее и как будто бесцветнее.

– Мой дорогой Адриан, ты говоришь так, словно существует одиннадцатая заповедь: «Не прелюбодействуй в четырнадцать лет!»

– Я ничего не могу поделать, – сказал я, расстроенный. – Прости, но мне кажется, это так… так низко, так мерзко…

Он вышел из себя. Вздрогнув, я понял, что и не представлял, что Хью может выйти из себя. Улыбка исчезла с его лица, вежливое дружелюбие спало, как маска, а в глазах загорелась дикая, неуправляемая ярость Пенмаров. Тогда-то я и увидел настоящего Хью, увидел, какой характер скрывали мягкие черты его матери, об этом характере молча свидетельствовали портреты Пенмаров в галерее. Это был характер искателя приключений, умного, опасного искателя приключений, не знающего угрызений совести.

– Черт тебя побери! – заорал он. Глаза его сверкали. Лицо было красным от гнева. – Черт тебя побери, несчастный святоша! Не смей меня поучать!

– Я и не поучал. Я просто сказал…

– Ты только что сказал мне, какой ты святоша! Ты ведь ничего не знаешь. Нет, даже и не говори мне, как хорошо ты учишься, – мне все равно, если ты получишь самые высокие баллы на всех экзаменах, – факт остается фактом: ты ни черта не знаешь о важных вещах. Ты ведь не представляешь себе, каково это, когда тебя, самого умного, самого красивого члена большой семьи, никто не замечает, словно тебя и нет! Если никто не ценит меня в семье, так почему бы мне не проводить время с людьми, которые по-настоящему ценят меня за мои реальные качества? Ханна для тебя, может быть, и «глупая горничная», но для любого, кто хоть

что-нибудь понимает в жизни, она женщина, расположения которой хотел бы добиться любой мужчина, и если хочешь знать, она сказала, что в постели я намного лучше, чем твой любимый братец Уильям!

– Что… что ты… ты хочешь сказать…

– Я так и думал, что ты не догадаешься! Ты, наверное, чрезвычайно обескуражен, узнав, что твой обожаемый Уильям не так совершенен, как ты думал!

– Еще одна ложь об Уильяме – и я…

– Мне всегда хотелось знать, отчего папа так любит своих внебрачных деток. Конечно, тебе он благоволит больше, чем Уильяму, и все же…

Я был настолько поражен, так запутался, что смог выговорить только:

– У папы нет любимчиков.

– Что?! – Он скептически уставился на меня, а потом засмеялся. – Прости, правильно ли я тебя расслышал? Ты вправду сказал: «У папы нет любимчиков»? Губошлеп, как тебе удается пребывать в таком неведении, если нам стоило провести всего одну ночь в Алленгейте, чтобы понять, кто его драгоценный мальчик!

Но я только и смог выдавить из себя:

– Неправда. Это неправда.

– Это правда, черт тебя побери! Правда! – К этому времени он был так зол, что едва мог говорить. – Во имя всего святого, ты что думаешь, мы не заметили, что папа всегда разговаривает с тобой за обедом, сидит с тобой на террасе, в кабинете обсуждает историю? Ты что думаешь, Маркус никогда не волновался, что папа оставит все деньги по завещанию тебе? Ты что, не понимаешь, что из-за тебя Филип не приезжает в Пенмаррик? Тебе что, никогда не приходило в голову, что они не ладят не только потому, что для папы любовница оказалась важнее жены, но и потому, что ты для него важнее нас! Как, ты думаешь, мы себя чувствовали, когда нас всем скопом отправили в Алленгейт, в дом, где вы с Уильямом были маленькими хозяевами? Это было так, словно мы, а не вы были незаконнорожденными! Мы ненавидели вас! Всегда ненавидели! Мы и сейчас вас ненавидим! Мариана даже не хотела, чтобы вы присутствовали у нее на свадьбе, позоря нас на людях, да у нее выбора не было! Без толку было объяснять папе, что он не может пригласить своего любимого сыночка на свадьбу дочери. Но позволь мне вот что сказать: когда папа умрет, ты отсюда уберешься, и Уильям вместе с тобой. Нам вас, ублюдков, до конца жизни хватит, и мы вас выкинем отсюда при первой же возможности!

Мне удалось вставить:

– Если ты еще хоть раз назовешь меня ублюдком…

– Ублюдок, – повторил Хью и, как уличный мальчишка, сплюнул мне под ноги.

Я его ударил. Мы дрались до крови. Я был выше его, руки у меня были длиннее, но он был мускулист и вынослив. Мы дрались так яростно, что уже стали задыхаться от изнеможения, и остановились, только когда кто-то распахнул дверь и прервал нас.

Это был Уильям.

– Какого черта здесь делается? – удивленно спросил он. – Я услышал вашу возню из другого конца коридора!

Хью развернулся, ярость его ничуть не уменьшилась.

– Пошел ты… – грязно выругался он. – Пошли вы оба… ублюдки!

Глаза Уильяма расширились, а Хью пролетел мимо и хлопнул у него перед носом дверью, закрывая ее за собой.

Я медленно опустился на кровать.

– Черт подери! – воскликнул опешивший Уильям. – Что происходит? Никогда не видел Хью таким злым! Что ты ему сказал? Что случилось? Объясни!

Но когда я смог наконец говорить, я произнес лишь:

– Я не поеду на свадьбу.

4

Мы с Уильямом проговорили два часа, но я не передумал.

– Я не поеду, – твердил я. – Мы там не нужны. Они все нас ненавидят, даже Мариана.

– Ерунда! – сказал Уильям. Он уже начинал злиться. – Хью врет, как всегда, и ты это знаешь. Он вышел из себя и напридумывал всяких глупостей. Это неправда.

– Мне все равно, что ты скажешь, – я не поеду!

– Папа разозлится!

– И пусть, – безразлично сказал я. – Но я в Лондон не поеду.

– Но на меня-то ты за что злишься? – с печальным изумлением спросил Уильям. – Ведь не я же затеял эту заваруху!

Но конечно, я был зол и на него тоже. Я уже давно подозревал, что «кружка пива в дружеской компании» была не единственной целью его вечерних вылазок с Маркусом в ближайшие кабачки, но мне очень хотелось, чтобы это все-таки было именно так, и теперь, получив доказательства его вины, я чувствовал себя так, как будто меня предали. Я

словно разделил его слабости, и чувствовал себя виноватым и униженным, и ненавидел его за то, что он упал в моих глазах.

– Послушай, старина, – разумно рассуждал он, – тебе необязательно надолго оставаться в Лондоне. Если ты приедешь на свадьбу и сразу после церемонии уедешь…

– Отстань от меня, – сердито отозвался я. – Незачем сотрясать воздух, потому что я не еду на свадьбу, и ни ты, ни кто-либо другой не заставит меня передумать.

Я сдержал слово. Все уехали в Лондон, а я остался в Пенмаррике. Я даже не ходил в церковь в Зиллане, опасаясь, что мистер Барнуэлл будет разочарован моим поведением, поэтому посещал службы в Сент-Джасте и проводил большую часть времени у себя в комнате или гуляя по пустоши. Тогда-то, предоставленный самому себе, я и начал писать. Поначалу я принялся было за проект, который предложил мне как-то раз папа, и стал писать автобиографию, но, конечно, был еще слишком молод, чтобы взглянуть на свою юность беспристрастно, поэтому убрал рукопись в ящик стола, где она и пролежала двадцать лет. Потом я попробовал писать стихи. Это мне понравилось больше. Долгие часы я сидел перед окном, смотрел на море и пытался уложить свои взволнованные мысли в безупречную словесную форму.

Я написал шесть стихотворений и дал им условное название «Деревенские размышления несчастного юноши», когда мое одиночество резко прервали. Через два дня после свадьбы папа вернулся домой один, без предупреждения и немедленно вызвал меня к себе в кабинет.

5

– Надеюсь, ты сможешь объяснить мне свой поступок, – с места в карьер начал он, – потому что лично я не смог объяснить его Мариане. Она была очень расстроена.

– Мне очень жаль, – сказал я, с трудом сглотнув. – Я и не думал, что она заметит мое отсутствие.

– Разумеется, она заметила! Надо признаться, что я считаю твой поступок невероятно эгоистичным. Я тебе много раз говорил, как мне хотелось бы, чтобы для Марианы этот день стал особенно счастливым, имея в виду, что всем нам придется чем-то пожертвовать, чтобы все прошло как можно лучше. – Он взял сигару и завозился с нею. – Конечно же, ситуация была непростая! Конечно же, ситуация была сложная! Уж не

думаешь ли ты, что мне хотелось, чтобы вы с Уильямом остановились в городском доме? Я знал, что вам не понравится у Винсентов, но это было лучшее, что я мог придумать, и мне казалось, что ты достаточно разумен, чтобы понять и простить меня, хотя бы ради Марианы. Я знал, что, видя меня и жену на приеме, ты будешь чувствовать себя скованно и тебе даже будет неприятно, но я надеялся, что у тебя достанет благородства, чтобы вынести это хотя бы один день! Но нет! Ты не потрудился этого сделать! Ты совсем не захотел мне помочь. Должен признаться, я очень в тебе разочарован.

Я смотрел в пол.

– Я сожалею.

– Ты думаешь, мне было легко помириться с женой на две недели? Ты думаешь, мне это было легко?

– Я…

– Так вот, не было. – Он сердито смотрел на сигару. – Это было чертовски тяжело. Если бы не Мариана… – Он замолк, чтобы закурить.

– Папа, мне очень жаль. Теперь я понимаю, что поступил как эгоист. Я был очень расстроен… я не думал… Мне стало известно, что Мариана не хочет видеть меня на свадьбе, ее смущал тот факт, что мы с Уильямом будем присутствовать…

– Кто такое сказал?

Я покраснел и покачал головой.

– Не скажу.

– Что ж, очень глупо с твоей стороны, что ты в это поверил! Могу добавить, что Мариана гораздо больше любит тебя и Уильяма, чем Филипа и Хью. И конечно же, она больше любила вашу мать, чем свою. Разве ты этого не понимаешь?

Я, не отвечая, только опустил голову.

– А ты услышал эту идиотскую сплетню и сразу решил, что ты ей не нужен! Адриан, нельзя быть таким чувствительным! Сколько раз мне тебе это повторять? Тебе нужно стать жестче, иначе ты будешь очень страдать. Я особенно разочарован, потому что мне казалось, что за последний год ты почти преодолел свои проблемы. Ты ведь был счастлив здесь, не правда ли?

Я опять сглотнул, но сказать ничего не смог.

– Разве не был?

– Да, полагаю, что был. Но…

– Да?

– Папа, когда я поступлю в Оксфорд, можно, я буду проводить каникулы в городском доме? Или в самом Оксфорде? Я… я совсем не

чувствую родства с Корнуоллом. Мне бы хотелось…

– Мы поговорим об этом, когда придет время. – Он сказал это так резко, что поначалу я подумал, что он сердится, но потом неожиданно понял, что ему больно.

– Папа, я не хотел…

– Послушай, Адриан. – Сигара его потухла. Он раздавил обгоревший окурок в пепельнице и наклонился ко мне. – Мне просто хочется, чтобы ты был счастлив. И все. Запомни: все, что я делаю, каким бы ужасным и несправедливым это ни казалось, делается с этой целью. Если ты и в самом деле не захочешь жить в Пенмаррике, когда поступишь в Оксфорд, я не буду пытаться удержать тебя, но сейчас ты еще слишком мал, чтобы проводить каникулы вне дома, и ко всему прочему мне вовсе не хочется, чтобы ты чувствовал себя одиноким и нежеланным. Попробуй меня понять.

– Я понимаю, папа, прости, я не хотел тебя расстроить. Пожалуйста, прости меня.

– Я расстраиваюсь, только когда ты вбиваешь в голову эту абсурдную идею, что ты здесь не нужен. Кстати, кто сказал тебе эту глупость, будто Мариана не хочет видеть тебя на свадьбе? Филип после службы в воскресенье?

– Нет.

– Но один из братьев, не так ли?

Я промолчал.

– Что ж, Маркус не способен сказать что-либо неприятное, а если Филип ничего подобного не говорил, то единственный подозреваемый – Хью. Какой несносный ребенок! Когда мы встречаемся, он и десятка слов не произносит, пишет одно пустое письмо за триместр, а теперь стоило мне отвернуться, как он устраивает неприятности! Если он косвенно виноват в твоем отсутствии на свадьбе, я позову его сюда в кабинет и скажу все, что думаю о его таланте смутьяна!

– Нет, папа, пожалуйста, не надо.

– Почему?

– Потому что это будет доказательством… по крайней мере, он подумает, что это новое доказательство того, что твой любимчик – я, а не он.

– У меня нет любимчиков, – возразил папа.

– Я ему так и сказал, но он в это не поверил. Он считает, что ты несправедливо относишься к своим законным сыновьям.

– Полнейшая ерунда. Я ко всем своим сыновьям отношусь абсолютно одинаково. Если Хью хочет, чтобы я им больше интересовался, ему следует

больше оставаться в Пенмаррике, а не бежать на ферму Рослин сразу после завтрака. Конечно же, это мать убедила его, что я не отношусь к ее сыновьям так же хорошо, как к тебе и Уильяму, – я бы ничуть не удивился, что она виновата во всей этой неприятной истории! Эта женщина всегда пыталась настроить детей против меня, а теперь я вижу, что она преуспела в этом больше, чем я думал. Сначала Филип, теперь Хью… Филип едва со мной разговаривал, когда мы жили в городском доме. Если бы я считал, что это изменит его отношение ко мне, то обратился бы в суд и забрал его из фермерского дома, но теперь уже поздно, слишком многое произошло, такая мера только отдалила бы Филипа от меня еще больше. И все же я постоянно волнуюсь за него. Нехорошо, что он заживо погребен с матерью на заброшенной корнуолльской ферме. – Отец принялся рвать сигару в клочки. – Теперь она хочет отвоевать у меня Джан-Ива, – горько признался он, – но у нее это не получается. Бедный малыш! Он же чувствует, что интересен ей не сам по себе, а только как оружие в ее войне против меня. Бедный маленький Джан-Ив. Мне следовало привезти его в Алленгейт, я знал, что мой долг послать за ним, но Роза и так без единой жалобы заботилась о шести детях моей жены, и я не мог просить ее принять на себя заботы еще и о седьмом, который к тому же служил таким неприятным напоминанием о…

«О Брайтоне», – подумал я.

– Ну да ладно. Дело сделано. К худшему или к лучшему, но сделано. Мне не следовало бы обсуждать с тобой подобные темы. Тебе не надо было бы слушать о моей горькой, грязной вражде с женой.

– Значит, шанса на… на примирение нет? Мы с Уильямом думали…

– Великий Боже, нет, – сказал он. – Никогда. – И добавил безразличным, холодным голосом: – Никогда. – Он отодвинул пепельницу и встал. – Давай сменим тему. Тебе надо написать два письма, ты ведь это понимаешь? Одно – Мариане, чтобы извиниться за свое отсутствие, а другое – мистеру и миссис Питер Винсент, чтобы извиниться за неудобство, доставленное им тем, что ты не приехал к ним, как было условлено.

– Да, папа.

А теперь забудем об этом. Твое поведение было нехорошо и достойно сожаления, но так уж получилось. Это в прошлом. Напиши письма, и будем считать инцидент исчерпанным.

– Да, папа. Спасибо. Мне очень жаль.

– Я знаю. Ничего страшного. Мне тоже очень жаль, что ты был несчастлив. – Он улыбнулся мне, и неожиданно все, что так беспокоило

меня, улетучилось, и я почувствовал себя таким счастливым, каким не был с тех пор, как услышал о Брайтоне. Когда я улыбнулся ему в ответ, он сказал: – Когда ты улыбаешься, ты так похож на моего отца!

Мы засмеялись, нам стало легко друг с другом, и только много позже мне пришло в голову, что в словах Хью могла быть какая-то доля неприятной правды.

6

– Это была чудесная свадьба, – сказала, вздохнув, Жанна. – Мариана выглядела как принцесса. Была куча народу, и кортеж даже задержал транспорт на Парламент-сквер. У всех дам были такие красивые платья, но у мамы – самое красивое, после Марианы, конечно. Потом так много фотографов хотели ее сфотографировать.

– Все хвалили мой костюм пажа, – добавил Джан-Ив. – И меня потом тоже фотографировали. Мне пришлось по буквам произнести свое имя журналисту из газеты, а он сказал, что никогда раньше такого не слышал. Он думал, что Ив пишется через «ф».

– Мне больше всего понравился прием в «Клариджесе», – вспоминала Элизабет. – Свадьба на самом деле была скучной: пришлось долго стоять и слушать священника, но в «Клариджесе» было мило. Я выпила полбокала шампанского и съела три вкуснейшие меренги. И икру я тоже попробовала, но меренги мне больше понравились.

Разговоры об этой проклятой свадьбе не кончались. Они продолжались, и мне уже хотелось крикнуть: «Хватит!» – и зажать уши руками.

– Хорошо, что мама и папа опять были вместе, – сказал Маркус. – Мне показалось, что они великолепно ладили. Я нервничал, боялся, что атмосфера будет натянутой, но оказалось, что зря. На приеме они вели себя как обычная семейная пара, а потом вместе пошли ужинать в ресторан. Не одни, конечно, но, по крайней мере, они не слишком страдали в обществе друг друга, иначе придумали бы какой-нибудь предлог, чтобы не идти вместе.

– О примирении и речи быть не может, – сказал я Уильяму, когда мы остались одни.

К тому времени я достаточно оправился после шока от признаний Хью, и мне было стыдно за то, что я рассердился на Уильяма; я понял, что Хью хотел вывести меня из равновесия, и злился на себя, потому что с

такой готовностью ему подыграл. Меня все еще расстраивало, что принципы Уильяма оказались ниже моих, но я твердо решил справиться с этим неприятным фактом и попытаться притвориться, что ничего не произошло. Мистер Барнуэлл уже объяснил мне, что подобное отношение ничего не решало, но все-таки… я не мог долго не общаться с Уильямом. Теперь, когда я убедил его в невозможности примирения между папой и миссис Касталлак, я был рад, что он успокоился, так же как и я.

– Папа сказал, что примирения не будет никогда, – объяснил я ему. – Он сказал, что об этом не может быть и речи.

– Правда? Слава богу! Чем больше я наблюдал за ними обоими, тем больше приходил к выводу, что она вернется в Пенмаррик. Ты знаешь, надо отдать ей должное: никто на приеме и не догадался бы, что она когда-то была женой фермера. Я готов был ею восхищаться, если бы так не волновался из-за возможного примирения.

Элис оказалась единственной, кому не очень понравилась свадьба.

– Я не очень хорошо себя чувствую на больших приемах, – призналась она мне. – Я всегда стесняюсь, и мне хочется спрятаться за ближайшей шторой.

– Неправда, Элис! – Я не мог в это поверить.

– Правда! Спроси мистера Касталлака! Он нашел меня, когда я дрожала за кадкой с пальмой, и специально подошел, чтобы поговорить со мной. Он такой добрый! Он мне очень нравится.

Папе явно понравилась Элис, потому что после свадьбы он попросил ее навсегда остаться в Пенмаррике в качестве экономки и даже, как сказал мне Уильям, повысил ей жалованье. Это было справедливо, потому что она прекрасно справлялась с работой. Правда, она была молода для этой должности, но ее имя, Пенмар, производило сильное впечатление на слуг, особенно на таких, как дворецкий Медлин, который воспринимал ее как «дочь молодого мистера Гарри». Независимо от того, что послужило причиной ее успехов – происхождение или природное умение вести хозяйство, факт остается фактом: папе больше не приходилось заботиться о домашних делах и он мог полностью сосредоточиться на работе.

В ноябре, сразу после возвращения Марианы из свадебного путешествия и краткого письма нам, что «все было восхитительно», папа опубликовал книгу о карьере Стефена Ленгтона и его отношениях с Иоанном Безземельным до и после отлучения от церкви. Это было увлекательное чтение, и во время рождественских каникул папа, Элис и я после ужина вели интереснейшие разговоры у папы в кабинете. Элис любила историю почти так же, как и политику. У ее деда была прекрасная

библиотека, и она была удивительно начитанна.

Начался новый триместр, а потом пришла весна, и мы все вернулись домой на каникулы. Маркус, который приехал на несколько недель из Оксфорда, остановился в городском доме на начало светского сезона и вскоре прислал папе телеграмму с просьбой прислать «немного больше денег».

Проницательная Элис сказала Уильяму:

– Маркус в Оксфорде, должно быть, познакомился с богатой компанией кутил.

Но Уильям не стал критиковать Маркуса, а просто счел, что у того много расходов.

– Ерунда, – возразила Элис. – Он безнадежный транжира.

Потом, когда мы остались одни, Уильям сказал мне:

– Элис очень любит командовать. Она считает, что всегда права.

– Но она действительно почти всегда бывает права, – немедленно встал на ее защиту я.

– Даже если и так, ей не нужно настаивать на своей правоте так категорично, – заметил Уильям. – Это неженственно, и мне это не нравится.

Но Элис не слишком волновало его неодобрение, и время от времени они продолжали пикироваться, особенно по вопросам внешней и внутренней политики.

Шел 1913 год. Палата лордов, как я и предвидел, отклонила законопроект о праве женщин на голосование, и вследствие этого суфражистки стали еще более воинственными.

– И я не могу их осуждать, – сказала Элис, – хотя считаю, что использование силы в подобных обстоятельствах оправдать сложно.

– Таким образом они никогда не добьются права голоса, – заявил Уильям. – Если хотите знать мое мнение.

– А я и не спрашивала твоего мнения, – заметила Элис, – ведь только недальновидный человек может судить обо всех женщинах по группке экстремисток.

Палата лордов отклонила и законопроект, разработанный с целью смягчить постоянные проблемы в Ирландии.

– Жаль, что палата лордов выжила в конституционном кризисе одиннадцатого года, – колко прокомментировала Элис. – Теперь-то уж точно в Ирландии начнется гражданская война.

– А ирландцы ничего другого и не заслуживают, – сказал Уильям. – Они все равно постоянно грызутся между собой. Конечно же, они совершенно не готовы к самоуправлению.

– Но не настолько не готовы, как это собрание окаменевших реликтов в Вестминстере, – возразила Элис.

За границей назревала вторая Балканская война, но все были уверены, что сэр Эдуард Грей не допустит участия в ней Британии и сможет контролировать конфликт при помощи своей умелой дипломатии.

– Войны не будет, – говорил Уильям. – Никто из глав европейских государств этого не хочет, это стало совершенно очевидно во время последнего Балканского кризиса.

– Да, но как долго сможет сэр Эдуард Грей придерживаться позиции нейтралитета? – задумчиво произнесла Элис. – Ведь бывают времена, когда нейтралитет просто невозможен.

– Точно! – согласился я. – Мне кажется, что война может быть благородным делом, если ее ведут во имя справедливости и свободы.

– Уж не знаю, насколько она благородна, – сказала Элис, – но бывают времена, когда она может быть необходима, в сущности неизбежна.

– Не бывают, – упрямо сказал Уильям. – Почему нам надо влезать в бесконечную перебранку России с Турцией и вообще во все эти славянские потасовки на другом конце Европы?

– Австрия заинтересована во «всех этих славянских потасовках», – быстро отвечала Элис, – а кто всегда заодно с Австрией, хотела бы я знать?

– Кайзер никогда нас не потревожит, – провозгласил Уильям. – Позволь ему только наряжаться в великолепную форму и устраивать, как мальчику с солдатиками, парады – и он будет абсолютно безопасен. Не создаст никаких проблем.

– Ерунда, – возразила Элис. – Взрослые мужчины, играющие с настоящими солдатиками и ошибочно полагающие, что это игрушки, – угроза для цивилизованного мира.

– Какая же ты мрачная Кассандра, Элис! – заметил Уильям добродушно, но не сумев скрыть нотки раздражения. – Однако думаю, войны все-таки не будет.

– А Черчилль думает, что будет!

– Черчилль – безответственный милитарист!

– Мне кажется, войны не будет, по крайней мере еще какое-то время, – вмешался я, потому что их перепалка становилась слишком уж ожесточенной. – А если она все-таки разразится, я уверен, что это случится только потому, что кто-нибудь нарушит все правила цивилизованного поведения до такой степени, что у нас не останется другого выбора, кроме как вмешаться. В конце концов, ведь это открытый конфликт между добром и злом, когда на карту поставлены принципы, а ведь нужно защищать то,

что считаешь правильным. По-моему, нет лучшего повода для конфликта, чем этот.

По крайней мере, в этом они со мной согласились. Я с облегчением вздохнул. Мне не нравилось слушать, как они ссорятся, потому что я всегда чувствовал себя посередине; я обычно принимал сторону Элис, но не хотел поддерживать ее с излишним энтузиазмом, боясь обидеть Уильяма.

Наступило лето. Политические мужи Европы осторожными маневрами завели вторую Балканскую войну в мирное русло, а сэр Эдуард Грей поднялся на новые высоты популярности.

– Я же тебе говорил, – сказал Уильям Элис.

– Я же никогда не говорила, что война будет в этом году, – заметила Элис, но я видел – ей обидно, что Уильям оказался прав, а она не права.

В конце июля приехала погостить Мариана с мужем, но Корнуолл был для них слишком провинциален, поэтому они вскоре уехали. Папа ненадолго отправился в Оксфорд, и, пока его не было, Пенмаррик содрогался от скандалов, учиняемых Джан-Ивом, потому что он не хотел ехать в сентябре в школу. Когда папа вернулся из Оксфорда, я подумал, что он найдет такое непослушание возмутительным, но он терпеливо отнесся к бурным сценам, которые устраивал несносный мальчишка, и успокоил его, пообещав вместе с Уильямом каждые полтриместра навещать его в школе.

Наконец подоспело Рождество. Мне теперь было восемнадцать, я был очень высоким и худым, а кожа становилась чище, и я больше не чувствовал себя таким уж уродливым. Я решил, что жизнь начала налаживаться, а когда наступила весна, принялся с удовольствием думать о том, как осенью поеду в Оксфорд. Когда в июле подошел к концу мой последний триместр в Уинчестере, я с грустью ощутил, что школьные годы наконец закончились, но грустил недолго, потому что вскоре опять очутился в Пенмаррике и вновь обсуждал текущие события с Элис.

А новости того времени были таковы, что могли вогнать меня в депрессию. На Балканах опять возобновились волнения, но никто не принимал их слишком всерьез, потому что по предшествовавшему опыту мы все знали, что тамошние проблемы можно разрешить дипломатическим путем. Настоящие проблемы были внутри страны. Суфражистки поджигали дома, стреляли в поезда и даже бомбили церкви. В Ирландии начиналась гражданская война. И только позднее до всех постепенно начало доходить, что убывающее влияние дипломатии за рубежом может затмить даже серьезный разлад внутри страны. С начала лета и даже после убийства в Сараеве я считал, что мы начали проводить политику нейтралитета, которая убережет нас от конфликта, и что если мы сохраним

спокойствие, то кризисы за рубежом, как бывало прежде, утихнут. Потом неожиданно население обнаружило, что Европа разделилась на два вооруженных лагеря, дипломатия становится бессильной и третья Балканская война вовсе не затухает, а, напротив, разгорается в серьезный конфликт.

И все же разговоры о мире продолжались. Я как-то раз читал в «Таймс» отчет о речи Ллойд Джорджа, в которой он заявил, что в 1913 году международная ситуация была намного хуже, как вдруг папа сказал:

– Зайди ко мне в кабинет на минутку. Хочу тебе кое-что показать.

Думая, что он прибавил что-нибудь к своей тогдашней рукописи (статье об интригующей фигуре Уильяма Маршала), я охотно проследовал за ним в кабинет. Мне всегда льстило, когда он обсуждал со мной свою работу, и поэтому я постоянно выказывал интерес к его писаниям.

Но в тот раз я ошибся в причине его приглашения. Когда мы пошли в кабинет, он пошел не к бумагам на столе, а к золотым часам на столике сбоку.

– Я недавно их нашел, – сказал он, беря в руки часы и цепочку. – У меня есть великолепные часы, подарок отца на совершеннолетие, поэтому еще одни мне не нужны. Возьми их. Я думал подождать, пока тебе не исполнится двадцать один год, но потом решил подарить их тебе сейчас, в знак окончания твоей успешной учебы в Уинчестере с пожеланием будущих успехов в Оксфорде.

Он протянул мне часы. Я был так удивлен и обрадован, что не мог вымолвить ни слова. Наконец, приняв часы и минуту подержав их в руке, я чуть было не воскликнул: «Какие красивые!» – но прочитал надпись на задней части и промолчал.

Наступила пауза.

– Как видишь, это часы моего отца, – сказал папа. – Он получил их в подарок на двадцать первый день рождения от своего отца, но, несмотря на возраст, они прекрасно ходят, может быть, потому, что ими не пользовались полвека. На прошлой неделе я возил чинить их в Пензанс. Они в полном порядке.

Я снова взглянул на гравировку. Надпись гласила: «ЛОРЕНСУ КАСТАЛЛАКУ, 22 марта 1864 года». Секунд пять я молча смотрел на нее, потом медленно произнес:

– Они должны отойти не мне.

– Почему? – спросил папа. – Ты больше всего на него похож. Ему бы захотелось, чтобы они были у тебя. Он бы обрадовался больше, чем ты можешь себе представить, если бы узнал, что у меня есть сын, который так

похож на него.

– Но… что скажут остальные?

– Надеюсь, они уже достаточно взрослые, чтобы удержаться от каких-либо враждебных комментариев! Свои личные вещи я дарю, кому пожелаю. Если я подарю часы Маркусу, он может их заложить и потратит деньги на розы для какой-нибудь очередной красотки. Предложи я их Филипу – он откажется. А если подарить Хью… да черт побери, почему я должен дарить их ему? Я хочу подарить их тебе! Возьми их, носи и радуйся, а если кто-нибудь почувствует себя смертельно оскорбленным, пусть жалуется мне, и я лично отвечу на его вопросы.

Я больше не возражал. Я был слишком восхищен подарком. Я поблагодарил отца, как подобало случаю, но когда пошел искать Уильяма, все-таки не смог не задуматься с беспокойством о том, что подумают мои сводные братья, когда узнают о неожиданной щедрости папы.

Глава 7

Король (подарил) Джеффри кольцо с дорогостоящим сапфиром…

Джон Т. Эпплбай.

Генрих II

Не было бы глупым предположить, что… он, любимый незаконный сын, мог преуспеть в овладении английской короной.

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

У мальчиков – а они все же оставались еще мальчиками – случались свои обиды, и в них зрела готовность восстать против любящего, но деспотичного родителя.

А. Л. Пул.

Оксфордская история Англии:

от «Книги Судного дня» Вильгельма Завоевателя до Великой хартии вольностей

1

К моему удивлению, реакция братьев на папин подарок была спокойной до безразличия.

– Какой ужасный реликт Викторианской эпохи! – протянул Маркус, когда я открыто надел часы в тот вечер. – Старина, носи их на здоровье!

– А они ходят? – вежливо осведомился Хью и, услышав, что часы в исправности, прокомментировал: – Должно быть, скоро сломаются. Старые

часы всегда ломаются.

Жанна с восторженностью четырнадцатилетней девушки-подростка воскликнула:

– Какие красивые! Адриан, даже если они сломаются, их можно носить просто так!

– Конечно можно! – искренне поддержал ее Маркус. – Ведь это подлинный предмет из той эпохи, которой ты так интересуешься.

Я решил, что в целом новость приняли неплохо. А через два дня за завтраком Маркус сказал мне:

– Ты куда-нибудь собираешься сегодня утром? Не хочешь ли проехаться со мной верхом? Утро замечательное, а мне надоело кататься одному.

Я удивился, потому что он никогда прежде не приглашал меня на такие прогулки, но решил, что оснований для подозрений нет. Может быть, ему и правда наскучило одиночество. Уильям в те дни был слишком занят делами усадьбы и не мог позволить себе подобное развлечение в рабочие дни, а Хью вечно либо пропадал на ферме, либо отправлялся куда-нибудь один.

– Хорошо, – согласился я, немного поколебавшись. – Сегодня действительно прекрасное утро для прогулок верхом. Куда ты хочешь поехать?

– Почему бы нам не прогуляться по пустоши вокруг утеса Кениджек?

– Прекрасно. Пойду переоденусь. Встречаемся в конюшне через десять минут.

Мы проехали по подъездной дорожке, потом по дороге в Сент-Джаст. Стояло ясное утро, с моря дул прохладный ветер. За Сент-Джастом мы направились по дороге на Боталлак, Пендин и Морву и в конце концов съехали на верховую тропу, ведущую к пустоши.

Старый, побитый погодой указатель все еще торчал на своем месте. Когда мы его проезжали, я посмотрел на выцветшую доску и прочел надпись: «К Зиллану, Чуну и шахте Динг-Донг».

– Поедем к Чуну? – крикнул Маркус. – С хребта сегодня открывается великолепный вид.

– Хорошо.

Я с беспокойством вспомнил, как два года назад был в Чуне перед визитом на ферму Рослин, но не стал зацикливаться на этих мыслях. Для верховой езды утро было великолепным, а когда мы проезжали утес Кениджек, ветер разогнал облака, и по вереску побежали тени. Вскоре, когда по тропе уже можно было ехать рядом, Маркус начал рассказывать об Оксфорде, о смешных случаях из своей жизни там, но потом тропка опять

сузилась, и беседовать нам стало трудно. Мы раз или два пытались возобновить разговор, но ветер уносил слова, едва они срывались с губ, поэтому мы прекратили эти попытки и молча ехали по вереску. Мы проехали расположенный кольцом Карниорт-Серклс, пересекли лужайку, которая перешла в дорогу из Сент-Джаста в Пензанс и снова поехали по пустоши, обогнув Вун-Гампус-Коммон. Медленно взобравшись по склону, мы наконец добрались до кряжа и увидели перед собой древние стены Чуна, возвышавшиеся среди вереска.

– Отсюда далеко видно, правда? – крикнул Маркус через плечо. – Какое синее море в заливе Маунтс!

Вид и на самом деле был превосходным. Я несколько минут смотрел на юг, а потом перевел взгляд на север, к Морве и утесам.

– Давай отдохнем немного в замке, – предложил Маркус. – За стенами можно спрятаться от ветра.

– Хорошо.

Мы добрались до внешних стен замка и, спешившись, провели лошадей до внутреннего круга. Я уже готов был привязать лошадь к ближайшему камню, когда хорошо знакомый голос протянул у меня за спиной:

– Да-а! Подумать только: ты здесь!

Я резко развернулся. Филип небрежно прислонился к стене, а рядом стоял Хью.

– Да-а-а! – эхом отозвался Маркус с деланым удивлением. – Какое совпадение!

Они улыбнулись друг другу, а потом повернулись ко мне. По мере того как в их глазах затухала улыбка, мое сердце начало биться все сильнее.

– Не стоит притворяться, – быстро сказал я Маркусу. – Не понимаю, зачем было выдумывать всю эту историю. Если бы ты сказал мне, что вы трое хотите обсудить что-то со мной в Чуне, я бы сам пришел.

– Ты прекрасно знаешь, что ничего подобного не сделал бы, – возразил Филип. – Ты бы послал Маркуса к черту.

Я подавил резкий ответ и вежливо произнес:

– У каждого свое видение проблемы. Но поскольку я здесь, я готов обсудить, что вам угодно. О чем вы хотите поговорить?

Наступила тишина. Я чувствовал, как их холодные светлые глаза враждебно меня осматривают. Я сжал кулаки и ждал.

– Давайте присядем, – неожиданно предложил Маркус. – К чему стоять? Мы не актеры на сцене. Ты куришь, Адриан? Угощайся сигаретой.

– Я не курю, спасибо, – натянуто произнес я.

Он достал пачку и предложил сигареты Филипу и Хью. Они закурили. Мы непринужденно расселись: Филип – спиной к древней стене, Хью – на камне рядом, а Маркус и я – на поросшем травой торфянике. Хотя по небу теперь ползли высокие белые облака, солнце все еще пригревало, а лошади нетерпеливо мотали головами, поджидая нас.

– Кто будет вести собрание, Маркус? – спросил Филип. – Ты или я? Тебе, по-моему, не хочется начинать.

– Я как раз думал, как подойти к проблеме цивилизованно, – сказал Маркус с чарующей открытостью. Он улыбнулся мне. – Мне ужасно жаль, что приходится об этом говорить, старина Адриан, но мы все немного… немного озабочены некоторыми вещами, и мы подумали, что если бы мы все вместе это обсудили…

– Черт побери, Маркус! – вмешался Филип. – Давай называть вещи своими именами. – Он наклонился вперед, и я понял, что предпочитаю его бесцеремонную прямоту попыткам Маркуса сохранить видимость дружелюбия. – Послушай, – сказал мне Филип. – Мы хотим кое-что узнать. Во-первых, почему папа подарил тебе дедушкины часы?

– Потому что хотел, чтобы они были у меня.

– Почему?

– Потому что ему кажется, что этого захотел бы дедушка.

– Почему?

– Он сказал, что я больше всех похож на дедушку.

Это заявление они приняли с каменным молчанием.

– У тебя нет прав на часы, – процедил наконец Филип.

– Есть, – возразил я. – Они принадлежали папе, он подарил их мне, и юридически он имел на это право.

– Похоже, ты очень хорошо ладишь с папой.

– Разумеется, мы с ним в хороших отношениях.

– Какую игру ты ведешь?

– Не понимаю.

– Он давал тебе денег?

– Конечно! Я не делаю секрета из того, что получаю от него содержание.

– Он давал тебе большие суммы помимо содержания?

– Нет, но даже если бы и давал, это не твое дело.

– А вот и мое. Ты не имеешь права на его деньги.

– Если он решит подарить мне что-либо из своей собственности, у меня есть право принять это.

– Он обсуждал с тобой завещание?

– Да, обсуждал как-то раз. Он сказал нам с Уильямом, что большая часть состояния будет завещана другим его сыновьям и нам придется самим зарабатывать себе на жизнь.

– Это было недавно? – небрежно поинтересовался Хью.

– Последний раз мы обсуждали этот вопрос три года назад.

– Три года назад?

– Да. После того, как умерла моя мама.

– Старая история.

Я ничего не сказал.

– А в последнее время он не обсуждал с тобой завещание?

– Даже если бы и обсуждал, – сказал я, – это не ваше дело, и я бы держал это в секрете. Если бы он захотел обсудить свои дела с кем-нибудь из вас, то так и поступил бы.

– Ты, конечно же, надеешься на большое наследство.

– Конечно же не надеюсь. Ведь папа сказал, что мне придется самому зарабатывать на жизнь.

Они посмотрели на меня.

– Понимаешь, Адриан… – начал Маркус, но был прерван.

– Я сам этим займусь, Маркус, если не возражаешь, – сказал Филип. Он снова пристально посмотрел на меня. – Если ты хоть на секунду предполагаешь, – произнес он наконец, – что сможешь лишить нас наследства обманным путем…

– Я только что сказал…

– К черту твои слова! Ты говорил о разговорах трехлетней давности, а нам неинтересна история! Нам интересно настоящее и будущее. Мы думаем…

– Если вы хоть на секунду предполагаете, – сказал я, пытаясь сдерживаться, – что я претворяю в жизнь какой-нибудь чудовищный заговор, чтобы лишить вас наследства, то вы сошли с ума. Не нужно мне ваше несчастное наследство! Я ненавижу Пенмаррик! Я не отрицаю, что мы с папой хорошо ладим, и не виню его в том, что он предпочитает меня тебе, Филип Касталлак. Что ты сделал, чтобы он полюбил тебя? Ты же его за милю обходишь! Ты сам виноват, что он любит меня больше, чем тебя!

– Значит, ты стараешься втереться к нему в доверие и заставить его составить завещание в твою пользу, – сразу сказал Филип. – Мы так и думали. И Хью, и Маркус заметили, как ты с недавнего времени начал привлекать к себе его внимание, притворяясь, что интересуешься его работой. Они заметили, что ты часами сидишь у него в кабинете. Они заметили…

– Спокойнее, Филип, – перебил его Маркус. – Спокойнее.

– Если ты не пытаешься украсть наследство, – спокойно произнес Хью, – отдай Маркусу золотые часы дедушки в знак твоей доброй воли.

– Достаточно моего слова! – заорал я на него. – Если бы ты не был таким безбожным лгуном, ты бы это понял! Дедушкины часы – мои и останутся моими, и все. – Я начал подниматься.

– Сядь, – бросил Филип. – Мы еще не закончили.

– Я закончил.

– Сядь!

– Черта с два!

Мы стояли друг против друга со сжатыми кулаками, с напрягшимися мускулами. Впервые он не был выше меня.

– Пожалуйста! – воскликнул Маркус, вскакивая. – Давайте будем вежливы. Никакого насилия, никакой грязи. Пожалуйста.

Я сделал шаг назад, пожал плечами, засунул кулаки в карманы брюк.

– Что еще ты хочешь сказать? – процедил я Филипу.

– Что сказал, – ответил Филип. – И мне, и Маркусу нужны деньги, и мы не потерпим, если ты вздумаешь встать у нас на дороге. Если хочешь продемонстрировать свои добрые намерения, сделаешь для нас две вещи. Во-первых, найдешь последнее завещание отца и прочтешь его. У тебя есть доступ к его бумагам, а если он застанет тебя в кабинете, ты всегда сможешь сказать, что искал какую-нибудь рукопись, да, черт побери, ты сможешь придумать какую-нибудь отговорку! А когда найдешь завещание, покажешь его Маркусу и Хью и сразу положишь обратно. Мы хотим знать, как деньги распределены между нами, чтобы просчитать ситуацию заранее.

– Вы что, считаете, что я, как какой-нибудь воришка, прокрадусь в отцовский кабинет и буду рыться в его бумагах?!

– Но ты ведь хочешь доказать нам свои добрые намерения?

– Я не опущусь до такой низости!

– Черт тебя подери, Адриан, ты не встанешь у нас на пути! Нам нужны деньги, мы хотим знать, что написано в завещании, и если ты не сделаешь, как мы тебе говорим…

– Да? – спросил я. – Что тогда будет?

– Тогда Маркус позаботится о том, чтобы все в Оксфорде узнали, кем ты на самом деле приходишься знаменитому историку Марку Касталлаку. И все будут хихикать у тебя за спиной, когда ты приедешь туда в октябре на первый триместр.

Ветер прошелестел между камней и охладил мне щеки. Мне удалось сохранить хладнокровие.

– Маркус не пойдет на такую подлость, – сказал я уверенно. – Пустая угроза. Итак! Вы хотели, чтобы я сделал за вас грязную работу, выкрав завещание, и теперь вы знаете мой ответ: «Нет». О чем еще вы хотели меня попросить?

Они пришли в ярость. Маркус покраснел от предположения, что не сможет выполнить угрозу, Хью побелел от возмущения, что я нарушил субординацию, а Филип от злости, что я не поддался, потерял дар речи.

– Ну? – повторил я. – Что еще? Говорите. Что еще вы хотели, чтобы я сделал?

Филипу удалось взять себя в руки. Когда он начал говорить, солнце зашло за облака, а на потемневшей пустоши зловеще завыл ветер, поэтому его голос прозвучал искаженным и далеким.

– Сходил к своей подружке Элис Пенмар, – услышал я его слова, – и выяснил, не заняла ли она место твоей матери в постели отца.

2

После долгой паузы мне удалось рассмеяться.

– Ты сошел с ума, – сказал я и повернулся к лошади.

– Адриан, если ты нам не поможешь и не сделаешь все, что в твоих силах, нам будет ясно, что ты охотишься за наследством. Если в тебе есть хоть искорка братской любви…

– Не смей говорить со мной о братской любви! – Я развернулся, ослепнув от гнева. – Хорошими же вы были мне братьями! Да если я упаду с лошади и сломаю ногу, вы переедете через меня не задумываясь! Вы самые убогие негодяи, каких я когда-либо видел, и мне жаль папу, которому приходится терпеть вас и выполнять свои обязательства перед вами. Вы настолько отвратительны, что способны заподозрить Элис Пенмар, внучку священника, приличную, честную, достойную девушку…

– Папу не волнуют приличия, – сказал Филип. – Вспомни свою мать.

– О боже, ты…

– Пожалуйста, Филип, – скованно проговорил Маркус, – не говори так о тете Розе. Это неправильно.

– Кроме того, – мягко добавил Хью, – мы сейчас обсуждаем Элис. Тетя Роза не имеет никакого отношения к разговору, она может выступать разве что как иллюстрация папиных вкусов в этом отношении. А теперь давайте попробуем спокойно это обсудить, не горячась и не теряя нити разговора. Я уверен, что ты, Адриан, достаточно умен, чтобы понять, что Элис нужна

нам в качестве какого-нибудь оружия против папы. Например, если он откажется выделить деньги Маркусу или Филипу, нам, возможно, понадобится применить определенного рода давление, понимаешь? Теперь, рассматривая имеющиеся у нас факты, я предполагаю вполне вероятным, что Элис приглянулась ему. Случилось уже между ними что-нибудь или нет – это спорный вопрос, но, насколько я понимаю, вполне вероятно, что это произойдет. Рассмотрим ситуацию. У папы, как мы все знаем, всегда должна быть какая-то женщина, и, как бы он ни был предан тете Розе, не думаю, что он жил монахом с тех пор, как она умерла. А с недавних пор он почти перестал уезжать из Пенмаррика. Он работал здесь все лето, и в одном доме с ним, ведя его хозяйство, жила молодая женщина двадцати двух лет, несмотря на свое имя, не связанная с ним кровным родством, незамужняя и, уж прости за грубое выражение, в полном соку. Нет, подожди! Не перебивай! Выслушай меня! Все говорит в пользу Элис: она молода, умна, умеет слушать, когда он рассуждает на свои любимые исторические темы. Но она некрасива и смугла, а вы заметили, что папа предпочитает светленьких? К тому же она слишком худа, у нее почти нет груди. Таким образом, вопрос только в том, перевешивают ли ее молодость, а мужчины папиного возраста любят молоденьких, и ум физическую непривлекательность? Принимая во внимание, что красивых женщин папе, должно быть, хватило на всю оставшуюся жизнь и что он приближается к возрасту, когда характер становится важнее внешности, я считаю, что единственным ответом может быть «да». А в таком случае…

– Если будешь с ней говорить, – сказал мне Филип, – попробуй у нее это выведать, понаблюдай за ней, когда она общается с папой, ведь ты же всегда с ними! Если тебе удастся установить, что между ними существует незаконная связь…

Я очень сильно ударил его в челюсть. Он покачнулся, упал, перевернувшись через старинные стены, и, падая, издал крик боли и ярости.

– О боже, – сказал Маркус, который выглядел так, будто его сейчас вырвет, – о боже, я знал, что толку от этого не будет. Я знал.

– Заткнись! – прикрикнул на него Хью и развернулся ко мне. – Ты об этом пожалеешь. Ты пожалеешь об этом, когда приедешь в Оксфорд. Мы только хотели, чтобы ты нам чуточку помог, чтобы показать свою добрую волю, но ты даже этого не хочешь сделать! Мы дали тебе шанс стать нашим другом, но ты не хочешь. Мало того, нам приходится терпеть твое самодовольство и выслушивать твои фарисейские, ханжеские оправдания своему фарисейскому, ханжескому поведению!

Я попытался ударить и его, но он уклонился от удара. Филип уже поднимался, сплевывая кровь и грязно ругаясь. У них было численное превосходство.

– Хорошо же, ублюдок, – сказал Филип, – вот теперь-то ты пожалеешь, что пришел сюда. Не мешай мне, Маркус.

У меня не было выбора. Я повернулся, побежал и прыгнул в седло. Хью попытался остановить меня, когда я пришпорил лошадь, но Маркус схватил его за руку, и я смог вырваться. Я выехал из ворот замка и галопом, настолько, насколько выдерживала лошадь, понесся по кряжу, а когда взглянул через плечо, то увидел, что все трое стоят у внешней стены, глядя мне вслед, а Филип все еще потирает подбородок.

3

Я вернулся в Пенмаррик, дрожа с головы до ног, костяшки правой руки болели и распухли. Я поднялся в ванную, нашел какой-то антисептический лосьон и протер руку, а потом, поскольку все еще ощущал слабость, проскользнул в столовую и отхлебнул из бутылки с бренди, стоявшей на буфете. После этого я почувствовал себя лучше. В одиночестве своей комнаты я попытался разобраться в ситуации. Сделать я ничего не мог. Я не мог побежать к папе и драматически объявить, что замышляют его законные дети. Такое поведение уж слишком отдавало бы ябедничеством. И конечно же, я не мог пойти к Элис и рассказать ей, как расстроился, узнав, что Филип, Маркус и Хью подозревают ее в том, что она стала любовницей папы. Я был беспомощен. Все, что я понимал, – это то, что между мной и моими сводными братьями открылась бездонная пропасть и что если Маркус выполнит их угрозу, то всем в Оксфорде станет известно мое положение.

Я подумал: «Я должен уехать из Пенмаррика. Мне придется убраться». Но мне было противно думать о том, что я сбегаю от своих сводных братьев и неприятностей, которые они создали. Во мне поднялось упрямство, которое не позволило мне поступить так, чтобы потом считать себя трусом и слабаком. Я продолжал размышлять над возникшей проблемой, мысли мои путались, я снова и снова перебирал подробности сцены в Чуне, пока наконец не задумался о своей подруге Элис Пенмар.

Я был уверен, что между ней и папой не было никакой аморальной связи. Я мало что знал о любви, но хорошо помнил, как менялась мама в присутствии папы, как она светилась, какой становилась радостной,

веселой. С Элис ничего подобного не происходило. И еще я помнил, как папа иногда смотрел на маму; он ни разу не взглянул на Элис так, и вообще его отношение к ней было таким откровенно отеческим, что я удивился сам себе, почему не мог просто отбросить мысль о каких-то отношениях между ними. Но я не мог. Я все думал об отвратительной логике рассуждений Хью по поводу всех достоинств и недостатков Элис для такого мужчины, как папа, и уже не впервые у меня появилось подозрение, что за сомнительными заявлениями Хью лежала крупица горькой правды.

Нельзя было исключить, что папа влюбился в нее. Он, конечно, не любил ее, как маму, но она ему нравилась, он ее уважал и, может быть, если бы она захотела… Я попытался убедить себя, что она не захочет, но не смог. Мама же захотела!

Я поднялся. Мне не сиделось на месте, и я опять спустился вниз и принялся ходить взад-вперед по бильярдной. Я понял, что не могу разобраться в своих чувствах, что мысли мои путаются. По-своему я любил Элис, и когда-то, когда мы только познакомились, относился к ней с безрассудным обожанием подростка, но в то же время я прекрасно знал, что мои чувства к ней скорее походили на привязанность брата к старшей сестре. Элис никогда не вызывала во мне тех физиологических реакций, какими сопровождались мои встречи с ее сестрой Ребеккой Рослин; на самом деле моя любовь к Элис всегда носила иллюзорный, идеалистический характер. Но все-таки я ее любил. Она была мне очень дорога, и мысль, что отец домогается ее с грязной целью, была мне отвратительна.

Я остановился у окна и посмотрел на террасу. Желание уехать из Пенмаррика стало таким сильным, что у меня даже закружилась голова. И дело было не только в том, что мои сводные братья в открытую объявили мне войну. Мне непереносимо было наблюдать новую версию отношений моего отца с моей матерью, развитие еще одной любви, которая не может закончиться браком, еще одну историю о том, как два хороших и приличных человека увязнут в грязных, унизительных отношениях. Это было мне отвратительно. Худшие воспоминания о Брайтоне снова нахлынули на меня тошнотворной волной, и теперь моей единственной мыслью было: «Я должен уехать. Мне надо уехать из Пенмаррика. Я не могу здесь больше оставаться».

В холле раздался голос Филипа:

– Скажите отцу, Медлин, что мы хотим его видеть. Немедленно.

Хью добавил что-то, чего я не расслышал. Издалека, через холл, я услышал дрожащий голос Медлина:

– Нет, мистер Хью, я не видел мистера Адриана. Я думал, он катается верхом с вами, мистер Маркус, сэр.

Я вышел в коридор и увидел, как они вошли в папин кабинет и закрыли дверь.

Медлин прошаркал прочь из холла. Стало тихо. Я прошел в гостиную рядом с кабинетом, но ее стена была тонкой перегородкой, которую поставили, когда старую оружейную разделили пополам; когда в кабинете раздались сердитые голоса, я услышал слишком многое из того, чего слышать не хотел, поэтому вышел через стеклянные балконные двери наружу, навстречу летнему утру. В дальнем конце террасы я облокотился на парапет и стал смотреть на море. Далеко внизу прибой разбивался о черные скалы пещеры, море было покрыто белой пеной вплоть до резко очерченной линии горизонта.

Я долго смотрел на море. Наконец выпрямился и пошел к балконным дверям, но, прежде чем дошел до них, услышал голос Элис из гостиной.

– Филип! – Голос ее был чист и резок. – Филип, можно тебя на минутку?

Я отпрянул, сам не зная почему, и стал ждать, опершись о стену у открытого окна.

– Пожалуйста, – сказала она. – Только на минутку.

Он подошел. Дверь за ним с грохотом захлопнулась, и он грубо произнес:

– Прости, Элис, но я не хочу задерживаться. Я только что поссорился с отцом.

– Знаю, – сказала она. – Я слышала. Каждое слово.

Я попытался уйти, но не смог. Я прирос к месту и услышал голос Филипа:

– Что ж, тот, кто подслушивает, не услышит о себе ничего хорошего! А теперь извини меня, Элис…

– Филип, послушай. – Первый раз я услышал напряжение в ее голосе, хотя она по-прежнему говорила быстро и четко. – Ты был не прав, предположив, что я стала… или могу стать для твоего отца чем-то большим, чем экономка. Он всегда относился ко мне с величайшим уважением, и даже если бы он сделал некое предложение, я бы его отвергла. Не он тот человек, которого я люблю.

– Да? Честно говоря, мне наплевать, кого ты любишь, а кого нет. Поговорим потом, если не возражаешь. Я сейчас не в настроении с тобой разговаривать.

– Пожалуйста, Филип. Ты не можешь не понимать, что я чувствую. Я

полюбила тебя с той самой минуты, как увидела после возвращения в Корнуолл, и люблю до сих пор.

– О боже, Элис, прекрати строить из себя дурочку. Такие неприятные, смешные признания…

– Но это правда, Филип, правда! Я люблю не твоего отца, я люблю тебя! И никогда никого не полюблю, кроме тебя! Я…

– Великий Боже, – воскликнул Филип, рывком распахивая дверь, – еще не хватало мне истеричной женщины с ее глупостями. Оставь меня в покое! Я тебя не люблю! Уходи, прекрати дурить!

– Пожалуйста, пожалуйста… пожалуйста, выслушай…

Но он вышел в холл и захлопнул дверь у нее перед носом. Я замер, потеряв дар речи, и стоял потрясенный, слушая пронзительную тишину, воцарившуюся после его ухода. Потом прислонился к стене, прижал горящий лоб к холодному камню и услышал ее приглушенные, болезненные всхлипы.

4

Пришла война.

Я, конечно же, записался добровольцем. Я даже не колебался. Мне не пришлось убегать из Пенмаррика, потому что я был призван родиной, разгорячен патриотическими чувствами. Меня вдохновляло то, что, коль скоро не могу повести жестокой атаки против семьи, я, по крайней мере, смогу воевать против немцев в славной, благородной войне на благо человечества.

С высоко поднятыми штандартами, в которые я страстно верил, я приготовился броситься в битву и умереть, если нужно, за дело, которое считал столь достойным.

Но я не умер. Не бросился я и в битву на белом коне, как легендарный крестоносец, затерянный в пучине времени. Я попал в окопы. Я оказывался в таких передрягах, из которых никто, кроме меня, не возвращался.

Я видел войну, и, конечно же, это было зло, самое отвратительное зло, существующее на земле. Я встретился с ним лицом к лицу, и тогда-то душа моя обнажилась передо мной, и я узрел такую ужасную правду, что почувствовал себя частью этого зла и принципы мои рассыпались в прах. Потому что всю свою жизнь я воевал. Я всегда дрался. Я дрался с отцом, дрался с братьями и жестоко боролся с порядком, предназначенным для меня Господом с момента рождения.

И когда по окопам заструилась кровь, воздух засмердел от разложения, а мои товарищи стали умирать рядом со мной как мухи, я думал только: «Великий Боже, позволь мне вернуться домой, в Пенмаррик, и, клянусь, я никогда больше не буду воевать».

IV
Филип
1914–1930
Правда и фальшь

Современники придерживались различных взглядов относительно фигуры Ричарда I. Он был горяч и безответствен, щедр и широко одарен… но прежде всего он был превосходным воином.

А. Л. Пул.

Оксфордская история Англии:

от «Книги Судного дня» Вильгельма Завоевателя до Великой хартии вольностей

Молодого герцога позднее прозвали «Ричард Да и Нет», потому что он всегда говорил то, что думал; «да» у него означало «да», а «нет» значило «нет». Он никогда не утруждал себя лицемерием и презирал ложь… Он не выбирал слов, когда говорил отцу, что конкретно думает о том, как Генрих относится к королеве.

Джон Т. Эпплбай.

Генрих II

Ричард был любимчиком матери.

Томас Костейн.

Семья завоевателей

Мать, должно быть, повлияла на формирование

характера
Ричарда…

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

Глава 1

Крестовые походы были главной страстью Ричарда… Он действовал с единственной целью – убрать все препятствия, какие могли возникнуть на пути как можно более скорого и успешного ее достижения.

А. Л. Пул.

Оксфордская история Англии:

от «Книги Судного дня» Вильгельма Завоевателя до Великой хартии вольностей

Не будет преувеличением сказать, что всю свою жизнь он посвятил служению святым местам.

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

1

Война вернула мою шахту к жизни. Мне были безразличны политика и события за рубежом, но шахта была мне небезразлична. Мне никогда не было интересно зарабатывать деньги, добиваться славы или вращаться в светских кругах, но я любил свою шахту. Единственное, чего мне всегда хотелось, – это искать олово под корнуолльским морем и когда-нибудь обзавестись сыном, который заботился бы о моей шахте, когда сам я уже не смогу больше о ней заботиться.

Конечно, меня интересовало и другое. Мне нравился фермерский труд, он всегда интересовал меня, мне нравился фермерский дом, куда я приехал жить, когда мне исполнилось шестнадцать, и я любил свою мать. Было бы неправдой сказать, что мать была единственным человеком на свете, кто понимал меня, потому что мне кажется, что она понимала меня лишь наполовину, но она понимала, чего я хочу, а хотел я шахту.

Моя шахта. Сеннен-Гарт. Я годами мечтал о ней в детстве, когда был далеко от Корнуолла и от Корнуолльского Оловянного Берега. Я мечтал о том, как снова открою ее и сделаю самой крупной шахтой в Корнуолле. Я мечтал о том, что сделаю ее лучше, чем Боталлак или могучая шахта Левант, медь и олово которых славились на весь мир. Я мечтал о том дне, когда шахтеры всего мира скажут: «Сеннен-Гарт! Вот это шахта! Чертовски хороша!» – и еще я мечтал о том, чтобы побывать в оловянных шахтах в Скалистых горах или еще где-нибудь в мире и чтобы местные шахтеры смотрели на меня и говорили: «Сеннен-Гарт!» – и имя это стало знаменитым настолько, что мне стали бы предлагать работу на оловянной шахте где угодно и когда угодно, потому что Сеннен-Гарт был моей шахтой, моим делом, делом всей моей жизни и пользовался самой высокой репутацией в шахтерской истории Корнуолла.

Через много лет психиатр спросит меня: «Почему вас так интересует шахтерское дело?» – но объяснить ему это было крайне сложно. Я – корнуоллец, а большинство корнуолльцев рождается либо с шахтерской лампой, либо с рыбачьей сетью в руках, но у меня было пять братьев, и ни один из них не проявлял интереса к шахтам. Как бы то ни было, думаю, я действительно родился шахтером. Некоторые рождаются художниками или музыкантами. Некоторые – юристами или врачами. Я же родился шахтером, а если вы думаете, что шахтерское дело состоит только в том, чтобы молотком откалывать куски породы от скалы, позвольте мне сказать, что первоклассный шахтер получается в итоге долгих лет обучения, когда тяжелым трудом приобретено множество навыков и то чутье, которое значит много больше, чем все навыки и опыт, вместе взятые.

При всем при том причин, чтобы мне стать шахтером, не было. Во-первых, я принадлежал не к тому классу, а во-вторых, шахта, моя шахта закрылась еще до моего рождения. Рядом, конечно же, имелись другие шахты: знаменитый Левант располагалась на скалах у Сент-Джаста, ближайшей к нам деревни, но он отцу не принадлежал, поэтому не было никаких оснований к тому, чтобы я имел хоть какое-нибудь отношение к шахтному делу. Отцу принадлежали две шахты в западной оконечности Корнуолльского Оловянного Берега. Шахту Кинг-Уоллоу, которая перестала работать в середине девятнадцатого века, затопили до самой штольни, но рядом был Сеннен-Гарт, коридоры которого образовывали в скале медовые соты. Там все еще было олово, но добывать его было слишком дорого, поэтому с экономической точки зрения эта шахта была нерентабельна.

Во всяком случае, так сказал отец, когда закрыл ее за два года до моего рождения.

Отец никогда не любил шахту.

А я любил. Шахта звала меня к себе. Она была мертва, но ее призрак звал меня через забытую богом пустошь, и ветер, гулявший в разрушенном моторном отделении, свистел для меня. Сколько я себя помню, Сеннен-Гарт был делом всей моей жизни, и борясь за свое дело, я сражался с отцом. Я сражался с ним до самой его смерти.

2

Как я обнаружил, психиатры только и делают, что задают вопросы о детстве. Но меня об этом спрашивать было мало толку, потому что, честно признаться, я едва помню свои детские годы. Не то чтобы я вообще ничего не помнил. Просто мои воспоминания обрывочны. То, что помню, я помню очень явственно, но воспоминаний так мало, что их можно пересчитать по пальцам одной руки. У меня нет никакого желания воскрешать эти воспоминания в подробностях, потому что, вопреки общему мнению психиатров, я не верю в то, что детство играет важную роль в дальнейшей жизни человека, поэтому мне хочется рассказать о более важных временах вскоре после начала войны, о тех временах, когда я стал мужчиной, моя жизнь действительно началась и я по-настоящему взялся за свое дело. Поэтому не ждите от меня долгих воспоминаний о днях, когда я был маленьким мальчиком и бегал в коротких штанишках. Есть гораздо более важные вещи.

И все-таки мне кажется, что я должен вкратце обрисовать факты, которые имеют отношение к моей дальнейшей жизни. В конце концов, шахтеры, положив кусок динамита перед скалой, не ожидают немедленного взрыва; надо сверлить дырки, готовить заряд и фитиль, прежде чем пробить дыру в залежи.

Я родился в Корнуолле и до девяти лет жил на Корнуолльском Оловянном Берегу, рядом с шахтами, благодаря которым корнуолльские олово и медь еще с незапамятных времен стали легендой. Это самое главное, что нужно обо мне знать. Ничто другое так не важно, как это, даже то, что, когда мне исполнилось девять, родители разошлись и меня отправили в Оксфордшир, где я и провел последующие девять лет своей жизни вдали от Корнуолльского Оловянного Берега. Отец решил бросить мать ради любовницы и двух их ублюдков-сыновей, а поскольку он был человеком с большим состоянием и занимал высокое положение в обществе, ему не составило труда убедить судью легализовать их

расставание и лишить мать опеки над всеми ее детьми. Это было сделано под тем предлогом, что мать не была «достойна» своих детей. Она была бывшей женой фермера, родилась в домике рыбака в Сент-Ивсе, и, хотя, насколько я помню, все считали, что она леди по рождению и воспитанию, всегда находился кто-нибудь, кто не отказывал себе в удовольствии напомнить о ее происхождении. Отец был одним из таких людей. В суде он упирал на то, что ему хочется, чтобы его дети были воспитаны «леди» в «доме джентльмена», и судья, представитель того же сословия, что и отец, естественно, решил, что это жизненно необходимо. Любовницу отца сочли леди, а поместье в Оксфордшире, где он содержал ее в роскоши, объявили домом джентльмена. Классовая принадлежность была важнее всего; на аморальное поведение, коль скоро все происходило скромно и цивилизованно, не обращали внимания; и у моей матери не было шансов выиграть дело.

Нельзя сказать, что я ненавидел любовницу отца Розу Парриш и ее сыновей, моих сводных братьев Уильяма и Адриана, потому что это было не совсем так. Адриана я совершенно точно ненавидел; он был самым драчливым ублюдком изо всех, каких я когда-либо встречал, но самое опасное в нем было то, что он выглядел как херувимчик и, когда хотел произвести впечатление на родителей, устраивал отвратительнейшие сцены благочестия. Я до сих пор помню, как он становился на колени у кровати и набожно декламировал: «Господи, помилуй всех бедных и страждущих», а его мать наблюдала за всем этим с гордостью. Но стоило ей уйти, и все молитвы немедленно забывались, а он при первой же возможности затевал со мною драку. Не представляю себе, откуда у него было такое всепоглощающее желание драться со мной. Ему всего хватало, а у меня были лишь воспоминания о матери и о Корнуолле да решимость уехать из дома в Алленгейте, как только мне исполнится шестнадцать, чтобы больше никогда не возвращаться под одну крышу с отцом. Но Адриан был полон решимости враждовать со мной, поэтому мы оставались врагами все семь лет, что я провел в этом отвратительном доме. Уильяма я терпел; он никогда ко мне не приставал и большую часть времени проводил с моим братом Маркусом. А Роза Парриш…

Она была нам хорошей нянькой. Поначалу я был с ней груб, дулся, капризничал, но как можно долго грубить человеку, который просто подставляет другую щеку? Она была хорошим, достойным, честным человеком, которого отец извалял в грязи. Вот так! Не стоило этого говорить, не так ли? Но это правда, а я презираю людей, которые извращают правду ради собственных целей.

И все же я не хочу останавливаться на неприятных воспоминаниях детства. Оно кончилось, и о нем лучше забыть. Есть еще только один человек, которого я хочу упомянуть в связи со своими ранними годами, и этот человек – моя бабушка.

Поначалу я не слишком любил ее, но она ко мне почему-то привязалась, и я, обнаружив, что она разделяет мою любовь к Корнуоллу и Корнуолльскому Оловянному Берегу, в конце концов смягчился. Это открытие я сделал, когда вместе с матерью проводил уик-энд в Лондоне, – мне было девять; мать в то время не очень хорошо себя чувствовала, поэтому бабушка взяла меня на чай в «Клариджес», а на следующий день пригласила на обед к себе на Чарльз-стрит. Там я обнаружил, что у нее есть несколько книг о Корнуолле, а она так обрадовалась проявленному мной интересу, что дала мне почитать свою любимую «Историю шахты Левант». С сожалением должен признаться, что книгу я ей не вернул, но она не очень по этому поводу расстраивалась, потому что, когда умерла годом или двумя позже, оставила мне все свои книги о Корнуолле и Корнуолльском Оловянном Береге.

Я обрадовался такому наследству и подумал о том, как мне повезло, что в тот уик-энд в Лондоне мы повидались, чего не случилось бы, если бы мы с матерью не встретили бы отца, причем встретили при весьма неприятных обстоятельствах. Это произошло во время выходных в середине триместра; мы с матерью решили съездить в Брайтон, что само по себе было прекрасной мыслью, но путешествие оказалось трагическим, потому что, к несчастью, мы выбрали именно ту гостиницу, где остановились отец, Роза Парриш, Уильям и Адриан. В ресторане произошло столкновение. Уверен, что сцена была весьма драматичной, но я плохо ее помню. Гораздо лучше я помню, как мы потом уезжали из гостиницы, садились на поезд в Лондон, а на следующий день пили с бабушкой чай.

Сразу после этого родители расстались. Брайтон стал началом дороги, которая привела меня к семи годам ссылки в Алленгейте, поэтому нечего удивляться тому, что я никогда туда не возвращался.

Ну что ж, достаточно о семейной истории. Теперь, когда я с этим разобрался, можно приступить к рассказу о начале моей карьеры шахтера и о моих самых первых воспоминаниях, связанных с моей шахтой Сеннен-Гарт, которая стала делом всей моей жизни.

3

Я помню шахту Левант, великолепный Левант, одну их величайших шахт в Корнуолле и последнюю шахту в Дачи, где медь добывали на коммерческой основе. Левант располагался высоко в скалах на мысе Корнуолл, и когда я был ребенком, он притягивал меня, как гигантский магнит крошечную булавку. Я сбегал из дома, как только предоставлялась возможность, и братался с детьми шахтеров, чтобы из первых рук услышать о шахтерском деле. Вскоре от друзей я узнал об их отцах, которые работали на Леванте, невероятном Леванте, о крепи ее главного ствола, которая поддерживала работу уникального подъемника для людей, уходившего на глубину тысяча шестьсот футов, о его галереях, сажень за саженью разбегавшихся под морем, о его невероятном богатстве, скрытом в колоссальных залежах олова. Я часто ходил на мыс Корнуолл и смотрел, как из штолен по желобам течет вода, – она частенько бывала красной, как кровь, окрашенная рудой из скалы. Мужчины швыряли в печь уголь, механизмы крутились, водяной поток шипел. Из галерей внизу поднималось ведро или бадья, из нее руду скидывали в вагонетки, которые везли ее на другой уровень, где ее дробили кузнечным молотом. Шахта жила и дышала, как какое-то огромное животное; у нее была своя собственная жизнь, и когда я это понял, то посмотрел на опустевшие шахты, такие же заброшенные, как Сеннен-Гарт, обреченный на умирание, и мне захотелось, чтобы они ожили, стали живыми, как Левант, потому что мне вдруг показалось, что нет зрелища более одинокого и печального, чем мертвая шахта, которой дали умереть.

Помню, как заведующий шахтой Левант говорил мне:

– Тебе нельзя кататься на подъемнике в глубь шахты, паренек, ты слишком мал. Ты потеряешь равновесие и упадешь в шахтный ствол. Тебе нельзя спускаться в шахту.

– А разве там нет лифта? – спросил я, не понимая. – Я на нем спущусь.

– На лебедке? – Он рассмеялся. – Это же Левант, мальчик.

Я до сих пор помню, с какой интонацией он произносил слово «Левант».

– Это же Левант, – говорил он так, как верующий говорит об Иерусалиме. – Шахтеры спускаются на специальном подъемнике.

Подъемник был похож на какое-то доисторическое чудовище. Никогда не забуду, как я впервые увидел подъемник на Леванте. Заведующий подвел меня к краю шахты и объяснил, как работает механизм.

– Видишь, тут опускается деревянный брус: вверх-вниз, вверх-вниз. Вверх на двенадцать футов, вниз на двенадцать. Через каждые двенадцать футов на брусе есть ступеньки, а по сторонам ствола шахты –

соответствующие платформы, такая платформа называется полок. Брус поднимается, ты на него встаешь, хватаешься за ручку – видишь? – а потом брус уходит вниз на двенадцать футов, и ты ступаешь на полок. Брус снова уходит вверх, ты наступаешь на другую ступеньку, спускаешься на двенадцать футов, ступаешь на полок, ждешь, заходишь, сходишь и так далее и так далее. Чтобы добраться сверху донизу, нужно полчаса.

От удивления я потерял дар речи, а когда смог говорить, опять стал просить его прокатить меня на машине. Но он и тогда отказал.

– Нет, вы слишком маленький, барчук Филип, – сказал он, – да и когда подрастете, я не возьму вас с собой без разрешения мистера Касталлака.

Я попробовал уговорить шахтеров на Боталлаке, но и они мне отказали. Тогда-то, чтобы утешиться от разочарования и удовлетворить стремление спуститься вниз, я отправился на заброшенную шахту Сеннен-Гарт.

Я нашел в скалах шахту со спускающейся в темноту лестницей. Загодя стащив из чулана в Пенмаррике свечу и спички, я спустился по ней. Мне тогда было семь лет, и я был слишком мал, чтобы понимать, как мне повезло, что лестница была цела сверху донизу, а шахта такой маленькой, что даже ребенок мог спуститься в нее, не устав. Я добрался до дна. Надо мной сиял голубой овал неба, а вокруг были только влажные каменистые стены и черная дыра входа. Вне себя от восторга, я зажег свечу и бесстрашно отправился в смертельную ловушку заброшенной шахты.

Я плохо представлял себе, где нахожусь, и только чуть позже понял, что был в самой старой части шахты, в лабиринте западных ответвлений рядом с затопленной Кинг-Уоллоу. Стены были влажными, запах странным, пол под ногами твердым и мокрым. Возбуждение охватило меня. Вскоре я добрался до развилки, свернул на левую дорожку и дошел до места, где туннель разделялся на три части. Я снова пошел по левой дорожке, которая повела меня вниз, и неожиданно услышал сильнейший рев воды, который нарастал и нарастал до тех пор, пока, завернув за угол, я не попал в огромную пещеру, где большая машина, грохоча, неустанно подавала воду в желоб.

Подпрыгнув от радости, я решил, что обнаружил подъемник, но это была всего-навсего водяная мельница – примитивный насос, который днем и ночью осушал шахту, хотя в том уже не было никакой необходимости. Потому что Сеннен-Гарт, в отличие от Кинг-Уоллоу, был затоплен всего лишь наполовину; дно шахты было залито водой, а от того места, где я стоял, оно находилось во многих саженях.

Я долго наблюдал за работой помпы, пока в конце концов не

осмотрелся внимательнее и не заметил под ногами интересный камень. Я наклонился, чтобы его поднять. Через секунду я уронил свечу, пламя погасло, и пещера погрузилась во тьму.

На меня снизошел великий покой. Несмотря на рев воды, я слышал тишину, и у меня было такое ощущение, словно я здесь когда-то уже был, – вещь, разумеется, невозможная. Моей первой мыслью было: «Вот так люди умирают и оказываются на небесах или их дух возрождается вновь».

Несколько секунд я провел в темноте. И мне не было страшно. Это была не та темнота, которой можно испугаться. Понемногу придя в себя, я нашарил свечу, зажег ее и медленно вернулся в забой, чтобы ползти обратно на поверхность.

Позже, когда я рассказал своему другу, заведующему шахтой, что начал исследовать Сеннен-Гарт, он чуть не упал в обморок.

– Если бы ты был моим сыном, – сказал он мрачно, когда пришел в себя, – я бы тебя за это выдрал. А теперь послушай меня, мальчик. Ты ведь хочешь вырасти и стать мужчиной, правда? Тогда никогда не спускайся в старые шахты один! Никто из шахтеров не подвергает себя опасности в одиночку, рядом обязательно должен быть кто-то, кто поможет ему в случае надобности. И прежде всего, он не спускается в шахту, никого не предупредив об этом. А если бы ты там поскользнулся и сломал лодыжку? Кто бы тебя нашел? А если бы ты упал в гезенк – выработку, которая соединяет один горизонт с другим? По шахте нельзя бродить, не глядя по сторонам, так ты можешь больше никогда не увидеть солнечного света. Эти старые шахты – настоящий лабиринт, в них можно заблудиться и не найти пути назад. Да и старые галереи опасны. Ты когда-нибудь слышал об оседании? Случается, деревянные опоры прогнивают настолько, что достаточно пальцем до них дотронуться – и они рассыпаются в прах. Если бы в западной части той шахты произошло оседание, догадываешься, что случилось бы?

Я покачал головой, восхищаясь его знаниями и мечтая когда-нибудь говорить о шахтах так же авторитетно.

– Нет, сэр, – сказал я с уважением.

Я навсегда запомнил то, что он мне тогда сказал. Это стало самым ярким воспоминанием моего детства.

– Из Кинг-Уоллоу пришла бы вода! – проговорил он в точности таким же грозным тоном, каким баптистский священник предвещает: «Небеса ниспошлют адские муки». И, добившись должного впечатления, добавил: – Шахта рядом с Сеннен-Гартом затоплена до самой штольни. Это значит, что когда ты находишься, скажем, на глубине сотни саженей в Сеннен-

Гарте, то огромное количество воды, тысячи галлонов, держатся у тебя над головой в Кинг-Уоллоу. Это как если стоять рядом с огромным чаном воды, у которого тонкие, как бумага, стенки. Один укол в эти тонюсенькие стены – и вода прорвется наружу, а чан разорвет. Западные галереи Сеннен-Гарта опасны, как тысяча дьяволов. Держись подальше от этой шахты!

Но ничто не могло удержать меня от Сеннен-Гарта. Конечно, я стал более осторожен. На случай неприятного происшествия я прятал у себя в комнате записочки, брал с собой веревку, чтобы не заблудиться в лабиринте, но все равно продолжал исследовать шахту. И только-только мне стало наконец казаться, что я знаю старую шахту как свои пять пальцев, мои родители расстались, я был отправлен в Алленгейт и семь лет не видел ни одной шахты, а уж тем паче шахт Корнуолльского Оловянного Берега.

Вот так я познакомился с Сеннен-Гартом. Так он стал моим, моим делом, делом всей моей жизни, потому что, когда я узнал его, единственное, чего мне хотелось, – это снова сделать его живым, как Левант, и одной из величайших шахт в Корнуолле. Почти все самые лучшие воспоминания моего детства связаны с этой шахтой.

Впрочем, самое лучшее воспоминание не имеет к нему никакого отношения.

Я помню, как возвращался домой.

На свой шестнадцатый день рождения я поссорился с отцом и сел в ночной поезд, идущий в Корнуолл. На следующее утро я оставил багаж в Пензансе на вокзале, чтобы забрать его попозже, нанял в ближайшей гостинице лошадь и выехал из города.

Передо мной, как мираж земли обетованной, расстилались пустоши.

Это было так красиво – каждая веточка вереска, каждое покачивание листьев папоротника, каждый дикий цветок на обочине! Я увидел разрушенные моторные цеха заброшенных шахт прихода Зиллан, прямоугольную башню зилланской церкви, серые кучки разбросанных там и сям ферм и склонился с лошади, чтобы дотронуться до камней по краям дороги, словно не мог поверить в реальность своего возвращения. Но все было вполне реальным. Я поехал дальше медленно, опьянев от радости; черные острые скалы пронзали безупречное небо, воздух был свеж и прохладен.

На восток от меня лежала деревенька Зиллан; ферма Рослин, где жила моя мать с момента нашего расставания, находилась западнее. Я съехал с дороги, свернул на лужайку, но все же не мог заставить себя поторопиться. Край был необычайно красивым, таким незнакомым и в то же время

родным. Сердце мое заболело от любви к этой земле. Я вспомнил долгие, тоскливые годы в Алленгейте, которые наконец-то закончились, и слезы выступили у меня на глазах, потому что я был теперь свободен и прибыл домой.

Я увидел дом.

Кто-то заметил, как я приближаюсь. Передняя дверь открылась, и я увидел, что она стоит в тени крыльца.

Тогда-то я и заторопился так, как не торопился никогда в жизни. Я спрыгнул с лошади и побежал. Я бежал и бежал, ноги скользили по влажной земле, и она тоже побежала, и легкий ветерок с пустоши донес до меня запах цветущего шиповника.

4

Через три года Джаред Рослин подъехал к заднему крыльцу дома с планом, который должен был вернуть мою шахту к жизни, а в течение этих трех лет я использовал все возможности, чтобы убедить отца открыть Сеннен-Гарт. Сначала я написал некоторым известным биржевикам, специализировавшимся в горном деле, или «искателям приключений», как их называли в старое время, чтобы они упросили отца субсидировать оклад крепи, но, хотя я и получил несколько дружелюбных ответов, никто не проявил достаточно интереса, чтобы начать переговоры. Все еще помнили, как отец закрыл шахту в девяностых годах, посоветовавшись со знаменитыми экспертами в горном деле из Долкоута, и если кто-то в горных кругах и сомневался в авторитете отца, то в авторитете экспертов не сомневался никто. Никто также не хотел мне верить, когда я упирал на то, что шахту закрыли из практических соображений, не имеющих отношения к запасам богатства, скрытым под землей, а если судить по старым картам и книгам, унаследованным мною от бабушки, таковых оставалось еще много, они только и ждали, чтобы кто-нибудь вложил деньги и поднял их на поверхность. Но все просто решили, что вкладывать надо было слишком много, а вернулось бы вполовину меньше того, что я ожидал.

После этого я лично поговорил с отцом. К тому времени Роза Парриш умерла, поместье Алленгейт было продано, и все семейство, включая моих сводных братьев, вернулось в мой старый дом Пенмаррик в Сент-Джасте, в двух шагах от фермы моей матери в Зиллане. Вскоре моя старшая сестра Мариана решила выйти замуж за какого-то дипломированного невежду с титулом, и, когда мы все собрались на свадьбу в городском доме в Лондоне,

я ухватился за возможность поговорить с отцом о шахте. Мне показалось, что я говорил очень убедительно, но толку не вышло никакого. Отец был в очень плохом расположении духа, и, когда я увидел, что он и слышать ни о чем не хочет, мое настроение тоже испортилось, и мы, как всегда, накричали друг на друга. Тогда я и понятия не имел, почему он был в плохом настроении, но потом мать сказала мне, что он просил ее вернуться в Пенмаррик ради меня! Конечно, тем самым он хотел подчеркнуть, что ему не нравится мое проживание на ферме. В свободное время, когда я не ездил на Левант или Боталлак, чтобы узнать все, что можно, о горном деле, я занимался фермерством, и мысль о том, что один из его сыновей чистит свинарник, была для него ужасна. К счастью, ему не удалось заставить мать вернуться в дом, где она была так несчастлива: она ответила, что мы с ней более чем довольны жизнью в Зиллане. Но мне кажется, что предложение было несерьезным, так как отец прямо заявил матери, что не собирается увозить из дома Уильяма и Адриана, даже если она вернется, а я не понимаю, как он мог ожидать, что мать согласится жить в одном доме с его ублюдками.

После провала попытки убедить отца я попробовал применить шантаж, но даже в этом потерпел фиаско. План придумал мой брат Хью, но мы с братом Маркусом охотно его поддержали. Маркус почему-то считал, что, коль скоро он старший из законных сыновей и наследник Пенмаррика, отец должен финансировать его пирушки в Оксфорде неподписанными чеками. Хью действовал намного умнее Маркуса. Хотя во многом он был моей полнейшей противоположностью – не любил правды и никогда бы не запачкал рук тяжелым трудом, – но с ним было так здорово, что я прощал ему его неприятные качества. А еще он был умен. Он-то и заподозрил, что экономка Пенмаррика, Элис Пенмар, стала новой любовницей отца и что отец многое сделает, чтобы избежать скандала. Он-то и придумал заставить Адриана снабдить нас необходимыми доказательствами. План казался первоклассным, но ничего не дал. Адриан, со своей обычной тошнотворной набожностью, разыгрывая из себя благородного мученика, отказался поддаться нашему давлению, а когда нам пришлось схлестнуться с отцом, не располагая уликами, он очень быстро разрушил наши надежды. Маркус был обвинен в «хронической незрелости», Хью назван «капризным ребенком с талантом к вранью» (это Хью-то, который разработал весь план!), а я поставлен в известность, что все еще страдаю «мальчишески слепым увлечением шахтой».

На этом дело и кончилось.

Я принялся истошно кричать на отца, а он – на меня. Я обвинил его в

том, что он несправедливо выделяет Адриана, а он сказал, что делает это потому, что Адриан единственный из сыновей, который ведет себя так, как должен вести себя сын по отношению к отцу. Я сказал ему, что все это дерьмо собачье и что он больше любит Адриана, потому что предпочел его мать моей. Я был так зол, что совершил ошибку, назвав Розу Парриш «той потаскушкой». Отец немедленно побелел от гнева и заорал, что потаскушка – моя мать и что он однажды заплатил ей пять фунтов, чтобы переспать с ней. Я обозвал его поганым лжецом. Тогда Маркус извинился, сказав, что ему плохо, а Хью к тому времени уже давно скрылся в холле – я даже и не заметил, как он вышел из комнаты. Оставшись без какой-либо моральной поддержки, я был вынужден постыдно отступить, поэтому я плюнул на пол и вышел из комнаты со всем достоинством, какое смог собрать после такого позорного поражения.

Но даже тогда мне не дали сразу уйти из Пенмаррика. Элис Пенмар зажала меня в угол, призналась, что подслушивала, и поклялась, что не была любовницей отца, потому что ей хотелось стать моей. Принимая во внимание, что все детство она звала меня не иначе как «грубый маленький паразит и сквернослов», ситуация сложилась смехотворная, но, к сожалению, мне тогда было не до веселья, и я просто сказал ей на самом грубом англосаксонском наречии, чтобы она от меня отцепилась к такой-то матери.

Признаю, я поступил с ней плохо, но не думаю, что ей, воспитанной в доме священника, удалось понять хоть половину из того, что я сказал. Когда в следующее воскресенье после церкви я попробовал перед ней извиниться, она с полным самообладанием сказала, что отдает себе отчет в том, что мы оба были слишком расстроены в тот момент, что считает инцидент исчерпанным и что мне тоже не стоит больше об этом думать.

С облегчением я последовал ее совету.

Словно для того, чтобы развеять мои воспоминания о тех сценах в Пенмаррике, через неделю началась война. Поначалу я думал, что она станет последней каплей, последней неудачей, которая разрушит мои надежды на открытие шахты, но ошибался. Я уже с яростью решил, что никто не заставит меня пойти на войну, даже обвиняя в трусости, что даже сам король не вытащит меня больше из Корнуолла, когда ко мне неожиданно явился посетитель. Однажды облачным утром в конце 1914 года во дворе материнской фермы зацокали копыта, и, подойдя к окну, я с удивлением обнаружил, что передо мной не кто иной, как надежда и опора местного рабочего класса мистер Джаред Рослин из Морвы.

5

Мы с Джаредом Рослином были знакомы, но никогда не разговаривали. Он был старшим из двух приемных сыновей матери от первого брака, и они вместе с братом Джоссом тридцать лет враждовали с ней. Они ненавидели моего отца так же, как и мать, поэтому я не мог ожидать дружелюбия ни от одного из них, и, когда Джаред Рослин в то тихое декабрьское утро появился на ферме, я сразу решил, что приехал он с какой-то враждебной целью. Моей первой мыслью, подсказанной чувством вины, было, что он приехал потребовать, чтобы я немедленно шел на войну, как все молодые мужчины, и воевал за свою страну против немцев; я уже давно боялся, что кто-нибудь станет мне намекать на это, и, хотя меня в приходе любили, мне начало казаться, что люди стали на меня косо посматривать. Я постоянно ожидал письма от отца из Пенмаррика с вопросом, почему я не последовал примеру Маркуса и Адриана, которые немедленно поступили на службу в армию, но письма такого так и не получил. Мать, конечно, встала на мою сторону и объявила, что мое присутствие жизненно необходимо на ферме, но там были мужчины слишком старые, чтобы воевать, но способные справиться с хозяйством в мое отсутствие. Даже Уильям, чья работа в качестве управляющего была так же важна, как и моя работа на ферме, записался добровольцем и оставался в Пенмаррике лишь потому, что оказался непригоден к службе по медицинским показаниям; перенесенная в детстве дифтерия давала о себе знать повышенным давлением и подозрением на слабое сердце. Поэтому как только я увидел Джареда Рослина, то сразу решил, что он приехал напомнить мне о моем патриотическом долге.

Дав волю неспокойной совести, я сделался более рассудительным. Джаред был мирским проповедником в церкви Веслина и уважаемым членом местного сообщества, но то, что он осмелится обвинить меня в трусости, было маловероятно.

Наконец мне пришлось признать, что я зашел в тупик в своих предположениях, и я вышел во двор, чтобы его встретить.

Он был высок, почти такого же роста, как и я, по-корнуолльски смугл и носил черную бороду. Ему было, должно быть, за пятьдесят, но седых волос у него было мало и держался он молодцевато. Учитывая, что мы никогда не общались, я знал о нем немало: у него была анемичная жена, которая явно боялась его, восемь пышущих здоровьем дочерей и один недоросль-сын, в котором он был явно разочарован. Мальчишка был на два

года старше моего младшего брата Джан-Ива и недавно удивил всех, получив стипендию в ближайшей средней школе. Из восьми дочерей, у которых были чудовищные пуританские имена, три благополучно вышли замуж за местных парней, четыре сидели дома под строгим присмотром родственников, а одна, Чарити, стала падшей женщиной и опозорила семью; она служила на ферме Гернардз, в доме Уеймарков в Зенноре, и, если верить Хью, который всегда собирал сплетни, была уволена, застигнутая в чулане за прелюбодеянием. Ничуть ни смутившись таким наказанием за грехи, она нашла работу барменши в Сент-Джасте и больше года считалась лучшей шлюхой от Лендс-Энда до Сент-Ивса. Но жажда остепениться возобладала, и она переехала из комнаты при кабачке, где продолжала работать в баре, в небольшой домик с окнами на море на окраине города. Всем было известно, что в домике все, начиная от тюля в спальне и до гераней в ящиках у окон, было оплачено моим сводным братом Уильямом Парришем, который к тому же, пользуясь своим положением управляющего Пенмарриком, позволял ей не платить за аренду. Неудивительно, что Джаред Рослин отрекся от дочери, которая процветала на неправедных трудах всего в нескольких милях от мужского клуба, который он основал для шахтеров прихода Зиллан.

Я пересек двор и подошел к нему.

– Доброе утро, – сказал я отрывисто. – Что вам нужно?

Я не видел причин быть с ним учтивым. Глупо было бы разговаривать с ним так, словно мы были закадычными друзьями.

Он осмотрел меня с головы до ног. Темные глаза были жесткими, но взгляд не казался враждебным.

– Поговорить с тобой, – так же прямо ответил он. Его голос, низкий, с корнуолльским акцентом, почему-то удивил меня, а может, меня больше удивило то, что он сказал потом: – Не надо беспокоить твою мать. Я хотел видеть тебя.

Я был еще более озадачен, чем прежде.

– Одну секунду, – бросил я и пошел сказать девушкам Тернер на кухне, что гость приехал не к матери. Когда они, с округлившимися глазами, побежали ее искать, я попросил Джареда Рослина пройти в дом и повел его через кухни и холл в гостиную. Он шел за мной, не произнося ни слова, а я, только закрыв за ним дверь в гостиной, вспомнил, что этот дом когда-то был его домом и он, должно быть, любил его так же, как теперь я.

– Чем могу вам помочь, мистер Рослин? – спросил я, с неохотой проявляя любезность. – Пожалуйста, садитесь.

– Я постою.

Он подошел к окну, но потом повернулся, чтобы посмотреть на меня. Наступила короткая пауза, и наши взгляды встретились.

– Я много о тебе слышал, – произнес он наконец. – По большей части хорошее.

Я был так удивлен, что потерял дар речи. Я никак не ожидал услышать от него такие слова. Я тупо на него смотрел, а он добавил:

– Нужно мужество, чтобы не следовать за толпой. Не знаю, почему ты не пошел в армию, но мне все равно. Я не поддерживаю войны. Люди должны жить как братья, а не убивать друг друга, нарушая заповеди. Кроме того, ты нужен здесь и сейчас. То, что ты здесь, – это своего рода чудо, но пути Господни неисповедимы. Я вижу в этом Его руку и Провидение. – Он говорил просто и искренне. Хотя я и перерос религию и ходил в церковь, только чтобы сделать приятное матери, его слова произвели на меня впечатление. Через минуту он сказал: – Ты похож на мать. Я ведь мог жениться на твоей матери. Жаль, что не женился. У меня мог бы быть такой сын, как ты.

Смешно в этом признаваться, но я был тронут его словами. Мой отец никогда не показывал, что считает меня чем-то иным, кроме как помехой для него, крестом, который ему приходится нести как часть родительского долга. Все, что бы я ни делал, было в его глазах если не плохо, то неправильно, глупо и неверно. А теперь передо мной стоял чужой человек, к которому я был воспитан в ненависти, и этот человек говорил, что слышал обо мне хорошее и хотел бы, чтобы я был его сыном, а не сыном моего отца.

– Рад узнать, что вы слышали обо мне хорошее, – неуверенно проговорил я, все еще потрясенный его словами, – но как это могло вас заинтересовать?

Он сказал:

– Мне кажется, у нас общие интересы.

– Общие интересы?

– Сеннен-Гарт.

Наступило молчание. Мы стояли, просто стояли, он и я – в доме, где он жил когда-то давно, и я понял, что наконец-то вижу союзника, который понимает меня, говорит со мной о шахте, о моей шахте Сеннен-Гарт, которую я мечтал превратить в самую великую шахту на Корнуолльском Оловянном Берегу.

– Я много раз пытался бороться с твоим отцом из-за этой шахты, – говорил он. – Первый раз, когда он закрыл ее после своего приезда в Пенмаррик. Много хороших шахтеров потеряли работу, многие семьи

голодали. Плохие были времена. Я возглавлял депутацию, чтобы убедить его открыть шахту, но он был упрям как осел. Он был тогда молод, года на два или три моложе, чем ты сейчас. Вежлив, но упрям. Неразумен. И если принимал решение, то никогда не шел на попятную.

– Он по-прежнему отказывается открыть шахту, – вырвалось у меня. – Он скуп и не хочет рисковать, но я знаю, что олово там есть, мистер Рослин, знаю, потому что видел старые карты, потому что спускался в Левант. Я знаю. Там под морем есть залежь, она идет на запад…

– Я говорил с шахтерами, и они говорят то же самое. А теперь слушай меня, сынок, и слушай внимательно. Тебе когда-нибудь приходило в голову, что война может спасти Сеннен-Гарт? Ты ведь читаешь газеты и знаешь, что нам не хватает олова. Если бы мы смогли заинтересовать правительство этой шахтой, если бы смогли убедить его, что под землей еще много олова…

Я понял его план и так обрадовался, что голова закружилась.

– Черт побери!

– Придержи язык, сынок, богохульство поможет открыть шахту не больше, чем твой отец. А теперь послушай меня, ладно? У меня есть свидетельства людей, которые работали на Сеннен-Гарте двадцать лет назад, еще до того, как твой отец закрыл его. Они все говорят, что в шахте еще есть олово, а под самым нижним уровнем, может быть, еще больше, ведь твой отец закрыл ее не потому, что она была выработана; он закрыл ее, потому что она больше не приносила дохода, потому что он не готов был в нее инвестировать, чтобы она приносила доход, потому что ему было все равно, закрыть или не закрыть шахту, которая была источником существования для честного рабочего люда. Еще у меня есть свидетельства людей из Леванта о том, что под морем могут быть богатые залежи, и еще у меня есть свидетельство от молодого горного эксперта из Редрута, Алана Тревоза, который считает – а его мнение непредвзято, – что правительству было бы выгодно рассмотреть возможность открытия Сеннен-Гарта. У меня целая куча свидетельств. Все, что мне теперь надо, – это найти кого-нибудь, кто представил бы этот проект правительству. Я мог бы представить его сам, поехать в Лондон и сделать все, что в моих силах, но я не шахтер, и у меня нет технических знаний на случай, если они станут задавать вопросы. Я обсуждал это с шахтерами, людьми из Сент-Джаста и Зиллана, и они все говорили о тебе. Все знают, что ты любишь шахты, как шахтер; ты достаточно часто бывал на Леванте. Все отзываются о тебе самым лучшим образом.

Я был ошарашен. Лицо зарделось от удовольствия.

– Конечно, ты молод, – говорил Джаред Рослин, – в некотором смысле, просто мальчишка, но шахтеры, с которыми я говорил, отзываются о тебе как о мужчине, способном на мужские поступки и способном рассуждать как мужчина, когда речь идет о шахте. И еще у тебя есть одно неоспоримое преимущество; ты был воспитан как джентльмен. Ты знаешь, как разговаривать с правительственными мужами, и они скорее послушают тебя, чем рабочего из Корнуолла. Ну вот. Поедешь в Лондон ради нас? – Я начал заикаться, и он добавил: – Лучше сначала хорошенько все обдумай. Не хочу, чтобы меня потом обвинили в том, что я тебя заставил. Сегодня вечером я буду в рабочем клубе в Зиллане, приходи туда после восьми и дашь мне ответ, если захочешь.

– Вам не нужно ждать до восьми. – Я был так возбужден, что едва мог говорить. – Мне не нужно ничего обдумывать. Я думал об этой шахте больше двенадцати лет. Я поеду в Лондон и открою шахту. Клянусь, я найду олово и буду разрабатывать залежи, даже если это будет последним делом в моей жизни.

Глава 2

Военное дело было его коньком, ради него он пожертвовал всем остальным.

Его врагам не было смысла прятаться от него в замках, потому что Ричард мог нащупать слабину даже в самых, казалось бы, сильнейших из противников и использовать ее с невероятным искусством.

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

1

Мне нужны были деньги – немного, только на проезд до Лондона, питание и гостиницу. А еще я обнаружил, что мои лучшие костюмы, которые я убрал в гардероб более трех лет назад по возвращении на ферму, мне больше не подходят. Я потолстел; тяжелая работа сделала меня более мускулистым, и пиджаки теперь натягивались на плечах и отказывались застегиваться. У моей матери были сбережения, но я не хотел ни о чем ее просить, а идти на поклон к отцу меня ничто на свете не заставило бы. В конце концов пришлось обратиться к Джареду. Он был очень удивлен, услышав, что у меня нет денег, – наверное, думал, что у любого, кто говорит, как я, их полно.

– Послушайте, – мягко сказал я, – я такой же рабочий, как и вы. Ферма дает доход, которого хватает лишь на то, чтобы жить без роскоши. Теперь мне не приходится просить у матери денег из содержания, которое ей на меня дает отец, но в банке у меня всего семь фунтов, поэтому, если вы мне не поможете, мне придется занять у кого-нибудь еще, а обращаться к ростовщикам, честно говоря, не хочется. И не надо предлагать мне обратиться к матери. Она и так долго меня содержала, и я не хочу, чтобы содержала еще.

Он не стал спрашивать, почему я предпочитал не обращаться к отцу. Он, как и все, знал, что мы с отцом в ссоре. Вместо этого он с неохотой

сказал:

– У меня у самого мало денег, но мне бы не хотелось, чтобы ты влезал в долги к ростовщикам. Я поговорю с братом Джоссом. Он женат на богатой женщине, и у него всего один ребенок. Он одолжит мне денег.

Таким образом я получил деньги, сшил костюм и после Рождества поехал в Лондон для встречи с нашим членом парламента. Тот пообещал рассмотреть вопрос. Я сказал, что просто рассмотреть – мало. Это привело его в раздражение, но, когда я напомнил ему о власти моего отца в Дачи и о том, сколько голосов находятся у него под контролем, он пообещал поговорить с министром. Я поболтался в Лондоне еще несколько дней, то и дело возвращаясь в мыслях к Корнуоллу и гадая, как там обходятся без меня на ферме; Лондон мне никогда не нравился, а во время войны этот город нагонял на меня еще большую депрессию, чем в мирное время. Мирное время, казалось, теперь отдалено тысячей световых лет. «Даю немцам ровно полгода!» – объявил Маркус, уезжая из Корнуолла, чтобы записаться в армию, но он, как и очень многие другие, оказался безнадежным оптимистом.

Война затягивалась. Все активные действия произошли в первые четыре месяца, а теперь дело зашло в тупик, или, по крайней мере, так казалось, потому что информации было мало, а слухов много, и сложно было понять, что происходит на самом деле. Общее мнение было таково, что Британский экспедиционный корпус под командованием сэра Джона Френча совершил в августе успешную операцию, высадившись во Франции; он дошел до Монса как раз вовремя, чтобы предотвратить выполнение плана Шлифена[11], и не дал немцам войти в Париж; он выдавил врага за Эссен и вскоре у Ипра остановил продвижение немцев к Ла-Маншу. Теперь же, в декабре, обе стороны остановились, чтобы пополнить запасы, и трудно было сказать, что случится дальше. Силы были равны, и на немедленную безусловную победу ни у одной из сторон не было ни малейшей надежды.

В Лондоне я еще яснее ощутил войну. Находясь в Корнуолле, легко было считать, что конфликт происходит только во Франции, но в Лондоне я почувствовал, что война протянула свои серые, влажные пальцы через Ла-Манш и вцепилась ими в город, который еще так недавно был самой блестящей, богатой и яркой столицей Европы. Мужчины в военной форме, бесконечные разговоры о войне, отчаянная германофобия, новые правила и ограничения, падение качества продуктов и обслуживания – война пронизывала все. Стояла серая, мрачная зима в сером, мрачном городе. Мне была противна каждая лишняя минута, которую эти некомпетентные

политики заставляли меня в нем проводить.

Пока я ждал ответа, до меня дошел слух, что в случае, если не наберется достаточно добровольцев, будет объявлен обязательный призыв, но это оказалось ложной тревогой. Патриотизм был так силен, что все бегом бежали записываться в добровольцы, ведь тогда никто и не подозревал, что война будет такой долгой, а потери такими серьезными. Я расслабился. Не то чтобы я был непатриотичен. Я сражался бы за каждую пядь Корнуолла, если бы завоеватели попытались пересечь Теймар, но не понимал, почему мне нужно бежать во Францию, чтобы сражаться с иностранцами, устраивающими заваруху из-за того, что какой-то дурак в Сараеве дал себя застрелить. У меня была своя война. У меня не было времени носиться по Франции, убивая немцев, когда я был нужен в Корнуолле, чтобы сражаться за свою шахту. И, кроме того, почему бы французам не сражаться самим? Если бы у них достало больше стойкости, Британия не была бы втянута в войну, а я не попал бы в такое затруднительное положение.

Я уже начал думать, что придется написать домой, чтобы мне прислали еще денег, когда услышал, что какой-то высокопоставленный правительственный чиновник, который давал советы министру в вопросах, подобных моей затее с шахтой, готов дать мне аудиенцию, и вскоре вместе с членом парламента я отправился на встречу с ним в Уайтхолл.

Чиновник оказался брюзгливым аристократом с безвольным ртом и с глазами, уставшими от тревог и слишком большого количества работы.

Я пытался не показать, как нервничаю. Сделав над собой большое усилие, уверенным голосом я начал свою заранее подготовленную краткую речь.

– Да-да, – раздраженно прервал он меня. Его руки перебирали свидетельства шахтеров, лежащие перед ним, – но кому принадлежит шахта?

– Человеку по имени Касталлак.

– Касталлак? Историк?

– Да, сэр.

Он странно на меня посмотрел.

– Ведь ваше имя, кажется, тоже Касталлак?

– Да. Он мой отец.

– Отец! Великий Боже, что же вы сразу не сказали! – Он заговорщически улыбнулся мне, словно хотел сказать: «Так, значит, ты один из нас». Я не улыбнулся в ответ, а просто вежливо ждал, когда он продолжит, поэтому он немного растерялся. Несколько секунд он думал,

что сказать дальше. – Каково мнение вашего отца относительно этой шахты? – наконец безразлично поинтересовался он. – Он был акционером, прежде чем старая компания перестала существовать? Ведь, наверное, это была компания с капиталом, акциями и тому подобным?

– Да, сэр. – Я обрадовался, что разговор снова вошел в деловое русло. Атмосфера милой болтовни вряд ли помогла бы мне кратко изложить дело. – Пенмары, семья моей бабушки, которой принадлежала шахта, никогда не удовлетворялись ролью просто землевладельцев, ограничивающихся сбором платежей. Они были не только землевладельцами, но и искателями приключений, то есть биржевиками и акционерами, они возродили старую компанию и проследили за тем, чтобы она была зарегистрирована. Им принадлежало две трети акций, и, даже когда шахта работала на полную мощь, они все равно оставались землевладельцами. Последние два года я пытался убедить отца и ряд известных искателей приключений реформировать компанию, но отец не хочет таким образом тратить деньги, а искатели приключений опасаются связываться со старыми шахтами, особенно после того, что случилось в восьмидесятых годах на шахте Ист-Уил-Роуз, хотя многие говорят, что Уил-Роуз закрыли как раз в тот момент, когда огромные залежи олова были уже близко… Но, возвращаясь к Сеннен-Гарту, нет сомнений, что это все еще богатая шахта. Во-первых, в старых залежах еще осталось олово. Этого никто не отрицает. Во-вторых, под самой нижней разработкой тоже еще есть олово. Этого тоже никто всерьез не отрицает. В-третьих, самые богатые залежи можно обнаружить, если удлинить шахту дальше в море, так, как сделано на шахтах Левант и Боталлак. Вот в этих свидетельствах вы найдете мнение эксперта по горному делу, который поддерживает такую точку зрения. Вы можете спросить, почему же шахта, у которой такой большой потенциал, не работает? Это справедливый вопрос, сэр, и я дам вам на него ответ. Потому что нужны серьезные инвестиции, а инвесторы боятся корнуолльских оловянных шахт, потому что лондонские экономисты, которые ничего не знают о Корнуолле, уже давно распространяют слухи, что в корнуолльской оловянной промышленности начался период необратимого спада. Тут неправилен подход, а не факты. Если правительство поддержит Сеннен-Гарт, вы возродите не только мою шахту, но и всю корнуолльскую оловянную промышленность в целом. Вы дадите инвесторам уверенность, а взамен получите олово. Вы не прогадаете! Что до Сеннен-Гарта, операция будет очень проста. Все, что требуется сделать, – это купить новый мотор, осушить дно шахты…

– А что ваш отец об этом думает?

Я постарался сдержаться.

– Сэр, мой отец не шахтер. Он ничего не понимает в горном деле и очень мало знает о Сеннен-Гарте. Поэтому я и здесь.

Он цинично улыбнулся:

– А вы когда-нибудь спускались в шахту?

В эту секунду я чуть не ударил его в нос. Он говорил о шахте, как говорят о сортире.

– Я долго изучал горное дело, – коротко ответил я, – я столько раз спускался в Левант в Сент-Джасте, что и счет потерял. – Не знаю, как я сдержался. – Меня прислали сюда шахтеры Сент-Джаста, потому что, по их мнению, я понимаю, что значит быть корнуолльским шахтером, а не потому, что я сын своего отца. Я сознательно не пытался сыграть на его имени, когда мы начали разговор. Меня послали люди Корнуолла, а не отец.

– Вы социалист?

Я покраснел. К этому времени я сдерживался уже из последних сил, так что даже вспотел от усилий.

– Честно признаться, сэр, – сказал я, – я так же разбираюсь в политике, как вы – в горном деле. Мне кажется, что во времена национального кризиса разговоры о внутренней политике не имеют смысла. Я оказался здесь и разговариваю с вами только потому, что у меня есть кое-что, что нужно вам, а у вас есть кое-что, что нужно мне, и мы оба хотим, чтобы Англия выиграла эту чертову войну. Если мы быстро и без проблем придем к соглашению, то выиграем оба, но более всего выиграет Англия. Почему бы нам не сосредоточиться на фактах, вместо того чтобы отклоняться от темы и тратить впустую время? Какая разница, кто мой отец? Какая разница, социалист я или нет? Важно, что в этой шахте есть олово и его, может быть, в десять раз больше, чем кто-либо может себе представить, и если вы согласитесь профинансировать…

– Считайте, что дело сделано, – холодно сказал он. – Я посоветую министру одобрить открытие шахты и выделить нужные суммы, коль скоро она столь многообещающа. Вы правы. Нам нужна каждая унция олова. – И поскольку я тупо на него уставился, не в состоянии поверить в свою удачу, он спросил: – Сколько вам лет?

– Мне… в июне будет двадцать, сэр.

Я уже ждал, что он скажет: «Тогда какого черта ты не во Франции?» – но он не стал этого говорить. А сказал он вот что:

– Вы очень необычный молодой человек. Вы далеко пойдете. – Потом он встал и пожал мне руку. Разговор был окончен, и больше я его не видел.

Через две недели в Пенмаррик прибыли правительственные чиновники, чтобы поговорить с отцом; через месяц начались предварительные работы, и наконец однажды утром в конце марта главный мотор, названный «Касталлак», был крещен при помощи бутылки портвейна, моторный цех украшен весенними цветами, а со всей округи собрались мужчины, в чьих жилах текла хоть капля шахтерской крови, чтобы отпраздновать возрождение шахты Сеннен-Гарт.

2

Тогда-то я и познакомился с Аланом Тревозом.

Он был горным экспертом из «Ист-Пул и Агара» в Камборне, одним из тех, с кем Джаред разговаривал, когда собирал необходимые нам свидетельства, и тоже верил в богатства шахты Сеннен-Гарт и в существование залежей под морским дном.

Он был в точности как я. Не внешне – он совершенно не был похож на меня ни внешне, ни происхождением, ни образованием, но он был как я в главном. Мы одинаково думали, одинаково чувствовали, одинаково себя вели. Потому что он был прирожденным шахтером, как и я, человеком, так же страстно любившим шахты, и вскоре после того, как мы познакомились, я понял, что он станет моим другом, лучшим из тех, какие у меня были, есть и будут.

В школе, к примеру, у меня было много друзей, но никто из них не разделял моих интересов. В конце концов я уже потерял надежду обрести настоящего друга, а когда познакомился с Тревозом, то не был даже уверен, понравился ли он мне. Он был наполовину валлиец, наполовину корнуоллец – словом, настоящий кельт. Он родился в Редруте, где его отец работал на шахте, но в возрасте восьми лет переехал в Южную Африку, куда его отца погнала золотая лихорадка. К сожалению, пыль золотых рудников разрушает легкие и даже самые большие деньги не могут спасти от ранней смерти. В шестнадцать лет Тревоз отказался идти по стопам отца, чтобы умереть на чужой земле. Он вернулся в Редрут и поклялся провести всю свою жизнь в Корнуолле. Он был женат, но успехом его брак не увенчался; его взгляды на религию, на аристократию и на женщин вскоре стали известны в самых широких кругах шахтерских приходов, и поначалу люди относились к нему с подозрением – они не доверяли его гнусавому южноафриканскому акценту, которым он сдабривал свой родной редрутский выговор, и воспринимали его как «одного из этих пришлых» со

своими «спесивыми идеями». Но в Тревозе текла корнуолльская кровь, и он недолго оставался чужаком. Он знал толк в шахтах, в олове, знал, как повести людей под землю, и через некоторое время люди забыли о его странностях и свыклись с его эксцентричностью, потому что в нем была надежность и, несмотря на свою неотесанность и грубую речь, он был добр.

Мне он пришелся по душе намного раньше, чем я ему. Не в его принципах было относиться к людям моего происхождения иначе как бесцеремонно.

Как шахтер он был великолепен. Никаким другим словом не назовешь его мастерство. Иногда мне казалось, что он может почуять олово через гранитную стену за сотню ярдов. Он был молод, всего на десять лет старше меня, но я доверял ему больше, чем любому самому опытному человеку, потому что у него был необъяснимый нюх прирожденного шахтера, – это-то меня в нем и привлекало, поэтому я и понял, что мы с ним одной крови.

Он был со мной во время предварительных исследований на Сеннен-Гарте, и именно он организовал осушение нижнего уровня. Правительство направило к нам пару чиновников – управляющего шахтой и казначея, но ни тот ни другой не знали корнуолльские оловянные шахты, и их основной функцией было следить за расходованием государственных средств. С самого начала стало понятно, что я – главный во всей этой операции, но поскольку я был молод и неопытен, то понимал, что нуждаюсь в хороших советах. И хотя в советчиках недостатка не было – бесконечная череда заинтересованных шахтеров, готовых на сдельщину или работу на паях, чтобы исследовать новые залежи, постоянно предлагала свои услуги, – доверял я только Тревозу. Когда мы загнали наконец шахтный ствол ниже уровня моря и начали прорубаться под морское дно, именно он решил, какой глубины надо держаться, и именно он верил, что мы прорубим путь к богатству.

– Там есть олово, – твердил он. – Я знаю.

Правительство начали беспокоить большие расходы, и чиновники предлагали сосредоточиться на олове из старых запасов, но оказалось, что олова там оставалось не так много, как прежде считалось. Вскоре я начал понимать, что успех всего предприятия целиком зависит от того, существуют ли под морем богатые залежи. Я по-прежнему думал, что это так, но теперь уровень риска становился больше, чем когда-либо, и я начал понимать, почему уже более двадцати лет искатели приключений не хотели связываться с Сеннен-Гартом.

– Расслабься, – говорил мне Тревоз. – Там есть олово, и оно нас ждет.

Я это чувствую.

Итак, мы продолжали работать под морем: стенки сочились водой, шум кайла, молота и отбойного молотка оглушал, но залежей олова все не было. Шахтеры заволновались. Старики, остававшиеся на поверхности, скептически покачивали головами и говорили, что в этом месте под морем пластов нет.

– Они ни черта ни в чем не понимают, – сказал Тревоз. – Мы пойдем ниже.

И мы прорубили ствол до уровня двухсот сорока саженей под дном Атлантического океана.

Отец, наведавшись из любопытства на шахту, вежливо поинтересовался моими успехами.

– Пока никаких, – с вызовом сказал я, – но очень скоро будут.

Однако полная неизвестность так изматывала нервы, что и моя уверенность начала колебаться. После месяцев, проведенных за разведкой и в бесплодных поисках новых залежей, я понял, насколько был невежествен, как мало знал по сравнению с Тревозом. Я был просто неопытным мальчишкой, волею обстоятельств облеченным властью. Чем больше мы работали вместе, тем больше я убеждался в том, что ничего не знаю. «Я неправильно оценил уровень своей компетенции, – в отчаянии думал я, – может быть, я ошибался насчет перспективы шахты».

– Там есть олово, – повторил Тревоз в одно прекрасное утро 1915 года. – Я это чувствую.

Наверху шел дождь, а с моря наплывала влажная дымка, но внизу, на уровне двухсот сорока саженей, было жарко, как в аду, и все мы были обнажены по пояс. Пыль от предшествующих взрывов осела, и мы опять сверлили дыры для новых запалов. Механический отбойный молоток сломался, поэтому мы полагались на традиционный метод пробивания восстающего шпура с помощью семифунтового молотка. Тревоз, как любой шахтер-труженик, мог работать обеими руками, но мне было тяжело раз за разом вгонять молоток в жаркую дыру под землей – я действовал только правой рукой. На большинстве шахт в Сент-Джасте шахтеры без посторонней помощи вгоняют молоток и поворачивают сверло отбойного молотка, а для того чтобы этому научиться, требуется практика, я же был неопытен, поэтому поворачивал сверло Тревоза, пока сам он бил молотком. И хотя я двигался относительно мало, пот лил с меня градом, а пыль щипала нос. Но наконец, когда отверстия стали достаточно глубоки, Тревоз потребовал динамита. Заряды были забиты, с них свесились запалы; убедившись в том, что все в порядке, мы сложили свои вещи и вышли из

забоя очистной выемки, оставив Тревоза поджигать запалы. В тот день в нашей партии было шестеро: я, Тревоз и четверо видавших виды ребят – двое из шахты Боталлак, которая наконец закрылась несколькими месяцами ранее, а двое других из Зиллана, они работали на полставке на Саут-Крофти после неудачной попытки заново открыть шахту Динг-Донг в 1912 году.

Тревоз смахивал пот с лица; мы стояли там, все – загорелые, кроме меня, и покрытые грязью, и вот несколькими секундами позже, после глухого рыка взрыва, по галерее пронесся горячий воздух, словно дыхание из домны дьявола.

– Ну же, чертова шахта, – сказал Тревоз, – давай олово, или, клянусь Богом, я взорву тебя и затоплю до самой штольни.

Нам пришлось долго ждать, пока осядет пыль, а потом мы опять спустились вниз.

Там был полный хаос – куски скалы и камни громоздились повсюду. Мы пробирались ощупью, и как раз в это время подъехала тележка, чтобы забрать мусор. Пыль опять защипала мне нос, глаза заслезились.

Тревоз сказал:

– Я чую олово.

Я огляделся. Но глаза заливал пот, вокруг еще клубилась пыль, и я почти ничего не видел. Я принюхался, но не почувствовал ничего, кроме кислотных испарений динамита.

– Ты ничего не видишь? – спросил Тревоз.

Я обернулся на него, но он смотрел в пространство.

Я все смотрел и смотрел, пока не начал думать, что сейчас ослепну.

А потом увидел.

Я карабкался по камням, дыхание с хрипом вырывалось из горла, сердце стучало неровными ударами. Я оступился, упал и на четвереньках пополз к камню, привлекшему мое внимание.

Там-то оно и было. Не бог весть что, просто темный камень с вкраплениями белого, но для меня он значил больше, чем ведро золота. Потому что эти белые вкрапления были прожилками белого кварца, самым неопровержимым свидетельством того, что мы нашли богатство, и я, держа в руке, смотрел на этот волшебный камень и уже знал, что залежь будет огромной, изобильной и фантастически богатой.

– Ура! – заорал Тревоз, убедившись, что я обнаружил руду. – Вот оно! Ребята, вот эта чертова залежь! Идите посмотрите, что нашел начальник! Если мы не в начале чертовски большой залежи, огромной, как церковь, засуньте меня в бадейку и поколотите моим же молотом!

Они подбежали. Я срывающимся голосом произнес:

– Олово нашел ты, а не я.

Но он не хотел и слышать об этом.

– Нет, – настаивал он. – Ты нашел эту залежь, сынок, это точно. Ты знал о ней задолго до того, как я появился на Сеннен-Гарте. Если бы не ты, никого из нас здесь бы не было, это я тебе точно говорю.

Мне, оглушенному счастьем, хотелось смеяться и ликовать, и в то же время я боролся со слезами, поэтому не мог с ним спорить. Я просто стоял, обуреваемый чувствами, которые были слишком сильны, чтобы их осмыслить, а свеча на моей каске светила в темноту и на олово, ради которого я так глубоко забрался.

3

Сент-Джаст пошел вразнос. Так получилось, что моя находка совпала с днем зарплаты на Леванте и все выпивали за новую залежь на Сеннен-Гарте. Начальник шахты Левант угостил меня за свой счет и пожал мне руку; все хотели купить мне сидра или эля и поздравить, но я не был настроен напиваться. Поэтому я выпил только с начальником шахты Левант и Тревозом, а потом сам заплатил еще за парочку стаканов. Подначиваемый друзьями и подогретый несколькими стаканами сидра из бочки, Тревоз запел первые строчки ферри-данса[12], а старый Пенхеллик побежал за скрипкой. Барменша, падшая дочь Джареда, Чарити, была так взволнована, что, расцеловав в обе щеки, вытащила меня на площадь танцевать. Я был слишком счастлив, чтобы смутиться этим проявлением внимания. Пока я объяснял, что не умею переставлять ноги в такт музыке, чьи-то жены и невесты прибежали на площадь, чтобы посмотреть, что происходит. Вскоре танцевали все. Даже дети. В разгар празднества меня на руках пронесли по площади среди ликующего люда, а когда мне удалось избавиться от незаслуженных похвал, Чарити опять оказалась рядом со мной.

С гостеприимством, которое вряд ли понравилось бы Уильяму Парришу, она пригласила меня в свой коттедж, чтобы выпить пива и закусить пирогом. Я отказался, потому что не был голоден, а пить предпочитал с друзьями. Тогда она объявила, что смертельно оскорблена, и спросила меня, почему это мне не нравятся красивые барменши с волосами как вороново крыло, которые ведут себя соответственно своему имени.

– Я буду милосердна к тебе, мистер Филип, – обещала она. – Все бесплатно, все в секрете, никаких вопросов…

– У Уильяма Парриша возникли бы вопросы, если бы он услышал тебя!

– Уильям Парриш! – фыркнула она, тряхнув черными кудрями. – У него не так много власти надо мной, как он думает! Вот если бы он на мне женился, тогда было бы по-другому, но он не настроен жениться даже на тех девушках, которые достаточно хороши для него, что уж говорить о тех, которые недостаточно хороши. А коль он на мне не женится, так я перед ним не в ответе. Поступаю, как хочу.

Но в тот вечер голова моя была занята более интересными вещами и у меня не было настроения становиться объектом чьей-либо «благотворительности», поэтому я избавился от нее как можно более тактично и вернулся в бар. Празднование так затянулось, что я въехал во двор материнской фермы довольно поздно, расседлал лошадь и отвел ее на конюшню.

Мать не ложилась, дожидаясь меня, она не знала, что меня так задержало.

– Нашли! – закричал я, кидаясь к ней через двор. – Нашли! Залежь нашли!

Мой крик эхом пронесся по безмолвной пустоши. Я взывал к древним духам и к поколениям своих пращуров, что работали в Корнуолле с незапамятных времен, мне хотелось рассказать о своей удаче всем шахтерам, добывающим олово, я готов был прокричать свою новость всему миру: «Моя шахта ожила, восстала из мертвых! Она станет самой лучшей в истории Корнуолльского Оловянного Берега!»

4

Джаред Рослин, встретившись со мной на следующий день в Сент-Джасте, пригласил меня к себе на ферму на рюмку вина, и, не желая его обидеть, я принял приглашение. Дом показался мне мрачным, а его незамужние дочери были очень назойливы, пытаясь привлечь мое внимание. Но их брат, Саймон Питер, показался мне симпатичным, – несмотря на малый для двенадцатилетнего мальчика рост, у него, на мой взгляд, был острый ум, и он искренне интересовался шахтерским делом. Я уже собирался уходить, когда приехал Джосс Рослин с женой, толстой седовласой надутой женщиной, и атмосфера гостеприимства мгновенно сменилась неловкостью.

– Значит, ты помирился с Касталлаками, Джаред, – проговорил Джосс,

этот шумный и чрезвычайно неприятный человек. – Что ж, твое дело, кого пускать к себе в дом и с кем знакомить своих дочерей.

– Насчет мистера Филипа не беспокойся, – ответил Джаред. – Если бы не он, здесь до сих пор было бы полно безработных, вынужденных уезжать неизвестно куда, чтобы спасти от голода жен и детей. Говори, что хочешь о его родителях, но он честный, правильный молодой человек, и это подтвердят многие. Он не пьет, соблюдает заповеди, ходит по воскресеньям в церковь, и если такой молодой человек плохая компания для моих дочерей, то я не знаю, что такое хорошая компания.

– Мне все равно, какой он, – тупо повторил Джосс Рослин, – но в жилах этой семьи течет, как мы все знаем, дурная кровь, а дурная кровь всегда сказывается.

Этого я не мог просто так оставить. Удар ниже пояса заслуживал ответа, и я поступил так, как никогда бы не поступил при других обстоятельствах, – использовал факт своего происхождения.

– Дорогой мистер Рослин, – проговорил я изысканно вежливо, как учили меня в частной школе, – вы меня удивляете. Мне казалось, что вам нравится дурная кровь, раз вы приложили столько усилий, чтобы жениться на девушке из семьи Пенмар.

Он побагровел от гнева, а когда я поворачивался к ним спиной, чтобы уйти, то заметил горькую улыбку на губах его жены. Она была приемной дочерью предшественника моего отца в Пенмаррике, и Джосс Рослин, воспользовавшись ее склонностью к любовникам из рабочего класса, женился на ее деньгах. У них был один ребенок, девушка лет семнадцати, и некоторое время мой брат Хью играл с огнем, заведя с ней тайный роман. Дочь Джосса Рослина была единственной девушкой во всем Корнуолле, которой любому из Касталлаков следовало бы избегать, поэтому Хью, естественно, нашел ее неотразимой.

– Надеюсь, Хью удастся жениться на Ребекке, – сердито сказал я в тот вечер матери за кухонным столом. Хотя мне нравилась компания Хью, я все больше в нем разочаровывался – меня раздражали его лживость, хитрость и неразборчивость в связях с женщинами. – Именно такого зятя заслуживает этот ублюдок Рослин.

Но матери совсем не понравился такой выпад против дражайшего Хью, который всегда был так обходителен и так предан ей, – она резко заявила, что уж кого-кого, а дочь Джосса Рослина ей бы вовсе не хотелось иметь в качестве невестки.

В то время, опасаясь, что он уйдет в армию, мать была особенно привязана к Хью. Ему было уже восемнадцать, и в то лето он закончил

Харроу.

– Ты пойдешь в армию? – прямо спросил я его, когда в конце июля он приехал домой из школы. – Или поступишь в Оксфорд?

– Не знаю, – как всегда, ушел он от ответа. – Сложная ситуация, не правда ли? Если я поступлю в Оксфорд, то все будут показывать на меня пальцем и говорить, что я трус, убивающий время в покое и праздности, в то время как мои однокашники умирают за страну, поэтому есть соблазн пойти в армию. Но с другой стороны, лучше быть живым трусом, чем мертвым героем, так что я могу и поступить в Оксфорд. Ах, если бы существовала золотая середина!

– Если она имеется, – с иронией заметил я, – то я уверен, что ты ее найдешь.

И он нашел. В Харроу у него был друг, у друга – отец-полковник, который знал кого-то, кто, в свою очередь, знал еще кого-то… и так до бесконечности. В результате Хью пообещали подыскать непыльную работенку адъютанта вдалеке от линии фронта, и он решил рискнуть и пойти в армию добровольцем.

– В любом случае до обязательного призыва все равно недалеко, – сказал он мне. – Даже если бы я поступил в Оксфорд, меня бы силой оттуда вытащили либо призвали тотчас же по окончании курса. Тогда я мог оказаться в окопах, а попасть в окопы, насколько я понимаю, – это все равно что умереть.

Шел 1915 год. К тому времени все осознали, что эта война отличается от всех предыдущих, что в такой войне могут случаться любые катастрофы, что гражданское население будет страдать, как и солдаты, и что конца войне не видно. Потери и так уже потрясали воображение. В мае того года премьер-министр Асквит полностью сменил правительство, пытаясь улучшить положение в стране; чтобы справиться с ужасающими кризисами за границей, было создано новое министерство обеспечения, возглавляемое Ллойд Джорджем, с тем чтобы все гражданские заводы увеличили выпуск продукции для обеспечения растущих потребностей армии во Франции. Но вскоре проблемы внутри страны стали не менее серьезны, чем за рубежом. Налеты цеппелинов были слишком редкими, чтобы иметь значимый эффект, но немецкая блокада Британских островов приводила к тому, что еды оставалось все меньше, и качество ее становилось все хуже. Даже мы в Корнуолле почувствовали это, и я был рад, что живу на ферме в относительной независимости от поставок продуктов.

Но нам в Корнуолле все-таки везло; за границей несчастья продолжались: Дарданеллы и Галлиполи на другом конце Европы,

бесконечное кровопролитие в окопах ближе к нам. Адриан был в окопах, Маркус тоже, хотя они и находились в разных местах. Каждый день я брал газету, чтобы посмотреть, не случилось ли с их полками какого-нибудь несчастья, и каждый день был готов к тому, что больше ни одного из них не увижу. Тогда-то меня стали мучить угрызения совести, оттого что я остался дома, хотя причин чувствовать себя виноватым у меня к тому времени уже не было. Я был занят на жизненно необходимом для страны производстве: добывал олово, которое использовали против врага. И даже если бы объявили обязательный призыв, я бы сразу получил освобождение от армии.

И все же я испытывал чувство вины.

Уильям Парриш сходил от него с ума. Когда бы я ни встречал его в Сент-Джасте, он говорил, как ему не по себе, потому что он не может быть полезен на войне.

– Ты ведь обеспечиваешь двойной урожай в Пенмаррике, разве не так? – напоминал я ему, словно, успокаивая его совесть, мог успокоить свою. – Кто-то ведь должен заниматься сельским хозяйством, чтобы мы все не умерли с голоду! И, кроме того, ты же не виноват, что в тринадцать лет перенес дифтерию? В том, что ты не годишься для военной службы, нет твоей вины.

Но все мои уговоры не действовали на него. Он мучился тем, что пребывал в безопасности, и тосковал по окопной вони и реву орудий.

Когда Хью осенью 1915 года уехал, Уильям, единственный из сыновей нашего отца, остался в Пенмаррике. Джан-Ив был в школе, а когда вернулся, больше не ходил в церковь в Зиллане с Уильямом и Элис, а сопровождал отца в церковь в Сент-Джасте, как бы компенсируя тому отсутствие других детей. Поэтому мы с матерью больше не видели Джан-Ива. Мне-то было все равно, потому что он был озлобленным, неприятным мальчишкой, но его упрямая враждебность огорчала мать, и она постоянно из-за этого расстраивалась, хотя я и не мог понять почему. Джан-Ив был нежеланным ребенком, она так много страдала во время беременности и родов, что, когда он родился, естественно, его невзлюбила. Поскольку формально он находился под опекой отца, она до шестилетнего возраста почти не знала его, но с той секунды, как снова увидела после долгого перерыва, неприятие сменилось совершенно необъяснимой одержимостью. Ей было все равно, что он уродлив и груб. Это был ее ребенок, она его любила и сожалела, что играла такую ничтожную роль в первые шесть лет его жизни. У нее был очень сильно развит материнский инстинкт, и она была предана всем своим детям, поэтому очень расстраивалась, что много

лет испытывала несвойственную ее натуре неприязнь по отношению к Джан-Иву.

К счастью, хотя Джан-Ив больше к нам не заходил, каждую субботу в Зиллан, чтобы пообедать на ферме, приезжали мои младшие сестры. Жанне было уже почти шестнадцать, ей нравилось заниматься кулинарными экспериментами на кухне фермы. Элизабет тоже пыталась готовить, но ей редко это удавалось. Хлеб у нее получался сырым, бисквиты – жесткими, как пули, а пироги проваливались в серединке.

– Ничего страшного, Лиззи, – успокаивала ее Жанна. – Зато ты хорошо успеваешь в школе. Никому не может одинаково удаваться все.

– Фи! – говорила удрученная Элизабет, кругленькая маленькая девочка, похожая на сдобную булочку с изюмом. – Почему всем так важно, чтобы пирог не провалился? На его вкусе ведь это не отразилось. – И она возмущенно откидывала назад косички. – И не подумаю расстраиваться.

– Бедная Лиззи, – не уставала с горечью повторять мне мать. – Она такая страшненькая.

Жанна тоже не была красавицей, хотя я этого никогда и не говорил вслух. Ее волосы, светлые в детстве, с годами стали каштановыми, и для девушки она была слишком высокой. У нее было приятное лицо, яркая улыбка, но она уже начисто лишилась детского обаяния.

– Шестнадцать лет – плохой возраст для девушки, – говорила мать, все еще надеясь, что когда-нибудь Жанна вновь обретет хоть немного прежней прелести. – С годами она будет лучше выглядеть. По крайней мере, у нее правильные черты лица и она не толстушка.

Мариана, напротив, была неизменно хороша. В 1916 году она овдовела – ее муж погиб в числе двадцати тысяч жертв кровавой бойни на реке Сомма – и, чтобы оправиться от шока, приехала в Пенмаррик в облаках черного крепа. Когда она пришла на ферму, чтобы навестить мать, я был готов хотя бы из вежливости посочувствовать ей, но она отвергла любые знаки соболезнования.

– Не хочу, чтобы люди огорчались и жалели меня, – сказала она. – Мне от этого еще хуже. Не хочу плакать, не хочу думать о смерти и о войне. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

И она продолжала в своей восторженной манере рассказывать о том, как из-за военной экономии ужасно пострадал особняк ее мужа и как она ненавидит свекровь.

– Ты надолго в Пенмаррик? – спросил я, думая, что теперь ей захочется вернуться в семью, но она сделала жест отвращения.

– О боже, из одного ужасного особняка в другой? Меня тошнит от их

холодного бездушия! Мне хочется пожить в городском доме, но теперь, во время войны, в Лондоне так скучно и тоскливо! О, как скучна война! Скучна, противна и ненавистна!

И она разразилась слезами.

Эмоциональные женские сцены всегда смущали меня, поэтому я улизнул, но, когда Мариана уехала, мать сказала мне:

– Интересно, а была ли Мариана счастлива с Николасом? Я понимаю, ужасно так говорить, но во время нашего разговора я не могла избавиться от ощущения, что она рада, что овдовела, хотя, конечно, и ненавидит себя за эту радость. Меня поразило, что она расстраивается из-за того, из-за чего не стоило бы расстраиваться.

Я зевнул.

– Даже если она не была счастлива с Ником, это вполне компенсирует дом на Верхней Гросвенор-стрит, особняк в Кенте и тонны ювелирных украшений. Я бы на твоем месте из-за этого не расстраивался, мама.

– Но материальные блага значат так мало, – сказала мать, которая, как и все хорошие женщины, полагала, что нужно выходить замуж по любви. – Я не хочу сказать, что Мариана выбрала Николаса из-за его титула, но в восемнадцать лет многие девушки сами себя не понимают, и она могла не осознавать, что чувства ее были поверхностны, а уяснила это, когда уже было поздно. Вдобавок она настолько красива, что и Николас мог жениться на ней необдуманно.

Поскольку мой зять был мертв, такая дискуссия показалась мне бесплодной. Но, не желая быть бестактным, я подавил второй зевок и согласно кивнул.

– Интересно, почему у нее нет детей? – по-прежнему беспокоилась мать. – Они были женаты два года, прежде чем Николасу пришлось уехать во Францию, а большинство девушек ее возраста и воспитания становятся матерями к первой годовщине свадьбы.

– В самом деле, странно, – буркнул я, утомленный бесконечными женскими рассуждениями, взял таз с отбросами и пошел во двор кормить свинью.

Мать продолжала волноваться из-за Марианы и дошла в своем волнении до того, что написала отцу, прося уговорить Мариану остаться в Пенмаррике до конца войны.

– Ей будет спокойней, – говорила мать, – если она окажется в знакомой обстановке, кроме того, молодая вдова должна вести скромную жизнь. В попытке смягчить горе она может поторопиться снова выйти замуж, прежде чем придет в себя в достаточной степени, чтобы понять, что делает.

Лично я был с этим не согласен, но отдавал себе отчет в том, что мне трудно понять чувства женщины, понесшей такую утрату, поэтому ничего не сказал. На мой взгляд, Мариана была слишком расчетлива, чтобы позволить себе от горя неверно оценить ситуацию, и уже вполне созрела, чтобы начать охоту за мужем номер два.

Отец написал матери, что согласен с нею, и пытался уговорить Мариану остаться в Корнуолле. Но, как я и подозревал, Мариане не терпелось опять вспрыгнуть на шаткую карусель, на которой все еще кружилась аристократия. Ее пригласили в гости друзья из Шотландии, и, объявив, что Пенмаррик «слишком ужасен, чтобы выносить его хоть секундой больше», она уехала на север от Эдинбурга и провела последующие два года, перелетая, как потерянная бабочка, из одного сельского особняка в другой.

– Молодой вдове не годится так себя вести, – резюмировала мать, но теперь в ее голосе ощущалось скорее неодобрение, нежели беспокойство. – Если она не станет осторожней, о ней начнут говорить.

– Да ладно, мама! – попытался я рассеять ее мрачное настроение. – Что плохого в том, что Мариана навещает друзей?

Мать поджала губы и покачала головой, но, к моему немалому облегчению, оставила гнетущие мысли при себе.

У меня же в то время было слишком много своих забот, чтобы беспокоиться о Мариане. Под морем мы обнаружили изрядное богатство; и правительство, и шахтеры были удовлетворены. Но наш успех привел к тому, что организационной работы стало так много, что часто я даже не успевал спускаться под землю, а занимался лишь бесконечными делами на поверхности. Мы наняли еще шахтеров, налаживали сменную работу, назначали главных по смене, брали людей для работы на поверхности, необходимой для функционирования шахты. Плотники и пильщики не знали отдыха, потому что шахта поглощала столько дерева, сколько едва успевали заготовить в Сент-Джасте. Шахтеры регулярно проверяли насосы, в администрации постоянно шла бумажная работа, заполнялись бланки, велись счета. Я нанял опытного казначея в помощь никудышнему чиновнику, назначенному правительством, и проводил часы с поверенным отца, Майклом Винсентом, который постоянно крутился на шахте, наблюдая, все ли делается в соответствии с законом. Мое собственное положение все еще было теоретически неясным, но на деле я по-прежнему возглавлял предприятие. Как мне это удавалось, не знаю, но, несмотря на мою неопытность, Тревоз никогда не предпринимал серьезных шагов, не посоветовавшись со мной, точно так же поступали управляющий,

назначенный правительством, и казначей. Начальником был я. Все это было очень загадочно, но, поскольку в результате я проводил под землей с шахтерами столько времени, сколько мог, я был счастлив, как никогда в жизни.

Правительство платило мне щедрое жалованье, часть которого я отдавал матери, но большую часть помещал в банк. Теперь я испытывал больше уважения к деньгам, чем когда пять лет назад покинул отцовский дом в Лондоне, но, коль скоро моя шахта была обеспечена, они меня все же не слишком интересовали.

Шли месяцы. Едва я успел настолько погрузиться в работу, чтобы забыть обо всех проблемах, даже о чувстве вины из-за войны, как отец, за неделю до моего двадцать первого дня рождения, разыскал меня и принудил принять приглашение на ужин в Пенмаррик.

5

С тех пор как открылась шахта, отца я временами видел, потому что он посещал ежемесячные собрания, где обсуждались дела на шахте. Но он, очевидно, решил вмешиваться в происходящее на шахте как можно меньше и предпочитал держаться в стороне, мы с ним ухитрялись не ссориться. Полагаю, мы могли бы видеться и чаще чем раз в месяц, но этого не случалось. Честно признаться, тут была моя вина, не его. Он поздравил меня с открытием залежи и несколько раз приглашал в Пенмаррик, но я всегда находил предлог отклонить его приглашение. Я бы мог проигнорировать и этот ужин, если бы он пригласил меня в письменной форме, но произошло по-другому. На этот раз он поступил умнее. Однажды вечером он появился на шахте, встретил меня, когда я выходил из раздевалки, и пригласил прилюдно. Поскольку вокруг нас было с дюжину шахтеров и у всех ушки на макушке, я не смог придумать хорошего предлога, чтобы отказаться, и обещал прийти. Приглашение было на вечер того же дня, так что мне и позже уже было некуда деваться. Я попытался было сослаться на отсутствие у меня вечернего костюма, но отец сказал, что ужин будет неформальным; Жанна и Элизабет с гувернанткой на неделю уехали в Эксмут, Джан-Ив в школе, Уильяма дома вечером не будет; мы поужинаем вдвоем.

– Мать… – начал я.

– Я заготовил для нее записку, – сказал он. – Кто-нибудь из младших конюхов немедленно отвезет ее на ферму Рослин.

Он продумал все.

– Очень хорошо, – сказал я без особого энтузиазма. – Как хочешь.

Мы вместе молча поехали в Пенмаррик, а войдя в дом, отправились в библиотеку в ожидании ужина.

Отец предложил мне выпить.

– Я не прикасаюсь к крепким напиткам, – сказал я.

– Как это мудро. Может быть, сидр?

– Лучше пиво.

– Конечно, – сказал он и велел дворецкому принести из погреба бутылку. В Пенмаррике был новый дворецкий. Старый Медлин наконец ушел на пенсию, чтобы нянчить свою подагру, и Джеймс, первый ливрейный лакей, который, как оказалось, был Медлином Младшим, занял место своего отца. Медлину Младшему было лет пятьдесят, это был человек с мягкой поступью, очень ловкий и уверенный в себе. Я задался вопросом, удается ли ему ладить с экономкой, но, разумеется, не стал заводить разговор об Элис Пенмар.

Отец попытался заговорить со мной о шахте, но обсуждать ее с ним было неинтересно, поэтому говорил я мало. В сущности, мне вообще было скучно с ним общаться, и вскоре он понял, насколько ошибся, пригласив меня в Пенмаррик так, словно мы были старыми друзьями.

Ужин был ужасен. Он опять попытался заговорить о шахте и опять без толку. Потом он начал расспрашивать меня о моих друзьях, но, услышав, что все они – из рабочего класса, поинтересовался, поддерживаю ли я связь со школьными друзьями.

Я ответил, что нет.

Он спросил, не получал ли я новостей от Питера Уеймарка, Джорджа и Обри Карнфортов и Фрэнсиса Сент-Энедока, которые воевали за границей.

Я сказал, что нет.

Он спросил, не вижусь ли я с девочками Уеймарк, двумя сестрами Питера, которые жили на ферме Гернардз.

– Нет.

– Ты, похоже, мало общаешься с девушками.

– Да, мне сейчас и без них дел хватает.

– Может быть, это и правильно. Мне было бы жаль, если бы ты сейчас влюбился и захотел жениться. Ранний брак – это ошибка.

Я положил себе еще овощей.

– Тебе лучше знать, – сказал я.

После этого мы замолчали. После долгой паузы отец снова заговорил.

– На следующей неделе тебе исполнится двадцать один год, – сказал

он. – Как неудачно получилось, что идет война и никого нет на месте! И все же мы это как-нибудь отпразднуем. Чего бы тебе хотелось?

– Поставить друзьям выпивку в пабе, – отвечал я. – Поиграть в дротики с Аланом Тревозом. Поужинать с матерью.

– Почему бы тебе не пригласить ее на ужин в Пенмаррик? Будут девочки, и мы могли бы еще позвать…

– Спасибо, нет.

– Может быть, тебе захочется ненадолго прийти одному? Мы бы выпили шампанского за твое здоровье.

– Спасибо, нет.

Он пожал плечами:

– Ну, как хочешь.

Мы закончили ужин. Со стола убрали, и он предложил мне бокал портвейна, от которого я отказался, уже подумывая, как бы поскорее уйти, когда Медлин Младший на цыпочках вошел в комнату с конвертом на серебряном подносе.

Отец взглянул на конверт и побелел.

– Только что принесли, сэр, – прошептал Медлин. – Специальный посыльный. С почты из Пензанса.

Это была телеграмма.

Сердце сильно заколотилось у меня в груди. Я подумал: «Адриан мертв». А когда посмотрел на отца, в голову мне пришла непростительная мысль: «Так ему и надо». Но я немедленно подавил эту мысль и ради отца стал надеяться, что Адриан жив.

Отец взял конверт. Медлин отошел и замешкался у буфета, но, не в состоянии придумать подходящий предлог, чтобы остаться в комнате, вышел в холл и тихо прикрыл за собой дверь.

Мы остались одни.

– О боже, – сказал отец, разрывая конверт. – Боюсь, плохие новости.

Он вынул листок с телеграммой, тщательно расправил его и надолго уставился в текст.

Я спросил неверным голосом:

– Адриан? Он погиб? Адриан погиб?

Он поднял на меня глаза. Лицо его посерело, глаза покраснели.

– Не Адриан, – ответил он. – Маркус. – Потом с трудом поднялся на ноги, сказал мне очень вежливым голосом: «Извини!» – и, шатаясь, как слепой, вышел из комнаты в холл.

Глава 3

Неожиданная смерть молодого (Генриха) от дизентерии стала печальным ударом для его отца… Молодой Генрих был единственным членом семьи, у которого не было ни малейшего признака политической мудрости, военных навыков, ни даже элементарной рассудочности, но, в конце концов, всего этого от сказочного принца и не требуется… Он был высок, красив, жизнерадостен и великолепно непредусмотрителен.

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

Ричард был практически независимым правителем Аквитании. Он… вел себя так, словно Англия была иностранным государством…

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

1

Немного погодя я тоже прочел телеграмму. Маркус даже не погиб в бою. Он умер от дизентерии через три недели после того, как ему исполнилось двадцать три года.

Я встал, подошел к окну, отдернул шторы. За окном простиралась усадьба Пенмаррик. Я видел лужайку, где мы с Маркусом, бывало, бегали детьми, ночной корнуолльский воздух под бледным вечерним небом был прохладен. Я вспомнил, как видел его в последний раз, снова услышал его голос, беззаботный смех и его уверенное: «Даю немцам ровно полгода!» – вспомнил, как он меня раздражал, как нетерпелив я был с ним, как часто отмахивался от него, как от болвана.

Тупые ногти вонзились в ладони.

Я принялся ходить по комнате взад-вперед, каждые несколько минут брал в руки телеграмму и перечитывал ее. Помимо воли мне вспоминались вещи, о которых лучше было и не вспоминать: как Маркус любил жизнь, как ненавидел ссоры, какой незаслуженной была эта его ранняя смерть; он мог бы геройски погибнуть от пули врага, но нет – даже в этом ему было отказано. Вместо этого он умер от какой-то дурацкой болезни и теперь был мертв, и мне больше никогда его не увидеть, потому что смерть – это конец, потому что нет Бога и жизни после смерти, и теперь для Маркуса нет ничего, кроме пустоты, отсутствия и небытия.

На лбу проступил пот. Рука дрожала. Пройдя через холл, я вышел наружу через переднюю дверь на подъездную дорожку. Постоял, большими глотками захватывая свежий воздух, потом побежал к конюшням, вывел свою лошадь и пустил ее галопом вдоль по дорожке. Я мчался с такой скоростью, словно пытался оставить позади примитивный и позорный страх смерти; мчался до тех пор, пока лошадь не стала задыхаться от усталости. Доехал до Сент-Джаста, там спешился, вошел в паб и заказал самую большую порцию бренди, на какую у меня хватило денег.

2

Из Зиллана, чтобы побыть с матерью, приехал мистер Барнуэлл, и даже отец прибыл из Пенмаррика, но они мало что могли сделать. Сам же я чувствовал себя бесполезным, ощущая, что ничем не могу ей помочь, – слишком я был расстроен случившимся, слишком мне не хотелось, чтобы отец мешался в ее дела, когда у нее такое горе, и пытался дать ей то малое утешение, какое и я мог бы ей предложить. Когда отец со священником наконец ушли, я почувствовал облегчение, несмотря на то что в глубине души тяготился необходимостью разделить с матерью ее горе. Я терпеть не мог, когда она чувствовала себя несчастной. Я был не в силах видеть ее в горе. Но я терпел, как мог, до тех пор, пока она постепенно не смирилась со своим горем и не вернулась к жизни в привычном ритме.

Однако в 1916 году ей суждено было хлебнуть еще больше горя. Осенью наконец умерла ее дальняя родственница Гризельда, и, хотя у старухи был тяжелый характер, мать была очень опечалена ее смертью. Гризельда заботилась о матери, когда та была маленькой, а мать, в свою очередь, потом заботилась о ней; женщина с менее щедрой душой стыдилась бы такого непрезентабельного напоминания о своем нищем прошлом, но даже когда мать стала хозяйкой Пенмаррика, она приняла

меры к тому, чтобы у Гризельды был свой маленький уютный домик неподалеку от усадьбы.

Наступил 1917 год. Когда я о нем вспоминаю, мне кажется, что это был самый тяжелый год войны, по крайней мере для тех из нас, кто оставался в Англии. Теперь, оглядываясь назад, легко говорить, что все складывалось не так уж и плохо, потому что мир был близок, но в то время мнилось, что до него еще очень далеко, а война казалась более тяжелой, чем прежде. Нехватка самого необходимого стала хронической; позже мы узнали, что к апрелю запасов продовольствия оставалось только на полтора месяца. Немецкие подводные лодки пытались уморить нас голодом и заставить сдаться, и в первые же несколько месяцев года почти два миллиона тонн грузов оказались на дне моря. Теперь считается, что рейды немецких подводных лодок заставили Соединенные Штаты вмешаться и нарушить равновесие сил, но внутри страны последствия карточной системы, трудности и лишения окутывали перспективу мраком.

В Лондоне выгнали Асквита, и правительство оказалось в руках у Ллойд Джорджа. «Это хорошо», – подумал я, потому что инертность Асквита мешала ему эффективно руководить страной в условиях войны. Но к тому моменту трудности общественной жизни достигли того предела, когда для рядовых граждан новая рука у кормила власти уже ничего не меняла. За границей кровопролитие продолжалось с прежней силой; продвижение вперед на пять миль в Пассенделе стоило жизни тысячам наших солдат, в то время как Россию, которая пребывала в состоянии военного коллапса, разваливала революция. Нас в Корнуолле Россия не слишком интересовала, а вот резню в Пассенделе мы приняли близко к сердцу.

Потери и горе тех, чьи родные погибли, были чудовищны.

Из моих корнуолльских сверстников погибли Джордж Карнфорт – в 1915 году, а двумя годами позже последовал за ним его брат Обри; их отец сэр Джастин к тому времени был уже вдовцом, и у него осталась только дочь Фелисити. Питер Уеймарк был покуда жив, и Фрэнсис Сент-Энедок тоже, но многие из менее знатных жителей Корнуолла нашли на чужой земле свою смерть, поэтому меня не слишком удивлял панический страх матери за жизнь Хью. Я безуспешно убеждал ее, что Хью находится достаточно далеко от линии фронта, чтобы его убили; она была убеждена, что больше никогда его не увидит, вдобавок ко всему Хью был никудышным корреспондентом. В тех редких случаях, когда он заставлял себя написать письмо, мы только и узнавали, что французские нужники примитивны, а французская кухня не заслуживает своей репутации, а в

личном письме ко мне, адресованном на шахту, он признавался, что ему скучно и очень хочется домой, что все французские женщины одинаковы, что ни одна из них и в подметки не годится Ребекке Рослин. Не видел ли я Ребекку? Он пишет ей каждую неделю на адрес коттеджа Чарити Рослин в Сент-Джасте, но она давно ему не отвечала, и он боится, что Джосс Рослин мог узнать об их переписке. Не могу ли я повидаться с Ребеккой и узнать, в чем дело? Не ухаживает ли за ней какой-нибудь мужчина? Хью просил передать, что он целыми днями думает о ней и ждет не дождется, когда окончится война и он ее снова увидит.

Тогда мне первый раз пришло в голову, что к его увлечению Ребеккой надо относиться серьезно. Когда Чарити подтвердила, что Ребекка с тринадцати лет по уши влюблена в Хью, я начал думать, что в один прекрасный день он может на ней жениться, но матери ничего не сказал, боясь ее расстроить, и просто написал Хью, что Ребекке так же не терпится его увидеть, как и ему ее.

– Хоть бы поскорее кончилась эта война, – все вздыхала мать. – Хоть бы поскорее Хью вернулся домой…

Домой вернулся Адриан. В октябре 1917 года его ранило, и, хотя и не став инвалидом, он несколько недель провел в госпитале. После выписки его признали негодным к военной службе, и к Рождеству он после трехлетнего отсутствия вернулся в Пенмаррик.

И Жанна, и Элизабет были от него в восторге. За храбрость он заработал несколько разноцветных ленточек, что, безусловно, было заслугой, но девочки явно перебарщивали, говоря о нем с сияющими глазами, затаив дыхание. Мне пришлось им обеим резко напомнить, чтобы они не упоминали его имени в присутствии матери.

– Жаль, что ты даже не пытаешься полюбить Адриана, Филип, – робко сказала Жанна, когда мать вышла из комнаты. – Он такой хороший, добрый, достойный человек. Я всегда удивлялась, почему вы не ладите.

– У нас нет ничего общего, – коротко ответил я, – мы все время друг другу мешали.

– Что ж, тебе же хуже, – сказала Элизабет, которая всегда отличалась прямолинейностью. Она сидела на кухонном столе, как всегда, ссутулившись, черные волосы в беспорядке обрамляли пухлое лицо, а черные глаза смотрели на меня с вызовом. Живот у нее торчал из-под юбки, а грудь под жакетом висела, как у женщины средних лет. Став подростком, она явно не похорошела. – С ним так интересно беседовать о Боге, о жизни, о цивилизации и тому подобных вещах. Ах, если бы я только могла ходить в школу! Меня уже тошнит оттого, что приходится учиться у этой дурочки

мисс Картрайт! Надеюсь, Адриан поможет мне убедить папу, чтобы он забыл о своих средневековых представлениях, будто образование женщине «ни к чему». Адриан, по крайней мере, понимает, насколько это для меня унизительно. Ведь я не смогу оценить величие греческой цивилизации, если не буду в состоянии отличить альфу от омеги? Так несправедливо не разрешать мне ходить в школу!

Вскоре после этого я случайно встретил Адриана в Сент-Джасте. Однажды вечером он с Уильямом входил в паб, а я оттуда выходил. Мне подумалось, что надо ему что-нибудь сказать, поэтому, когда Уильям ушел вперед, я попытался сделать ему приятное.

– Привет, – сказал я. – Добро пожаловать домой. Поздравляю с медалями.

Он с готовностью мне улыбнулся, свет упал ему на лицо, и я увидел у него складку вокруг рта и белый шрам у глаза. Он был болезненно худ и хромал.

– Спасибо, – сказал он. – Прекрасно опять очутиться дома. Поздравляю тебя с успехами на шахте. – А когда я кивнул и сделал шаг прочь, он добавил: – Может, выпьешь с нами?

– Мне нужно домой, – сказал я и пошел прямо через площадь, не дожидаясь ответа. Я счел, что выполнил свой долг по отношению к нему, и не собирался продолжать разговор.

Но у него были другие планы. После этого я видел его два раза, и каждый раз он пытался уговорить меня с ним выпить. В конце концов мне пришлось поговорить с ним откровенно.

– Послушай, – сказал я, – давай прекратим притворяться – терпеть не могу лицемерия! Ты мне не нравишься, как и я тебе. Так было всегда, и для меня ничего не изменилось. Оставь меня в покое, не приставай ко мне со своими ханжескими предложениями дружбы.

И тут он, как когда-то, бросился в драку, забыв о своем принципе «обходиться друг с другом по-хорошему», который, как он имел наглость мне рассказать, выработал, воюя в окопах. Я-то знал, что он только хотел подчеркнуть, что я оставался дома, а он рисковал жизнью. Таким образом, обменявшись оскорблениями, мы развернулись и пошли в разные стороны – стена вражды между нами была восстановлена, как огромный памятник горьким воспоминаниям прошлого.

3

В начале 1918 года Жанну отправили в школу в Истборне завершать образование и научиться хорошим манерам, но ей было так плохо вдали от дома, что отец разрешил ей бросить школу после первого же триместра. И все же кратковременное отсутствие Жанны в Пенмаррике дало один положительный результат. Лиззи удалось убедить отца, что после отъезда Жанны держать гувернантку бессмысленно, поскольку той уже нечему научить единственную оставшуюся ученицу, и отец, ворча, разрешил Лиззи посещать женский колледж в Челтнеме, знаменитую частную среднюю школу для девочек. Чуть не выпрыгивая из школьной формы от возбуждения, в конце апреля она отправилась на свой первый триместр, и несколько недель мы ее на ферме не видели.

Тем временем герой Лиззи Адриан решил отправиться в Оксфорд изучать историю. Я почувствовал смутное облегчение, больше не рискуя столкнуться с ним в Сент-Джасте, но в то время у меня были более важные заботы, и долго я об Адриане в тот момент не думал. Наконец всем стало казаться, что война подходит к концу; в начале года немцы перешли в наступление на Сомме, в Ипре и на Эне и снова достигли Марны, но после этого маршал Фош, фельдмаршал Хейг и генерал Першинг повернули события вспять, и в конце сентября высшее немецкое командование начало задумываться о мире. В результате одиннадцатого ноября было подписано перемирие; ко всеобщему облегчению, война наконец закончилась, но еще до того, как ликование улеглось, я начал волноваться о своей шахте.

Номинально правительственная аренда заканчивалась в конце года; за четыре года интенсивных военных действий экономика страны очень ослабла, и теперь, когда нужда в олове уже не была такой большой, правительству не терпелось избавиться от шахты и снова превратить ее в частное предприятие.

К счастью, причин закрывать шахту не было, потому что мы работали безубыточно, а под морским дном оставалось еще много олова, но она требовала немалых инвестиций в основные фонды. Шахтеры, ответственные за ствол, жаловались, что скиповый подъемник требует ремонта, плотники принесли мне длинный список галерей, где прогнившие доски представляли собой опасность, а рабочие по водоотливу постоянно ругали насосы. Ко всему прочему на лестницах недоставало ступенек, изношенные рельсы главной дороги и лебедка тоже требовали ремонта.

Больше всего волновала меня безопасность шахтеров. Любая шахта потенциально опасна, но можно принять хоть какие-то меры, и мне хотелось, чтобы моя шахта была безопасна настолько, насколько возможно. Мне казалось, что хотя бы это я обязан обеспечить моим друзьям, которым

не оставалось ничего другого, кроме как каждый день спускаться под землю, чтобы заработать кусок хлеба, да и мне самому не больше их хотелось работать в смертельной опасности. Пусть другие владельцы шахт на Корнуолльском Оловянном Берегу поступают как хотят; их шахты не моя забота, к тому же всегда найдутся люди вроде Джареда Рослина, чтобы от имени шахтеров вести крестовые походы за безопасность, но Сеннен-Гарт был моим, и я был готов на многое, чтобы он стал самой безопасной шахтой в Корнуолле.

Главное для дела безопасности – это поддержание оборудования в хорошем состоянии, но выполнение этой задачи стоит денег, а денег у меня не было.

Поскольку я был убежден, что отец и пальцем не пошевелит, чтобы профинансировать шахту из собственного кармана, то сначала съездил в Лондон, чтобы попросить у правительства субсидию. Однако правительство, занятое финансовыми проблемами гораздо более широкого масштаба, чем шахта Сеннен-Гарт, было не в настроении раскошеливаться. Тогда-то мне и пришлось, сжав зубы, отправиться в Пенмаррик умолять отца поддержать безопасность работы на шахте и таким образом продолжить ее жизнь, ибо я знал, что без инвестиций она обречена. Проблема безопасности рабочих и жизни шахты была двумя сторонами одной медали, но я почти не надеялся, что отец способен увидеть за цифрами своего банковского счета благополучие шахтеров.

К моему немалому удивлению, он оказался более сговорчив, чем я ожидал; может быть, я недооценил то обстоятельство, что Сеннен-Гарт, несмотря на проблемы безопасности, стал прибыльным. В конце концов он, как собственник, решил выпустить акции «в качестве своего взноса в решение проблемы послевоенной безработицы, – как он осторожно мне объяснил, – и еще потому, что, если игроки готовы вкладывать деньги в спекуляции, они могут инвестировать и в Сеннен-Гарт», и дал мне полную свободу в управлении шахтой. Но, несмотря на все его замечания об игроках и спекуляциях, я заметил, что он поспешил купить шестьдесят процентов акций, как только представилась возможность. Поначалу я подумал: Пенмара в нем больше, чем он хотел признать, но вскоре понял, что он просто решил железной рукой управлять шахтой.

– Она будет работать только до тех пор, пока окупается, Филип, – твердо заявил он мне. – Если начнутся убытки, не жди, что я буду вкладывать в нее дополнительный капитал сверх пакета акций, которые держу. Более ни пенни из моих денег не будет вложено в эту шахту, поэтому позаботься о том, чтобы она работала наилучшим образом.

– Вам и не придется больше ни пенни вкладывать в шахту, – коротко ответил я ему. – Ваши доходы в качестве владельца земли и дивиденды от помещенного в дело капитала будут выше, чем вы можете себе вообразить.

– Посмотрим, – сказал отец.

И я тоже вскоре задумался. Все глубже вникая в положение дел на шахте, я узнал от казначея, что чистая прибыль стала тревожно маленькой. Зарплаты выросли; чтобы достать олово из-под земли, требовалось больше денег; рынок олова стал неустойчив, и цена его была уже не та, что прежде.

– Это ужасно! – протестовал я. – Мы добываем столько же олова, сколько и раньше, это видно из книг. А зарабатываем лишь четверть того, что получали раньше.

– Теперь другой экономический климат, – сказал казначей, умный человек средних лет по имени Уолтер Хьюберт. – Вам придется увеличить добычу, если вы хотите, чтобы прибыль была так же велика, как и раньше.

Я подумал: «Новое оборудование, новые технологии, больше людей…» С помощью нового капитала я мог модернизировать шахту и таким образом довести уровень безопасности до приемлемого, но сделать следовало гораздо больше, а у меня хватало денег лишь на самое необходимое. Не было и речи о том, чтобы нанять больше рабочих; я и так уже начинал волноваться о том, что будет, если прожиточный минимум подскочит еще выше; шахтеры потребуют повышения зарплаты, и прибыль тотчас понизится.

Шел 1919 год. Я начал осознавать масштаб проблем на Сеннен-Гарте, но даже тогда еще слабо представлял, какие баталии придется вести с отцом. Шахта, как всегда, поглощала все мое время; теперь я был занят тем, что пытался вдохнуть в нее новую жизнь, и был настолько погружен в свои проблемы, что с трудом мог уделять внимание семье. Но 1919 год принес массу неожиданностей. Хью наконец вернулся с войны и сбежал с Ребеккой Рослин, Мариана нашла себе второго мужа, а Адриан забросил учебу в Оксфорде, решив, что более всего на свете ему хочется стать священником.

4

Я нисколько не удивился тому, что Мариана решила вновь выйти замуж, потому что она серьезно охотилась на мужа уже более двух лет, но, должен признать, выбор ее для меня был удивителен и противен. Она стала женой бездетного вдовца пятидесяти пяти лет; это был маркиз Лохъялл,

хозяин дома в Эдинбурге, летней резиденции в Северном Бервике и неизменного замка из ста комнат где-то на Северо-Шотландском нагорье. Однажды апрельским утром Мариана потихоньку вышла за него замуж, а потом написала обоим родителям длинные письма с объяснениями, почему не поставила их в известность о своих намерениях заранее. Объяснения эти были достаточно невразумительными – на несколько страниц тянулся рассказ о том, как морально тяжело ей было в Шотландии, как обессилена она была тем, что за ней больше года ухаживали два поклонника, и как она избавилась от обоих, выйдя замуж за маркиза при первой же подвернувшейся возможности. Поскольку маркиз был «несколько старше их», она почувствовала себя с ним «в безопасности» и теперь «совершенно спокойна». Все было «восхитительно». Она его «обожала» и «доверяла во всем». В конце письма она обещала привезти его в Корнуолл, чтобы со всеми познакомить и чтобы мы все поняли, как разумно она поступила, выйдя замуж за человека «зрелого» и «доброго», который был «настоящим джентльменом во всех отношениях». Она была совершенно уверена, что мы все будем его «обожать» и «от всей души» одобрим ее выбор.

Не знаю, что подумал об этом вздоре отец, но мать мучили сомнения, и она, по ее словам, надеялась, что Мариана не вышла замуж, не подумав.

Я промолчал. К тому времени Мариана была уже достаточно взрослой, чтобы понимать, что делает, и, если ей хотелось жить в Шотландии с человеком, годящимся ей в отцы, это было ее дело, не мое.

Что же до Адриана, то я тоже ничуть не был удивлен, когда он вернулся к благочестивым наклонностям своего детства. Я легко мог представить его в сутане, призывающим паству просить Бога о милости ко всем нищим и страждущим. С облегчением я прикинул в уме, что, когда он станет священником, его отправят в какой-нибудь отдаленный приход и мне больше не придется его видеть, – признаться честно, это была приятная мысль.

Но в браке Хью я принял гораздо больше участия.

Мы приехали встречать его на станцию. Комиссование из армии задержалось из-за того, что теплое местечко адъютанта, занимаемое им, было так же трудно бросить, как и найти, а также по той причине, что важная персона, которой он должен был помогать в качестве адъютанта, после подписания перемирия была занята обеспечением безопасности во время мирных переговоров в Версале. Но вот мир наконец подписали, и Хью был почти дома; мать, вне себя от возбуждения, то и дело хватала меня за руку, словно боясь, что свалится с ног от радости. Я и сам был возбужден. Я давно, почти три года, не видел Хью, забыл о его неприятных

чертах и помнил только о том, каким он был хорошим приятелем и как здорово было бы увидеть его снова.

Когда поезд подползал к станции, мы увидели, как он, выглядывая из окна, ищет нас, и мать, бросив меня, побежала по платформе ему навстречу. Через секунду поезд остановился, дверь открылась, и он упал в ее объятия.

Выглядел он хорошо, волосы были выжжены солнцем чужой страны до бледно-золотого цвета, голубизна глаз подчеркивалась загаром. Ему был всего двадцать один год, но выглядел он старше, а тело под воинской одеждой было подтянутым и мускулистым.

– Уж ты-то всю войну прошел без единой царапины, – сказал я. – Я мог бы и сам догадаться.

Секундой позже, когда мы все еще смеялись от радости, прибыли отец и Жанна с приветственным словом из Пенмаррика. Элизабет и Джан-Ив были в школе, и я с радостью отметил отсутствие Уильяма и Адриана.

Когда прошли первые минуты смущенного воссоединения, отец сказал матери:

– Не хотите ли вы с Филипом пообедать в Пенмаррике? Дома сегодня только я и Жанна, поэтому было бы прекрасно, если бы мы все вместе отпраздновали возвращение Хью домой.

– Ну… – сказала мать, раздумывая над предложением и поглядывая на меня. – Может быть, да…

И тут неожиданно, без всякого предупреждения Хью нас покинул. Он полетел по платформе, как пуля, выпущенная из ружья, и, пока он бежал, я увидел Ребекку Рослин, спешившую к нему от входа на вокзал. На ней было мрачного цвета пальто, но под ним сияло изумрудного цвета платье, а из-под крошечной шляпки выбились темные волосы и, как флаг на ветру, развевались у нее за плечами.

Она влетела в объятия Хью и там и застряла. Последовавшие за этим объятия были предельно интимными, чуть ли не неприличными, и все повернулись на это посмотреть.

– Это Ребекка Рослин! – сказала удивленная Жанна. – А я и не знала, что Хью с ней знаком!

Я посмотрел на родителей. Выражение их лиц нельзя было назвать довольным. Узкие глаза отца стали еще уже, жесткий рот еще жестче, в то время как глаза матери расширились от удивления, и в них горело осуждение.

– Ну и ну! – воскликнул я, развеселившись. – Какое мелодраматическое воссоединение! Отец, ты и ее пригласишь в

Пенмаррик?

– Не сомневаюсь, что Хью уже сделал это, – мрачно сказал отец.

Так оно и было. Они шли к нам рука об руку, нежно улыбаясь друг другу и никого не замечая вокруг, а подойдя, радостно улыбнулись родителям.

– Мы с Ребеккой помолвлены, – с гордостью заявил Хью, и его так хорошо знакомый мне тонкий цинизм сменился искренностью, о которой я и не подозревал. – Мы три года ждали этого момента, правда, дорогая? Мы были тайно помолвлены перед моим отъездом, но договорились скрывать это, пока я не вернусь.

От удивления родители потеряли дар речи. Жанна открыла рот, словно для того, чтобы сказать: «Как замечательно!» – но потом неуверенно его закрыла.

– Очень мило, – сказал я. – Поздравляю.

– Поздравляю, – быстро повторила за мной Жанна. – Как замечательно! – Но в голосе ее прозвучала нервозность.

Мать посмотрела на отца. Отец посмотрел на Ребекку.

– А ваши родители уже знают об этом? – вежливо спросил он. – Отец одобряет ваш выбор?

Девушка покраснела, но в глазах ее еще светилось счастье.

– Я пока не говорила родителям, мистер Касталлак.

– В таком случае разве это не слишком… преждевременно? Полагаю, Хью, ты собираешься просить у мистера Рослина руки его дочери?

– Послушай, папа, – сказал Хью, счастливый, но совершенно спокойный, – ты же знаешь, что сказал бы Джосс Рослин, если бы я это сделал! Ребекке в августе исполнится двадцать один, и мы сразу после этого обвенчаемся. Мы все знаем, что Рослин не одобрит этого брака, но я не вижу причин, почему бы нам не пожениться, когда Ребекке уже не понадобится его согласие.

– Понимаю, – по-прежнему любезно сказал отец. – Очень интересно. Впрочем, платформа Пензанса вряд ли подходящее место для обсуждения таких важных семейных дел. Мисс Рослин, предлагаю вам отобедать с нами в Пенмаррике, а позднее мы обсудим ситуацию в деталях.

– Я уже пригласил ее на обед, – весело заявил Хью, – и она согласилась. Папа, у тебя есть место в машине или нам с Ребеккой лучше добраться самим?

– В машине вам обоим найдется место, – коротко сказал отец. Он повернулся к матери. – Джанна, если ты не против того, чтобы ехать с нами в машине, то Жанна поедет с Филипом в коляске. Так тебе будет удобнее,

ведь ты наверняка хочешь поговорить с Хью.

Все расселись по местам, и мы с Жанной поехали в коляске, а машина покатила впереди нас.

– Что ж! – сказал я. – Пусти козла в огород! Интересно, какую позицию займет отец. Я уверен, что они с матерью будут возражать против этого брака.

– Путь к настоящей любви никогда не бывает легким, – сказала Жанна, которая в глубине души была неисправимо романтична. – Она хорошенькая, правда? И я понимаю, за что Хью ее любит. Мне все равно, даже если она неподходящая для него пара. Как приятно думать, что они переписывались почти четыре года, были верны друг другу…

Зная привычки Хью, я засомневался, что он был способен вести безупречную холостяцкую жизнь в течение четырех лет, но Жанне, разумеется, сказать этого не мог. Она уже примеряла женский, романтический взгляд на происходящее и размышляла, что наденет на свадьбу. Я же думал о том, что произойдет в Пенмаррике.

В сущности, то, что случилось, было вполне предсказуемо. Родители наконец выступили единым фронтом; никому из них не хотелось, чтобы в жилах их внука текла кровь Джосса Рослина. После обеда отец объявил, что, хотя они с матерью ничего против Ребекки не имеют, согласие на этот брак не смогут дать до тех пор, пока Хью не получит согласие Рослина.

– Ну и что! Мы все равно поженимся, – позже, когда мы остались одни, беззаботно сказал мне Хью. – Когда Ребекке исполнится двадцать один год, кому будет дело до того, что думают наши родители? Кроме того, вряд ли папа будет долго настроен против нашего брака, ведь он сам женился очень молодым на женщине из низшего класса.

– И посмотри, чем все кончилось!

– Да, но из этого не следует, что мой брак станет таким же!

– Правда… Жаль, что она дочь своего отца. Не думаю, что они возражали бы, если бы Ребекка не была дочерью Джосса Рослина.

– Но ведь это не ее вина, черт побери! Бедная девочка, она до смерти его боится. Жду не дождусь, когда смогу забрать ее из этого дома. Она влачит там жалкое существование, а теперь, когда ее мать больна, все обстоит в десять раз хуже.

– А что с ее матерью?

– Точно не знаю. Но боюсь, что дело серьезное, потому что она отказывается обсуждать это с Ребеккой.

Наступило молчание. Через минуту я с любопытством сказал:

– Во Франции ты, конечно, не был верен Ребекке.

– Я ни в кого не влюбился. Люблю я ее.

– Но ты…

– О боже, ну естественно, я пользовался женщинами из лагеря! Но какое, черт побери, это имеет отношение к любви? Разве ты смог бы прожить почти три года совсем без женщин?

Я промолчал. Я никогда не разделял готовность Хью ложиться в постель с любой, лишь бы представилась возможность. Я даже иногда подумывал завести короткую интрижку, чтобы понять, почему подобное времяпрепровождение его так притягивало, но так ни разу и не встретил женщины, привлекающей меня настолько, чтобы забыть о риске, который с этим связан. Я не хотел, чтобы какой-либо слух о моем неподобающем поведении достиг ушей матери. Не хочу сказать, что она не поняла бы меня, если бы мне вздумалось поразвлечься с какой-нибудь деревенской девушкой, но она и без того достаточно страдала от измен отца, и мне не хотелось, чтобы она страдала еще и от моих беспорядочных связей.

Чтобы переменить тему, я коротко спросил:

– На что ты думаешь жить, когда женишься? Тебе нужна будет работа – папа ничего тебе не даст, пока настроен враждебно к твоему браку, а от Джосса Рослина не дождешься и пенни.

– А-а-а… – Хью зевнул, словно это было каким-то пустяковым делом. – Найду какое-нибудь место, где платят максимум денег за минимум усилий. Придумаю что-нибудь. – Он лениво улыбнулся мне своими голубыми невинными глазами. – Мне всегда удавалось зарабатывать деньги.

Я тоже улыбнулся, но если бы я знал источник его будущего заработка, мне было бы совсем невесело. Незаметно для нас обоих наша дружба беспечно плыла к скалам, о которые навсегда разобьется.

5

Они поженились пятью неделями позже, сбежав в Лондон сразу после того, как Ребекке исполнился двадцать один год. Каким-то образом им удалось утаить помолвку от Джосса Рослина, хотя Ребекка рассказала о ней матери, которая за спиной мужа поощряла этот роман, насколько могла. Но могла она мало, поэтому ее поддержка была чисто символической; она умерла за месяц до дня рождения Ребекки и была похоронена в соответствии с ее пожеланиями и против желания мужа: в Сент-Джасте, рядом с семейной усыпальницей Пенмаров.

Можно себе представить, что подумал Джосс Рослин о бегстве дочери вскоре после похорон жены. Он закрылся у себя на ферме на неделю, ни с кем не разговаривал, давая злости кипеть в одиночестве. Когда же вышел из дома, то поехал в Сент-Ивс – «повидаться с юристом, – сказала прислуга моей матери, Этель Тернер, которая всегда все знала, – чтобы вычеркнуть мисс Ребекку из завещания, вот так-то. У Джосса Рослина появилась уйма денег, когда он женился на мисс Клариссе Пенмар, но теперь он не даст мисс Ребекке ни пенни».

Поначалу наши родители пришли в такую же ярость, как и Рослин, но у Хью было достаточно обаяния и хитрости, чтобы при желании обвести вокруг пальца кого угодно, и вскоре он смягчил сердце матери двумя елейными письмами, которые обильно сдобрил сантиментами, прося прощения у дорогой мамочки. Я ничуть не удивился, когда она раздобрилась до такой степени, что разрешила молодым остаться на ферме по возвращении в Корнуолл из Лондона и даже выделила им ферму, сдававшуюся внаем, в качестве свадебного подарка; этот коттедж принадлежал Джоссу Рослину, но мать выкупила его, когда вернулась на ферму из Пенмаррика, и несколько лет он пустовал. Мне казалось, что я тоже должен сделать что-то вроде свадебного подарка, поэтому я предложил оплатить проводку канализации, покраску стен и прочистку дымохода.

– Как ты добр! – воскликнула Ребекка с сияющими глазами. – Большое спасибо. – Она повернулась к мужу. – У нас все-таки будет свой собственный дом, Хью!

– Да, – сказал Хью, который всегда смотрел свысока на деревенские жилища. – Это будет очень мило.

На следующий день он отправился в Пенмаррик мириться с отцом.

В целом это удалось ему в большей степени, чем я ожидал. Отец отказался в дальнейшем платить ему содержание, не предложил и никакой другой финансовой помощи, но сказал, что будет рад видеть Ребекку, и пригласил их на ужин в конце недели. Когда они приехали, он подарил им столовый сервиз и серебряный кувшин и пожелал счастливой совместной жизни; он был слишком умен, чтобы дать им чек вместо подарка, но Ребекке все равно впоследствии пришлось умолять Хью не закладывать серебро. Как бы то ни было, они помирились с отцом и были приняты в Пенмаррике, так что Хью чувствовал, что сделал шаг в правильном направлении. Он был уверен, что вскоре ему удастся убедить отца снова выплачивать ему месячное содержание, и у меня было подозрение, что отец в конце концов уступит, сунет им денег и простит.

К несчастью, Джосс Рослин не был готов последовать примеру отца. Однажды в воскресенье после их возвращения из Лондона он ворвался на ферму и заявил Ребекке при всех, что послал ее к черту вместе с ее матерью и больше не хочет ее видеть.

Мы все вскочили. Хью побагровел от ярости, наша мать порозовела от негодования, а какого цвета был я, не знаю. Но Ребекка заставила нас всех замолчать. До того момента она была так тиха и вежлива, что мать за спиной называла ее бесцветной, но тут-то мы и увидели настоящую Ребекку, и вскоре стало ясно, что это слово никак ей не подходит.

– Не смей так говорить о матери! – Слова прозвенели на кухне фермы, а в ее тихом, нежном голоске неожиданно зазвучал грубый корнуолльский акцент. – Она была настоящей леди. Не понимаю, что заставило ее выйти за тебя замуж, она же и слова доброго от тебя не слышала. У тебя, как только ты наложил свои грязные лапы на ее деньги, и секунды для нее не находилось! Я знаю! Она мне говорила! Ты женился на ней только затем, чтобы жить в большом доме, иметь много земли и притворяться джентльменом. Ты – джентльмен?! Боже! Да ты маме и в подметки не годился, не то чтобы жить с ней под одной крышей!

– Замолчи! – заорал Рослин. – Я любил твою мать! Она вышла за меня, потому что не хотела больше быть леди, но когда она стала женой фермера, то ей эта жизнь понравилась не больше, чем жизнь леди в Пенмаррике! Она была мне плохой женой, вечно только ворчала и жаловалась, не умела поддерживать порядок в доме, готовила невкусно, а молоко у нее всегда прокисало…

– …потому что ты скупился на деньги для прислуги! Ты – при всем том богатстве, что она тебе принесла, когда ты на ней женился! Ты хотел, чтобы она стала домохозяйкой, как жена дяди Джареда, у которой каждый год рождаются дети…

– Закрой свой поганый рот и помолчи о детях! Скажи лучше спасибо Господу за то, что ты вообще родилась! Она не хотела никаких детей! Она даже не захотела родить мне сына! Все, что я получил, – это одну убогую дочь, а потом она сказала, что больше не станет рожать…

– …потому что не хотела давать жизнь девочкам и слушать, как ты жалуешься, что они не мальчики! Она знала, какой ты! А как, ты думаешь, я себя чувствовала, не понимая, почему ты никогда не показывал и капли любви ко мне? Я думала, что я уродина, что у меня какой-нибудь ужасный дефект. Ты что, думаешь, мне не хотелось убежать из того ужасного дома? Я оставалась там ради матери, а как только она очутилась в могиле, я была рада оттуда сбежать. Оставь себе свои нечестно добытые деньги, огромный

дом и процветающие земли! Они мне не нужны. Я сыта тобой по горло, и если ты никогда больше не пожелаешь со мной заговорить или встретиться, то я буду только рада!

Мы все заговорили, перебивая друг друга. Хью угрожал отцу Ребекки физической расправой, я кричал, чтобы он убирался с моей земли, мать говорила, что ему должно быть стыдно так обращаться со своей собственной плотью и кровью. Он не стал никого слушать. Сплюнул на пол, проклял всех нас и ретировался во двор к лошади.

Ребекка расплакалась.

Пока Хью и мать суетились вокруг нее, я вышел за Рослином во двор, но он уже скакал по пустоши к Морве. Я смотрел ему вслед, пока он не скрылся из виду.

После этого Хью и Ребекка оставались под материнской крышей всего две недели, а потом уговорили отца разрешить им пожить в Пенмаррике, пока в их коттедже идет ремонт. Когда они уехали, я почувствовал облегчение. Мне надоело каждый вечер, вернувшись с шахты, убивать время на разговоры с Хью. Ребекке мне сказать было нечего, а видеть их счастливые лица становилось утомительным. Мне надоели все эти интимные улыбки и многозначительные взгляды, я злился, когда мне мешали спать по ночам. Мать отдала им свою спальню, потому что это была единственная комната с двуспальной кроватью, а поскольку моя комната была рядом, мне были слышны все звуки, доносившиеся оттуда. Мне было безразлично, сколько раз за ночь Хью хотелось заниматься с женой любовью, но я не понимал, почему должен лишаться сна из-за его затянувшегося медового месяца.

К моему удивлению, мать тоже почувствовала себя легче, когда молодые переехали с фермы в Пенмаррик.

– Ребекка начала меня раздражать, – призналась она. – Два раза мы чуть не поссорились. Знаешь, я не верю, что она и вполовину так тиха и послушна, как хочет казаться. Чем больше я ее узнаю, тем более своевольной и упрямой она мне кажется. Если Хью с самого начала не будет с нею тверд, он рано или поздно хлебнет лиха.

– Что до меня, – сказал я, – то я считаю, что лиха хлебнет она. Откуда он возьмет денег, чтобы содержать семью? Он совершенно не хочет зарабатывать на жизнь и честно трудиться.

Но я его недооценил. На следующее утро я сидел за столом в хибарке около дома, где работали счетоводы, и пытался справиться с горой бумаг, о которой Уолтер Хьюберт, казначей, сказал, что они «не совсем по его части». Не было это и по моей части, но Уолтер был перегружен, а я из

экономии отклонил его просьбу нанять еще одного клерка, поэтому у меня не было другого выбора, кроме как попытаться разобраться в бумагах самому. Я как раз уже начал мрачно размышлять, успею ли спуститься под землю до звонка на пересменок, когда в дверь моей хибары постучали.

– Входите! – прокричал я, надеясь, что Уолтер пришел сказать мне, что работа все-таки была по его части.

Дверь открылась. На мой стол упала тень. Я поднял глаза.

– Великий Боже! – воскликнул я в удивлении. – Что ты здесь делаешь?

– Предлагаю свои услуги, – непринужденно заявил Хью, одетый в свой лучший сельский костюм из твида. – Тебе ведь нужна помощь со счетами? Я очень умело обхожусь с деньгами. Пришел узнать, не возьмешь ли ты меня в качестве помощника казначея, главного клерка и вообще доверенного лица.

Глава 4

Джеффри женился на Констанс, наследнице Бретани, и получил титул герцога этого скалистого уголка Франции… Элеанор с самого начала невзлюбила свою бретонскую невестку.

Томас Костен.

Семья завоевателей

Беда Джеффри состояла в том, что его медвяное красноречие всего-навсего служило приправой низкого лицемерия. Роджер Хоуденский не мог упомянуть его имени без того, чтобы не выругаться, и считал, что именно от него происходили все несчастья среди братьев.

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

1

– Испытай меня, – предложил Хью. – Я всему научусь. Ведь я не дурак.

Это было привлекательное предложение. Едва оправившись от потрясения, я принялся всерьез рассматривать его замысел. К собственному неудовольствию, мне все больше и больше приходилось лично заниматься деловыми вопросами, потому что Уолтер Хьюберт был слишком занят, чтобы в одиночку справляться с бумажной работой, и чем чаще я бывал вовлечен в это, тем больше ненавидел офис и жалел о каждой секунде, проведенной вдали от шахты. И если бы Хью помогал Уолтеру в офисе, занимался отношениями с грузовой компанией, торговался с посредниками, следил за зарплатой, страховкой и продирался сквозь административные джунгли, я смог бы большую часть недели проводить в шахте. Было бы более чем приятно, если бы Хью взял на себя рутинные

аспекты управления шахтой, а поскольку Уолтер был уже не молод, то Хью мог перенять его опыт и, когда тот уйдет на пенсию, занять его место.

– Для начала я много не прошу, – скромно сказал Хью. – Мне бы только сводить концы с концами.

– Сколько ты хочешь?

– А сколько ты можешь дать?

Я посмотрел прямо в его невинные голубые глаза и все понял. Он урвет себе все, что сможет. Он никогда не поймет, что каждый пенни из прибыли нужно инвестировать в шахту, чтобы сделать ее лучшей и самой безопасной в Корнуолле. За спиной у Уолтера он накинется на прибыль, поменяет цифру здесь, цифру там, цифру где-нибудь еще, и, пока он будет снимать сливки, моя шахта начнет постепенно задыхаться в экономической удавке.

Я долго размышлял, прежде чем ответить. Я не мог сказать, что не доверяю ему, что считаю его бесчестным искателем приключений, желающим погреть руки на чем только можно. Не мог я признаться и в опасении, что он перехитрит меня, даже если я буду следить за ним день и ночь. Я не мог сказать: «Ты слишком хитер, слишком умен, поэтому я не хочу иметь с тобой дела». С другой стороны, я не хотел и лгать. Молчание затягивалось, и я задумался, почему такая ситуация не возникла прежде; я уже давно понял, что Хью нельзя доверять. Но поскольку мне никогда не приходилось поручать ему серьезного дела, меня не беспокоили неприятные черты его характера. Наши интересы никогда прежде не пересекались, и теперь, когда это случилось, ситуация складывалась чертовски трудная и чертовски неловкая.

– Послушай, Хью, – наконец осторожно сказал я, – я сейчас не могу позволить себе нанять еще одного человека. – И это была правда. – Шахте необходимо новое оборудование, – продолжал я, седлая своего любимого конька, – и хотя отец в прошлом вкладывал деньги в шахту, он поклялся, что не даст больше ни пенни, поэтому мы целиком зависим от прибыли. Мы еще даже не смогли выплатить дивиденды, поэтому на счету каждый грош. Извини.

– Понимаю, – сказал он по-прежнему доброжелательно и дружелюбно. – Позволь мне изложить это по-другому, и ты иначе посмотришь на ситуацию. Ты зарабатываешь деньги на этой шахте. Шахта платит тебе зарплату. Папа и другие акционеры не сделали и половины того, что сделал ты, но в последующие годы они получат назад свои денежки плюс прибыль. Другими словами, независимо от того, как близко к убыткам ты сейчас находишься, у шахты есть деньги, и я не понимаю,

почему бы мне не присоединиться к вам с папой в семейном деле. В конце концов, я тоже сын нашего отца, как и ты, а если тебе можно здесь работать, то я не понимаю, почему нельзя мне.

– Мне кажется, ты неточно оцениваешь ситуацию, – возразил я. – Мне нужны деньги для шахты.

– Мне тоже нужны деньги, – сказал он. – Мне нужны деньги для жены, а в июне понадобятся деньги и для ребенка.

– Ого! Быстро же ты дело сделал.

Он посмотрел на меня. Какое-то чуть уловимое изменение в его глазах заставило меня насторожиться.

– А что, есть что-нибудь плохое в том, чтобы зачать ребенка в медовый месяц?

– Вы ведь женаты всего пару месяцев, – сказал я. – Что же удивительного, если я говорю, что это быстро?

– Мне кажется, ты хочешь сказать, что я спал с ней с тех пор, как вернулся с войны.

– Честно признаться, мне наплевать, была ли она невинна, когда ты на ней женился, но, зная тебя, я не думаю, что ей было позволено хранить девственность так долго. Теперь о шахте…

– Она была девственницей.

– Как скажешь.

– И если ты хоть еще раз позволишь себе оскорбительное замечание в адрес моей жены…

– Хорошо, она была девственницей! Черт подери, кого это интересует! Она была девственницей, а теперь ждет ребенка, и тебе нужны деньги, чтобы стать отцом. Прости меня, мне бы хотелось тебе помочь, но я не могу взять тебя на работу, и все.

– Боюсь, что не все, – заметил он вежливо. – Мне очень жаль, что ты так туп. Я надеялся, что мы сможем прийти к полюбовному соглашению, которое нас обоих устроит, но теперь мне придется пойти к папе и попросить его вразумить тебя.

– К отцу?! Он-то какое имеет к этому отношение?

– Мне казалось, что шахта и шестьдесят процентов акций принадлежат ему.

Я встал. Он тоже поднялся. Я сжал кулаки, но взял себя в руки и сохранил спокойствие.

– Послушай, Хью, – сказал я. – Давай сразу все выясним. Шахтой управляю я. Я решаю, кого нанимать на работу. Я – начальник.

– Интересно. Скажу об этом папе. Он может с тобой не согласиться.

– Мое решение окончательное! Я не потерплю никакого вмешательства, и он это знает. Если ты думаешь, что можешь влезть в это дело и пробраться к деньгам…

– Это семейный бизнес, и я имею право на его часть. Мне не хочется формулировать это так грубо, но, поскольку ты так туп, мне придется разложить все по полочкам: я требую свою долю, а если ты мне ее не дашь, я доставлю тебе массу неприятностей. Вот так.

– А почему это отец станет слушать твои жалобы? Ты у него настолько в немилости, что он тебе даже содержания не дает!

– На папу произведет впечатление мое искреннее желание честно зарабатывать на жизнь в семейном деле, – сказал Хью голосом слаще сиропа. – А в какой восторг он придет, когда услышит, что скоро станет дедом! Не удивлюсь, если он пригласит нас жить в Пенмаррике и напишет завещание в мою пользу. Поскольку ему надо оставить кому-то свой капитал, почему бы не предпочесть сына, который женат, устроен, решителен, много работает, респектабелен, приятен, горит желанием угодить и во всем достоин похвалы? В этой части Корнуолла можно найти много денег, Филип, и, если бы ты не влюбился в старую грязную шахту и не довольствовался жизнью ремесленника, ты бы сам отправился на их поиски, а не заставлял бы меня таскать их прямо у тебя из-под носа. Но твой проигрыш – моя победа! Если я правильно разыграю карты и все пойдет как надо, то я, став хозяином Пенмаррика, приглашу тебя поужинать и, может быть, если ты хорошенько попросишь, выпишу тебе чек, чтобы помочь твоей забытой богом чертовой шахте!

– Убирайся, – процедил я сквозь зубы. – Убирайся – или я тебя вышвырну. И никогда не возвращайся.

– Ты думаешь, я не понимаю, почему ты не хочешь нанять меня на шахту? Ты думаешь, я не понимаю, что у тебя в голове? Прежде всего шахта, не правда ли, Филип? Каждый твой грош, каждая капля энергии твоего тела и все амбиции твоей души отданы шахте. Ты даже родному брату не дашь работу и зарплату, потому что тебе жаль, когда любая сумма, хоть самая маленькая, уходит с Сеннен-Гарта. Тебя не интересует ничего, кроме этой чертовой шахты! У тебя нет никаких пороков не потому, что ты хочешь быть праведником, а потому что шахта – это все твои пороки. А что такое эта шахта, черт побери? Дыра в земле! Темный ход в ее чрево! Огромная яма в миле от дневного света! И ради этого мне отказывают в работе и в возможности работать в семейном деле!

– А я и не ожидал, что ты меня поймешь! Ты не шахтер из Корнуолла. Ты не знаешь, что такое шахта, и никогда не поймешь.

– Ну-ну, перестань, Филип, ты ничуть не больше корнуолльский шахтер, чем я! Ты просто стараешься удовлетворить какую-то странную навязчивую идею!

– Если ты не веришь, что я настоящий корнуолльский шахтер, спроси Алана Тревоза, или Уилли Халлорана, или любого шахтера, который когда-нибудь работал вместе со мной! Они тебе скажут! Они меня знают, они знают, кто я!

– А кто ты? – сказал Хью. – Хладнокровный подонок, который окружает себя людьми из рабочего класса, живет вместе с матерью и даже не может уложить в постель лучшую шлюху между Лендс-Эндом и Сент-Ивсом.

Я ударил его, но он ждал этого. Он уклонился и нанес мне апперкот в подбородок, так что меня отбросило к стене. Тут он попытался уйти, но я ему не дал. Меня охватила ярость; перед глазами стоял туман; я ослеп от гнева. Когда он открывал дверь, я схватил его за воротник, дернул и дал волю кулакам. Но он быстро поднялся на ноги, подвижный и ловкий. Я не мог приблизиться к нему, как ни пытался, – он каждый раз сильным ударом отбрасывал меня прочь. Однако я продолжал драку. Мне уже показалось, что я загнал его в угол, и я прохрипел ему в лицо: «Ну что, маленький лгунишка?» – когда он ударил меня ниже пояса. Я согнулся от боли. Упав на пол, я смутно видел, как он открыл дверь, выскользнул наружу и захлопнул ее за собой.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Когда я смог двигаться, то пошел в медпункт, сказал Джеку Приску, который там дежурил, что неудачно упал, и глотнул бренди из медицинской бутылки. После этого я почувствовал себя лучше и посмотрел в зеркало. На скуле был синяк, губа разбита, поэтому я достал платок, нашел чистое место и приложил ко рту. Через минуту отнял и посмотрел на платок. На белом полотне сияло багровое пятно. Неожиданно, без всякой причины, я вспомнил, как на свадьбе Мариана проходила под витражами, и они отбрасывали багровый свет на ее рот. В следующую минуту меня вырвало. К счастью, я успел выйти из медпункта и не наследил там, но Джек Приск начал суетиться вокруг меня, говорить, что мне надо отдохнуть, и отправлял меня домой.

– Со мной все в порядке, – коротко сказал я. Наверное, напряжение сцены с Хью и его удар под дых плохо повлияли на желудок, но теперь мне стало лучше и хотелось только поскорее спуститься в шахту к друзьям. – Все хорошо, – сказал я Джеку. – Ничего страшного. Все хорошо. – И, все еще слизывая кровь с разбитой губы, я начал путешествие на сорок второй

уровень под корнуолльское море.

2

Тревоз назвал Хью сумасшедшим, сказал, что его оскорбления были полнейшей чушью. «Сумасшедший» и «чушь» – это самые печатные эквиваленты слов, которые он использовал.

– Проблема с мистером Хью, – мрачно сказал Тревоз, – в том, что он джентльмен, черт бы его побрал, и ни черта не знает о шахте. Конечно, ты ничуть не хуже любого корнуолльского шахтера! Конечно, ты любишь шахту! Все, кто с тобой работал, скажут то же самое. Мистера Хью просто завидки берут, сынок, вот так, потому что ему никогда не стать таким мужчиной, как ты, и у него никогда не будет столько друзей, как у тебя, а ежели это не так, то я не Алан Тревоз. Какой наглец, – говорил Тревоз. – Чертов джентльмен. – В устах Тревоза слово «джентльмен» было худшим оскорблением, и мне стало лучше. А эпитет «чертов» в его тираде прозвучал всего раз, но я не могу цитировать все его сквернословие.

Я рассказал ему, что отказал Хью в работе, и растолковал почему.

– Верно! – одобрил мои действия Тревоз. – Ну и проблемы же у тебя с этой твоей семейкой!

Но худшие проблемы были еще впереди.

Отец принял сторону Хью, сказал, что желание работать в семейном деле очень похвально, и велел мне нанять его без проволочек.

– Нет, – твердо заявил я, – я объясню почему. Я ему не доверяю. Он станет воровать, как только я отвернусь.

– Ерунда! – воскликнул отец. – Ясно как божий день, что ты отказываешься нанимать Хью, потому что не хочешь признать, что запустил бумажные дела. Ты не хочешь признать, что Хью лучше тебя разберется с административными проблемами, которыми ты сейчас завален…

Это поставило меня в неудобное положение, потому что я понимал, что помощь в офисе мне нужна. Но я не мог признать, что мне нужен Хью.

– Я найму кого-нибудь себе в помощь, – сказал я, – но только не Хью. Ты не можешь заставить меня нанять его.

– Почему не могу? Шахта ведь не твоя, и ты это знаешь, хотя я и позволяю тебе обращаться с ней так, как будто она твоя. Но она принадлежит мне, и не просто принадлежит, я еще контролирую компанию…

– Да, но…

– …и подписываю чеки.

Этой угрозы как раз и не хватало, чтобы я вышел из себя. Несколько минут я орал на отца, осознавая, что проиграл, – шахте очень нужны были деньги, чтобы она работала и была безопасной, поэтому отцовские деньги были жизненно необходимы и их нельзя было игнорировать. Он мог пригрозить выгнать меня и прекратить платить мне жалованье – с этим я смирился бы, потому что в случае необходимости мог бы работать и бесплатно, но я не имел права допустить, чтобы он лишил шахту финансовой поддержки. Поэтому все, что я мог сделать, – это упрямо повторять:

– Я буду работать с любым клерком, кроме Хью. Я ему не доверяю. Больше мне нечего сказать.

– Очень хорошо, – сказал отец, – но Хью все равно будет получать жалованье, хочешь ты этого или не хочешь. Не вижу, почему он должен страдать от твоей тупости и несправедливости.

Мне показалось, что я плохо расслышал.

– Ты хочешь сказать, что я должен платить Хью, даже если он ничего не будет делать?

– Именно так.

– И платить новому клерку?

– Естественно.

– Но это значит, что мне придется платить два жалованья вместо одного!

– Это твое решение, не мое.

– Но шахта не может этого себе позволить!

– В таком случае, если ты действительно заботишься о шахте, тебе придется работать с Хью.

– Черт… тебя… побери… – Я был вне себя от ярости. – Я не буду работать с Хью! – заорал я. – Не буду! Я лучше отдам бóльшую часть моего жалованья, чтобы компенсировать убытки, но с ним работать не буду! Черт бы побрал вас обоих!

С этими словами я развернулся, вышел из комнаты и захлопнул дверь так сильно, как только мог.

Позднее, когда гнев утих, я с горечью и отвращением понял, как ловко Хью обвел меня вокруг пальца. По возвращении в Корнуолл он сказал, что ему нужна работа, где за минимум усилий платили бы максимум денег, и теперь получил ее: ему надо было только сидеть на заднице и изображать из себя праздного джентльмена, пока мои деньги, тяжелым трудом

заработанные на Сеннен-Гарте, текли на его банковский счет.

3

Мы остались единственной работающей шахтой к западу от мыса Корнуолл. Мы остались одной из немногочисленных работающих шахт во всем графстве. Потому что шел 1919 год, а двадцатого октября 1919 года пришел конец шахте Левант.

Шахта протянула еще несколько лет, пока шахтеры работали выше штольни, но мы все прекрасно понимали, что это конец шахты, которая наравне с Долкоутом, Кукс-Китченом и Боталлаком была одной из величайших шахт в истории Корнуолла.

Легендарный Левант! Для меня и много для кого еще ему не было равных по великолепию, это была самая могучая шахта в Корнуолле, самая богатая медью и оловом среди всех богатых шахт северного корнуолльского побережья. А теперь Левант умер. Поначалу в это было трудно поверить. Когда новость разлетелась по всей Англии, а затем и по всему миру, Сент-Джаст оплакал шахту потрясенным молчанием. Левант умер. Левант, который был настолько велик, что ни один человек не знал его весь, шахта, которая далеко выдавалась в море и углублялась на сотни саженей под корнуолльские утесы. Легендарный Левант! Шахта, куда шахтеры уезжали работать на этом чудовищном изобретении, подъемнике для людей, который за тридцать минут доставлял их в сердце корнуолльской земли; великолепный, внушающий благоговение Левант, где залежи были велики, как соборы, и пение шахтеров отдавалось эхом, словно они находились в огромной церкви. Уникальный Левант! Нет такого шахтера, который не знал бы о нем и не восхищался им, как самой невероятной шахтой изо всех.

Но теперь Левант мертв. Он начал умирать тихим октябрьским днем 1919 года, когда его наконец закрыли в последний раз после долгих конвульсий. Его великолепие закончилось навсегда, галереи были отданы крысам и поднимающейся воде. До сих пор можно ходить по наземным постройкам, бродить среди гниющих руин над мысом Корнуолл, пробираться между горами шлака, поросшего сорняками; до сих пор на скале можно видеть моторный цех, а иногда, в тихие ночи, можно услышать рев печи и смех шахтеров, уходящих из раздевалки. Можно еще гулять по поверхности Леванта, потому что поверхность его покуда жива. Но в глубь шахты спуститься уже нельзя.

Потому что двадцатого октября 1919 года случилось несчастье. Около сорока шахтеров, а я знал их всех, никогда больше не увидели дневного света. Вечером они, как всегда, поднимались на поверхность, когда неожиданно подъемник с треском и ревом обрушился в забой, и больше уже ничего не было, кроме пыли, мертвых тел и плача женщин на земле.

Люди говорили, что оборудование было изношено. Мало денег тратилось на ремонт. Левант был старым и опасным и даже не приносил больше прибыли. Он должен теперь оставаться увечным. Ничего нельзя сделать, кроме того, чтобы позволить ему умереть.

После этого на Корнуолльском Оловянном Берегу установилась жуткая тишина, словно мы наконец поняли, что родились в конце эры, которая длилась в течение тысяч лет, и что мы были последними шахтерами, добывающими олово на корнуолльском побережье. Все шахты либо уже умерли, либо умирали, а Сеннен-Гарт был одной из немногих, остававшихся в живых.

4

С Хеленой Мередит я познакомился в 1920 году. Старый Алджернон Мередит, которому принадлежал единственный особняк в приходе Зиллан, скончался в очень преклонном возрасте – девяноста шести лет, а поскольку он был холостяком, то его имение отошло к кузенам, Мередитам из Уорикшира. Много поколений Мередитов сменилось в усадьбе Ползиллан, точно так же как Карнфортов в Карнфорт-Холле и Уеймарков на ферме Гернардз, но, поскольку старый Мередит последние тридцать лет был прикован к постели артритом, мало кто, кроме священника, видел его, и только самые старые обитатели Зиллана помнили времена, когда особняк Ползиллан не напоминал собой дом инвалидов. Но 1920 год обещал перемены. Некий Джералд Мередит с сестрой приехали вступать в права владения наследством, и вскоре все сплетники Зиллана истрепали языки до дыр, а слухи летали туда-сюда, как мячики от пинг-понга.

Однако вскоре стало ясно, что особняку Ползиллан суждено остаться домом инвалидов: молодой Мередит был ранен на войне и прикован к инвалидному креслу.

– Впрочем, – сказала мать, – его сестра обладает прекрасным здоровьем. Ему повезло, что она за ним присматривает.

Но я был слишком занят делами шахты, чтобы думать о новых обитателях особняка Ползиллан.

– Нам следует их навестить, Филип, – сказала мать. – Может быть, сходим к ним в воскресенье и возьмем с собой Жанну. Ей следует познакомиться с молодым человеком, даже если он и инвалид. Интересно, он поправляется или навечно прикован к креслу? Мне бы хотелось, чтобы теперь, когда война окончилась, Марк взял Жанну в Лондон и вывез ее в свет. Я знаю, в прошлом году она отказалась ехать, но ему следовало бы уговорить ее или, во всяком случае, повезти ее в Лондон и организовать неформальные встречи. На следующее Рождество ей исполнится двадцать один, а еще ни один молодой человек не выводил ее развлекаться. И теперь, когда Питер Уеймарк женат, а мальчики Карнфорты погибли на войне…

Я перестал слушать. Мне приходилось выслушивать материнские причитания о брачном будущем Жанны по крайней мере шесть раз в неделю.

– …А его сестра очень хорошенькая, – продолжала мать. – В прошлое воскресенье, когда ты пропустил утреннюю службу, чтобы привезти ветеринара для коровы, я видела ее в церкви.

– Гм.

– Она очень привлекательна. Светлые волосы, зеленые глаза, великолепный цвет лица и изящная фигура. Мне кажется, ее зовут Хелена.

– Гм.

– Филип, ты меня слушаешь?

– Да, мама. Ты сказала, тебе кажется, что ее зовут Хелена. – Надеюсь, она не будет разыгрывать из себя сводню для меня и для Жанны. Терпеть не могу, когда мне указывают, что делать.

На самом деле Хелена Мередит оказалась хорошенькой, как и говорила мать. Я нашел ее приятной. В отличие от нее, брат производил впечатление капризного молодого человека и явно тяжело переносил свою неподвижность. Мне он сразу не понравился, но Жанна, всегда отличавшаяся даром сопереживания, преисполнилась к нему жалости и сочла, что он мужественно переносит свое несчастье.

– Мне бы хотелось стать медсестрой, – сказала она матери по дороге на ферму после визита к Мередитам. – Если бы война не окончилась, я бы попросила у папы разрешения пойти в добровольческий медицинский отряд. Как ты думаешь, он позволил бы мне учиться на медсестру?

– Не знаю, что сказал бы отец, – ответила мать, – но я бы это точно не одобрила. Ты слишком молода, чтобы работать до седьмого пота в какой-нибудь большой больнице, и вообще, девушки твоего сословия не становятся медсестрами.

– Да, мама, – сказала Жанна.

Она никогда не спорила с матерью. Больше они не обсуждали эту тему, но я заметил, как быстро Жанна подружилась с Хеленой Мередит и как часто она наведывалась в особняк Ползиллан, чтобы навестить инвалида. Я слышал, что Хелена, в свою очередь, часто бывала в Пенмаррике, но поскольку сам я никогда туда не ходил, то видел ее только по воскресеньям в церкви.

Поначалу мать была довольна, что Жанна так часто видится с Мередитами, но, по мере того как шли месяцы, она стала беспокоиться о том, насколько серьезна инвалидность Джералда Мередита, и больше не поощряла визитов дочери в особняк Ползиллан, К моему неудовольствию, она пыталась убедить меня узнать подробности о его здоровье.

Вмешиваться мне не хотелось, но я понимал, что мать считает своим долгом узнать о Мередите побольше, и знал, что мой долг – помочь ей. Проблема состояла в том, что я не знал, как за это взяться. Я и без того плохо ладил с Мередитом, а даже если бы и ладил, то не представлял, как смог бы заявиться к нему и спросить, способен ли он на сексуальную жизнь. Наконец до меня дошло, что корень проблемы лежит в том, испытывает ли Мередит по отношению к Жанне привязанность; если она была ему безразлична или брак не интересовал его, то вопрос о его потенции не имел значения.

Поразмышляв некоторое время над ситуацией, я принял решение. На следующий день на шахте я подошел к телефону в своем офисе и спросил оператора, есть ли у мистера Джералда Мередита телефон. Телефон был. Я попросил соединить нас и, когда несколькими секундами позже дворецкий снял трубку, сразу попросил к телефону Хелену.

5

Я пригласил ее поужинать со мной в «Метрополе» в тот же вечер, а когда она приняла приглашение, сжал зубы и заставил себя обратиться к отцу. Мне нужна была его машина и шофер на вечер, потому что не могло быть и речи о том, чтобы везти Хелену в Пензанс в материнской двуколке. Я предвидел, что он не захочет делать мне никаких одолжений, потому что в последние месяцы наши отношения были хуже, чем когда-либо. Но ошибся. К моему удивлению, когда он узнал, зачем мне нужна машина, то сказал, что я могу брать и машину, и шофера, когда захочу. Разрешив проблему транспорта с такой неожиданной легкостью, я рано вернулся на ферму Рослин, чтобы принять ванну и примерить смокинг, который не

надевал несколько лет. В конце войны, больше для удобства матери, чем для себя, я устроил на ферме Рослин ванну, но, надо признаться, с годами я и сам оценил прелести современной цивилизации.

– Да, сегодня я рано, – сказал я матери, когда она вернулась домой после визита в Зиллан. – Вечером я ухожу. Везу Хелену Мередит на ужин в «Метрополь».

– О! – воскликнула мать так, словно я вытащил из карманов брюк шесть белых кроликов, и немедленно принялась хлопотать вокруг меня. – Сорочки… я их еще не погладила… смокинг… его, конечно, нужно переделать…

Мне было неловко, что она так суетится. Когда приехал отцовский шофер, я с облегчением вырвался с фермы и сосредоточился на вечере с Хеленой.

Я не вращался в модном обществе и понятия не имел, что происходит в Лондоне, но, конечно же, не забыл, как вести себя в месте, подобном «Метрополю»; десять лет деревенской жизни не стерли манер, привитых в детстве. «Метрополь» был все той же душной гостиницей с псевдофранцузским меню и фальшивой атмосферой, но некоторые посетители меня потрясли. Там присутствовало несколько женщин с короткими волосами, в коротких платьях и уродливых колье, а одна даже курила на публике. Я подумал: «Если это происходит в Пензансе, то что же творится в Лондоне?» – и, развеселившись, представил, как была бы шокирована мать подобными переменами в поведении светских дам.

– Слава богу, вы не похожи на этих людей! – прямо сказал я Хелене. – В жизни не видел такого количества невоспитанных женщин.

Она засмеялась:

– Я рада, что вы так говорите! Я уже начала чувствовать себя не только старомодной, но и кричаще одетой.

– Ерунда!

Когда мы сделали заказ, я завел разговор о ее брате и спросил, не улучшается ли его здоровье, но она прямо сказала мне, что он обречен на неподвижность до конца своих дней и надежд на выздоровление нет.

– Печально, – сказал я, беря в руки столовую ложку, потому что подошел официант с первым блюдом, – но, по крайней мере, он ведь не совсем парализован. Хоть это хорошо.

Она мельком на меня взглянула. Ее глаза были холодными и зелеными, цвета морской воды у скал на мысе Корнуолл.

– Да, – сказала она. – Он может двигаться от талии и выше.

Я долго пробовал суп, говорил, как он вкусен. Она сказала, что ее суп

тоже вкусный. Мы улыбнулись друг другу.

– Надеюсь, Жанна не очень докучает вашему брату, – осторожно предположил я. – Она теперь постоянно пропадает в Ползиллане!

– Да нет же, боже мой! Вовсе нет! Вы не представляете, как он изменился с тех пор, как Жанна стала регулярно его навещать. Она вызывает в нем интерес к жизни, он больше не впадает в депрессию и стал не так сентиментален, как раньше. Он с нетерпением ждет ее визитов.

– Это хорошо, – непринужденно сказал я. – Я боялся, что он просто слишком вежлив, чтобы просить ее не приходить так часто.

Хелена покачала головой:

– Нет, ее визиты ему несказанно приятны. Мне кажется, она ему очень нравится.

– А мне кажется, что ей очень нравится он, – добавил я.

– Да, мне тоже так кажется. – Хелена была спокойна, держала себя в руках. Мне было приятно, что она не жеманничала и не краснела при обсуждении этой щекотливой темы.

– Как вы думаете, он ее любит? – спросил я через некоторое время.

– Возможно, – ответила Хелена. Она снова подняла на меня свои холодные зеленые глаза, а потом отвела взгляд. – Но конечно же, о браке и речи быть не может, – сказала она, – если Джерри на самом деле любит ее, он оставит свои чувства при себе. Он не может ожидать, что такая девушка, как Жанна, свяжет себя с человеком, прикованным к инвалидному креслу.

Для того чтобы выяснить это, я и привез ее в Пензанс. Я с облегчением откинулся на стуле и начал получать удовольствие от еды, но, разумеется, вечер еще продолжался, и мне пришлось напрячься и поддерживать разговор. В ушах звучал серьезный, тихий, мягкий голос Розы Парриш: «Нельзя пригласить даму на ужин, а потом только и делать, что игнорировать ее».

Но остаток ужина был достаточно легким. Я расспрашивал Хелену о ее семье и том месте в Уорикшире, где она родилась. Ее мать умерла, когда Хелене было три года, а отец погиб в бурскую войну; Джералд был ее единственным родственником.

– Когда война закончилась, я хотела жить одна, – сказала она. – Я была уверена, что Джералд женится, а если бы он женился, мне бы не хотелось продолжать жить в одном доме с ними. Но потом Джерри ранило, и я решила, что мне следует быть с ним, пока я свободна.

– Ему повезло, что у него есть вы, – механически вежливо произнес я и поинтересовался: – А есть ли у вас средства, чтобы жить одной?

– О да, – ответила она, ничуть не смутившись. – У моего отца были

необычные для человека его поколения взгляды на жизнь, и он решил поделить деньги между нами.

– Понимаю, – бесстрастно сказал я, едва справившись с удивлением.

Джералд Мередит содержал свой особняк на широкую ногу. Там было достаточно слуг, чтобы жизнь в разваливающемся особняке казалась сносной, несколько садовников, чтобы усадьба выглядела безупречно, команда конюхов, чтобы ухаживать за лошадьми хорошей породы. Мне стало интересно, один ли содержал Мередит особняк или с помощью сестры.

– …Поэтому мы с Джералдом не зависели друг от друга, когда умер кузен Алджернон, – говорила она. – Мне повезло больше, чем большинству девушек.

– Поэтому старый Алджернон… ваш кузен… оставил усадьбу вашему брату…

– Нет, он умер, не оставив завещания. Не правда ли, смешно? Казалось бы, если человеку девяносто шесть лет, он уже давно должен был приготовить завещание, но это было не так. Как ближайшие родственники, мы с Джералдом унаследовали имение в равных долях.

– А-а, – протянул я, слишком потрясенный, чтобы сказать что-либо еще.

Мне никогда не приходило в голову, что Хелена может быть очень богата. Не то чтобы это имело для меня значение. Деньги были мне безразличны, хотя я не отказался бы от пачки-другой фунтов на новое оборудование для шахты. Но ведь никто не продает себя за несколько сотен футов лестниц и несколько тысяч труб.

Вскоре мы вышли прогуляться по эспланаде. Ночной воздух был прохладен, но не холоден; светила полная луна, превращая море в одеяло из черных и серебристых лоскутов, и я остановился посмотреть на воду. Мне никогда не надоедало смотреть на море, я одинаково завороженно мог любоваться прибоем на северном побережье и короткими, едва заметными волнами на юге.

Молчание Хелены, стоявшей рядом, было мне в новинку, и я отдал должное ее хорошему вкусу. Большинство женщин не удержались бы от банальной фразы о том, как прекрасен лунный свет.

Я решил, что Хелена Мередит мне нравится. В ней не было ничего неприятного. Ее изящная фигура была эффектно подчеркнута одеждой; ее внешность не раздражала, мне нравились ее светлые волосы и глаза. Я восхищался тем, что она не говорит ничего глупого или сентиментального, а более всего я восхищался ее самообладанием. Эта женщина, думал я,

никогда не устроит неприятной сцены. Меня потянуло к ней, а когда мы расстались, у меня мелькнула смутная мысль, что надо бы ее еще раз пригласить на ужин.

На следующее утро мать в нетерпении ждала меня за столом, накрытым к завтраку.

– Расслабься, – сказал я ей, пока она суетилась вокруг меня, подавая яичницу с беконом. – Он неизлечимо парализован ниже пояса, и он не собирается делать Жанне предложение. Мне, пожалуйста, три тоста и немножко того нового варенья.

– А как тебе понравилась Хелена? – спросила мать. – Вы хорошо провели время?

– Да, приятно. А тебе разве не интересно, что Хелена сказала о брате?

– Да, конечно. Прости, что она сказала? Я не слушала.

Я терпеливо повторил.

Мать всерьез забеспокоилась.

– Но Хелена может и не знать, что брат собирается сделать предложение! – сразу же воскликнула она. – А что, если он предложит Жанне поселиться в Ползиллане в качестве медсестры и компаньонки? Ей, конечно же, придется выйти за него замуж, а она достаточно глупа и мягкосердечна, чтобы принять предложение даже при таких неблагоприятных обстоятельствах! Боже мой, как все это меня тревожит! Я думаю, надо написать Марку. Уверена, он и представления не имеет о том, насколько опасной стала ситуация; мне кажется, пора его предупредить.

– А так ли уж необходимо вмешиваться? – прямо спросил я. – Жанне всегда хотелось стать медсестрой, ей явно нравится общество Мередита, иначе она бы так часто к нему не ходила. А если она будет заранее знать, что он импотент, почему бы ей и не выйти за него замуж? Она уже совершеннолетняя, и ей пора бы знать, чего она хочет.

Мать была шокирована.

– Дорогой, мне кажется, ты не совсем понимаешь ситуацию. Конечно, Жанне не следует выходить за него! Не имеет значения, сколько ей лет. Нужно помешать ей сделать такую ужасную ошибку.

– Да, но будет ли это ошибкой? Может быть, ей все равно, импотент он или нет? Может быть…

– Пожалуйста, дорогой, к чему такие грубости? Ей следует думать о подобных вещах. Она должна выйти замуж, чтобы выполнить предназначенное самой природой и стать матерью, а не бесплатной медсестрой.

Перед лицом такой чисто женской логики я спасовал и, вздохнув,

решил заняться завтраком и не подавать больше реплик.

Я твердо решил не вмешиваться в дела Жанны. Мать отправилась в Пенмаррик на консультацию с отцом; отец написал Мариане, а мать поговорила с Жанной. Вдвоем родители довели ее до крайне жалкого состояния и отправили на лето в Шотландию к Мариане.

– Если повезет, – сказала мать, – она встретит там подходящего человека и сделает приличную партию. Я слышала, что Эдинбург очень светский город, а Мариана, конечно же, знает нужных людей.

Но Жанна замуж не вышла. Она прожила в Шотландии с лета 1921-го до осени 1922 года, а потом без разрешения родителей вступила в маленький религиозный орден, который отправлял своих монахинь в благотворительную больницу в Лондоне ухаживать за больными.

6

Мать, конечно же, была расстроена решением Жанны и некоторое время старалась думать об этом как можно меньше и заниматься внуками. Дочь Хью, Дебора, родилась в июне 1920 года, но, поскольку я отказывался общаться с Хью и не интересовался младенцами, я не пошел на крестины и впоследствии не пытался увидеть ребенка. Для матери, которая, конечно же, обожала внучку и хотела постоянно со мной о ней говорить, это было тяжело, но я не считал необходимым изображать энтузиазм, которого на самом деле не было, и через некоторое время она примирилась с моим равнодушием к племяннице.

Сын Марианы, Эсмонд Марк Дункан Доналд Александр, граф Руанский, родился через полтора месяца после Деборы, в начале августа. Поскольку мужу Марианы к тому времени было за пятьдесят, мне это показалось настоящим достижением, но в глубине души я был смущен. Впрочем, я не стал это комментировать, потому что мать тоже впервые вышла замуж за человека, которому перевалило за шестьдесят, когда ей было примерно столько же, сколько и Мариане, и мне не хотелось задевать ее своими необдуманными замечаниями. Тем не менее брак матери отличался от брака Марианы одним важным обстоятельством: мать была женой Джона-Хенри Рослина только на бумаге, она жила на ферме больше в качестве хозяйки, чем жены; для нее этот брак был самым лучшим способом сохранить респектабельность, живя в доме с тремя холостыми мужчинами, и, хотя деликатность матери в подобных вопросах не позволяла мне задавать прямые вопросы, я знал ее достаточно хорошо,

чтобы предположить, что у нее и у старого Рослина были раздельные спальни.

Как я и ожидал, от вести о рождении в Шотландии внука мать пришла в бурный восторг. Она обижалась на Мариану за то, что та придумывала всякие предлоги, чтобы не привозить своего второго мужа с визитом в Корнуолл, но теперь все было забыто, и мать волновалась только о том, что Мариана не захочет показать ей ребенка. Но Мариана показала. После визита в Пенмаррик, во время которого ее сопровождали личная горничная, няня и помощница няни, но не муж, она начала бурную переписку с матерью, постоянно посылая ей фотографии младенца, его белокурые локоны и длинные письма с описанием того, какой он замечательный. Это было тем более удивительно, что предположить такое заранее было сложно. Прежде всего, Мариана была не из тех женщин, в ком силен материнский инстинкт, а во-вторых, они с матерью никогда не были близки. Но теперь все переменилось. Мариана стала любимой дочерью, и вскоре мне так надоело слушать про изумительного младенца Эсмонда, что я попросил мать больше не читать мне писем Марианы.

– Ох уж эти дети! – сказала сестрица Элизабет, разделявшая мою точку зрения, когда зашла на ферму во время летних каникул. – Мне до смерти надоели бесконечные разговоры о них. Не могу дождаться, когда я вернусь в Челтнем и не буду больше слышать рассказов о Деборе и Эсмонде, которые вкупе представляют восьмое чудо света.

Меня это развеселило, но мать, конечно же, обиделась.

– Надеюсь, ты не станешь синим чулком, Лиззи, – холодно произнесла она. – Всем известно, что мужчины презирают агрессивно интеллектуальных женщин и предпочитают девушек с более мягкими, женственными вкусами. Если ты будешь открыто заявлять о своем отвращении к материнству, мужчины станут избегать тебя.

– А меня это не волнует, – сказала Лиззи. – Все равно большинство мужчин глупы. Я даже не уверена, хочу ли замуж.

– Что ж, дорогая, если ты в ближайшее время не займешься своей внешностью, то вполне может случиться, что никто тебя замуж и не позовет. Зачем ты так много ешь? Ты от этого полнеешь, а от сладостей у тебя появляются прыщи. Неужели ты и в самом деле моешь голову раз в неделю? Грязные волосы – это так некрасиво.

– Прекрасно, – сердито сказала Лиззи. – Волосы у меня грязные, я толстая и прыщавая. Но мне все равно! Ты, может быть, и думаешь, что самое главное для женщины – это быть красивой, удачно выйти замуж и родить много прекрасных детей, да почему бы тебе и не думать так? Ты

всю жизнь только этим и занималась! И что в этом такого особенного? Любая дура может выйти замуж и родить ребенка. Я же сделаю что-нибудь особенное!

Я почувствовал, что пора вмешаться.

– Заткнись, Лиззи, – коротко сказал я. – Ты очень груба с мамой.

– А она возмутительно груба со мной! – закричала разъяренная Лиззи. – И почему она ожидает, что я буду вежлива? Родители позволяют себе чудовищные вещи по отношению к детям и думают, что это им сойдет с рук. Нет, я не извинюсь, Филип! Если бы ты не был так ею одержим, ты бы понял, что она во всем виновата. Ах, мужчины невыносимы! Только Джан-Ив разумный. – И она вылетела с фермы.

Через неделю она вернулась в школу, и мы долго ее не видели, а из Челтнема она ни разу не написала матери.

Осенью 1922 года Жанна ушла в монастырь, Лиззи закончила школу и поступила в Кембридж на классическое отделение. Я был удивлен, что отец на это согласился, поскольку знал, что он не признает высшего образования для женщин, но, очевидно, он более не мог бороться с не по-женски сильной тягой Лиззи к знаниям, а она продолжала восторгаться университетской жизнью. Мы по-прежнему редко ее видели, но незадолго до Рождества 1922 года она вернулась в Корнуолл на пару недель и на следующий день после приезда пришла на ферму. Не ожидая гостей, мать уехала в Зиллан, а я, поскольку было воскресенье, был дома, и мне пришлось развлекать Лиззи в гостиной до прихода матери. Поначалу я не знал, о чем с ней говорить, но волноваться мне не следовало; я и забыл, что Лиззи всегда было что сказать.

– …Поэтому мне кажется, что даже ты его теперь пожалеешь, – услышал я, когда мне удалось сосредоточиться на разговоре. Мне надоел длинный панегирик Кембриджу. – Подумай сам, Маркус мертв, Мариана – в Шотландии, Жанна – в монастыре, я – в Кембридже, Джан-Ив – в Итоне, а ты для папы – отрезанный ломоть. И кто остается ему для компании? Конечно, Хью заходит два-три раза в неделю и просто сбивается с ног, изображая почтительного сына, но у них с папой мало общего, и они быстро надоедают друг другу, хотя и сохраняют приличия. Правда, Адриан приедет на Рождество на этой неделе, но он слишком занят подготовкой к священническому сану, а в свободное время занимается благотворительностью, поэтому теперь редко приезжает в Пенмаррик. Остается Уильям, но он плохой компаньон, потому что по меньшей мере три вечера в неделю проводит у Чарити Рослин, – хоть бы он на ней уже женился! Кому какое дело, что она когда-то была местной гулящей? Нет,

правда, если задуматься, папе повезло, что у него есть Элис Пенмар. Если бы не она, ему бы было очень одиноко.

Элис Пенмар.

Я вспомнил ту ужасную сцену у отца в кабинете перед войной. Элис в то время была влюблена в меня, – во всяком случае, она так говорила, но это было очень, очень давно, времена переменились, и люди тоже.

– Интересно, правда? – продолжала тараторить Лиззи. – Я и Элис плохо ладим – она слишком любит командовать, слишком уверена в себе! – но, должна признать, разговаривать с ней интересно, она явно не дура. Она всегда ужинает с папой, когда Уильям остается у Чарити и дома больше никого нет. Они с папой очень… дружат.

После минутного размышления я осторожно спросил:

– Ты думаешь, она старается с ним подружиться?

– Ты хочешь сказать, что она его любовница? – с интересом спросила Лиззи. – Я так не думаю. Мы с Джан-Ивом потихоньку об этом спорим. Он думает, что да, но я не уверена. Элис не такая. Я не говорю, что все нецеломудренные женщины должны выглядеть, как Чарити Рослин, но мне кажется, что в них что-то должно быть, а этого чего-то в Элис нет. Она такая чопорная, такая правильная, так похожа на синий чулок! Я просто не представляю, что она и папа – ну, ты понимаешь, о чем я… Но Джан-Ив не согласен. Говорит, что Элис как раз из тех, кто может забыть о добродетели просто от отчаяния. А ты что думаешь?

У меня на языке вертелся вопрос о Джан-Иве, о котором она так часто говорила, но я не стал задавать его. На самом деле Джан-Ив меня не слишком интересовал; мы никогда не виделись, потому что он не приходил на ферму, и я давно решил, что мы навсегда останемся чужими.

– Как ты думаешь, Филип? – повторила Лиззи, возвращая меня к мыслям об Элис Пенмар. – Ты можешь представить себе Элис падшей женщиной?

Я издал короткий смешок и подошел к окну, чтобы посмотреть, не возвращается ли мать из Зиллана.

– Ты ведешь слишком откровенные разговоры, Лиззи. Это результат продвинутого образования? – сказал я, думая совершенно о другом.

Я думал о том, что, по слухам, законы о разводе могут измениться и женщина сможет претендовать на развод единственно на основании измены, а не как до сих пор, когда ей требовалось доказать, что муж с ней не живет. Думал о том, что отец не захочет, чтобы внучка его давнего и ценного друга, зилланского священника, была замешана в скверном скандале. Я думал о том, что если буду осторожен, если у меня будет

достаточно доказательств и если законы изменятся в пользу матери, то смогу нащупать отцовскую ахиллесову пяту, а эта ахиллесова пята была бы мне очень полезна в случае, если на шахте в будущем возникнут серьезные проблемы.

– Да-да, очень интересная мысль, – сказал я наконец Лиззи. – Надо об этом подумать.

7

Вскоре после этого у нас с отцом снова возникли трения. После нашей последней ссоры наступило затишье, но я знал, что рано или поздно мы опять схлестнемся. В 1923 году, после того как шахта платила изрядные дивиденды в течение трех лет, для Сеннен-Гарта наступили плохие времена и она понесла убытки. Из-за неисправного оборудования произошел несчастный случай, и, конечно же, мне ничего не оставалось, как немедленно заменить его на этом участке, чтобы поддержать стандарты безопасности, которыми шахта уже славилась. Поскольку свободных денег не было, мне пришлось взять кредит. Кредит был небольшим, но пришлось платить проценты, и поэтому еще больше живых денег будто ушло в песок.

Ситуация на шахте заставила меня еще раз обсудить с отцом положение Хью, но отец был тверд в своем решении, я – в своем, и Хью остался праздным джентльменом. В тот год его доходы неоправданно выросли; он так хитро играл на фондовом рынке, что смог отвезти Ребекку в Лондон и жить там, как лорд; дома его финансовые дела тоже улучшились – Джосс Рослин, его тесть, умер от пневмонии, и, хотя он вычеркнул дочь из завещания и оставил все деньги и имущество единственному сыну Джареда, Саймону Питеру, Джаред от имени сына отдал Ребекке семейный дом внаем за бесценок. Она не хотела принимать его, но Хью решил иначе. Прекрасно представляю себе, как он радостно потирал руки. Когда они переехали в Морву, воспользовавшись предложением Джареда, он отдал земли фермы Деверол тому, кто предложил больше денег. Таким образом, улучшив жилье и увеличив доходы, он опять уселся на задницу и приготовился проводить больше времени с ребенком и женой. Насколько я знаю, они коротали время на пикниках или купаясь в близлежащих бухтах. Хью был хорошим пловцом; представляю себе, как он торжествовал, демонстрируя свои таланты восхищенной жене, а потом лениво загорал рядом с ней на пляже. Такая жизнь прекрасна, если любишь бездельничать. А никто не любил

бездельничать больше, чем Хью.

Мы с отцом еще раз обменялись горькими письмами по поводу праздной жизни Хью, но это была пустая трата времени. Поскольку шахта балансировала на грани финансового краха, я не мог решить, кого ненавижу больше: отца или Хью.

Шел 1924 год, когда Джеймс Рамсей Макдональд[13] впервые привел к власти Лейбористскую партию. Я голосовал за его партию, как и большинство моих друзей, хотя мать пришла от этого моего решения в ужас и назвала мои политические взгляды «неприличными». Несмотря на свое происхождение или, может быть, как раз поэтому, она твердо полагала, что голосовать за консерваторов было проявлением хорошего вкуса. Точно так же, как проявлением хорошего вкуса было посещать церковь каждое воскресенье, правильно держать нож и вилку и носить длинные юбки.

– Но, мама, со времен войны все изменилось, – резонно указал я ей. – У нас новое правительство с новыми взглядами, которые отвечают новым временам. Страна в ужасающем состоянии: бедность рабочего класса, нищета…

– Им следует больше работать, а не ворчать и устраивать забастовки, – твердо заявила мать. – Если хочешь продвинуться в жизни, нужно много работать, а не сидеть в праздности.

– Но как они могут работать, если нет рабочих мест? В стране миллионы безработных, и их число растет с каждым днем. Эти люди четыре года сражались за родину, и что они получили за это? Необходимость каждый день стоять в очереди на бирже труда? Унижения, оттого что не можешь прокормить семью? Жизнь в ужасных лачугах, потому что в стране не хватает жилья? Мама, чтобы положение улучшилось, нужны радикальные перемены, а консерваторов вряд ли можно упрекнуть в радикализме. Да и либералы Асквита или Ллойд Джорджа ничуть не лучше. Посмотри, во что превратило страну коалиционное правительство. Нам теперь нужно что-нибудь совершенно новое, а не старые бесполезные рецепты.

– Только новизна идеи, – резко сказала мать, – совершенно не означает, что она лучше старых, проверенных.

Я сдался. Бессмысленно было пытаться заставить ее отказаться от глубоко укоренившихся убеждений, но, когда к власти пришел Макдональд, я все еще верил, что вскоре дела во всей стране поправятся. Ситуация на Сеннен-Гарте улучшилась, но, хотя для шахты этот год был и лучше, чем предыдущий, мне все равно пришлось взять еще один кредит. Теперь

Уолтер Хьюберт мрачнел, когда речь заходила о деньгах, но мне было все равно. Я был твердо убежден, что в 1925 году дела поправятся и кредиты будут выплачены.

Но хотя я тогда этого и не знал, небольшое улучшение в делах шахты продлилось не дольше, чем правление Лейбористской партии: девять месяцев. В начале 1925 года я снова начал волноваться, но все еще сохранял достаточно оптимизма, чтобы подавлять сомнения. Однажды вечером в веселом расположении духа я вернулся в Зиллан с шахты и обнаружил, что мать принимает последнего человека на этом свете, которого я ожидал увидеть в гостиной фермы Рослин. Поначалу я подумал, что это отец. Проходя по холлу, я слышал его смех, а его ленивый голос протяжно говорил: «Вот так-то! Правда, смешно?»

Мать тоже смеялась. Давно я не слышал, чтобы она смеялась так беззаботно и счастливо.

Я удивился. Спрашивая себя, почему это отец вдруг решил прийти к нам с визитом и демонстрировать столь веселое расположение духа, я распахнул дверь и вошел в комнату.

Они сидели за столом точно так же, как сидела мать, когда отец навещал ее после смерти Маркуса. Я увидел лицо без морщин, черные, не тронутые сединой волосы, циничный, смеющийся рот, столь не похожий на рот отца, и понял, кто это.

Это был Джан-Ив.

8

– Филип! – добродушно сказал он. – Как мило!

И несмотря на голос, протяжный выговор и физическое сходство с отцом, мне показалось, что речью и манерами он напоминает мать.

Он встал. Он был на шесть дюймов ниже меня, но силен и крепко сбит. Я помнил его толстым ребенком, теперь он был просто коренаст и мускулист. Двигался он со странной грацией, что опять напомнило мне мать, и, несмотря на расчетливые глаза Пенмаров, у него была широкая, невинная улыбка, которая сразу напомнила мне Хью.

Я не мог ему доверять.

А мать с сияющими глазами говорила:

– Не правда ли, замечательно, Филип? После стольких лет! Я не могла поверить своим глазам, когда увидела, как он едет по холму со стороны Чуна.

Мне удалось произнести:

– Я думал, ты в Оксфорде. – Я знал, что прошлой осенью он поступил в колледж Крайст-Черч, а поскольку стоял май, то удивился, снова увидев его в Корнуолле. – Что ты делаешь в Зиллане?

– Исправляю ошибки, – сказал Джан-Ив с невинной улыбкой. – Никогда не поздно исправиться, не правда ли? Папа и мистер Барнуэлл уговорили меня заехать на ферму Рослин с оливковой ветвью в руке. Мама, конечно, чуть в обморок не упала от шока, поэтому, чтобы вернуть ее к жизни, мы открыли лучшую бутылку бузинного вина и – вот так! Очень просто!

Конечно, на самом деле все было вовсе не так просто. Оказалось, что его почему-то выгнали из Оксфорда, но причину он очень ловко скрыл, и мне стало очевидно, что, испортив отношения с отцом, он решил поискать внимания в другом месте. Когда я вышел его проводить, то совсем уже собрался выложить ему все, но он начал настолько хвалебную речь о матери и так убивался о том, что не заезжал на ферму раньше, что сбил меня с толку, и я, не успев опомниться, обещал ему выпить вместе на следующий день после работы в пабе Чарити в Сент-Джасте.

– Замечательно! – воскликнул Джан-Ив с энтузиазмом. – Жду не дождусь! – Усевшись на лошадь, еще раз улыбнулся мне своей широкой улыбкой и весело поехал вверх по холму к Чуну.

Я наблюдал за ним, пока он не скрылся из виду. Несмотря на мою природную склонность отвечать дружбой на дружбу, мне показалось, что Джан-Иву нужно нечто большее, чем невинная материнская любовь и мои братские чувства.

Я совершенно не доверял ему.

9

Я увидел его гораздо раньше следующего вечера – утром и в таком месте, где никогда не ожидал бы встретить никого из членов моей семьи: на уровне двухсот сорока саженей в шахте Сеннен-Гарт. Была пятница, и мы с Тревозом находились глубоко под морем, осматривая место, которое собирались взрывать, и проверяя забой очистной выемки. Мы возвращались в главный ствол, когда увидели, как один из начальников смены, Уильям Халлоран, идет к нам, а с ним, в чужой робе, Джан-Ив.

– Великий Боже! – удивился я. – Какого черта ты здесь делаешь?

Я был поражен тем, что у него хватило храбрости на то, чтобы

спуститься в шахту. Большинство непрофессионалов боятся забираться так глубоко под землю, не нуждаясь в острых ощущениях.

– Что такое? – спросил я. – Что-нибудь случилось?

– Боюсь, что да. Меня послали за тобой. Можно поговорить с тобой наедине?

Я посмотрел на него. Стоявший рядом со мной Тревоз произнес:

– Я подожду тебя в главном забое, сынок, – и пошел по галерее с Уилли Халлораном.

– Что такое? – резко повторил я.

– Хью.

– Хью?

Мы посмотрели друг на друга. В его глазах появилось странное выражение.

– С ним что-то случилось?

– Да, несчастный случай. Он, Ребекка и ребенок отправились на пикник в бухту Портерас. Он плавал. Но не справился с течением.

– Ты хочешь сказать…

– Он утонул, – сказал Джан-Ив и добавил с гримасой боли: – У Ребекки на глазах.

Глава 5

Джеффри был смертельно ранен на турнире…

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

Когда Ричард публично объявил, что деньги, принадлежащие ему по праву и незаконно удерживаемые отцом, пойдут на укрепление северных границ Аквитании, стало казаться, что открытая война между отцом и сыном скоро развернется в полную мощь.

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

Эта драматическая сцена послужила причиной последнего восстания… Хотя Ричард и отличался непокорным поведением, вызов, брошенный ему, был велик.

А. Л. Пул.

Оксфордская история Англии:

от «Книги Судного дня» Вильгельма Завоевателя до Великой хартии вольностей

1

Я невольно воскликнул:

– Но ведь Хью был хорошим пловцом! Он всегда получал призы за плавание.

Джан-Ив сказал: «Да», и мы замолчали.

Шахта обволакивала знакомой темнотой и успокаивала. Я отвернулся, посмотрел в темноту галереи.

– Ребекка не плавала. Она плескалась у берега с ребенком. Она услышала крик Хью, но…

– Замолчи. – Я повернулся и пошел по галерее к главному стволу. – Не хочу об этом слышать.

Он опять замолчал. За моей спиной эхом раздавались его шаги, а вокруг нас была моя шахта, Сеннен-Гарт, последняя работающая шахта к западу от Сент-Джаста, шахта, которая превратила Хью в моего врага и держала нас на расстоянии друг от друга месяц за месяцем, год за годом.

Мы шли и шли, молча, просто выходили на поверхность из-под корнуолльского моря.

Наконец я спросил:

– Кто тебя послал?

– Папа.

– Когда новость дошла до Пенмаррика?

– Примерно час тому назад. Джаред Рослин сам приехал и сказал Уильяму. Я в это время был там. После этого Уильям сказал Элис, а Элис – отцу. Потом папа и Уильям уехали на машине в Морву, чтобы повидать Ребекку и побыть с ней, а потом приехала полиция. Они будут проводить дознание, хотя бог его знает, когда они найдут тело.

Я старался не слушать. Пальцы гладили каменистые стены и деревянные столбы моей шахты, а я старался не думать о море над головой, о бушующих бурунах, смертельно опасных течениях и острых зубцах прибрежных скал. В Корнуолле люди тонут каждый год. Чужаков, туристов, которые либо ничего не знают о корнуолльском море, либо думают, что знают все, – их-то и затягивала бурлящая вода и разбивала о ненасытные скалы. Чтобы утонуть в Корнуолле, нужно либо полнейшее незнание, либо ужасающее тщеславие. Либо ты не знаешь, что существуют течения, либо считаешь, что можешь справиться с любым.

Тщеславие. Не имеет значения, насколько ты любишь жизнь, насколько успешно делаешь деньги, насколько умно ты поступил, чтобы пережить войну без единой царапины; не имеет значения, сколько у тебя талантов, обаяния и хитрости; можно иметь первоклассный интеллект, первоклассную внешность и достаточный потенциал, чтобы преуспеть в любой карьере, но одна-единственная секунда тщеславия может свести все это на нет. Одно-единственное проявление тщеславия – и тебя нет, ты исчез, смыт с лица земли.

– Как жаль, – сказал я своей шахте. – Как чертовски жаль.

– Что ты сказал? – произнес Джан-Ив у меня за спиной.

– Ничего.

По дороге домой я все время думал о Хью, но не о последних годах, когда мы не общались. Я думал о лучших временах, потому что они казались мне более реальными, чем те, что последовали за нашей ссорой. Я бы не стал с ним ссориться, если бы он не покушался на мою шахту; а даже если бы и поссорился, то давно бы простил его и восстановил нашу дружбу, потому что, несмотря ни на что, Хью мне нравился и был единственным братом, чьей дружбы я активно искал. Я не хотел, чтобы между нами вставала шахта. Я не хотел, чтобы все так случилось.

Я ехал по пустоши, светило солнце, колыхался папоротник-орляк, цвел утесник. Когда я приехал на ферму, то объявил новость матери так осторожно, как мог, а потом сидел возле нее, страдал из-за ее слез и пытался, как делал уже много раз, занять рядом с нею место отца.

2

Через месяц нашли тело. На мгновение я запаниковал, потому что подумал, что мне придется ехать на опознание, но в морг поехал отец, и никто не сказал, что мне нужно быть рядом.

Потом были похороны.

Не пойти на них было невозможно.

Похороны старого человека, например Гризельды, – это просто церемония, конечно, мрачная церемония, но она лишь слегка затрагивает чувства. Когда ты стареешь, то ждешь смерти; ты прожил жизнь, а никто не может жить вечно. Но похороны молодого человека – совершенно другое дело. Похороны моего собственного брата, умершего во цвете лет, не дожив до двадцать восьмого дня рождения, были самой большой мукой, испытанной мною на священной земле.

Это невозможно описать.

Там были все. Даже Мариана приехала из Шотландии с маленьким сыном, а Жанна покинула лондонский монастырь. Отпевание отслужили в Зиллане, а похоронено тело было рядом с могилами деда Лоренса Касталлака и нашего старшего брата Стефена, умершего во младенчестве. Священник, которому в то время было уже за восемьдесят, притом что он по-прежнему выглядел человеком без возраста, был после этого очень добр к матери и посоветовал мне как можно быстрее отвезти ее домой, чтобы она могла успокоиться.

Мать только и могла сказать:

– Все мои мальчики. Мои красивые мальчики. – И она плакала до тех пор, пока лицо ее не исказили морщины и оно не сделалось таким старым и измученным, что она стала выглядеть на свои шестьдесят шесть.

– Но у тебя же есть я, – сказал я, думая ее утешить, но, к моему огорчению, она заплакала еще сильнее.

– Ох, Филип, Филип… – Я едва ее слышал, но вскоре мне уже и не хотелось слушать, потому что в мозгу завертелись ножи памяти, как случалось всегда, когда я видел, что она несчастна, и из темных уголков моего сознания вылезали на свет божий давно забытые сцены. Я встал, но, когда сделал движение, чтобы уйти, она добавила: – Не выбрасывай свою жизнь на ветер, Филип, не теряй времени на шахте, я не вынесу, если и ты погибнешь. Я не знаю, что я буду тогда делать.

Я видел, как она плачет, когда меня забирали от нее и увозили в Алленгейт. Я видел, как она плачет в городском доме в Лондоне в те проклятые короткие каникулы посреди триместра, с которых начался окончательный их разрыв с отцом. Я видел, как она плакала в…

Тут словно какая-то дверца в моем мозгу захлопнулась.

– Мама… – Я услышал свой голос прежде, чем решил, что скажу. Мне пришлось сделать над собой такое усилие, что на лбу проступил пот и каждый мускул в теле заболел от напряжения. – Мама, послушай, пожалуйста… со мной ничего не случится на Сеннен-Гарте. Ничего. Это моя шахта, поэтому, я уверен, она меня не убьет. Я слишком хорошо ее знаю и люблю. Тебе не надо волноваться о том, что я могу не вернуться с шахты.

Но она не была расположена верить мне.

Потом пришел священник, и ей стало легче. Мне удалось убедить ее лечь спать пораньше. Еще я предложил отменить визит Марианы, назначенный на следующий день, но ей так хотелось увидеть внука Эсмонда, что она не согласилась. В глубине души я счел, что это ошибка. Я отправился в постель в угнетенном состоянии, но на следующий день, к своему удивлению, понял, что визит Марианы – это благодатная возможность отвлечься от душераздирающих воспоминаний о похоронах. Она приехала в одиннадцать, к утреннему кофе, вместе с ней в отцовском «роллс-ройсе», помимо шофера, был мой племянник Эсмонд. Муж Марианы, как и прежде, пребывал в Шотландии; на этот раз он поправлялся после легкого инсульта, и состояние здоровья не позволяло ему предпринять долгое путешествие в Корнуолл.

– Бедный Арчи, – сказала Мариана, наконец вспомнив о нем. – Он так

расстроился, что не смог приехать со мной в Пенмаррик. – Ее взгляд с легким презрением быстро обежал гостиную. – Он так мечтает встретиться с тобой, мама. Мне бы хотелось, чтобы ты когда-нибудь приехала к нам в Шотландию. – И она принялась рассказывать о своих трех домах: в Эдинбурге, у моря в Северном Бервике и об особняке на Северо-Шотландском нагорье. – Я просто обожаю Шотландию, правда! В Эдинбурге у меня так много замечательных друзей… – У этих друзей были исключительно мужские имена. Я пристально на нее посмотрел. Ей было уже немного за тридцать, но выглядела она не старше двадцати пяти. Я изучал ее жесткий рот, фамильный рот Пенмаров, холодные глаза и холодные, правильные черты лица и спрашивал себя, как такая искусственная женщина может иметь столько поклонников.

– Филип, – неожиданно сказала мать, когда я подавил зевок, – почему бы тебе не показать Эсмонду ферму? Я уверена, что ему хочется посмотреть животных.

– О! – воскликнула Мариана, прежде чем я успел сделать скучающее лицо. – Какая прекрасная мысль! Эсмонд, дорогой, тебе ведь этого хочется, не правда ли? Беги с дядей Филипом, будь пай-мальчиком и веди себя хорошо.

Дети меня не интересовали. Они меня утомляли, у меня не хватало на них терпения. Но Эсмонд мне понравился. Не знаю почему, потому ли, что он был сыном сестры, которую я никогда не любил, и старого шотландского пэра, которого я никогда не видел, но этот ребенок завладел моим вниманием. Поначалу я не собирался водить его по ферме дольше, чем полагалось приличия ради, но он так хорошо себя вел и был так сообразителен, что я улыбался его вопросам и старательно на них отвечал. Через несколько недель ему должно было исполниться пять, но для своего возраста он был высок, у него были светлые волосы и голубые глаза. Неожиданно я увидел в нем себя и понял, почему мужчины так хотят сыновей, – они заботятся о том, чтобы после них кто-нибудь остался.

Мне было тридцать. Впервые мне пришло в голову, что если бы я завтра умер, как Хью, то после меня не осталось бы ничего, кроме камня во дворе церкви в Зиллане, воспоминаний нескольких шахтеров на Сеннен-Гарте и нескольких вещей в спальне фермы Рослин.

Я уже давно понимал, что мне следует жениться, но не видел подходящей кандидатуры на роль жены. Я ни разу не был влюблен. Сама мысль о браке меня угнетала, и я решил, что ничего страшного не случится, если я отложу его еще лет на пять. Зачем мне спешить? Я и так счастлив.

Но Эсмонд растревожил мне душу. Еще долго, после того как мы попрощались, я вспоминал его маленькое смышленое личико, повернутое ко мне, и, хотя мы встретились не скоро, память о его приезде на ферму жила в моем сердце.

3

Когда похороны остались позади, горе постепенно стихло и жизнь вернулась в привычную колею. Адриан уехал в приход Оксфорд, где он незадолго до того стал викарием; Лиззи отправилась в Кембридж, где стала первой на выпускных экзаменах и решила остаться в Гертон-колледже, чтобы продолжить образование; только Жанна не поехала в монастырь и осталась в Пенмаррике. Когда ее спрашивали, не думает ли она оставить орден, она отвечала только, что ей нравилось быть медсестрой, а монашество не ее призвание.

– Слава богу! – сказала мне позже мать. – Теперь, может быть, если Жанна купит себе красивую одежду, уложит волосы по моде и постарается побольше встречаться с разными людьми…

Но Жанна думала по-другому. Она хотела спокойно жить в Пенмаррике, интересоваться делами прихода и заниматься благотворительностью.

– Но, Жанна, – в ужасе говорила ей мать, – женщина предназначена для замужества, жизнь молодой незамужней девушки так тосклива.

– Значит, мне хочется жить тоскливо, если ты не возражаешь, мама.

– Но ты никогда не встретишь мужчину, если просто…

– Нет ничего хорошего в том, чтобы просто встречаться с мужчинами, нужно им еще и нравиться. Я это обнаружила, когда была в Шотландии с Марианой. Я не интересую мужчин.

– Ерунда! – сердито сказала мать. – Совершеннейшая ерунда! Любая девушка может привлечь мужчину, если захочет. Это зависит от того, как ты настроена.

– Значит, у меня нет настроения, – сказала Жанна и почти в слезах выбежала из комнаты, прежде чем мать успела добавить что-либо еще.

– Бедная Жанна! – сказал мне Джан-Ив, когда женщины мыли посуду и мы остались одни. – Но она совершенно права. Она не привлекает мужчин. Если хочешь знать мое мнение, Лиззи в десять раз привлекательнее, но мама никогда в это не поверит, потому что Жанна, по общепринятым стандартам, привлекательна, а Лиззи, согласно тем же

стандартам, только некрасива и толста.

Это были дни, когда Джан-Ив часто появлялся на ферме. Не то чтобы мне не нравилось его присутствие, – напротив, я был рад, что он заполняет пустоту, образовавшуюся в сердце матери после смерти Хью, но я по-прежнему не доверял ему. Он осыпал мать подарками, что было похвально, но я часто спрашивал себя, что он пытается ими купить. Еще мне было интересно, где он берет деньги на эти подарки, – я подозревал, что он обладает талантом Хью добывать деньги всевозможными сомнительными способами.

В первую неделю 1926 года у Ребекки родился сын от Хью. Начались какие-то смешные недоразумения из-за того, как его назвать, в которые я не хотел влезать, но мать и Ребекка перестали разговаривать, после того как Ребекка не пригласила нас на крестины. После этого между ними разгорелась настоящая война, – как и все женские ссоры, она была не серьезнее бури в стакане воды, хотя эмоции были неразумно горячи с обеих сторон.

Меня же занимали более важные дела, чтобы много думать о племяннике Джонасе.

На шахте опять начались серьезные проблемы. Уолтер Хьюберт отбивался от кредиторов, рабочие требовали повышения зарплаты, чтобы она соответствовала повышающейся стоимости жизни, а мне нужны были деньги, чтобы открыть дополнительный горизонт и купить новое оборудование.

– Нам нужен еще один кредит, – сказал я. – Мы должны его получить.

Но Уолтер покачал головой:

– Сейчас плохое время для получения капитала, Филип. На послевоенное возрождение оказывает влияние растущая безработица; экономический климат становится все более и более неопределенным, денег мало. Конечно, ты можешь посоветоваться с мистером Винсентом или со своим отцом, но я сомневаюсь, что мы можем выпустить еще акции, а если мы возьмем третий кредит сверх двух, которые у нас уже есть, то мне кажется, что вскоре у тебя начнутся очень серьезные проблемы.

– Но мне нужны деньги!

Я думал об этом день и ночь. И как раз в сотый раз обсуждал это с Уолтером, когда, к моему удивлению, на шахте появился отец и вызвал меня для разговора.

К тому времени я был уже в полном отчаянии, а визит отца только усугубил его. Я боялся, что он предложит сократить расходы и закрыть шахту, и оказался прав. Он так и сделал. Излагал он свою точку зрения

гладко, а его мягкая манера была рассчитана на то, чтобы не обидеть меня, но он решил закрыть шахту. Он предлагал приостановить работы. «Временно, – сказал он, – до того момента, когда экономическая ситуация улучшится». Но я слишком хорошо его знал, чтобы в это поверить. Как только он закроет шахту, никакая сила не заставит его открыть ее снова. Вскоре все оборудование и машины будут проданы в уплату долгов, а штольни будут затоплены и забыты.

Я принялся его умолять. Это было против моих принципов, я забыл о гордости, но ради шахты я был готов упасть на колени и проползти сотню миль, поэтому я сжал зубы и умолял его, как мог. Надо отдать ему должное, он меня выслушал. Он все время повторял, что я веду войну, в которой невозможно выиграть, но он выслушал меня и в конце концов выписал чек, который был так нужен шахте. Я понял, что выиграл.

Но это был не конец битвы.

– А теперь послушай меня, – сказал отец очень холодно, подавая мне чек. – Это последние деньги, которые я даю тебе на шахту. Понял? Самые последние. И если шахта не станет прибыльной к концу двадцать шестого года, то я ее закрою. Это понятно?

– Да, сэр, – сказал я, едва слушая, а пальцы мои в это время гладили заветную бумажку. – Спасибо, сэр. Вы об этом не пожалеете.

– Правда? – спросил он. – Хотелось бы в это верить. До свидания, Филип. Не буду больше отнимать твое драгоценное время. Уверен, что шахте ты нужен больше, чем мне.

Он вышел из конторы, захлопнул за собой дверь и сердито зашагал по двору, но я был слишком возбужден своей так тяжело завоеванной победой, чтобы обращать внимание на его обиды.

Я потратил эти деньги до последнего пенни. Я организовал разработку нового забоя и новой залежи. Перед рабочими я произносил зажигательные речи о том, как нам жизненно необходимо выносить на поверхность каждый кусочек олова. Я целыми днями работал с ними глубоко под морем, работал так, что у меня едва хватало сил, чтобы добраться домой и упасть в постель; я отдавал шахте каждую унцию энергии своего тела, словно желая вдохнуть свою собственную жизнь в ее усталые старые вены, но все мои усилия пропали даром.

Потому что 1926 год был годом всеобщей забастовки; годом, когда все отрасли промышленности, работающие на угле, получили удар ниже пояса. Даже прежде, чем год подошел к концу, я понял, что Сеннен-Гарт обанкротился и что его жизнь опять закончилась.

4

Всеобщая забастовка длилась только девять майских дней, но забастовка угольных шахтеров, первопричина всего великого разрушения, продолжалась еще девять месяцев. Происходящее разрывало меня надвое. С одной стороны, я был за шахтеров, которые существовали на гроши, не позволявшие им жить прилично, но, с другой стороны, я понимал, что повышение зарплаты шахтерам в конце концов приведет к новым требованиям моих собственных рабочих, а Сеннен-Гарт не сможет их удовлетворить. Но по мере того как шли месяцы, мне ничего не оставалось, как осудить забастовку. Нехватка угля так повлияла на работу Сеннен-Гарта, что в конце концов не стало топлива, чтобы поддерживать печи, и вся деятельность под и над землей остановилась.

Прибыль превратилась в тонкую струйку, а потом закончилась совсем. А расходы, преимущественно в форме зарплаты, резко выросли. И не было никаких признаков того, что угольные шахтеры прекратят забастовку и затормозится летальный ход экономического бедствия.

Наконец в сентябре отец собрал в Пенмаррике внеочередное собрание всех тех, кто имел какое-то отношение к управлению шахтой. Технически это не было собранием акционеров, хотя присутствовали все акционеры, но, поскольку отец обладал наибольшим пакетом, никто не сомневался, что решение этого собрания будет аналогично решению любого формального собрания акционеров, которое соберется позже, чтобы обсудить ситуацию. Целью этого предварительного собрания было дать возможность тем, кто был наиболее тесно связан с шахтой, сформулировать ясную политику в отношении ее будущего, если считать, что у шахты было будущее, а я полагал, что большинство так не думает.

На собрании, где председательствовал отец, присутствовали Майкл Винсент, поверенный компании, Стенфорд Блейк, старший поверенный фирмы, которая аудировала бухгалтерию компании, Уолтер Хьюберт, казначей, и сэр Джастин Карнфорт, который, как и отец, обладал большим пакетом акций. Когда я приехал в Пенмаррик, чтобы противостоять этому ничего хорошего не обещавшему сборищу, там находились Джаред Рослин, который давно прославился борьбой за права здешнего рабочего люда, и, поскольку у него было почти столько же власти в Сеннен-Гарте, Алан Тревоз.

Они оба были настроены пессимистично.

– Посмотри правде в глаза, сынок, – сказал мне Тревоз. – Нам не

удастся переубедить твоего папашу.

– Я знаю твоего отца, – мрачно вторил ему Джаред. – Он упрям, как сто ослов. Если он решил закрыть шахту, ни ты, ни я, ни кто-либо еще не переубедит его.

– Посмотрим, – буркнул я. Это все, что мне оставалось сказать. – Посмотрим.

Но мне пришлось признать, что отец умен. Он вел собрание в формальной, деловой манере, которая не допускала эмоционального проявления несогласия. Сначала он подвел итог финансового положения шахты и призвал Блейка и Уолтера Хьюберта подтвердить его слова. Потом он заговорил о кредиторах; Майкла Винсента попросили объяснить юридические особенности банкротства. Наконец он заговорил о возможности достать еще денег и объяснил, что выпуск новых акций, даже выпуск привилегированных акций для существующих акционеров, будет рискованным предприятием, которое – в лучшем случае! – лишь оттянет неизбежное. Потом отец сказал, что он лично не собирается вкладывать больше ни пенни в шахту, и сэр Джастин Карнфорт согласился с ним, добавив, что будет рекомендовать другим акционерам тоже не инвестировать больше в Сеннен-Гарт. Уолтер Хьюберт сказал, что уже изучал возможность получения банковского кредита, но в настоящее время получить кредит было сложно, а нынешнее состояние шахты не дает возможности представить ее в качестве залога.

Отметив, что Сеннен-Гарт обанкротился и что никто и пальцем не пошевелит, чтобы его спасти, отец передал слово мне, предварительно спросив, не хочет ли прокомментировать ситуацию кто-нибудь из моих соратников: «Может быть, мистер Тревоз хочет высказаться первым?»

Это был очень типичный ход для моего хитрого отца: выбрать Тревоза, наименее опытного оратора, в качестве первого выступающего.

– Ну что ж, сэр, – быстро сказал Тревоз с акцентом, который он приобрел еще ребенком на шахте в Южной Америке, – все, что я могу сказать, – это то, что факт остается фактом: шахта до сих пор богата, клянусь Богом, – под морем осталось еще много олова, и при нормальных обстоятельствах…

– Но нынешние обстоятельства едва ли можно назвать нормальными, не правда ли, мистер Тревоз? Большой запас олова под морским дном бесполезен для нас, если нет денег, чтобы поднять его на поверхность.

– Он хочет сказать, мистер Касталлак, – быстро вставил Джаред, – что при нормальных обстоятельствах шахта принесет вам прекрасную прибыль и нет сомнения в том, что когда жизнь вернется в нормальное русло, а

Лейбористская партия снова придет к власти, чтобы навести в стране порядок… – Тут он позволил себе социалистический пропагандистский пассаж, а потом вернулся к разговору о шахте и нарисовал трагическую картину нищеты и страданий, которые постигнут шахтеров и их семьи, если Сеннен-Гарт будет закрыт. Двадцать лет службы в качестве мирского пастора отточили врожденный талант Джареда в риторике; он не стеснялся выжимать каждую унцию мелодрамы из сложившейся ситуации и красноречиво излагал все доводы собравшейся аудитории. Когда он закончил, у меня у самого в глазах чуть не слезы стояли из-за голодающих детишек, плачущих о корочке хлеба, пока мой отец упивается яствами, полученными с земель Пенмаррика.

Но конечно, отца не интересовала ни социалистическая пропаганда, ни та разновидность демагогии, в которой преуспел Джаред. Единственное, что его интересовало, – это деньги, которые, на его взгляд, зависли в плохой инвестиции, и в конце концов, чтобы дать это понять, он прервал Джареда как можно вежливее.

Все, что мог сказать отчаявшийся Джаред, было:

– Так, значит, вы намерены закрыть шахту.

– После формального собрания акционеров, да; боюсь, у меня нет выбора.

Наступило молчание. Мы сидели за столом, свет от люстры старил и без того старые лица, молчание все длилось и длилось, и я уже подумал, что оно никогда не закончится. Я ждал. Все ждали и наконец по очереди повернулись в мою сторону, и тогда я понял, что время пришло, что больше тянуть нельзя. Тишина стала почти ощутимой. Мне казалось, что она гудит у меня в ушах.

Я сказал отцу, стараясь не говорить слишком громко:

– Если ты закроешь шахту, я тебя разорю.

Потом ничего не было, мы просто смотрели друг другу в лицо, как часто смотрели и раньше, а между нами, как тень смерти, лежала тень моей шахты Сеннен-Гарт, последней работающей шахты к западу от Сент-Джаста.

Отец побелел, но от гнева, а не от тревоги. Его разъярило, что я поставил его в неловкое положение перед друзьями и так явно обнаружил нашу вражду перед Джаредом и Тревозом. В конце концов ему удалось произнести:

– Я прихожу к выводу, что у тебя нет никаких ценных соображений относительно моего решения.

– Я сказал то, что хотел сказать. Если ты закроешь шахту, ты об этом

пожалеешь. Это все. – Я встал. – Джаред, Тревоз, – позвал я, – пошли отсюда. Говорить больше не о чем.

И не произнеся более ни слова, вышел из комнаты.

Глава 6

Невозможно узнать, чем старый король занимался с Элис. Может быть, она была его любовницей, как считали многие современники.

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

Король и Ричард разыграли последний акт трагедии Генриха…

Джон Т. Эпплбай.

Генрих II

1

Я точно знал, что буду делать.

Я давно держал этот план в голове, а когда годом ранее законы о браке были пересмотрены, понял, что смогу начать претворять его в жизнь, когда захочу. Теперь наконец женщина могла развестись с мужем единственно на основании измены; а поскольку я знал, что мать сделает все, чтобы мне помочь, то понимал, что могу поставить отца в неловкое и трудное положение – если только потрачу время и силы, чтобы правильно изложить свой план.

Но я колебался. Я вспоминал тот, другой раз, когда двенадцать лет назад, перед войной, мы угрожали отцу и так опозорились, и мне не хотелось дважды совершать одну и ту же ошибку. Бесполезно было обвинять его в измене без каких-либо доказательств, но Джан-Ив, как он часто говорил мне, готов был поклясться на Библии, что Элис – любовница отца, и мне казалось, что ему нетрудно будет добыть нужные доказательства.

Но я с отвращением понял, что это оказалось труднее, чем я ожидал. Когда мне удалось поговорить с Джан-Ивом на следующий день у себя в офисе, то выяснилось, что никаких доказательств того, что у Элис с отцом

роман, у него нет.

– Я просто так думал, – признался он. – Я ничего наверняка не знаю. Никто не знает. Никто не знает правды…

– Но ты же говорил мне, будто убежден, что это правда! – закричал я было на него, но сдержал гнев. – Ну что ж, полагаю, что это тем не менее правда, – сказал я безразличным тоном, – и так решит любой юрист, если правильным образом изложить ему факты. Если бы ты только мог засвидетельствовать юристу мамы, что видел отца и Элис…

– Я ничего не стану свидетельствовать! – Джан-Ив побелел от испуга. – Я не пойду в суд давать показания против собственного отца! Свидетельствуй сам!

– Не будь дураком, – сказал я, доведенный до белого каления. – До суда дело не дойдет! Мне надо только, чтобы юристы матери, если понадобится, смогли подать прошение. А может быть, нам и не придется так далеко заходить. Я сначала напишу отцу ультиматум и посмотрю, как он отреагирует. Если это не подействует, то поеду в Сент-Ивс, к юристам, которые занимаются делами Сент-Энедоков, и покажу отцу, что не собираюсь играть с ним в игры.

– А что, если между ним и Элис ничего нет?

– Ему придется извалять ее в грязи, прежде чем он это докажет. Нет, он не допустит, чтобы дело стало публичным, но мне все равно нужна твоя помощь, чтобы план сработал.

Он посмотрел на меня снизу вверх. Облизнул губы розовым кончиком языка. По его лицу было видно, что он напряженно просчитывает ситуацию, словно его втянули в какую-то фантастически сложную игру. Наконец он медленно произнес:

– Не уверен, что могу пойти на такой риск. Если папа об этом узнает, он лишит меня наследства. – Он взглянул на меня своими узкими глазками. – Тебе придется материально меня заинтересовать, иначе я могу многое потерять.

Должно быть, у меня на лице отразилось презрение, потому что у него вдруг вырвалось страстное:

– Нет, я ни пенни не возьму из твоих чертовых денег! Никто не сможет сказать, что я продал отца! Я сделаю, что ты хочешь, но и пенни за это не возьму. Я не предатель.

Лично я не понимал, почему то, что ему предстояло сделать, без вознаграждения переставало быть предательством, но денежный вопрос для меня был совершенно неважен, и я не собирался размышлять над мучениями Джан-Ива. Я догадывался, что трещина в отношениях между

ним и отцом после его отчисления из Оксфорда так и не заросла, поэтому был готов к такому его поведению, но мне все равно было противно. Тогда-то мое отношение к Джан-Иву после многих лет безразличного недоверия стало определенным; для меня он был просто мальчишкой-переростком, который по-прежнему эксплуатировал свое умение обманывать, – бесполезный человек, слишком скользкий, чтобы ему доверять, и слишком пустой, чтобы принимать его всерьез. По всей видимости, это была точная копия Хью, для которого единственной целью в жизни были легкие деньги! Но у Джан-Ива не было обаяния, зрелости и острого ума, то есть тех качеств, которые, на мой взгляд, отчасти искупали грехи Хью. Этот уродливый, трусливый, нелояльный, жадный, хитрый, глупый ханжа-деревенщина не отличался ничем подобным.

Я презирал Джан-Ива. Неожиданно я задумался, как это отец мог его уважать, и сказал в раздумье:

– А ты и правда отцовский наследник? Он действительно написал завещание в твою пользу?

Он бросил на меня быстрый, подозрительный взгляд и пожал плечами:

– Если честно, я завещания не видел. Но кого еще он мог выбрать наследником, если Маркус и Хью умерли, а ты отдалился от него больше, чем когда-либо? Внебрачным детям он наследства не оставит. Уильям говорил мне, что Адриан не примет ничего, кроме символического наследства, и они оба много раз слышали от отца, что им придется зарабатывать на жизнь.

Я резко развернулся, подошел к окну, посмотрел на море. Я пытался представить себе, как буду решать проблемы шахты с Джан-Ивом, как мне придется просить у него денег, бороться с ним так же, как сейчас с отцом. Меня опять охватило отвращение и смешанное со злостью презрение, оттого что в мире так мало справедливости. Не понимаю, как можно верить в Бога, если мир так испорчен, так навечно приговорен к постоянной несправедливости.

– Сегодня приезжает Адриан, – нервно сообщил Джан-Ив, крутя дверную ручку. – Ты ведь не собираешься прямо сейчас предъявлять отцу ультиматум? Адриан решит, что я имею к этому какое-то отношение.

Он даже Адриана боялся. Мое терпение лопнуло.

– Да проваливай ты, черт бы тебя побрал, – устало сказал я. – Мы уже обо всем поговорили.

– Но ультиматум…

– Это моя проблема.

– Хорошо, – пробормотал он и выскользнул за дверь так быстро, как

только мог.

Я смотрел ему вслед, пока он не пропал из виду, а потом вернулся в контору. Я не ждал, что Джан-Ив примет мою сторону, а не отца. У меня было чувство, что на суде, если на него нажмут, он будет крайне ненадежным свидетелем.

2

К моему удивлению, у матери были серьезные опасения в отношении моего плана, и, хотя она и согласилась выполнить мою просьбу, у нее оставались сомнения в его успехе.

– Я уверена, что между Марком и Элис нет ничего дурного, – сказала она. – Она совсем не относится к тому типу женщин, которые его привлекают, кроме того, она внучка мистера Барнуэлла, одного из его старейших, самых уважаемых друзей… Да, я знаю, Роза Парриш принадлежала к этому же классу, но мне не верится, что Марк может выставить себя дураком дважды! Что до Элис, то я, конечно, не удивлюсь, если узнаю, что она давно мечтает о роли хозяйки Пенмаррика: в конце концов, она отдала этому дому десять лет своей юности; разумеется, она относится к этому как своего рода инвестиции! Но мне кажется, ей скорее нужен брак, а не связь.

Но меня доводы матери не убедили. В глубине души я считал, что врожденное достоинство не дает ей возможности реально оценивать ситуацию, и в тот же вечер, когда она ушла спать, я уселся за кухонный стол и написал ультиматум. Я потратил немало времени и исписал несколько черновиков, но в конце концов мне удалось сказать все, что я хотел.

«Сэр! – написал я. – Настоящим уведомляю Вас, что у моей матери возникло сильное желание с пользой для себя воспользоваться новшествами, внесенными в закон о браке. Ни она, ни я не хотим начинать скандальный юридический процесс, но если Вы не исправитесь и не измените некий достойный сожаления взгляд на предмет, который мне нет нужды Вам называть, то Вы можете оказаться ответчиком в прошении о разводе на том основании, что изменили своей жене с Элис Пенмар. Если Вы полагаете, что это пустая, безосновательная угроза, то могу Вам сообщить, что у меня есть доказательства Вашей измены, достаточные для того, чтобы мать могла с помощью своих поверенных подать прошение. Если же Вы полагаете, что развод будет тихим, а детали будут освещаться

по минимуму, то позвольте Вас заверить, что ничего подобного не будет. Вам удалось легко отделаться в ситуации с Розой Парриш. На этот раз Вам это не удастся. Помня о позоре, унижении и боли, которые Вы причинили моей матери в прошлом, не думаю, что Вы можете считать ее теперешнее желание развестись с Вами, чтобы дать Вам почувствовать хотя бы малую толику того, что ей пришлось переносить с тех пор, как Вы женились на ней в 1890 году, необоснованным. Мать начнет консультации с юристами через неделю после получения Вами этого письма, если не услышит от Вас положительного ответа. Остаюсь, к несчастью, Ваш сын, Филип Касталлак».

Перечитав письмо в последний раз, я решил, что оно достигнет своей цели, поэтому положил его в конверт и заклеил. Потом отправился спать, чтобы успеть урвать последние часы, остававшиеся до рассвета.

В Пенмаррик, чтобы доставить письмо, я прибыл в начале десятого. Дом тихо купался в сентябрьском солнце. Лужайки белели от ранних заморозков, цветы были побиты ночным холодом. Оставив лошадь конюху, я подошел к передней двери и позвонил.

Дверь открыл один из ливрейных лакеев, но дворецкий появился в холле, как только я переступил порог.

– Доброе утро, Медлин, – сказал я. – Отец в столовой?

– Он еще не вставал, мистер Филип. Он сегодня неважно себя чувствует. Что-нибудь передать ему?

Я заколебался, теребя в кармане письмо, и, пока я мялся у входной двери, послышался хорошо знакомый, удивленный голос:

– Доброе утро, Филип! Не слишком ли рано для светских визитов?

Под портрет первого Пенмара через холл упала тень; в следующую секунду мой сводный брат Адриан Парриш, совсем не по-священнически одетый в пуловер и широкие брюки, начал спускаться ко мне по лестнице.

Мы посмотрели друг на друга, и я, встретив его взгляд, вспомнил прошлое. От гнева я одеревенел.

– Как поживаешь? – спросил я. – Думаю, хорошо?

– Неплохо, спасибо, – сказал он. – В настоящее время жизнь меня не обижает.

Неудивительно. Жизнь никогда его не обижала. Может быть, половина моей ненависти к нему происходила оттого, что жизнь относилась к нему воистину лучше, чем ко мне.

А надо мной опять насмехался несправедливый мир. Я отвернулся и вынул из кармана письмо.

– Отдай это, пожалуйста, отцу, – сказал я, протягивая ему конверт. – С

наилучшими пожеланиями.

И прежде чем он успел ответить, я направился во двор к лошади.

3

Когда я приехал в контору, там уже был Джан-Ив. Он подслушал наш разговор в холле с Адрианом и, немедленно выбежав из дому, срезал путь через утесы и добрался до конторы за несколько секунд до моего приезда. Оказалось, что он передумал принимать участие в моем плане. Ему очень жаль, но он не может.

– Ты, чертов!.. – От гнева я перешел на лексикон Тревоза. – Ты можешь хоть на что-нибудь в жизни решиться? Да ты не стоишь и рубашки, которую носишь! Ты что, такой трус, что даже не можешь сделать то, что сам решил? Меня от тебя тошнит! На кой черт я с тобой связался!

– А какой черт дернул меня связаться с тобой и твоей чертовой шахтой! – закричал он в ответ. – Не смей обзывать меня и говорить, что не стою рубашки, которую ношу! А ты, в конце концов, кто такой? И не рассказывай мне, как хорошо ты относишься к матери и какой героизм проявляешь на шахте! Не строй из себя образец для подражания! Черт побери, и ты еще смеешь говорить, что тебя от меня тошнит, – да ты и не представляешь, как от тебя тошнит меня! Меня от тебя сейчас вырвет!

Я ударил его, несильно, просто чтобы сбить с ног, чтобы комната поплыла у него перед глазами. Он пришел в себя, поднялся на ноги, отряхнулся.

– Убирайся, – сказал я.

Его глаза были пусты. Он потер то место на подбородке, куда пришелся удар, и уставился на меня своими пустыми черными глазками. Я разбил ему нижнюю губу; когда кровь заструилась по подбородку, я невольно ощутил дрожь.

– Когда-нибудь ты об этом пожалеешь, – сказал он. – У меня долгая память. Ты еще удивишься, какая долгая. Я никому не спускаю обид.

Я сделал шаг вперед, вытесняя его из комнаты, но он неторопливо повернулся и открыл дверь. Прохладный воздух со двора охладил мне щеки. Из-за спины Джан-Ива я видел горы шлака и побережье до самого Пенмаррика.

Он сделал шаг в сторону. Я как раз собирался захлопнуть за ним дверь, но он вдруг замер и развернулся ко мне.

– Адриан идет, – сказал он.

4

Шахтеры, которые работают под землей, иногда предчувствуют несчастье задолго до того, как оно случится. Если вода заливает штольни над ними, она перестает пропускать воздух и давление в их штольне поднимается так, что в ушах начинается тонкий звон. Они хорошо знают: если в ушах начинает звенеть, пора уходить, причем так быстро, как только можно, потому что пришла беда, и к тому времени, когда шум утихнет, можно не услышать тишины.

Я был не под землей, но чувствовал себя так, словно находился именно там. Холодным сентябрьским утром я стоял высоко на корнуолльских скалах, и шестое чувство шахтера подсказывало мне, что пришла беда, словно тонкий звон в ушах велел мне уходить из шахты.

Но уйти было нельзя. Не теперь. На этот раз я попался.

Я повернулся спиной к двери.

– Может быть, ему нужен ты, – сказал я Джан-Иву, – а не я.

Я зашуршал бумагами на столе, пытаясь найти сигарету. Когда я опять поднял глаза, Джан-Ив снова был в конторе и закрывал за собой дверь.

– Что-то случилось, – сказал он испуганно. – Я не хочу его видеть, не хочу видеть никого из Пенмаррика.

– Возьми себя в руки, черт побери!

Я нашел сигарету, закурил. Мне хотелось выставить его вон, но силы меня покинули. Так мы и стояли в шести футах друг от друга и молча ждали развития событий.

Мы продолжали ждать. Я как раз подумал: «Почему Адриан так долго идет сюда?» – когда во дворе раздался цокот копыт, а потом стук сапог для верховой езды по старым гранитным камням мостовой в направлении к конторе.

– О боже! – с силой выдохнул Джан-Ив, и, словно не мог вынести ожидания ни секунды более, протянул руку и открыл дверь.

На пороге стоял Адриан, но Адриан его не видел. Адриан не видел никого, кроме меня. Адриан отмахнулся от Джан-Ива, словно от надоедливой мухи, и сделал два широких шага ко мне. Мы оказались в двух дюймах друг от друга в маленькой, тихой комнате.

– Ты убил его, – сказал он мне. Его голос дрожал. Горящие гневом голубые глаза смотрели в мои. – Чтоб тебе гореть в аду, убийца!

5

Наступила долгая, нескончаемо долгая тишина. А потом Адриан опять заговорил, на этот раз более тихим, ровным голосом.

– Папа получил твое письмо, – слышал я его безразличный голос. – Распечатал и прочел. Я там был. Я его видел. Через несколько секунд его хватил удар. Я сразу позвал на помощь, она пришла сразу, но все равно было поздно. – Он развернулся к Джан-Иву. – Полагаю, ты тоже в этом замешан.

– Я… – Джан-Ив дрожал. По щекам у него побежали слезы, как у ребенка. – Я не хотел, я не хотел, чтобы кто-нибудь узнал, пожалуйста, не говори никому…

– О боже, у тебя только что умер отец, а ты только и можешь думать о том, что о тебе скажут! Подите вы оба к черту! – Адриан вышел из хибары во двор, но остановился и повернулся ко мне. – И если ты, Филип, хотя бы нос сунешь в Пенмаррик, я тебя, черт побери…

– Для священника ты слишком часто поминаешь черта, – заметил я, – не правда ли?

Только это я и сказал. Стоял и смотрел, как он поворачивается ко мне спиной, прыгает в седло, а я произнес только это: «Для священника ты слишком часто поминаешь черта».

Джан-Ив снова принялся плакать. Оставив его один на один с театральной жалостью к самому себе, я вышел из конторы и направился к шахте. Я пошел в ту старую шахту, которую исследовал еще ребенком, и спустился в западные разработки, разветвленные, как медовые соты. Я шел от штольни к штольне, на ощупь отыскивая дорогу в запутанном лабиринте, соседствующем с Кинг-Уоллоу, и, пробираясь, говорил себе: «Это моя шахта, мой Сеннен-Гарт, последняя работающая шахта к западу от Сент-Джаста. Дело всей моей жизни».

Эти слова все крутились и крутились у меня в голове, но ничего не значили, потому что это были просто слова, а слова ничего не значат, ничего. Все злые слова, какие я говорил отцу, не значили ничего, я говорил их только ради шахты. Все, что я делал, было ради шахты, потому что я сам был шахтой, потому что я ее любил, потому что для меня она имела такое же значение, как музыка для музыканта, как краска для художника. У отца было не больше прав закрывать шахту, чем у кого-нибудь – рвать рукопись или портить картину. Но он ничего не понял, и никогда не понимал, и неожиданно мне захотелось, чтобы он все понял, я возжаждал его понимания, я думал: «Если бы он понял меня, мы могли бы начать все сначала; я не хотел причинять ему зла; я не хотел, чтобы он умер».

Я был в штольне на уровне моря. Я нашел один из выходов,

прошлепал по луже, прошел по пещере у подножия скалы. Наступал прилив. Прибой разбивался о стены пещеры, с грохотом прокатывался по песку. Ослепленный брызгами, я повернулся, нашел в скалах тропку и начал долгий путь к моторному цеху. Когда я шел к деревне, чтобы забрать лошадь у гостиницы и направиться вверх по холмам к Чуну, с моря налетел шквал. Стены замка были мокрыми от дождя, сильный, холодный ветер обдувал кряж. Дрожа, я подобрал поводья и направился вниз по холму к ферме.

Когда я приехал, мать на кухне в одиночестве чистила деталь дверного молотка.

– Филип! – От удивления она уронила медяшку и даже не наклонилась, чтобы ее поднять. – Что случилось? Что? Почему ты так рано?

Я сказал коротко, не подумав:

– Отец умер. У него был удар, он умер утром.

Я едва успел подхватить ее: она упала в обморок.

6

Когда она очнулась, я отнес ее в ее комнату и дал бренди. Наконец мне, угнетенному, проклинающему себя за глупость, удалось выдавить:

– Прости, пожалуйста, прости меня. Я не думал, что эта новость так на тебя подействует: ведь прошло так много времени.

– Да и как ты мог догадаться? – Она уже справилась со слезами и смахивала их рукой. – Я же никогда ничего не говорила. – Через секунду она добавила, взглянув на каминную доску: – Эти смешные часики отсчитывают оставшееся мне время… «Какие невероятно уродливые часы, – говорил он. – Должно быть, это часы твоего мужа». Мы потом над ними смеялись, но я так и не сказала ему, откуда они появились. Я до сих пор его вижу… Ему был всего двадцать один год. Он был в черном, потому что умер Лоренс. Черное ему шло. Люди говорили, что он некрасив, но мне он никогда не казался некрасивым, даже когда я лучше его узнала. Тогда у меня было все, все, что могла пожелать женщина, а я от всего отказалась.

– Но, мама…

– «Некоторые женщины никогда не меняются», – говорил он, но я ведь могла измениться! Ах, если бы я поняла это раньше… Но я не понимала до тех пор, пока мы не поссорились, а потом было уже слишком поздно. Если бы не Брайтон…

Я завозился с оконной щеколдой, но ее заело. Я взялся посильнее, затряс раму.

– …Мне кажется, я могла бы его вернуть, но после Брайтона я ненавидела его больше, чем любила, и с этим уже ничего нельзя было поделать.

Окно распахнулось. Я перегнулся через подоконник, но все равно слышал ее голос.

– Я не могла забыть Брайтон, – говорила она. – В этом-то и была проблема. Я не могла забыть Брайтон.

Я отошел от окна и направился к двери.

– Я поеду в Зиллан за священником, мама. Мне кажется, ему нужно с тобой побыть.

Я не дал ей возможности возразить. Я выбежал к конюшне, снова оседлал лошадь и через пять минут уже мчался как мог быстро через пустоши туда, где мои родители давным-давно летним днем впервые повстречали друг друга.

7

Позднее, когда священник ушел, мать сказала, что хочет увидеть тело. Я бы многое отдал, чтобы близко не подходить к Пенмаррику, но, поскольку моим долгом было отвезти ее, днем я запряг двуколку и повез мать в Сент-Джаст.

Меньше всего на свете мне хотелось смотреть на тело, лежащее в башенной комнате, но мать не желала оставаться одна, поэтому мне пришлось сопровождать ее по широкой лестнице, галерее и коридору. С каждым шагом я чувствовал, что меня пожирают самые примитивные из страхов: страх смерти, страх вины, страх перед неизвестными темными чувствами, которым я не мог подобрать названия. Я чувствовал, что, если увижу тело, меня вырвет, но, поскольку я не мог позволить страхам подчинить меня, я прошел за матерью в башенную комнату и заставил себя взглянуть на тело отца.

Я посмотрел на его лицо. Но неожиданно увидел только лицо Джан-Ива, так похожее на лицо отца, лицо Джан-Ива в то утро, когда кровь текла из его разбитой губы, когда он сказал отцовским голосом: «Когда-нибудь ты за это заплатишь». Потом я видел уже только кровь, кровь, струящуюся из губы, пока наконец мне не стало казаться, что самое тело кровоточит, и пол у меня под ногами закачался. Я ощупью выбрался в коридор и прислонился

к стене. Когда я смог четко видеть, то понял, что я там не один: там был Адриан и смотрел на меня. Как только я его увидел, то сразу выпрямился, закрыл дверь и смахнул пот со лба.

– Я услышал, что ты здесь, – сказал он, – и подумал, что надо тебе сказать: я сделал все необходимые приготовления. Джан-Ив, разумеется, не в состоянии ничего организовать. – Наши взгляды встретились, и я понял, что он презирает Джан-Ива так же, как и я. – Я собираюсь попросить мистера Барнуэлла, чтобы он провел похороны в Зиллане. Папа всегда говорил, что ему хочется быть похороненным там, вместе с его отцом, и мне кажется, что викарий из Сент-Джаста не обидится.

Я молча кивнул и пошел по коридору.

– Да, кстати, – добавил Адриан стальным голосом. – Никто, кроме тебя и меня, не знает, что было в том письме. Все знают о том, что оно было, но я сказал, что ты просто угрожал ему из-за шахты. Мне думается, было бы неразумным раскрывать его содержание не потому, что письмо очернило бы отца, а потому, что оно гораздо больше очернило бы тебя. Я сжег его. Мне кажется, я поступил правильно.

Я не ответил. Мне нечего было сказать, кроме слов благодарности, но я даже этого не сделал. Я ушел, а когда ковылял по лестнице в холл, то подумал, что никогда во время своих бурных визитов к отцу в Пенмаррик не чувствовал себя настолько им униженным, как теперь, когда он достал меня из могилы и опозорил перед братом, которого я презирал.

8

Мне не хотелось идти на похороны, но, конечно же, пришлось пойти. Не имело значения, что я терпеть не мог похорон, а в данном случае не испытывал и горя. Я был старшим из оставшихся законных сыновей отца, и мне надо было присутствовать там не только потому, что этого требовали приличия, но и потому, что матери в такое тяжелое время была нужна поддержка. Она даже заранее сказала мне: «Я так рада, Филип, что ты будешь со мной на похоронах», и после этого я уже ничего не смог сделать, чтобы избежать грядущей муки.

Поэтому я надел черный костюм и галстук и повез ее в Зиллан. Там были все, люди из Корнуолла и из-за Теймара, из Лондона и Оксфорда – люди, которых я никогда не видел, люди низкого происхождения тоже там были; все отцовские арендаторы пришли из Сент-Джаста, все слуги из Пенмаррика, даже Рослины пришли из Морвы. Церковь и кладбище

переполнились людьми, везде были цветы, невероятного размера венки, роскошные букеты, даже букетики диких цветов; все было красиво, пахло и умирало, и этот запах умирающих цветов заполнял церковь, висел в тихом сентябрьском воздухе.

Были корреспонденты из газет, репортер из «Таймс» хотел узнать подробности о его работе, а мне нечего было сказать им. Я мог только сказать: «Я не историк. Я ничего об этом не знаю», но на самом деле я имел в виду: «Мы не общались. Его работа значила для меня не больше, чем моя – для него», но никто этого не понимал, никто из чужих не знал, что произошло между нами. Его издатели пожимали мне руку, говорили, как они скорбят, но я был нем; мне нечего было сказать.

– Какой это был удивительный человек! – сказал один из его оксфордских друзей. – Его будет нам очень не хватать.

– Он очень хорошо относился к арендаторам, – сказал один из фермеров.

– И к слугам, – сказал молодой Медлин, а кухарка сказала:

– Он был добрый.

Я слушал их, и мне казалось, что они говорят о незнакомце. Я пытался вспомнить, когда отец был добр ко мне, но не мог; я помнил только свой голос, четко произносящий в столовой Пенмаррика: «Если ты закроешь шахту, я тебя разорю».

И вот он умер.

Мне пришлось общаться со всеми, кто пришел на похороны, и труднее всего было разговаривать с людьми, которые слышали те мои слова в Пенмаррике: с сэром Джастином Карнфортом, холодным и едва соблюдающим приличия; с Уолтером Хьюбертом, молчаливым от смущения; с Майклом Винсентом, изо всех сил старавшимся быть вежливым; со Стэнфордом Блейком, застывшим от ненависти. А когда мне уже не нужно было разговаривать с ними, мне все равно надо было общаться с семьей, а семья отнеслась ко мне так, как будто я не существовал.

Мариана сказала: «Мама, дорогая, как это все ужасно для тебя!» – и повернулась ко мне спиной.

Жанна сказала: «Мама…» – и, увидев меня, разрыдалась.

Элизабет с Джан-Ивом держались на расстоянии. Парриши держались вместе с Элис Пенмар и подальше от меня. Лицо Элис было белым и изможденным, под глазами – темные круги; она выглядела больной от горя.

Позади меня голос священника произнес:

– Сейчас, я полагаю, ты поедешь в Пенмаррик, Филип. Не хочешь ли

поехать в машине, которую Адриан нанял для меня? Я не привык к машинам и был бы рад твоему обществу.

Я ответил, не глядя на него:

– Мне нужно отвезти мать домой.

– Нет, – сказал он. – Все устроено, я только что говорил с твоей матерью. Барышни Тернер отвезут ее домой, а в такое время ей лучше побыть с женщинами. И ведь, конечно, тебе захочется поехать в Пенмаррик, чтобы немного побыть с семьей. Там всех ждет холодный обед.

Я покачал головой.

– Нет, – сказал я. – Нет. – Больше я ничего не мог произнести. – Нет, я не могу поехать.

– Тебе надо поехать. Есть обязательства, от которых тебя никто не может избавить.

Я посмотрел на него. Лицо его было старым, тело хрупким, но глаза оставались молодыми. Эти глаза никогда не менялись. Я посмотрел в эти глаза и понял, что он все знает, знает даже, что мне хочется сбежать, и все же он просил меня поехать в Пенмаррик, словно мы с отцом никогда не враждовали.

– Они ждут, что ты приедешь, – сказал он. – Мне кажется, тебе следует поехать.

Водители подгоняли машины к воротам кладбища. Я произнес неровным голосом: «Очень хорошо. Если надо…» – и мы вместе пошли по тропинке от церкви.

Шли мы молча. Когда мы ехали через пустошь к Сент-Джасту, машина с трудом взбиралась на холмы, мотор трудолюбиво рычал.

Приехали мы последними.

– Где все? – нервно спросил я. – Куда все делись?

– Наверное, в гостиной. Майкл Винсент собирался прочесть завещание. – Священник держал меня за руку. У него были удивительно сильные пальцы. – Тебе ведь нужно узнать, какое содержание он оставил матери.

– Да, – безразлично ответил я. – Да, конечно.

Мне это не приходило в голову. Когда я вслед за священником вошел в комнату, то, к своему разочарованию, обнаружил, что вся семья уже собралась и ждали только меня.

Никто не сказал мне ни слова. Около камина стоял пустой стул, но когда я предложил его священнику, то увидел, что он уже сидит рядом с Элис.

Я неловко сел.

– Итак, – сказал юрист и старейший друг моего отца Майкл Винсент, – думаю, мы можем начинать. – В руках он держал завещание и, говоря, развернул его и приготовился читать с самого начала.

Мне захотелось курить. Я начал рыться в карманах в поисках пачки сигарет, надеясь, что женщины не будут возражать, если я закурю.

– «Завещание. – Голос Винсента был четок и колок. Все замерли. – Настоящим завещаю…»

Я зажег спичку.

– «…следующее моим детям и внукам: моей дочери Мариане, маркизе Лохъялльской… Ее сыну Эсмонду, барону Руанскому…»

У Марианы и Эсмонда и так было достаточно денег; отец оставил им небольшое наследство в знак любви.

– «…детям моего покойного сына Хью…»

Еще два символических наследства для Деборы и Джонаса. Символы на этот раз были более щедрыми.

– «Моим дочерям Жанне и Элизабет Касталлак, чтобы обеспечить их, если они не выйдут замуж…»

Наследство более не было символическим. Я посмотрел на Джан-Ива. Лицо его стало белым как мел, глаза горели как угли.

– «…моей невестке Ребекке, на то время, пока она будет вдовой…»

Я подумал: «Интересно, а как бы к этому отнесся Хью?» Лично я считал, что отец был более чем щедр, оставив ей вообще хоть что-то.

– «…моей жене Джанне Касталлак, чтобы обеспечить ей тот же доход, что и при моей жизни…»

Я вздохнул с облегчением.

– «…следующее завещаю сыновьям Розы Парриш: Уильяму Парришу, в знак благодарности за все, что он сделал, помогая мне управлять имением Пенмаррик… Адриану Парришу, чтобы помочь ему в осуществлении его призвания…»

Значит, отец все-таки сдержал слово в отношении Парришей. Он не оставил им наследства, просто сделал подарки разумного размера. Сигарета погасла, и мне пришлось зажечь еще одну спичку.

– «…нижеследующее завещаю слугам: моей экономке Элис Пенмар с благодарностью…»

Для экономки это было хорошее наследство, но для любовницы маленькое.

– «…моему дворецкому Джеймсу Медлину…»

Ни один слуга, вплоть до самой последней горничной, не был забыт. Список казался бесконечным.

Винсент прочистил горло и перевернул еще одну страницу.

– «После того как все вышеупомянутые наследства будут получены, а налоги уплачены…»

Вот оно. Я снова посмотрел на Джан-Ива. Только он еще не был упомянут.

– «…вся земля, известная как Пенмаррик в приходе Сент-Джаст в Пенвите в графстве Корнуолл…»

Юридические формулировки безжалостно текли и текли.

– «…дом… все мое движимое имущество, находящееся в доме, за исключением бумаг, рукописей, статей…»

Бесконечно.

– «…и шахта, известная под названием Сеннен-Гарт…»

Моя шахта. Сеннен-Гарт. Последняя работающая шахта к западу от Сент-Джаста. Моя шахта досталась никчемному деревенщине, которого я презирал.

– «…включая всю прибыль, арендную плату…»

Моя шахта, думал я, моя шахта. Мое дело. Работа всей моей жизни.

– «Нижеследующим завещаю…»

Винсент остановился.

Наступила полная тишина. И вот:

– «…моему сыну Филипу Касталлаку», – сказал Майкл Винсент и посмотрел мне прямо в глаза.

Глава 7

Почему Ричард и старый король никогда не ладили? Их характеры во многом были схожи…

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

Ричарда короновали третьего сентября 1189 года в Вестминстерском аббатстве… Ему не терпелось пуститься в увлекательное приключение: Крестовый поход. Еще до коронации он приказал осмотреть корабли.

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

1

– «…В пожизненный траст, – продолжал Винсент, все еще глядя на меня, – а после его смерти…»

Он сказал что-то о том, что после моей смерти имение отойдет моему сыну, а если у меня не будет сыновей, то либо Джонасу, либо Джан-Иву, в зависимости от того, кого я укажу в завещании. Но я его не слышал. Я не слышал ничего. Я слышал только его голос: «Моему сыну Филипу Касталлаку». У меня голова кружилась от этих юридических формулировок, мозг отказывался их понимать, даже не пытался понять, только пытался принять, что оно было мое, в траст, но все равно мое, пожизненно мое, пока я дышу, пока буду просыпаться по утрам и смотреть на корнуолльские пустоши. Все наследство Касталлаков, очищенное от долгов и налогов, каждый кирпичик Пенмаррика, каждый квадратный дюйм земли внутри стен, каждая галерея шахты Сеннен-Гарт. Фермы арендаторов, ряды домиков в Сент-Джасте, черные утесы, золотистый песок. Рододендроны, гортензии и азалии, вереск, ежевика и утесник. Вся земля, известная под названием Пенмаррик в приходе Сент-Джаст в

графстве Корнуолл.

Он все оставил мне.

Я его проклинал, оскорблял, угрожал ему, но теперь все выглядело так, словно я и слова не произнес. Давным-давно я вышел из его дома, посмеявшись над его деньгами и над всем, что он для меня сделал, и вот выходило, будто все наши прошлые ссоры не имели значения. Я думал, что он ненавидит меня так же, как я ненавижу его, но теперь получалось, будто ненависти никогда не существовало, что наша вражда была иллюзией, созданной и подкармливаемой шахтой, и ничем иным.

И вот он оставил мне шахту. И деньги, чтобы поддерживать в ней жизнь. Он все оставил мне, но мне вдруг не захотелось ничего, потому что для меня этот подарок был ужасен, я чувствовал себя так, словно пал ниц, исхлестанный невидимым шомполом. Мне хотелось повернуть время вспять, сбежать, вскинуть руки и защититься, убежать и спрятаться, уползти в безопасное место… Но пути назад не было. Бежать было некуда, перевернуть страницы прошлого – невозможно. Все свои ошибки я уже совершил, и теперь, когда отец умер, ничто не могло их исправить. Он оставил мне шахту и деньги, и теперь мне надо было с ними жить. Мне надо было ужинать в столовой Пенмаррика и слышать свой голос, произносящий: «Если ты закроешь шахту, я тебя разорю»; сдавать чеки в банк и слышать свой голос, выкрикивающий: «Ты никогда не давал мне и пенни из своих чертовых денег!»; каждый день спускаться в шахту и выслушивать, как мои воспоминания вопят: «Ты никогда меня не понимал! Никогда даже не пытался понять! Ты ничего для меня не сделал!» Так много ужасных воспоминаний; и мне надо было с ними со всеми жить.

Я поднялся. Присутствующие посмотрели на меня. Винсент читал абзац, в котором отец назначал Адриана душеприказчиком по своим литературным произведениям, но, когда я встал, он остановился. Я взглянул на сестер. Мариана была хорошо одета, красива, ее голубые глаза были холодны как лед; Жанна была бледна, ее лицо было искажено от горя; Элизабет была холодна, враждебна. Я перевел взгляд на Парришей: на Уильяма, громоздкого и неряшливого, чей веселый рот сейчас не улыбался, на Адриана, высокого и угловатого, – лицо его было омрачено чувством, которого я не мог понять. Я вгляделся в Элис, увидел презрение к себе на ее лице с крепко сжатыми губами, а потом задержал взгляд на священнике. Он все знал. Его лицо было непроницаемым, но все же полным осознания того, что именно будет значить для меня завещание. Он знал. В лице Джан-Ива тоже было знание, не знание священника, а знание намного более горькое, и тогда я понял, что ему всегда был известен текст завещания.

Именно завещание привело его на ферму Рослин, оно заставило его втереться в доверие к матери и тем самым ко мне, завещание заставило его принимать участие в моих планах. Он сбросил со счетов шанс получить наследство от отца, но зондировал почву на предмет получения наследства каким-нибудь иным образом; он строил планы на будущее, пытаясь оказаться на правильной стороне, когда отец умрет.

Я стоял и смотрел на всех них и понимал, что они так же далеки от меня, как и я от них. Никому из них не было до меня дела. Да и почему бы им должно быть до меня дело? Ведь и мне нет до них дела. Меня интересовали только мать и шахта.

Я вышел из комнаты. Никто ничего не сказал. Никто меня не остановил. Я выскользнул из дома, побрел по дороге, направился через скалы к шахте, но и на шахте мне не было утешения, не было покоя – только темная загадка главного ствола и отвратительный выброс воздуха из печи, и в конце концов я двинулся дальше, в Сент-Джаст, к Морве, вверх по холмам, к пустоши, к Чуну. Я шел и шел. Я ничего не замечал, ничего не чувствовал. Я даже не знал, куда иду. Добравшись до замка, я чуть было не спустился по холму к ферме, но понял, что еще слишком рано, что я еще не могу решиться сказать ей. Знание было слишком постыдным. Мне хотелось поговорить об этом, попробовать снять с души ужасный груз, но поговорить было не с кем, кругом не было ничего, кроме широко расстилающейся пустоши, редких порывов ветра с дождем и видневшегося далеко на горизонте разрушенного моторного цеха шахты Динг-Донг.

Я пошел к Зиллану.

После того как рассеялась толпа, собравшаяся в церкви на похороны, деревня стихла. На улице никого не было. Я вошел в опустевший церковный двор, там было покойно. Могила отца была засыпана цветами, и когда я шел по дорожке, их аромат плыл мне навстречу. Легкий ветерок шевелил головки экзотических цветков, и, глядя на них, я вспомнил, что от меня здесь нет ни одного венка. Мать послала цветы от моего имени, но оплатила их сама. Я же не вложил ни одного пенни собственных денег, чтобы организовать отцу достойные похороны. Ни пенни.

Я сказал себе, что бесполезно жалеть о том, чего не сделал. Какая разница? Отец не мог увидеть эти цветы, не мог узнать, кто прислал венки, а кто – нет. И сожалеть теперь, мучиться желанием положить еще цветов на могилу, и без того засыпанную ими, было не только нелепостью, но и непростительной сентиментальностью.

И все же…

Я стоял у церковной стены. Я больше не мог думать; я только увидел

скопления одичавших маргариток, все еще цветущих под защитой старых камней, и стал, наклонившись к ним, обрывать стебельки ближе к корню. Я не спешил. Я просто одну за другой срывал маргаритки, пока глаза мои вдруг не ослепли и я не перестал видеть.

Легкие цветы выпали у меня из рук. Земля под ногами была усыпана их лепестками, но я различал только белое расплывчатое пятно и, внезапно закрыв глаза ладонями, оперся о стену и заплакал, как не плакал с тех давних пор, когда был ребенком, в те времена, о которых старался забыть.

Плакал я долго. Лучше я себя потом не почувствовал, просто ощущал опустошение и скорбь. Я сел на землю спиной к стене и уставился на утопающий в венках могильный холм, но думать было не о чем; поздно было желать, чтобы прошлое сложилось по-другому, и хотя я пытался молиться, но не мог, веры у меня не было. Я все сидел и сидел на погосте. Я потерял счет времени. А когда заметил, что тени удлиняются, то услышал отдаленный стук кладбищенских ворот и понял, что больше не один.

Я ждал. Я услышал его шаги по дорожке, увидел его темный костюм, чернеющий на фоне серых могильных камней. Я видел, как он подошел к могиле отца, закрыл в молитве глаза, а когда открыл их, то обнаружил, что я за ним наблюдаю, сидя спиной к старинным камням среди старинных заброшенных могил.

Мы долго смотрели друг на друга, он и я, Адриан Парриш и Филип Касталлак, а между нами простиралась монументальная стена нашего общего прошлого, бесконечная пустошь вражды, которая разделяла нас более двадцати лет.

Он сделал шаг по направлению ко мне, потом отступил назад. Это было выше его сил. Через секунду он повернулся, быстро пошел по тропинке и исчез в тени крыльца.

А стена, разделявшая нас, рассыпалась в пыль. Пустошь стала просто миражом прежней ревности, и я почувствовал себя свободным.

Я пошел за ним. Поначалу я подумал, что он теперь в церкви, но ошибся. Он все еще был на крыльце, все топтался, словно не знал, что делать; рука его лежала на старом железном кольце, которое поднимало засов и открывало дверь. Моя тень упала в дверной проем; он поднял глаза. И вот мы стояли наконец лицом к лицу и впервые в жизни были равны.

2

– Мы всегда были равны, – сказал Адриан. – В том-то и была

проблема. Мы оба хотели лучшего для своих матерей и, следовательно, оба, каждый на свой манер, досаждали отцу. Нет ничего удивительного в том, что мы никогда не ладили. Да и как мы могли ладить? Мы шли по одной и той же дороге, просто в разных направлениях, поэтому, когда встречались, каждая наша встреча превращалась в лобовое столкновение.

Я не мог взять в толк, о чем он говорит. Я не мог поверить в то, что он рассказывает.

– Ты думаешь, что был единственным, кто досаждал папе? Мой дорогой Филип! Я использовал другую тактику, но уверен, он иногда просто не знал, что со мной делать. Конечно, в Алленгейте я тебя доставал. А ты вел бы себя по-другому, если бы был на моем месте? Я ревновал, чувствовал себя беззащитным, меня постоянно преследовал страх, что мое незаконное рождение ставит меня ниже тебя.

Он боялся, что его положение хуже, чем мое. Я не мог усвоить это. Мой рассудок пасовал перед этим.

– Да, конечно, я делал все, что мог, чтобы быть с папой в хороших отношениях, почему бы и нет? Это было для меня наилучшей защитой против моей ужасной беззащитности. Когда я не изводил его своим дурацким поведением, я старался завоевать его любовь. Да, мне действительно нравилась история, да, я и в самом деле разделял некоторые его взгляды, но так ли уж мне все это нравилось бы, если бы я не лез из шкуры вон, чтобы добиться одобрения с его стороны? Сомневаюсь. Понимаешь, я был вовсе не точно таким, как он. Я ясно понял это, когда после войны поступил в Оксфорд и попытался пойти по его стопам.

Я хотел сказать что-то, но слова не находились. Я мог только слушать.

– Тогда я уяснил истину, – сказал Адриан. – Я понял, что история мне нравится, но скорее как хобби, как упражнение для ума. И все. Из меня никогда бы не вышло хорошего историка. У меня не было… как сказать? У меня не было страсти к истории.

Страсти.

– А папа был другим. История была его страстью. Это было его делом, делом всей его жизни. Ты когда-нибудь читал его книги? Его статьи, рефераты? Ты когда-нибудь слышал о его академических спорах с другими историками, взгляды которых отличались от его собственных? Когда-нибудь слышал об одном его большом друге из Оксфорда, о том, с которым он поссорился и которого довел до краха? Нет, наверное, не слышал. В конце концов, история тебя не интересовала. Ты был слишком занят своей шахтой.

Моя шахта. Я был безгласным. Лишенным дара речи.

– Я пытался заняться историей, как ею занимался папа, но не смог. Долгие часы исследований, фанатичное внимание к деталям, погружение в события давнего прошлого до такой степени, что начинаешь отождествлять себя с персонажами, которыми занимаешься, и думать, как они, – нет, это было выше моих сил. У меня не было таких амбиций. А у папы были. Мне кажется, что если бы мне пришлось защищать оригинальную историческую диссертацию, которую сурово раскритиковали бы академики, то я бы потом сбежал от стыда, спрятался в уголок, чтобы зализывать раны. Но папа был не таким. Он был стойким, ему было все равно, с какой критикой он столкнется, потому что он был убежден, что прав, а остальные не правы. Он безжалостно подавлял оппозицию, потому что для него ничто не имело значения, кроме той точки зрения, которую он разделял. Для него историческая правда была настолько важна, что он ничему не позволял встать у нее на пути, даже старой и высоко ценимой дружбе. Но я не мог быть настолько жесток. Во мне этого нет. На самом деле я был на него нисколько не похож. Мы были сделаны из разного материала.

Наступило молчание. Наконец мне удалось что-то выговорить. Не помню что.

– Нет, в его завещании много логики, – сказал Адриан. – Оно справедливо. Он знал, что Джан-Ив слишком незрел, чтобы управлять большим наследством. Он знал, что оставить наследство мне или Уильяму было бы глупо, не только потому, что мы незаконные дети, а потому, что нам оно не нужно. У Уильяма нет амбиций; он счастлив тем, что у него есть, а я – что священнику делать с большим наследством? Для меня оно стало бы скорее обузой, чем опорой, к тому же Пенмаррик мне никогда и не нравился. Оставался ты. Но тебе не следует думать, что ему пришлось завещать все тебе только потому, что больше некому было. Он действительно хотел оставить наследство тебе. В этом ведь есть логика, не так ли? Когда начинаешь задумываться о главных жизненных ценностях, то что такое ваши ссоры? Ты говорил на языке, который он понимал. Это было главным. Он редко тебя видел, но ему и не надо было часто тебя видеть, чтобы хорошо узнать, потому что вы говорили на одном языке, на том языке, на котором он говорил всю свою жизнь.

Я не проронил ни слова. Мне надо было бы сказать так много, но, что бы я ни сказал, все равно этого было бы недостаточно.

– Ты его не знал, – сказал Адриан, – но он тебя знал. Вот так. Это правда. Ты ведь так и не узнал его по-настоящему?

3

Я сказал матери с осторожностью:

– Он все оставил мне, кроме небольших долей для других, а также твоего содержания. Мне он оставил все. В доверительную собственность. Все будет моим, пока я жив, а потом отойдет моему сыну, а если у меня не будет сыновей, то одному из наследников отца, носящих фамилию Касталлак и живых в момент смерти отца. Это означает – либо Джан-Иву, либо Джонасу, но не Эсмонду, и я смогу в завещании назначить наследником любого из них.

Она не могла в это поверить. Я все повторял ей это, а она, в свою очередь, повторяла за мной, словно не могла поверить своим ушам. Она, как и я сам, думала, что все отойдет Джан-Иву.

– Значит, тебе больше не нужно будет беспокоиться из-за шахты, – наконец сказала она, а потом воскликнула: – Филип, я так за тебя рада! Но…

– Да?

– Мне кажется… – Она заколебалась, а потом неуверенно произнесла: – Теперь ты, конечно, будешь жить в Пенмаррике.

– Да, наверное, придется, но…

– Ничего не поделаешь, Филип, ты должен! Мне, естественно, очень хотелось бы, чтобы ты остался здесь, но я прекрасно понимаю, что было бы неправильно предполагать, что ты останешься на ферме после всего, что произошло. Теперь, когда у тебя есть Пенмаррик и шахта… Ты будешь думать о сыне, чтобы ему все оставить, разве не так? Ты захочешь жениться. Я не допускаю и мысли, что ты не сможешь жениться и поселиться с женой в Пенмаррике; не бойся оставить меня одну на ферме. Ты ведь не женился до сих пор не из-за меня, правда? Потому что мне бы хотелось, чтобы ты женился и завел детей, дорогой, в самом деле, ничто не доставило бы мне большего удовольствия, чем это… Ты ведь хочешь жениться, правда, Филип? Тебе ведь хочется детей?

– Да, конечно, мама! – подтвердил я, смеясь. – Разве я когда-нибудь говорил, что это не так?

И правда, впервые в жизни мысль о браке не была для меня неприятной. Я вспомнил своего племянника Эсмонда и подумал: «Как бы хорошо было, чтобы у меня был сын, человек, в котором я сумел бы воспитать интерес к усадьбе, который полюбил бы шахту, как люблю ее я, и поддерживал бы в ней жизнь после того, когда наступит и мой черед

умереть». Я знал, что мне нужно жениться. И все же я решил подождать еще немного, пока все устроится, налоги и наследства будут выплачены, и я узнаю, каково мое реальное финансовое положение. Спешить было некуда. Я тридцать один год не женился, так что еще один год вряд ли имел значение.

Я продолжал строить планы на будущее. И вскоре перестал думать о браке. Мысль о том, что надо найти жену, опять отошла на задний план, вместо этого думы мои вернулись, как это всегда бывало, к шахте.

Но теперь это была не просто моя шахта. Не просто Сеннен-Гарт, последняя работающая шахта к западу от Сент-Джаста. Это была шахта, которой я владел и которую контролировал. Шахта, которую никто никогда больше не закроет.

4

Бухгалтер Стенфорд Блейк сказал мне, что нужно очень много денег для поддержания шахты в рабочем состоянии. Еще он сказал, что я буду удивлен тем, что Пенмаррик очень дорог в содержании. Еще он напомнил мне, что мои финансовые ресурсы по-прежнему ограниченны, коль скоро я не могу тронуть ни пенни из капитала, который отец оставил мне в доверительную собственность, и посоветовал поговорить с управляющим и с экономкой, чтобы получить более ясное понимание того, сколько мне придется тратить в год.

На следующий же день я поехал в Пенмаррик, чтобы поговорить с Элис Пенмар.

– Я так рада, что ты приехал, Филип, – сказала Элис самым вежливым тоном, – потому что я сама хотела с тобой поговорить. Я хотела бы заявить об уходе. Я уйду, как только ты найдешь мне подходящую замену. Надеюсь, это не создаст тебе неудобств.

Мы были в гостиной Пенмаррика, стояли лицом друг к другу у камина. Она была в черном. Волосы откинуты назад с некрасивого лица, у узкого рта залегли глубокие морщины. Глаза, как и у ее деда, были непроницаемы.

– Напротив, – сказал я, – это очень кстати. Я как раз хотел уволить экономку и просить Жанну вести хозяйство.

– Правда? – сказала Элис. – Что ж, надеюсь, Жанна справится. Она ведь ничего не знает о том, как вести хозяйство.

– Я с ней этого еще не обсуждал. Если она не захочет, мне придется найти кого-нибудь на твое место, но мне очень хочется сэкономить как

можно больше на ведении хозяйства.

– В самом деле, – сказала Элис.

Наступила неловкая пауза. Я задумался, как часто задумывался и раньше, узнает ли кто-нибудь правду о ее истинных отношениях с отцом. Почему с ним случился удар? Потому что обвинения в моем ультиматуме были правдой, как я и подозревал? Или потому, что они были так далеки от правды, что самая мысль о подобном была для него убийственна? Теперь я никогда не узнаю правды. Отец в могиле, а Элис не скажет.

– Ты ищешь места где-нибудь еще? – неуверенно спросил я, чтобы прервать молчание.

– Нет, – сказала Элис, холодная, как тот айсберг, что потопил «Титаник». – Я выхожу замуж за сэра Джастина Карнфорта и переезжаю в Карнфорт-Холл.

Не знаю, что отразилось на моем лице. Слово «остолбенение», вероятно, слишком слабо, чтобы это описать.

– Объявление появится в «Таймс» в понедельник, – продолжала Элис. – Дедушка будет очень рад тому, что я наконец-то пристроена, я в этом уверена, и все уладится наилучшим образом. Как ты знаешь, сэр Джастин вдовеет уже несколько лет, и он уже давно хотел на мне жениться. Но до сих пор время было неподходящим.

– Понимаю, – сказал я. Я искал подобающие случаю слова. – Нужно будет поздравить сэра Джастина, когда увижу. Надеюсь, ты будешь счастлива.

– Спасибо, – лаконично ответила Элис. – Буду.

Наступила еще одна пауза.

Я не смог сдержаться. Я слишком привык говорить, что думаю, чтобы сдержаться.

– Полагаю, – сказал я, – отец знал о твоих планах.

– Да, – сказала Элис. – Мы часто это обсуждали. Он очень хотел, чтобы я воспользовалась такой замечательной возможностью. Очень волновался, что я упущу свой шанс стать леди Карнфорт, испорчу все промедлением, но я взвесила ситуацию и решила, что Джастин может немного подождать. И он подождал, благослови его Господь! Ну разве мне не повезло? И в таком случае разве я плохо просчитываю ситуации?

– Да, – сказал я, – очень хорошо, Элис.

– Ты знаешь, я когда-то была в тебя влюблена, но в конце концов ты заставил меня понять, что я просто теряю время. Ну что ж, ничего страшного. Любая девушка должна раз в жизни сильно влюбиться, чтобы набраться опыта. Вот я и набралась. А что еще я могла сделать в той

ситуации? Так или иначе, через некоторое время я с собой справилась и принялась подсчитывать преимущества. Мне повезло, что я вела хозяйство для твоего отца. Он был таким прекрасным ученым, мне очень нравилось его общество. Он очень волновался, как бы люди не стали говорить лишнего, оттого что мы ужинаем вдвоем и тому подобное, особенно он волновался во время войны, когда мы с ним часто оставались в Пенмаррике наедине, но я сказала, чтобы он не волновался. Я просчитала ситуацию. Пусть люди говорят, что хотят, – пока у них нет доказательств, не имеет значения, что они болтают. – Она остановилась и внимательно посмотрела на меня. – И никто ничего не доказал, – сказала она, – и никогда не докажет. Я знала, что правильно просчитала ситуацию… Пожалуйста, извини меня, Филип. Мне надо идти, я так занята сейчас, у меня очень много дел. Да, кстати, ты ведь придешь на свадьбу? Думаю, она будет весной. – И, оставив меня безмолвно стоящим у камина, она гордо выплыла из комнаты.

Я редко чувствовал себя таким идиотом.

5

Жанне не хотелось становиться экономкой, но, когда я пообещал, что вскоре женюсь и поэтому ее новые функции будут временными, она согласилась попробовать. Потом я обсудил с Уильямом возможность сокращения расходов на содержание усадьбы, но в целом не могу сказать, чтобы он мне слишком помог. Из его слов я понял, что он и так уже уменьшил расходы до минимума и дальнейшая экономия была бы ошибкой. Пообещав себе разобраться в том, как Уильям управляет усадьбой, как только смогу выкроить время от забот о шахте, я оставил его и переключился на Джан-Ива.

– Ну и чем ты теперь собираешься заняться? – сардонически спросил я. – Будешь сидеть на заднице и ждать, пока я назначу тебя своим наследником?

Надо отдать Джан-Иву должное: будучи припертым к стенке, он может за себя постоять. Когда я сопоставил его неожиданное мужество с паникой, которую он продемонстрировал в день смерти отца, то решил, что его характер представляет собой еще более странную смесь, чем мне казалось раньше. Это было настоящее скопление противоречий. Ни в чем из того, что он делал, не было логики.

– Если ты думаешь, что мне нравится бездельничать, то ты ошибаешься, – резко заявил он. – Я не собираюсь быть праздным

джентльменом и жить у тебя из милости. Я не боюсь работы. Если ты меня возьмешь, я буду работать на шахте.

– В каком качестве? – осведомился я, ни секунды не сомневаясь, что говорит он несерьезно. – Подмастерья под землей?

– Если хочешь, – сказал он и глазом не моргнув. – Когда мне приступать?

Мы посмотрели друг на друга. «О боже, – понял я, – он говорит серьезно. Он и правда собирается спуститься в шахту. У него больше мужества, чем я думал».

– Я начну снизу, – упрямо говорил Джан-Ив, – и дорасту до положения наверху. Мне кажется, я мог бы быть полезен Уолтеру Хьюберту, но сначала я хочу посмотреть, что происходит внизу, а если ты подозреваешь, что я говорю несерьезно, то почему бы тебе не дать мне возможность по крайней мере попробовать?

Помолчав, я сказал:

– Хорошо, но тебе не стоит так распинаться, чтобы вернуть мое расположение.

– Я думаю не о твоем расположении, а о своем будущем! Я хочу жить и работать в этой части Корнуолла. Здесь мой дом. Поэтому почему бы мне и не хотеть узнать все о шахте, а потом не работать в семейном бизнесе? Мне кажется, мое решение не такое уж и экстраординарное, как ты, похоже, считаешь.

– Может быть, и нет.

Я об этом задумался. Я все еще не был склонен доверять Джан-Иву, как не доверял и Хью, но его предложение начать работать под землей произвело на меня должное впечатление, мне хотелось верить, что он стремится честно зарабатывать на жизнь, если имеется такая возможность. Кроме того, с тех пор как Хью предлагал мне свои услуги, ситуация в конторе изменилась: Уолтер Хьюберт старел, а клерк Слейтер годился лишь на то, чтобы выполнять обязанности простого помощника. Если Джан-Ив хорошо покажет себя на шахте, то не исключено, что его можно будет обучить и он сможет занять место Уолтера, а когда-нибудь станет казначеем.

– Хорошо, – сказал я неожиданно. – Давай попробуем и посмотрим, что получится. Завтра я поговорю с Тревозом и попрошу его обучить тебя начаткам дела. Если у него возражений не будет, сможешь приступить к работе в понедельник.

Я все еще не мог поверить, что он говорит всерьез. А когда неделей позже я спросил Тревоза об успехах Джан-Ива, то не мог поверить, что

всерьез говорит Тревоз.

– Этот твой братишка такой забавный, – сказал он мне за пинтой пива в пабе. – Смелый такой парень. Шахта ему не нравится, он терпеть не может находиться под землей, до смерти боится динамита, но терпит. В нем нет высокомерия. Он не доказывает всем, что лучше всех. Мне он нравится.

Я был изумлен. Тревоз редко признавался, что ему кто-то нравится, редко кого-нибудь хвалил. На самом деле я был так удивлен, что подольше посмаковал бы это чудо, если бы в тот момент голова моя не была так занята финансовыми проблемами шахты. Вскоре я отправился в Пензанс, чтобы повидать своего банковского менеджера и обсудить с ним возможность кредита, но его ответ не настолько окрылял, насколько мне хотелось бы. Во всяком случае, мне так показалось.

– Дорогой мистер Касталлак, – сказал он мне извиняющимся тоном, – мне бы очень хотелось вам помочь, но вы, конечно же, понимаете, что времена сейчас крайне тяжелые. Я был бы счастлив предоставить вам половину требуемой суммы. Две трети чрезвычайно сложно. Кредит же еще более крупный, боюсь, совершенно невозможен. – И он завел разговор о том, что поместье находится у меня в доверительной собственности, о том, что шахтерское дело пребывает в депрессии, и довел меня до такого отчаяния, что я вышел из его кабинета намного решительнее, чем следовало.

На Маркет-Джу-стрит я решил охладить свой пыл и прогуляться по городу, по извилистым улочкам над гаванью и по холму к эспланаде и садам Морраб. Я не мог поверить, что, несмотря на наследство, мне так сложно получить живые деньги. В гневе я шагал вперед. В голове начали крутиться всевозможные «если бы только». Если бы только у меня был капитал, который я мог бы тратить. Если бы только я мог продать Пенмаррик и вложить вырученные деньги в шахту. Если бы только… Мне приходили в голову сотни «если бы только», но ни одно из них не решало моих проблем.

Мне нужны были деньги.

Мне нужен был сын.

Я остановился и посмотрел на море. Если бы я женился на богатой женщине, обе эти мои проблемы были бы решены.

Я развернулся. Передо мной была гостиница «Метрополь», где шесть лет назад я ужинал с действительно очень богатой женщиной.

Конечно! Я в восторге улыбнулся. Прекрасное решение. Мне нужно жениться на Хелене Мередит.

И, довольный тем, что меня осенила такая прекрасная мысль, я

повернулся и бодрым шагом пошел прочь от моря к центру города, где мой шофер ждал меня в машине из Пенмаррика.

Глава 8

(Ричард) использовал Англию, как банк, из которого он мог брать и брать деньги, чтобы финансировать свои честолюбивые подвиги в чужих краях… Говорят, что однажды он сказал: «Я бы продал Лондон, если бы мог найти подходящего покупателя».

А. Л. Пул.

Оксфордская история Англии:

от «Книги Судного дня» Вильгельма Завоевателя до Великой хартии вольностей

Чтобы добыть денег, все спускалось с убытком… Все было выставлено на продажу.

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

1

Конечно, я не был настолько глуп, чтобы вообразить, что влюблен в Хелену, но я был достаточно честен с собой и уже не строил иллюзий, что сильно влюблюсь в кого-либо, а раз так, то решил воспользоваться ситуацией наилучшим образом. Я не любил ее, но она мне нравилась, я ее уважал и не видел, почему бы нашему браку не увенчаться успехом. Вероятно, я хотел жениться на ней прежде всего ради денег, но был готов постараться составить ее счастье, и она мне все-таки нравилась. Я не смог бы связать себя с кем-нибудь, кто мне не нравился, даже ради Сеннен-Гарта.

Я представления не имел о том, находит ли она меня привлекательным или нет, но мне казалось, что теперь, когда я стал хозяином Пенмаррика, я стал достаточно привлекательной партией, а в тот единственный раз, когда я приглашал ее на ужин, нам было о чем поговорить. Но как только я

вспомнил тот вечер в «Метрополе» почти шесть лет назад, я забеспокоился. Может быть, ей не понравилось, что больше я никуда ее не приглашал? Может быть, она заподозрила истинную причину приглашения и ей не понравилось, что ею воспользовались в корыстных целях. Но каковы бы ни были ее чувства, мне нужно было, чтобы изменить нашу прозаическую дружбу, впрыснуть в нее немного романтики и вести себя так, словно я только что заметил Хелену. Конечно, не следовало попирать приличия с ловкостью слона в посудной лавке, заявляя с присущей мне открытостью: «Послушай, я знаю тебя шесть лет и теперь неожиданно понял, что ты мне нравишься и я мог бы найти применение твоим деньгам. Почему бы нам не пожениться?»

Такое было немыслимо. Требовались деликатность, тонкость, даже хитрость. Для этого мне надо было вести себя вопреки собственному характеру.

Какое-то время я потратил на размышления, и наконец мне пришло в голову дать в Пенмаррике небольшой ужин на восемь – десять человек из своих сверстников, чтобы привлечь внимание Хелены и направить наши отношения в новое русло. Жанна и я будем хозяином и хозяйкой, а кроме Хелены и ее брата, я решил пригласить Уильяма, Джан-Ива и, возможно, Ребекку, которую не видел уже несколько месяцев из-за ее ссоры с матерью. Я не сердился на Ребекку; я поссорился с Хью, а не с ней, да и горечь, которую я испытывал по отношению к Хью, померкла после его смерти. Помимо Ребекки мне нужно было пригласить еще одну особу женского пола для равного количества, ну а поскольку мне казалось, что следовало похвастаться перед Хеленой своим положением в графстве, то я решил пригласить Фелисити Карнфорт, единственного выжившего ребенка сэра Джастина. Фелисити, похожая на лошадь крепкая девушка в возрасте хорошо за двадцать, была комична, но я не мог придумать, кого еще пригласить. Сестры Питера Уеймарка были уже замужем, а девушки Сент-Энедок находились в Лондоне; даже Лиззи, чье присутствие могло бы стать удобным разрешением проблемы, проводила Рождество у друзей в Кембридже.

Ужин состоялся в канун Рождества и, к моему невероятному удивлению, оказался гораздо успешнее, чем я ожидал. Поначалу я до смешного нервничал, но вскоре взял себя в руки, а после ужина мне удалось подсесть к Хелене в гостиной и сделать ей пару комплиментов. Это было несложно. На ней было бледно-зеленое платье, волосы высоко подняты, и она, без сомнения, была самой привлекательной женщиной в комнате.

Вскоре я сказал ей непринужденным тоном:

– Надеюсь, мы будем чаще видеться теперь, когда я веду более нормальную жизнь.

– Нормальную?

– Вряд ли мою жизнь можно было назвать нормальной, когда я жил на ферме и работал на шахте. Когда к Новому году я перееду в Пенмаррик, все будет по-другому.

– Надеюсь, ваша жизнь не слишком изменится, – сказала она с улыбкой. – Вы не должны радикально меняться теперь, когда стали хозяином Пенмаррика.

– Если я и изменюсь, – сказал я, – то обещаю вам, что к лучшему.

И мы улыбнулись друг другу.

На следующей неделе я пригласил ее на обед в Пенмаррик и стал регулярно заглядывать в особняк Ползиллан. Каждый мой шаг был успешен; ни одно предприятие еще не шло так четко по плану. К февралю я решил, что пора еще раз сводить Хелену в «Метрополь», потому что к этому времени мне уже удалось занять такое положение в ее глазах, что я мог оправдаться насчет нашего предыдущего визита туда, и после поездки в Пензанс на машине из Пенмаррика мы отлично поужинали в роскошном ресторане «Метрополя». Мне не хотелось вспоминать наш предыдущий визит, но Хелена сама заговорила о нем без малейшего смущения, и я сразу понял, что она на меня не сердится и ей не нужны никакие неловкие объяснения. Я почувствовал такое облегчение, что пригласил ее на танец, но она, кажется, знала, что я не люблю танцевать, и поэтому предложила взамен прогуляться по эспланаде.

В отличие от предыдущего вечера, когда мы гуляли там, сегодня небо было затянуто тучами, луна не светила. В саду Морраб дрожали пальмы, листья с тоской вздыхали о родных тропиках. Море дружелюбно билось о берег, а с юго-запада наши лица овевал холодный ветер.

Я быстро соображал. К тому времени я весьма регулярно встречался с Хеленой на протяжении полутора месяцев. Мы уже хорошо узнали друг друга. Единственное неловкое препятствие, тот короткий ужин шесть лет назад, было без труда преодолено. Я вел себя по отношению к ней с более чем просто дружеским интересом, изображая настойчивое, но вполне приличное ухаживание; если только она не была дурой (а дурой она не была), то уже должна была догадаться, что я ухаживаю за ней не без цели, и теперь мне стоило выказать более явный интерес, если я не хотел, чтобы ей это надоело. Я вспомнил, что в их доме появился новый врач, некий молодой человек по имени Доналд Маккре, который навещал ее брата по

нескольку раз в неделю; я ничего о нем не знал, но его присутствия в жизни Хелены, каким бы невинным оно ни казалось, было достаточно, чтобы напомнить мне, что она может оказаться привлекательной и для других поклонников. Если я буду слишком долго колебаться или не смогу соответствовать ее представлениям о том, как должен вести себя влюбленный мужчина, то в одно прекрасное утро рискую обнаружить, что она помолвлена не со мной.

– Должно быть, я был слеп шесть лет назад, – сказал я непринужденно. – Подумать только: пригласить вас поужинать один раз и больше никогда не приглашать!

А когда она повернулась, чтобы улыбнуться мне, я ее обнял и наклонился, чтобы поцеловать.

Я был удивлен тем, как теплы ее губы. Мне почему-то всегда казалось, что женские губы дряблы и холодны. Но ее губы были не такие. Они были теплыми и упругими, приятно влажными.

– Мм! – сказал я в удивлении.

Она вздохнула, на секунду сомкнула веки, а когда снова открыла глаза, я более не сомневался, что она меня любит.

2

Все оказалось проще, чем я ожидал. После того вечера в Пензансе я видел Хелену еще несколько раз в течение февраля и к началу марта решил, что вполне могу сделать предложение раньше, чем планировал. В соответствии с этим решением в одно мягкое мартовское утро, из тех, что так напоминают о близости весны, когда воздух так соблазнительно тепл, я пригласил Хелену Мередит на прогулку по пустоши и после подобающей случаю романтической сцены среди стен Чуна попросил ее выйти за меня замуж.

Моя рука обнимала ее. Я почувствовал, как она вздрогнула, и на один ужасный момент подумал, что она сейчас разразится слезами, но она не расплакалась. Может быть, Жанна и тысячи других женщин поступили бы так, но не Хелена. Из всех ее замечательных качеств меня более всего восхищало нерушимое самообладание.

Она повернулась ко мне. Глаза ее горели от радости. Губы, чуть приоткрытые, потянулись к моим. Когда мы поцеловались, я шутливо спросил:

– Это значит «да»?

– Конечно, – сказала она.

Ее готовность смутила меня, но я все равно был польщен. Теплая волна удовлетворения, оттого что трудное дело с успехом завершено, заполнила меня. Это было приятное чувство.

Новость о нашей помолвке была воспринята с различной степенью восторга и удивления, начиная от вполне предсказуемого экстатического состояния матери до потрясения Джан-Ива. Не понимаю, почему он был так изумлен, хотя я и подозревал, что он уже записал меня в неисправимые холостяки и так привык считать себя моим наследником, что мысль о племяннике-узурпаторе была слишком ужасна для него, чтобы быстро к ней привыкнуть. Уильям с удовольствием воспринял новость, Джералд Мередит был так мил, что заказал шампанское, а Жанна была почти так же возбуждена, как и мать. Даже Медлин Младший, выражая мнение всей прислуги Пенмаррика, ходил с очень гордым и важным выражением лица.

– Очень хорошая новость, сэр, – пророкотал он своим хорошо поставленным голосом. – Очень хорошая. Мы все вас поздравляем, сэр, и желаем вам и мисс Мередит всего наилучшего.

Мои друзья на шахте приняли новость одобрительным ревом, и все, кроме Тревоза, сгрудились вокруг меня, чтобы пожать руку и похлопать по спине. Тревоз выглядел обиженным. Я этого ожидал, но в глубине души думал, что он ведет себя неразумно. Никому нет вреда оттого, что ты женоненавистник, но не ожидай, что и все станут обходить женщин стороной.

К счастью, к вечеру он взял себя в руки и пришел в паб вместе со всеми, чтобы поднять за меня тост. Он не пытался извиниться за то, что дулся, и я слишком хорошо его знал, чтобы ожидать извинений, но он был достаточно дружелюбен, поэтому я с облегчением забыл об утреннем инциденте. В то время у меня было слишком много забот, чтобы забивать себе голову ерундой.

Пожениться мы решили в первую субботу июля, и, пока Хелена начала делать предварительные приготовления, я взялся за решение проблемы, что делать с членами моей семьи, которые жили в Пенмаррике. Я знал, что Уильям с удовольствием покинет дом, как только я въеду, потому что он мне так и сказал после смерти отца, предложив, чтобы упростить ситуацию, поддерживать наши отношения не только на дружеской, но и на деловой основе. Посоветовавшись с ним, я сдал ему в аренду за номинальную плату старый каменный дом на краю Сент-Джаста – предыдущий арендатор, отставной моряк, умер месяцем ранее, и со времени его смерти дом пустовал. Дом был больше, чем любой из

деревенских коттеджей, в хорошем состоянии, и при нем был сад площадью примерно в полгектара. Уильяма устраивало такое положение вещей, я тоже был доволен, что он достойно устроен в отдалении от Пенмаррика. Когда он перебирался в свой новый дом, я послал ему чек, чтобы оплатить расходы, связанные с переездом, но он, видимо, счел, что я уже достаточно для него сделал, и, как я понял впоследствии, проверяя состояние своего банковского счета, так и не предъявил мой чек к оплате.

Но вскоре он все же принял от меня чек, на этот раз в качестве свадебного подарка – Чарити в конце концов заставила его на себе жениться и дотащила его до местного бюро регистрации. На свадьбу никто не пришел, кроме Джан-Ива, и Уильям никогда о ней не упоминал, хотя Чарити и позаботилась о том, чтобы носить самое большое обручальное кольцо, какое могла достать, и получила много удовольствия, представляясь в Сент-Джасте как миссис Парриш. Не понимаю, зачем Уильям на ней женился. Правда, Чарити шантажировала его тем, что отказывалась вести хозяйство в его новом доме, если он на ней не женится, но Уильям мог бы заполучить другую женщину из рабочего сословия на более удобных для себя условиях. А если уж на то пошло, если он приучил себя к мысли о браке, то мог бы подыскать и женщину из своего класса. Но мне было известно, что при мысли о браке Уильяма всегда охватывал ужас. Его взгляд на этот предмет был неортодоксален, и я всегда удивлялся, каким образом человек, столь приверженный традициям, не только проповедует свободную любовь, но и осуществляет на практике. Так что раз уж он решил забыть о своих эксцентрических взглядах, то это было его дело, а не мое. Все, что я мог сделать, – это пожелать ему удачи, скептически при этом размышляя, долго ли продлится такой брак. Мне казалось, что они оба вскоре поймут, что верность того не стоит.

После Уильяма я занялся Джан-Ивом. По-своему я его жалел. Его обстоятельства были незавидны: он получал маленькое жалованье, у него не было капитала и другого дома, кроме Пенмаррика. Я считал такое положение несправедливым. После смерти отца мне не в чем было упрекнуть Джан-Ива; к свадьбе, которая, вполне возможно, лишит его любой части наследства, он отнесся спокойно; он много работал на шахте, заслужил уважение Тревоза (в это я все еще не мог поверить), быстро накопил много знаний и заменил клерка Слейтера, успешно помогая Уолтеру Хьюберту в бухгалтерии.

Я решил быть с ним щедрым – снабдил его достаточным количеством денег, чтобы он мог построить дом, и сдал ему немного земли за номинальную плату. Понятно, из-за того, что поместье находилось в

доверительной собственности, я не мог сразу уступить ему землю, но попечители решили, что постройка дома послужит к увеличению стоимости усадьбы, и не возражали, когда я рассказал им, что собираюсь сделать. Джан-Ив поблагодарил меня, но я видел, что ему трудно поверить в то, что во всем этом нет какого-нибудь подвоха, и у меня зародилось сомнение в том, что, даже несмотря на нашу недавно зародившуюся дружбу, мы когда-нибудь сможем полностью доверять друг другу.

Обеспечив братьев, я задумался о сестрах. Лиззи по-прежнему училась в Кембридже, и все говорило за то, что там она и поселится; она была хорошо обеспечена по условиям отцовского завещания, поэтому я решил, что пока с ней не должно возникнуть никаких проблем. Оставалась Жанна. Незамужняя женщина всегда имела право на место в доме брата, поэтому однажды утром после завтрака я сказал ей, что она может жить в Пенмаррике, сколько пожелает.

– О Филип, как ты добр! – воскликнула она, но потом, к моему удивлению, заколебалась. – И все же… у меня другие планы. Джерри нужен кто-нибудь, кто был бы с ним, когда Хелена уедет: одному ему будет очень одиноко, а ни одна профессиональная медсестра так не пожалеет, как… как кто-нибудь, кто его любит… я не очень знаю хорошо, как тебе это объяснить, но я… я обещала выйти за него замуж. Я не думаю, что мама поймет меня, но…

– Поймет?! – взорвался я. – Да у нее будет удар!

Но когда я увидел, что от моего тона у нее на глазах появились слезы, торопливо добавил:

– Я тебя не осуждаю: ты достаточно взрослая, чтобы знать, чего тебе хочется, ты любишь Джералда уже много лет, и если ты хочешь этого брака, то я желаю тебе удачи. Что касается мамы…

– Я ей напишу. – Она уже спланировала свою судьбу. – Лучше я все объясню ей в письменном виде. Если мне придется разговаривать с ней, я разволнуюсь и скажу что-нибудь не то.

В конце концов ее письмо, конечно, пришлось доставлять именно мне, а когда я должным образом представил матери новости, она скорее рассердилась, чем расстроилась.

– Как можно быть такой глупой! – сказала она, раздраженно пожав плечами. – Я просто не могу этого понять. Как Жанна глупа! Ну что ж, если ей хочется разыгрывать из себя дурочку, пусть, это все, что я могу сказать. Надеюсь только, что она не начнет сходить с ума по здоровому мужчине, когда выйдет замуж.

Итак, Жанна тоже надела кольцо по случаю помолвки и теперь, когда

не была занята разговорами о свадьбе Хелены в июле, говорила о своей собственной, которая планировалась в октябре. Мне очень надоели разговоры о свадьбах, я, насколько мог, пытался их избегать, но мать продолжала расспрашивать меня. Кто будет шафером? Когда я собираюсь сделать распоряжения насчет медового месяца? Не написать ли мне Мариане, если я хочу, чтобы пажом был Эсмонд? Я сообразил, что на Хелену нельзя возложить все приготовления к свадьбе. Она и так была очень занята, рассылая свадебные приглашения, организовывая прием в особняке Ползиллан, закупая в Лондоне приданое и выбирая фасоны для платьев подружек невесты. А весна тем временем галопом неслась к лету, и мне казалось, что никогда времена года не сменялись так быстро.

Поскольку у меня не было друзей среди людей своего класса, свидетелем мне пришлось пригласить Джан-Ива. Я не знал, кого еще попросить. Некоторое время я волновался из-за медового месяца, потому что мне не хотелось надолго уезжать из Корнуолла, но Хелена предложила поехать в город Торки, который, как я слышал, не очень отличался от Пензанса, и я с облегчением согласился. Медовый месяц в соседнем графстве вряд ли можно было назвать приключением, но я всегда мог повезти ее за границу, если бы почувствовал такое желание.

Совершенно естественно, я много думал о медовом месяце. Я не нервничал, просто не мог решить, как мне себя вести. Я решил, что все должно быть как положено, и был уверен, что справлюсь, но, чтобы точно знать, что надо делать, мне, как я чувствовал, нужна была предварительная практика. Проблема состояла в том, что времени на это никогда не было. Весь июнь я был занят не только приготовлениями к свадьбе, но и делами на шахте, и у меня не было ни одного свободного вечера. А когда я был свободен, то чувствовал себя слишком усталым, чтобы предпринять нужную мне поездку в Пензанс. Я откладывал и откладывал ее до тех пор, пока не стало уже слишком поздно, и я понял, что времени на это никогда не найду. Я рассердился на себя за то, что не занялся этим раньше, но не особенно волновался. Любой здоровый мужчина в расцвете лет способен не оплошать на брачном ложе, а поскольку Хелена была девственницей, то, когда придет время нашей первой ночи, она и не поймет, есть у меня опыт или нет. Я перестал волноваться из-за этого. Я был уверен, что все пройдет хорошо.

Вечером перед свадьбой Джан-Ив, Уильям и все мои друзья с шахты пришли в паб, чтобы развеселить меня в последний день моей холостяцкой жизни, и пиво и сидр лились до тех пор, пока в помещении не осталось ни одного трезвого человека. Тревоза даже пришлось нести домой на руках,

чего Сент-Джаст никогда прежде не видывал. К счастью, мне удалось избежать такого унижения, но я напился больше, чем когда-либо, и был очень близок к состоянию Тревоза. Наконец, когда вечер закончился, Уильям, спотыкаясь, побрел к своему новому дому на окраине деревни, Джан-Ив отправился в постель с девушкой, которая сменила Чарити в баре, а я поплелся в Пенмаррик и в последний раз уснул в своей старой комнате, выходившей окнами на море.

3

Свадьба была назначена на два часа в Зиллане. Когда мы с Джан-Ивом были готовы, шофер Трединни отвез нас туда на машине из Пенмаррика, а поскольку мы приехали рано, я приготовился убить время, сидя на скамейке в первом ряду. Но долго убивать время мне не дали. Появился священник, чтобы поговорить со мной; Питер Уеймарк, который был шафером, приехал с женой. Начали появляться другие гости, и через плечо я увидел Мариану и Лиззи с Карнфортами; они обе остановились в Карнфорт-Холле с сэром Джастином и Элис, которые как раз вернулись после медового месяца. Мужа Марианы, теперь уже полного инвалида, опять оставили в Шотландии. Пришла Ребекка с моим племянником Джонасом, двухлетним мальчиком с глазами Хью и пухлым ртом Ребекки; его старшая сестра, Дебора, младшая подружка невесты, к тому времени находилась в особняке Ползиллан с Эсмондом, который был пажом, и с двумя взрослыми подружками невесты, Жанной и подругой Хелены из Уорикшира по имени Шарлотта. Когда приехала Ребекка, я увидел, как другие друзья Хелены по Уорикширу входят в церковь; я познакомился с ними неделей раньше, когда они приехали в особняк Ползиллан, и теперь узнавал всех. Из Сент-Ивса приехали Сент-Энедоки, из Хелстона – Треарны, из Лелента – Кехелланды, из Сент-Эрта – Треготы: я потерял счет хорошо знакомым лицам из графства. Слуги из Ползиллана и Пенмаррика, чопорно одетые в лучшее воскресное платье, на цыпочках прошли к задним рядам, а в дальнем конце церкви, под колокольной башней, сидели несколько шахтеров из Сеннен-Гарта, из тех, кому случайно повезло занять ограниченное число временных мест. Тревоз по собственному желанию не пришел.

Приехала мать, красивая, как всегда, и села между Марианой и Элизабет в ряду позади меня. Что-то подсказало мне, что она дрожит от возбуждения, но когда я оглянулся, чтобы шепотом с ней поздороваться, то

увидел, что она достаточно спокойна. В дверях я заметил последних гостей. Проскользнул Уильям с Чарити, а в двух шагах от них, к моему удивлению, шел Адриан. Я и не ожидал, что он приедет из Оксфорда, и послал ему приглашение просто из вежливости.

Я вспомнил отцовские похороны и перемирие, которого мы потом достигли, но мне показалось, что это случилось очень, очень давно, и воспоминание почти стерлось из памяти. Я задумался, что бы сказал отец о моем браке, и предположил, что он был бы рад, хотя мне и трудно было представить, что он мог бы радоваться за меня.

Хорошо, что Адриан пришел.

Пробило два часа, орган продолжал играть, прошло еще какое-то время, и вот наконец у крыльца послышался возбужденный шепот, это означало, что приехала Хелена.

Орган сменил мелодию. Все встали. Я повернулся, чтобы посмотреть на нее. Странно, но сейчас я ее совсем не помню; в моей памяти провал, поэтому когда я пытаюсь вспомнить, как она выглядела и во что была одета, то вижу только пустоту в белом, вакуум за развевающейся вуалью. Я помню, что Жанна, Дебора и подруга Хелены Шарлотта были в длинных голубых платьях. Помню Эсмонда, гордого и полного достоинства в костюме пажа. Но Хелену я не помню. Я только помню, как думал тогда, что она выглядит еще красивее, чем обычно, но детали ускользают от меня, и я не могу их вспомнить даже сейчас, когда много лет спустя смотрю на фотографии; мне кажется, что на них запечатлены события не только из далекого прошлого, но и нереальные.

Но я женился на ней. Это я помню. Я помню слова брачных клятв, которые все находят такими трогательными, хотя меня они просто смущают; помню, как Джан-Ив передал мне кольцо, помню холодное прикосновение металла к моим сухим пальцам. Помню, как священник сказал нам с Хеленой несколько слов перед алтарем, но что он говорил, не помню, слишком давно это было; наконец, помню, как шел по проходу между скамьями, как вышел из церкви в холодный, блеклый июльский день. Вся деревня принарядилась по случаю свадьбы. Послышались приветственные крики, посыпались конфетти, и я помню, что улыбался, махал рукой, пока мы с Хеленой садились в машину, чтобы ехать в особняк Ползиллан.

Помню прием, столы с деликатесами, шампанское в ведерках, свадебный торт, похожий на башню из слоновой кости. Джан-Ив произнес остроумную речь, я же сказал лишь несколько слов благодарности гостям, а потом были только разговоры, смех и бесконечный звон бокалов. Помню,

как говорил ни о чем с бесконечным количеством людей, как пытался поговорить с Эсмондом, но не смог, потому что нас постоянно прерывали.

Эсмонд. Ему было семь лет, он был высоким, с прямой спиной, искренними глазами и твердо очерченным ртом. Это было все, что я хотел, – сына, похожего на Эсмонда, моего собственного сына, которого я мог бы научить любить Сеннен-Гарт так, как любил его я. Глядя на Эсмонда, я хорошо понимал, как мало для меня значит свадьба. По-своему я любил Хелену и был рад, что женился на ней, не досадуя ни на одну минуту церемонии, но сама процедура казалась не имеющей никакого отношения к моему образу жизни – просто пустой тратой времени, сил и денег. Но все прошло хорошо. Все шло хорошо с самого начала, с той минуты, когда я решил жениться на Хелене. Мне не на что было жаловаться.

Из Пензанса мы уехали в шесть часов. Я решил не ехать в Торки в первый же вечер нашего медового месяца, поэтому забронировал номер в «Метрополе», который в представлении Хелены был связан для нас с какими-то сентиментальными воспоминаниями. Но из Ползиллана мы уехали с трудом. Все собрались на подъездной дорожке, чтобы нас проводить; всем хотелось пожелать нам доброго пути. Я поцеловал мать, пожал руку Джан-Иву в благодарность за его роль в церемонии, отдельно попрощался с Эсмондом.

– Приезжай к нам в гости в Пенмаррик, – сказал я ему. – Ты ведь не забудешь нас? Не уедешь в Шотландию, чтобы совсем про нас забыть?

– Нет, дядя Филип, я не забуду. Спасибо тебе и тете Хелене, что разрешили мне быть пажом и подарили золотую ручку. – Он был хорошо воспитан, но не грешил избыточной вежливостью. Я опять подумал, что чувствую к нему симпатию, и опять изумился, как изумлялся неоднократно, что у такой женщины, как Мариана, родился такой чудесный сын.

Наконец мы отъехали, шоферу удалось пробраться сквозь скопление людей, и через полчаса я уже расписывался в книге регистрации постояльцев «Метрополя».

Нас провели в апартаменты. Меблировка была настолько чудовищна, насколько можно было ожидать в таком месте, как «Метрополь», но мне казалось, что подобная грандиозная роскошь вполне уместна во время медового месяца. По крайней мере, из нашего окна открывался хороший вид на море. Мы переоделись: Хелена в прилегающей ванной комнате, а я – в спальне, а когда я был готов, то спустился в гостиничный холл и вышел на балкон, чтобы в ожидании жены полюбоваться, как вечерний свет ложится на воду.

За ужином разговор коснулся воспоминаний, мы перебрали в памяти наши прежние вечера в этом ресторане, а когда ужин окончился, я сопровождал Хелену, как уже бывало, на прогулке по эспланаде. Наконец, когда последняя полоска света угасла на горизонте и взошла луна, я сказал, что пора в постель.

– Очень хорошо, – спокойно произнесла она, но я заметил легкую краску на ее щеках и понял, что она нервничает.

Я не нервничал. Я просто хотел поскорее с этим покончить. Мысли о первой ночи с Хеленой занимали меня так давно, что я был уже более чем готов взглянуть в лицо этой ситуации и покончить с ней.

Когда мы дошли до гостиницы, я пробормотал:

– Пожалуй, я выкурю еще одну сигарету, а потом зайду. Может быть, ты поднимешься наверх?

Она улыбнулась, соглашаясь, и быстро прошла через двери в холл гостиницы. Первый раз за несколько часов я остался один.

Я закурил сигарету, подошел к ограде эспланады и полюбовался лунным светом, играющим на темной воде. Море было тихим; я чувствовал себя спокойно. Докурив сигарету, я растер каблуком окурок и пошел через дорогу в гостиницу. Из ресторана доносились легкие звуки музыки; когда я вошел, до меня долетели обрывки разговоров из гостиной, расположенной рядом. Я поднялся по лестнице, чувствуя, как ноги утопают в толстом ковре, и без колебаний прошел по коридору к нашему номеру.

Хелена уже была готова лечь в постель. На ней был какой-то светлый воздушный наряд, а когда я вошел, то увидел ее отражение в зеркале туалетного столика. Ее волосы, густые, роскошные, каскадом спадали на плечи до талии. Я уже хотел сказать ей, как она красива, когда она с улыбкой повернулась ко мне.

– Я снимаю макияж.

Я наклонился, чтобы ее поцеловать.

– А он на тебе есть? Я не заметил.

Она засмеялась.

– Как это по-мужски! – мягко произнесла она и поднесла ко рту кусочек ткани, чтобы стереть с губ бледную помаду.

Тогда-то все и случилось.

Я смотрел на нее и не мог оторваться. Этот обычный жест – кусочек ткани, прижатый ко рту, красноватое пятнышко, когда она его отняла, – неожиданно показался мне не таким простым. Он был сложен и ужасен. Очертания комнаты расплылись, годы вернулись, память совершила головокружительный прыжок в прошлое.

Я стоял около тела отца, воображение представляло мне, что из его рта течет кровь, как в то утро на шахте она текла из разбитой губы Джан-Ива.

Я смотрел на свою собственную разбитую губу после моей самой скверной ссоры с Хью, прижимал ко рту носовой платок и видел, как кровь пылала на белой ткани.

Я был на свадьбе Марианы, а цветные витражи отбрасывали алый отблеск на ее рот.

Я сразу оказался всюду: в Пенмаррике, на шахте, в Лондоне и в то же время был где-то еще, потому что кто-то кричал. Я слышал тихие, хриплые, задыхающиеся рыдания. Кто-то рыдал и рыдал. Ужасные, болезненные рыдания, сотрясающие тело. Я не мог от них избавиться: пытался заткнуть руками уши, но все равно слышал этот ужасный плач, и неожиданно память разверзлась, как бездна у меня под ногами, и я понял, где я.

Я вернулся к своим худшим воспоминаниям – к крови, насилию и страданиям, которые так старался забыть. Я думал, что мне никогда больше не придется их переживать, но я ошибался. Время изменило ход, часы пошли в обратном направлении.

И я был там.

4

Я был в Брайтоне с матерью. Мать была совсем одна, ее некому было защитить, кроме меня. Пришел отец, а когда она стала плакать и кричать на него, он взял ее за плечи и встряхнул. Я попытался бороться с ним, но я был слишком мал, поэтому не мог с ним справиться, не мог защитить мать; мне пришлось просто стоять и смотреть, как он уходит с ней, и я знал, что он причинит ей боль, знал, что причинит; и я все ждал и ждал ее возвращения, а он все это время делал ей больно, и я ничего не мог изобрести, чтобы остановить его. А потом мама наконец вернулась. Я услышал ее шаги по коридору, она шла очень медленно, а потом стала дергать дверную ручку, словно не видела, что делает, и вдруг мне стало так страшно, что я закрыл лицо руками, боясь, что она покалечена. Тогда-то я и услышал всхлипы. Она вошла в номер, и я слышал только ее всхлипывания, а когда смог взглянуть на нее, то увидел, что ее светлые волосы растрепаны, шея покрыта странными отметинами, а губа разбита и из нее сочится кровь. Она прижимала ко рту платок, а когда отняла, он был влажным от крови.

– О боже, – повторяла она. – О боже. Господи. О боже, помоги мне.

Пожалуйста, помоги мне.

Но Бог и пальцем не пошевелил, чтобы помочь ей; отец мучил ее до синяков, шрамов и крови, а Бог просто безучастно смотрел на это. Несомненно, Он всего лишь наблюдал и когда она, в слезах, молила о помощи, а я, хотя и старался помочь, не мог этого сделать. Я не мог остановить ее рыдания или облегчить ужасную боль. Наконец она пошла в ванную, и когда я услышал звук льющейся воды, то понял, что она пытается смыть боль, но не может: та боль навечно запечатлелась в ней, а девятью месяцами позже…

Девятью месяцами позже родился Джан-Ив. Мне было десять. Тогда я не знал, что означает слово «изнасилование», но чертовски хорошо представлял себе, что произошло в Брайтоне. Мать изнасиловали практически у меня под носом, а я ничего не мог поделать. Ничего удивительного, что я чувствовал себя таким виноватым, что пытался забыть Брайтон, пытался стереть это происшествие из памяти. Мать была в этом мире одна, и только я мог ее защитить, а я позволил отцу ее изнасиловать, я просто стоял рядом, пока он ее бил, ставил ей синяки, делал ей больно, а потом мне стало казаться, что только тем, что просто стоял рядом, я соучаствовал в его преступлении, и в конце концов мне стало казаться, что я не менее, чем он, виноват в ужасных страданиях матери.

5

Кто-то говорил:

– Филип, Филип, что случилось? В чем дело? Филип! Пожалуйста, Филип, ответь мне! Что случилось?

Это была Хелена. Я был в Пензансе. Я больше не был в Брайтоне с матерью, но почему-то это не имело значения. Словно Брайтон превратился в Пензанс, а мать превратилась в…

– Все хорошо, – сказал я. – Все в порядке.

Но это было не так. Все было не так. Дрожь пронизывала меня с головы до ног.

– Филип, дорогой…

– Я приму ванну, – сказал я и поплелся мимо двуспальной кровати в примыкающую к спальне ванную.

Я закрыл дверь, запер ее, оперся о стену. Вскоре меня вырвало. Я наклонился над раковиной, и меня вывернуло так, словно я таким образом пытался избавиться от воспоминаний о Брайтоне, но они крепко засели у

меня в мозгу. Я по-прежнему видел все до малейшей подробности; мне даже не нужно было закрывать глаза. Картина была очень яркой, каждый образ пробегал перед моим мысленным взором, как кадр из кинофильма.

Я попытался подавить воспоминание. Мне двадцать лет удавалось держать его в самом дальнем уголке памяти, и я смогу это сделать еще раз. Я смогу с этим справиться. Я должен. Мне нужно взять себя в руки.

С этой мыслью я поднял голову, посмотрел в зеркало над раковиной и увидел свои глаза.

Тогда-то я все и понял.

Меня сразу охватила паника. Я, насмехавшийся над паникой других, презиравший панику как проявление трусости, был парализован страхом. Я не мог пошевелиться. Я заплакал, как мать плакала в Брайтоне; беззвучные рыдания сотрясали мое тело, щеки горели от слез, которые я не мог остановить. Неловким движением я открутил ручки кранов на ванне, льющаяся вода зашумела в ушах, а поскольку я был беспомощен и не знал, что еще делать, я разделся, забрался в ванну и начал мыться – намыливал каждую часть тела, тер спину фланелью, плескал водой на лицо, чтобы смыть следы такой ужасной потери самоконтроля.

Но все равно я не мог взять себя в руки. Выйдя из ванны, я принялся вытираться полотенцем.

Я начал молиться. Я был атеистом двадцать лет, но я начал молиться.

– Пожалуйста, Господи, пожалуйста. Помоги мне. Пожалуйста.

Слезы бессилия опять меня ослепили. Я попытался почистить зубы, но не видел, что делаю. Наконец, утерев слезы, я снова посмотрелся в зеркало. Мне надо взять себя в руки. В конце концов, даже в самом скверном случае всегда можно найти оправдание. Это еще не конец света. Я сам перед собой опозорился, поступив настолько смешно, но свидетелей не было. Только я знал, что запаниковал, поддался страху, плакал и даже пытался молиться. Но никто, кроме меня, этого не знал. И никто никогда не узнает, и прежде всего Хелена.

Я повязал полотенце вокруг талии, собрал одежду и высморкался о подол запачкавшейся рубашки. Подошел к двери. Но чтобы открыть ее и переступить порог, мне потребовалось больше мужества и силы воли, чем когда-либо в жизни. Три ужасные секунды я не мог заставить себя сдвинуться с места, но в конце концов протянул руку, повернул ручку и ступил в живой кошмар комнаты.

Вскоре после рассвета, когда в комнате стало светлее, я встал и начал одеваться. Нашел пуловер, широкие брюки, извлек из чемодана старые ботинки. Когда я их надел, из мрака кровати Хелена быстро произнесла:

– Филип?

– Я не могу уснуть, – сказал я. – Пойду прогуляюсь.

Она ничего не сказала. Я выскользнул из комнаты с ключом в кармане, прошлепал в холл. Ночной портье, дремавший за своим столиком, выпустил меня, и я вышел на улицу, на свежий воздух раннего утра и побежал через дорогу к морю. Я не раздумывая направился на восток, мимо гавани, где уже работали рыбаки, мимо светившихся окон их коттеджей, через город к пляжу за железной дорогой. Я оставлял в песке глубокие следы и шел по направлению к Маразиону, а прямо передо мной, в ярком свете зари, из темных вод залива поднималась гора Сент-Майкл, сказочный замок, башня из слоновой кости, такая же нереальная, как и свадебный торт, возвышавшийся над столом во время приема по случаю моей свадьбы.

Я сел на песок, чтобы посмотреть, как преображается свет над постоянно изменяющимся морем. Смотрел я долго, наконец вода меня загипнотизировала, и я уснул. Я проснулся, дрожа от холода; поднявшись на ноги, я быстро пошел в сторону Пензанса, в поисках кафе, которое открывалось рано, чтобы обслужить рыбаков, – местечка, где я мог бы выпить чаю и побыть в одиночестве. Такое местечко я нашел около гавани. У стойки я взял чаю и спрятался в уголке, чтобы его выпить. Время шло. Пробило семь, потом половину восьмого. Я взял еще чаю, чтобы купить себе еще времени, но время не продавалось, и вскоре уже было без четверти восемь.

Я не знал, что делать. Наш поезд отходил от станции в половине десятого, и мы договорились заказать в номер легкий завтрак к восьми часам. Но мне не хотелось возвращаться в гостиницу. Я не мог посмотреть Хелене в глаза. Я опять запаниковал, опять поддался страху; мне хотелось сбежать, спрятаться, остаться одному, чтобы подумать.

Я уставился в чашку с чаем. Если я не пойду в гостиницу, то какова альтернатива? Куда мне бежать? Я был смешон. У меня не было альтернативы. Мне нужно было вернуться в гостиницу, позавтракать с Хеленой и сесть на поезд в Девон в девять тридцать. Что еще я мог сделать? Прервать медовый месяц после первой брачной ночи? Об этом и помыслить было нельзя. Что скажут люди? Что они подумают? Я стиснул руки, закрыл глаза и попытался привести в порядок мысли. Самое главное, как мне казалось, – это чтобы никто ничего не узнал. Не было ничего

важнее этого. От одной мысли, что кто-нибудь узнает правду, меня прошибал пот. Никто не должен знать. Хелена знает, но она никому не скажет. Она слишком горда, чтобы рассказать кому-нибудь о том, что произошло или, скорее, чего не произошло между нами. Все будут считать, что мы провели нормальный медовый месяц. На минуту я подумал, что в Торки все наладится, но побоялся себя обнадеживать. Тогда я не мог ничего предвидеть, но понимал, что в состоянии, в котором я находился в тот момент, я был не способен заниматься любовью ни с одной женщиной, не говоря уже о жене. Воспоминания о Брайтоне не уйдут в дальний угол моей памяти за три недели медового месяца.

Я допил чай и вышел на улицу. Моросило. Когда наконец я дошел до «Метрополя», то купил газету, как бы сделал, если бы все было в порядке, и поднялся наверх в наши апартаменты.

Хелена заказала завтрак, его уже принесли. Когда я вошел, она сидела за столом у окна, перед ней дымилась чашка кофе, и она смотрела на море. Она повернулась ко мне, но я отвел взгляд.

– Прости за опоздание, – осторожно сказал я, садясь напротив нее и протягивая руку за тостом и вареньем. – Я не следил за временем. Я прошел вдоль берега до Маразиона.

После паузы она произнесла:

– Ты, должно быть, устал.

– Изредка я могу спать помалу. – Я огляделся в поисках чайника, но его не было. – Ты только кофе заказала?

– Ах… да, прости меня. Я не знала, что за завтраком ты пьешь чай.

– Ничего страшного. – Я налил себе кофе, пролив его на блюдце. После короткой паузы я сказал непринужденным тоном, все еще не глядя на нее: – Прости за то, что произошло ночью. Я…

– Пожалуйста… пожалуйста, ничего страшного.

– Так глупо с моей стороны… Я, наверное, слишком много выпил предыдущим вечером в пабе, а потом еще шампанское на приеме…

– Я понимаю. Пожалуйста, не волнуйся. Ничего страшного.

– Да, но я этого понять не могу… не понимаю почему… – На самом деле я знал, я понимал. – Этого никогда раньше не случалось…

Самое глупое было в том, что врать нужды не было. Мне не нужно было ничего говорить, но я не мог остановиться. Мне нужно было спрятать правду, поэтому я продолжал врать.

– В прошлом…

– Пожалуйста, Филип… давай больше не будем об этом говорить. Я понимаю… да и что значит одна ночь? Будет много других. Пожалуйста, не

волнуйся. Я не могу видеть, когда ты расстраиваешься.

– Я не расстроен. Просто раздражен.

– Пожалуйста, не надо! Ради меня!

– Ничего не могу с этим поделать, – сказал я. – Правда. – Я развернул газету, притворился, что читаю, а потом взглянул на часы. – Времени уже мало. Нужно спешить, а то мы опоздаем на поезд.

Но на поезд мы не опоздали. Мы приехали на станцию, нашли свое купе, устроились, и в половине десятого поезд отправился на восток от Теймара, прочь из Корнуолла.

Глава 9

Отношение Ричарда к своей свадьбе, к Беренгарии было из разряда «полнейшего безразличия». Странно, что он притом не принадлежал к романтическим натурам…

Томас Костейн.

Семья завоевателей

Должно быть, общество женщин, окружавших его в детстве, усилило одну из черт его характера… (У него) никогда не было общепризнанной любовницы.

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

1

На третий день я отправился в публичную библиотеку, откопал медицинский словарь и попытался продраться через его технические джунгли, но только зря потратил время. Дни тянулись. Ко всему прочему погода было плохой, делать было нечего. Я не находил себе места, чувствовал себя не в своей тарелке. Мне хотелось вернуться в Корнуолл, на шахту, к жизни, которую я знал и любил, но я слишком боялся того, что подумают люди, если я рано вернусь после медового месяца; кроме того, когда я предложил Хелене укоротить наш визит в Торки, она необычайно расстроилась, и я больше об этом не заговаривал.

– Пожалуйста, Филип, – умоляла она. – Пожалуйста, только не это. Если тебе не хочется здесь оставаться, может быть, поедем куда-нибудь еще? Я не возражаю. Но только не надо возвращаться так рано в Пенмаррик, нет, Филип, пожалуйста! Если ты меня любишь, не увози меня отсюда до положенного срока.

Не знаю, кто был более несчастлив: я или она. Мы больше не притворялись. Я больше не пытался ее развлекать. Большую часть дня она

проводила за чтением в гостинице, пока я в одиночестве гулял по мокрым улицам, по пропитанному влагой песку, а по вечерам она сидела в гостиной отеля, потом поднималась наверх и ложилась в постель, а я шел в паб, где мог пить в одиночестве. Я больше не мог с ней разговаривать. Ее присутствие раздражало меня так, что я не мог дождаться, когда получу несколько драгоценных часов уединения. Я стал одержим своим бессилием и так мучился этим, что не мог сосредоточиться ни на чем другом. Это было странно, сбивало с толку. Хелена меня теперь настолько смущала, что я рядом с ней совсем не чувствовал возбуждения, а через некоторое время начал задумываться, не в ней ли кроется проблема. Может, у меня все получится с другой женщиной? Эта мысль застряла у меня в голове. Как только она пришла мне на ум, я уже не мог от нее избавиться, мне нужно было найти ответ. Однажды вечером после ужина я снял проститутку, но без толку – это было даже хуже, чем мне представлялось, и после всего я заплатил ей двойную цену, словно мог таким образом стереть свое унижение, горе и боль.

Болело горло, боль колола мне глаза, как раскаленные иглы. Я был пронизан болью, пропитан ею. Я не представлял себе, что можно быть таким несчастным. Я тосковал по дому – не по Пенмаррику, а по своей комнате на ферме, тосковал по уютным ужинам с матерью на кухне, тосковал по шахте, по штольням глубоко под морем, по ощущению оловянной руды под пальцами, по щиплющей нос оловянной пыли. Еще я тосковал по своим друзьям, по друзям-шахтерам, по Тревозу. Мне до боли недоставало их грубых разговоров, добродушного товарищества. Сейчас они в пабе, я знал; они пьют медленно, прерываясь на игру в дротики или кегли. Я всех их представлял себе: Уилли, Тома, Харри, Дейва, Джека, Рэя и Тревоза, постоянно Тревоза, с его уродливым лицом, крепко сбитым телом, мозолистыми руками шахтера с обломанными грязными ногтями. Мне показалось, что прошла вечность с тех пор, как я последний раз разговаривал с Тревозом.

Я спросил клерка в гостинице:

– У вас есть телефон?

– Да, сэр, вдоль по коридору, у бильярдной.

– Спасибо.

Я нашел будку, втиснулся внутрь. Через пять минут трубку поднял хозяин паба в Сент-Джасте, и я, имитируя для маскировки корнуолльский акцент, спросил, нет ли в баре Тревоза.

– Ага, он здесь. Одну минуту.

Я подождал и неожиданно услышал его голос, напряженный,

подозрительный.

– Алло?

Я был так рад его услышать, с трудом заставил себя заговорить, но мне удалось произнести:

– Как поживает без меня шахта?

– Великий Боже! – воскликнул он, словно громом пораженный. – Какого черта ты звонишь?

– Хотел убедиться, что в мое отсутствие наши друзья не объявили забастовку. – В горле у меня застрял комок, слезы защипали глаза. – Как идут дела?

– Прекрасно! – весело произнес он тоном человека, не привыкшего общаться с телефонной трубкой. – Никаких новостей. Все как всегда.

– Хорошо.

– А как там, где ты находишься? – дерзко спросил он. – Часто дождь идет?

– Слишком часто. Мы в Торки, в Девоне.

– Торки? Он похож на Пензанс?

– Немного.

– А как поживает миссис Касталлак?

– Хорошо. Послушай, выпей за меня и скажи парням, что я вернусь на шахту в понедельник… Ты будешь в пабе в субботу вечером? Я как раз вернусь. Может, выпьем вместе?

– Буду. Выпью чаю и буду в пабе к семи.

– Я, наверное, приду попозже, но можешь заказать мне пинту горького пива, если придешь первым.

– Хорошо! Пока, сынок, всего наилучшего. До встречи.

– Значит, в субботу, в семь. Пока, Тревоз.

Я положил трубку, достал платок и высморкался. Мне стало лучше. Оставалось всего четыре дня. Четыре дня пройдут быстро, а потом я вернусь в Корнуолл, на Сеннен-Гарт, к своей старой жизни, к старым друзьям и привычкам.

Я не мог дождаться отъезда.

2

Когда мы вернулись в Пенмаррик в субботу днем, все слуги по традиции выстроились нас встретить. Племянница кухарки подарила Хелене букет, а Медлин Младший произнес речь. Наконец, когда

официальное приветствие закончилось и мы в одиночестве поужинали, я выскользнул из дома, ушел в деревню и пил с друзьями до самого закрытия паба. После этого мне стало легче. Вернувшись домой, я обнаружил, что Хелена уже легла, и, чтобы не беспокоить ее, лег на кушетке в гардеробной. В результате я выспался лучше, чем когда-либо со дня свадьбы. На следующее утро я снова почувствовал себя самим собой и даже не стал уклоняться от традиции, сопровождая Хелену в церковь в Сент-Джаст, чтобы деревенские могли, как и каждую неделю, лицезреть, как хозяин и хозяйка Пенмаррика воздают почтение несуществующему Богу.

Потом мы в Пенмаррике пообедали с Уильямом и Джан-Ивом. Джан-Ив, который жил у Уильяма и Чарити, еще не сделал ничего для постройки своего дома, и я начал подозревать, что он уже потратил деньги, которые я дал ему для этой цели; когда я расспрашивал о его планах, он отвечал подозрительно уклончиво.

Как всегда, мне не потребовалось много времени, чтобы почувствовать к нему раздражение. Такой противный парень!

Тем временем Хелена расспрашивала Уильяма о Чарити и выражала удивление, что та не пришла на обед. В Хелене совсем не было снобизма. Она знала, кто такая Чарити и кем она была раньше, но все равно хотела поддерживать с ней дружбу – конечно, в определенных пределах. Она бы не пригласила Чарити на ужин или на формальный обед, но намерения у нее были хорошие, и я не винил ее за пренебрежение условностями.

Но Уильям был снобом в сравнении с Хеленой и, по всей видимости, не находил ничего странного в том, что брак его оставался неравным.

– Пенмаррик Чарити смущает, – весело сказал он, – да и вы тоже, Хелена, как мне кажется. Вам придется приложить немало сил, чтобы ее сюда заманить.

И это, похоже, его не слишком волновало. Он не выказывал никаких намерений изменить жену или поднять ее до своего социального уровня, поэтому мне казалось, что она вполне устраивает его такой, какая есть. Это был странный брак. Я не понимал, как он мог быть успешным.

Когда гости ушли, мы с Хеленой поехали на машине в Зиллан проведать мать. Я наслаждался теми двумя часами, которые мы там провели, а когда мы вернулись в Пенмаррик, Хелена смущала меня уже меньше, и в ее присутствии мне стало легче.

В надежде, что теперь, когда я почувствовал себя лучше, все получится, я лег с нею в постель. Но все было бесполезно. На следующее утро я объехал шахту стороной и вместо этого остановился в Сент-Джасте, чтобы повидать доктора Солтера.

Мне было трудно рассказывать ему о своей проблеме, но все же удалось. Я был так взвинчен из-за этой истории, что мне с трудом удавалось сохранять спокойствие, но все же я достаточно контролировал себя, чтобы не показать ему, как расстроен. Старина Солтер мне нравился. Он принимал меня, когда я родился, к тому же есть нечто успокаивающее в семейном враче, который знает не только твою историю болезни, но и историю семьи. С сочувствием выслушав меня, он повел себя так, словно неурядицы мои временны, и велел мне не волноваться.

– Так часто случается во время медового месяца, – весело сказал он. – Этот период незаслуженно считается лучшей частью брака. Ему предшествуют напряжение и стресс; когда вы с невестой садитесь на поезд, вы просто физически вымотаны! Я уверен, вам не из-за чего волноваться.

Я начал чувствовать себя лучше. Осмотрев меня, он выпрямился и снял очки.

– У вас совершенно все в порядке, – подчеркнуто произнес он. – Вам совершенно не из-за чего волноваться. Не спешите. Пусть все идет своим чередом. Чем больше вы волнуетесь, тем хуже для вас.

Невозможно описать мое облегчение. Как приятно было услышать от кого-то, что все будет в порядке, после столь долгих дней жалкого существования.

– Кстати, – добавил он, подумав, – а когда у вас был последний половой акт?

Вопрос был словно удар в переносицу.

Мне стало ясно, что он ничего не понял, и хотя я и попытался сказать ему правду, но не смог. В конце концов, не глядя на него, я дал уклончивый ответ:

– Я не был с другой женщиной с тех пор, как начал интересоваться своей женой.

Он засмеялся, отпустил какое-то замечание насчет того, что нужно снова поднабраться практики, и выразил уверенность, что все будет хорошо.

– А если не будет? – спросил я.

– Ну… – Он помолчал, задумываясь над этой маловероятной возможностью. – Если сложности будут продолжаться, приходите ко мне через две недели и мы обсудим ситуацию.

Я поблагодарил его, пожал ему руку и отправился на шахту. Но облегчения я уже не испытывал – у меня опять начиналась депрессия, а когда я повернулся к морю, в лицо мне подул холодный ветер.

3

Через две недели я пришел к нему. Он был удивлен и отнесся к делу более серьезно.

– Наверно, вам лучше пройти более основательное обследование, – сказал он. – Я знаю одного великолепного врача из Фалмута, он специалист как раз по таким проблемам. Вы сможете съездить в Фалмут?

Я сказал, что смогу, и съездил. Врач из Фалмута был бывшим морским офицером, просоленным и прямым. Я сразу проникся к нему доверием и почувствовал уверенность в том, что он мне поможет, но этого не случилось. После нескольких визитов он просто откинулся на стуле и сказал, что сделать ничего не может.

– Все анализы в порядке, – коротко сказал он. – С физиологической точки зрения вы здоровы.

Я почувствовал отчаяние. Нервы были на пределе от напряжения.

– Что-то должно быть не так, – сказал я. – Что-то должно… Я не понимаю.

– Если вам нужна еще одна точка зрения, я знаю одного специалиста в Лондоне…

– Нет, я вам доверяю. Если вы говорите, что я здоров, я вам верю. – Я сжал руки, пытаясь решить, что делать дальше. И смог только произнести: – Я не понимаю. Я просто не понимаю.

Наступила тишина.

– Послушайте, – произнес он наконец с мягкостью, которой я от него не ожидал, – я вот что вам посоветую. Поезжайте-ка в Лондон к врачу на улице Харли, которого я знаю…

– Но я же уже сказал, – бесцветным голосом произнес я. – Я доверяю вашему диагнозу. Если вы говорите, что физически я здоров, я вам верю. Мне не нужно мнение еще одного специалиста.

– Этот врач не совсем мой коллега. Он психиатр.

– Психиатр?! – Нервы мои не выдержали такого оскорбления. От напряжения я потерял над собой контроль быстрее, чем всегда. – Психиатр? Нет, спасибо, не хочу иметь ничего общего с этой ерундой. Не собираюсь платить какому-то чертовому психиатру – я ничуть не менее в своем уме, чем вы! Если вы всерьез думаете…

– Это вам надо серьезно задуматься, мистер Касталлак.

Мы оба помолчали. Через секунду он наклонился вперед и быстро заговорил резким, отрывистым голосом.

– Послушайте, – сказал он. – Вы не дурак. Вы интеллигентный человек тридцати двух лет, поэтому мне незачем ходить вокруг да около. Я не буду говорить, что у вас совсем нет никаких проблем. Они есть. У вас очень серьезные проблемы, но я их излечить не могу, я даже знаю об этом мало. Поэтому советую вам проконсультироваться у врача, который специализируется в этой области медицины. Это ведь логично и разумно, разве вы не понимаете? Я только установил, что у вас все в порядке с физиологической точки зрения. Прекрасно, но ведь вашим отношениям с женой это не поможет, правда? И проблему вашу это не устранит, какова бы она ни была, а проблема у вас есть, в этом не сомневайтесь. У вас в мозгу почему-то существует тормоз, который не дает вам вступить в нормальные сексуальные отношения. Я не знаю почему. Вы можете знать. А может быть, не знаете. Вы можете только догадываться, но я могу с уверенностью сказать, что вы и представления не имеете о том, насколько сильна блокировка и как с ней бороться. Вам нужна помощь, но я вам эту помощь оказать не могу. Поэтому послушайтесь моего совета и отправляйтесь в Лондон к этому врачу, потому что он эксперт и поймет вашу проблему, какой бы она ни была, он вам поможет преодолеть ее и зажить нормальной жизнью.

Опять повисло молчание. Его предложение больше не казалось мне оскорбительным, но мне не хотелось и признавать его правильным и необходимым. Я знал, в чем моя проблема. Знал, что́ мне все время мешает. Это воспоминание о той сцене в Брайтоне. Но мне не нужен психиатр, чтобы понять, что для меня секс, насилие и страдание тесно связаны между собой, и я не понимал, как психиатр сможет меня вылечить, если единственным лекарством была сила воли, которая помогла бы мне преодолеть отвращение.

Но потом я вспомнил о той ночи в «Метрополе». Тогда сила воли не очень-то мне помогла. Если бы она была единственным, что могло мне помочь, то я не сидел бы сейчас в этой комнате в Фалмуте.

– Вы думаете, что психиатр меня вылечит? – медленно спросил я.

– Не знаю, но у вас, по крайней мере, будет шанс. Почему бы им не воспользоваться?

Я подумал о Хелене. Я не хотел, чтобы она была несчастна. Подумал о сыне, о котором мечтал. Образ Эсмонда мелькнул у меня перед глазами.

– Хорошо, – коротко сказал я. – Что мне терять? Кто этот психиатр и что надо сделать, чтобы записаться к нему на прием?

4

– …Поэтому я не смог заняться любовью с женой, – сказал я психиатру. С ним было до странности легко разговаривать. Говорил он мало, поэтому паузы приходилось заполнять мне. Я думал, что он засыплет меня вопросами, но все оказалось совсем не так. – Я не смог заняться с ней любовью, потому что, как только она стерла помаду, я вспомнил о матери и о Брайтоне. Это же понятно, не правда ли? Секс у меня ассоциируется со страданиями матери. Я не мог заниматься любовью с женой, потому что сама мысль о сексе меня охлаждает, а не возбуждает.

Я оглядел комнату. Здесь было тихо, мирно. Из горшка в углу свисал цветок, жалюзи были прикрыты, поэтому свет рассеивался по полу.

– После той первой неудачи, – продолжал я, осторожно подбирая слова, – меня удерживало не столько воспоминание о Брайтоне, хотя оно никуда не делось, сколько страх, что у меня опять ничего не получится. Чем более неуверенно я себя чувствовал, тем хуже все становилось. Это же вполне логично, не правда ли?

Он кивнул. Это был человек небольшого роста, иностранец, с темными печальными глазами и маленькими свисающими усами. Мне стало интересно, что он обо мне думает, и показалось, что я могу догадаться о диагнозе, который он мысленно мне ставит. Я решил поговорить с ним прямо.

– Должно быть, вы думаете, что я влюблен в свою мать, – сказал я. – Разве все вы, последователи Фрейда, можете думать иначе? Я недавно читал о Фрейде в энциклопедии.

Он ничего не сказал, но позволил себе вежливую улыбку.

– Так вот, в отношении меня это совершеннейшая чушь, – сказал я. – Мы с матерью близки, и я не стыжусь в этом признаться, но она мало влияет на то, как я живу, я всегда шел по жизни, не держась за ее юбку. Мы ладим, это правда, но, если бы обстоятельства ее жизни были другими, я, возможно, и не провел бы все эти годы с ней на ферме. Я бы завел себе дом где-нибудь еще, например снимал бы комнату со своим сверстником, как это делают мальчишки в школе или студенты в Оксфорде. Мне нравилось жить на ферме, мне было приятно проводить время с матерью, но, сказать по правде, я иногда уставал от женщин: мать, тетка матери, прислуга… И все же мне грех жаловаться. У меня всегда было много друзей-мужчин, поэтому когда я не находился на ферме, то всегда проводил время в мужской компании. Но видите ли, я не мог бросить мать одну на ферме. Я –

это все, что у нее осталось. О ней больше некому позаботиться. Братья и сестры всегда слишком заняты своими собственными делами, а отец отказался от своих обязательств перед ней. Именно поэтому я всегда был, по крайней мере, когда отец бросил мать, единственной ее опорой. Я хочу сказать – я ведь не мог бросить ее, правда? Это было бы неправильно, да я и не хотел ее бросать. Как я уже говорил, мне нравилось жить на ферме, хотя сельское хозяйство никогда не имело для меня такого значения, как шахта…

Что привлекает меня в горном деле? Не знаю. Должно быть, я родился шахтером. Я всегда презирал условности. Отец пытался вылепить меня из традиционного материала: частная школа, привилегированный класс и все такое, но я ничего из этого не принял. Он и его класс! Это они сделали мать несчастной, и я не хочу иметь с ними ничего общего. Как только я смог выбирать, я бросил частную школу и вернулся к шахтерам. Отец пришел в ярость, но не смог меня остановить. Тогда он попытался закрыть шахту, но я ее снова открыл. Из-за шахты я с ним постоянно воевал. Шахта для меня так много значила! Вам, иностранцу, наверное, трудно понять магию корнуолльских шахт. Они словно живые, иногда кажется, что они дышат и живут, как люди. Многие корнуолльские шахты носят женские имена: шахта Мэри-Энн, шахта Марджори, шахта Харриет, потому что шахтерам нравится думать, что шахты обладают характером. Мою шахту зовут Сеннен-Гарт. Никто не знает почему, известно только, что Сеннен – это название ближайшей рыбацкой деревушки за Сент-Джастом. Ближайшую к моей шахту называют Кинг-Уоллоу, потому что когда-то она была так богата, что могла короля всю его жизнь содержать в роскоши… или, по крайней мере, так говорят. Но шахта Кинг-Уоллоу теперь мертва. Отец хотел, чтобы Сеннен-Гарт тоже умер, а я спас его, поставил на ноги…

В шахте тепло. Иногда даже жарко, как в аду. Там влажно, темно и интересно. Спускаться туда – всегда приключение. Да, наверное, это опасно, но я осторожен – только плохой шахтер рискует по-глупому – и знаю, что там не погибну. Я никогда не боялся своей шахты. Когда я там, я никогда ни о чем не беспокоюсь. На поверхности у меня всегда так много проблем, столь многие вещи меня отвлекают, а когда я в шахте, я всегда спокоен. Не думаю, что вы можете меня понять…

Отец не понимал. Нет, мы никогда не ладили. Может быть, потому, что наши темпераменты были слишком различными, не знаю. Все, что я знаю, – это что он был чертовски плохим мужем матери и чертовски плохим отцом мне. Может быть, он не хотел этого. Может быть, я его плохо знал, но таково мое мнение, и не думаю, что в ближайшем будущем оно

изменится. Я расстроился, когда он умер, чувствовал себя виноватым, потому что он умер в разгар одной из наших ссор, но, честно признаться, он не слишком помогал при жизни мне, а особенно матери. Даже до того, как они расстались, я помню, как часто он оставлял ее одну в Пенмаррике. Ничего удивительного, что она искала моей дружбы! От него она дружбы не видела…

Да, я был ее любимчиком. Ну и что? Я ведь был лучшим из детей, поэтому неудивительно, что она выбрала меня. Другие не помогли бы ей, как я, а ей нужна была помощь в те дни, когда… да практически все время, что я себя помню. Да, все время, что я себя помню, я помогал матери, был ей компаньоном, и чем старше я становился, тем более необходимым мне казалось занять подле нее место отца, стать им. Но черт побери, что еще я мог сделать? Это ведь было моим долгом. Мать была совсем одна в этом мире, о ней было совершенно некому позаботиться, кроме меня. Конечно, мне надо было занять его место! Да, черт побери, я хотел занять его место! Мне было смертельно неприятно, что она несчастлива, и все, чего мне хотелось, – это заботиться о ней так, чтобы никто больше не смог обидеть ее. Понимаете, она была такой красивой, такой уникальной, исключительной женщиной, что нельзя было допустить, чтобы она страдала. – Я посмотрел на него. Мне было жизненно необходимо, чтобы он меня понял. – Вы ведь понимаете, не правда ли? – сказал я. – Я просто не выношу, когда она страдает. Вот, в общем-то, и все. Я просто не мог видеть ее несчастной.

5

К моему удивлению, психиатр не придал сцене в Брайтоне столько значения, сколько я. Мне удалось заставить его согласиться, что это была неприятная сцена, но, когда я попытался убедить его, что страдания матери в Брайтоне стали причиной моей импотенции с Хеленой, он, к моей ярости, не разделил моей точки зрения.

– Но если сцена в Брайтоне не важна, – спросил я, решившись вытянуть из него объяснение, – то почему я вспоминаю о ней каждый раз, когда пытаюсь заняться любовью с женой?

– Мне кажется, вы сказали, что это не всегда так. Мне кажется, что это случилось только в самый первый раз… – он заглянул в свои записи, – хотя, разумеется, вы о ней впоследствии не забыли.

– Да, но…

– Сцена в Брайтоне, бесспорно, важна, – прервал меня он, – я не говорю, что она не важна. Но, на мой взгляд, мистер Касталлак, это просто симптом более серьезного недуга. – На моем лице, должно быть, изобразилось недоверие, потому что он добавил: – Рассматривайте это следующим образом: у вас в мозгу существует команда – не иметь сексуальных отношений с женщиной. Вы ее не осознаете, но она существует и посылает вам сигналы, которые вы не можете игнорировать. Когда у вас появилась возможность вступить в сексуальные отношения с вашей женой, эта команда немедленно отправила сигнал, чтобы вас остановить, – в данном случае это было давно подавленное воспоминание о Брайтоне. Может быть, это был слишком сильный сигнал, но ведь и ситуация была серьезной. Впервые в жизни вы были практически вынуждены вступить в сексуальные отношения. Деваться вам было некуда. Это было неизбежно. Поэтому и сигнал должен был оказаться настолько сильным, чтобы вас остановить, что он и сделал.

– Конечно, это все очень умно, – сухо сказал я, – я знаю, что человеческий мозг способен на разные штуки, и я не буду настолько нахален, чтобы спорить с вами, но как с этим справиться? Что мне делать, чтобы излечиться? Как вы будете меня лечить?

Он невесело улыбнулся и покачал головой.

– Быстро излечиться невозможно, мистер Касталлак. Ведь у вас не головная боль, от которой можно проглотить две таблетки, и вскоре все пройдет. Мне кажется, я могу вам помочь, но нам придется еще много раз встретиться, прежде чем наступит хоть сколько-нибудь заметное улучшение. Понимаете, вам необходимо говорить со мной гораздо больше, особенно о ваших детских годах. Вы предоставили мне прекрасный набросок о своих родителях и происхождении, но мне нужно больше, чем несколько набросков, если вы хотите, чтобы я вам помог.

Я с тревогой на него посмотрел.

– Но это невозможно! – сердито воскликнул я. – Мне надо работать в Корнуолле, там мои деловые интересы! Я не могу приезжать в Лондон каждую неделю, чтобы с вами разговаривать. Да черт побери, Пензанс находится почти в трехстах милях от Лондона! Чтобы добраться оттуда сюда, нужны часы.

Надо отдать ему должное: он казался таким же встревоженным, как и я.

– Нам нужно с вами видеться по крайней мере раз в неделю, – сразу сказал он. – А поначалу мне бы хотелось, чтобы вы приходили дважды в неделю. Нельзя ли как-нибудь устроить, чтобы вы жили в Лондоне?

– Нельзя. Мне нужно быть в Корнуолле.

Он тяжело вздохнул и замолчал.

– Послушайте, сэр, – резко сказал я, – но вы ведь можете что-то сделать! Вы должны помочь мне быстрее чем за несколько месяцев! Зачем мне так часто к вам приезжать? Разве вы не можете сейчас же поставить диагноз и объяснить мне, в чем дело?

Но он только сказал:

– Вы должны сами докопаться до истины. На это может уйти много времени. Если бы я сейчас рассказал вам свои предположения, вы бы не только не поверили ни единому моему слову, но даже не смогли бы приложить их к своей ситуации.

– В таком случае я не вижу выхода, – уныло произнес я. – Я не могу остаться в Лондоне, а вы не сможете мне помочь, если я вернусь в Корнуолл. Я не вижу выхода.

– Не оттого ли, что вы не хотите найти выход, мистер Касталлак?

Я справился с собой и сохранил спокойствие.

– Конечно, я хочу его найти, – холодно сказал я, – но, признаюсь, не знаю, как это сделать. Может быть, у вас есть какие-нибудь предложения?

Он заколебался.

– Попробуйте все записывать, – с неохотой посоветовал он. – Напишите отчет о вашей жизни как можно более подробно, а когда закончите, отправьте его мне. Я его прочту, внимательно изучу, а когда вы в следующий раз приедете в Лондон, то, может быть, еще раз ко мне придете. Боюсь, это все, что я могу вам предложить.

– Но я не писатель! – Я сердито на него посмотрел. – Я не привык писать!

– Вы – образованный человек. Умеете писать слова и строить предложения. Попробуйте.

– Но я…

– Это все, что я могу вам предложить, мистер Касталлак, – вежливо повторил он, прерывая спор, так что я не мог уже больше ничего сказать, кроме «спасибо» и «до свидания».

Мне хотелось, чтобы этот эпизод помог мне набраться опыта, как сказала бы Элис, я хотел забыть о поездке в Лондон, но не смог. Наверное, мое положение было слишком отчаянным, чтобы отказываться от единственной соломинки, за которую я мог ухватиться в целом море неприятностей, поэтому я вернулся в Пенмаррик, закрылся в кабинете отца, нашел бумагу, чернила и принялся писать.

Самое странное, что мне это понравилось. Может быть, это занятие не

было мне так уж чуждо, потому что отец был писателем, а мать всю жизнь вела дневник, в сравнении с которым дневник королевы Виктории казался численником. Поначалу я сумел сделать только несколько набросков, но постепенно записи становились все более последовательными, и теперь, много лет спустя, я смог отредактировать рукопись и навести порядок в самых важных из записей. Нет, психиатру я их не отправил. Почему? Потому что нашел решение своих проблем, еще не докончив рукописи, а как только я его нашел и принял меры, помощь психиатра мне была уже не нужна.

Потому что через полгода я с собой примирился. После полугода страданий и унижений я спросил себя: что я могу сделать, чтобы стать счастливым? Что я могу сделать, чтобы покончить с этой ужасной ситуацией? А ответ был удивительно простым. Мне нужно было только признать правду. Мне надо было признать свой провал, посмотреть ему в лицо и научиться жить с ним. Это, конечно, было тяжело, но я заставил себя посмотреть правде в глаза.

Я не любил жену. Я не хотел быть мужем. Я даже не стремился бы стать отцом, если бы был какой-нибудь другой способ оставить в будущем наследника для Сеннен-Гарта. Менее всего мне нравилась идея жизни в Пенмаррике по общепринятым стандартам. Конечно, мне приходилось жить там с Хеленой, от этого никуда было не деться, но я решил, что ни Пенмаррик, ни Хелена не помешают мне жить жизнью, которая делала меня счастливым. В конце концов, не было ничего дурного в том, чтобы наслаждаться жизнью шахтера, чаще ужинать с матерью на ферме, а по воскресеньям лазить по скалам с Тревозом. Решимости жить так, как я хочу, а не так, как хочет общество, во мне прибавилось. Никаких больше врачей. Никаких психиатров. Хватит с меня. Хелена мне тоже надоела, хотя я и старался относиться к ней мягко, поскольку понимал, что поступил с ней несправедливо, и не был настолько бесчеловечен, чтобы не чувствовать вины за пустоту нашего брака.

Я жил так, как хотел.

Я знал, что это неправильно. Я знал, что, игнорируя жену, веду себя дурно, знал, что разрушаю брак, делая вид, что его не существует, но к тому времени желание вернуться к прежнему образу жизни стало настолько сильным, что я уже не мог с ним бороться. Я осторожно начал вновь наслаждаться жизнью, но, сам того не зная, стал жить взаймы.

Потому что впереди, совсем недалеко, был конец света и Судный день. Шел 1928 год. Мне оставалось два года, хотя тогда я этого еще не знал; не два года жизни, конечно, иначе я бы сейчас вам этого не рассказывал, а два

года понимания смысла жизни. Но я этого не знал. К счастью, я не мог заглянуть в будущее.

Семья, казалось, не замечала, что с моим браком что-то не в порядке, хотя я сказал Хелене, что она может подавать на развод, когда захочет, что я не буду ее винить, если она захочет оставить меня ради кого-нибудь другого. Но она меня не оставила, и, таким образом, вопрос о разводе был временно отложен. Правда, брак мог быть аннулирован, но я бы возражал против этого, а Хелена никогда этого не предлагала. У нее тоже была гордость, и вскоре я понял, что она, так же как и я, стремилась сохранить внешнюю сторону нашего брака и притворялась, что все идет как надо. Единственный раз она чуть было не выдала своих чувств, и это случилось через три месяца после нашего бракосочетания, на свадьбе Жанны и Джералда. Церемония не была столь уж трогательной, но невеста и жених выглядели счастливыми, и Хелена сломалась и заплакала. Никто не нашел это странным, потому что предполагается, что женщины должны плакать на свадьбах, но сомневаюсь, что Хелена заплакала бы, если бы не находила иронии в том, что ее собственный муж ничуть не здоровее брата, прикованного к инвалидному креслу.

Медового месяца у молодых не было, потому что Джералд был недостаточно здоров для путешествий, и после свадьбы Хелена все чаще и чаще стала пропадать в особняке Ползиллан. Иногда я задумывался, не многовато ли времени она там проводит, но меня успокаивала уверенность в том, что Жанна слишком простодушна, чтобы заподозрить, что между мной и Хеленой что-то не так.

Никто ничего не заподозрил.

Я редко виделся с Уильямом – только чтобы обсудить дела имения, а Джан-Ив был слишком занят своими собственными делами, чтобы уделять мне много внимания. Он так и не построил себе дом, у него не было собственного гнезда со времени моей женитьбы, но на Рождество он преподнес нам сенсацию, объявив, что собирается жениться на Фелисити Карнфорт. Фелисити была той самой пышнотелой девицей, которую я пригласил на ужин, где впервые выступил в качестве хозяина Пенмаррика. Она была на шесть лет старше Джан-Ива, считалась наследницей большого состояния и очень напоминала заднюю часть трамвая.

– Надеюсь, ты признаешь, что женишься на ней ради ее денег, – сказал я, пытаясь скрыть презрение.

– Ни в коем случае, – весело сказал Джан-Ив. – Фелисити считает это великолепной идеей, да и я тоже. В сущности, мы ладим. Я знаю, что она некрасива, но с ней весело, у нее хорошее чувство юмора, она очень

разумна. Поэтому я не вижу причин, почему бы нам не быть такими же счастливыми, как и вы с Хеленой.

Отвечать на это не было смысла, да и к тому же я чувствовал, что дальнейшее обсуждение этой темы могло стать для меня опасным, поэтому просто пожелал ему счастья и оставил в покое. Мать приняла новость о помолвке со смешанными чувствами. Сентиментальная часть ее натуры восставала против того, что Джан-Ив не по уши влюблен в свою невесту, но разум подсказывал, что Фелисити для него – хорошая партия не только с финансовой, но и с социальной точки зрения. Наконец она решила благословить этот брак и принялась раздумывать, что ей надеть на свадьбу, которая должна была состояться на Пасху.

К счастью, мать была последним человеком, кому могло прийти в голову, что между мной и Хеленой что-то не так. Она часто навещала нас, потому что моя жена ей нравилась. Ее отношение к Хелене резко контрастировало с отношением к другой невестке – Ребекке, с годами оно ухудшилось, а не улучшилось.

– Она такая простолюдинка! – с неодобрением говорила мать. – Дебору следует воспитывать как леди, отправить в хорошую школу для девочек, подальше от неподходящей для нее сельской атмосферы, но Ребекке все равно. Я вижу, что, если что-нибудь не предпринять, из Джонаса вырастет доподлинный рабочий. Как жаль, что Хью умер так рано! Он позаботился бы о детях лучше, держал бы жену в узде… я бы не удивилась, если бы узнала, что у нее не слишком твердые моральные устои. Ее мать Кларисса Пенмар была весьма аморальной девицей, а такие склонности часто передаются по наследству.

Поэтому мать с облегчением переключила внимание с Ребекки на Хелену и ни разу не сказала о ней дурного слова до самого июля, когда наступила первая годовщина нашей свадьбы.

– Хелена ведь хочет детей, правда? – с беспокойством спросила она у меня. – Она ведь ничего не предпринимает, чтобы они не появились?

– Нет.

– Ах боже мой, надеюсь… Конечно, она очень худая. Иногда худым женщинам сложно зачать и родить; по крайней мере, Гризельда так говорила.

– Ах, мама, ну дай же ей шанс! Мы женаты всего год!

– Да, но ко времени первой годовщины моей свадьбы у меня уже был Стефен…

Я успокоил ее, переменил тему разговора, а когда почувствовал, что начинаю расстраиваться, то просто сказал себе, что ничего страшного не

произойдет – по крайней мере, до тех пор, пока она не узнает правду.

В то лето к нам на месяц приезжал Эсмонд. Я великолепно провел с ним время. Мы вместе ездили верхом по пустоши, бродили по берегу, по его просьбе я водил его на шахту и все там показал. В Пенмаррик он приезжал один; Мариана была занята в Лондоне, вовлеченная в громкий развод, и хотела избавиться от Эсмонда на время судебного процесса. Разводилась не она, но она была замешана в отвратительном скандале, а из газет, которые я прятал от матери, я узнал, что у Марианы была довольно дурная слава в лондонских кругах.

Но мы с Эсмондом о его матери не говорили. Мы говорили о верховой езде, о шахтерском деле, о Корнуолле, и я получал столько удовольствия от его визита, что, когда ему пришло время уезжать, очень расстроился. После этого я ощутил еще большие депрессию и одиночество и тогда-то, в самое пустое время своей жизни, обратился к Алену Тревозу.

Глава 10

Ричарда подозревали в содомии… Мужчины определенно ему нравились, особенно труверы Северной Франции: несмотря на разницу в социальном положении, эти мастера слова были его постоянными спутниками.

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

Крестовые походы Ричарда I принадлежат мировой истории… Но он счел необходимым вывести свои войска и навсегда расстаться с надеждой взять Святой город (после) последнего эпизода этого дорогостоящего предприятия.

А. Л. Пул.

Оксфордская история Англии:

от «Книги Судного дня» Вильгельма Завоевателя до Великой хартии вольностей

1

Конечно, Тревоз всегда был рядом. Не то чтобы я неожиданно узнал о его существовании. Он уже давно был моим самым близким другом, наша дружба началась, когда мне было двадцать лет и я был на шахте новичком, десять же лет, которые нас разделяли, никогда не имели значения. Но когда мы познакомились, я был другим. Тогда я был молод, увлечен мечтами о шахте и уверен в том, что все, к чему бы я ни притронулся, если постараться, превратится в олово. Теперь я изменился. Я знал, что значит терпеть поражение за поражением, несмотря на сильнейшее желание преуспеть. Я больше не считал себя непобедимым. Я избавился от иллюзий, стал циничным, одиноким, и чем острее ощущал свое

одиночество, тем больше мне хотелось кому-нибудь открыться. Но, кроме Тревоза, моего лучшего друга, открыться было некому, да и проблемы мои были слишком интимны даже для его ушей. Я продолжал молча страдать в одиночестве, но постепенно, по мере того как шло время, ухитрился намеком ему признаться.

Я никогда не упоминал при нем имя Хелены, никогда не говорил о своем браке. По воскресеньям я искал его общества, пил с ним допоздна, пригласил его на неформальный завтрак в Пенмаррик, когда Хелена ужинала в особняке Ползиллан. Мало-помалу я начал понимать, что он догадывался о том, что произошло между мной и женой, и хотя, как и все, он не знал всей правды, но знал, что мы с Хеленой были чужими друг другу. И все же мы об этом не говорили; я никогда в открытую не говорил, что между мной и Хеленой все не так. Тем не менее я знал, что он догадывается, и ждал, когда он подаст какой-нибудь знак, что готов меня выслушать.

Это случилось летом 1929 года. Однажды воскресным утром мы гуляли по скалам, когда весь народ был в церкви, и неожиданно, без предупреждения, он сказал:

– Что произошло между тобой и женой?

С северо-запада дул морской бриз. Идя по скалистой тропке к Зеннору, я слышал, как вдалеке прибой разбивается об основание скалы, чувствовал, как утесник цепляется за брюки.

– Мне всегда было интересно, – добавил он, – но не хотелось спрашивать. Не хотелось лезть в душу. Не мое это дело.

Помолчав, я ответил:

– Мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь еще об этом узнал.

– Конечно. Понимаю. Ясное дело.

Мы прошли еще немного, светило солнце, прозрачная вода у прибрежных скал возле Гернардз-Хеда цветом напоминала глаза Хелены.

– Ничего не получилось, – наконец сказал я. – Мне не следовало жениться.

– Я тебе говорил, – сказал он, и его уродливый колониальный акцент заметно убавился от сочувствия, стал мягче, и речь стала больше напоминать корнуолльское наречие. – Ведь говорил?

– Говорил.

Мы продолжали идти, повернули на выступающую часть Гернардз-Хеда. Скалы были черными, блестящими, белая пена покрывала далекие утесы.

– Все люди разные, – сказал он. – Одним надо заводить семью, другим

надо бегать по женщинам, а некоторым этого не надо. Все люди разные. Ясное дело.

– Да.

– Ты – как я. Я знал, что тебе надо, лучше, чем ты сам. Тебе надо было меня послушаться.

Я засмеялся, почему-то посмеиваясь над его серьезностью.

– А что бы ты мне сказал, если бы я тебя слушал?

– Чтобы ты не женился.

– И все?

– И все.

– Но холостяцкая жизнь не всех увлекает!

– Холостяки бывают разными, – сказал Тревоз. И посмотрел на море. Далеко на горизонте виднелся корабль, он почти не двигался – маленькая, сделанная человеческими руками игрушка на просторах Атлантического океана. – Увлекает, – сказал он, – когда знаешь, куда пойти. Летом весело в Сент-Ивсе. Я езжу туда время от времени. Он мне нравится больше Пензанса. В Пензансе неинтересно. Даже скучно.

– А я и не знал, что ты когда-нибудь выезжал из Сент-Джаста!

– Я не рассказываю об этом всем на свете. – Он по-прежнему наблюдал за кораблем, держа руки в карманах. – Я не часто туда езжу. Только иногда по субботам, вечером.

– А как ты туда добираешься?

– Автостопом. А есть еще автобус.

– Остаешься на ночь?

– Обычно приходится. Поздно вечером домой не доберешься. Но это нестрашно. Всегда где-нибудь можно найти постель. – Он рассеянно потер нос. – Почему бы нам как-нибудь не съездить вместе? Если не хочешь, мы не будем ничем заниматься, но я знаю одно местечко… Интересно?

– Не очень, – честно сказал я. – Не хочу тратить субботние вечера на женщин.

– Я не о женщинах, – сказал Тревоз.

2

Когда между нами все стало ясно, я сказал:

– Прости, я не такой. А даже если бы и был, не хочу подвергаться опасности шантажа. У меня больше здравого смысла.

– И то правда, – произнес он, ничуть не смутившись. – Тебе больше

терять, чем мне. Хорошо, забудем об этом.

– Знаешь, что я тебе скажу, – продолжил я. – Я не против когда-нибудь вечерком поехать в Сент-Ивс и поужинать в том маленьком рыбном ресторанчике у гавани. Почему бы нам не сходить туда, вместо того что ты предлагаешь?

– Прекрасно, – сказал он. – Хорошая мысль. Когда поедем?

Мы условились о дне и перешли к обсуждению омаров. Потом он сказал мне:

– Прости, что я завел об этом разговор.

– Не будь дураком! – ответил я. – Незачем извиняться. Я не чистоплюй, мне все равно, как ты развлекаешься. Мне все равно.

Но, как оказалось, мне было не все равно. Мы пару раз ездили в Сент-Ивс, проводя время за ужином и бродя по городу несколько замечательных часов, а в третий раз пошли пить в паб, который он знал.

Люди там мне не понравились, мне захотелось уйти, но Тревоз разговаривал со старым другом, и я не смог его вытащить. В конце концов я сказал, что подожду его в машине, и оставил с другом, но хотя я прождал очень долго, он все не шел. Я уснул в машине и проснулся, только когда он открыл дверь и проскользнул на сиденье рядом со мной.

Я открыл глаза. Светало.

– Какого черта ты там делал? – взорвался я и увидел, как расширились его глаза, когда он закурил сигарету.

Мы поссорились. Я потерял самообладание, но он оставался спокоен и позволил мне кричать на него, не прерывая меня. Когда я наконец замолчал, он сказал только:

– В чем дело, сынок? Ревнуешь?

Я тупо на него уставился, а он положил мне на плечо руку дружеским жестом, как часто делал на шахте, и произнес со странной, кающейся честностью:

– Прости, больше не буду. Я просто хотел показать тебе, вот и все.

Наступило молчание, но, когда я спросил, с трудом подыскивая слова: «Что показать?» – он сказал, удивленный, словно это было самой естественной вещью на свете:

– Правду, конечно. Что же еще?

И тогда я все понял.

3

Мы провели вместе год. И все. Только год.

Не знаю, что думала Хелена. Она, должно быть, знала, что иногда я не прихожу домой ночевать, но ничего не говорила, а я ничего не говорил ей. Видел я ее очень мало. Я чаще видел свою мать, которую навещал регулярно раз в неделю. Ближе к Рождеству я начал время от времени заходить к ней с Тревозом, но матери Тревоз не нравился. Она ничего не знала о том, что происходит между нами, но, хотя и была с ним очень вежлива, я видел, что она радуется, когда я прихожу один.

Пришла весна, весна 1930 года. Конец был уже очень близок, хотя я этого и не знал. Конец приближался очень быстро. К исходу апреля до него оставалось всего четыре месяца. Времени было мало.

Прошел май. Потом июнь и июль. Ничто не подсказывало мне, что может случиться. Мы каждый день ходили на шахту и каждый вечер, как всегда, уходили из раздевалки. Не было никаких предчувствий, никаких предзнаменований, просто все лето, до самого конца августа, шла наша обычная рабочая жизнь.

И тогда-то, тридцать первого августа 1930 года, пришел конец моему миру.

Тот день ничем не отличался от других. Утром я спустился в шахту, а во время обеденного перерыва вместе с Тревозом съел свой сэндвич на сорок втором уровне под морем. Когда мы пообедали, я сказал:

– Мне нужно подниматься. Приедут из грузовой компании, чтобы обсудить проблему этих чертовых креплений, мне нужно встретиться с ними в конторе. Пока.

– Хорошо, – согласился он. – Пойдешь сегодня в паб?

– В семь?

– Да. – Он улыбнулся. – Если придешь раньше меня, закажи мне стаканчик сидра и смотри не выпей, пока я не приду!

Я засмеялся, помахал рукой, повернулся, и вместе со мной повернулся луч со шлема, указывая мне дорогу вдоль по длинной галерее к главному стволу.

Больше я Тревоза не видел.

Поднявшись наверх, я переоделся, вышел из раздевалки и пошел через двор к себе в контору рядом с бухгалтерией. День был пасмурный, но тихий, воздух был чист. Помню, что оглянулся на мыс Корнуолл, увидел, как ясно выделяется на фоне серого летнего неба моторный цех Леванта. Дойдя до конторы, я вошел, закрыл дверь, повернулся, чтобы повесить плащ, который был перекинут через руку.

Тогда-то и случилось странное. Я протянул руку, чтобы повесить

плащ, но стена, казалось, отодвинулась на дюйм от моей протянутой руки, и я не попал на крючок. Плащ упал на пол. Я чертыхнулся, и в этот момент все предметы на столе: ручки, карандаши, пепельницы задребезжали, под ногами завибрировал пол.

Первой моей мыслью было, что земля под хлипким зданием конторы сейчас провалится. Я выскочил во двор. К своему удивлению, я обнаружил, что земля под ногами все еще дрожит, а когда огляделся, то увидел, как из стены рядом со мной выскочил кирпич и с кряканьем упал на землю.

Но прежде чем я смог оправиться от удивления, вибрация прекратилась. Я подождал, все еще в напряжении, но все вокруг, насколько хватало глаз, было неподвижно.

Дверь конторы Уолтера Хьюберта распахнулась, оттуда выскочил Джан-Ив. Он побелел.

– Что это, черт побери?

– Не знаю, – сказал я, но я знал. Я тогда уже догадался, что происходит. Это был толчок землетрясения, явления для Корнуолла и юга Англии редкого, но не неизвестного. Толчки редко причиняли серьезный ущерб и не заслуживали ничего, кроме маленькой заметки в местной газете.

Кровь застыла у меня в жилах.

Я побежал. Я все бежал и бежал, отмахиваясь от людей, которые спрашивали, что происходит, я бежал и думал только о своей шахте. О нижних уровнях я не беспокоился. Они были новыми, сбитыми крепко и выдержали бы небольшой толчок, но не весь Сеннен-Гарт был новым. Неожиданно из глубины моей памяти выплыли слова начальника шахты Левант, который говорил мне, когда я был еще ребенком: «Ты когда-нибудь слышал о завалах? Знаешь, что бывает, когда деревянные крепления такие гнилые, что их можно разрушить одним пальцем? Если в западной части Сеннен-Гарта будет завал, знаешь, что будет?»

Теперь я знал, что будет. Это знание охватило мне сердце ледяными пальцами, оно душило меня, и когда я добежал до главного ствола, то смог только выдохнуть:

– Где подъемная машина?

– На двести двадцатом уровне, сэр. Мне…

Я схватил телефон, закрутил ручку. Телефон работал, но никто не отвечал. Вокруг меня столпились люди, но я их почти не замечал. Я ничего не видел, кроме телефона, моей последней связи с друзьями под землей, и ничего не ощущал, кроме подползающего страха.

– Отвечайте, – твердил мой голос. – Отвечайте.

Но первой мне ответила шахта. Из главного ствола эхом поднялся дикий шум, отдаленный перекатывающийся гром из самого сердца шахты. Шокирующий, примитивный и все уничтожающий шум. Он перекатывался и перекатывался, словно конца ему не было.

Я швырнул телефон, выбежал наружу. Пересек двор, перебрался через горы шлака и пополз к шахте, которую исследовал ребенком. Я слышал только собственное прерывающееся дыхание и звяканье обуви по камням, а далеко-далеко, в другом мире, гудела пустота моря.

Я добрался до ствола. Упал на живот и подполз к краю, а когда заглянул вниз, мне в лицо дохнул застоявшийся воздух, воздух, давным-давно застрявший под землей.

Я заглянул вниз, в мою шахту.

И увидел воду. Быстро переливающуюся черную воду со зловещим запахом могучего резервуара из затопленной шахты рядом. Тремор разрушил стену между ними, стену между шахтами, которые с незапамятных времен стояли бок о бок, и теперь они стали одной, а из Кинг-Уоллоу хлестала вода.

4

Погибли все мои друзья; погибли все в той смене, и нам даже не удалось поднять тела. Потом была поминальная служба, журналисты со всего мира слетелись в Сент-Джаст, посыпались подарки, чтобы облегчить участь вдов и сирот. Люди были очень добры к ним.

Я купил Тревозу его стакан сидра и, прихлебывая свой виски, смотрел на этот нетронутый стакан. Каждый год, тридцать первого августа, я покупаю ему стакан сидра. Если кто-нибудь считает меня безжалостным и несентиментальным, им следует понаблюдать за мной, когда я покупаю тот стакан сидра. Странно, но такой тривиальный жест может означать очень много.

Понадобилось бы целое состояние, чтобы осушить шахту и начать все заново, но денег больше не было. Я и так уже потратил слишком много из капитала Хелены, и даже если бы потратил все остальное, это было бы каплей в море необходимых расходов. Сеннен-Гарт умер, и никакая сила на свете не смогла бы его оживить.

И все же, даже умерев, он выполнил мое последнее детское желание, потому что после тридцать первого августа 1930 года на свете не было шахтера, который бы не слышал о знаменитом Сеннен-Гарте. За семь тысяч

миль от Корнуолла, в сердце канадских Скалистых гор, удивленные люди говорили мне: «Ты работал на Сеннен-Гарте? Великий Боже, как же ты выбрался оттуда? Чертовская должна была быть шахта…»

Итак, я получил все, чего желал для своей шахты Сеннен-Гарт, последней работающей шахты на запад от Сент-Джаста. Собственно говоря, это было справедливо. Ни один человек на свете не работал так много, чтобы получить желаемое, как я, никто не жертвовал столь многим и не был настолько верен делу своей жизни. И все же, когда борьба окончилась, а все битвы были выиграны, единственное, о чем я мог пожалеть, – это что до сих пор жив, чтобы наслаждаться славой шахты. Потому что мне тоже следовало погибнуть, погибнуть в своей шахте, окруженному своими друзьями. Это была самая горькая часть трагедии. Я не умер. Моя шахта оставила мне жизнь, как я всегда и знал, и я остался жить в одиночестве, при нелюбимой жене, в огромном особняке с бесконечной, туманной паутиной лжи, оставшейся позади.

V
Джан-Ив
1930–1945
Справедливость и несправедливость

Хотя Иоанн вырос невероятно злым человеком… в зрелом возрасте он обнаружил странную склонность к религии, но не позволял ей влиять на свое поведение.

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

Дурная традиция мало отразилась на характере короля Иоанна… Не из пустой формальности капелланы Чичестера служили мессы за упокой души «благословенной памяти» короля Иоанна… (У него) было искреннее и даже добросовестное отношение к отправлению правосудия.

А. Л. Пул.

Оксфордская история Англии:

от «Книги Судного дня» Вильгельма Завоевателя до Великой хартии вольностей

Что бы ни говорили о короле Иоанне, нет никакого сомнения в том, что свой королевский долг свершения правосудия он исполнял с усердием и неутомимостью, которым много обязано британское гражданское законодательство.

Он отличался трудолюбием, умом и изобретательностью. Но в то же время он был горяч, капризен и своеволен. Был щедр к тем, кто не мог ему

навредить, и безжалостен ко всем, кто мог. Но более всего его характеризовали скрытность, подозрительность, сверхчувствительность к малейшему проявлению оппозиции, беспощадная мстительность… Разве странно, что люди обожали рассказывать истории о его злобности, не заботясь о том, чтобы проверить, насколько эти рассказы правдивы?

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

Глава 1

Возможно, что он мало общался с матерью, потому что вскоре после его рождения родители расстались и Элеанор удалилась в Пуату, чтобы вместе со старшими сыновьями плести интриги против Генриха.

Должно быть, единственным из крупных баронов, с кем Иоанн находился в близких отношениях, был его сводный брат, Уильям Лонгсуорд, барон Солсбери, незаконный сын короля Генриха II.

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

1

Когда на Сеннен-Гарте случилось несчастье, мне было двадцать пять.

Двадцать пять – счастливый возраст в моей семье. Отец, например, к двадцати пяти годам уже был хозяином большого имения, мужем красивой женщины и отцом множества многообещающих младенцев. Еще у него была репутация историка, которую он впоследствии приумножил. Отец был удачливым человеком. В двадцать пять он уже оставил свой след в мире.

Три моих старших брата (законных) тоже неплохо преуспели. Маркус не дожил до двадцати пяти, но он на полную катушку использовал время своего пребывания в этом мире, прежде чем в возрасте двадцати трех лет его свела в могилу дизентерия. Не будет несправедливым назвать его распутником просто потому, что он тратил деньги как сумасшедший, чтобы не исчезнуть из светских колонок на газетных страницах, но у него, без сомнения, был удивительный талант обзаводиться друзьями, очаровывать всех подряд, тратить отцовские деньги и не делать ничего, что можно было бы хоть отдаленно именовать работой. У брата Хью тоже был талант избегать работы, но у него, по крайней мере, имелась способность не только сохранять, но и приумножать капитал. Хью был умен. В двадцать

пять у него были жена, дочь, собственный дом, собственный доход и куча времени, чтобы всем этим наслаждаться, а сколько человек в мире могут этим похвастаться к двадцати пяти годам, хотел бы я знать? Очень мало, думается мне. И наконец, брат Филип…

Пожалуй, я пока еще не буду говорить о Филипе. В двадцать пять репутация Филипа в нашей части Корнуолла была настолько безупречна, что ему грозила опасность стать неофициально канонизированным.

Итак, они все были красивыми героями, к двадцати пяти годам купающимися в золотых лучах славы, а я был моложе их всех и с завистью наблюдал за ними из-за кулис. И все же, раз уж считалось, что к двадцати пяти годам весь мир должен лежать у твоих ног, я приготовился к неизбежному, и, когда наконец одним сырым августовским утром 1930 года забрезжил мой двадцать пятый день рождения, я уселся поудобнее и навострил уши, чтобы услышать приветственные возгласы.

Но стояла тишина самого неприятного свойства.

Потому что я был никем и ничем. Семейный круг, замкнувшийся еще до моего рождения, оставался для меня закрытым, и даже сейчас, двадцать пять лет спустя после своего рождения, я все еще барахтался за пределами этого круга, пытаясь в него попасть, все еще был привязан к семье, как какой-то убогий придаток, все еще думал о том, что мне сделать, чтобы стать таким, как отец, как мои великолепные братья, как кто угодно, кроме меня самого.

Я не хотел быть самим собой. Я был последним человеком на земле, на кого бы мне хотелось походить.

– Боже милосердный! – воскликнула моя красивая сестра Мариана, когда впервые меня увидела. – Вы когда-нибудь видели такого уродливого ребенка?

Этого я ей не простил. Много лет позже, когда она написала мне, прося о помощи, я ей отказал. У меня долгая память, я помню все, с самого детства, и я никогда не прощаю оскорбления или несправедливости.

– Очень непослушный ребенок, миссис Барлоу, – сказала няне экономка, которую я впоследствии довел до того, что она уволилась. – Мне кажется, вы слишком мало думаете о дисциплине.

– Он хороший мальчик, – сказала моя старая няня, которую я любил, – и я буду вам благодарна, если займетесь своими делами, миссис Холингдейл.

Я рано понял, кто мне друг; в сущности, я рано понял несколько важных вещей. Во-первых, я понял, что большинство против меня. Во-вторых, что глупо предполагать, что в мире вообще существует подлинная

справедливость. Справедливость можно только заработать, много трудясь, потому что каждый в этом мире выступает за себя и никто даже пальцем не пошевелит, чтобы помочь другому, если это противоречит его собственным интересам. В-третьих, и это вытекало из второго, я понял, что все постулаты, внушаемые в детской, такие как «добро всегда бывает вознаграждено», «честный мальчик – счастливый мальчик» и «у честного человека спокойная совесть», просто ложь. Добро вознаграждается только насмешками зла, честный мальчик обычно получает шлепки, а спокойная совесть не имеет особой цены, если не сопровождается материальным комфортом.

Я был реалистом. Высоколобый идеализм и благородство души, может быть, кого-то и удовлетворяли, но мне не подходили, потому что я собирался подняться вверх по социальной лестнице и получить то, что заслужил, вопреки мнению тех, кто хотел меня остановить. Если бы я верил в существование справедливости, я бы мог ничего не делать, только наслаждаться своим нравственным величием и ждать, когда все, чего я желаю, упадет мне в руки, но я рано понял, что единственная надежда получить справедливое вознаграждение – это быстрый ум, отсутствие угрызений совести, неколебимая решимость никому не доверять и готовность к тому, что те, кто тебе улыбается, стоит отвернуться, всадят тебе нож в спину.

2

Теперь, когда я все это сказал, становится понятно, почему я взялся за перо и надумал изложить несколько нелицеприятных фактов о самом себе. Это нужно для того, чтобы мои дети вынесли обо мне справедливое суждение в случае, если я умру раньше, чем они сами смогут обо мне судить. Если бы я был высоколобым идеалистом, то хранил бы полное достоинства молчание и ждал, пока справедливость представит моим детям правдивый рассказ об изменчивой карьере их отца. Но я по опыту знал, что люди редко говорят хорошо о себе подобных, и, поскольку у меня есть влиятельные враги, думаю, будет предусмотрительным изложить моим детям факты, пока не поздно.

Но я хочу поставить одно условие. Эту рукопись не должен прочесть ни один из моих детей, не достигший двадцати одного года, и еще мне бы хотелось, чтобы мои дочери не читали ее до вступления в брак. Да, я знаю, что времена меняются, а я старомодный ханжа, но какие-то принципы

должны быть, ведь так? Мне такое условие не кажется неразумным.

Прежде всего я хочу предупредить, что не буду много рассказывать о своей жизни до несчастья на Сеннен-Гарте в 1930 году, которое произошло через несколько дней после того, как мне исполнилось двадцать пять. Лучше будет опустить завесу над моей жизнью до 1930 года, хотя мне и кажется, что если я собираюсь нарисовать ее правдивую картину, то мне придется время от времени вспоминать о событиях своей бездарно прожитой юности. Позвольте мне покончить с этой неприятной задачей как можно более безболезненно, кратко пояснив, в каких отношениях я состоял со своей семьей и с окружающими, когда мне исполнилось двадцать пять.

Отец умер в 1926 году, мать еще была жива, но оба эти факта значили для меня очень мало, потому что родители всегда были мне безразличны. После того как они навсегда расстались примерно через десять секунд после моего зачатия (я всегда считал это замечательным достижением), самый факт моего существования был для них настолько отвратителен, что воспитывала меня моя большая и уютная няня из Пенмаррика. Отец удалился в Оксфордшир, чтобы жить там с любовницей и остальными восемью детьми, а мать сбежала на ферму в приход Зиллан. До шести лет я не видел своих родителей. Потом они раскаялись и принялись донимать меня, добиваясь привязанности, но было уже поздно. Мне всегда казалось странным, что когда они все-таки решили обратить на меня внимание, то ожидали, что я паду им в ноги, клянясь в сыновней любви.

И все же задолго до 1930 года я решил, что с точки зрения выгоды мне лучше быть в хороших отношениях с матерью, и без особого труда завоевал ее расположение еще до смерти отца. Естественно, у меня был скрытый мотив: я случайно обнаружил, что отец назначил наследником брата Филипа, а поскольку существовал шанс, что я унаследую Филипу, если он решит воспользоваться своим правом назначить наследника, то мне было нужно, чтобы Филип хорошо ко мне относился. Но к сердцу Филипа была только одна дорога, и дорога эта называлась «наша мать».

Я не просто не любил Филипа. Я его ненавидел. Я ненавидел его, потому что у него было все, чего он хотел, потому что его любили, потому что он был удачлив, потому что он был любимчиком матери и сыном, которого отец предпочел всем остальным при составлении завещания. Я ненавидел его за высокомерие и презрительное отношение ко мне, я ненавидел его потому, что был ничуть не хуже его и заслуживал такой же всеобщей любви, какой пользовался он. Зависть разрывала меня на части. Даже когда я просто смотрел на него, мускулы у меня напрягались до боли. Я не мог разговаривать с ним без внутреннего напряжения.

Ненависть эта была настолько сильна, что мне часто хотелось излить ее в драке, но о драке не могло быть и речи. Мне нужно было продолжать ублажать Филипа, завоевывать его благосклонность, его доверие. И все же, когда я спрашивал себя, почему я не бросил все, не сел на первый попавшийся пароход, плывущий в Америку, и не попытал счастья на другом континенте, то поначалу не мог дать ответа. Конечно, мне хотелось справедливости. В этом сомневаться не приходилось. Пенмаррик должен принадлежать мне, а не Филипу. Он был старшим братом, это правда, и теоретически имел передо мной преимущество в вопросе наследования, но отец, если бы захотел, мог бы оставить наследство и младшему сыну. До того как меня отослали из Оксфорда (застав в компрометирующей позе во время легкомысленного ночного налета на один из женских колледжей), мне, без сомнения, удалось стать любимчиком отца, и к тому же у него с Филипом были разногласия еще до того, как я потерял отцовское расположение. Завещание, этот шедевр отсутствия логики и вопиющей несправедливости, было нечестным по отношению ко мне вне зависимости от того, насколько ужасно я опозорился в Оксфорде.

Поэтому я хотел справедливости. Но это еще не все. Мне был нужен Пенмаррик. Я долго не понимал, что значит для меня этот дом, и понял, только когда мне пришлось его покинуть и поселиться в Пензансе. Тогда, просыпаясь каждое утро и глядя на спокойные воды южного побережья Корнуолла и тихие пески залива Маунтс, я понял, чего хочу. Я нуждался в северном побережье, в жизненно важном для меня уродстве Корнуолльского Оловянного Берега с его ужасными скалами и злыми, разбивающимися фонтанами брызг, с ревом прибоя, с криками чаек, с чертовски голыми пустошами, греющимися под беспокойным, переменчивым небом. Мне не нужна была одомашненная эспланада Пензанса и убогие пальмы в искусственных садах у «Метрополя»! Я хотел ту, другую землю, лежащую в семи милях через холмы, а больше всего, даже больше, чем землю, я хотел получить свой дом, самый уродливый мавзолей во всем Корнуолле, потому что для меня это был семейный очаг, который я любил, и любовь делала его непостижимо прекрасным для меня. Постепенно, по мере того как проходили месяцы со дня смерти отца, а годы приближали меня к двадцатипятилетию и к трагедии на Сеннен-Гарте, я стал осознавать, что больше всего на свете хочу стать хозяином Пенмаррика – не из-за денег или социального престижа и не потому, что обладание им означало бы успех, а потому что я любил этот дом: каждый его уродливый серый кирпич, каждый квадратный фут корнуолльской земли, на которой он был возведен; само его уродство вызывало во мне

сочувствие.

3

Филипа интересовали только две вещи: наша мать и шахта Сеннен-Гарт. Когда он стал хозяином Пенмаррика, мать я уже приручил, поэтому, естественно, решил переключить внимание на шахту и сказал Филипу, что хочу там работать. У меня не было ни гроша, и мне все равно надо было как-то зарабатывать на жизнь; я подумал, что будет разумно узнать как можно больше о семейном бизнесе, чтобы потом попасть в фавор к Филипу, доказав ему, что я могу быть полезен на административной работе. Кроме того, мне уже наскучило помогать Уильяму в управлении Пенмарриком и я чувствовал потребность в новых трудностях, чтобы развеять скуку.

Шахта представляла собой как раз ту трудность, которой, как мне казалось, я ждал.

Вскоре я понял, что откусил больше, чем мог прожевать. Я возненавидел шахту. Темные жуткие галереи под морем ужасали меня, и если бы не приятель Филипа, столп шахтерского содружества Алан Тревоз, я бы бросил обучение еще до исхода своей первой недели под землей. Но Тревоз делал шахту сказочной. Его способность внушать мне чувство уверенности в себе была настолько велика, что мои страхи испарялись, когда он был рядом, и вскоре он мне понравился настолько, что я стал ему доверять. Мне нравился его цинизм, его непочтительное отношение к общественным институтам, а еще мне нравилось, что он относится ко мне как к мужчине, а не следует примеру Филипа, воспринимающего меня только как школьника. Три месяца я ходил за Тревозом по пятам, пока он вкратце посвящал меня в таинства шахтерского дела, и наконец мне удалось без ущерба для моей гордости и достоинства подняться на поверхность, чтобы помогать старому Уолтеру Хьюберту в бумажной работе, что подходило мне намного больше. Вскоре я освоил все аспекты администрирования, включая бухгалтерию, и временами у меня появлялся соблазн изменить цифру-другую, чтобы увеличить свое недельное жалованье. Но здравый смысл всегда останавливал меня. Если бы Филип хоть раз поймал меня на нечестности, мне пришлось бы навсегда забыть надежду когда-нибудь завладеть Пенмарриком, а мечта стать его хозяином значила для меня больше, чем рискованная попытка увеличения жалованья.

К тому времени я убедил себя, что стану наследником Филипа. Даже

если бы он женился (несчастье, которое казалось маловероятным из-за его безразличия к женщинам), я подозревал, что он не способен будет зачать что-либо, кроме куска олова, и тогда моим единственным соперником оставался Джонас, сын моего покойного брата Хью и… самой важной женщины в моей жизни ко времени трагедии на Сеннен-Гарте. Моей невестки Ребекки, самой сексуальной женщины к западу от Теймара.

Я почти не помню времени, когда бы я не хотел Ребекку. Впервые я увидел ее в Зиллане во время чаепития со священником. В то время мне было без малого семь, а она была почти вдвое старше меня. Семь лет – слишком рано для плотского желания, но я отлично помню, как любовался ее белой кожей и блестящими темными волосами. В четырнадцать она была привлекательна, а когда в двадцать один вышла замуж за Хью, просто неотразима. Мне тогда было четырнадцать, я переживал одну из сквернейших подростковых депрессий, оттого что был мал ростом и некрасив. Я переживал период самого невыносимого разочарования в жизни, меня снедала самая черная форма братской зависти.

В конце концов Уильям помог мне справиться с муками и несчастьями подросткового возраста. Уильям был героем моего детства, он был самым старшим и лучшим из моих братьев и сестер, моим кумиром, который взял на себя роль отца, руководителя, философа и друга, начиная с того момента, как мне исполнилось шесть. К Уильяму первому я всегда обращался, когда попадал в беду, поэтому, обнаружив, что унаследовал сильную тягу к противоположному полу, которая время от времени проявляется в нашей семье, обратился именно к Уильяму. Мне было шестнадцать, я был переполнен яростью и жалостью к самому себе и, не упуская ни единой отвратительной детали, излил на него рассказ о своем комплексе неполноценности. Женщины никогда не обратят на меня внимания. Я им омерзителен. Лучше бы меня кастрировали еще до достижения половой зрелости, чтобы я теперь не мучился. Никто никогда меня не полюбит. Я ужасен, отвратителен и сексуально непривлекателен.

– Ты, конечно, прав, – сказал Уильям, учтивый, как всегда. – Не могу представить себе женщину, которую привлекли бы ужасный сердитый взгляд, хитрое выражение лица и рот, углы которого всегда смотрят вниз. Попробуй улыбаться. Или смеяться. Или, что еще лучше, разговаривать. Каким бы привлекательным мужчина ни был, он не понравится никому, если ведет себя, как набитая кукла. Самое ценное в мужчине – это легкая манера разговора, приятный голос и способность вести развлекательную беседу. У тебя есть все это. Так что не стоит сдаваться без боя. Мужчине требуется только быть храбрым, обаятельным и чуть-чуть напористым.

Я шумно вздохнул.

– Я не знаю, о чем разговаривать с женщинами, – сказал я ему. – Я не знаю, как быть обаятельным с ними. Да и все равно большинству из них я не понравлюсь.

– Ерунда! – не согласился Уильям. – Большинству женщин приятно любое существо в брюках. Перестань страдать от ложной скромности и наслаждайся жизнью!

Но я не знал, как за это взяться. Я не знал, где встретить девушку, которая прониклась бы ко мне дружескими чувствами.

– Я спрошу у Чарити, – сказал добрый Уильям. – Может быть, она знает подходящую девушку, у которой достанет терпения возиться с тобой.

Чарити была его любовницей, которую он содержал в Сент-Джасте. До того как бросить работу, чтобы целиком посвятить себя благополучию Уильяма, она завоевала репутацию лучшей шлюхи между Лендс-Эндом и Сент-Ивсом, и люди до сих пор помнили ее щедрость, доброту, удаль в постели и плотское гостеприимство. По просьбе Уильяма она дала мне адрес женщины в Мадроне, и после этого у меня уже никогда не возникало проблем на этот счет.

И все же в глубине моего сознания всегда жила мысль о Ребекке.

Они с Хью были очень счастливы. Она никого, кроме него, не видела, а Хью, этот волокита, не видел никого, кроме нее. Они так сильно излучали семейное счастье, что, когда приезжали в Пенмаррик, я не мог находиться с ними в одной комнате, и, хотя, когда я подрос, у меня бывали женщины для утешения, все подростковые годы, да и потом, когда мне перевалило за двадцать, я любил женщину, которую не мог получить.

Как только Хью умер, я поставил Ребекку в известность о своих чувствах, но сделал это слишком рано – ее переполняло горе, а когда она начала приходить в себя, то обнаружила, что беременна, и после этого уже не хотела меня видеть. Я по-прежнему время от времени к ней заходил, но любое проявление внимания с моей стороны было ей неприятно, да и мне не очень-то приятно было видеть ее беременной от Хью. Тогда я понял, что пройдет еще немало времени, прежде чем мне удастся направить наши отношения в желаемое русло.

Ребенок, сын, родился через восемь месяцев после смерти Хью, и мать немедленно написала Ребекке, что поскольку это первый внук, носящий имя Касталлак, то его надо назвать Марком или каким-нибудь другим подходящим семейным именем.

– Разрази меня гром, если я его так назову! – в ярости воскликнула Ребекка, разрывая письмо в клочки. – Да кто она такая, чтобы диктовать

мне? Хорошо, я назову его семейным именем, но семейным именем Рослинов! Она назвала тебя Джан-Ивом в честь своего отца, ведь так? А кем был ее отец? Безграмотным рыбаком из Сент-Ивса! Так вот, я назову своего мальчика в честь своего отца – он был хоть и полуграмотным, но все-таки фермером! Я назову его Джонасом, полным именем отца. Джосс – было просто сокращением.

– Но ты ведь даже не любила отца! – запротестовал я. – Ты всегда говорила, что он ужасен.

– У него была тяжелая жизнь. Он страдал.

– Но…

– Хоть ты-то не начинай мне диктовать! Ребенка зовут Джонас, и так оно и будет, а если твоя мать посмеет возражать…

Она посмела. Скандалы из-за имени несчастного ребенка гремели по пустоши между домом Ребекки в Морве и домом матери в Зиллане, и я потратил уйму времени, пытаясь примирить их. Но по крайней мере, это дало мне хороший предлог опять начать навещать Ребекку.

Увы, визиты не продвинули моего дела вперед, и к Рождеству мне пришлось пересмотреть свои позиции, чтобы не наделать ошибок. Мои рассуждения были вполне логичными; я не сомневался, что Ребекка не останется целомудренной на всю оставшуюся жизнь; поэтому, коль скоро было ясно, что когда-нибудь она ляжет в постель с мужчиной, я не видел причин, почему бы этим мужчиной не стать мне. Я был доступен, обходителен, любил маленькую Дебору, был готов облегчить Ребекке одиночество вдовства. И хотя тогда мне было всего двадцать один, у меня уже имелось достаточно опыта в общении с женщинами, чтобы понять, что, если очень хорошо постараться, можно добиться успеха у любой. Теоретически я мог бы ее соблазнить.

Но на практике, хотя я и прилагал к этому такие усилия, что чуть не лопнул, дело ничуть не сдвинулось с места.

В конце концов Филип – подумать только! – облегчил мне задачу. В канун Рождества в тот год он дал первый ужин в качестве хозяина Пенмаррика, и мы с Ребеккой были в числе приглашенных. Я с трудом убедил ее пойти, потому что Филип ей не нравился и она слишком ощущала свою худородность, чтобы чувствовать себя легко на таком формальном сборище, но, как только она там появилась, я сразу понял, что не зря ее уговаривал. Я помню, что на ней было великолепное платье, ярко-красное, с вырезом, который так бесстрашно выставлял напоказ самую восхитительную часть ее тела, что мог остановить целую армию мародеров. Мать однажды сказала, что у Ребекки неприлично большая

грудь; я чуть не ответил: «А кому нужна приличная грудь?» Вид Ребекки в том платье, с грудью, выступающей из натянутого алого атласа, сделал меня таким слабым или, скорее, таким сильным, что я не мог подняться без того, чтобы серьезно не оконфузиться.

«Ни одна женщина, – размышлял я, – даже Ребекка, не наденет такого платья, если только у нее не возникла нужда в чем-то большем, чем хороший ужин и светская беседа».

Я был возбужден более, чем когда-либо.

Когда вечер закончился, я взял машину, отвез Ребекку на ферму в Морву и, прежде чем ехать обратно, сам себя пригласил на чашку чая.

– Хорошо, – сказала она без особого энтузиазма.

Мы прошли на кухню. Дети гостили в тот вечер у двоюродного деда, Джареда Рослина, на соседней ферме, и, кроме нас, в доме никого не было.

– Мне очень нравится твое платье, – сказал я весело. – Но я ни за что не поверю, если ты скажешь, что надела его по чистой случайности.

– Что ты хочешь сказать? – сердито спросила она. – Я его надела, потому что оно показалось мне модным и красивым, а я не хотела выглядеть старомодно одетой рядом с этой высокомерной мисс Мередит.

– Не такое уж оно и модное. Я слышал, грудь сейчас не в моде.

Она презрительно взглянула на меня и заговорила своим самым надменным, светским тоном:

– Стоит ли быть таким вульгарным?

– Не вижу ничего вульгарного в хорошей груди.

В приступе гнева она отвернулась, раскрыла дверцу кухонного шкафа, заглянула внутрь, потом захлопнула.

– Ты не понимаешь намеков? – вспыхнула она, поворачиваясь ко мне. – Сколько еще раз я должна говорить тебе «нет»? Ты что, настолько тщеславен, что не можешь понять, как ты мне отвратителен? Меня не только тошнит от твоей внешности, мне отвратительно твое самодовольство! Убирайся из моего дома и оставь меня в покое!

– Держу пари, что в постели я ничуть не хуже Хью. Мы примерно одного роста и телосложения. Выключив свет, ты сможешь представить себе…

– Нет, нет, нет!

Ребекка отвернулась от меня, плечи ее затряслись от рыданий, она прижала руки к ушам.

Но я уже не мог остановиться.

Сделав шаг вперед, я расстегнул застежку на ее платье. Она развернулась и принялась драться.

– Пус… ти… ме… ня!

Дралась она отчаянно, царапалась и кусалась.

Я поцеловал ее. Я целовал ее до тех пор, пока ее воинственный дух не истощился, и тогда я положил руку между ее грудей и наклонился, чтобы поцеловать незащищенную плоть.

– Нет! – закричала она, вырываясь. Голос ее охрип от рыданий. – Уходи, не прикасайся ко мне!

Она вырвалась, выбежала из комнаты и помчалась по коридору. Я кинулся за ней. Она спотыкалась, половицы протестующе скрипели у нее под ногами, и, хотя я прыгал через две ступеньки, ей удалось нырнуть в комнату прежде, чем я добрался до площадки.

Дверь захлопнулась.

Я смотрел на закрытую дверь, кровь шумела в ушах, и я подумал: «Уж не глохну ли я?» Я не слышал, как повернулся ключ в замке. Чуть не падая с ног от предвкушения, я протянул руку и потрогал ручку.

Дверь поддалась. Сделав глубокий вздох, я на цыпочках вошел в комнату.

Ребекка лежала на кровати лицом вниз, ее роскошное тело так и просило освобождения от тугого атласа, плечи сотрясались в благородной демонстрации протеста. Лицо Хью понимающе улыбалось мне из серебряной рамки на ночном столике. Я положил рамку лицом вниз и подождал. Ничего не случилось. Не было пароксизмов ярости, криков о помощи, не было истерики, а всхлипы становились тише, дружелюбней, словно она смирилась с неизбежным.

Я был заворожен. Башмаки сами сползли с ног, пиджак отлетел на стул, галстук проплыл по направлению к полу. Все еще не веря, что победа близка, я наклонился и, дрожа каждой клеточкой, принялся целовать белоснежную, обнажившуюся под затылком шею, стягивая с плеч чувственный алый атлас.

4

Для женщины, которая говорила, что я ей отвратителен, что она ни при каких обстоятельствах не опустится до прелюбодеяния, Ребекка действительно была не так уж и плоха. Хотя я все никак не мог ею насытиться, она, казалось, не особенно возражала. Ее первоначальные протесты были просто данью памяти Хью; напряженность исчезла при первом же моем прикосновении; всхлипывания быстро превратились в

дрожь сексуального наслаждения. Мы провели дикую, порочную, восхитительную ночь на широкой двуспальной кровати, и, хотя на рассвете, проспав совсем немного, Ребекка проснулась и стала просить, чтобы я уехал, пока никто не заметил моей машины у ее дома, я взял ее еще раз при свете дня, чтобы она могла видеть мое лицо. Мне казалось справедливым напомнить ей, кто я такой, на случай, если в своем воображении она рисовала себе Хью. Когда я потом оделся, она сошла вниз, чтобы проводить меня, и я спросил, когда ей будет удобно, чтобы я опять ее навестил.

– Я не хочу, чтобы это повторилось, – сказала она, и ее красивые глаза заблестели от слез. – Я ужасно согрешила. Я буду чувствовать себя виноватой очень долго.

– Ерунда, – подвел я черту. – Ты слишком много слушала своего дядю Джареда и всякую церковную чушь об адском огне и проклятии. Господь не создал бы тебя такой, какая ты есть, если бы не хотел, чтобы ты спала с мужчинами.

– Ты атеист. Ты не понимаешь.

– Я кто угодно, только не атеист! – с возмущением сказал я. Потому что религия всегда меня зачаровывала и я часто жалел о том, что в Оксфорде изучал не философию или теологию, а историю, угождая отцу. Конечно, у меня не было призвания стать ни католическим, ни протестантским священником, мне даже не хотелось стать буддистским монахом, но вопросы теологии интриговали меня так же, как юридические вопросы интересуют юриста. Мне бы хотелось более тщательно изучить теологию – просто для того, чтобы доказать, что справедливости не существует и Господь утруждает себя помощью только тем, кто сам о себе заботится. И теперь, возмущенный обвинением в атеизме, я резко сказал Ребекке: – Я верю в Бога, как и ты, я просто не хожу в церковь, вот и все. И еще я не верю, что наслаждаться жизнью нехорошо.

– Я не наслаждалась.

– Дорогая моя, – сказал я, начиная злиться, – не знаю, чему тебя учили, когда ты была маленькой, но, когда я был мальчиком, меня учили, что лгать нехорошо. И еще я вырос в убеждении, что говорить, будто секс не одно из самых больших удовольствий, еще хуже, чем врать. Но тебя, по всей видимости, воспитывали иначе, чем меня.

– Мужчины злоупотребляют доверием женщин, которым это нравится, – упрямо заявила она, не глядя на меня. – Мужчины всегда готовы обмануть женщину, а если она сдастся, то ее не ждет ничего, кроме несчастья.

– Но ты ведь, как ты выражаешься, «сдалась» Хью?

– Не до брака. А когда мы поженились, это было другое.

– То есть, когда ты вышла замуж, ты поняла, что секс тебе нравится, как и любой другой женщине!

– Хью был моим мужем. Я любила его. – Ее глаза наполнились слезами. – Он был хорошим, добрым, он не был эгоистом, – говорила она, охваченная дрожью. – Никто не знал Хью так, как я. Он говорил, что я единственный человек на земле, кто любит его по-настоящему, а я знала, что он единственный человек на земле, который по-настоящему любит меня. Родители меня не любили. Отец всегда ворчал из-за того, что я родилась не мальчиком, а мать так и не простила мне, что я подорвала ее здоровье и испортила фигуру. Они оба на меня кричали, когда не кричали друг на друга. Мать меня все время пилила. «Мужчины обманывают женщин, – говорила она, – не забывай об этом. Я не сидела бы сейчас в этой дыре, не была бы сейчас в таком состоянии, если бы не дала Джоссу себя перехитрить». У нее с отцом был роман еще до брака. Она мне сама говорила. Потом он сказал, что больше не хочет грешить и что если она хочет его удержать, то должна выйти за него замуж, но, даже когда она согласилась выйти за него, он не женился на ней до тех пор, пока она не отписала ему все свои деньги. Понимаешь, она была так им одержима, что была готова сделать все, о чем он просил; она просто не могла вынести и мысли о том, что потеряет его. Но если бы он ее таким образом не загнал в угол, она бы за него не вышла, потому что была намного лучше его – настоящей леди с собственным капиталом и все такое, а он был никем, просто нищим фермером. – Слеза покатилась у Ребекки по щеке. Она поискала платок. – А когда они поженились, он изменился, – сказала она. – Он сделал мать несчастной. Но было уже поздно. Все ее деньги принадлежали ему, и она не могла уехать, потому что ехать ей было некуда: все друзья от нее отвернулись, когда она вышла замуж. «Я бы не вышла за него замуж и не отдала ему деньги, если бы не была так им одержима, – говорила она мне, – а я не была бы им так одержима, если бы не опустилась до любовной связи с ним. Тогда бы я могла смотреть в будущее, видела бы все в правильном соотношении». Мне кажется, она по-своему любила меня, хотя мое рождение и испортило ей здоровье и фигуру. Она была полна решимости сделать все, чтобы я не повторяла ее ошибок, поэтому все пилила и пилила меня, заклиная, чтобы я не давала никому меня перехитрить. Мне кажется, ей было не все равно, что со мной будет. Ей на самом деле было не все равно.

– Ну-ну, – успокаивающе сказал я, украдкой посматривая на часы. – Конечно, ей было не все равно.

– Отец тоже пилил меня. «В этом доме есть место только для одной шлюхи, – говорил он, имея в виду мою мать, – запомни это хорошенько. Если я хоть раз поймаю тебя с мужчиной, то в тот же день выгоню из дому, – говорил он. – Так что позаботься о том, чтобы остаться девственницей до свадьбы, или будешь жалеть всю оставшуюся жизнь. Ни один мужчина не станет уважать проститутку, а Господь наказывает грешников». Он меня пилил и пилил, мне кажется, ему не нравилось, что я похожа на мать, ему не хотелось, чтобы я была на нее похожа. Бедная мама.

– Теперь оба твоих родителя в могиле, – резонно заметил я, направляясь к двери и выходя на прохладный воздух раннего утра. Давно пора было ехать, пока мою машину не заметили у ее дома, и я впрямь собрался уезжать. – Все это уже в прошлом. Теперь ты можешь поступать, как тебе нравится, и наслаждаться жизнью, и, можешь быть уверена, я тебя не обману, не сочту проституткой и не перестану уважать. Я к женщинам так не отношусь, и, кроме того, я тебя люблю. Если бы ты знала, сколько раз я мечтал о такой ночи…

– Но это не должно повториться! Не должно! – Глаза ее расширились от возбуждения. – У нас нет будущего… ничего хорошего из этого не выйдет… я никогда, никогда не выйду снова замуж…

Я с трудом сохранял терпение.

– У нас есть будущее, – возразил я, отчетливо произнося каждое слово, чтобы она поняла столь очевидную правду. – Если ты не хочешь выходить за меня замуж, я временно приму это твое решение, в надежде, что потом ты передумаешь, но даже и без брака у нас с тобой есть будущее, как у мужчины с женщиной, которым приятно общество друг друга. Пожалуйста, дорогая, будь разумна, не стоит устраивать сцены! Посмотри правде в глаза. Я нужен тебе, ты нужна мне, так почему бы нам не получать удовольствие друг от друга?

– Я… я не могу… я не должна…

– Очень хорошо, – сказал я, теперь уже совсем рассерженный. – Когда тебе в следующий раз приспичит, черкни мне пару слов, и если у меня не будет важных дел, я заеду к тебе на полчаса.

Она разрыдалась.

– Ребекка, дорогая…

– Нет, не прикасайся ко мне! Я дала тебе так много, а ты разговариваешь со мной, как с гулящей!

Ну что прикажете делать с такой женщиной? Я сделал единственно возможное в подобных обстоятельствах. Я отвел ее обратно в коридор и занялся с ней любовью прямо там, на полу. Потом я ее поцеловал, сказал,

что скоро опять зайду, и быстро ретировался в свою холостяцкую комнату в Пенмаррике, чтобы восстановить растраченные силы.

5

Я бы на ней женился, если бы она сразу приняла мое предложение. В отличие от большинства мужчин, которые регулярно предаются прелюбодеянию, у меня не было глубоко укоренившегося предубеждения против брака. Мне даже хотелось жениться – не только для того, чтобы всегда иметь под рукой готовый источник сексуального наслаждения, но еще и потому, что я был одинок и мечтал, чтобы рядом был кто-то, с кем можно было бы пошутить или поворчать в сырую погоду. Чем старше я становился, тем яснее понимал, что, если захотеть, сексуальное наслаждение можно получить всюду, а настоящая дружба – вещь гораздо более редкая, а потому куда более ценная.

Когда у меня с Ребеккой в конце 1926 года заплелась интрижка, я приближался к одному из самых одиноких периодов своей жизни. Моя любимая сестра Лиззи предпочитала Корнуоллу Кембридж; я редко ее видел, и ко всему ее письма ко мне были полны восторгов по адресу одного из профессоров, интеллигента с чопорным именем Эдгар Сент-Иоанн-Каллендар. Несомненно, они проводили время за чаепитием, ведя страстные споры о греческом театре. Я почувствовал депрессию. В глубине души я надеялся, что Лиззи не выйдет замуж и, следовательно, будет вести мое хозяйство, если я не найду подходящей жены; я думал, что восторги по поводу университетской жизни пройдут вместе с подростковым инфантилизмом, и уж совсем не ожидал, что она очарует кембриджского профессора.

Помимо этого, я просто пришел в ужас, когда Чарити путем шантажа заставила Уильяма зарегистрировать их брак. Уильям принадлежал ей настолько же, насколько и мне, а теперь она заполучила его только для себя. Поскольку он всегда объявлял себя закоренелым холостяком, я с трудом поверил в то, что он оказался настолько непостоянен и нерешителен.

– Не позволяй ей женить тебя на себе! – кричал я на него в ярости в один из важнейших моментов этой процедуры. – Тебе не надо этого делать!

– Глупо с моей стороны, правда? – согласился Уильям, спокойный, как всегда. – Наверно, я все-таки хочу на ней жениться.

Он был безнадежен. Я чуть не заплакал от злости, но поделать ничего не мог. А чтобы этот ужасный год показался мне еще ужаснее, меня

выгнали из дома. Филип решил, что ему следует обзавестись наследником для шахты, и потряс меня сообщением о намерении жениться на Хелене Мередит, холодной, решительной блондинке с отталкивающе-породистыми чертами лица и стройным, довольно асексуальным телом. Я погрузился в уныние. Я счел, что Филип, несмотря на свою возможную гомосексуальность, знает, что способен на нормальные отношения с женщиной, иначе он никогда и не задумался бы о браке; как я ни ненавидел Филипа, мне даже в голову не могло прийти, что он способен обмануть Хелену, притворяясь, что может быть нормальным мужем, будучи импотентом, поэтому мне представлялось неизбежным, что они скоро произведут на свет наследника Пенмаррика. Все мои амбиции, казалось, были обречены на преждевременную гибель. Ко всему прочему Филип выделил мне деньги и разрешил построить в имении дом, при этом ясно дав понять, что таким образом покупает себе чистую совесть и завещание, свободное от упоминания моего имени.

Никогда прежде жизнь не казалась мне столь чудовищно несправедливой. Ценой известного усилия я заставил себя принять его щедрый дар с улыбкой, демонстрируя самую униженную благодарность, на что при своем ханжестве был вполне способен.

После этого я некоторое время жил у Чарити и Уильяма в их доме в Сент-Джасте. Мне не хотелось строить себе дом в поместье Пенмаррик, у меня не было никакого желания видеть, как Филип хозяйничает на землях, которые должны быть моими, и хлопать от восторга в ладоши каждый раз, когда Хелена рожает ему очередного сына. Я немедленно инвестировал деньги Филипа на фондовой бирже, чтобы иметь небольшой доход помимо жалованья на шахте, но был неискушен в рыночных спекуляциях и вскоре потерял все до последнего пенни.

К тому времени я пребывал уже в отчаянии. У меня не было дома, не было денег, если не считать жалованья, и, хотя Уильям и Чарити просили меня оставаться их гостем, я понимал, что злоупотребляю их гостеприимством. Я снова сделал предложение Ребекке, но она снова мне отказала, тогда я предложил ей некоторое время пожить без благословения церкви, но она не захотела и этого. Я мог понять ее отказ. В нашем маленьком деревенском мирке ее быстро подвергли бы осуждению за развратное поведение, а дядя Джаред отказался бы от нее. Кроме того, ей надо было заботиться о детях. Конечно, ей хотелось, чтобы они выросли, гордясь своей матерью, чтобы они не столкнулись с враждебностью общества, осуждающего ее личную жизнь. Я ее понимал, но, хотя и понимал, ее отказ меня ранил. Если бы была такая возможность, я бы спал

с ней каждую ночь, но она отказывалась видеть меня чаще, чем раз или два в неделю. Она ни разу не сказала, что любит меня. Чтобы получить желаемое, мне неизменно приходилось умолять ее. И если бы она так явственно не обладала тем, ради чего я готов был ее умолять, то я бы, разъярившись, бросил ее, послав к черту. И все же, сколько бы поначалу мы ни ругались и ни кричали друг на друга, я всегда возвращался к ней и она всегда заканчивала бурные сцены актом капитуляции.

Это были очень утомительные взаимоотношения.

Наконец моему терпению пришел конец. Я заставил себя посмотреть в лицо тому неприятному факту, что Ребекка, должно быть, никогда не согласится заменить своего обожаемого Хью вторым мужем, и с неохотой пришел к выводу, что не могу больше ждать, пока она изменит взгляды на брак; для моего душевного спокойствия было жизненно необходимо немедленно найти себе дом, приличный доход и доброжелательную женщину, которая составляла бы мне компанию в то время, когда я не мог встретиться с Ребеккой. Я лихорадочно огляделся вокруг. Почти сразу же мой взгляд упал на Фелисити Карнфорт, и я тут же, не откладывая дела в долгий ящик, решил жениться.

6

До трагедии на Сеннен-Гарте Фелисити была наименее значимым человеком в моей жизни.

Два ее брата не вернулись с войны, поэтому Фелисити, как единственная оставшаяся в живых из детей сэра Джастина Карнфорта, наследовала изрядное состояние. Она была слишком влюблена в конюшню, чтобы обратить внимание на простого смертного, но достаточно умна, чтобы понять, что с социальной точки зрения ей более выгодно быть замужней женщиной и что ее отец не приходит в восторг от мысли, что она останется синим чулком. Как женщина она меня не интересовала, потому что была угловатой девушкой с кривыми зубами, но как человек она мне нравилась, и мне казалось, что мы можем прийти к взаимовыгодному соглашению. К тому времени я уже не надеялся жениться по любви; единственная женщина, которую я любил, отказывалась выйти за меня замуж, поэтому мысль, что брак и любовь могут идти рука об руку, была для меня неубедительной. Вскоре я выложил все карты на стол, откровенно объяснил Фелисити ситуацию и был вознагражден полным пониманием с ее стороны.

– Что ж, я, конечно, хочу замуж, – сказала она. – Любая девушка хочет, хотя у каждой имеются свои причины для этого. Мне уже надоело, что папа все время ворчит, что я не такая хорошенькая, как мама. Как будто я виновата, что унаследовала его внешность! Мне до чертиков надоело, что все говорят: «Несчастная Фелисити, она такая милая и все такое, но остается старой девой…» Джан, ты-то меня понимаешь! Ты знаешь, как люди любят болтать! Мне бы хотелось выйти за тебя замуж, просто чтобы жить спокойно. Честно! Я тебя, конечно, не люблю, но я не такая дурочка, чтобы ожидать, что в один прекрасный день любовь явится ко мне на белом коне и умчит к алтарю. Я просто не такая. Подобная вещь могла случиться с твоей роскошной сестрой Марианой, но не с такой девушкой, как я. Мне все равно, что ты женишься на мне ради моих денег, по крайней мере ты открыто в этом признаешься. Я бы не потерпела, если бы ты простерся передо мною ниц, поклялся, что любишь меня, и заверил, что мои деньги ничего для тебя не значат! Я бы смеялась до потери пульса, и мы оба попали бы в ужасно неловкое положение.

После этого она понравилась мне еще больше. Мы принялись обсуждать условия брака.

– Я буду тщательно выполнять свой долг, обещаю, – сказал я. – Буду жить в одном с тобой доме, везде тебя сопровождать и заботиться о тебе. Но боюсь, что верности обещать тебе не смогу. – Я уже рассказал ей о Ребекке.

– Как жаль, что она не хочет выйти за тебя замуж! – с сочувствием сказала Фелисити. Она совсем не была вредной. – Она так прелестна. Мне жаль, что она овдовела.

Мы стали обсуждать вопрос дальше.

– Думаю, что будет лучше, если мы станем мужем и женой только на бумаге, – продолжил я самым деловым тоном. У меня не было никакого желания заниматься с ней любовью. – В этом случае, если что-нибудь пойдет не так, мы сможем аннулировать брак.

– Хорошо, но нам лучше спать в одной комнате, иначе папа почует обман. Но у нас может быть двойная кровать. Двойные кровати сейчас – самый шик, так все говорят. Ты не будешь против двойной кровати?

Я ничуть не возражал, и мы полюбовно расстались, чтобы объявить о грядущем браке своим семьям.

Ребекка немедленно пришла в ярость, назвала меня бессердечным и неверным и сотней других имен. Я был ошарашен, увидев, как на нее подействовала эта новость. Для женщины, которая всегда, даже после того как сдалась, говорила, что я ей безразличен, она устроила уж слишком

сильную истерику, едва я подверг ее безразличие испытанию. Наконец, после того как я по крайней мере два часа утирал ей слезы и утешал своим обычным способом, она успокоилась и стала более разумной.

– Я тебя не виню, – сказала она, высмаркиваясь в мой промокший платок. – Это было бы несправедливо. Ты ушел к другой только потому, что я всегда отказывалась выйти за тебя замуж. Я заставила тебя поверить, что никогда больше не выйду замуж, но, Джан, может быть, я была не права, может быть, мне надо было принять твое предложение, может быть… Ах, Джан, давай поженимся! Прости, что я всегда так плохо к тебе относилась. Я не хотела… я люблю тебя… правда люблю…

Я по-детски пришел в восторг оттого, что услышал эти слова из ее уст, после того как уже давно отчаялся их услышать, поэтому последовал ее примеру и впал в мелодраму. Я страстно ее целовал, клялся, что никогда никого не полюблю, говорил ей, что она самая красивая женщина на свете и что я самый счастливый человек на свете.

– Но все равно, дорогая, – сказал я в конце концов, – ситуация получается ужасно щекотливая. Понимаешь, мне надо жениться на богатой. Не то чтобы я тебя не любил, но я… ну, у меня есть долги и обязательства, а теперь, когда мы с Фелисити объявили о помолвке, я не могу пойти на попятную. А если она подаст на меня в суд за нарушение обещания? Да черт побери, я окажусь в тюрьме и вся моя жизнь будет погублена! Я должен на ней жениться, по-другому теперь нельзя. – В сущности, рассуждал я про себя, пути назад не было. Это было бы несправедливо по отношению к Фелисити, и, кроме того, я уже примирился с той мыслью, что разделю с ней особняк Карнфорт. Если я женюсь на Фелисити, то смогу жить так, как давно привык, и бывать с Ребеккой каждый раз, когда захочу, а если бы я женился на Ребекке, то постоянно думал бы о том, как свести концы с концами, особенно если бы у нас появились дети, а у меня не было никаких гарантий, что я когда-нибудь получу Пенмаррик или состояние Пенмаров. – Послушай, дорогая, – поспешно добавил я. – Этот брак ничуть не изменит наших с тобой отношений. Я должен жениться ради денег, а кто может быть лучшей кандидаткой для брака по расчету, как не Фелисити Карнфорт? И потом, тебе даже в голову не придет ревновать меня к восхитительной Фелисити! Я с ней поговорил, и мы уже пришли к разумному соглашению, это будет брак только на бумаге, никакого секса, даже раздельные спальни, – немного приврал я для убедительности. – Подумай сама, дорогая, разве у меня возникнет желание заниматься любовью с Фелисити? Конечно нет! Ты же знаешь, что ты единственная женщина в моей жизни и всегда ею останешься.

– О Джан… – Она опять разрыдалась.

– Кроме того, – продолжал я в том же духе, – ты говоришь, что хочешь за меня замуж. А ты уверена, что не даешь поспешного обещания в пылу чувств? Мне бы не хотелось, чтобы ты вышла за меня замуж, потом пожалела об этом и обвинила меня в том, что я обманом выудил твое согласие, пока ты была расстроена. Да и сможешь ли ты когда-нибудь забыть о Хью? Если мы поженимся, не будет ли между нами всегда стоять память о нем?

Ребекка проглотила комок в горле и снова высморкалась.

– Может быть… – Она запуталась. – Да, может быть, ты прав, Джан, может быть, я поспешила, согласившись выйти за тебя замуж…

Я подавил вздох облегчения. Я на самом деле ее очень любил и смертельно боялся потерять. И в то же время я уже ясно видел, что должен жениться на Фелисити. Я чувствовал себя так, словно шел по натянутой проволоке на коньках.

– Мне бы хотелось жениться на тебе по многим причинам, – тихо сказал я, – но это будет к худшему, дорогая. Ты сама это знаешь.

Ее чудесные глаза снова наполнились слезами. Она была ослепительна.

– Да, – признала она. – Ты прав. Просто… – Слезинка замерла на изгибе ее роскошной щеки и заблестела на белой коже, как алмаз. – Мне так одиноко… да и детям нужен отец. Ты так хорошо ладишь с детьми, Джан.

– Я буду приходить, как только смогу, – пообещал я, растроганный. Я никогда прежде не думал, что хорошо лажу с детьми. По правде говоря, я не очень любил детей, кроме малютки Деборы, чья застенчивая женственность мне нравилась. – Дорогая, мой брак ничего не изменит, обещаю, – искренне повторил я. – У нас все будет как прежде.

Так и случилось, хотя мой брак немного не соответствовал нашей предварительной договоренности с Фелисити. Мы поженились через девять месяцев после свадьбы Филипа, весной 1928 года, и у нас была прекрасная свадьба в Лондоне. Фелисити решила, что ее свадьба должна быть обставлена со вкусом, что ей надо получить как можно больше от неожиданной прогулки к алтарю. Еда на приеме была отменной, шампанское, натурально, – лучшим, какое можно было достать за деньги, а потом мы весело и шумно уехали в Париж, чтобы еще в течение двух недель праздновать это событие. Но медовый месяц стал моим падением. Перед свадьбой Фелисити сотворила чудеса со своей внешностью, накупила множество платьев, подчеркнувших ее фигуру в нужных местах.

Не удовлетворившись революцией гардероба, она уложила волосы у профессионала и, как я подозревал, прошла массу косметических процедур. Результаты были потрясающими. Когда мы добрались до номера в нашей парижской гостинице, я понял, что двойная кровать никак не отразится на некоторых моих физиологических потребностях, о которых я принудил было себя забыть во время путешествия, а когда она наконец нарядилась в наисоблазнительнейшее черное неглиже, какое мне только приходилось видеть, я понял, что всякая попытка воздержания заранее обречена на неудачу.

– Восхитительно! – сказала Фелисити наутро. – Я не допускаю мысли, что могу что-нибудь упустить. Бог с ним, с аннулированием брака, Джан, дорогой, ведь существует еще и развод. Если потом нам понадобится расстаться, мы всегда сможем организовать небольшую измену.

Итак, мы продолжали веселиться сначала в Париже, а потом опять в Лондоне, где остановились на две недели перед возвращением домой. С Фелисити было невероятно весело. Мы ели и пили всюду, от Сохо до Найтсбриджа, и танцевали все, от фокстрота до чарльстона. Мы танцевали до изнеможения. Намного позже, когда я вспоминал о медовом месяце, мне представлялись размытые картинки Лондона, сияющего модерном: коктейли, ночные клубы, джаз-банды, девушки-подростки с коротко остриженными волосами и алыми ртами и танцы, танцы, танцы… Но наша энергия не иссякала. Если мы не танцевали ночь напролет, то целый день носились по Лондону; мы плавали на лодке по озеру, и гуляли в Гайд-парке, и даже сходили в зоопарк. Когда медовый месяц закончился, мы все еще так наслаждались жизнью, что не хотели возвращаться домой. Самое странное, что я к тому времени был искренне рад своей женитьбе на Фелисити и предвкушал радостную семейную жизнь, но, как только вернулся в Корноулл, снова подпал под чары Ребекки, и ничто не могло удержать меня возле жены, даже уважение и привязанность. Конечно, я не говорил Ребекке, что мы с Фелисити провели нормальный медовый месяц и что я по-прежнему сплю с женой раз в неделю даже по его окончании. Мне казалось, что я обязан Фелисити хотя бы этим знаком признательности, потому что она была, как говорят, «своим парнем» и превратила потенциально ужасный брак в веселую, добрую дружбу.

Нам с Фелисити отвели одно крыло Карнфорт-Холла; но два-три раза в неделю мы должны были ужинать в главной части дома с ее отцом и мачехой. Я старался поддерживать с сэром Джастином, который был ужасным старым занудой, сердечные отношения, а он был настолько благодарен мне за подаренную ему надежду на внуков, что даже

расщедрился. Он существенно увеличил доход Фелисити; она немедленно открыла для нас в банке общий счет, и после этого мне больше не приходилось волноваться из-за денег. Я купил великолепную экстравагантную машину «испано-сюиза» и несколько новых костюмов. Единственной ложкой дегтя в бочке чистейшего меда нашего счастья оказалась новая мачеха Фелисити, бывшая экономка моего отца Элис Пенмар.

Мы с Элис никогда не любили друг друга; теперь же, оказавшись в родстве посредством наших браков, и не подумали преодолеть взаимную неприязнь. Элис была одной из тех одаренных женщин, которые любят управлять всем, чем только можно. Несомненно, она управляла Карнфорт-Холлом даже успешней, чем Пенмарриком, а сэром Джастином еще лучше, чем моим отцом (я никак не мог решить, были ли они с отцом любовниками, но это казалось мне весьма вероятным). Конечно же, сэр Джастин ее обожал. Мне кажется, он ей нравился, она всегда хорошо к нему относилась, но я был уверен, что ее больше привлекала роль леди Карнфорт, нежели роль жены в традиционном понимании. Когда я женился, ей было тридцать семь лет, она была умна, стервозна и чертовски проницательна.

– Она мне говорила, чтобы я не выходила за тебя замуж, – призналась Фелисити, которой Элис тоже не нравилась. – Ну разве не смешно? Я, конечно, сказала, чтобы она не лезла не в свое дело, – прямо так и сказала! Она, конечно, решила, что я была недопустимо груба, но мне все равно. Потом она принялась рассказывать мне о тебе и о Ребекке, но я беспечно ответила: «Дорогая Элис, не трудись, Джан мне уже все рассказал!» Она прямо побагровела от злости. Очень смешно.

Я занервничал. Мне не было стыдно за роман с Ребеккой, но ради нее и детей я пытался держать нашу связь в секрете. Кроме того, мне приходилось думать о Фелисити; мне не хотелось, чтобы неприятные слухи расстраивали ее, а если Элис Карнфорт начнет всем рассказывать о моей любовнице в Морве, дело кончится тем, что тесть будет мной очень недоволен.

Я был очень раздражен.

– Интересно, как Элис узнала о моих отношениях с Ребеккой? – сказал я Фелисити, когда мы вдвоем размышляли над этим.

– Элис знает все, – ответила Фелисити. – Она такая. Она коллекционирует слухи, как другие женщины коллекционируют шляпки, и чует незаконную связь, даже если пара на людях только улыбнулась и сказала друг другу: «Хорошая погода, не правда ли?» Она меня поражает.

Мне кажется, ее талант собирать слухи равен только ее способности обводить престарелых мужчин вокруг пальца. Никогда не забуду, как я была шокирована, когда папа сказал, что собирается на ней жениться. Я знала, что она давно ему нравится, но никогда не думала, что он позволит ей увлечь себя к алтарю. Ведь он же терпеть не мог ее отца за то, что тот сто лет назад соблазнил и обманул бедную тетю Джудит, но Элис, по всей видимости, не составило труда убедить его, что ее отец сделал тете Джудит большое одолжение, сбежав с кем-то еще! Честно признаться, мне кажется, что она, если бы постаралась, смогла бы убедить его, что черное – это белое.

Мы еще некоторое время мрачно размышляли об Элис.

– На твоем месте я бы не волновалась, – наконец сказала разумная Фелисити. – Пока я нахожусь на седьмом небе от семейного счастья, папа не поверит ни единому плохому слову о тебе. Его волнует только мое счастье, а если я счастлива, то он охотно поверит, что твои визиты в Морву продиктованы исключительно мотивами христианской благотворительности по отношению к овдовевшей невестке и бедным осиротевшим племяннице и племяннику. А пока Ребекка не бросит детей и не умчится с тобой на шальной уик-энд, он и бровью не поведет.

Это было правдой, но мысль об Элис все равно меня беспокоила, меня сверлило подозрение, что она еще сумеет отравить мое существование.

Однако, если не считать Элис, мне было грех жаловаться на свою новую жизнь женатого человека. На меня все еще время от времени нападало страстное желание получить Пенмаррик, и даже здесь мои перспективы улучшались. Детей у Филипа и Хелены не было, а еще я узнал, что большую часть времени Хелена проводит в особняке Ползиллан с моей сестрой Жанной и ее мужем Джералдом Мередитом. И наконец весной 1930 года все мои сомнения относительно сексуальных наклонностей Филипа развеялись: однажды субботним вечером, прогуливаясь с Ребеккой по Сент-Ивсу, я заметил, как Филип и Тревоз выходили из одного из самых грязных пабов в сердце квартала, в котором обитала богема. Мне хватило беглого взгляда на них, чтобы понять все.

Самое странное, что поведение Филипа меня не удивило, потому что я давно подозревал, что он гомосексуалист, но вот Тревоз шокировал меня до глубины души.

Я остановился как вкопанный, глядя на них. Они меня не видели. Они не видели никого, кроме друг друга. Филип смеялся. После женитьбы он стал мрачным, но в этот момент он мрачным не был. Тревоз тоже смеялся. Его обычное надутое выражение лица испарилось, улыбка была

непринужденной и естественной. Они вместе прошли по аллее, руки в карманах, движения неторопливы, словно у них не было никаких забот. Они чувствовали себя в своей тарелке, были невозмутимы и явно ладили друг с другом.

– Что ты увидел? – спросила Ребекка, неожиданно почувствовав, что я не всецело поглощен ею, но, хотя она повернулась и огляделась сразу же, Филип и Тревоз уже скрылись из виду.

Немного помолчав, я сказал: «Ничего особенного. Так, парочку странных художников», и вскоре мы заговорили о чем-то другом.

Но тогда я понял, что происходит между Филипом и Хеленой. Брак не удался; детей у них не будет. А через несколько месяцев, как раз когда я думал, что мои шансы унаследовать Пенмаррик намного возросли, жизнь всех нас нежданно-негаданно была разрушена несчастьем на шахте Сеннен-Гарт.

Глава 2

Иоанн наконец женился на Изабель де Клер, наследнице аристократического титула Глостер; хотя прозвище Безземельный пристало к нему на всю жизнь… теперь он стал одним из самых крупных землевладельцев запада.

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

Ричард попытался сравнять шансы с потенциальными конкурентами в борьбе за престолонаследие… Иоанном и его племянником Артуром, сыном Джеффри Бретонского. В конце XII века еще не существовало законов о наследстве, и у них обоих были хорошие шансы… Проблема с уравниванием шансов состоит в том, что это получается лишь в случае, если все стороны стараются уравнять шансы.

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

1

Конечно, всем было жаль Филипа.

Даже мне было его жаль. Пока вся Англия и все журналисты мира расточали заслуженное сострадание вдовам и сиротам, ставшим жертвами бедствия, все люди в окрестных приходах думали еще и о Филипе. Шахта была тем делом, за которое он дрался всю свою жизнь; всех умерших он мог считать своими друзьями, а среди погибших был и Алан Тревоз.

Горе Филипа, вероятно, было непереносимым. Я сам настолько ужаснулся при виде этой трагедии и так был потрясен потерей стольких знакомых мне людей, что не мог не выразить ему свое сочувствие.

Но он не нуждался в моем сочувствии.

– Есть люди, которым сейчас еще хуже, чем мне, – сказал он, не дав мне договорить, и немедленно направил свою невероятную энергию на создание национального фонда для вдов и сирот и на посещение каждой семьи, чтобы убедиться, что никакая материальная нужда не усугубляет их горя.

Тогда я увидел его в новом свете. Я думал, что он эгоистичен и думает лишь о себе, но теперь убедился, что он думает только о других; люди в горе обращались к нему, а у него откуда-то брались силы, чтобы их утешать. Раньше я думал, что он жесток и холоден, и сомневался, что какая-нибудь трагедия может глубоко его тронуть; я никогда не видел, как он плачет, на похоронах он никогда не показывал ни малейшего признака подавленности. А теперь я убедился, что он по-настоящему страдает, и страдание было для него тем тяжелее, что он, несомненно, обладал нечеловеческой выдержкой, которой так жалко гордился.

Фелисити любезно вызвалась сопровождать меня на похороны, и, хотя необходимости в ее присутствии не было, я с облегчением принял ее предложение. Испытание, переносимое вдвоем, всегда легче, чем когда переживаешь его в одиночестве, но даже в присутствии Фелисити это все равно было ужасно. Знаменитое английское присутствие духа никогда не входило в число моих добродетелей, а горе было настолько заразительным, что я до сих пор стыжусь своей реакции.

Я увидел Филипа через несколько дней после этого; по всей видимости, он нашел какое-то уединенное местечко, где мог зализывать раны, как какой-нибудь горделивый золотистый лев после битвы не на жизнь, а на смерть. Я как раз задумался, не стоит ли мне заехать в Пенмаррик, чтобы посмотреть, не смогу ли я помочь чем-нибудь ему или Хелене, когда мне позвонил не кто иной, как сам Филип.

Говорил он резковато и непринужденно, как всегда, но, к моему удивлению, пригласил меня выпить с ним в Пенмаррике на следующий вечер. Хелена, как он мне сказал, вечером будет в особняке Ползиллан; Фелисити он не пригласил; мы должны были встретиться с глазу на глаз.

– Мне нужно кое-что с тобой обсудить, – сказал он коротко. – Можешь прийти в шесть тридцать? – И со своим обычным высокомерием положил трубку, прежде чем я успел ответить.

Когда я послушно явился в Пенмаррик в назначенный час, то так нервничал, что чуть не въехал на ступеньки парадного входа. Медлин, наблюдавший за моим прибытием с порога, неодобрительно поджал губы, но потом елейно улыбнулся и проводил меня в библиотеку.

Там меня ждал Филип. Выглядел он лучше. Морщины страдания по-

прежнему прочерчивали лицо у рта, но глаза были уже не такими усталыми, а руки не дрожали. Он пил апельсиновый сок.

– Садись, – сказал он. – Что будешь пить? Виски?

Когда я сел и притворился, что расслабился, нервы мои напряглись еще больше.

– Отлично, – весело сказал я. – Спасибо.

– Прости, что я с тобой не пью, но в последние дни я выпил столько алкоголя, что хватит на всю жизнь.

Мы сели друг напротив друга у камина. Наступило молчание. Я был уверен, что встреча со смертью заставила его задуматься о завещании и он решил обсудить со мной мое положение наследника. Но, несмотря на нервное возбуждение и предчувствие, я принял как можно более спокойное выражение лица и заставил себя ждать, пока он начнет разговор.

Он затянулся сигаретой, погасил спичку. Он не спешил. Он был хозяином Пенмаррика, хозяином положения. Он мог делать все, что захочет.

Я все ждал, ненавидя его за то, что он держит меня в напряжении, пока наконец он не проговорил беззаботно, словно новость не должна была меня заинтересовать:

– Я тут строил планы на будущее.

Повисла пауза.

– Правда? – вежливо сказал я.

– Да. Я не собираюсь жить здесь, как будто ничего не случилось. Я решил уехать. Я уезжаю из Пенмаррика.

– Уезжаешь?!

– Да, я решил поехать в Канаду на оловянные шахты в Скалистых горах и немного поработать там.

– В Канаду?! – Я начал думать, уж не случилось ли у меня что-нибудь со слухом. Я не мог поверить тому, что услышал.

– А что я буду делать, если останусь в Корнуолле? Гулять по скалам мимо мертвых шахт Корнуолльского Оловянного Берега? Ходить по вечерам в паб в Сент-Джасте, зная, что не встречу там никого из своих друзей? Может быть, потом, когда мой мозг примирится с несчастьем, но не сейчас. Теперь я хочу только уехать.

На сей раз я был так сражен, что не смог произнести ни слова. Пальцы мои крепко сжали бокал.

– Я, конечно, вернусь, – непринужденно сказал он. – Я даю себе три года. Если мне там не понравится, я вернусь раньше, но пока планирую отсутствовать три года.

– Но, великий Боже, Филип! – воскликнул я, неожиданно обретя дар речи. – Что ты скажешь маме, черт побери? Как ты собираешься ей об этом сообщить?

Он поднял брови.

– Дорогой Джан-Ив, – иронично сказал он мне тем тягучим голосом, который сразу напомнил мне о нашем отце, – если ты думаешь, что наша мать из тех женщин, что способны впасть в истерику просто оттого, что их любимый сын собирается уехать за границу, то ты ее совсем не знаешь. Я сообщу ей эту новость сегодня вечером и не сомневаюсь, что когда она поймет, почему я уезжаю, то не станет меня удерживать. – И прежде чем я успел ответить, он коротко бросил: – Да, кстати, раз уж мы заговорили о матери, позволь мне надеяться, что, пока я отсутствую, ты будешь заходить к ней хотя бы раз в неделю. Обещаешь?

– Да, конечно… Боже, неужели ты можешь сомневаться в том, что я буду заботиться о собственной матери! Мне очень жаль, что я давно к ней не заходил, я был занят.

– Да, – холодно сказал он. – Я заметил, сколько времени ты проводишь в Морве у нашей невестки.

– Я…

– В отношении мамы меня беспокоит еще один вопрос: Адриан вскоре сменит старого Барнуэлла на посту священника Зиллана. Ты об этом уже слышал? Сегодня утром я получил письмо от Адриана и решил, что он с той же почтой написал Уильяму, но, может быть, ты с Уильямом еще не разговаривал сегодня. По всей видимости, это назначение еще не окончательно, но Адриан добивается перевода из Оксфордского прихода больше ради Барнуэлла, чем ради себя. Барнуэлл уже стар, и ему не терпится уйти на покой, но ему не хочется оставлять дом, где он жил последние пятьдесят лет, и место, где он провел большую часть жизни. Идея жить в одном доме с Адрианом понравилась ему больше, чем жизнь с незнакомцем. Если ты помнишь, он всегда был привязан к Адриану.

– А Адриан на это согласен? Это не помешает его карьере?

– Адриан не только согласился на это. Он сам это предложил, когда услышал о трудностях Барнуэлла, и не отставал от него, хотя Барнуэлл сказал, что ему будет лучше в Оксфорде. Ты же знаешь, как Адриан благороден и великодушен. Он никогда не упустит возможности сделать доброе дело, да и потом, мне кажется, надолго он в Зиллане не останется; Барнуэлл не может жить вечно, а ему сейчас, должно быть, около девяноста.

Я молчал, думая о своем младшем сводном брате. Я всегда ему слегка

завидовал, потому что Уильям так его любил, при этом меня восторгали его интеллект и человеческие недостатки, чтобы не сказать – нечеловеческие достоинства. После войны он стал слишком много курить, у него появилась страсть к автомобилям. Когда бы он ни приезжал в Корнуолл, ему всегда хотелось прокатиться в моей «испано-сюизе», а часть наследства, оставленную ему отцом, он потратил на покупку компактного приличного «форда». Он пояснял, что машина ему нужна из-за ранения ноги, полученного на войне, но я-то знал правду. Рыбак рыбака видит издалека. Он был не женат и вел себя не как все настолько, что не только проповедовал целомудрие, но и хранил его; но я подозревал, что в Оксфорде, прежде чем принять решение стать священником, он успел перебеситься, потому что я до сих пор помню, как он покраснел на лужайке в саду у священника, когда мы с ним познакомились с Ребеккой, и всегда знал, что, в отличие от Филипа, он находил женщин привлекательными.

– Он написал мне, так как волнуется из-за того, что мама будет одной из его прихожанок, – продолжал Филип. – Он просил меня обсудить с ней этот вопрос, сказал, что поймет, если она не захочет, чтобы он к ней заходил, и после его назначения станет прихожанкой церкви в Сент-Джасте. Хорошо с его стороны подумать о ее чувствах.

– А что сказала мама?

– Еще не знаю. Я сегодня не смог съездить на ферму и обсудить с ней это. Но если она в будущем захочет посещать церковь в Сент-Джасте, надеюсь, ты будешь возить ее туда на машине каждое воскресенье.

– Конечно, я позабочусь о транспорте, – уклончиво сказал я. Если Адриан станет священником в Зиллане, мне бы хотелось услышать его проповеди и посмотреть, как он служит. Мне нравилось каждую неделю ходить в церковь. Помимо чисто интеллектуального интереса к религии, мне полюбились ритуалы и традиции церковной службы, а в юности мне казалось, что я мог бы перейти в католичество; но в ту пору никто не пытался обратить меня в католичество, а когда период юношеской горячности закончился, мысль, что придется признаваться в грехах целомудренному священнику, стала мне отвратительна.

– Неприятно, что Адриан переезжает в Зиллан, – говорил Филип, – но ничего не поделаешь. Конечно, мама не захочет, чтобы он к ней заходил. Если возникнут какие-нибудь проблемы, ты, я надеюсь, вмешаешься… А теперь позволь рассказать о других моих распоряжениях. Во-первых, я решил, что никто из членов семьи, кроме мамы, не будет принимать участие в управлении Пенмарриком, пока меня не будет. Так намного надежнее и проще для всех, и если что-нибудь стрясется, то не возникнет

неприятного осадка. Я и так уже решил уволить Уильяма…

– Уволить Уильяма?! Но…

– Да, я уже некоторое время назад подумал, что он недостаточно хорошо управляет усадьбой, и надеюсь, что твой тесть мог бы нанять его управлять Карнфорт-Холлом, – я помню, ты говорил мне, что ваш управляющий стар и не может уже сесть на лошадь. Что касается Пенмаррика, то я оставляю его в руках профессионала: помнишь Смитсона, он был управляющим в замке Менерион? А поскольку Фрэнсис Сент-Энедок продает замок гостинице, то Смитсон теряет работу, поэтому я и решил предложить ему место здесь. Фрэнсис говорит, что он предан, трудолюбив, квалифицирован и так далее, так что это представляется мне наилучшим решением. Я…

– Минуточку, – вставил я. Новость, что Уильяма увольняют, шокировала сама по себе, но то, что его заменит Смитсон, было еще хуже. – Я знаю Смитсона. Это невзрачный человечек с куньим лицом и густым северным акцентом. Корнуолльские фермеры никого не будут любить меньше, чем его. Послушай, Филип, если ты хочешь, чтобы кто-нибудь управлял имением, уверен, что я бы справился…

– Ты бы справился, – прямо сказал Филип, – но, как я уже сказал, я не хочу, чтобы кто-нибудь из членов нашей семьи жил в Пенмаррике, пока меня нет. Мне кажется, что безопаснее оставить поместье в руках наемного профессионала.

– Ты хочешь сказать, что мне нельзя будет и носа показать в Пенмаррик, пока тебя не будет?

– Пойми, это для твоего же блага. Если что-нибудь случится, я не смогу обвинить тебя.

– Но ведь кто-то же должен контролировать Смитсона, кто-то должен следить за счетами! Не думаешь же ты, что Хелена с этим справится!

– Хелена возвращается в особняк Ползиллан, – холодно сообщил Филип, – поскольку, раз в Канаду я уезжаю один, вряд ли есть смысл и далее притворяться, что наш брак был успешным. Но я оставляю экономку и совсем немного прислуги, а у мамы и у Майкла Винсента будут полномочия поверенных, и они будут следить за счетами. Я попросил Майкла присылать сюда Саймона Питера Рослина раз в месяц присматривать за делами.

– Саймона Питера Рослина! – Я был поражен.

– Да, он сказал мне, что вы знакомы по Оксфорду. Я и не знал, что он твой друг.

– Он мне не друг, – сказал я. – Я видел его пару раз, а как-то мы

выпили вместе, но он был одним их тех трудолюбивых мальчиков из простых школ, что работают на стипендию: делу – время, а на потеху и часа не остается. Кроме того, он старше меня. Он был уже на третьем курсе, когда я поступил на первый. – Саймон Питер Рослин был двоюродным братом Ребекки, единственным сыном ее дяди Джареда. Это был бледный, замкнутый, очень скучный молодой человек, его отличали невероятное усердие в работе, фанатичная преданность левым партиям и полное отсутствие интереса к развлечениям, близким сердцу большинства выпускников. – Кажется, он успешно закончил юридический, – сказал я, – но разве что мальчики из простых школ поступают в Оксфорд с мыслью, что там только и занимаются тем, что зубрят ad infinitum[14]. Впрочем, мне кажется, он действительно хорошо учился.

– Он отлично работает у Майкла, – заметил Филип. – Мне кажется, Майкл когда-нибудь сделает его партнером. Он уже два года как помощник поверенного и создал себе имя.

– Правда? – сказал я. Мне было неинтересно выслушивать историю о похвальных попытках фермерского сына преуспеть в профессии среднего класса. – Удивительно, что Майкл взял его в свою фирму, если учесть, что Майкл – один из величайших снобов, доставшихся двадцатому веку от девятнадцатого. Но может быть, он думал, что таким образом отдает дань времени и поступает демократично.

– Мне Саймон Питер нравится, – упрямо повторил Филип, наливая себе еще апельсинового сока. Я оглядел элегантную мебель, картины маслом на стенах и неожиданно представил себе, как Саймон Питер Рослин раз в месяц будет обедать в Пенмаррике, когда приедет проверять счета. Саймон Питер Рослин с его неумелым оксфордским произношением, голубыми невеселыми глазами за очками без оправы и мягкими белыми руками, дергающими за юридические ниточки, с помощью которых он проникнет в мой дом, на мою землю.

– Должен сказать, – произнес я с рассчитанной небрежностью, – я нахожу крайне несправедливым, что Саймону Питеру Рослину будет дозволено приходить сюда, когда ему взбредет в голову, а мне даже нельзя будет и носа показать в течение трех лет.

– Несправедливым? – воскликнул Филип, посмотрев на меня своим тяжелым, холодным взглядом. – Не вижу в этом ничего несправедливого. Это просто удобное решение сложной проблемы – как еще можно избежать семейных неурядиц, пока я нахожусь за семь тысяч миль на другом краю света? Честно признаться, меня удивляет, что ты так из-за этого расстраиваешься. Что для тебя Пенмаррик? Я понимаю, что теперь, когда

Сеннен-Гарт закрылся, ты будешь искать работу, но уверен, что Уильям с удовольствием примет твою помощь в управлении поместьем Карнфорт, если твой тесть даст ему работу, конечно. На самом деле теперь, когда ты так хорошо обеспечен, тебе и работать-то незачем. Твоя жена – богатая наследница, и, когда умрет старый Карнфорт, ты станешь хозяином особняка Карнфорт. У тебя будут и деньги, и земля, и, честно признаться, мне кажется, что в особняке жить гораздо приятнее, чем в этой разваливающейся могиле. Ты богат! Улаживая юридические проблемы с помощью Майкла и Саймона Питера, я исходил из того, что тебе не нужен ни Пенмаррик, ни мои деньги, если я умру раньше тебя.

Сердце мое замерло. А когда забилось опять, я почувствовал себя так, словно меня ударили ниже пояса. Мне нечем было дышать.

– Я не совсем понимаю, – очень четко произнес мой голос откуда-то издалека. – Ты хочешь сказать…

– Я только что составил завещание, – сообщил Филип. – Я все оставил Джонасу.

Я уставился на него. Поначалу мне было даже трудно понять, что он сказал. Мне показалось, что молчание длилось вечно, хотя на самом деле прошло, может быть, не более пяти секунд, пока наконец мне удалось выдавить вежливое:

– Понимаю. Ребекка очень обрадуется.

– Мне казалось, что это будет справедливо, – сказал он. – В конце концов, как я и сказал, ты получишь особняк Карнфорт и все деньги Карнфортов, а у мальчика нет ничего, кроме фамилии Касталлак. Я собираюсь сделать его моим наследником, оплатить его обучение, позаботиться о том, чтобы он знал все о нашем родовом поместье, и так далее. Когда я вернусь из Канады, ему будет семь и я смогу узнать его получше. Он сможет проводить в Пенмаррике выходные.

Я ничего не сказал. Я лишился дара речи.

– Я решил сообщить тебе о своем решении раньше, чем другим, – продолжал Филип, – потому что после Джонаса это более всего касается тебя.

– Большое спасибо.

– Завтра я повидаюсь с Ребеккой и расскажу ей все. Еще мне хочется посмотреть на мальчика, я ведь его почти не видел. Честно признаться, мне бы больше хотелось назначить наследником Эсмонда, но ведь по условиям отцовского завещания он не может им стать.

Меня охватило неудержимое желание ударить его и отомстить, хотя бы пустячно, за обиду, которую он мне нанес.

– Значит, ты потерял надежду на то, что у тебя родится собственный сын? – простодушно спросил я. – Горько слышать это.

Он даже не поморщился. Он поднял голову, посмотрел мне прямо в глаза и сказал напрямик:

– Я уже признал, что мой брак неуспешен, а раз мы с женой не живем вместе, то вряд ли я могу ожидать появления сына.

– Разве ты не можешь развестись и создать новую семью?

– У меня нет совершенно никаких оснований для развода, и у Хелены – тоже. Даже если бы мы развелись, то последнее, что я надумал бы сделать, – это жениться с целью обзавестись сыном. – Он нервно прошел к буфету и взял в руки графин с виски. – Еще выпьешь?

– Нет, спасибо. Я лучше пойду.

Каким-то образом мне удалось выйти из дома, не потеряв над собой контроль, но когда я сел за руль, то не чувствовал уже ничего, кроме ярости; я так рассвирепел, что мне было страшно вести машину. Мне удалось доехать до ворот поместья; там я остановился, вышел и принялся ходить возле машины взад и вперед, пытаясь успокоиться, но безуспешно. В голове стучало, что мне на три года запретили появляться в Пенмаррике, что меня лишили моего законного наследства в пользу четырехлетнего ребенка, который не способен отличить Пенмаррик от Букингемского дворца.

Ярость причиняла боль; сердце мое словно разрывалось в клочки. Я не мог поверить, что меня так упорно преследует несправедливость. Как будто я могу удовлетвориться особняком Карнфорт! Как будто этот особняк когда-нибудь будет значить для меня столько же, сколько Пенмаррик! Я был вне себя от негодования, меня снедало беспомощное желание отомстить.

– Он об этом пожалеет, – сказал я серым стенам, окружавшим усадьбу. – Я заставлю его пожалеть об этом. Он за это заплатит. – Заухала сова, в темноте вздохнуло дерево, морской бриз остудил щеки. – Я не сдамся, – сказал я им. – В конце концов я получу то, что хочу, сколько бы людей ни стояло у меня на дороге.

Я все ходил взад и вперед, планируя, как буду добывать справедливость и исправлять тот ущерб, который был причинен мне. Я закурил сигарету, выкурил ее до конца, раздавил окурок в пыли под ногами. Потом наконец сел в машину и поехал в Морву, но не доехал еще и до Пендина, когда понял, что мне не хочется видеть Ребекку. Как только она поймет, что я расстроен, то захочет узнать, в чем дело, а как только узнает, то будет на седьмом небе от радости за своего дорогого сыночка.

– К черту Ребекку, – сказал я рулю и развернул машину к холмам в

сторону Пензанса. – К черту Джонаса. К черту всех!

Меня охватило самое ужасное чувство одиночества, такое невероятное, словно я стоял один в пустыне, которая простиралась вдаль, насколько мог видеть глаз. Когда я приехал в особняк Карнфорт, мне потребовалось известное время, чтобы обрести равновесие, но в конце концов я взял себя в руки и начал трезво размышлять о ситуации, в которую меня поставил Филип.

Во-первых, я понял, что полон решимости жить в Пенмаррике. Я мог довольствоваться жизнью в особняке Карнфорт, пока был уверен, что унаследую Филипу и что Карнфорт – мое временное пристанище, но теперь я восстал против мысли, что проведу там всю свою жизнь; формально лишившись Пенмаррика, я обнаружил, что нуждаюсь в нем больше, чем когда-либо прежде. Я поставил себе целью во что бы то ни стало доказать Филипу, что он неверно оценил ситуацию и занял неправильную позицию, а поскольку о человеке судят по делам, то я решил, что наилучшим способом продемонстрировать Филипу его ошибку будет проникнуть в Пенмаррик и управлять поместьем. Таким образом я докажу ему, что Пенмаррик, а не Карнфорт – моя главная забота. В то же время я покажу, что у меня есть административные способности. Как только я смогу убедить Филипа, что достоин стать его наследником, он, конечно же, и думать забудет о Джонасе. Его любимым племянником был Эсмонд, а Джонас к тому же воспитывался в рабочей среде, окруженный Рослинами, и, понятно, не подходит для такого наследства, которое Филип намеревался ему оставить.

Филип запретил мне под каким бы то ни было предлогом появляться в Пенмаррике, и его надо было заставить переменить это решение, прежде чем он уедет из страны.

На следующее утро я встал рано, срезал в теплицах Карнфорта огромный букет экзотических цветов и отправился в Зиллан к матери.

2

Мать встретила меня с большой радостью, восторженно вскликнула при виде цветов и сервировала для нас чай на кухне. Выглядела она хорошо; ее движения не были похожи на движения старой женщины, а когда мы расположились за столом, я залюбовался ее грацией и осанкой. И мне было легче легкого сделать ей комплимент, что выглядит она молодо. Вскоре мне удалось повернуть разговор в нужное русло, и мы, как всегда,

заговорили о Филипе и его планах.

– Ты очень будешь скучать по нему, – с жалостью сказал я. – Тебе будет тяжело.

– Я предпочитаю, чтобы он был счастлив в Канаде, чем несчастлив в Корнуолле, – сказала верная Филипу мать, – и это правда. Я не переношу, когда он несчастлив. Конечно, я была шокирована, услышав о его планах, но, убедившись, что он на самом деле этого хочет, я приложила все усилия, чтобы примириться с неизбежным. Я никогда не стояла у Филипа на пути. Я всегда хотела для него самого лучшего, а если для него наилучшее – отправиться на три года за границу, то с моей стороны было бы неправильно умолять его остаться. Кроме того, я буду не совсем одна. Я каждый день смогу общаться с Энни и с девушками Тернер, а ты и Жанна живете всего в нескольких милях отсюда. Мне не на что жаловаться. – Она замолчала, чтобы отхлебнуть чаю, а я как раз приготовился пообещать, что буду часто заходить, когда она сказала: – Мистер Барнуэлл будет заходить ко мне время от времени, хотя он и очень стар и мало двигается. Мистер Барнуэлл был мне хорошим другом с тех пор, как я приехала в Зиллан. Печально, что он скоро покинет свой пост, но я рада, что он по-прежнему будет жить в своем доме.

– Да, для тебя это очень хорошо, – нейтрально проговорил я и сразу вспомнил о новом священнике, сыне моего отца от соперницы матери, Розы Парриш. Я решил, что более тактично будет увести разговор от темы зилланского священника.

– Что касается планов Филипа… – начал я, но был прерван.

– Я слышала, что на помощь мистеру Барнуэллу приедет Адриан Парриш, – перебила меня мать. – Мне сказал Филип вчера вечером.

– Да, – пробормотал я. Мне было как-то не по себе. – Мне он тоже сказал. – Я не знал, о чем говорить дальше.

– Филип сказал, что я смогу посещать церковь в Сент-Джасте, а Адриан не будет ко мне заходить.

– Конечно, мама, – быстро произнес я. – Я распоряжусь, чтобы каждое воскресное утро машина из Пенмаррика приезжала за тобой и отвозила в Сент-Джаст.

– Но я не хочу ездить в Сент-Джаст, – сказала она. – Церковь в Зиллане – моя любимая церковь, я не хочу больше нигде молиться. – Она прихлебнула чай. – Только не говори Филипу, – попросила она. – Его расстроит, что я посещаю богослужения, которые проводит Адриан, поэтому я не скажу ему, что не поеду из Зиллана в Сент-Джаст. Не думаю, что мне будет неприятно посещать службы Адриана. В конце концов,

священник есть священник, не правда ли? Не имеет значения, кто он и откуда. Не следует поддаваться предрассудкам, и, кроме того, мистер Барнуэлл так его любит, что, наверное, в нем есть что-то, заслуживающее похвалы, правда?

– Конечно… – Я был так удивлен ее решением, что не мог придумать, что еще сказать.

Но мать уже переменила тему разговора.

– Жаль, что Хелена не будет жить в Пенмаррике, – сказала она, и тень промелькнула у нее на лице. – Я обещала Филипу, что в его отсутствие присмотрю за делами усадьбы, но меня удивило, что Хелена не сможет сама о них позаботиться.

Я решил не касаться скользкой темы брака Филипа.

– Я рад, что хотя бы ты будешь туда ездить, чтобы содержать дом в порядке, – быстро проговорил я. – У меня нет уверенности в том, что Саймон Питер Рослин сумеет поддерживать имение в порядке.

– Саймон Питер Рослин! – воскликнула мать и презрительно скривила губу. – Не знаю, чем руководствовался Майкл, нанимая в помощники сына фермера, но война так многое изменила, от старых времен ничего не осталось. Джаред, конечно, рад, что его сын так хорошо продвинулся, работает на должности, приличествующей джентльмену…

– …которая позволяет ему раз в месяц посещать Пенмаррик в качестве почетного гостя, – ввернул я. – Да, кстати, мама, а как часто ты сама собираешься ездить туда?

– Ну, раз в две недели, вероятно.

– Я бы, конечно, предложил подвезти тебя, – с деланым сожалением произнес я, – но я уверен, что Филип этого не позволит. Мне строго-настрого запрещено посещать Пенмаррик, пока его не будет там.

– Ерунда! – сразу сказала мать. – Мне гораздо удобнее ездить с тобой в Пенмаррик на машине, и я уверена, что Филип не станет возражать, если ты будешь время от времени провожать меня туда! Я ему все объясню, и он, конечно, поймет… Еще чаю, дорогой?

Я не отказался. Я почувствовал себя лучше; тепло удовлетворения, которое появляется после того, как выполнено сложное задание, разлилось по телу.

Одной ногой я уже стоял в преддверии своей грезы.

3

Через неделю я сжал зубы, собрал весь свой запас ханжества и заехал к Ребекке, чтобы поздравить с удачей, выпавшей ее сыну. Она сердилась на меня, потому что после злосчастного визита в Пенмаррик я у нее не был, но я привык к тому, что она сердится, и сумел быстро поправить ее плохое настроение, так что она заулыбалась. Она даже пригласила меня остаться на обед, но я уже договорился с Уильямом и Чарити пообедать в Сент-Джасте, поэтому пообещал пообедать у нее в другой раз.

Уильям хотел переехать из Сент-Джаста. Он удивительно по-философски отнесся к увольнению из Пенмаррика, и я понял, что ему не нравилось работать на Филипа и он с радостью ухватился за должность управляющего в Карнфорте. Политика Филипа по выдавливанию всех возможных денег для поддержания жизни Сеннен-Гарта не совпадала с традиционной политикой Уильяма, который стремился поддерживать хорошие отношения с арендаторами и заботился об их финансовом положении в тех случаях, когда у них возникали трудности. Филип обвинил Уильяма в непрофессионализме, а я был слишком хорошо знаком с состоянием дел, которые находились под началом Уильяма, чтобы защищать его перед Филипом, но непрофессионализм не самый страшный грех, и я без колебаний порекомендовал Уильяма тестю, как только узнал, что он вот-вот потеряет работу в Пенмаррике.

Когда я в тот день приехал в его дом, Чарити сказала мне, что Адриан уже прибыл из Оксфорда и в следующее воскресенье будет служить свою первую литургию в Зиллане. Сообщив эту новость, она вернулась на кухню, чтобы позаботиться об обеде, и я оказался в обществе своих сводных братьев.

Когда я вошел в комнату, они стояли у камина: Адриан – высокий и худой, Уильям – на дюйм-другой ниже и на несколько дюймов шире в талии. Они не были похожи, и все же между ними имелось какое-то странное сходство. У них были одинаковые жесты, одинаковые ужимки, одинаковые выражения лиц, и это неуловимое подобие было особенно заметно, когда они стояли рядом.

– Джан-Ив! – тепло сказал Адриан и протянул руку, чтобы меня поприветствовать.

Он сделал шаг вперед, его худая фигура излучала энергию, рукопожатие было замечательно крепким. У него был очень подходящий для священника характер. Никто бы не усомнился в его цельности, в нем была мужественность, которая вызывала уважение у прихожан обоих полов, а не только женской части его паствы. У него был сильный рот, редеющие каштановые волосы и голубые поблескивающие глаза.

Я часто задумывался, почему он так и не женился.

– С приездом, – ответил я, пожимая ему руку. – Как ты себя чувствуешь по возвращении в эту часть Корнуолла? Жду не дождусь твоей первой службы.

– Мне понадобится твоя моральная поддержка! Я рад, что ты придешь.

– Ничто не удержит меня, – сказал я с улыбкой, – и, как ты, должно быть, удивишься, мою мать тоже ничто не удержит. Она сказала мне недавно наедине, что зилланская церковь – ее любимая и что она не собирается молиться где-нибудь в другом месте. Она, конечно, не сообщит об этом Филипу, но, мне кажется, с нетерпением ждет твоего появления за кафедрой.

Наступило молчание. У Уильяма на лице было неопределенное выражение, то самое, какое всегда появлялось, когда речь заходила о моей матери, но я увидел, что его глаза расширились от удивления. Я посмотрел на Адриана. На его лице не было ни неопределенности, ни недоверия. На один краткий миг он обомлел и смутился, но это выражение тут же исчезло, сменившись проявлением вежливого интереса.

– Это прекрасно с ее стороны, и я с нетерпением жду ее появления. Но все же я не навещу ее, пока она сама меня не пригласит. Одно дело – видеть меня в церкви, где я под сутаной теряю личные качества, и совсем другое – оказывать мне гостеприимство за чашкой чая в гостиной.

Я понял, что ему не хочется идти к ней, и я не винил его. На его месте я и сам вряд ли пошел бы к ней.

– Ты, наверное, слышал, что Филип назначил Джонаса наследником, – сказал я, пытаясь переменить тему. – А знаешь, как теперь процветает Саймон Питер Рослин? Непонятно, почему Филип ему так симпатизирует.

– А я думаю, это понятно, – возразил Уильям, прежде чем Адриан смог вставить слово. Уильям был намного проницательнее, чем многие думали. – Филип симпатизирует Саймону Питеру не вопреки его происхождению, а как раз благодаря ему. Если бы Саймон Питер был джентльменом, я очень сомневаюсь, что Филип заметил бы его; мы ведь знаем, что Филип страдает от извращенного снобизма, и это только еще один пример предпочтения, какое он выказывает выходцам из рабочего класса.

Пока Уильям смешивал напитки и подавал нам бокалы, мы еще поговорили о Саймоне Питере. Адриан считал, что очень похвально со стороны Саймона Питера столь преуспеть, несмотря на свое низкое происхождение, но я указал ему, что, каким бы это происхождение ни было, у Саймона Питера все же имелись деньги; несколько лет назад отец

Ребекки оставил своему единственному племяннику приличное наследство.

– …А мы все знаем, что Джосс Рослин прикарманил деньги жены и очень мало из них потратил, – заключил я. – Саймон Питер вполне обеспечен. Это действительно так, – сказал я, заживо задетый несправедливостью ситуации, – у него, уж точно, куда больше денег, чем у меня.

Когда я ехал домой в особняк Карнфорт, то думал об этом неприятном факте, но в конце концов отбросил эту мысль и решил больше о Саймоне Питере не думать. Я все еще полагал, что думать о нем было ниже моего достоинства, хотя инстинктивно чувствовал, что мне, хотя и против воли, следует принять его незваное присутствие в моей жизни, гордость же продолжала говорить мне, что такую мелкую сошку лучше просто игнорировать.

Поэтому я проигнорировал Саймона Питера. Как определилось позднее, это была одна из самых дорогостоящих ошибок моей жизни.

Глава 3

Меры, которые король принял в отношении правительства страны на время своего отсутствия, демонстрировали недостаток политической мудрости и способности постигать характеры других.

А. Л. Пул.

Оксфордская история Англии:

От «Книги Судного дня» Вильгельма Завоевателя до Великой хартии вольностей

Король Ричард ни в чем не мог отказать своей матери. Когда она попросила его разрешения на то, чтобы Иоанн жил при ней в Англии, тот был освобожден от клятвы держаться подальше. И все же наследником Ричарда стал Артур… (Артуру) было всего три года, и он находился под присмотром своей матери, герцогини Констанции… которая якобы являлась наложницей Иоанна Безземельного.

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

1

Филип уехал из Пенмаррика, держа по чемодану в каждой руке и с плащом, перекинутым через плечо, и сел в поезд, идущий из Пензанса в Саутгемптон. Мать захотела проводить его до самых доков и попрощаться, только когда он сядет на пароход, но он не согласился. Он не любил долгих проводов. По его просьбе я отвез их обоих на «даймлере» Карнфортов на станцию и прошел вместе с матерью на платформу. Филип держался легко, непринужденно.

– Береги себя, мама, – сказал он, целуя ее и милостиво позволяя ей

прижаться к себе на несколько секунд. – Мне бы не хотелось, чтобы с тобой что-нибудь случилось, пока меня нет. И приготовь побольше бузинного вина, чтобы отпраздновать мое возвращение в тридцать третьем году.

Мать, конечно же, принялась плакать.

– Пожалуйста! – хрипло попросил он. – Не расстраивайся! Я вернусь. Я ведь вернулся из Алленгейта, правда? А тогда отсутствовал семь лет! Я и теперь вернусь. Просто потерпи, вот и все.

Я как раз подумал, какой он черствый мерзавец, когда он отвернулся от нее и я увидел у него в глазах слезы.

– До свидания, Филип, – сказал я. – Удачи!

Он не ответил. Наверное, не мог. Когда кондуктор засвистел, он сел в вагон, а через несколько секунд поезд двинулся вперед, а он – к новой жизни на чужой земле. Я спрашивал себя, понравится ли ему там, попытался предположить, о чем он сейчас думает, но не смог.

– Ну что ж, мама, – наконец произнес я. – Пора домой.

Она неожиданно превратилась в старую-старую женщину с неверными движениями и увядшим лицом. Я взял ее под руку, вывел со станции и помог сесть в машину. Она плакала всю дорогу до фермы.

– Не уходи, Джан, – взмолилась она, когда я въехал во двор и собирался помочь ей выйти из машины. – Пожалуйста, останься ненадолго. Пожалуйста.

– Конечно, мама. Я как раз сам хотел это предложить.

Но я уже начал волноваться. Разумеется, я сочувствовал ей, но у меня была своя жизнь, свои проблемы, и мне не хотелось, чтобы меня бесконечно связывали ее дела. Я уже решил сказать, что, хотя я и готов заезжать к ней раз в неделю, ей не следует ожидать, что я буду бросаться к ней по первому зову. Мне это казалось разумным. Я буду выполнять свой долг перед ней, как и полагается настоящему христианину, но хочу ясно очертить границы этого долга. В конце концов, у каждого должна быть какая-то независимость, и я не одобрял стариков, которые слишком цепко держались за молодежь.

Но уехать с фермы оказалось сложнее, чем я думал. Я с удовольствием пообедал с матерью, но, когда понял, что она хочет, чтобы я остался еще и на чай, решил тут же облегчить свое будущее бремя, напомнив ей, что я не единственный ее ребенок.

– Почему бы тебе не пригласить Мариану? – предложил я. Мать гордилась светскими успехами Марианы, и всего каких-нибудь несколько лет назад та была ее любимой дочерью. – Я уверен, что ей захочется, чтобы ты еще раз посмотрела на Эсмонда.

Но мать покачала головой:

– Она не захочет приехать. Здесь для нее все слишком провинциально, и потом, она не любит вспоминать, что ее мать живет на ферме.

С этим трудно было спорить. Я почувствовал себя не в своей тарелке. Бесполезно было предложить позвать вместо Марианы Лиззи, поскольку я знал, что Лиззи не приедет; мать никогда ее особенно не любила, между ними существовала взаимная антипатия. До меня впервые дошло, что, как только Филип исчез из ее жизни, она осталась совсем одна.

– Я привезу Жанну, – в отчаянии сказал я, хотя знал, что Жанна слишком занята своим мужем-инвалидом и поэтому может нанести матери только мимолетный визит. – Я съезжу в Ползиллан и привезу ее сюда.

– Лучше я посижу с тобой, чем с Жанной, – жалко улыбаясь, сказала мать и попыталась схватить меня за рукав, чтобы удержать.

Я почувствовал себя самым последним скотом.

– Нет, мама, – сурово возразил я, – это несправедливо по отношению к Жанне, разве нет? Ты же знаешь, она очень добра и всегда полна сочувствия.

– Не хочу, чтобы она суетилась вокруг меня, как будто я тоже инвалид, – сказала мать. – Не хочу Жанну.

Со старыми людьми иногда бывает очень трудно. Я почувствовал, что она начинает меня раздражать.

– Я зайду завтра, мама, – пообещал я, – но сейчас мне действительно надо ехать. – Решительно поднявшись, я попытался не замечать слез у нее в глазах, трясущихся рук, молчаливой просьбы остаться.

Я проехал по дорожке и, повернув к Зиллану, смахнул пот со лба. Я чувствовал себя совершенно измотанным. Когда я приехал в Ползиллан, то чуть не попросил дворецкого принести мне виски, но передумал. Половина третьего не то время, чтобы пить виски, и мне совсем не хотелось, чтобы по приходу Зиллан поползли слухи о том, что я алкоголик.

Сестра заставила меня прождать в гостиной пять минут. Она выглядела уставшей и некрасивой. Я помнил, что когда-то давно она была хорошеньким ребенком, но теперь она стала слишком высока, слишком худа, а ее мышиного цвета волосы были растрепаны и непривлекательны. У нее были большие терпеливые голубые глаза и беспокойная улыбка человека, готового к страданиям.

– Я могу уделить тебе не более пяти минут, – нервно произнесла она, когда мы поздоровались. – Не сердись, но Джерри так болен, что я не могу оставлять его надолго. Сейчас приедет доктор Маккре, и мне придется тебя покинуть.

Я знал, что моему зятю стало хуже, но и представления не имел о том, что болезнь достигла критической стадии. Мне стало неловко, я замешкался, не зная, как сформулировать свою просьбу, но Жанна уже догадалась, зачем я пришел.

– Наверное, тебя мама прислала, – сказала она. – Что ж, мне жаль, но я не могу покинуть Джерри – об этом не может быть и речи. Я уверена, мама поймет, что муж для меня сейчас – самое главное.

– Но может быть, ты могла бы съездить на ферму хотя бы на час? Ты ей действительно нужна, Жанна…

– Нет, не нужна! – воскликнула Жанна, и я, потрясенный, увидел, что выражение ее глаз, обычно такое мягкое, стало каменным от гнева. – Я никогда не была ей нужна! Я провела столько времени на ферме, пытаясь угодить ей, но ей было дело только до мальчиков, а теперь, когда мальчиков нет, она ждет, что я помчусь к ней! Не побегу! Она никогда ничего для меня не делала, так почему я должна что-то делать для нее? Она постоянно твердила мне, что я останусь синим чулком, что никогда не выйду замуж, а когда я все-таки вышла замуж, она обозвала меня дурой и отпускала презрительные замечания в адрес моего мужа. Я ее презираю; можешь вернуться на ферму Рослин и передать ей мои слова! – Прежде чем я успел ответить, она, разрыдавшись, выбежала из комнаты.

Я был настолько потрясен ее необычным поведением, что просто остолбенел. Наконец очнувшись, я выбрался из дома и пошел к машине.

Из Пензанса приехал доктор Маккре. Когда я выходил из парадной двери, он взбегал по ступенькам крыльца мне навстречу. Я немного знал его. Когда старый доктор Солтер из Сент-Джаста вышел на пенсию, он рекомендовал мне Маккре, и я около полугода назад консультировался у него по поводу разбитого запястья. Это был смуглый плотный шотландец с некрасивым, но приветливым лицом и с безупречным английским выговором.

– Привет, Касталлак, – удивленно сказал он, увидев меня. – Навещали больного?

– Просто зашел перемолвиться словечком с сестрой. Как поживаете?

– Занят. Обеспокоен. Но в остальном хорошо. – Он взглянул через мое плечо в открытую дверь и пустынный холл. – Как нашли сестру?

– Раз уж вы об этом заговорили, то скажу: очень усталой и измученной. Ее все это очень расстраивает.

– Очень, – коротко подтвердил Маккре. Казалось, он решил не говорить полными фразами. – Сокрушается. – Он опять посмотрел мне через плечо, словно боялся, что нас услышат, и торопливо пробормотал: –

Ваша сестра замечательная женщина. Таких – одна на миллион. Вам следует ею гордиться. Что ж… – Он глубоко вздохнул, промчался мимо меня и бросил через плечо: – Надо бежать… простите, старина… передавайте привет жене.

– Спасибо, – сказал я, глядя ему вслед, и задумался, сколько еще сюрпризов ждет меня сегодня, прежде чем я доберусь домой в Карнфорт.

Я спросил себя, известно ли Жанне о том, как восхищен ею доктор Маккре. Но вне зависимости от того, знает она об этом или нет, я был рад, что ее достоинства были наконец оценены. Я боялся, что ее муж-инвалид слишком жалел себя, чтобы понять, как ему повезло, что за ним ухаживает святая.

Я сел в машину, закурил сигарету и задумался. Часы показывали три. Я мог съездить в особняк, выпить чаю пораньше, дочитать детектив и до заката покататься верхом. Может быть, после ужина свозить Фелисити в кино? Я чувствовал себя перед ней виноватым – завещание Филипа сделало меня раздражительным, а поскольку она со мной жила, то ей приходилось страдать из-за моего мрачного настроения.

От предвосхищения такого приятного вечера после столь утомительного утра и дня я почувствовал, как во мне разливается волна удовлетворения. Я завел машину, проехал по дорожке перед домом, в воротах повернул налево, на дорогу, ведущую в Пензанс, и беспечно повел машину, напевая себе под нос.

Через четверть мили я перестал напевать. Через полмили почувствовал, что волна удовлетворения начала спадать. Наконец, через милю от Ползиллана, я остановил машину, закурил еще одну сигарету и попытался развеять то смешное чувство вины, которое грозило поколебать мое спокойствие духа.

Пять долгих минут я думал о матери, которая осталась одна-одинешенька на ферме Рослин.

– Так ей и надо, – сказал я коровам, пасущимся неподалеку. – Я был один в Пенмаррике шесть лет. Когда я нуждался в ней, она ко мне не пришла.

Я вспомнил, как она плакала на платформе и в гостиной фермы Рослин, потому что без Филипа она осталась одна, знала это и ничего не могла изменить.

– Ну и что? – сказал я коровам. – Она привыкнет к одиночеству. Старикам следует ожидать одиночества. Это одно из наказаний старости.

Я вспомнил, как она цеплялась за мой рукав, умоляла меня остаться, смотрела со слезами на глазах, как я ухожу.

– Черт побери! – прокричал я коровам. – Я ей ничего не должен! Ничего! Из всех ее детей у меня меньше всего обязательств перед ней! Она меня бросила, а теперь я имею полное право бросить ее, и посмотрим, как ей это понравится!

Я вывел машину на дорогу и опять поехал в сторону Пензанса, но это ничего не изменило. Я мог ругаться, сколько мне влезет, но знал, что не смогу просто поехать домой и совсем о ней забыть. Я развернулся и в ярости поехал в Зиллан.

«Мне незачем возвращаться, – говорил я себе. – Я выполнил свой долг: я с ней пообедал. У нее нет права ожидать чего-либо еще. Никакого права».

Но я ехал к ферме.

Во дворе, разогнав кур, я припарковался, вышел и захлопнул дверцу. Я зашел в кухню. Она была пуста.

– Мама! – крикнул я, будучи уже в самом скверном настроении. – Ты где?

Из передней части дома послышался шум.

– Джан-Ив? – услышал я дрожащий голос матери. – Я в гостиной.

Я направился к двери, но она открыла ее прежде, чем я дошел, и остановилась передо мной со странным, полувоинственным-полурадостным выражением лица, которого я не понимал.

– Здесь священник, – запинаясь, сказала она. – Он сказал, что решил зайти сегодня в первый раз, потому что был уверен, что мне одиноко, что мне нужно общество. Он так необычайно добр.

А за ее спиной в гостиной я увидел темный костюм и священнический воротничок своего сводного брата, Адриана Парриша.

2

Я был потрясен.

Я стоял и смотрел то на него, то на нее, чувствуя, что у меня по щекам и по шее разливается краска, и опасался, что стал невероятно, невообразимо пунцовым. Я лишился дара речи. Словно громом пораженный.

– Джан, дорогой, не сердись, – быстро сказала мать, неверно разобравшись в моих слишком ярко выраженных чувствах. – Все хорошо. Мистер Парриш сначала зашел к Этель и попросил ее узнать, приму ли я. Он бы не пришел, если бы я не захотела его видеть. Не сердись, пожалуйста.

Я проглотил слюну и покачал головой.

Адриан неловко произнес:

– Мне пора идти. Мне еще надо зайти в пару мест. – Он повернулся к матери. – Вам, конечно же, хочется остаться одной с Джан-Ивом, миссис Касталлак. Я вас покину.

– Но вы ведь придете еще? – сказала мать.

– Если позволите. Спасибо. – Он протиснулся мимо меня, словно ему не терпелось избавиться от моего общества. Я заметил, что он избегает моего взгляда, словно чем-то меня сильно задел.

Я натянуто произнес:

– Останься еще. Не убегай. К чему спешить?

Он, вздрогнув, посмотрел на меня, и я заставил себя улыбнуться, чтобы дать ему понять, что я рад его видеть.

Он заколебался.

– Спасибо, – произнес он наконец, – но мне действительно надо идти. Когда-нибудь в другой раз. Спасибо вам еще раз, миссис Касталлак, – добавил он, на секунду взяв ее руку, прежде чем открыть дверь. – Буду ждать вас на утренней службе в воскресенье.

– Спасибо, – просто сказала она. – До свидания. – Она стояла на пороге и смотрела, как он быстро шел по садовой дорожке к выходу.

Когда он скрылся из виду, она закрыла дверь. Мы остались одни. В холле воцарилось странное спокойствие, словно все призраки старого дома собрались послушать наши разговоры.

Вскоре я произнес:

– Я ездил в Ползиллан, но Джералд слишком болен, и Жанна не может его оставить. Поэтому я решил вернуться и все-таки выпить с тобою чаю.

– Да, – сказала она. – Да. Спасибо, дорогой, ты очень добр.

– Да я и не хотел оставлять тебя одну. Просто подумал, что если привезу Жанну…

– Да-да, все в порядке. Я понимаю.

– Наверное, Адриан счел, что я поступил нехорошо, бросив тебя?

– Адриан? Нет, мы совсем о тебе не говорили.

Она прошла обратно в гостиную и с минуту постояла, оглядывая комнату. Она стояла очень тихо. Спина ее была повернута к свету, и неожиданно я понял, как она выглядела сорок лет назад, как гипнотизировала ее неподвижность, грациозность движений, способность без труда очаровать кого угодно. Впервые в жизни я спросил себя: «Как отец мог променять ее на другую женщину?»

Наконец я сказал:

– И ты не… была против его прихода?

– Когда тебе за семьдесят, – произнесла она, – то, что было непереносимым в сорок лет, уже давно перестает быть таковым. – Помолчав, она добавила обычным тоном: – Я очень хорошо помню, как впервые увидела Адриана; это произошло совсем незадолго до нашей последней ссоры с Марком… Мы тогда были в Брайтоне.

Я ничего не сказал. Я прекрасно знал, что тогда и был зачат, но она не знала, что мне это известно. Отец однажды, пытаясь объяснить первоначальное отвращение матери ко мне, очень осторожно изложил мне обстоятельства моего зачатия.

– Адриан был симпатичным ребенком, – сказала мать, – светловолосым и пухлым, как ангелочек. Помню, его имя меня удивило, потому что я никогда прежде не слышала имени Адриан.

Она больше ничего не сказала, но вскоре мое молчание, по всей видимости, привлекло ее внимание, потому что она взяла меня за руку и наклонилась, чтобы поцеловать в щеку.

– Я так рада, что ты вернулся, Джан-Ив, – сказала она. – Признаюсь, пока не приехал Адриан, я чувствовала себя очень несчастной.

– Мне не надо было уезжать, – сразу сказал я, думая о том, что наши семейные дела очень плохи – матери приходится обращаться за утешением к незаконнорожденному сыну отца, потому что собственные дети ее бросили. Меня обуревали чувства вины и стыда. Я почти ненавидел Адриана за то, что у него хватило мужества приехать к ней, хотя она и была последним человеком, перед которым у него были моральные обязательства. Я немедленно решил вести себя как образцовый сын по отношению к пожилой одинокой матери.

В последующие дни я удивлял и себя, и окружающих повышенным вниманием к ее благополучию. Я каждый день заходил на ферму, три раза в неделю дарил ей цветы, каждую субботу возил ее в машине на прогулку, а каждое воскресенье сопровождал в церковь. Правда, чем больше успокаивалась моя совесть, тем менее внимательным я становился, но, по крайней мере, в течение нескольких недель мое поведение по отношению к матери было безупречным.

Посещая церковь в Зиллане, я вскоре оценил хорошо продуманные проповеди Адриана; мне неоднократно удавалось их с ним обсуждать, и у нас завелся обычай раз в неделю вместе обедать и тратить по добрых два часа на восхитительно замысловатые обсуждения догмата, доктрины и Божественности. В религиозных вопросах Адриан, без сомнения, не был приверженцем той ветви Англиканской церкви, которая тяготела к

католицизму, ему не нравился англокатолический оттенок «Исправленного молитвенника», который произвел столько шума годом или двумя ранее; с другой стороны, его не интересовали возрожденческие идеи «Оксфордской группы»[15], и он считал, что движение бухманитов более подходит Америке, нежели Англии. Он был последователем среднего направления, где-то между Англиканской церковью, приверженной католицизму, и Англиканской церковью с евангелическим уклоном, но его главной целью было заинтересовать религией молодежь, которую все больше и больше привлекали новые известные пророки слева, – ни Маркс, ни Фрейд, ни Эйнштейн не поощряли религиозного чувства, а агностицизм распространялся со скоростью новомодного литературного культа, который разрушал устоявшиеся взгляды и ценности.

Адриан был потрясен моим неожиданным интересом к теологии, но, когда он спросил, почему я так ею интересуюсь, мне было трудно дать ему ответ.

– Мне хочется знать, что Господь может для меня сделать, – наконец сказал я. – Я знаю, что Бог где-то есть, но до сих пор Он не был особенно заинтересован в том, чтобы я получил от жизни то, чего заслуживаю. Реалистический взгляд на вещи подсказывает мне, что в жизни нет природной справедливости, но надежда, может быть и ложная, заставляет меня предположить, что она должна быть, если только знать, где искать. Мне хочется знать, настолько ли Ему безразличен мир, как это кажется, или все-таки, когда Ему хочется, Он творит справедливость. Мне хочется знать о Боге больше. Мне кажется, что если я больше узнаю о Боге, то узнаю больше и о справедливости.

– А может быть, – заметил Адриан, – если ты больше узнаешь о справедливости, то больше узнаешь о Боге.

Про себя я подумал, что подобное замечание слишком неточно для священника, но решил, что если человек любит подобные вещи, то оно довольно удачно. Я улыбнулся, вежливо произнес: «Может быть» – и сменил тему разговора.

Иногда мы обсуждали политику, но в то время политические события были настолько удручающими, что я по мере возможности избегал этого предмета. Я понимал, как ужасен рост безработицы, но, признаться честно, к тому времени мне уже порядком наскучило слушать о потенциальных последствиях краха на Уолл-стрит, и, хотя мне и было жаль безработных, я предпочитал не вспоминать о них без особой необходимости. Мне казалось, что нынешнее лейбористское правительство желало людям добра, но у меня лейбористы ассоциировались с тоской масс, с полосой

уродливых новых поселений вокруг больших городов, с муниципальными бараками, оскорбляющими человеческий взгляд, с дешевыми товарами в сетях магазинов и дешевыми новостями в бульварной прессе. Я прекрасно знал, что участь народных масс должна быть лучше, но мне было жаль исчезающей элегантности и блеска более изысканных времен, и я прекрасно понимал мать, когда она с тоской говорила о «старых добрых временах», когда слова «эпоха масс» были пустой фразой из записной книжки человека, занимающегося социальной философией.

– Но старые добрые времена совсем не были добрыми, – возражал Адриан. – Нам они кажутся такими, потому что мы видим их через призму ужасов войны. Но мы смотрим в розовые очки.

Лично я не понимал, почему к розовым очкам нужно всегда относиться с презрением, но не стал с ним спорить. Если ему было угодно прожить жизнь, глядя на все беспристрастно, то это его дело, мне же бесконечное старание смотреть правде в глаза казалось по крайней мере утомительным. Хотя, конечно, священнику с развитым чувством социальной справедливости было не к лицу тешить себя бессмысленными иллюзиями.

Иногда в церковь на службы Адриана приходил Уильям, но он не был религиозен и появлялся только раз в месяц, чтобы сделать приятное брату. Я же виделся с Уильямом каждый день; он и Чарити переехали из дома в Сент-Джасте в коттедж управляющего в имении Карнфорт-Холл. Хотя Уильяму и нравилась его новая работа, он признался мне, что каждый день с тоской вспоминает Пенмаррик и знакомые лица из поместья. Иногда мы обсуждали дела поместья Карнфорт, но дом никогда меня особенно не интересовал, и знал я о нем мало.

Наступил 1931 год. Филип счастливо устроился в одном из оловодобывающих регионов Британской Колумбии и писал нам письма, восхваляя канадские шахты; новый управляющий Пенмаррика Смитсон железной рукой управлял арендаторами, а Саймон Питер Рослин, без сомнения, наслаждался ежемесячными визитами в мой дом, инспектируя наследство своего племянника Джонаса.

Поскольку они все настолько явно наслаждались жизнью, то я решил, что пора и мне присоединиться к веселью; в конце января я забросил свой обычай приезжать в Пенмаррик только в качестве эскорта матери и начал очень осторожно появляться там один.

3

Меня принимали с распростертыми объятиями. Я приезжал в Пенмаррик, брал из конюшни лошадь и отправлялся на прогулку по имению якобы ради удовольствия, но путь мой пролегал так, что я мог поговорить с арендаторами, обсудить с ними их проблемы. Смитсона никто не любил. Все спрашивали, как долго будет отсутствовать Филип, сколько им придется ждать, чтобы изложить свои жалобы.

– Излагайте их мне, – предлагал я, радуясь их недовольству и поощряя откровенность. – Я общаюсь с братом. Рассказывайте мне все.

Они мне все рассказали. Смитсон был вымогателем. Он опять поднял арендную плату. Всех, кто не успевал платить аренду, он грозил выгнать. Он отказался починить крышу коттеджа бабушки Логан, сказав, что она не уплатила аренду, а ведь всем известно, как бедная женщина страдает от ревматизма в сырую погоду. Он откровенно украл, назвав это реквизицией, акр участка Тома Тоуна, потому что захотел построить себе великолепный дом с видом на море.

– Мистер Касталлак мне разрешил, – сказал он, когда я обсуждал с ним этот вопрос, и в качестве доказательства предъявил мне письменное разрешение Филипа.

Я запомнил, куда он положил бумагу, и вскоре сжег ее. А потом отправился в Пензанс повидаться с Майклом Винсентом.

Некоторого успеха я добился; мне удалось выяснить, что Филип дал разрешение в спешке, не проконсультировавшись с попечителями, но Майкл сказал, что разрешение могли счесть законным, и в вежливейшей форме посоветовал мне более не мутить воду. Но к тому времени арендаторам уже понравилось мутить воду и без моего участия; и когда осенью 1931 года Смитсон принялся строить себе дом, он обнаружил, что строительные материалы постоянно исчезают, инструменты пропадают, а рабочие не приходят работать. Конечно, он пожаловался Саймону Питеру, тот, разумеется, немедленно побежал к своему начальнику, а Майкл, в свою очередь, обратился в полицию. На место строительства поставили дежурить по ночам пару престарелых констеблей, но материалы по-прежнему пропадали, и в конце концов Смитсон прибег к отчаянным мерам; несмотря на его недостатки, я не мог отказать ему в определенной изобретательности. Столкнувшись с такой враждебностью, он нанял банду безработных юнцов из Сент-Джаста, поселил их в палатках и велел им защищать его собственность.

Вряд ли можно было создать более взрывоопасную ситуацию. Вскоре начались драки, мирный договор был нарушен, и наконец весной 1932 года даже Майкл был вынужден признать, что единственным способом уладить

возникшее положение может быть отстранение Смитсона от управления Пенмарриком.

– Я позабочусь об усадьбе, пока Филип не вернется домой, – небрежно предложил я, добавив, что это было бы наилучшим решением, какое можно было придумать в данном случае. – Арендаторы меня знают, доверяют мне, у меня есть опыт подобной работы. Я в мгновение ока налажу жизнь в имении.

Но враждебно настроенный Майкл с каменным лицом сообщил, что должен написать обо всем Филипу.

Я согласился и стал терпеливо ждать, убежденный, что Филип согласится уволить Смитсона и, в отличие от Майкла, увидит все преимущества, какие дало бы назначение меня на должность управляющего имением. Но я ошибся. Филип согласился уволить Смитсона, но назначил вместо него не меня. Он предложил поручить Пенмаррик заботам старого Уолтера Хьюберта, бывшего казначея Сеннен-Гарта, который давно уже был на пенсии; ему в помощь надо было назначить заместителей, чтобы выполнять задачи, требующие физических усилий, такие как сбор арендной платы и инспекция, а если Хьюберт откажется, то Майкл должен был сам найти другую наиболее подходящую замену.

Только не меня. Майкл был достаточно проницателен, чтобы понять, что я зачинщик всех неприятностей в Пенмаррике, ну и к этому времени мы были в плохих отношениях. Заболев от разочарования из-за этой очередной несправедливости, я отправился на пару недель в Лондон, чтобы поразвлечься. Но атмосфера в Лондоне неуловимо изменилась, там уже не было того лихорадочного веселья, которое я так хорошо помнил по моему медовому месяцу. Великий финансовый кризис предыдущего года, который привел к образованию национального правительства, обессилил город. Конечно, веселье продолжалось, развлечений для людей с деньгами было полно, но жизнелюбие двадцатых годов, казалось, превращалось в менее естественную и яркую форму фривольности. Через некоторое время я начал задумываться, не во мне ли причина; я был в городе один, потому что Ребекка, боясь за свою репутацию, отказалась со мной поехать, а Фелисити предпочла остаться дома из-за лошадей, и, хотя теоретически я должен был наслаждаться свободой, я вдруг обнаружил, что мне одиноко, что я не могу заняться ничем, кроме самых рутинных развлечений.

В итоге, после того как на спектакле по «Кавалькаде» Ноэла Коуарда[16] я провел целый вечер в аудитории среднего возраста, всхлипывающей от ностальгии, я раньше, чем планировал, вернулся в

Корнуолл. Я решил, что раз уж не могу получить удовольствия от пьесы Коуарда и других прелестей лондонской жизни, значит со мной что-то не так, но, к счастью, по приезде в Карнфорт-Холл семейные дела быстро развеяли мою депрессию. Наконец умер мой зять Джералд Мередит, а после похорон Жанна закрыла Ползиллан так же, как Филип закрыл Пенмаррик, и вместе с Хеленой отправилась в длительное путешествие по континенту. Не успели мы с ними попрощаться, как до нас дошли новости более приятного свойства: Лиззи вышла замуж за своего профессора. Но сделала она это тайно, не пригласив на свадьбу никого из членов семьи, а письмо, уведомляющее о том, что она теперь стала миссис Сент-Иоанн-Каллендар, пришло в Карнфорт-Холл, только когда она уехала с мужем в Грецию в свадебное путешествие.

Не знаю, кто из нас – мать или я – был оскорблен больше. Мы оба были глубоко задеты этой новостью.

– Могла бы мне и сказать! – сердито воскликнула мать. – Могла бы и дать мне знать! Я бы с удовольствием побывала на свадьбе! – Тут любопытство перевесило оскорбленную гордость, и она добавила: – Профессор! Подумать только! Ну что ж, это вполне подходящая партия. Я всегда надеялась, что Лиззи, несмотря на свою некрасивую внешность, выйдет замуж, но, честно признаться, боялась, что ее характер повредит ей больше, чем внешность. Она была так агрессивна, так неженственна.

Я не высказал матери своего мнения о поведении Лиззи, но при первой же возможности написал ей натянутое поздравительное письмо.

«Я могу понять, почему ты не пригласила на церемонию маму, – ядовито писал я, – но меня могла бы и пригласить. Позволено ли мне будет когда-нибудь увидеть твоего мужа, или он останется такой же тайной, как и твоя свадьба?»

«Дорогой Джан, – сокрушалась в ответ Лиззи, вернувшись из свадебного путешествия в сентябре. – Свадьба была просто коротким церковным благословением священника перед двумя свидетелями! Мне и в голову не пришло, что тебя стоит для этого вытаскивать из Корнуолла. Пожалуйста, прости, если я смертельно тебя оскорбила. Конечно, я не собиралась приглашать маму, чтобы она не взяла подготовку к свадьбе в свои руки и не превратила все в цирк, к тому же, если бы Эдди узнал, что приедет моя мама, он бы смертельно испугался и заперся в кабинете. Он, бедняжка, очень застенчив и чувствителен, а после почти семи лет усилий по завлечению его под венец я не могла допустить, чтобы в последнюю минуту возникли препятствия! Но теперь, когда мы благополучно женаты, Эдди очень хочется познакомиться с моей семьей, так что, надеюсь, вскоре

мы предпримем путешествие в ваши края. Как ты думаешь, где бы мы могли остановиться? Поскольку и Пенмаррик, и Ползиллан закрыты, я даже не знаю, куда ехать. Я бы с радостью остановилась у тебя в Карнфорт-Холле, но, мне кажется, я не смогу долго выносить Элис, а Эдди не вынесет Фелисити. Я не хочу никого обижать, но похожие на лошадей огромные женщины его чрезвычайно нервируют, а я не хочу, чтобы он расстраивался. Может быть, нам лучше остановиться в „Метрополе“? Что ты на этот счет думаешь?»

Я начал серьезно сомневаться в этом ее муже. Прочитав письмо еще раз, я уже собрался написать ей, что приеду в Кембридж, чтобы не заставлять ее совершать скучное путешествие в Корнуолл, когда неожиданно понял, как можно повернуть ситуацию в свою пользу. От возбуждения я побледнел. Идея ворочалась у меня в мозгу пять великолепных минут, а потом я взял ручку и написал милое письмо, приглашая Лиззи с мужем при первой же возможности приехать в Пенмаррик.

4

Мать с восторгом приняла мысль о том, что я в качестве хозяина буду принимать гостей в Пенмаррике, а поскольку ей идея понравилась, Майклу ничего не оставалось, как примириться с этим. Я спросил Фелисити, не будет ли она возражать, если я несколько дней проведу в Пенмаррике, но она как раз собиралась погостить у друзей в Девоне и ничуть не возражала.

Наконец фортуна вроде бы улыбнулась мне.

Я радовался при мысли, что снова увижу Лиззи, потому что, как я уже упоминал, она была моей любимой сестрой, остроумной, быстрой на язык, с ней было здорово. Мы были очень похожи; оба походили на отца и поэтому находились в незавидном положении некрасивых детей среди кучи красивых старших братьев и сестер; оба чувствовали антипатию родителей. Нас разделяло всего два года, поэтому, по крайней мере в детстве, у нас было много общих интересов. Но по мере того как мы росли, мы становились все менее схожими. Лиззи, как и отец, была прирожденной интеллектуалкой со страстью к учебе, а меня учеба ради учебы не привлекала, и хотя я был хорошо информирован, особенно в области своего хобби, религии, и не считал себя дураком, но интеллектуалом я не был. Я был не в состоянии понять длительную влюбленность Лиззи в академическую жизнь Кембриджа, но это нисколько не повлияло на мои

чувства к ней, и даже сейчас, хотя я давно уже примирился с фактом, что мы встречаемся редко, стоило мне только ее увидеть, как я понимал, что соскучился.

Я пожалел о нашей разлуке снова, как только она в тот прекрасный сентябрьский вечер вышла из управляемого шофером «бентли» своего мужа, чтобы поздороваться со мной. Выглядела она хорошо, лучше, чем когда-либо. Ее роскошные темные волосы были гладко зачесаны вверх и увенчаны великолепной шляпой. Ее кожа, из-за которой она подростком пролила столько слез отчаяния, стала гладкой и молочно-белой; раскосые глаза блестели; полный рот казался чувственным, а не бесформенным. На ней был кремовый костюм, который подчеркивал ее роскошные формы, а ее ноги, которые всегда были хороши, теперь были затянуты в тончайшие шелковые чулки.

– Как благоприятно повлиял на тебя возраст! – Это произнесла она, а не я. Мы обнялись. – Куда подевался тот ужасный уродец, с которым я делила детскую?

– Задаю себе аналогичный вопрос! – Я поцеловал ее. – Брак пошел тебе на пользу, Лиззи.

– И тебе тоже! Вот Эдди. Эдди, дорогой, это Джан-Ив.

Я повернулся, чтобы посмотреть на своего зятя. Я ожидал увидеть усохшего старого зануду, но вместо него на меня смотрел высокий привлекательный мужчина лет сорока пяти с мягкими голубыми глазами и тонко очерченным ртом. Лиззи недостаточно ярко описала его чрезвычайную стеснительность. В тот вечер, пока мы не закончили ужинать, мне с трудом удавалось вытянуть из него хоть слово, но в конце концов две порции виски до трапезы, три бокала рейнвейна за ужином и два бренди после того, как убрали скатерть, придали ему храбрости.

– Корнуолл – интересное место, – произнес он свою самую пространную речь за весь ужин. – Элизабет говорила мне, что здесь неподалеку есть прекрасный образец старинного форта на холме.

– Да, это правда, – сказал я. – Замок Чун.

После того как я примерно в течение минуты рассказывал об археологических прелестях Корнуолла, он задал мне несколько вопросов, которые истощили мой скудный запас знаний, но я не сдал позиций, и вскоре он заговорил о своем любимом предмете – Греции, и мне оставалось только слушать. Вскоре мы вернулись к Лиззи в гостиную. Я как раз начал задумываться, не поговорить ли с ней наедине, когда Эдди извинился, сказав, что после долгого путешествия хочет лечь спать пораньше.

– Я уверен, что вам захочется поболтать наедине, – добавил он,

смущенно улыбнувшись жене. – Я знаю, что ты давно не видела Джан-Ива, Элизабет.

После такого заявления последние сомнения на его счет отпали, и я решил, что все-таки одобряю брак Лиззи.

– Почему он так долго на тебе не женился? – спросил я у нее, как только мы остались одни. – Он производит впечатление вполне приличного человека. Почему он никак не мог решиться?

Лиззи принялась молоть какой-то высокопарный бред о том, как они оба верят в интеллектуальную ценность свободной любви и потому долго не хотели опутывать себя узами такого сугубо буржуазного института, как брак. Но я понял, что на самом деле Эдди, убежденный холостяк, боялся, как бы женитьба не помешала его научной деятельности, а Лиззи изобрела способ доказать ему, что с ней ему работается лучше, чем без нее.

– Надеюсь, ты не предала своих интеллектуальных принципов путешествием к алтарю, – заметил я с серьезным лицом.

– О боже, – сказала Лиззи, – быть респектабельной замужней женщиной настолько удобнее.

– Как удачно, что вы оба пришли к одному и тому же выводу!

Мы засмеялись.

– Наверное, я вела себя не очень хорошо, – вскоре призналась Лиззи, – но я его люблю, и мне ужасно хотелось выйти за него замуж, поэтому, думаю, я не так уж и плохо поступила. Во всяком случае, не так плохо, как Мариана. Честно! С кем следующим она переспит?

В то время Мариана, оставив мужа и ребенка, сбежала с каким-то повесой, жила в Кенсингтоне и была замешана в каком-то неприятнейшем бракоразводном процессе.

– Понятно, почему муж не разрешает ей видеться с Эсмондом, – сказала Лиззи. – Как ты думаешь, насколько мама об этом осведомлена? Наверное, Филип прятал от нее газеты, когда Мариана была «другой женщиной» в том ужасном разводе, но что-то же мама должна была слышать. Ты не знаешь подробностей? Дорогой, там был секс втроем и все такое. Я знаю кое-кого, кто был на процессе, и она говорила…

С сексуальной жизни Марианы разговор перешел на мою.

– Удивляюсь, что ты до сих пор без ума от Ребекки, – сказала Лиззи, не на шутку рассердив меня. – И не понимаю, почему ты до сих пор женат на Фелисити. Я не говорю, что ты должен жениться на Ребекке; ты и так получаешь от нее все, что хочешь, но почему бы тебе не развестись с Фелисити, чтобы ты мог жениться, когда захочешь?

– Мне кажется, ты неправильно расцениваешь мои отношения с

Ребеккой, Лиззи, – холодно произнес я. – А что касается брака – так это моя страховка на будущее. Ведь надо же иметь какие-то гарантии, тем более теперь, когда я не наследую Пенмаррик…

– Ты бы мог поехать в Лондон, получить хорошую работу и зарабатывать на жизнь. Может быть, ты бы в мгновение ока заработал кучу денег. Разве тебе не надоело вести праздную жизнь джентри? И не рассказывай мне, что ты помогаешь управлять Карнфорт-Холлом, а в свободное время пишешь детективы! Это не оправдание! И не говори мне, что не можешь поехать в Лондон, потому что не можешь оставить мать!

Я не собирался с ней спорить; я был слишком рад ее видеть.

– Мама не такая уж и плохая старушка, Лиззи, – сказал я, хитро переменив тему разговора. – Мы плохо ее знали, когда были детьми.

– Ошибаешься, я знала ее достаточно хорошо! Наверное, она завтра приедет в Пенмаррик, чтобы посмотреть на Эдди. Какая тоска! Как ты думаешь, Ребекка с детьми тоже приедет? Мне бы хотелось посмотреть, такой ли уж Джонас отвратительный ребенок, как ты говоришь, да и чаепитие наедине с мамой – слишком утомительное занятие…

Но я знал, что мать не захочет знакомиться со своим новым зятем в присутствии Ребекки, поэтому уговорил Лиззи пригласить ее одну на обед.

– Как все иногда бывает сложно! – ворчала Лиззи. Она всегда чувствовала себя не лучшим образом, когда предстояла встреча с матерью.

– С нетерпением жду, когда увижу их обоих, – вежливо сказала мать, когда я на следующий день приехал на ферму, чтобы ее забрать. – Я так рада, что ты пригласил меня на обед. – Но когда она надевала перчатки, пальцы ее дрожали, и я с огромным удивлением понял, что она еще больше, чем Лиззи, нервничает перед предстоящей встречей.

И в самом деле, встреча началась натянуто. Была обычная неловкость представлений и вступительных слов, а потом я усадил мать в лучшее кресло и поставил перед ней бокал шерри, в то время как Лиззи отчаянно искала сигарету, а Эдди отправился на поиски пепельницы. Я уже задумался, что мне сказать, если мать сделает какое-нибудь пренебрежительное замечание о курящих женщинах, когда она разрядила обстановку одной простой фразой.

– Ты замечательно выглядишь, Лиззи, – вежливо произнесла она. – Жаль, что Жанна не заботится о том, чтобы выглядеть модно и привлекательно. Она сейчас совсем не следит за собой.

– Хм, – сказала Лиззи, притворяясь, что ее ничуть не тронуло долгожданное материнское одобрение, но после этого натянутость исчезла, и они стали более дружелюбны по отношению друг к другу.

Зять с восхищением смотрел на нашу мать, когда, как ему казалось, она этого не видела, а Лиззи удавалось заставить его произнести «да» или «нет», когда этого требовали обстоятельства.

– Никогда не была в Кембридже, – сказала ему мать за обедом. – Правда, ужасно в этом признаваться? Но в Оксфорде я однажды была.

– Да? – пробормотал он, явно не зная, что сказать. – И вам понравилось в Оксфорде, миссис Касталлак?

– Совсем нет, – дала она прекрасный ответ, и это подвигло его на небольшой рассказ о своем любимом городе.

– Вы должны обязательно у нас погостить, – пригласил ее он, не замечая ужаса на лице Лиззи, а мать улыбнулась, вежливо поблагодарила, но добавила, что теперь не очень любит путешествовать.

После обеда они втроем гуляли по саду, осматривая теплицы, а я поехал в Морву, чтобы привезти Ребекку с детьми.

В четыре часа мы все пили чай в гостиной Пемаррика. Компания была разномастной. Ребекка, как всегда, когда собиралась слишком светская для нее публика, стала бесцветной; она была преувеличенно вежлива с матерью, которая отвечала ей тем же, но сделала неуклюжую попытку подружиться с гостями. Бедная Дебора была еще более стеснительной, чем ее мать, и болезненно застенчивой; на вопросы она отвечала вспыхивая и односложно. Я бы и сам почувствовал стеснение среди такого количества застенчивых людей, если бы на этом формальном чаепитии не присутствовал мой племянник Джонас.

Ему было шесть, это был крепко сбитый, плотный, сильный мальчик. Он не считал нужным употреблять слова «пожалуйста» и «спасибо», поэтому перемещался от одной тарелки с пирожными к другой, а если содержимое тарелки его не удовлетворяло, то швырял ее на пол. Он отказался от молока, опрокинул свою чашку чая и рассердился, когда его мать, чрезвычайно смущенная, попросила его сесть.

Моя мать наблюдала за ним в задумчивости. Я чувствовал, что у нее руки чешутся, чтобы его отшлепать. Вскоре она посмотрела на меня, а когда наши взгляды встретились, неодобрительно подняла бровь.

– Ну хорошо, Джонас, – сказал я. – Хватит. Сядь и веди себя прилично, иначе отправишься в мою комнату и будешь там сидеть, пока мама не пойдет домой.

Он показал мне язык. Его голубые глаза расширились от злости.

– Очень хорошо, – спокойно произнес я, ставя тарелку. – Если ты этого добиваешься. – И приготовился подняться.

– Ты не можешь меня тронуть! – закричал он, неожиданно

занервничав. – Ты мне не отец!

– К счастью, – добавил я, улыбнувшись.

– Джан, – несчастным голосом проговорила Ребекка. – Джан, я…

– Не волнуйся, я его не трону. – Грациозно, как танцор, я пересек комнату, взял его за шкирку и быстро выволок из комнаты, а он вопил от ярости и унижения.

Выйдя в холл, я закрыл за собой дверь и ослабил хватку. Он замахал на меня своими маленькими кулачками, но я крепко зажал его под мышкой и понес, по-прежнему орущего и брыкающегося, в свою комнату.

– Скотина! – орал он, покраснев от гнева. – Злой, уродливый старик! Я тебя ненавижу!

Наверное, для шестилетнего ребенка даже человек двадцати шести лет кажется пожилым.

Я запер дверь, положил ключ в карман и посмотрел на него.

– Выпусти меня! – крикнул он, повелительно топнув ногой. – Выпусти меня! Я хочу к маме!

– Тебе нужен отец, – сказал я, – но, к счастью для него, он никогда не узнает, какое чудовище он породил.

Он почувствовал, что его оскорбили, и снова накинулся на меня, размахивая кулачками. Один из его слабосильных ударов пришелся на чувствительную часть моего тела, и я неожиданно вышел из себя.

– Ну хватит! – сказал я, побелев от гнева, и, когда он увидел, что выражение моего лица переменилось, весь его задор испарился и он сделал шаг назад. – Хватит с меня твоего непослушания и плохих манер! Пора уже тебе понять, что нельзя делать все, что хочется, пока мать бегает за тобой с извинениями! Подойди сюда!

Он отпрянул, очень маленький, притихший. Я наклонился, поднял с пола у кровати тапку.

– Мамочка! – закричал он в панике. – Мамочка!

– Это тот случай, когда «мамочка» не прибежит на помощь, чтобы избавить тебя от заслуженного наказания.

– Мамочка! – Он в отчаянии бросился к двери, забыв, что та заперта, а я поймал его, развернул и стянул штанишки его белого матросского костюмчика.

Он начал горланить, прежде чем я успел к нему прикоснуться. В конце концов я шесть раз звонко шлепнул его тапкой и отпустил. Я еще с детства помнил, что унижение – гораздо более эффективное наказание, чем физическая боль, и мне не казалось необходимым делать удары такими же сильными, как в школе. Порка была символической, просто демонстрацией

авторитета; он запомнит унижение, а не полдюжины полученных звонких шлепков.

Он поднялся. Лицо было залито слезами. Он снова бросился к двери, задергал розовыми пальчиками ручку и бессильно заколотил о доски.

– Мамочка, мамочка, мамочка!..

– Нет, – сказал я. – Ты останешься здесь, пока мама не пойдет домой. Ты достаточно напроказил для одного дня.

И тут я услышал, как Ребекка из коридора зовет меня.

«О боже!» – подумал я.

– Мамочка! – взвизгнул Джонас. – На помощь! На помощь! Мамочка!

– Джонас! – Я услышал ее шаги вверх по лестнице, потом загремела ручка двери. – Джан? Что ты делаешь с Джонасом? Пусти меня!

– Хорошо, – сказал я своим самым спокойным голосом. – Одну минуту. Я отопру дверь.

Я отпер дверь. Она ворвалась внутрь.

– Мамочка! – кричал Джонас, громко всхлипывая. – Мамочка!

– Джонас, дорогой…

Он кинулся к ней в объятия и шумно зарыдал у нее на груди.

– Ну-ну, дорогой. Мамочка здесь… – Она кинула на меня бешеный взгляд. – Что ты с ним сделал?

– Я шесть раз шлепнул его по попе. От этого не было бы больно даже козявке. Совершенно незачем расстраиваться.

– Как ты посмел! – взорвалась она. – Как ты посмел даже пальцем его тронуть без моего разрешения! Из-за того что у нас отношения, ты думаешь, что можешь обращаться с моими детьми как хочешь!

– Послушай, Ребекка, перестань говорить ерунду. Ты когда-нибудь видела, чтобы ребенок вел себя более отвратительно, чем твой сын? Нельзя все время потакать ему! Иногда детей следует наказывать, и, мне кажется, сейчас был как раз такой случай.

– Мне плевать на то, что тебе кажется! Кто ты такой, чтобы учить меня, как воспитывать моего ребенка? Как ты смеешь говорить мне…

– Черт побери! Ты что, не понимаешь, как должна вести себя мать? Я начинаю думать, что ты еще меньше понимаешь в воспитании детей, чем мне казалось!

Она ударила меня по губам. От удара я вскрикнул, не успев взять себя в руки. Я посмотрел на нее. Я был слишком зол, чтобы говорить. Опустив глаза, я увидел, что ребенок, побелев, с округлившимися глазами, смотрит на нас.

– Ты никогда не любил Джонаса! – дрожа, сказала Ребекка. – Никогда!

И не думай, что я не знаю почему. Ты ему завидуешь, потому что когда-нибудь он станет хозяином Пенмаррика, а тебе Пенмаррик никогда не достанется, никогда! Ты завидуешь!

– Успокойся. – Я вышел в коридор. – Я отвезу вас домой.

– Мы пойдем пешком! Я больше не хочу тебя видеть, никогда, ты понял? Все кончено. Совсем кончено. Навсегда.

– Да? – сказал я во власти горького гнева. – И кого ты возьмешь следующим любовником? Может быть, своего кузена-слабака Саймона Питера? Уж ты-то сможешь ему кое-что показать! Или Питера Уеймарка? Я слышал, он теперь пустился во все тяжкие. Или молодого фермера Полмарта из-за холмов в Зиллане, ведь он теперь завидный холостяк! Он даже сможет на тебе жениться, если захочет, что маловероятно ввиду твоей репутации моей любовницы.

Она снова меня ударила по лицу. Это был сильный удар сбоку, и ее кольца, вонзившись мне в щеку, оставили болезненный след.

– Боже мой, – сказал я, – это совсем не похоже на поведение леди.

Она разрыдалась и убежала, таща за собой ребенка.

Когда она добежала до конца коридора и свернула за угол, я вошел в свою комнату. Тапка лежала там, где я ее бросил. Я пинком загнал ее под кровать. Через некоторое время я подошел к окну и посмотрел на летний полдень, но не получил никакой подсказки извне, только море лениво перетекало в горизонт, а черные скалы блеклого берега дрожали на жаре.

Я подумал: «Я ее верну. Через неделю она опять будет просить, чтобы я приехал на ферму. Она всегда устраивает безрассудные сцены, а потом о них жалеет. Она вернется».

Но я почувствовал ужасную депрессию.

Глава 4

В то время, о котором мы сейчас рассказываем, молодой король Франции взялся за дело всей своей жизни: разрушение империи Энгевинов и присоединение ее земель к своим королевским владениям. Филипп, известный истории под именем Филипп II Август, обладал большой политической мудростью… хотя он не был хорошим солдатом, зато был проницательным и неразборчивым в средствах дипломатом.

А. Л. Пул.

Оксфордская история Англии:

от «Книги Судного дня» Вильгельма Завоевателя до Великой хартии вольностей

Эгоизм намерений Филиппа был очевиден, но Иоанн готов был рискнуть… Ситуация стала критической. Только Ричард оставался спокойным. «Мой брат Иоанн, – говорил он, – не тот человек, который станет завоевывать себе землю, если найдется кто-нибудь, кто окажет ему сопротивление хотя бы в шутку».

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

1

Пока Лиззи гостила у нас, я ничего не слышал о Ребекке, но я был слишком занят, развлекая гостей, чтобы подолгу об этом думать. Но когда Лиззи с мужем вернулись в Кембридж, меня одолела тоска. Наконец я написал Ребекке письмо, в котором извинялся за сцену с Джонасом и предлагал повести ее ужинать.

Она не ответила.

После этого я взял себя в руки, решив не тосковать по женщине с тяжелым характером, которая решила меня игнорировать, и с упоением предался удовольствию длительного пребывания в Пенмаррике. Я каждый день ездил по поместью, предпринимал длительные прогулки; когда было настроение, понемногу писал и начал потихоньку поглощать обширную библиотеку отца. Но когда его исторические и биографические труды исчерпали мою интеллектуальную стойкость, я привез немного своих собственных книг и провел много счастливых часов, наслаждаясь приключениями лорда Питера Уимси, Эркюля Пуаро и бульдога Драммонда. Еще я попытался, с различной степенью успеха, читать некоторые из наименее фривольных современных книг: «О дивный новый мир» Хаксли, который только что издали, напыщенные страдания Д. Г. Лоуренса и более приятные для чтения рассказы Дж. Б. Пристли. Но в целом ранние работы Уэллса, Голсуорси и Уолпола казались мне более занимательными, чем последние литературные шедевры.

Помимо чтения, я увлекся и радио; в Пенмаррике был радиоприемник, но он был допотопный, и я купил новый, который позволял мне с максимальным комфортом слушать репортажи о футбольных матчах. Вскоре я тайком привез из Карнфорт-Холла граммофон и любимые пластинки. Современная серьезная музыка, такая как композиции Вогана Уильямса и Делиба, казалась мне скучной, но Рахманинова я слушал так часто, что и сейчас при звуках его Второго фортепьянного концерта через регулярные интервалы ловлю себя на мысли: вот здесь я переворачивал пластинку. Еще я купил лучшие современные произведения, но моей главной любовью стал джаз, и вскоре мелодии Рахманинова потеряли свою привлекательность, их заменила труба Луи Армстронга. Поначалу такая музыка в Пенмаррике казалась странной; я знаю, что Медлин был чрезвычайно шокирован и приносил виски с содовой в библиотеку с явным неодобрением во взгляде, но вскоре мы оба привыкли, что бывшее святилище отца оскверняют такие недостойные американские звуки, и приняли смену традиций без дальнейших размышлений.

Я, конечно, и наедине с самим собой был счастлив, но, по мере того как длилась наша с Ребеккой разлука, чувствовал себя все более одиноким. Комфорта больше не было, и в конце концов я пригласил к себе Фелисити, но она собиралась в гости куда-то в Мидлендз и вскоре уехала из Корнуолла на несколько недель.

Я по-прежнему исправно ездил к матери и часто привозил ее в Пенмаррик на обед и чай.

– Сколько ты еще собираешься жить в Пенмаррике? – спросила она в

конце сентября. – Ты здесь уже давно, а я знаю, что Майкл этого не одобряет.

– Не понимаю почему, – сказал я. – Я совсем не вмешиваюсь в дела Уолтера Хьюберта, даже носа в его контору не показываю. Не знаю, сколько я здесь еще пробуду. Может быть, пока Фелисити не вернется в Карнфорт-Холл.

Но Фелисити вернулась через две недели, а я и пальцем не пошевелил, чтобы к ней переехать. Вместо этого я опять пригласил ее в Пенмаррик, но ей не хотелось бросать своих лошадей, и мы по-дружески договорились немного пожить раздельно.

– Майкл очень злится, – напомнила мне мать. – Может быть, тебе не следует здесь больше оставаться, Джан-Ив.

– Я никому не делаю ничего плохого, – сказал я правду, но увидел, что она неодобрительно поджала губы, хотя и не сделала никакого неприятного замечания в отношении моего поведения.

На следующий же день от имени фирмы «Холмс, Холмс, Требарва и Холмс» явился с визитом Саймон Питер.

Это был худощавый человек, невысокий, но отлично сложенный, с хорошей фигурой. Физическая работа сделала бы его мускулистым, но книги и учеба придали ему вид болезненного аскета. Говорили, что в детстве он часто болел. Даже теперь он не выглядел крепким, но я слышал, что он не пропустил по болезни ни одного рабочего дня, поэтому я решил, что с возрастом его здоровье стабилизировалось. У него были прозрачные глаза, слабое рукопожатие и умный, расчетливый рот.

– Доброе утро, Джан, – вежливо сказал он. Он всегда был очень вежлив с клиентами, но мне его фамильярность не понравилась, и я подумал, что случайность, которая сделала нас однокурсниками в Оксфорде, не давала ему права обращаться ко мне по имени. – Я принес тебе письмо от мистера Винсента. Он велел мне передать его тебе и дождаться ответа.

Конечно же, Майкл не мог удержаться от того, чтобы не изложить на бумаге свое неудовольствие моим поведением и не напомнить мне официально о моем «джентльменском соглашении» с братом.

– Как мило с его стороны так заботиться о Пенмаррике! – жизнерадостно сказал я, кладя письмо обратно в конверт. – Скажи ему, что я тоже озабочен и поэтому решил остаться здесь.

– Понимаю. – Саймон Питер посмотрел мне прямо в глаза, потом позволил себе улыбнуться. – Не могу сказать, что я тебя осуждаю, – произнес он, к моему крайнему удивлению. – Если бы я был на твоем

месте, то сделал бы то же самое. Между нами, Джан-Ив… – он стал говорить тише, – между нами, мне кажется, Филип несправедливо поступил с тобой в этом деле. Ты был бы ему больше полезен, чем старый мистер Хьюберт, а если бы ты управлял имением, то все были бы счастливы, включая тебя самого. Мистер Хьюберт до сих пор с похвалой отзывается о твоих административных способностях, и, если бы ты сейчас предложил ему свою помощь, он бы с удовольствием ее принял. Конечно, если ты останешься в Пенмаррике, никто не станет выгонять тебя силой. Слишком большой скандал, слишком много сложностей и слишком много неприятностей. Кроме того, Филип может надумать навсегда поселиться в Канаде, а если он останется там, то, мне кажется, наилучшим решением проблемы было бы оставить тебя ответственным за имение в его отсутствие, по крайней мере, пока Джонас не станет совершеннолетним.

Мне такая позиция, конечно же, показалась подозрительной, но она настолько совпадала с тем, что чувствовал я сам, что я не мог не сказать:

– Конечно, это было бы намного лучше, чем то, что происходит сейчас… А ты думаешь, что Филип может навсегда поселиться в Канаде? Он что, намекал на это в письмах Майклу?

– Мне кажется, что иногда я могу читать между строк. – Саймон Питер снова улыбнулся. – Похоже, ему в Канаде нравится.

– Правда? – Я не мог удержаться от восторженной улыбки. – Замечательно, что у него так хорошо пошли там дела. Но… – подозрение по-прежнему сидело у меня в глубине души, – ведь твой совет довольно… неэтичен? Разве Майкл не осудил бы тебя, если бы услышал?

– Свидетелей нашего разговора нет, – очень спокойно сказал Саймон Питер, – а мне всегда приятно помочь старому другу. Кроме того, как знать? Джонас противный мальчишка, не правда ли, и Филип может легко перемениться в отношении завещания. Честно говоря, я на это надеюсь. Джонас и так избалован, чтобы получить большой незаслуженный доход, к тому же я осуждаю сам принцип наследования состояний. Я ни пенни не тронул из денег, которые оставил мне дядя, только заплатил за обучение в «Холмс, Холмс», но, с тех пор как начал зарабатывать, выплатил банку все, до последнего фартинга… Что ж, мне пора. Надеюсь, мы останемся друзьями, Джан, несмотря на нынешние сложности с мистером Винсентом и с Филипом.

– Конечно останемся, Сим! – ответил я сердечно, потому что теперь не мог не поверить в его искренность.

Все, что он говорил, было справедливо; Джонас на самом деле был избалованным и противным ребенком, а замечаниям по поводу

унаследованного богатства я поверил, когда вспомнил его фанатичную преданность социализму в Оксфорде. Если учесть это, то нет ничего нелогичного в том, что Саймон Питер на моей стороне и предлагает помощь в обмен на будущую дружбу, когда я, возможно, стану хозяином Пенмаррика. Глядя ему вслед, я даже начал думать, что несправедливо судил о нем в прошлом. Кто бы мог подумать, что я встречу человека, который так же, как и я, жаждет получить от жизни свою долю справедливости: он больше всего в жизни хотел поднять Рослинов из Морвы до уровня верхушки общества, которую презирал.

2

Я совсем не был удивлен, когда вскоре после моего разговора с Саймоном Питером ко мне устремился целый поток посетителей, жаждущих испытать мою совесть. Приехал Майкл, вслед за ним мой тесть, без сомнения науськиваемый Элис, притащился из Карнфорт-Холла, чтобы сказать мне, что я компрометирую жену, живя от нее отдельно. Через неделю мать неожиданно явилась на чай. Наконец даже Адриан приехал на своем «форде», чтобы в приличествующих его сану выражениях спросить меня, какого черта я делаю. Я успешно привел всех четверых в ярость, и стыдно признаться, но мне это понравилось. По правде говоря, мне это так понравилось, что я и ухом не повел, когда сэр Джастин сказал, что посоветует Фелисити со мной развестись и позаботится о том, чтобы я не получил ни гроша после его смерти. Я даже засмеялся, когда Адриан сказал мне, чтобы я не приходил в его дом в Зиллане для теологических дискуссий до тех пор, пока не прекращу домогаться собственности своего брата, жить отдельно от жены и совершать прелюбодеяния, когда захочу. Бессильная ярость Майкла позабавила меня так же, как и ледяное осуждение матери. Я воспринимал их недовольство с веселым безразличием, пока из Канады не пришло письмо Винсенту, и, прочитав его, я рассердился больше, чем все мои противники, вместе взятые.

«Дорогой Майкл, – писал Филип. – Сколько шума все поднимают от моего имени! Я рад узнать, что мои интересы на родине в руках честных людей, я ценю ваши усилия к тому, чтобы выкинуть Джан-Ива, как он того и заслуживает, но, пожалуйста, не надо излишне волноваться. Мой маленький братец не тот человек, который может украсть наследство, встретив хотя бы малейшее сопротивление. А если ему хочется поиграть в хозяина усадьбы, как ребенку в детской, мне кажется, пусть играет. Если

ему хочется помочь Уолтеру в мелких делах, касающихся Пенмаррика, пусть окажет небольшую помощь, чтобы не чувствовать себя совсем уж бесполезным. Я уверен, что Уолтер сразу заметит любую попытку Джан-Ива украсть что-либо, а поскольку у Джан-Ива нет прав поверенного, то он совершенно безобиден. Так что пусть его. Он не стоит того, чтобы так волноваться. Здешняя жизнь мне по-прежнему очень нравится, спасибо, надеюсь, скоро поеду в Ванкувер в отпуск. Ваш Филип».

Убийственно пренебрежительное отношение. Я долго кипел от ярости, но наконец взял себя в руки и начал размышлять о письме брата спокойно. Итак, я заручился разрешением Филипа помогать Уолтеру в управлении имением и мне разрешили еще пожить в Пенмаррике. Разве не этого я хотел? Глупо расстраиваться из-за оскорблений Филипа теперь, когда у меня появился шанс доказать ему и всем, насколько хорошо я могу заменить его.

Наступил новый, 1933 год. Несмотря ни на что, я чувствовал себя одиноко. Я скучал по Ребекке, по еженедельным обедам с Адрианом, скучал даже из-за того, что не видел мать так часто, как раньше. Мы по-прежнему изредка встречались, но она отказывалась приезжать ко мне в Пенмаррик, и, хотя внешне мы были вежливы друг с другом, прежняя близость исчезла. Я надеялся, что весной еще раз приедет Лиззи, но, когда я пригласил ее, она написала, что беременна и не хочет предпринимать утомительное путешествие в Корнуолл. Чтобы не чувствовать себя так одиноко, я с головой погрузился в работу и долгие часы трудился в конторе поместья, так что, к великому неудовольствию Майкла, моя работа была выполнена совершенно безупречно.

Тем временем стало казаться, что Филип обосновался в Канаде более прочно, чем нам представлялось раньше. В каждом письме к матери он упоминал о друзьях, работе и о том, как он счастлив. Он снимал комнату в доме вдовы, и, когда весной 1933 года он купил фотоаппарат и прислал матери фото, на котором был изображен вместе с этой женщиной и ее сыном, мы увидели, что выглядит он подтянутым и красивым, совсем не таким, каким уезжал из Пенмаррика два года назад: с ввалившимися глазами, убитый горем. Мальчик был немного похож на Эсмонда, а женщина молода, не старше тридцати, и очень привлекательна.

– Как ты думаешь, я могу расспросить его о ней? – спросила снедаемая любопытством мать. – Впрочем, я не хочу совать нос в чужие дела. Наверное, если бы он всерьез ею интересовался, то чаще писал бы о ней.

Я задумался. О сексуальных наклонностях Филипа я знал больше ее, но еще я знал, что гомосексуалист вполне может иметь нормальные

отношения с женщиной. А что, если Филип разведется с Хеленой, женится вновь, станет отцом?.. Ну и что, что он так счастлив в Канаде и пока не выказывает никакого желания возвращаться домой и заниматься наследством. И все же пока, как мне казалось, Филип не испытывал непреодолимого желания производить на свет наследника Пенмаррика и поэтому не собирался разводиться и жениться снова. Если та женщина согласится, они могут просто жить вместе, не осложняя себе жизнь разводом и повторным браком.

К тому времени я и сам встретил молодую вдову, презентабельную женщину лет тридцати пяти, которая недавно переехала в один из лучших районов Пензанса. Поначалу она побаивалась завести со мной роман, хотя согласилась выполнять обязанности хозяйки Пенмаррика, когда я развлекал соседей по графству. Впервые со дня моей ссоры с Ребеккой я наслаждался женским обществом – хотя бы и не в спальне. Конечно же, мне и там хотелось ее общества, и наконец весной мое терпение было вознаграждено: она позволила взять ее с собой в Лондон. После возвращения я стал развлекать соседей с еще большим шиком; в Пенмаррик постоянно стекались гости, а с ними в доме возникла атмосфера веселья. Мне стало немного не хватать денег, но к тому времени я уже контролировал достаточно дел в имении, чтобы попросить у Уолтера несколько лишних фунтов, а поскольку Филип после увольнения Смитсона сделал его поверенным скромного фонда, учрежденного для управления имением, он мог давать мне сколько-то денег без ведома Майкла и матери.

Летом, через год после смерти Джералда Мередита, Жанна объявила о своей помолвке с доктором Доналдом Маккре, а через три месяца, в сентябре, Адриан обвенчал их в зилланской церкви. Мы все были рады за Жанну. Никто не заслуживал семейного счастья больше, чем она, и никто не мог сделать ее более счастливой, чем Доналд Маккре. Ей не хотелось устраивать прием в Ползиллане, где она жила с Джералдом, поэтому я предложил сделать это в Пенмаррике и положил настолько роскошное начало ее второму браку, насколько мог. Они с Доналдом стали близкими соседями моей новой любовницы из Пензанса, а поскольку Хелена тоже планировала купить домик в том же районе, начались разговоры о продаже Ползиллана.

Мне нравятся свадьбы – церковная церемония, последующий прием, возможность выпить хорошего шампанского. Свадьба Жанны мне очень понравилась, хотя я и был по-прежнему лишен общества Лиззи и хотя Ребекка изобрела какой-то предлог, чтобы не прийти. Лиззи только что родила девочку и была прикована к Кембриджу, но прислала забавную

телеграмму, а позднее я позвонил ей, чтобы в подробностях рассказать о свадьбе. Что касается Ребекки, то было ясно, что на церемонию она не пришла, чтобы уязвить меня. Я сказал себе, что это не имеет для меня никакого значения, особенно теперь, когда у меня есть новая любовница, но на следующий день, страдая от похмелья, все же прослезился, вспоминая о навсегда ушедших временах.

Сенсацией свадьбы, без всякого сомнения, стала моя сестра Мариана. Ей было уже почти сорок, и она выглядела постаревшей; хотя фигура ее по-прежнему была хороша, она злоупотребляла макияжем, и я заподозрил, что она красит свои темные волосы, чтобы скрыть седые волоски. Она приехала одна, но быстро собрала вокруг себя толпу мужчин и занимала их глубокомысленными разговорами. Я заметил, что она непрерывно курит и пьет шампанское, как лимонад, – эти обстоятельства взбудоражили консервативных гостей, непривычных к лондонской моде.

– Довольно вульгарно, – сказала мать. – Она совсем не выглядит респектабельной.

Она явно хотела сказать, что Мариана выглядит как самая дорогая шлюха города.

После свадьбы я стал придумывать, как бы еще повеселиться, и уже подумывал о пикнике при лунном свете в гроте в обществе нескольких избранных гостей, но поскольку моя любовница сказала, что бросит меня, если я устрою какое-либо подобие оргии, то я решил устроить обычную вечеринку с коктейлем. Люси мне нравилась, и тогда мне не хотелось ее терять. Я все время говорил себе, что мне очень повезло. Я молод, мне всего двадцать восемь, и я могу делать все, что захочу. У меня больше не было причин жаловаться на несправедливость; в мире много людей, которые бы позавидовали моему положению. Тогда почему же мне приходилось постоянно повторять себе это?

Для этого не было никаких оснований.

– Ты бы лучше побольше занимался подготовкой вечеринки, – ворчала Люси. – А то свалил на меня все!

Я попытался сосредоточиться на предстоящем мероприятии и на некоторое время избавился от тягостного ощущения в душе. Но в день вечеринки, как раз когда я проверял списки, чтобы убедиться, что ничего не забыл, в дверь библиотеки постучал Медлин и сказал, что кто-то хочет поговорить со мной по телефону.

Это был Саймон Питер Рослин.

Я уже пригласил его на коктейль. Мне не хотелось это делать, несмотря на наши теперь сердечные отношения, но поступить иначе было

бы ошибкой. Незадолго перед тем он подружился с Треарнами из Хелстона, и, поскольку они приглашали его на вечеринки, мне казалось, что он может посещать и мои. Я пригласил всех Треарнов, и мне не хотелось, чтобы они подумали, что я избегаю общества их протеже, но, когда я вышел в холл к телефону, я невольно надеялся, что Саймон придумал какой-то предлог, чтобы не прийти.

– Привет, Сим, – вежливо сказал я. – Не говори, что я тебя сегодня не увижу!

Он едва дал мне закончить фразу.

– Я не могу сейчас говорить, – тихо произнес он, – я смогу в деталях обсудить это сегодня вечером, но мы только что получили новости, которые, как мне кажется, будут тебе интересны. В отношении некоего субъекта из-за океана.

Ноги мои ослабли, сердце болезненно заколотилось о ребра.

– Филип…

– Одним словом, берегись, – сказал Саймон Питер Рослин. – Он возвращается.

Глава 5

(Филипп Август) отправил своему союзнику срочное послание: «Берегитесь, ибо дьявол вырвался на волю» – и Иоанн бежал…

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

Кому-то это могло показаться загадочным, но для Иоанна существовал только один дьявол: его брат Ричард.

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

1

Филип возвращался домой. Мой воздушный замок растворился при первом же прикосновении, потому что Филип возвращался домой. У меня не стало ни денег, ни дома, ни репутации, потому что Филип возвращался домой из Канады точно через три года после своей добровольной ссылки.

Уж я-то должен был знать, что Филип всегда держит слово, данное матери.

Я запаниковал. Я был искателем приключений, который неправильно оценил опасность игры, а никакого авантюриста не презирают больше, чем того, который теряет последнюю рубашку. Отчаянно стараясь спасти хотя бы крошечную часть достигнутого, я проглотил гордость и стал искать среди самых близких мне людей хоть кого-нибудь, кто смог бы мне помочь в это тяжелое время.

2

Моя любовница сказала, что с удовольствием приютила бы меня, но

боится вызвать этим ужасный скандал. Ведь она уважаемая женщина, живет в приличном квартале. Конечно же, если бы я развелся и сделал ей предложение…

– О браке не может быть и речи, – горько сказал я и оставил ее навсегда.

Потом я предложил Фелисити помириться, но, по всей видимости, сэр Джастин пригрозил ей, что лишит ее наследства, если она позволит мне вернуться в Карнфорт-Холл, так что мне пришлось распрощаться и с этой мыслью. Фелисити всегда хорошо ко мне относилась; я не мог подвести ее.

– Мне ужасно жаль, – сказала она, забеспокоившись. – Если я могу чем-нибудь помочь…

– Ну, если в финансовом отношении все осталось, как раньше…

– Да-да, конечно. Папа все равно об этом не узнает, потому что банковские счета конфиденциальны, а я уверена, что он мне поверил, когда я сказала, что закрыла наш общий счет. Так что, если тебе когда-нибудь понадобятся деньги, только скажи.

– Ты замечательная женщина, Фелисити, – сказал я, поцеловав ее, – но я и так доставил тебе много неприятностей. Я постараюсь больше ни о чем не просить. Мне стыдно жить на твои деньги.

– Почему? Мужчины с давних времен жили на приданое своих жен и ничуть из-за этого не расстраивались! Да и вообще, я хочу, чтобы у тебя были деньги. Если женщина не может распоряжаться своими деньгами, как ей хочется, что же ей тогда с ними делать, позвольте спросить? Если невозможно иногда помочь другу, уж лучше быть нищей.

Но, несмотря на ее заверения, я все равно чувствовал себя виноватым и пристыженным.

Я все еще прикидывал, куда бы обратиться за помощью, когда все мои прошлые финансовые махинации дали о себе знать и я оказался в незавидном положении человека, которому нужно менее чем за неделю найти семьсот пятьдесят фунтов. Фелисити опять оказалась на высоте, заложив ради меня свой жемчуг, но мне все равно пришлось занять изрядную сумму у короля ростовщиков Пензанса. Но даже после этого мои манипуляции со счетами Пенмаррика вышли на свет божий. Поскольку Филип возвращался, счета имения подверглись тщательной ревизии, а подозрительному Майклу Винсенту не понадобилось много времени, чтобы в точности понять, что произошло.

– Получается, – мрачно сказал он, – что Уолтер Хьюберт, используя свои, к счастью ограниченные, полномочия поверенного, по доброте душевной давал вам деньги, думая, что вы употребите их на благо имения,

а некоторые из самых доверчивых арендаторов позволили вам манипулировать доходами, платя арендную плату лично вам. Другими словами, более семисот фунтов были…

– Позвольте мне немедленно выписать вам чек, чтобы расставить все по своим местам. Мне очень жаль, что я причинил вам неудобства.

– Если вы полагаете, что я не расскажу об этом Филипу, то вы серьезно ошибаетесь. За то, что вы сделали, людей отдают под суд и сажают в тюрьму.

– Мне очень жаль об этом слышать, – вежливо повторил я и выписал чек на требуемую сумму.

Его не обналичили. На моем банковском счету оказалось на десять фунтов меньше, чем я думал.

– Вот вы и попались, – презрительно сказал Майкл, и я не мог этого отрицать.

Проблемы обступали меня со всех сторон.

– Мама, – сказал я, – мне очень не хочется заводить разговор на такую скверную тему, как деньги, но у меня в этом месяце были серьезные расходы, и я несколько поиздержался. Ты не одолжишь мне десять фунтов?

– Не волнуйся, – ответила она холодно. – Я уже оплатила Майклу твой чек. Или десять фунтов нужны тебе для чего-нибудь еще?

– Ну… нет, но…

– Где ты теперь будешь жить?

– Не знаю, – сказал я. – Еще не решил.

Но она не предложила мне пожить у нее.

В тот же вечер я позвонил Лиззи, надеясь, что на некоторое время смогу скрыться в Кембридже, но, к несчастью, она как раз собиралась ехать в Шотландию; ее мужу почему-то предложили отпуск, и они уже обещали сдать дом друзьям. Лиззи извинилась, но помочь не могла.

Оставался Уильям.

– Конечно приезжай! – сказал он, удивленный лишь тем, что я так долго не просил у него приюта. – Тебе пора бы уже знать, что в этом доме тебе всегда рады.

Когда он это сказал, мне захотелось опять стать маленьким мальчиком; броситься ему на шею, прижаться лицом к его груди и почувствовать себя спокойно, защищенным от всего мира. В горле встал комок. Слезы защипали глаза.

– Ты так добр, Уильям, – коротко сказал я, отворачиваясь, пока губы не задрожали. – Большое спасибо.

3

Филип вернулся домой двадцать четвертого октября. Говорят, что выглядел он здоровым и счастливым, – не знаю. Я сидел в своей комнате в коттедже Уильяма и с утра до ночи читал книги. Я ни с кем не встречался и заставил Уильяма пообещать, что он никому не расскажет, где я нахожусь. Как только первого числа на моем банковском счете появятся деньги, я решил ехать в Лондон, но эта моя решимость кончилась ничем; через три дня после возвращения Филипа мать приехала в коттедж и сказала, что хочет со мной поговорить. Уильям был в усадьбе, а Чарити, испугавшись величественных манер матери, сказала, что проверит, дома ли я.

– Джан! – Она просунула голову в дверь моей комнаты. – Твоя мать приехала. Что мне делать? Она знает, что ты здесь.

Я был совершенно не готов к такой встрече. Я не брился три дня и знал, что от меня разит виски. К тому же на мне было только белье, я лежал на разобранной кровати среди пепельниц, переполненных окурками.

– Попроси ее подождать, – сказал я, закрывая книгу. – Скажи ей, что я плохо себя чувствовал и сейчас только одеваюсь.

– Оденешься потом, – произнес резкий голос матери из коридора. – Мне нужно поговорить с тобой сейчас.

И прежде чем я успел произнести хоть слово протеста, она вошла в комнату и захлопнула дверь перед носом у Чарити.

Потом повернулась, чтобы посмотреть на меня. Когда я спустил ноги с кровати и потянулся за халатом, то заметил, что она осмотрела меня с головы до ног и сразу оценила ситуацию. Она поморщилась, села в кресло около шкафа и стала смотреть в другую сторону, пока я возился с халатом и шарил под кроватью в поисках тапок.

Наконец она произнесла:

– Как долго ты собираешься здесь оставаться?

– В начале ноября собираюсь в Лондон. – Я попытался посмотреть ей в глаза. – Попробую получить там работу.

– Похвально, – сказала мать, – но немного поспешно. Филип хочет тебя видеть.

Я утратил дар речи. Я сидел на краешке кровати и смотрел на ковер.

– Он в хорошем настроении и не таит на тебя зла. Я напомнила ему, что ты полностью возместил убыток, как только тебя об этом попросили. Не сказала только, что твой чек не обналичивали и я заплатила разницу. Мне показалось, что ему не надо об этом знать.

– Как… мило с твоей стороны.

– Совсем не мило. Еще я сказала ему, что Пенмарриком ты управлял хорошо, если не считать небольшого срыва со счетами в самом конце, и что арендаторы тебя любят. Короче говоря, я убедила его оставить тебя управлять имением.

Мне было тяжело говорить.

– Я не хочу… я не могу… теперь, когда Филип приехал…

– Не глупи! Пожалуйста, не упускай последнего шанса подружиться с Филипом! Я загладила перед ним твою вину, так что теперь только от тебя зависит, как ты воспользуешься ситуацией. Сбеги ты сейчас в Лондон, поджав хвост, и у тебя не останется ни одного шанса унаследовать Пенмаррик, даже если Филип разочаруется в этом ужасном маленьком Джонасе и захочет изменить завещание в твою пользу. Но если ты останешься здесь, будешь много работать и делать все, чтобы помочь Филипу, я не удивлюсь, если в конце концов он передумает и сделает своим наследником тебя.

Я не мог поднять глаз от пола. Потом наклонился и закрыл лицо руками.

– Боже мой, Джан-Ив, что с тобой? А-а, наверное, ты услышал новости про Хелену. Но это никак не влияет на твои перспективы. Если сейчас ты будешь вести себя разумно…

Я посмотрел на нее. Она замолчала.

– Ты не знаешь? – резко спросила она.

– Чего не знаю?

Я выглядел удивленным, но быстро взял себя в руки.

– Филип помирился с Хеленой, – коротко сказала она. – Она вернулась к нему в Пенмаррик.

Я все смотрел на нее и смотрел… Я вспомнил о канадской вдове и о возможности Филипа иметь нормальные отношения с женщинами. Я почувствовал, как загорелись мои щеки; во рту пересохло.

Наступило долгое молчание. Мы смотрели друг на друга: мать была холодна и спокойна, а у меня не было ни спокойствия, ни слов, только слабое удивление оттого, что жизнь может относиться к людям с такой несправедливостью, с какой она относится ко мне.

Наконец мне удалось произнести:

– Значит, теперь все равно, предпочтет ли Филип меня Джонасу или нет. У него будут свои сыновья.

– Не будут, – быстро сказала мать жестким голосом. – Он мне сам сказал. У Хелены не может быть детей. – Она ловкими движениями

пальцев принялась натягивать перчатки. – Наследство лежит между тобой и Джонасом, – сказала она, не глядя на меня, – и мне кажется, что достаться оно должно тебе. Для Джонаса Пенмаррик – ничто, а для тебя – все. Ты сделал очень много глупых ошибок и чуть не упустил свой шанс, но еще не все потеряно. Поумней, действуй разумно – и Пенмаррик когда-нибудь все-таки может достаться тебе, если ты переживешь Филипа. – Она встала и медленно пошла к двери. – Сегодня утром Филип привез меня сюда, чтобы убедить тебя пообедать с нами в «Метрополе», – бросила она через плечо. – Он сейчас в офисе у Майкла, но я договорилась встретиться с ним в «Метрополе» в час, поэтому предлагаю тебе отвезти нас туда на машине. – Она метнула взгляд на мой расхристанный вид и добавила: – Я подожду в гостиной, пока ты переоденешься, и не забудь побриться! Ты выглядишь как беглый каторжник.

Она не дала мне возможности отказаться сопровождать ее, поэтому, когда она вышла, я побрился, дважды порезавшись, оделся и без особого желания провел расческой по волосам. Я был бледен, выглядел больным и подавленным. Отвернувшись от зеркала, я вышел, подогнал к дверям машину и приготовился ехать в «Метрополь».

За всю поездку я произнес только:

– Откуда ты узнала, что я у Уильяма?

– Адриан сказал, что ты, скорее всего, там.

Больше мы ничего друг другу не сказали. Когда мы приехали на эспланаду, я припарковал машину около гостиницы и проводил мать внутрь.

– Подождем в главной гостиной, – сказала она. – Мы приехали немного рано.

– Ты не будешь возражать, если я выпью?

– Так ли уж это нужно, дорогой? Ты и без того выглядишь, так сказать, не готовым для виски. Впрочем, поступай как хочешь. Не стану тебе диктовать.

Я вздохнул и, уже не спрашивая у нее разрешения, закурил. Уж курить-то она мне не запретит.

Мы прождали десять минут, поддерживая бессвязный разговор, а мне становилось все больше и больше не по себе. Я уже начал жалеть, что не уехал в Лондон до того, как мать меня обнаружила, когда крутящиеся двери гостиной распахнулись и Филип вошел внутрь с таким видом, словно ему принадлежала вселенная.

Я посмотрел на него, моего великого золотого красивого брата, самого великого, самого золотого, самого красивого изо всех моих великих

золотых и красивых братьев. Я смотрел на его огромный рост, широкие плечи и могучее сложение. Смотрел на его светлые волосы и загорелую кожу, твердый рот и сильный подбородок. Я смотрел на него, ненавидел и всеми силами желал, чтобы он умер.

Он улыбался. Конечно, он улыбался! Он был богат, счастлив и в безопасности. Конечно, он улыбался! Я бы тоже улыбался, если бы был на его месте. Как приятно быть Филипом Касталлаком, иметь жену, которая позволяет тебе все, мать, которая желает тебе только счастья, особняк у моря и кучу слуг, которые из кожи вон лезут, вылизывая тебе задницу.

Но я не был Филипом. Я встал, думая только о том, что я не вышел ростом, плохо сложен и некрасив. Я словно впервые увидел себя, Джан-Ива Касталлака, двадцати восьми лет от роду, которого отчислили из Оксфорда и неофициально обвинили в мошенничестве, – нищего, не имеющего за спиной ничего, кроме лет, потраченных впустую на то, чтобы перещеголять своих братьев и провалить все предприятия, за которые брался. Я увидел себя глазами Филипа – безответственным младшим братом, безобидным, никчемным и инфантильным. Я вспомнил его письмо Майклу: «Мой братец не тот человек, который способен украсть наследство, если встретит хотя бы малейшее сопротивление…» Унизительная оценка. «Мой братец не тот человек…»

– Привет, Джан! – весело произнес Филип с улыбкой, но глаза его остались холодны. – Рад тебя снова видеть. Что это за чушь со счетами? Я уверен, в этом нет ничего серьезного, и не хочу портить возвращение домой, преувеличивая значение проделок, которые ты мог выкинуть в мое отсутствие… Пойдемте обедать? Я вижу в меню омара и умираю с голоду.

Я не сказал ничего, потому что сказать было нечего. Мне было двадцать восемь, я был неудачником, и тот обед в «Метрополе» с Филипом и матерью ознаменовал конец жалкой, ужасной, достойной презрения карьеры.

4

После обеда Филипу надо было закончить какое-то дело, поэтому я сам отвез мать на ферму. Когда мы пересекли границу прихода Зиллан, она попросила меня остановить машину у ворот одного из полей, и я, немного удивленный ее просьбой, остановился.

– Тебе плохо, мама?

– Мне хорошо, плохо тебе. Ты чудовищно ведешь машину.

– Прости, я сам не свой. Прости, если я тебя напугал.

– Я не испугалась, я просто раздражена. Дорогой, надо постараться взять себя в руки! Пожалуйста, ради меня! Я знаю, что Филип сейчас невысокого мнения о тебе, да и как может быть иначе после всего? Но ты сможешь его переубедить, я уверена!

– Об этом не может быть и речи. – Я положил руки на руль и крепко его сжал. – Он никогда мне этого не простит и никогда не изменит завещание в мою пользу. Будет лучше, если я уеду и начну все заново в Лондоне.

– Начни все заново здесь! Если бы ты перевернул новую страницу…

– Ведь он все равно проживет еще лет пятьдесят. Что мне его завещание! Он меня переживет.

– Надеюсь, вы оба проживете еще пятьдесят лет и даже больше, – сказала мать, – но судьба иногда выкидывает странные штуки, а Филип, как ты знаешь, никогда не чурался опасной жизни и опасных ситуаций. А он на десять лет старше тебя. Вы из разных поколений.

– Все равно, – упрямо повторил я, – я не смогу ничего поделать. Даже если Филип когда-нибудь передумает и сделает меня своим наследником, сейчас, после того как я так долго жил там, как хозяин, я не могу вернуться в Пенмаррик простым управляющим. Мне нужно уехать в Лондон.

– Ерунда! – Мать начала раздражаться. – Как ты сможешь заслужить одобрение Филипа за три сотни миль отсюда, в Лондоне? А если ты останешься здесь и начнешь жизнь сначала…

– Я не могу. – Я крепко сжимал руль, смотреть на нее я не мог. – Я унизил себя перед слишком большим количеством людей, все думают, что я неудачник. Я не могу.

– Можешь, – сказала мать, – и ты это сделаешь. – Ее тонкая старческая рука легла на мою. – Ты должен встретить опасность лицом к лицу, потому что если ты сбежишь, то потом сам себе этого не простишь. Понимаешь, от побега не будет никакого толку: сбежав, ты не будешь чувствовать себя менее виноватым и пристыженным; напротив, тебе будет еще более стыдно, чем прежде. Ты должен остаться. Я понимаю, это тяжело, но если ты это преодолеешь, если ты примешь то, что случилось, и начнешь все сначала…

– Я даже не знаю, с чего начать.

– Прежде всего – не спеши! Нет, я серьезно! Ты всегда спешишь; ты ведешь себя так, словно бежишь наперегонки со временем. Ты спешил стать богатым, спешил жениться, спешил получить Пенмаррик. Зачем? Ты всегда так спешишь, что у тебя даже нет времени на то, чтобы быть самим

собой: тебе всегда приходится вырабатывать позицию, принимать позы. Я видела тебя в роли послушного сына, богатого молодого повесы, молодого мужа, хозяина Пенмаррика, а вот в роли самого себя… Может быть, тебе и нравится разыгрывать из себя кого-то другого, но, Джан-Ив, ты не представляешь себе, как ужасно оказаться в заложниках у своей роли, понимая, что настоящего себя показать уже нельзя. Не позволяй ни одной из твоих ролей заманить себя в ловушку, Джан-Ив. Не торопись, будь собой, перестань метаться от роли к роли, отталкивая всех, кто попадается тебе на пути.

– Но жизнь так коротка. – Я поискал слова. – Мне двадцать восемь. Если бы мне везло… мне никогда не везет… иногда мне кажется, что у меня даже не было шанса начать жить…

– А ты знаешь, что моя жизнь началась только после тридцати? Ты молод, Джан-Ив, молод! У тебя полно времени!

Я молчал, все еще сжимая руль.

– Ты знаешь, как я жила до того, как мне исполнилось тридцать? Знаешь? Тебе кто-нибудь говорил, как я жила до своего первого замужества?

– Ты была прислугой в замке Менерион.

– Мне тогда и двадцати не было. Я ушла из замка в восемнадцать. Я работала в магазинах. В гостинице. Даже в баре. Вот! Этого я никому из детей не рассказывала. У меня была такая ужасная, унизительная работа, что казалось, я пала уже слишком низко и нет никакой надежды подняться. Я знаю, что это такое, когда жизнь к тебе несправедлива! Я знаю, что такое отчаяние, оттого что молодость ускользает сквозь пальцы! Не думай, что я тебя не понимаю. Но через десять лет после того, как я работала в той таверне, я стала хозяйкой Пенмаррика, а если фортуна так переменилась ко мне, значит она может перемениться и к тебе. Но больше никакого мошенничества. Никаких обманов и подделок. Ты должен быть честным, преданным, чтобы на тебя можно было положиться, потому что, если ты станешь таким, я убеждена, что судьба вознаградит тебя. Филип щедр, и, если он решит, что ты этого заслуживаешь, я не вижу причин, почему бы ему не стать щедрым к тебе. Кроме того, как ни странно это может прозвучать, ты ему действительно нужен. Он очень мало знает о поместье, поэтому твой опыт и знания будут для него бесценны, я не верю, что тебе будет сложно, даже после всего, что случилось, завоевать его дружбу и уважение, если ты поведешь себя правильно.

Она смолкла. Наступило молчание, а когда она снова заговорила, в ее голосе появились нотки, которых я никогда прежде не слышал.

– Не думай, что после случившегося никто больше в тебя не верит, – сказала она. – Я в тебя верю. Меня не смущает, что ты вел себя глупо. Я все еще верю, что, если ты возьмешь себя в руки и будешь вести себя разумно, я буду гордиться тобой больше, чем кем-либо из своих детей. Ведь всем остальным было легко, правда? А тебе легко не было никогда.

Я повернулся, чтобы посмотреть на нее. Я смотрел на нее долго, пока она меня не поцеловала и не погладила по голове.

– Не плачь, Джан-Ив. Пожалуйста. Я сказала правду. Я очень в тебя верю.

И тогда-то, со щеками, мокрыми от слез, когда вся моя самозащита лежала в руинах, я и простил ей все прошлые грехи. Вся моя ненависть к ней растаяла в пепле, оставшемся от моей гордости.

Глава 6

Покровительственное всепрощение Ричарда стало кульминацией унижения для Иоанна. «Ребенку», как называл его Ричард, было двадцать семь, но на счету у него были лишь бесчестье и неудачи… В попытке превзойти (своих братьев) он лишь карикатурно подражал их достоинствам: если молодой Генрих был весел, то он был фриволен, если Джеффри был хитер, то он был скользок, если Ричард был прям, то он был напыщен. Поход в Ирландию окончился фиаско; его правление Англией в отсутствие Ричарда было пустой пародией. В 1194 году он был предателем и дураком… но настоящий Иоанн еще не появился на свет.

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

1

Последующие несколько месяцев были неприятными, но я пережил их. Мать уговорила Филипа сдать мне дом в Сент-Джасте, где жил Уильям до увольнения из Пенмаррика, за номинальную плату, и я жил там один, если не считать старушки шестидесяти лет, которая согласилась вести мое хозяйство. Днем я с Уолтером Хьюбертом работал над проблемами усадьбы; он должен был давать разрешение на все, что бы я ни делал, деньги я не контролировал. Филип через своих банкиров платил мне сверхвысокое жалованье; иногда я случайно сталкивался с ним, но, поскольку у него никогда не было времени говорить со мной больше пяти минут, наши отношения вряд ли можно было назвать близкими. Вечером я шел в паб или пытался найти новую любовницу, но мой банковский счет, в связи с необходимостью платить ростовщикам, был слишком мал, а положение мое в Пенмаррике слишком напоминало положение прислуги. Это не давало мне возможности искать женщин из моего сословия, а усилия, которые приходилось прилагать, чтобы просто провести ночь с

другими женщинами, меня слишком угнетали. Иногда я виделся с Фелисити, раз в неделю выпивал с Уильямом, но помимо этого мало с кем общался. Мне было стыдно поддерживать отношения с друзьями, которые крутились вокруг меня, когда я был хозяином Пенмаррика, поэтому единственным человеком, с которым я часто виделся, была мать; каждую среду я ужинал на ферме, каждую субботу сопровождал ее в Пенмаррик на обед, а каждое воскресенье ездил с ней в Зиллан в церковь.

Видя, что я стараюсь исправиться, Адриан изо всех сил выказывал мне дружелюбие и даже приглашал меня на обед в дом священника, чтобы продолжить наши еженедельные форумы на теологические темы, но больше никто из тех, к кому я отнесся враждебно во время пребывания в Пенмаррике, не предпринимал попыток опять со мной сойтись. Случайно увидев Саймона Питера Рослина во время одного из его деловых визитов в Пенмаррик, я удивился тому, что он дал себе труд со мной поздороваться; Майкл по-прежнему относился ко мне как к преступнику, и когда случалась такая неприятность, что мы встречались, он никогда не снисходил до большего, чем просто кивок в мою сторону.

Я не простил Саймона Питера за то, что он ввел меня в заблуждение относительно того, что Филип собирается навсегда поселиться в Канаде; я не думал, что он специально сбил меня с толку, но моя сердечность по отношению к нему стала прохладнее со времени моего унижения, и я старался по мере возможности избегать его. На самом деле я так старался его избегать, что поначалу даже не заметил, что он тоже вовсе не стремится встречаться со мной.

Эта мысль впервые пришла мне в голову, когда после неожиданного «доброго утра», небрежно брошенного в мою сторону, он попытался проскользнуть мимо меня со скоростью, которую можно было описать только словом «бегство».

– Все нормально, – с иронией сказал я ему. – Расслабься. Я не сказал Филипу.

Он остановился. Его темно-синие глаза тупо на меня уставились. Через секунду он спросил:

– Что не сказал?

– Что ты поощрял мой переезд в Пенмаррик.

– Прошу прощения, – сказал Саймон Питер Рослин, сильно шокированный, – но я не делал ничего подобного.

Я был так сражен его замечанием, что просто смотрел на него, не говоря ни слова, но гнев быстро привел меня в чувство.

– Делал, черт тебя побери! – воскликнул я. – Ты сказал мне, что Филип

не вернется домой!

– Боюсь, что ты сильно заблуждаешься, – чопорно возразил Саймон Питер, образец сообразительности и самодовольства, – я не говорил ничего подобного.

– Ты сказал…

– Ты спросил меня, не думаю ли я, что Филип останется в Канаде, а я ответил, что *могу* читать его письма между строк. Вот и все. Я не сказал, что прочел. Ты просто неправильно истолковал мои слова. И уж конечно, я не поощрял тебя, когда ты хотел обосноваться в Пенмаррике! Я просто уступил твоему решению там жить. А что еще я мог сделать? Я знал, что Филип не станет выгонять тебя через суд, я тебе это говорил. Это правда. Я никогда не говорил тебе ничего, кроме правды.

– Что ж, черт… – Мне понадобилось некоторое время, чтобы продолжить. Я подумал о том, что Филип собирается осенью отправить Джонаса в школу, о том, как Филип хотел, чтобы Джонас проводил выходные в Пенмаррике, о том, что он более, чем когда-либо, стремился относиться к этому ребенку как к своему наследнику. И неожиданно я понял, что Саймон Питер скрытно работает над продвижением племянника: делает все от него зависящее, чтобы Филип меня невзлюбил и проявил интерес к Джонасу.

– Маленький грязный ублюдок, – медленно произнес я в конце концов. – Двурушный юристишка.

– Я играл в честную игру, – произнес Саймон Питер по-прежнему безупречно вежливо. – Если я тебя перехитрил, то ты сам виноват. Да ну же, Джан! Теперь все кончилось, и я не хочу с тобой ссориться. Давай заключим мир, поскольку в будущем нам придется часто видеться. Ты слышал, что я покупаю особняк Ползиллан? Я на днях говорил об этом с твоей сестрой, миссис Маккре, и она сказала, что продаст его мне. Надеюсь переехать туда осенью, после свадьбы.

– Свадьбы?

– А ты разве не видел объявления в сегодняшней «Таймс»? Розмари Треарн и я только что объявили о помолвке. Ты, конечно, знаешь Розмари. Она была в Редине вместе с твоей женой.

Я снова утратил дар речи. Он мне улыбнулся.

– Деньги дяди Джосса все-таки пригодились, – сказал он. – Я рад возможности купить особняк Ползиллан и предоставить своей будущей жене такой дом, какого она заслуживает.

Я начал постепенно приходить в себя.

– Ну-ну, – сказал я, – поздравляю. Надеюсь, тебе понравится

разыгрывать из себя сельского джентльмена.

– Я полагаю, что джентльменами рождаются, а не становятся. Самый большой джентльмен из известных мне – это мой отец, а он был простым фермером и бросил школу в двенадцать лет. А вот кого я никогда не назову джентльменом, так это паразита-аристократа, который бездельничал в Итоне и которого выгнали из Оксфорда за то, что прожигал свое время и отцовские деньги.

– Какая милая сентиментальная теория! К сожалению, ты знаешь так же хорошо, как и я, что поддельный акцент, выученный по грампластинкам, хорошие манеры и деньги в банке не могут за один день превратить человека в джентльмена. Тем не менее я восхищен твоим мужеством. Ты думаешь, что сможешь жить среди представителей высшего класса и быть ими принят, потому что у тебя хорошо воспитанная жена и хорошо оборудованный особняк? Жаль тебя разочаровывать, но стоит тебе открыть рот, и все сразу поймут, кто ты такой на самом деле. Увы, нет ничего столь несправедливого, чем английская классовая система.

Я думал, что он побледнеет от гнева. Я даже предполагал, что он может задрожать от ярости. Я ждал, что от каждого хорошо рассчитанного оскорбления он будет вздрагивать, как от пощечины, но, когда я наконец остановился, с триумфом ожидая его реакции, он сделал то, чего я менее всего ожидал: он опять меня обошел.

Он засмеялся.

Наступила моя очередь побледнеть. Наверное, я даже задрожал от гнева, а чем сильнее я дрожал, тем сильнее он смеялся.

– Мой дорогой Джан! – произнес он, иронически копируя протяжный оксфордский говор. – Разве ты еще не понял, что ты, твой класс и твой образ жизни – анахронизм? Прошлое – твое, все твое, а будущее принадлежит мне. До сих пор тебе удавалось это игнорировать, но, пойми, твое время прошло. Я вращаюсь в твоих социальных кругах, живу в особняке, в котором мог бы жить и ты, и даже делаю предложение женщине из твоего класса, которое она принимает. Твой класс рассыпается, Джан, проваливается у тебя под ногами, и – кто знает? – через двадцать лет я, может быть, буду ужинать с Джонасом в Пенмаррике, а ты будешь жить в том единственном месте, на которое можешь рассчитывать, – на жалкой ферме твоей матери в Зиллане!

Это была последняя капля. Я потерял голову.

– Убирайся! – заорал я на него. – Убирайся отсюда, пока я тебя не выкинул! Убирайся из моего дома!

– Это не твой дом, – учтиво возразил Саймон Питер Рослин. – Как

печально! Хорошенькое старинное местечко, не правда ли? Может быть, я когда-нибудь куплю его у Джонаса и сам здесь поселюсь! Будь уверен, что если я это сделаю, то обязательно приглашу тебя на ужин. Я тебя не забуду, Джан, я обещаю. Тебя слишком сложно забыть.

– Пошел ты!..

– Ах, – сказал Саймон Питер, – патина частной школы, известная большинству населения как язык сточных канав! Какой очаровательный совет, старина Джан! Могу ли я предложить тебе сделать то же самое?

И прежде чем я успел вогнать кулак в его чопорный рот, он повернулся и выскользнул из комнаты.

2

Мне очень хотелось попытаться дискредитировать Джонаса в глазах Филипа, но, к счастью, мать объяснила мне всю глупость подобного плана и убедила меня, что со временем Филип и без моей помощи разочаруется в Джонасе. Правильность этого совета была настолько очевидна, что я был бы дураком, если бы ему не последовал, поэтому я стал просто ждать благоприятного случая и не делал попыток вмешаться.

К тому времени было уже окончательно решено, что осенью Джонас пойдет в подготовительную школу в Суррее, в которой учился Филип, а Ребекка согласилась на то, чтобы Джонас летом проводил выходные в Пенмаррике, чтобы к нему привыкнуть; он будет приезжать в субботу утром, оставаться на ночь, в воскресенье утром посещать церковь с Филипом и Хеленой и после обеда в воскресенье возвращаться домой в Морву. Однако сразу же начались сложности. Прежде всего Джонас предпочитал Хелену Филипу; ему нравилось играть с ней в крокет на лужайке, и он хвостиком ходил за ней, когда она срезала цветы в оранжерее или прогуливалась с собаками по поместью. Во-вторых, несмотря на попытки Филипа заинтересовать его мужскими занятиями, он отказывался ездить верхом, а еще у него было довольно странное для ребенка отвращение к купанию в море или прогулкам по берегу.

– На мой взгляд, это вина его матери, – сказала мне Хелена, когда мы однажды встретились в имении. – Она обоим детям запрещала купаться в море и постоянно напоминала им, как погиб их отец.

Именно отвращение Джонаса к морю завершило дело. К тому времени стоял уже июль, и, проведя восемь выходных в Пенмаррике, он разрешил убедить себя в том, что в прогулке с дядей вдоль скал и по берегу к мысу

Корнуолл нет ничего опасного.

Но на пляже он запаниковал и убежал.

Озадаченный, в отчаянии от такого неразумного поведения, Филип вернулся в Пенмаррик, думая, что ребенок прячется за юбками Хелены, но обнаружил, что Джонас исчез. Тогда-то мне и пришлось вмешаться; Филип пришел ко мне в контору, спросил, не видел ли я Джонаса, и, узнав, что не видел, рассказал мне все.

– Наверное, он побежал домой, – сделал я логичное предположение.

– Но сегодня же суббота! – Филип сердито посмотрел на меня. – Черт побери, он ведь уже привык по субботам ночевать у нас! Зачем он побежал домой? Он что, думал, что я его побью? Маленький глупец! Я и пальцем его не трогал, да и не собираюсь, хотя Господь свидетель, что у меня не раз руки чесались взять хлыст…

– Прежде чем что-то предпринимать, надо убедиться, что он дома. – Я думал о глупом поступке Джонаса, и во мне разливалось приятное чувство, я вдруг заметил, что стоит чудесный вечер: солнце светит сквозь зеленые заросли за окном.

– Хорошо, но не мог бы ты пойти со мной в Морву? Если начнутся проблемы с Ребеккой, мне бы хотелось, чтобы рядом был кто-нибудь, кто ее хорошо знает и сумеет остановить ее истерику. Она может подумать, что я заставил Джонаса спуститься в пещеру против его воли или еще что-нибудь.

При мысли о том, что я увижу Ребекку, мой пульс участился. Я задумался, являются ли поиски Джонаса достаточным предлогом, чтобы снова войти в ее кухню и посмотреть, как она заваривает чай, и решил, что да.

Когда мы приехали на ферму, Филип оставил меня в машине, а сам обошел дом вокруг, чтобы войти через заднюю дверь, и, хотя я и приготовился ждать несколько минут, прошло всего тридцать секунд, а он уже сидел со мной в машине одновременно озадаченный и злой.

– Джонас там, – коротко сообщил он, – но Ребекка назвала меня чудовищем и захлопнула дверь у меня перед носом. Не понимаю, какого черта она хотела сказать. Ты не мог бы попробовать убедить ее, что я не тронул и волоска на голове ее глупого отпрыска? Чудовище – это странное слово, я ведь всегда старался быть добрым с мальчиком.

– Позволь мне поговорить с ней, – живо откликнулся я и поспешил к задней двери, чтобы он не успел понять, как я возбужден перспективой снова увидеть Ребекку.

Дверь была заперта, поэтому я постучал и подергал ручку.

– Ребекка? – позвал я. – Можно войти? Это Джан.

Дверь распахнулась, и, прежде чем я успел сказать хоть слово, Ребекка кинулась ко мне с распростертыми объятиями и громко зарыдала у меня на груди.

Я пришел в неописуемый восторг от такого неожиданного финала нашей разлуки, тоже обнял ее и так крепко поцеловал в губы, что она не смогла говорить; только через несколько секунд ей удалось оторвать свои губы от моих и выдохнуть мое имя:

– О Джан, Джан…

– Ну-ну, – успокаивающе говорил я, гладя ее по голове. – Все хорошо, я здесь. Что случилось? Джонасу плохо?

Она опять принялась всхлипывать. Я не мог разобрать ни слова.

– Где ребенок? Он ведь здесь?

– Да, он… наверху… прячется… Он испугался. – Она взяла протянутый мной носовой платок и неуклюже начала вытирать слезы. Пальцы ее дрожали. – Он сказал, что Филип повел его на пляж, и он, Джонас, испугался так, что убежал. О боже, что же делать? Мне не следовало доверять Филипу, не следовало! Я должна была помнить, *что* Хью всегда о нем говорил. Мне не надо было успокаивать себя тем, что Хелена опять с ним живет, я читала о таких людях в газетах – им нельзя доверять, даже когда они женаты…

– Ребекка, дорогая, – сказал я, с трудом веря собственным ушам, – ты что, хочешь сказать, что…

– А что еще могло так напугать Джонаса? – Слезы снова потекли у нее по щекам. – Я больше не позволю ему ездить в Пенмаррик, – в ярости сказала она. – И не позволю Филипу диктовать мне, в какую школу должен ходить Джонас. Всем известно, что происходит в интернатах для мальчиков. Может быть, Филип специально выбрал такую школу…

– Дорогая, ты сошла с ума.

– Я сошла с ума, когда отпустила его с Филипом одного! Я не позволю, чтобы мальчика воспитывал…

– …щедрый, честный человек? – В тот момент я даже не задумывался о том, что культивировать ее чудовищные подозрения в моих интересах. Я чувствовал только возмущение, оттого что она отплатит Филипу, который не хотел сделать Джонасу ничего плохого, таким несправедливым и ничем не заслуженным недоверием. – Черт побери, Ребекка, возьми себя в руки и перестань молоть ерунду! Филипу не нужны женщины, но есть разница между любовью к мужской компании и тем, в чем ты его обвиняешь. Позволь мне поговорить с Джонасом, и ты поймешь, что воображение

завело тебя слишком далеко. Где он? Приведи его сюда и дай мне с ним поговорить.

– Нет, – рыдала она, – нет, не позволю тебе допрашивать Джонаса. Он расстроен, напуган да и не любит тебя. Он не забыл тот раз в Пенмаррике, когда ты…

– Да черт бы тебя побрал! – Терпение мое лопнуло. Я развернулся и распахнул заднюю дверь. – Если ты не хочешь, чтобы я тебе помог и не слушаешь моих советов, какого черта ты от меня хочешь? Хватит с меня твоих мелодрам! Я их видел больше чем достаточно, и черт меня побери, если стану с ними мириться сейчас или в будущем. Устраивай истерики, если тебе так хочется, но не жди, что я буду подставлять тебе жилетку. Мне известны гораздо более приятные способы времяпрепровождения.

Ответа я ждать не стал. Я вышел, хлопнув дверью, и сердито пошел вдоль стены к машине.

Легкий летний ветерок мягко овевал мне щеки. Я остановился, но было поздно; из машины меня уже было видно, и я не мог больше задерживаться, чтобы придумать, что сказать Филипу. Открыв дверь машины, я с неохотой проскользнул на сиденье.

– Что она сказала?

Я нахмурился и, глядя на панель управления, завозился с ключами.

– Черт побери, Джан! Что ты медлишь? Что она сказала? Я хочу знать!

Я решился. Откинувшись на сиденье, я глубоко вздохнул и рассказал ему правду.

Наступило молчание.

Мы сидели в моей машине, не глядя друг на друга; где-то рядом беспокойно мычала корова, а вдалеке, в деревне, лаяла собака. Лицо Филипа было настолько лишено выражения, что я поначалу подумал, что он меня не понял, но потом я увидел, как его рот сжался в жесткую линию, глаза стали синевато-серыми и он стиснул кулаки.

Он отвернулся. Я все еще пытался придумать, что сказать, когда он заговорил.

– Какая глупая женщина, – сказал он. Голос был безразличным и усталым. – Какая глупая, глупая женщина.

Я открыл было рот, чтобы с ним согласиться, но, прежде чем я успел сказать и слово, он с яростью на меня накинулся:

– А ты, конечно же, ей поверил! Может быть, даже сам подсказал ей эту мысль! Я не исключаю, что ты внушил Ребекке, будто, когда ее сын со мной, он в опасности! Ты хочешь, чтобы я больше не общался с Джонасом, ведь правда? Ты делаешь все, чтобы его мать вогнала между нами клин!

Я сохранил самообладание.

– Это неправда, Филип, – с силой сказал я. – Я не виню тебя за то, что ты мне не доверяешь, как и за то, что ты заподозрил меня в этом, но я дал маме слово, что не буду лезть в твои отношения с Джонасом, и я сдержу обещание. Если не веришь, спроси маму. Она подтвердит. Она знает, что я начал новую жизнь. Поговори с ней, если я тебя не убедил! Если хочешь знать правду, я с Ребеккой уже год не разговаривал. Мы давно расстались. Сегодня я впервые за полтора года приехал на ферму.

Он молча, недоверчиво на меня посмотрел. Его глаза были бесцветны и холодны.

– Не будь дураком, Филип, – добавил я, все еще держа себя в руках. – Признай за мной хоть немного здравого смысла. Я не Ребекка и не умею закатывать истерики. Конечно, я не верю, что ты мог обидеть ребенка. Ты такой же любитель нападать на восьмилетних мальчиков, как я – на восьмилетних девочек. Самая эта мысль абсурдна.

Его кулаки начали разжиматься. Плечи ссутулились. После долгого молчания он произнес: «О боже!» – и невидящим взглядом уставился через поля на море.

Мне стало его жаль. В неловкой попытке показать ему свое дружелюбие я сказал:

– Мне нужно выпить. Почему бы нам не проехаться в Зеннор в «Оружие шахтера» выпить пива?

Он молча кивнул, все еще глядя на море, поэтому я завел мотор и поехал по тропинке к дороге. Паб был за Морвой, на восток, и я направился вдоль берега по дороге в Сент-Ивс. Вечер был красив. Солнце садилось в золотистое море, летний воздух был напоен ароматом из ближайшего сада.

– Давай сядем на улице, – предложил я, когда мы вышли из машины. Мне казалось, что на открытом воздухе нам будет лучше, чем в интимной атмосфере бара. – Я принесу выпить. Что ты будешь?

– Что-нибудь. Все равно.

Вернувшись с двумя пинтами горького пива, я обнаружил, что он застыл на скамейке, опустив голову, руки были сложены, словно в мольбе. Сев рядом, я протянул ему кружку.

– Спасибо, – сказал он.

Мы молчали. Я думал было снова заговорить о Джонасе, но решил, что лучше оставить эту тему. Однако Филипп так не считал. Когда я уставился в пивную кружку, он спокойно сказал:

– Откуда Ребекка знает, что я предпочитаю мужчин женщинам? – А когда я вздрогнул, потому что думал, что он никогда не заговорит на эту

тему прямо, он с осторожной логикой добавил: – Она об этом знает, иначе никогда бы не выдумала то, что выдумала.

Я попытался говорить таким же обыденным тоном, как и он.

– Она ничего не знает, – сказал я наконец. – Я говорил ей только, что ты не слишком интересуешься женщинами, а Хью, когда был жив, мог что-нибудь наплести ей о твоем моральном облике, но сегодняшняя сцена на ферме – это целиком плод ее воображения. Она расстроилась, потому что ребенок неожиданно вернулся домой, и стала придумывать объяснение такому странному поступку.

– Но она должна была что-то подозревать.

– Почему? Ведь никто ничего не подозревает.

– Кроме тебя, – сказал он. – Ты знаешь. А если ты знаешь, то почему не рассказал об этом Ребекке? Она ведь была твоей любовницей.

– Предпочел держать свои знания при себе.

– Почему? Зачем так утруждать себя? Что заставило тебя скрывать это?

– Может быть, уважение.

– Ко мне? – Он даже улыбнулся такой невероятной мысли.

– Нет, – сказал я. – Не к тебе. К Тревозу.

Улыбка исчезла с его лица. Он замолчал.

– Тревоз мне нравился, – пояснил я. – Он хорошо ко мне относился. Он мог бы и плохо ко мне относиться, но он относился хорошо. А я не забываю людей, которые хорошо ко мне относятся, и не говорю о них плохо после их смерти. Вот и все.

Филип по-прежнему молчал. Казалось, он вспоминал прошлое.

– Кроме того, – продолжал я, – что я мог рассказать? Что видел тебя с Тревозом однажды вечером в Сент-Ивсе? Так тебя часто с ним видели, тоже мне новость. Кроме выражения ваших лиц, в вас не было ничего необычного.

– Мы часто бывали в Сент-Ивсе. – Он закурил сигарету, погасил спичку. – Хелена, конечно, знала, – коротко сказал он. – Она неизбежно должна была догадаться, но я знал, что она слишком горда и будет хранить это открытие при себе. Я всегда заботился о том, чтобы сохранить в тайне наши с Тревозом отношения, потому что не хотел, чтобы хотя бы самый ничтожный слух дошел до мамы.

– Она ничего не знает.

– И никогда не узнает. – Он раздавил обгорелую спичку о грубый деревянный стол, стоявший перед нами. На его лице теперь не было никакого выражения, ни следа боли, горя или сожаления. – Второго Тревоза

я не нашел, – сказал он. – Поначалу я думал, что смогу, но ошибался. Он был уникален. Я только сейчас это понял. У меня никогда не будет лучшего друга, чем он. – Он затянулся сигаретой. – В Канаде мне понравилось. На шахтах было интересно, я со многими подружился, но ни один друг не мог сравниться с Тревозом, и через некоторое время мне надоело искать. Потом я встретил ту вдову. Я был бы рад жить вместе с женщиной, но в конце концов она захотела завести со мной роман и… ну, подобные вещи меня больше не интересуют. Что ж, к тому времени мне было уже ясно, чего я хочу. Я понял, что хочу жить с женщиной, но спать в отдельной спальне и быть независимым. Никакого секса. Никаких чувствительных сцен. Я опять начал думать о Хелене, но понимал, что не имею права просить ее вернуться ко мне после всего того, что у нас было, поэтому и не ждал, что она согласится на примирение, не говоря уже о примирении на моих условиях. Но она согласилась. По всей видимости, она тоже пыталась завести любовную связь, пока они с Жанной путешествовали за границей после смерти Джералда, и поняла, что секс ей нужен в той же мере, что и мне. Вот такая ирония судьбы. Оказалось, что мы лучше подходим друг другу, чем подозревали. – Он стряхнул пепел и смотрел, как ветер разносит его по земле. – Мне кажется, что сейчас мы счастливы, – сказал он. – Уж точно счастливее, чем раньше.

– Да, – сказал я. Я не знал, что еще сказать.

– Я рад, что вернулся в Корнуолл. В Канаде мне понравилось, но я скучал по дому. Иногда мне казалось, что я не вынесу этой тоски, но я продержался три года, как и обещал, и теперь я рад, что выдержал. Эти три года помогли мне осознать прошлое и разобраться в себе самом. А это очень важно.

– Да.

– Мне жаль Джонаса, – сказал он. – Бедняга, я не виню его за то, что с ним так сложно. Он нервничает в таких домах, как Пенмаррик, и от непривычного образа жизни, который мы принимаем как должное, и оттого, что его отец умер, и оттого, что его мать такая, какая она есть. Я по-прежнему буду помогать ему, чем смогу, если Ребекка примет мою помощь, но он не похож на сына, которого бы мне хотелось иметь; видимо, думая, что он может стать таковым, я был слишком оптимистичен. Жаль, но мне кажется, что больше я ничего не смогу для него сделать. Я сделал все, что мог. Если Ребекке захочется обвинить кого-нибудь в том, что произойдет теперь, пусть винит только себя: Господь свидетель, ребенок не виноват, но я решил, что он не готов когда-нибудь унаследовать Пенмаррик.

– Ты хочешь сказать… правильно ли я понял?..

– А что мне еще делать? После того, что случилось, мне ничего не остается, как изменить завещание. – Он отбросил сигарету и растоптал окурок в пепел. – Пенмаррик может достаться тебе, если ты меня переживешь, и я желаю тебе радоваться всему этому чертовому наследству. Господь свидетель, ты – единственный, кому теперь нужно это место.

Я попытался заговорить. Я попытался улыбнуться. Но когда я, заикаясь, начал выдавливать какие-то неловкие слова благодарности, он встал, намереваясь меня оскорбить, но потом только горько улыбнулся, глядя мне прямо в глаза.

Глава 7

Возможно, что в последующие годы и сам Ричард, и его окружение начали чувствовать уважение к изменившемуся Иоанну; он верно служил своему брату и на ратном поле, и в государственном совете.

Изабель Глостерская не играла никакой роли в общественной жизни Иоанна, сомнительно также, чтобы она играла большую роль в его личной жизни; и уж конечно же, у нее не было от него детей… Иоанн захотел освободиться.

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

1

Было бы неправдой утверждать, что после того случая мы с Филипом стали близкими друзьями, но отношения наши заметно улучшились; меня наконец начали приглашать на ужины в Пенмаррик, и мы с Филипом изредка ходили в паб. Мое положение начало укрепляться. Мне охотнее поручали ответственную работу. Наконец я почувствовал, что самая неприятная часть моей жизни позади, а по мере того как шло время, воспоминания о пережитом унижении и позоре стирались из моей памяти.

Вскоре после сцены с Ребеккой Филип сказал, что написал новое завещание в мою пользу и оставил его у других поверенных, «Поумрой и Поумрой» из Сент-Ивса. В этом случае он не пошел в «Холмс, Холмс, Требарва и Холмс», чтобы Саймон Питер не узнал о том, что Джонас больше не наследник Пенмаррика.

– Не хочу скандалов с Ребеккой, – прямо сказал мне Филип. – Я уведомил маму о том, что изменил завещание, Хелена тоже об этом знает, но, если новость дойдет до Рослинов, разговорам не будет конца. Кто-нибудь непременно обвинит меня в том, что я несправедлив к ребенку.

Джонас, конечно, больше не появлялся в Пенмаррике после тех

ужасных июльских выходных, и в конце концов Ребекка письмом уведомила Филипа о том, что передумала отсылать ребенка в интернат. Это было наиглупейшее решение, потому что лишало Джонаса возможности получить приличное образование, но я дал себе слово не вмешиваться. Я получил то, что хотел, до Джонаса мне больше не было дела.

Это обстоятельство не прибавляло мне желания общаться с Ребеккой. Если бы она пригласила меня в гости, я бы не задумываясь поехал на ферму Деверол, но она не предпринимала никаких шагов в этом направлении, и вскоре, услышав, что она взяла на летние каникулы жильца, школьного учителя из Мидлсекса, я решил, что она больше не будет пытаться возобновить наши отношения. Видимо, моя реакция на ее обвинения в адрес Филипа оттолкнула от меня Ребекку; она искала у меня сочувствия, но не получила. Словно из желания отомстить, она меня игнорировала и сосредоточила все свое внимание на учителе из Мидлсекса.

После того как мы расстались, она начала брать жильцов на лето, и я часто задумывался о характере ее отношений с мужчинами, которых она поселяла на ферме, чтобы увеличить свой доход. Первому жильцу, писателю из Лондона, было далеко за шестьдесят, и поэтому он вряд ли привлек ее внимание, но этому учителю было не больше сорока, и он не был непривлекателен. Я относился к нему с подозрением. Никто моих подозрений не разделял, но ведь никто и не знал Ребекку так же хорошо, как я. Я знал, что, несмотря на то что она утверждала противоположное, у нее были здоровые сексуальные аппетиты, и мне было сложно поверить, что у нее не было любовника со времени нашей последней встречи более двух лет назад. После осени 1934 года у нее появилось больше свободы; ее дядя Джаред, который всегда зорко следил за личной жизнью племянницы, в сентябре умер и после отпевания в церкви Уэслина, которую посещал почти пятьдесят лет, был похоронен вместе со своими предками во дворе зилланской церкви. Мы все ходили на его похороны. Его очень уважали в приходах Морва, Зиллан и Сент-Джаст и искренне оплакивали люди изо всех слоев общества. Главным плакальщиком был Саймон Питер, а с ним была не только его жена, которую он только что перевез в особняк Ползиллан, но и другие Треарны из Хелстона. Среди более скромных посетителей были восемь дочерей покойного, но, хотя Чарити плакала громче всех, когда гроб отца опускали в землю, никто из ее родственников не дал ей понять, что они теперь станут с ней общаться.

– Потаскуха! – прорычала мисс Хоуп Рослин, старшая из трех сестер, старых дев.

– Шлюха! – презрительно усмехнулась мисс Пруденс.

– Сука! – грубо добавила мисс Грейс.

– А вы – злые старые девы! – закричала Чарити. – У меня, по крайней мере, есть муж – самый лучший джентльмен на всем свете! – Она кинулась на грудь Уильяму и жалобно заплакала ему в рубашку.

Уильям нашел очень хитроумный выход из неловкой ситуации, произнеся с невероятной важностью:

– Пойдем, дорогая, не будем заставлять шофера ждать. Пора возвращаться в Карнфорт-Холл. – А враждебно настроенным Рослинам он просто сказал: – Ваши дурные манеры извиняет только горе, иначе я бы не спустил вам такое презрительное отношение к моей жене. До свидания. – И, повернувшись к ним спиной, он медленно пошел к воротам, а Чарити тяжело повисла у него на руке.

Тогда я впервые услышал, что он называет Чарити женой. С тех пор как восемь лет назад она затащила его в бюро регистрации, он старался не упоминать лишний раз, что женат, но после похорон Джареда Рослина все переменилось. На самом деле он был счастлив в браке и теперь не стеснялся в этом признаться. Когда он в тот день уходил с церковного двора, я даже позавидовал его счастью, желая, чтобы и меня жена любила бы так же, как Чарити его.

Но у меня никого не было. Мы с Фелисити по-прежнему оставались друзьями, но я знал, что нашему браку пришел конец и что мне следует заняться разводом, чтобы иметь возможность жениться снова, как только я захочу. И все же мысль о разводе меня печалила; я медлил, постоянно откладывая его, пока наконец в начале 1935 года, обсудив ситуацию с Фелисити, не согласился совершить прелюбодеяние в одной тихой гостинице, известной ее детективу. Фелисити во всей этой истории повела себя очень разумно.

– В конце концов, – сказала она, – теперь, когда папочка наполовину сократил мое содержание и я даже не могу позволить себе давать тебе деньги, какой нам смысл сохранять брак?

Но я расстроился так, что, когда пришло время совершать прелюбодеяние, не смог воспользоваться уединением гостиничного номера, я просто сидел на краю кровати и бесконечно курил. Это была чрезвычайно угнетающая и грязная ситуация.

– Но ведь мы останемся друзьями, правда? – спросил я потом Фелисити несчастным голосом. – Мы ведь по-прежнему будем время от времени видеться?

– Конечно! – отвечала она. – Почему бы и нет? Я ничуть не обиделась.

– Но я так часто вел себя плохо по отношению к тебе…

– Ерунда! – сказала Фелисити. – Мы весело проводили время, и я ничуть об этом не жалею. Ты только подумай: если бы ты на мне не женился, то не женился бы никто! Надо быть благодарной судьбе, я так считаю. Не кори себя и не сокрушайся, а то я сама зарыдаю. Давай лучше съездим в «Метрополь» поужинать и выпьем бутылочку шампанского! Никакого сожаления! Никаких рыданий друг у друга на плече! Пойдем лучше напьемся и прекрасно проведем время!

Так мы и сделали. Но к концу вечера нас невольно охватили сентиментальные чувства, и Фелисити даже поплакала; она сказала, что все время меня любила, но думала, что единственный способ меня удержать – это давать мне столько свободы, сколько мне хотелось.

– Может быть, все было бы по-другому, если бы у меня был ребенок, – сказала она. – Я все надеялась, но потом пошла к гинекологу… Нет, я тебе не говорила. Почему? Не знаю. Наверное, ты в то время был так занят Ребеккой, что меня совсем не замечал… Но теперь уже все равно. Мы друг другу не подходим, я это хорошо понимаю, и развестись гораздо разумнее.

И все же, даже когда в августе 1935 года Фелисити получила документ о разводе, я понял, что нет никого, на ком бы я хотел жениться. Моя депрессия углубилась. Полный желания избавиться от гнетущего состояния, я отправился на две недели в Кембридж, где Лиззи встретила меня с распростертыми объятиями. Она снова была беременна, но чувствовала себя хорошо, и они с мужем так гостеприимно меня развлекали, что я вскоре забыл о своих проблемах и начал наслаждаться жизнью. Лиззи казалась очень счастливой. Ее маленькой дочери, моей племяннице Феодосии, к тому времени было два года, и она уже учила греческий алфавит.

– Бедный ребенок, – сказал я весело.

– Ерунда, – возразила Лиззи. – Ей это нравится. Лучше бы меня учили греческому, когда мне было два года, а не оставляли в невежестве до шестнадцати.

– Но может быть, она не захочет получать образование, – предположил я, однако к моим словам никто не отнесся всерьез.

В гостях у Лиззи я в достаточной мере отвлекся от собственных проблем, чтобы начать интересоваться политикой. На самом деле было невозможно жить с Лиззи и не заинтересоваться хотя бы одним из текущих вопросов, в данном случае интеллектуальных «за» и «против» пацифизма и его эффективности в борьбе против нарастающей волны фашизма.

– Но разве фашизм – не просто преходящее увлечение, – спрашивал я рассеянно, – не реакция на всю эту большевистскую истерию двадцатых

годов? Ведь нельзя принимать всерьез таких людей, как Мосли? Конечно, я понимаю, что выступление фашистов в зале «Олимпия» было позором, но…

– Мосли! – сказала Лиззи, глядя на меня так, словно я был в высшей степени неразвитым школьником. – «Олимпия»! А как насчет Гитлера и его приспешников? Если уж ты хочешь поговорить об излишествах, устроенных фашистами в прошлом году, то как насчет «ночи длинных ножей» в Германии? А как насчет Абиссинии и Муссолини, насчет того, что Гитлер объявил призыв в полном противоречии с Версальским договором? А как насчет…

– Но это же все происходит за границей, – заметил я, приняв спокойный, удовлетворенный вид, чтобы поддразнить ее. – А здесь, у нас, все в порядке, не правда ли? Безработица падает, экономика наконец оживает, серебряный юбилей…

– Сентиментальная поглощенность восхитительной королевской фамилией, – сурово заявила Лиззи, – не оправдывает пренебрежения к зловещей международной ситуации. Единственная надежда избежать международного хаоса – это пропаганда пацифизма: одностороннее разоружение и личный отказ каждого воевать, на мой взгляд, единственное морально оправданное решение нынешних европейских проблем.

– А Болдуин[17] до сих пор верит в Лигу, – успокаивающе напомнил я. – Посмотри, он ведь заменил Хоара Иденом на посту министра иностранных дел.

– Политики! – фыркнула Лиззи. – Они верят только в то, во что хотят верить, в зависимости от того, когда следующие выборы! Я уже устала смотреть, как Болдуин манипулирует идеей вооружения!

– Мне кажется, не имеет значения, будем мы вооружаться или нет, – утешал ее я. – Никто больше не начнет полномасштабную войну, даже твои злейшие враги в черных рубашках со свастикой. Ведь есть же предел всему.

– Ты рассуждаешь, как Болдуин, – холодно сказала Лиззи, – когда у него настроение типа «я простой англичанин, курю трубку, люблю природу».

Но я только посмеялся над ней.

В сентябре, как раз после возвращения из Кембриджа, я столкнулся лицом к лицу с Ребеккой в Сент-Джасте. Я не видел ее несколько месяцев, а как только понял, что она уделяет больше внимания своим постояльцам, чем когда-либо уделит мне, то заставил себя о ней не думать. Я считал, что самый тяжелый период моей одержимости ею уже позади; я даже почти убедил себя, что она утомительная женщина, которая была утомительной

любовницей и стала бы, без сомнения, утомительной женой, если бы я совершил ошибку и женился на ней. Даже ее внешность уже не нравилась мне так, как когда-то. За последние два года она располнела в ненужных местах; в ее черных волосах появились серебряные пряди, а вокруг глаз и рта – заметные складки. Она не была стара, ей еще не было сорока, но теперь я явственно видел, что она на семь лет меня старше.

Я встретил ее в Сент-Джасте дождливым сентябрьским днем. Посмотрел на нее, и она мне не понравилась. Я был свободен, недоступен ей.

– Добрый день, Ребекка, – пробормотал я из вежливости, думая, что она, как всегда, промчится мимо меня, надувшись, но, к моему удивлению, она остановилась и рассеянно улыбнулась:

– Как поживаешь, Джан?

– Хорошо. А ты?

Она пожала плечами:

– Хорошо. – Она мне снова чуть улыбнулась. Ветер раздул полы ее распахнутого плаща, обнажив черный свитер и узкую серую юбку. – Я слышала, ты развелся, – сказала она.

– Почти. Мы получили в суде определение nisi[18].

Ребекка казалась снова похудевшей. Ее талия была по-прежнему тонка, бедра по-прежнему красиво вылеплены, грудь по-прежнему слишком пышна.

– Наверное, ты хочешь опять жениться, – сказала она.

– Наверное, – сказал я. – Когда-нибудь.

– У тебя уже есть кто-нибудь на примете?

– Нет.

Она откинула со лба прядь темных волос. Я снова вгляделся в ее лицо в поисках следов увядания, но не увидел ничего, кроме белой кожи, черных ресниц и влажного, пухлого рта.

– Как дети?

– Хорошо. Дебора сейчас ходит в Пензанс учиться печатать и стенографировать, но ей это не очень нравится. Джонас учится хорошо.

– Значит, днем ты одна.

– Да, – сказала она. – Одна. – Она чуть покраснела, отвернулась и стала смотреть на улицу.

– А жилец?

– Сейчас никого нет. – Она покраснела еще сильнее, поудобнее ухватилась за ручку корзинки, с которой ходила за покупками, и попыталась пройти мимо меня, но я перегородил ей дорогу.

– Можно, я отвезу тебя домой?

– Мне надо еще пройтись по магазинам.

– Я подгоню машину и подожду тебя на площади.

Она не возражала. Получасом позже я вез ее в Морву, а через час мы оказались на ферме в постели.

Потом я закурил и спросил ее:

– Зачем тебе примирение после стольких месяцев вражды?

– Мне было одиноко.

– Даже с жильцами?

– Я просто сдавала им комнаты, и все.

– Да?

Должно быть, это прозвучало скептически. Она неожиданно улыбнулась:

– Знаешь, пятнадцатилетняя дочь и девятилетний сын – великолепные блюстители нравов! Кроме того, у меня не было желания грешить. Все эти мужчины были непривлекательны. – Она поцеловала меня и положила голову мне на плечо. – Я так и не смогла забыть тебя, Джан. Я пыталась, но безуспешно. Когда я услышала, что ты разводишься, то сразу подумала, что ты нашел какую-то женщину… мне нужно было знать…

– Никого нет.

– Тогда… – Она сломалась. – Джан, ты ведь любишь меня, правда?

– Больше всех на свете, – сказал я, и это было правдой. Удивительно, как я мог думать, что она больше непривлекательна. – Я всегда тебя любил, и тебе уже пора бы это понять. Ведь это ты решила, что нам надо разойтись на все эти месяцы.

– Мне все говорили, что я должна тебя бросить. – Ее темные глаза блестели. Голос чуть дрожал. – Убеждали, что ты меня не любишь, а просто пользуешься мной, когда захочешь. Говорили, что если я хоть чуть-чуть себя уважаю, то должна тебя бросить и больше не видеть. – Ее губы дрожали. – Считали, что мне должно быть стыдно, когда в доме есть маленькая девочка, Дебора…

– Дорогая… – Я крепко ее обнял, поняв, как она была несчастлива. – Не думай больше об этом.

– Я пыталась говорить себе, что больше тебя не люблю. После того как ты выказал неприязнь к Джонасу, мне стало легче убеждать себя в этом. В конце концов я сказала себе, что глупо было думать, будто во второй раз, после Хью, можно встретить любовь. Но потом… когда я услышала, что ты разводишься… О Джан, любовь опять вернулась, ты стал так мне нужен…

– А ты нужна мне. Всегда.

Потом мы долго ничего не говорили. Наконец я закурил еще одну сигарету. За окном дождь по-прежнему падал со свинцового неба, а с моря поднимался туман.

– Скоро вернется Джонас, – сказала Ребекка, но не сделала ни одного движения, чтобы встать.

Я подумал о Джонасе. Когда-нибудь Ребекка узнает, что Филип изменил завещание в мою пользу, и начнутся новые неприятности. Джонас всегда будет стоять между нами; это я уже понял. Чем старше он будет становиться, тем сложнее будет ситуация, и я ничего не смогу с этим поделать.

Она словно прочла мои мысли, потому что прошептала:

– Джан… а не могли бы мы… может быть, мы… мы же можем теперь пожениться, правда? Ты получаешь хорошее жалованье у Филипа, у тебя хороший дом в Сент-Джасте, или мы могли бы жить здесь, на ферме Деверол…

Наступило молчание. Я теребил пальцами простыню и не смотрел на нее.

– Но, Джан, ты теперь разведен, что мешает нам пожениться?

– Мне кажется, мы очень быстро начнем ссориться из-за Джонаса.

– Джонас будет хорошо к тебе относиться, если увидит, что мы счастливы.

Я не ответил.

– Его можно отправить в школу, – застенчиво продолжала она. – Я не хочу его отправлять, но, может быть, я поступаю эгоистично и не в его интересах, держа его дома. А на каникулах он не будет причинять нам никакого беспокойства. На самом деле он хороший мальчик, Джан. Я знаю, раньше с ним было трудно, но мне кажется, когда в доме будет мужчина, к которому он смог бы относиться как к отцу, он станет другим.

Я сразу понял, что Джонас никогда не будет относиться ко мне как к отцу. Для него я навсегда останусь злым дядей.

– Хм, – пробормотал я, вылез из постели и начал одеваться. – Вопрос щекотливый. Я подумаю.

– Но мы могли бы… может быть… пожениться?

– Мне надо об этом подумать. – Я начал застегивать рубашку. – Я уже сказал, что люблю тебя, – рассудительно говорил я, – но ведь брак – это серьезный шаг, а поскольку я уже один раз развелся, мне бы хотелось быть уверенным, что в следующий раз все будет хорошо. Может быть, к Рождеству я определюсь.

Но Рождество пришло и ушло, а я все не мог принять решения.

Джонас и в самом деле пытался скрыть свою неприязнь ко мне, но маленьким мальчикам трудно притворяться, и я прекрасно видел, что стояло за его мрачной вежливостью. Я понимал, что он не хочет, чтобы я женился на его матери. Словно молча сопротивляясь тому, что она неверна памяти Хью, он завел альбом для всех фотографий отца, какие смог достать, и с любовью прикреплял их к темным страницам. В течение нескольких дней, когда я к ним приходил, он делал под фотографиями подписи, тем самым подчеркивая, что некоторые, может быть, и забыли о его отце, но он этого делать не собирается.

Все это было очень похвально, и, без сомнения, Хью гордился бы своим сыном, но такое поведение мало поощряло меня стать его отчимом. Мне пришлось просить Ребекку набраться терпения, а на Пасху я поклялся себе, что приму какое-нибудь решение до конца школьных каникул. Я сказал себе, что, после того как Джонас будет дома все дни на протяжении восьми недель, я пойму, смогу или нет терпеть его в качестве приемного сына.

Я, конечно, не жил на ферме, но проводил там много времени. Я знал, что мать этого не одобряет; и она, и Лиззи были бы сильно разочарованы, если бы я женился на Ребекке, и, хотя Уильям ни разу не сказал мне ни единого критического слова о моей личной жизни, я чувствовал, что он тоже не считает Ребекку той женщиной, которая подошла бы мне в качестве второй жены.

Все складывалось очень сложно.

Мне было бы легче, если бы меня снедало желание жениться на ком-нибудь еще, но об этом не могло быть и речи. Это не могло случиться, потому что я прекрасно знал, что у меня не будет ни малейшего желания посмотреть на кого-нибудь еще до тех пор, пока я могу проехать по прибрежной дороге до Морвы и оказаться в спальне фермы Деверол с Ребеккой.

2

В тот год с деньгами в Пенмаррике было туго. Обслуживание дома стоило дорого, жалованье прислуги выросло, а коттеджам всех арендаторов вдруг понадобился ремонт. Плохой экономический климат начала тридцатых задержался в Корнуолле, и, хотя я слышал, что где-то дела идут на поправку, на разрушенных шахтах Корнуолльского Оловянного Берега не замечалось никаких признаков улучшения. Состояние Пенмаров,

казалось, таяло у меня на глазах; Филип не был транжирой по сравнению со многими землевладельцами, которых я знал, но он не укладывался в рамки бюджета и тратил, сколько хотел. Он немало заботился о том, чтобы другие считали за него его пенни, но сам был выше этого. К счастью, Хелена относилась к деньгам иначе. Я заметил, как тщательно она следила за домашними счетами, и заподозрил, что она все чаще и чаще пополняет банковский счет мужа из своих собственных доходов. Самому мне приходилось много работать не только для того, чтобы счета имения выглядели респектабельно, но и для того, чтобы мои собственные скромные финансы были в порядке. Прошли те дни, когда я сорил деньгами; если бы кто-нибудь сказал мне, когда я был еще в Оксфорде, что когда-нибудь я буду не только точно знать сумму своего банковского счета, но и помнить, сколько лежит в кошельке, я бы презрительно засмеялся, но теперь я так тщательно считал деньги, что мог бы отчитаться за каждый потраченный пенни.

«Как это похоже на поведение среднего класса!» – в ужасе засмеялся бы мой брат Маркус когда-то, в золотые довоенные денечки, но времена переменились, а с ними переменились и социальные условия.

– Я слышала, что Саймон Питер Рослин теперь живет в особняке Ползиллан совсем как сельский джентльмен, – сказала мать с отвращением. – До войны такого не могло бы случиться! В те времена Рослину не удалось бы жениться на ком-нибудь из Треарнов из Хелстона, а если бы он даже и женился, то их бы нигде не принимали. Не хочу казаться старомодной, но мне кажется, что все эти перемены вовсе не к лучшему.

Однако времена продолжали меняться. Наш новый король скоро должен был отречься от трона, чтобы жениться на разведенной американке; 1936 год стал годом отречения, и, словно это само по себе не было достаточным несчастьем, нам пришлось переваривать новости о Муссолини в Аддис-Абебе и об образовании римско-берлинской оси.

«Ты, я полагаю, следишь за ситуацией в мире, как обычно, с позиции Болдуина, – язвительно писала мне Лиззи из Кембриджа. – Этого человека надо бы отправить на пастбище к свиньям, которых он содержит. Как он смеет обвинять пацифизм в нынешнем международном разгроме? Как он может проклинать пацифизм, с одной стороны, и при этом пальцем не пошевелить, чтобы поддержать правое дело в Испании?»

Как многие интеллектуалы, приверженцы левых, Лиззи отказывалась от своих пацифистских взглядов, по мере того как война в Испании приобретала размеры идеологического конфликта. Тридцатые годы переваливали на вторую половину, и именно левые, бывшие приверженцы

пацифизма, становились воинственными, а правые отступали под знамена пацифизма.

– Все начали такую истерику из-за этой войны в Испании, – жаловался я Уильяму. – Лично я уверен, что обе стороны одинаково плохи, и чертовски рад, что Болдуин решил придерживаться политики нейтралитета. Я просто не понимаю Лиззи, когда она говорит, что все мы должны пойти воевать за коммунистов. Я, конечно, признаю, что фашизм нужно сдерживать, насколько это возможно, но тем не менее не считаю, что надо излишне из-за этого горячиться. Давно прошли те времена, когда люди хватались за оружие и бежали воевать по первому же сигналу. Если бы Лиззи не была так увлечена интеллигентским теоретизированием по поводу этой гнусной гражданской войны, ей хватило бы здравого смысла понять, что любое вмешательство с нашей стороны было бы сумасшествием и непоследовательностью внешней политики.

– Лиззи быстро забудет об Испании, когда новый ребенок чуть подрастет и потребует больше внимания, – спокойно ответил Уильям, но я в этом сомневался. Я знал сестру лучше, чем он.

Вскоре после рождения второй дочери, Памелы, Лиззи приехала в Пенмаррик показать матери обеих внучек. В то время удачные браки, казалось, были в моде; Жанна была явно счастлива со своим вторым мужем и, не намереваясь отставать от Лиззи на поприще материнства, в 1936 году объявила, что осенью ожидает ребенка.

– Довольно поздно, – проворчала мать, которая теперь предпочитала Лиззи остальным дочерям. – На Рождество Жанне будет тридцать семь. На мой взгляд, это слишком поздно для рождения первого ребенка.

Матери было семьдесят семь, но она была в отличной физической форме, не страдала старческим маразмом и для своих лет была чрезвычайно легка на подъем. Правда, она иногда хитрила, притворяясь слабой, когда ей хотелось побольше внимания, но мы все знали, что она на удивление здорова.

– Мама будет жить вечно, – с гордостью говорил Филип, словно это была исключительно его заслуга. – Она выглядит не старше шестидесяти пяти.

Филип был неутомим и, насколько я мог судить, не так уж несчастлив. Большую часть времени в выходные он проводил, бродя по Оловянному Берегу с парой старых друзей с шахты и спускаясь под землю – конечно, больше из ностальгии, чем в надежде найти залежь, которую стоило бы разрабатывать. Хелена много занималась благотворительностью. Казалось, они сосуществовали достаточно гармонично, и, хотя в Пенмаррике

принимали гостей редко, Филип каждый год возил жену в Лондон отдыхать.

В то лето Адриан тоже отдыхал в Лондоне. Его старый друг мистер Барнуэлл умер, и вскоре после похорон Адриана повысили до штатного работника собора в Эксетере; прежде чем занять новую должность, он провел неделю в Лондоне, встречаясь с издателями и разными интересными людьми из Би-би-си по поводу своей первой книги по теологии, которую он напечатал весной 1936 года, как раз перед смертью мистера Барнуэлла. Адриан отлично использовал шесть спокойных лет в приходе Зиллан и теперь пожинал плоды, заработав себе репутацию в церковных кругах. Мне очень понравилась его книга. Она представляла собой продвинутый, современный подход к христианству, который показался мне свежим дуновением ветра в покрытой паутиной трезвости Англиканской церкви. Книгу обсуждала национальная пресса, она была не просто отмечена, но во время поездки в Лондон Адриана даже интервьюировали на радио, что привело в благоговейный трепет его прихожан в Зиллане, большинство из которых по-прежнему побаивались новых изобретений в области техники.

Новому священнику было сложно принять паству после такой знаменитости; это был худой серьезный человек по имени Форрест, который сразу не понравился матери.

– Слишком фанатичный папист, – нервно заметила она, хотя бедняга только и сделал, что во время службы немного помахал кадилом. – И простоват, – добавила она. – Жаль, что Адриан уехал.

Я написал об этом Адриану. Он всегда был очень добр к матери, и мне казалось, ему следует знать, что его доброта вознаграждена.

В то лето, как всегда, к нам приехал Эсмонд. Его отец был все еще жив, но уже на смертном одре; думаю, жизнь в огромном особняке в Шотландии угнетала Эсмонда, и он был рад каждый год сбегать оттуда в Пенмаррик. Его мать была в Монте-Карло с богатым американцем, и ему по-прежнему не разрешалось с ней общаться, но Филип и Хелена относились к нему как к родному сыну, и любой, кто увидел бы их втроем, решил бы, что они – его родители. Эсмонду было уже шестнадцать, он был сильным, атлетически сложенным и не только разделял страсть Филипа к Корнуоллу вообще, но и выказывал некоторую склонность к корнуолльским шахтам. В то лето, против желания Хелены, они взяли привычку вместе исследовать заброшенные шахты.

– А если с Эсмондом что-нибудь случится? – призналась она мне однажды в своих страхах. – Филипу так же привычно под землей, как

пилоту в небе, но Эсмонд в другом положении. Я ужасно за него волнуюсь.

– Филип о нем позаботится, – успокоил я ее. – Он не будет рисковать жизнью Эсмонда.

После этого она стала немного спокойнее внешне, но я подозревал, что в душе тревога не оставляла ее.

Я не волновался. У меня не было никакого предчувствия катастрофы. Я радовался жизни, работая в Пенмаррике утром и днем, проводя обеденный перерыв с Ребеккой, а по выходным развлекался, как мне нравилось. Для меня это были хорошие дни, к тому времени я полностью оправился от позора, который испытал после возвращения Филипа из Канады.

– Вы выглядите таким здоровым и бодрым, мистер Джан, – сказала старая миссис Тревинт, когда однажды августовским утром я зашел к ней в лавку в Сент-Джасте, чтобы купить сигарет. – Да и хозяин тоже. Он тут проходил час назад с молодым мистером Эсмондом… лордом Руанским, прошу прощения. Так приятно видеть, когда дядя и племянник привязаны друг к другу, как хозяин и его светлость.

Я улыбнулся, заплатил за сигареты, положил пачку в карман.

– На какую шахту они сегодня отправились? – спросил я. – Или они не говорили?

– Хозяин сказал, что они поедут по пустоши к Зиллану, к разрезам Динг-Донга. Жаль спускаться под землю в такой прекрасный день! Но это же корнуолльские шахтеры. Так и сходят с ума при одной мысли об олове. Все они одинаковы. Я вот помню, когда работал Левант…

Я терпеливо выслушал ее воспоминания, а потом помчался в Морву обедать с Ребеккой. Поскольку стоял август, дети в школу не ходили, но Джонас отправился на автобусе в Пензанс, чтобы потратить карманные деньги на золотых рыбок, а Дебора на целый день ушла к подруге в Зеннор. Жильцов тоже не было; Ребекка решила, что, поскольку Дебора закончила обучение в школе секретарей и вскоре сама начнет зарабатывать на жизнь, дополнительный доход ей не особо нужен и, кроме того, жилец бы нам мешал.

Я приехал, и мы, как всегда, отправились в спальню, а когда Ребекка наконец спустилась вниз, чтобы приготовить обед, я еще несколько минут понежился под простыней. Я дремал; я уже засыпал, когда услышал стук копыт под окнами спальни.

Кто-то галопом подъехал к задней двери.

Я сразу сел и прислушался. Может быть, кто-то приехал за мной? Но кто знает, что я в Морве? Только старый Уолтер Хьюберт, с которым я

работал в крошечной конторе в Пенмаррике, а Уолтер не послал бы за мной, если бы не было срочного дела.

Значит, это было что-то срочное.

Я спрыгнул с кровати, отдернул штору и высунулся из окна, которое выходило во двор.

Тогда-то я и увидел его. Солнце золотило его волосы, сияло на загоревшей коже. Он спрыгнул с лошади и со всех ног побежал к задней двери. При виде выражения его лица у меня кровь застыла в жилах.

Я повернулся, схватил рубашку, натянул брюки и босиком выбежал на площадку.

Ребекка уже звала меня.

– Джан! – Она стояла внизу лестницы. Глаза на ее повернутом кверху лице потемнели. – Джан…

Я слетел вниз по лестнице и проскочил мимо нее на кухню. Он, осев как куль, сидел за кухонным столом, но, когда я ворвался, вздрогнул и повернулся в мою сторону.

– О боже. – Его лицо было пепельно-серым. – О боже.

– Что случилось?

– Он… он упал… Такая простая, маленькая шахта… Мы… мы даже не были связаны… и он упал… Лестница отстала от стены. Лестница прогнила, и он упал…

Я онемел. Я мог только молча на него смотреть.

– Я спустился вниз, – сказал он. – Я спустился по веревке. У него была сломана спина. Он умер. У меня на руках. Он умер. – Слезы потекли у него по лицу. Глаза ослепли. – Он умер, – прошептал он. – Я ничего не мог сделать. Он только сказал, что…

– Да?

– Он… он сказал: «Может быть, именно этого я и хотел», – закончил Эсмонд и принялся рыдать так, словно у него разрывалось сердце.

Глава 8

Очень нуждающаяся в ремонте, плохо защищаемая, для Ричарда при его талантах она представляла собой небольшую проблему. Он отнесся к ней с пренебрежением и, даже не удосужившись взять с собой оружие, отправился на разведку в ее окрестности… Стрела из арбалета попала ему в плечо… Он умер, завещав драгоценности племяннику Отто Саксонскому, а недвижимость – брату Иоанну.

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

Было бы приятно констатировать, что после смерти Ричарда жизнь Беренгарии протекала легко, но, к сожалению, она (потеряла) подругу и советчицу, которая всегда поддерживала ее в трудные минуты, сестру короля Джоанну… шок от сообщения о смерти брата вызвал (у Джоанны) преждевременные роды, она родила сына, а сама умерла на следующий день.

Томас Костен.

Семья завоевателей

1

Ему было сорок один. Поначалу я не мог поверить, что он умер.

– Ему было всего сорок один, – сказал я. – Он был во цвете лет.

Я вспомнил его жизнерадостность, его непоседливость, невероятную физическую силу и понял, что все это было принесено на алтарь корнуолльских шахт, которые он так любил. Какая огромная жертва темноте, тщетности и разложению!

– Ему было всего сорок один, – повторил я. – Ему бы жить и жить.

Но он прожил дольше, чем и Маркус, и Хью.

– Над вашей семьей тяготеет проклятие, – сказала Ребекка. – Вы всю жизнь воюете друг с другом и умираете молодыми. Это проклятие.

Я вспомнил о тех временах, когда ненавидел его и завидовал его везению. Вспомнил наши ссоры, нашу враждебность друг к другу. Вспомнил зависть, неприятие того, что ему всегда везло, а когда вспомнил, то оглянулся в прошлое и увидел не везение, которому я завидовал, не блеск успеха, не сверкание его огромной популярности, а пустоту, разочарование, потраченные втуне годы горечи и отчаяния.

– В конце мы были друзьями, – сказал я. – Он мне понравился, когда я перестал ему завидовать. Я восторгался им.

Поэтому я оплакивал его смерть, смерть моего великого золотого старшего брата, умершего во цвете лет, а оплакивая, думал о том, как другие будут оплакивать его и трагедию, которая так рано свела его в могилу. На три короткие секунды я задумался о Хелене и о сестрах, а потом мысль о матери, которая сейчас сидела одна на ферме Рослин, пронеслась в моей голове панической вспышкой.

2

Кому-то надо было принести эту весть матери.

– Я не могу, – сказала Хелена. Ее спокойное лицо застыло от горя. – Я не могу.

– Жанна, конечно же, не может, – сказал мой зять Доналд Маккре по телефону. – Самая новость была для нее таким шоком, что она упала в обморок, и теперь похоже, что ребенок родится на два месяца раньше. Я сейчас повезу ее в больницу.

– Кто-то должен сказать твоей матери, – сказал Уолтер в моей конторе. – Бедняжка. Для нее это будет ужасный удар.

– Лиззи, – сказал я, сжимая телефонную трубку влажными от пота пальцами. – Лиззи, кому-то надо сказать маме, а я не могу даже подумать об этом. Что мне делать?

– Пусть кто-нибудь из чужих скажет ей, – посоветовала Лиззи сухо и практично из далекого Кембриджа. – Что, если новый священник?

– Она его не любит. Он ее едва знает.

– Тогда Доналд…

– У Жанны того и гляди случится выкидыш.

– О боже, целый поток несчастий! Жанна очень плоха?

– Доналд сказал, что везет ее в больницу.

– О боже, надеюсь, она не потеряет ребенка, она его так хотела.

– Но, Лиззи, кого мне попросить сказать маме? Кого?

– Может быть, доктор Солтер…

– Он умер два года назад. И мистер Барнуэлл тоже умер. Если бы Адриан был здесь…

– Адриан знал бы, что делать. Позвони ему. Послушай, Джан, перезвони мне, как только узнаешь что-нибудь о Жанне, пожалуйста. Я ужасно за нее волнуюсь. Доналд ничего не говорил о кесаревом?

– Нет. Лиззи, может быть, ты все-таки знаешь кого-нибудь, кто мог бы сказать маме о Филипе?

– Попроси Адриана, – повторила Лиззи. – Адриан сможет. – И прежде чем я успел сказать что-либо еще, нас прервал оператор и разговор окончился.

– Что мне делать? – спрашивал я у Адриана пятью минутами позже. – Я знаю, что я слаб, труслив и все такое, но я просто не в состоянии заставить себя это сделать. Ты не знаешь кого-нибудь, хоть кого-нибудь, Адриан, кто мог бы…

– Не бойся, – произнес он. – Твоей матери, должно быть, часто приходилось бояться, что он погибнет во время несчастного случая в шахте. Расскажи ей обо всем ясно, медленно и как можно более просто. Скажи, что у тебя плохие новости, что с Филипом произошел несчастный случай, когда он обследовал одну из старых шахт. Об остальном она догадается.

– Я не могу, – прошептал я. Без стыда признаюсь, что в тот момент я уже и сам плакал. Мое неанглийское отсутствие самообладания опять меня подвело, в глазах стояли слезы. – Не могу.

– Можешь, – сказал он. – Я знаю, что можешь. Не бойся. Для старых людей смерть – понятие более близкое, чем для людей нашего с тобой возраста, они привыкли думать о том, что она означает. Твоя мать – верующая; а еще она – сильная женщина, которая пережила много трагедий. Она справится. Но сказать ей должен ты. Посылать чужого человека было бы неправильно. Ты теперь ее единственный сын и поэтому именно ты – наилучшая кандидатура, чтобы сказать ей, что даже со смертью Филипа она не осталась одна на свете. А теперь давай собирайся, садись в машину и поезжай в Зиллан, чтобы она не услышала новость от какого-нибудь совершенно чужого человека.

Я поехал. Я ехал, все еще хлюпая носом, по дороге вдоль берега, а потом по дороге, которая вела через пустошь в Зиллан. На гребне кряжа я остановился, высморкался, привел себя в порядок. Потом достал сигарету и

выкурил ее. Наконец, когда немного успокоился, снова завел мотор и проехал последнюю, самую долгую милю вниз по холму к ферме.

Ее я увидел, еще когда подъезжал. Она деловито щелкала садовыми ножницами по кустам шиповника, что росли вдоль стены у крыльца.

Увидев меня, она махнула рукой.

Я остановил машину и вышел. Летний воздух был теплым, спокойным и бесконечно мирным. Пела птица, жужжала пчела, где-то рядом в высокой траве стрекотал сверчок.

– Джан-Ив! – Она улыбалась. Легкий ветерок взъерошил ее седые волосы. Она выглядела молодо для своих лет, она была счастлива, весела. – Какая приятная неожиданность!

Слезы защипали мне глаза. Заболело горло, не давая мне говорить.

– Ты приехал на чай? – спросила она. – Оставайся!

Я покачал головой.

– Что-нибудь случилось?

Я сглотнул, прокашлялся. Я не мог говорить. Чтобы выиграть время, я снова открыл дверцу машины, словно что-то там забыл, и завозился в бардачке.

– Что случилось? – Через секунду она была уже рядом со мной. Удивительно, как все еще быстро она двигалась. – Дорогой, ты ведь не привез плохих новостей?

Я кивнул, закрыл дверцу, завозился с ручкой. Я все еще не мог смотреть ей в лицо, но неожиданно почувствовал, как она замерла, напряглась, на лице появилось молчаливое выражение страха.

– Филип, да? – сказала она.

Я посмотрел на нее. Она не дрогнула. Голову держала высоко, взгляд не изменился, спина была прямой, напряженной и гордой. Тихим августовским днем мы стояли перед облагороженной временем старой фермой. Наконец после долгого молчания она сказала ясным, холодным голосом:

– Конечно, это случилось на шахте.

Я попытался заговорить, но она не слушала. Я хотел сказать ей, что он умер быстро, без страданий, но она не хотела ничего слышать. Она смотрела мимо меня, через пустоши на башню зилланской церкви, и в глазах ее не было никакого выражения.

– Просто чудо, что он так долго прожил, – сказала она таким тоном, каким обсуждают погоду. – Я и не думала, что это будет так долго. Иногда, представляешь, я даже думала, что для него было бы лучше, если бы он погиб в той трагедии на Сеннен-Гарте. С Тревозом.

Я посмотрел на нее, и ее знание ужаснуло меня до такой степени, что я не мог говорить. И тут ее неестественное спокойствие рухнуло, и хрупкое тело затряслось от ужасного бремени горя.

3

Потом я сказал:

– Значит, ты знала.

– А мне не положено было знать? – Ее рот немного перекосился, но она даже иронически не улыбнулась. Ее лицо осунулось от горя. Слезы проложили уродливые глубокие рытвины на ее поблекших щеках. – Как я могла не знать? Я знала Филипа лучше, чем кто-либо на свете. Ты думаешь, я не знала всех его недостатков, равно как и достоинств? Ты думаешь, я настолько глупа, чтобы считать, что он безупречен? Ты думаешь, я не замечала, что он предпочитает компанию этого грубого, невоспитанного, невероятно вульгарного шахтеришки? Какой же слепой ты меня считал! Какой глупой и одурманенной его чарами! Конечно я замечала! Я все замечала. Но для меня это не имело значения. – На секунду слезы не дали ей продолжать, но она их смахнула. – Мне было все равно, – сказала она. – Все равно. Да и как мне могло быть не все равно? Даже такой, это все равно был Филип. Я хотела только, чтобы он был счастлив, и если он был счастлив с Тревозом, то я хотела, чтобы он был счастлив таким образом.

Ее щеки опять стали влажными от слез. Она сидела на стуле ссутулившись, старая женщина, которая жила слишком долго и видела слишком много.

– Я не говорила ему ни слова о Тревозе, – продолжала она. – Ни разу его не упрекнула. С моей стороны было бы неправильно вмешиваться, правда же? Я не хотела его отталкивать, боялась, что если он рассердится, то не поймет, что я хочу для него только самого лучшего. Разве плохо хотеть для детей самого лучшего? Разве плохо хотеть, чтобы они были счастливы? Я хотела, чтобы Филип был счастлив… но он не был счастливым. Он был тревожен, и с каждым днем становился все тревожнее. Ему уже не нравилась жизнь в Пенмаррике, и, если бы не Эсмонд, он бы опять уехал. Ему опять хотелось на шахту. Он говорил об Австралии, о Южной Африке. Нет, здесь он не был счастлив. Я знала, что он несчастлив.

Может быть, все было бы по-другому, если бы он хоть чуточку любил Хелену, если бы у них могли появиться дети. Но их брак был ничем. А я так долго надеялась, что он на ней женится. Я была уверена, что она

сделает его счастливым, но, конечно же, страшно ошибалась. Я поняла – слишком поздно! – что Хелена меньше всего подходила для мужчины с его склонностями. Она была слишком холодна, слишком сдержанна, слишком отстраненна, бедняжка! Без сомнения, его недостатки только подчеркнули ее худшие качества, но какая женщина примет обратно мужа при таких невозможных обстоятельствах? Конечно же, не та, которая способна на нормальные, пылкие чувства…

Да, жаль, что они поженились. Если бы я знала… Но я не знала. А потом я однажды увидела, как Филип просто смотрит… смотрит… смотрит… я думала, что он смотрит на Хелену. Я вошла в гостиную со словами: «Филип, как мило с твоей стороны привезти Хелену!» Но это была совсем не Хелена. Это был тот надутый, отвратительный человечек. Наверное, ты и представить себе не можешь, как чувствует себя мать, когда узнает то, что узнала я. На секунду мне показалось, что я упаду в обморок, – это, конечно, было глупо с моей стороны, потому что я никогда не падаю в обморок, я не из тех женщин, которые теряют сознание при малейшем ударе по нервам. Поэтому я не упала в обморок. Мне кажется, я была совершенно спокойна. Я вежливо поздоровалась, спросила, не выпьют ли они чаю, сказала, чтобы они садились и чувствовали себя как дома. Понимаешь, я не хотела, чтобы Филип понял. Не знаю почему. Наверное, потому, что не хотела, чтобы ему было стыдно или чтобы он подумал, что должен извиняться передо мной или, что еще хуже, оправдываться. В любом случае я не хотела вмешиваться, а прожив с этим знанием некоторое время, я поняла, что могу его принять. Я и старалась принять. Понимаешь, если Филип был счастлив… Ты ведь понимаешь, Джан-Ив, понимаешь? Мне только хотелось, чтобы Филип был счастлив.

– Да, мама, – произнес я. – Понимаю.

Она все смотрела на меня встревоженными глазами, щеки ее по-прежнему были мокры от слез.

– Тогда что же было не так? – спросила она. – Я же делала все, что могла. Никто не желал ему счастья больше, чем я, так почему же я не смогла добиться для него того, что мне хотелось? Что я сделала не так?

Но я не мог дать ей ответа. Она пять молчаливых секунд смотрела на меня своими встревоженными глазами, полными горя, а потом, словно догадавшись об ответе, который я никогда не смог бы произнести вслух, снова закрыла лицо руками и принялась тихо плакать в этой холодной, пустой комнате.

4

Я не мог от нее уехать. Я был с ней до сумерек, а потом предложил поехать со мной в Сент-Джаст и переночевать в моем доме.

– Мне бы хотелось его увидеть, – сказала она, беспокойно сжимая и разжимая руки. – Он в Пенмаррике?

– Наверное, уже да. Несколько его старых друзей с шахты спустились в забой, чтобы достать тело, а «скорая» поехала до самого Динг-Донга, чтобы доставить тело в Пенмаррик. Но ты сможешь увидеть его завтра, мама. Поедем сейчас со мной, ты сможешь отдохнуть. Моя экономка тебя устроит.

– Я не могу бросить Энни, – сказала она о своей старой глуповатой служанке. – Она не поймет, если я уеду.

– Тогда я останусь ночевать у тебя, но сначала я должен позвонить. Где ближайший телефон? Полагаю, в доме священника?

– Или в особняке Ползиллан, – сказала она, но у меня не было никакого желания идти к Саймону Питеру Рослину.

– Ничего, если я оставлю тебя на полчаса, чтобы позвонить?

– Да, – сказала она безразлично. – Да, конечно. Кому ты собираешься звонить?

– Уильяму, чтобы узнать, что творится в Пенмаррике. Он, как только узнал о случившемся, сразу же из Карнфорт-Холла поехал в Пенмаррик, чтобы побыть с Хеленой и помочь ей с устройством похорон. И еще я хочу поговорить с Доналдом в Пензансе. Новость так шокировала Жанну, что у нее начался выкидыш. Когда я последний раз говорил с ним, Доналд собирался везти ее в больницу.

Но она не поняла моих слов. Ее мозг был полон потерей Филипа и не мог воспринять новость о второй трагедии в семье.

– Конечно, Жанна поправится, – неловко произнес я, – но ребенок родится на два месяца раньше и может быть в опасности. Я должен позвонить Доналду, чтобы узнать, как дела у Жанны.

– Да, – сказала мать. – Да, конечно.

– Когда я увижу священника, мне сказать, чтобы он зашел?

– Не сегодня.

– Очень хорошо. Постараюсь обернуться как можно быстрее. – Я наклонился, поцеловал ее и вышел в сумерки.

Через пять минут я уже тормозил у дома священника и просил у Форреста позволения воспользоваться телефоном. Сначала я позвонил в

Пенмаррик. Медлин, услышав мой голос, сказал, что немедленно позовет Уильяма.

– Джан? – через минуту сказал Уильям. – Слава богу, ты позвонил. Я уже начал думать, не поехать ли мне к твоей матери, чтобы привезти сюда. Ты сейчас где?

– В доме священника в Зиллане, – ответил я, чувствуя, что от тона его голоса у меня мурашки побежали по телу. – А что? Что случилось? Ведь… больше ведь нет плохих новостей, ведь нет? С Жанной все в порядке?

– Она в очень плохом состоянии. Полчаса назад Хелена уехала в Пензанс в больницу.

– А ребенок?

– Родился мертвым, – сказал Уильям, – и боюсь, что Жанна тоже не выживет.

5

Через долгую минуту я пустым голосом сказал Уильяму:

– Что мне делать? – Голова не работала; телефонная трубка выскальзывала из мокрых от пота пальцев; голова болела и кружилась от изнеможения. – Ехать в больницу?

– Нет, мне кажется, тебе лучше оставаться с матерью. И Доналд, и Хелена понимают, что ты должен быть с ней. Перед тем как Хелене уехать, мы с ней это обсудили. Но не говори матери о Жанне и ребенке.

– Нет… нет, конечно нет.

– Я говорил с Адрианом по телефону, завтра он приезжает в Корнуолл. Лиззи звонила, чтобы узнать о Жанне, но еще до того, как мы знали что-то наверняка, поэтому я не мог ей ничего сказать.

– А Филип… тело… Оно…

– Да, его привезли сюда. Обо всем позаботились. Здесь со мной Эсмонд, мы друг друга подбадриваем.

По его тону я догадался, что Эсмонд был рядом.

– Я рад, что ты с ним, – сказал я. – Я рад, что в Пенмаррике он не один.

– Да… может быть, я могу сделать что-нибудь еще, пока я здесь? Ты, наверное, проведешь ночь на ферме Рослин?

– Да, я остаюсь там на ночь, а завтра привезу мать в Пенмаррик посмотреть на Филипа. Ты ведь еще будешь там?

– Может быть.

– Если станет известно что-нибудь определенное о Жанне…

– Я приеду на ферму сказать тебе.

Он приехал в два часа ночи. Вздрогнув, я проснулся и увидел мать, наклонившуюся надо мной со свечой.

– Джан, – дрожащей рукой она трясла меня за плечо. – Джан, кто-то стучит в переднюю дверь, и еще во дворе машина, у нее горят фары. Кто это может быть?

Я сразу проснулся. Отбросил одеяло, вылез из кровати.

– Наверное, это Уильям, – сказал я, натягивая брюки. – Он сказал, что может приехать.

– Но ведь сейчас два часа, – сказала мать, сгорбленная старая женщина, кутающаяся в шаль. – Ведь два часа, Джан.

– Да, я знаю. А теперь иди в постель, мама. Я с этим разберусь.

– Мне не спится. Почему приехал Уильям?

– Наверное, из-за Жанны.

– Жанны?

– Она потеряла ребенка, мама. Шок от смерти Филипа…

– Да, это шок, ужасный шок. Бедный Филип. Бедная Жанна… говоришь, она потеряла ребенка?

– Да, мама. – Я надел пиджак. – А теперь иди к себе в комнату, а я, когда поговорю с Уильямом, приготовлю тебе чаю.

– Жанна слишком стара, чтобы рожать первого ребенка, – пробормотала мать. – Тридцать шесть – это слишком поздно. Мне было тридцать шесть, когда родился Филип, но он был моим четвертым ребенком.

– Я только на секунду, мама. На твоем месте я бы лег в постель.

Но она все стояла у меня в комнате. Когда я уходил, она присела на кровать. Я босиком сбежал вниз по ступеням, открыл переднюю дверь и увидел на пороге Уильяма.

– Жанна…

– Да. Хелена только что приехала домой из Пензанса.

Наступило долгое молчание. Старый дом скрипел и вздыхал, как все старые дома, а где-то высоко, в карнизе, стонал ветер.

– Заходи, – наконец произнес я. – У мамы в кладовой, в буфете, всегда есть бренди. Давай выпьем.

– Лучше я не буду заходить.

– Ничего страшного. Она наверху.

Он нерешительно переступил через порог и огляделся. Он никогда раньше не был на ферме.

– Сюда, – коротко сказал я и повел его по коридору на кухню.

Когда мы уселись за стол со стаканами бренди, он сказал:

– Бедная Хелена ходит словно во сне. Мне ее жаль. Конечно, мне жаль и Доналда тоже, но Хелена за двадцать четыре часа потеряла мужа и лучшую подругу, а это, на мой взгляд, слишком тяжело для кого угодно. Не понимаю, как ты умудряешься верить в Бога, Джан, когда такие ужасные и незаслуженные беды постигают такую безупречную женщину, как Хелена, и такого приличного человека, как Доналд Маккре. Где справедливость? В мире нет справедливости и нет Бога, вот все, что я могу сказать.

– Скажи это Адриану, – проговорил я, отхлебывая бренди. – Он священник. Уверен, что он знает ответы на все вопросы.

– Адриан относится к смерти не так, как я. Он верит в воскрешение.

– Я тоже.

– Правда, Джан? Правда? Как ты можешь? Это выше моего понимания. Боюсь, что чем старше я становлюсь, тем в большего атеиста превращаюсь.

– А я слишком большой трус, чтобы стать атеистом, – сказал я. – Я боюсь ни во что не верить. Мне приходится верить, что Бог есть, но не спрашивай меня, что сделал Доналд, чтобы заслужить смерть Жанны, и что сделала Хелена, чтобы ее постигла двойная утрата, потому что я не знаю. Я не Бог и не священник, у меня нет немедленных ответов на все вопросы.

Некоторое время мы молчали. Уильям налил еще бренди.

– Надеюсь, – сказал он, вертя стакан в руке, – Жанна все же наконец узнала, что такое счастливая, нормальная жизнь замужней женщины. Наконец она получила хоть какое-то вознаграждение за все те годы, что нянчилась с бедным Джералдом Мередитом в особняке Ползиллан. А еще мне кажется, что все мечты Филипа умерли вместе с Сеннен-Гартом, ему было больше нечего ждать. Но я все равно не понимаю, почему Доналд и Хелена…

Заскрипели половицы на лестнице; мать позвала меня издалека, из передней части дома.

– Иду! – крикнул я и сказал Уильяму: – Подожди здесь.

– Хорошо. Не говори ей о…

– Нет, конечно нет.

Я вышел из кухни, пробежал по коридору и обнаружил, что мать в нерешительности ждала меня в холле.

– Это Уильям? – спросила она.

– Да, все в порядке, мама. Я угощал его бренди на кухне. Приготовить тебе чаю?

– Нет, – сказала она. – Нет, я не хочу чая. Джан, дорогой, я так волнуюсь из-за похорон. Я не могу заснуть от волнения. Я не хочу, чтобы Филипа хоронил новый священник. Мне он не нравится, да и Филипа он плохо знал. Как ты думаешь, Адриан… но ведь Адриан теперь такой важный, правда? Он служит в соборе Эксетер. Как ты думаешь, можно попросить его похоронить Филипа?

– Я завтра позвоню Адриану и поговорю с ним, – пообещал я. – Не надо сейчас об этом волноваться, мама. Мы поговорим об этом завтра.

– Может быть, он не захочет его хоронить, – сказала она. – Своего собственного брата. Это слишком печально.

– Предоставь это все мне, мама. Завтра я поговорю с Адрианом, обещаю. А теперь позволь мне помочь тебе лечь в постель.

– Нет, не трудись подниматься. Я сама. Но как ты думаешь, Адриан…

– Да, мама, да, мне так кажется. Постарайся больше об этом не волноваться. – И, несмотря на ее возражения, я помог ей подняться наверх в ее комнату и убедился, что она легла в постель, а потом вернулся на кухню.

– Я уверен, что Адриан отпоет его, если твоей матери так хочется, – сказал Уильям, когда я рассказал ему, о чем шла речь. – Не думаю, что это будет слишком большое одолжение. Не сомневаюсь, что Адриан скорбит о смерти Филипа, но они не были близкими друзьями, да и эта смерть подействовала на него не так, как на меня, и потом, он привык к похоронам. Я уверен, что он отслужит службу, если его попросят.

– Я попрошу его завтра, когда он приедет. О боже, а что же делать с Жанной? Не можем же мы устраивать двойные похороны! Это будет слишком тяжело для всех. Да и может быть, Доналд захочет, чтобы ее похоронили в их церкви в Пензансе.

– Надеюсь. Бедная Жанна, мне будет очень ее не хватать. Знаешь, она всегда была так добра к Чарити, часто заходила к нам в коттедж после свадьбы с Доналдом и их переезда в Пензанс.

– Гм. – Я старался не слишком погружаться в мысли о Жанне, вместо этого я пытался направить мысли на похороны Филипа. – Конечно, приедет Лиззи, – осторожно сказал я, – а может быть, и ее муж тоже, потому что сейчас длинные каникулы. Боже, а как связаться с Марианой? Я и понятия не имею, где в Монте-Карло она живет.

– А разве Эсмонд не знает?

– Ему запрещено с ней общаться.

– Свяжись с юристами ее мужа. Они, должно быть, каждый квартал посылают ей содержание. Они знают, где она.

– Я не думаю, что она приедет.

– Может быть, и не приедет. – Он допил бренди и минуту смотрел в пустой стакан. – Кстати, о юристах, – медленно произнес он, – у кого завещание Филипа? Ты, по-моему, говорил мне, что он перешел в другую фирму поверенных, когда решил лишить Джонаса наследства?

Вот тогда-то, впервые со времени сообщения о смерти Филипа, я позволил мыслям о моем будущем выплыть из подсознания и посмотреть мне в лицо.

Я стал хозяином Пенмаррика. Все, что мне нужно теперь сделать, – это пойти в «Поумрой и Поумрой» в Сент-Джасте, чтобы забрать завещание Филипа и показать всему миру, что наконец, после долгого сопротивления, Пенмаррик попал в руки единственного человека, который любил его больше, чем любое другое место на свете.

Справедливость – перекошенная, странная, но все равно узнаваемая – подняла окровавленную, побитую голову и посмотрела мне прямо в глаза.

6

К своему удивлению, я обнаружил, что Филип оставил в завещании детальные инструкции о своих похоронах. Он хотел быть похороненным в Зиллане, рядом с отцом или, если не будет места, в ногах у могилы отца. Принимая во внимание тот факт, что всю жизнь Филип и отец скандалили друг с другом, я не мог не счесть это условие крайне странным, но оно было написано черным по белому, и он подписался под документом, значит сомневаться не приходилось. Остальное было просто. Согласно завещанию отца он оставил мне деньги и собственность, а все свои личные вещи, о которых не упоминалось в отцовском завещании, – Эсмонду.

– Значит, он составил другое завещание, – сказал Майкл Винсент, сидя в своем офисе, как усталый старый паук, цепляющийся за свою плотно свитую паутину. – Я об этом догадывался. Я понимал, что ему было неловко обращаться ко мне, что Саймон Питер и Джонас – братья, хотя предыдущее завещание составлял я и Саймон Питер не имел к этому никакого отношения… Бедный малыш Джонас… Это будет большим ударом для Ребекки. Мне кажется, она до сих пор верит, что ее сын – наследник Филипа.

Но мне не хотелось думать о Ребекке. Я знал, что она придет в ярость, как только узнает, что я лишил Джонаса наследства, но в то время у меня и без того дел было по горло, чтобы еще волноваться о наших будущих

отношениях.

– Впредь я решил консультироваться с «Поумрой и Поумрой» по всем вопросам юридического характера, – вежливо сообщил я Майклу. – Может быть, вы могли бы устроить так, чтобы все соответствующие бумаги попали к ним? Мне неловко расставаться с вами, после того как вы так долго служили нашей семье… – Я увидел, как он покраснел, когда я отозвался о нем как о человеке, стоящем ниже меня на социальной лестнице. – Но вы мне никогда не доверяли, а я не доверял Саймону Питеру, поэтому нам будет сложно вместе вести дела в дальнейшем. Благодарю вас за все, что вы сделали для Пенмаррика в прошлом, и заверяю вас, что чрезвычайно благодарен вам и вашей фирме…

Это казалось мне справедливой местью за всю его ненависть ко мне и вечные попытки помешать.

Я вышел из его офиса и вернулся в Пенмаррик. Лиззи с мужем мы ждали в тот же вечер, а Адриан должен был сесть в поезд, когда тот остановится в Эксетере. Надо было столько всего сделать, столько организовать. Хлопоты, связанные с похоронами Филипа, оставляли мне мало времени на раздумья о Жанне, но мне удалось заехать к Доналду и сказать ему несколько слов сочувствия, как бы бессильны они ни были. Похороны Жанны должны были состояться в Пензансе на следующий день после похорон Филипа в Зиллане. Я предложил помочь, чем смогу, но он сказал, что понимает, что у меня и так много забот, и добавил, что даже не ожидал такого сочувствия со стороны многочисленных друзей Жанны.

Вернувшись в Пенмаррик, я обнаружил у дверей машину. Хелена была одета для выхода. Она, конечно, была в черном, и траур настолько не шел ей, что она выглядела постаревшей и некрасивой. Ее светлая кожа казалась совсем прозрачной, выдавая чрезвычайное переутомление, но она была совершенно спокойна. Все эти ужасные дни я не видел Хелену иначе как полной самообладания.

– Я как раз собиралась на ферму, чтобы навестить твою мать, – сказала она. – Хочу сообщить ей о Жанне. Я позволила тебе доставить ей тяжкое известие о смерти Филипа, но о Жанне скажу ей сама. Не думаю, что эта новость сильно поразит ее. Она даже может и не понять, что я скажу. Все-таки есть предел человеческому горю.

Я понимал, что она имеет в виду себя, хочет объяснить свое холодное, неестественное поведение. Пытаясь ей посочувствовать, я неловко произнес:

– Тебе не надо ехать к матери, Хелена. Тебе и так досталось. Я сам скажу ей о Жанне.

– Нет, я сама хочу ей сказать. Спасибо, Джан, все в порядке. Я хочу к ней съездить.

– Когда все закончится…

– Ах да, – безразлично сказала она, – я опять отправлюсь за границу, как после смерти Джерри. Отъезд помогает успокоиться. А когда вернусь, думаю, что поеду домой в Уорикшир. Я была там счастлива, в деревне, где я жила, у меня есть друзья. Я не хочу больше оставаться в Корнуолле. Он не принес мне ничего, кроме несчастья и трагедий. Я вернусь в Хенли-ин-Арден и начну все сначала.

Мы больше ничего не сказали друг другу. Она как раз собиралась уходить, когда приехал посыльный с телеграммой. Она задержалась, а я открыл маленький конверт и развернул листок.

«Потрясена смертью Филипа и Жанны, – молча прочли мы. – Очень сожалею не могу приехать домой на похороны но обстоятельства очень неблагоприятны тчк Детали письмом тчк Бедная мама как для нее ужасно тчк Соболезнования Хелене и Доналду тчк. Большой привет дорогому Эсмонду тчк Мариана».

– Соболезнования! – презрительно произнесла Хелена, с отвращением отворачиваясь. – Ни один, ни другая для нее ничего не значили. Я рада, что у нее хватило ума не приезжать, хотя твою мать, как мне кажется, обидит ее отсутствие. – И, не говоря больше ни слова, она села в ожидающую ее машину. Я остался, где стоял, листок все еще тихонько подрагивал между пальцами; когда машина скрылась из виду, я медленно вошел в дом, чтобы показать телеграмму Эсмонду.

Он был расстроен, узнав, что мать не приедет в Корнуолл.

– Я так надеялся ее увидеть, – с тоской сказал он. – Это было единственной приятной мыслью.

Ему не разрешали с ней видеться семь лет, но он ее не забыл. «Конечно, мама поступила плохо, – сказал он однажды Филипу. – Ей не следовало бросать папу и убегать с другим, хотя папа старый, слабый и не может развлекать ее так, как бы ей хотелось. Но она все равно моя мать, что бы ни совершила. Этого ничто не изменит».

Эсмонд не уточнил, что, бросив мужа, Мариана бросила и его, своего единственного ребенка. Я ни разу не слышал, чтобы он ее за это упрекал. Мариана ничем не заслужила, чтобы у нее был такой хороший сын.

Лиззи с мужем и Адриан приехали в тот же вечер, а на следующее утро мы с Адрианом отправились в Зиллан: он – чтобы договориться со священником о похоронах, а я – чтобы зайти к матери.

Мать, в окружении Энни и двух «девочек» Тернер, лежала в постели.

Она выглядела старой и хрупкой, как никогда прежде, но, когда я посоветовал ей не ходить на похороны, она отказалась меня слушать.

– Я хочу пойти.

– Но, мама…

– Я пойду.

– Тебе это будет слишком тяжело…

– Я пойду, Джан-Ив.

Она была упряма как осел. Вскоре пришел Адриан, но она не смогла заставить себя встретиться с ним.

– Скажи ему, что я благодарна за визит, – сказала она, неожиданно опять разразившись слезами. – Скажи ему, что я благодарна ему за то, что он отслужит службу. Пусть извинит меня, я не могу сейчас его принять, скажи, что я устала и не могу видеть никого, кроме тебя, Джан-Ив.

– Да, конечно, мама. Не волнуйся, я знаю, он поймет.

– Это просто потому, что четверо моих мальчиков мертвы, а оба ее мальчика живы… Я знаю: с моей стороны это нехорошо, но я все равно не могу не думать так.

– Понимаю, – сказал Адриан, когда я ему все рассказал, и я увидел в его глазах сострадание. – Скажи ей, что я приду, когда она захочет меня видеть.

Мы вернулись в Пенмаррик. Увидев, что все приготовления уже закончены и мне больше нечего делать, я решил, что пришло время съездить в Морву, встретиться с Ребеккой и узнать, придет ли она с детьми на похороны.

Но когда я приехал на ферму Деверол, дверь открыла Дебора.

– Мамы нет, дядя Джан, – нервно сказала она, чуть покраснев. Бедняжка Дебора не умела врать. – Что-нибудь передать?

– Я хотел спросить, увижу ли я вас всех на похоронах в пятницу.

– Я… да, я… так думаю… я не уверена. Мне бы очень хотелось пойти. Дядя Филип мне нравился, я его так уважала.

– А мама не встречалась недавно с Саймоном Питером?

– Да. Во всяком случае, то есть я не уверена. Я…

– Но она знает, что написано в завещании Филипа?

– Да… да, потому что мы думали, что Джонас… а потом мы услышали…

– Да. Что ж, скажи матери, что в пятницу я пришлю на ферму машину, чтобы отвезти вас в зилланскую церковь, если она до того времени не откажется ехать. Передашь?

– Да, я передам. Спасибо, дядя Джан.

Когда я ехал обратно, то решил, что больше не буду предпринимать попыток увидеть Ребекку до похорон, потому что ей надо дать время справиться с яростью. Несмотря на это, я надеялся увидеть ее на следующий день на дознании, но ее не было; заключение о смерти от несчастного случая было необходимо для похорон, и через двадцать четыре часа мы уже готовились к испытанию этой мрачной церемонией.

Время наконец пришло. Легкая влажная дымка наплывала со скал, странный полусвет окутывал руины шахты Сеннен-Гарт, а в пяти милях через пустоши, во дворе зилланской церкви, когда тело Филипа наконец предавали корнуолльской земле, которую он так любил, витало что-то призрачное.

7

Я шел на похороны, думая, что буду тронут, и я был тронут. Что еще я могу сказать? Адриан безупречно отслужил службу, церковь и кладбище были переполнены людьми. Это факты, но есть вещи, которые просто фактами не назовешь. Я шел на похороны моего брата, который погиб от несчастного случая в возрасте сорока одного года, но не его одного я хоронил тем холодным утром в деревне Зиллан. Я хоронил всю свою былую зависть, всю ненависть, которые играли такую большую роль в мои ранние годы; я хоронил свои былые тщетные усилия, былое недовольство, старые ошибки. В то утро в Зиллане я похоронил всю прошлую жизнь – ту жизнь, в которой я был так несправедливо приговорен к роли неудачника, жизнь, в которой мне приходилось бороться за свои права против тех людей, кому повезло гораздо больше, чем мне. Всю свою жизнь я смотрел в зеркало справедливости, пытаясь понять, как мне увидеть в нем свое собственное отражение, а теперь я попал в зазеркалье, и весь мой мир встал вверх ногами. Люди, которым я так долго и так бессмысленно завидовал, умерли, их тела лежали в земле у меня под ногами, а их везение оказалось бесконечной иллюзией, скрывавшей разбитые, несчастные, бесцельно прожитые жизни. Теперь я видел своего брата Маркуса не веселым светским молодым человеком, а безнадежным школьником-переростком без цели и амбиций; брат Хью представлялся мне теперь не великолепным искателем приключений, одаренным талантом делать деньги, а хитрым бездельником, наслаждавшимся удачей до тех пор, пока она не изменила ему однажды на пустынном корнуолльском берегу. И наконец, я увидел Филипа не золотым героем тысяч историй о

приключениях шахтеров, а эмоциональным калекой, жившим в своем собственном сумрачном мире, который превратился в кромешную тьму после несчастья на шахте Сеннен-Гарт.

Итак, я ступил в зазеркалье, а когда обернулся, чтобы посмотреть на свое прошлое, то увидел, что мои попытки оторвать для себя кусок по справедливости на самом деле были попытками навлечь несправедливость на моих братьев. Оказалось, что справедливость – это двуглавое чудовище, монета с двумя сторонами; я был занят несправедливостью в отношении себя, и мне не приходило в голову, что она является справедливостью по отношению к другим, а то, что было несправедливо по отношению к другим, принесло бы мне справедливость, которой я жаждал всю свою жизнь.

Но все это пришло мне в голову, когда я увидел, как гроб с телом Филипа опускают в свежую могилу. Я увидел это, и слезы полились у меня по щекам, но оплакивал я не только Филипа, но и несправедливую справедливость, которой я так безнадежно не понимал столько бесполезно прожитых лет.

8

После похорон я остался ночевать у матери на ферме, а на следующее утро за завтраком попытался убедить ее уехать из Корнуолла на несколько дней, чтобы хоть как-то отвлечься. Но она не хотела об этом даже и слышать. Весь день она провела в постели, поскольку врач строго-настрого запретил ей ходить на похороны Жанны, которые состоялись на следующий день, и я, уезжая в Пензанс на службу, оставил ее с «девушками» Тернер. Жанну похоронили тихо в пресвитерианской церкви, прихожанином которой был ее муж. Церемония была восхитительно проста и безыскусна, но я бы солгал, если бы написал, что, когда она окончилась, я не испытал огромного облегчения. Потом Лиззи с мужем отвезли меня и Эсмонда пообедать в «Метрополь», а позднее, когда мы немного оправились от потрясения вторых похорон в семье за два дня, Лиззи вызвалась поехать со мной на ферму Рослин выпить чаю.

– Я должна проявить участие к маме, – сказала она, – хотя, честно признаться, не считаю, что сострадание облегчает горе.

Но она была настолько потрясена тем, что мать прикована к постели, что на следующее утро срезала в саду Пенмаррика несколько цветов и попросила меня еще раз отвезти ее на ферму.

– Ну что же, мама, – по-деловому сказала она, врываясь в комнату матери с охапкой экзотических цветов, – не думаю, что тебе следует лежать здесь и обливаться слезами. Почему бы тебе не съездить к нам в Кембридж на несколько дней? Тебе даже не придется трястись в поезде, потому что Эдди заказал машину с шофером, чтобы ехать домой, а когда тебе придет время уезжать, мы организуем машину и тебе.

– Нет, – сказала мать.

– Мама, я на самом деле считаю, что…

– Ты очень добра, Лиззи, но нет.

Делать было нечего. Мать была тверда, и ничто не могло заставить ее покинуть дом.

– Старые люди так упрямы, – в отчаянии сказала Лиззи. Она была раздражена тем, что ее великодушие было отвергнуто так безапелляционно. – Что нам с ней делать? Да и сколько она может жить в этом доме одна, только с полоумной прислугой, которая наполовину слепа и почти глуха? А что, если с ней что-нибудь случится?

– Я поставлю там телефон, – пообещал я, – и буду навещать ее почаще. С ней все будет в порядке.

– Ее надо перевезти в Пенмаррик, там она будет под надежным присмотром.

– Дорогая Лиззи, – удивился я, – ты, похоже, плохо знаешь маму! Она никого не слушает. В Пенмаррик ее и на аркане не затянешь.

– Что ж, – сказала Лиззи, быстро пожав плечами, – в конце концов, это твоя забота, не моя. Нам с Эдди уже пора возвращаться в Кембридж. Девочки соскучились… Кстати, что будет с Эсмондом? Может быть, мне следует пригласить несчастного мальчика в гости? Ему, наверное, не захочется оставаться в Корнуолле после всего, что произошло.

– Мне кажется, он уже готовится возвратиться в Шотландию. Но может быть, во время следующих каникул…

– Да, я должна пригласить его в Кембридж. Кстати, полагаю, от Марианы больше ни слова?

– Нет.

Но тремя днями позже письмо пришло. К тому времени Эсмонд уже отбыл в Шотландию, Лиззи с мужем вернулись в Кембридж, Хелена уехала с визитом к друзьям в Уорикшир, а потом собиралась за границу. Письмо, с французским штампом и маркой Ривьеры, было адресовано мне и написано изящным почерком Марианы.

«Дорогой Джан-Ив, – писала она. – Надеюсь, похороны прошли благополучно и не были слишком ужасны. Конечно, я постоянно думала о

вас всех и жалела, что меня там нет, но жизнь с недавних пор стала невероятно тяжелой, а когда я получила твою телеграмму, я находилась в несколько стесненных финансовых обстоятельствах и у меня не было денег на билет домой. Крайне неприятно, когда нет денег, чтобы поступать так, как хочешь, особенно в подобных случаях, и поскольку мне бы хотелось вернуться домой и повидать маму, не мог бы ты быть душкой и выслать мне сто фунтов? Мне очень не хочется тебя беспокоить, дорогой, но в этом году меня без конца преследуют неприятности, все просто ужасно. Мне бы так хотелось увидеть дорогого Эсмонда. Он все еще в Пенмаррике? Очень надеюсь, что он еще не уехал в этот ужасный дом в Шотландии. Эсмонд много обо мне говорит? Я думаю о нем очень часто.

Дорогой, я просто не могу выразить, как я раздавлена несчастьем и как мне жаль этого прекрасного человека, Доналда Маккре, и Хелену. Конечно, брак Хелены нельзя было назвать идеальным, ведь ее муж уехал и бросил ее на три года, но мне кажется, что даже такой брак для бедняжки лучше, чем совсем никакого. Мне так жаль ее. Передай маме огромный привет, а если Эсмонд все еще у вас, скажи ему, как я по нему скучаю и как хочу снова его увидеть. Теперь, когда он стал старше, может быть, он начнет понимать некоторые сложности, которые произошли из-за того, что мы разделены. Пожалуйста, скажи ему, что я ему все объясню, что я всегда его любила, хотя мы и были разлучены на много лет.

Пожалуйста, поскорее ответь мне, дорогой Джан-Ив. С любовью, Мариана».

Я вздохнул, перечел письмо и опять вздохнул. У меня было мало желания помогать Мариане, а поскольку завещание еще не было официально утверждено, я не мог так просто послать ей сто фунтов. Я сел, взял ручку и попытался сформулировать твердый, но вежливый отказ.

«Дорогая Мариана, – вежливо написал я в конце концов, – а ты на самом деле хочешь вернуться в Пенмаррик? Хелена уехала, мама о тебе не спрашивает, Эсмонд отправился в Шотландию. Если тебе, несмотря на вышеперечисленные факты, все же захочется вернуться, дай мне знать, и я вышлю тебе деньги на дорогу. Мне очень жаль, что дела твои были столь плохи, но надеюсь, тебе скоро повезет. Твой Джан-Ив».

Она не ответила, хотя я так и не понял, случилось ли это потому, что ее финансовые дела поправились, или потому, что ей расхотелось возвращаться домой. Я сказал матери, что Мариана написала, но решил не показывать ей письмо.

– Мне она не написала, – обиженно сказала мать. – Так и не написала письмо с соболезнованиями. А тебе она написала только потому, что ей

нужны были деньги.

Это была сущая правда, но я решил, что лучше оставить ее слова без комментариев, и некоторое время мы больше не говорили о Мариане.

На следующий день, после того как я ответил на письмо Марианы, я наконец нашел время съездить в Морву и встретиться с Ребеккой. Ни ее, ни Джонаса не было на похоронах Филипа, а Дебора пришла с Саймоном Питером и его женой. После службы у меня не было времени переговорить с Деборой наедине, и я решил, что Ребекка не пришла, потому что не хотела меня видеть. Это меня злило; понятно, она расстроилась и разочаровалась, когда узнала, что Филип изменил завещание, но я предполагал, что через несколько дней она одумается и признает, что виноват не я. Если же она винит меня, говорил я себе, и закатит мне сцену из-за того, в чем я не виноват, значит она не любит меня даже вполовину так сильно, как в том клялась. Она же обещала, что Джонас не будет стоять между нами; если же она не выдержит обещания, тогда я пойму, что поступил правильно, не женившись на ней, и позабочусь о том, чтобы вопрос о браке между нами больше не вставал.

Признаюсь, я волновался, когда ехал на ферму Деверол, но мне так хотелось увидеть Ребекку и узнать, что же она думает, что нервничал я недолго. Когда я обошел дом, чтобы войти через заднюю дверь, то увидел, что она вешает во дворе белье; Джонас, жуя булочку с изюмом, сидел на ближайшей бочке для воды, а через открытое окно я видел, что Дебора на кухне раскатывает тесто. Когда я завернул за угол и подошел к ним, они все бросили свои дела и молча на меня уставились.

Через минуту я коротко сказал:

– Ребекка, мы могли бы поговорить наедине?

Опять наступило молчание. Дебора с невероятной энергией принялась раскатывать тесто, а Джонас опять вонзил зубы в булочку.

– Мне не о чем с тобой говорить, – наконец произнесла Ребекка ледяным тоном. – Не о чем. И ты знаешь почему.

– Почему?

– Ты лишил моего мальчика наследства.

Значит, все обстояло именно так, как я и опасался. На Ребекку, и я всегда это знал, нельзя было положиться. Только потому, что она клялась, будто слишком любит меня, чтобы позволить Джонасу встать между нами, а я был таким дураком, что верил ей, я чуть было не вступил во второй ужасный брак. Он определенно был бы ужасен. Бесполезно было бы брать с нее обещания не устраивать сцен и скандалов. Когда бы ей ни пришло на ум осложнить мне жизнь, она бы делала это по той простой причине, что

недостаточно меня любила, чтобы поступать иначе.

Терпение мое лопнуло. Поднялся гнев. Десять долгих лет она водила меня на поводке, звала меня к себе в спальню, когда ей этого хотелось, но теперь всему придет конец. Я повернулся.

– О том, что я лишил Джонаса наследства, не может быть и речи, – коротко сказал я. – Ты сама потеряла его наследство. Если бы ты не устроила ту дурацкую сцену, когда Джонас сбежал с побережья…

Хлопнула кухонная дверь. Дебора уронила скалку и побежала в переднюю комнату, чтобы не видеть, как мы ссоримся. Я замолчал, и, пока я молчал, Джонас соскользнул с водяной бочки, твердо поставил свои маленькие ножки на землю и положил булочку с изюмом на подоконник.

– Я не сбежал, – объявил он. – А она не устраивала никаких сцен. Оставьте мою мать в покое.

Я не обратил на него внимания.

– Ребекка, давай раз и навсегда разберемся в этом. Во-первых, я не отбирал наследства у Джонаса. Филип изменил завещание, когда ты отвергла щедрость, которую он проявил к ребенку. Во-вторых, я об этом знал, но скрывал от тебя просто потому, что Филип просил меня об этом и я ему обещал. В-третьих…

– Ты меня обманул. Все эти месяцы, когда мы были так близки…

– Я тебя не обманывал. Я просто сдержал обещание, данное Филипу.

– Оставь мою мать в покое, – сказал Джонас очень злобно и вздорно. – Убирайся с нашей земли – или я тебя побью.

– Я тебе не верю, – надувшись, заявила Ребекка. – Я больше не хочу тебя видеть.

– Очень хорошо, – сказал я, приходя в ярость. – Я больше сюда не приду. Никогда, ты поняла? И на этот раз «никогда» означает «никогда», а не «позже», поэтому, когда тебе станет одиноко, не подходи ко мне, встретив меня в Сент-Джасте. Если ты не можешь доверять мне, как женщина доверяет мужчине, которого любит, то пошла к черту твоя любовь, она мне не нужна.

– А как я могу доверять тебе? – закричала она на меня. – Я никогда не могла доверять тебе, никогда! Ты никогда не любил меня так, как я тебя любила, у тебя всегда была какая-то женщина на стороне…

– Только потому, что я не мог добиться от тебя того, что мне было нужно, не опустившись на колени!

В этот момент ко мне со сжатыми кулачками приблизился Джонас.

– Замолчи! – заорал он. – Замолчи – или я ударю тебя в нос!

Я едва его слышал. Я все еще смотрел поверх его головы на Ребекку.

– Больше я не собираюсь просить на коленях о твоей благосклонности, – сказал я в ярости. – Держи ее при себе. Я найду женщин лучше тебя, стройнее тебя, у которых гораздо больше желания угодить.

Я замолчал. Наступила тишина. Ребекка все еще смотрела на меня, глаза ее расширились, в них было сомнение.

– Молодых женщин, – добавил я.

Она вздрогнула, но и только. Развернувшись, я обошел дом вокруг, подошел к машине и, изо всей силы нажав на газ, уехал из ее жизни.

9

Через две недели она мне написала. Это была натянутая, формальная записка, в которой она говорила, что сожалеет о произошедшей сцене и хотела бы опять меня видеть.

Я не ответил.

Вскоре она снова мне написала. На этот раз письмо было длинным и путаным, полным страсти и мольбы о прощении. Не приду ли я поужинать на ферму в любой день, когда захочу?

Я разорвал и выбросил письмо.

Через несколько дней она позвонила из телефонной будки в Пензансе.

– Послушай, Джан, – сказала она, – я совершила ошибку. Я сознаю это. Пожалуйста, поверь мне, я на самом деле раскаиваюсь. Я теперь всегда буду тебе доверять, обещаю. Я никогда больше не скажу, чтобы ты не приходил. Это была ошибка.

– Слишком много ошибок, дорогая, – сказал я. – Это была последняя капля. Извини. – И я поспешно положил трубку, опасаясь, что могу поддаться слабости и, простив ее, помчаться к ней на ферму Деверол.

– Если моя невестка миссис Хью позвонит опять, – приказал я Медлину, – то скажите ей, что меня нет. Я не хочу с ней разговаривать.

– Да, сэр, – с уважением сказал дворецкий.

Теперь меня уважали все. Почему бы и нет? Времена переменились. Теперь я больше не был нищим ничтожеством с позорным прошлым, который работал за жалованье в имении своего богатого брата. Я был хозяином Пенмаррика, жил в доме, который любил всеми силами своей души; я был одним из самых богатых людей в Корнуолле, мог поступать, как мне вздумается, и ходить куда угодно. Гадкий утенок, как ему и положено, превратился в прекрасного лебедя, и никто не радовался этому

прекрасному превращению больше меня.

И все же…

Невероятно, как это человеческое существо умудряется никогда не довольствоваться тем, что у него есть. Подари человеку землю, он станет томиться по луне.

– Теперь тебе опять пора жениться, – деловито сказала мне по телефону Лиззи, когда однажды вечером я позвонил ей, чтобы избавиться от одиночества. – Почему бы тебе не приехать в Кембридж на Рождество? Я могу собрать для тебя целую кучу прелестных девушек, мы прекрасно проведем время! Приедешь?

– Я не могу оставить маму одну на Рождество.

– Я ей напишу и тоже приглашу.

– Лиззи, она не поедет. Ты же знаешь, она не хочет уезжать с фермы.

– Тем хуже для нее. Я не понимаю, почему ты должен страдать из-за ее эгоизма.

– Я не страдаю…

– Нет, страдаешь! Она мучает тебя так же, как раньше мучила Филипа! На самом деле, Джан, я не понимаю, почему это ты вдруг стал так чувствителен по отношению к ней! Почему ты не можешь ее хоть раз оставить? Она оставила тебя на целых шесть лет, когда ты был ребенком!

– Когда она мне была нужна, она появилась, – сказал я. – Когда я был ребенком, она не была мне нужна. Кто угодно может воспитывать ребенка до шести лет, а у меня была очень добрая няня. Но потом, когда мне стала нужна мать, она появилась.

– Ерунда! – сердито воскликнула Лиззи и с грохотом бросила трубку.

На следующий день она опять позвонила. Говорила спокойно, раскаивалась и убеждала. Сказала, что сожалеет, что разозлилась; она разозлилась, потому что разочаровалась; ей так хотелось, чтобы я приехал на Рождество, но, может быть, я прав и мне не стоит уезжать из Корнуолла. И все же если мне захочется приехать в начале следующего года…

– …Тут есть одна девушка, с которой мне особенно хотелось бы тебя познакомить. Честное слово, у нее есть все: красота, ум, талант, очарование…

– Я пока не собираюсь жениться, – отвертелся я, и это было правдой. Хотя в Пенмаррике мне было одиноко, разрыв с Ребеккой настроил меня против брака и сделал большим циником по отношению к женщинам. – Подожду, пока мне исполнится тридцать пять, прежде чем опять надевать брачное ярмо.

Но я не стал ждать, пока мне исполнится тридцать пять. Я едва

дождался своего тридцать второго дня рождения и весной следующего года влюбился. Двадцатого мая 1937 года я встретил Изабеллу, и после этого никакая сила не удержала бы меня от стремительного брака.

Глава 9

30 августа 1200 года он женился, получив согласие ее отца, на Изабелле Ангулемской, невесте, обещанной Хью Брауну.

А. Л. Пул.

Оксфордская история Англии:

от «Книги Судного дня» Вильгельма Завоевателя до Великой хартии вольностей

Возможно, Иоанн недолго раздумывал над вопросами политики. По слухам, Изабелла приворожила его.

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

1

Изабелла!

– Не может быть, чтобы вас так звали! – запротестовал я. – Теперь детей не называют Изабеллами!

– А разве я должна быть, как все?

Родители назвали ее Изабеллой, что значит «прекрасная».

– Разве они не попали в точку? – спросила она. – Бедняжки, они так привержены условностям.

У нее не было ни братьев, ни сестер.

– Поэтому у них произошел срыв, и они дали мне имя из четырех слогов, – объяснила она. – Они уже тогда догадывались, что повторить подвиг деторождения больше не смогут. Бедняжки, успех ударил им в голову.

Изабелла! Ее пепельные волосы струятся по плечам блестящим бело-золотым нежнейшим потоком, у нее невероятные, широко поставленные

зеленые глаза с карими крапинками, высокие скулы и подвижный, пухлый, соблазнительный рот.

– Конечно, я знаю, что не самая красивая в мире, – шутила она. – Я осознаю свои скромные возможности.

Она была очень молода.

– Нет-нет, я не скажу вам, сколько мне лет, а то я вам разонравлюсь. Лучше я буду женщиной без возраста. В сорок лет я буду выглядеть точно так же, как и сейчас.

Она говорила так, словно сорок лет были старостью.

Изабелла! Умная, острая на язык Изабелла, умевшая вести простые, бесхитростные разговоры…

– На самом деле я совершенная дурочка, – говорила она. – Родители заплатили кучу денег, чтобы отправить меня в ужасную частную школу, чтобы у меня были все преимущества, которых не было у них, например, чтобы зимой я носилась по хоккейной площадке… Фи! И что из этого вышло? Я даже не смогла получить аттестат об окончании школы. Если бы вы знали, как безнадежно тупа я в математике…

И только много позже я узнал, что в ее школе математику преподавали настолько плохо, что никто не смог сдать экзамена.

Я встретил ее, когда возвращался домой из Лондона.

Это было в год коронации, и, подобно тысячам других, мы все собрались в Лондоне ради великого события. Уильям, Чарити, Адриан и я приехали с запада, Лиззи с семьей прибыли с юга, из Кембриджа, а Эсмонд, который только что унаследовал после отца титул маркиза Лохъялла, приехал из Итона, чтобы присутствовать среди других пэров королевства в Вестминстерском аббатстве и произносить традиционные клятвы верности новому суверену. Конечно, все мы страшно гордились оттого, что он будет играть такую роль в церемонии, пусть даже минутную, а больше всех им гордилась Мариана, которая специально для этого приехала из Франции. Тогда она увидела сына впервые за несколько лет. Муж ее умер незадолго до этого, и она стала планировать встречу с сыном, подкрепленная сознанием того, что между ними больше никто не стоит, а когда они наконец воссоединились в Лондоне, Эсмонд, как мне кажется, был не менее ее тронут последовавшей затем драматической сценой. Но все же я не сомневаюсь, что впоследствии его, как и всех остальных, шокировала ее нескрываемая любовь к сухому мартини и после утомительной роскоши коронации он был рад распрощаться с матерью и вернуться в Итон. Мариана, расставаясь с ним вновь, много плакала; и если бы не было кого-то, кто платил по ее счетам в Монте-Карло, мне кажется,

она осталась бы в Англии. Но она все-таки поклялась, что порвет связи с Монте-Карло и приедет жить к Эсмонду в Эдинбург, но, когда я вез ее в аэропорт, мне стало ясно, что окончательного решения о своем будущем она еще не приняла. Она была в весьма слезливом и сентиментальном настроении.

– Милый Эсмонд, – мрачно повторяла она. – Милый Эсмонд. Я всегда знала, что он будет таким замечательным. Я заплакала, когда снова увидела его, просто заплакала, дорогой. Честно. Жаль, что у меня не хватает смелости бросить Монте-Карло и вернуться к нему в Шотландию, но… О! Этот ужасный климат, я его не вынесу, все эти ужасные пуритане… Я люблю Монте-Карло и солнце, там все такое теплое, люди такие дружелюбные… Ты должен приехать ко мне в Монте-Карло, Джан, нет, правда, я настаиваю! Я представлю тебя таким чудесным людям, таким остроумным, элегантным женщинам. Ты снова должен жениться, дорогой. Знаешь, ты очень даже привлекателен, тебе когда-нибудь об этом говорили? Сексапильность – это такая странная вещь! Ты помнишь время, когда, говоря о ней, ее называли «это»? Смешно вспоминать прежние времена… Муж Лиззи довольно симпатичный, но такой скучный, всегда молчит, а она говорит так много, что не дает ему и слова вставить, правда? Интересно, верен ли он ей? Так мало мужей, которые верны своим женам. Если бы ты жил в Монте-Карло, ты бы это знал: никто никому не верен, никому, дорогой, правда. Но французы мне нравятся. Англичане либо скучны, как муж Лиззи, либо… Ну, не знаю, но ни один англичанин или шотландец никогда хорошо не относился ко мне… кроме отца Эсмонда. Он был душка, но стар, так стар, ну, ты понимаешь, а когда болел, это всегда так ужасно угнетало… Я терпеть не могу, когда люди болеют, знаешь, дорогой, я ненавижу болезнь и ожидание смерти, ненавижу старость… Ты когда-нибудь думаешь о старости, Джан? Я ужасно боюсь состариться, стать уродливой и одинокой, как мама… И еще я боюсь долго болеть перед смертью, как тетя Роза. Ты ведь не знал тетю Розу? Адриан мне немного напоминает ее, а может быть, Уильям похож на нее больше, чем Адриан, он такой милый, мягкий, добрый… Я никогда не встречала такого мужчину, кроме отца Эсмонда, но сбежала и бросила его, потому что не могла этого больше выносить… Ох, все бессмысленно, все бессмысленно! Все! – И она зарыдала.

– Сколько мартини ты сегодня выпила? – спросил я, когда мы подъезжали к аэропорту. – Два? Три? Четыре?

– Одну маленькую дозу. Правда, дорогой. Всего одну.

– Ты слишком много пьешь, Мариана.

– Нет, не много. Знаешь, я никогда не напиваюсь. Я всегда очень за этим слежу. Я никогда не напиваюсь.

«Но никогда не бываешь трезва», – подумал я, но ничего не сказал.

Напряжение от встречи с ней было столь велико, что я обрадовался, когда пришло время уезжать из Лондона в Корнуолл. Лиззи с семьей вернулась в Кембридж, и мы все поехали в Эксетер, где я оставил на несколько дней Уильяма и Чарити в гостях у Адриана, а сам отправился в Пенмаррик. Из Эксетера я выехал поздним утром и как раз перед корнуолльской границей решил остановиться пообедать в ресторанчике у дороги.

Этот ресторан я помнил со времен своих прежних поездок на восток, потому что он стоял на главной дороге из Лондона в Пензанс. На самом деле это была маленькая гостиница с соломенной крышей и прочими девонскими особенностями, чтобы привлекать проезжающих туристов. Раньше я там не останавливался, потому что у них не было лицензии на продажу спиртного, я же люблю выпить за обедом пива, а на этот раз я там остановился прежде всего потому, что был голоден, а еще потому, что ресторанчик был покрашен заново, а в окне висело маленькое объявление: «Новая дирекция».

Я припарковался рядом и вошел. Холл был полон медных безделушек и хорошо отполированной мебели; потолок поддерживали черные дубовые балки. Когда я огляделся, появилась женщина, поприветствовала меня и сказала: «Обед на одного, сэр? Пожалуйста, сюда». Это была приятная женщина с аккуратным выговором нижней прослойки среднего класса, из тех, что могут некоторое время вести вполне приличный разговор, но потом испортят приятное впечатление словом или фразой, которую им бы давно уже следовало исключить из своего лексикона.

Комната, в которую меня провели, была очень маленькой, светлой и полной воздуха; там было не более восьми столов, а поскольку я приехал поздно, другие клиенты уже доедали свои обеды. Я сел, изучил меню и решил заказать гороховый суп, бифштекс, пирог с почками и клубнику со сливками.

– Вы уже выбрали, сэр? – спросил высокий, приятный голосок рядом со мной, и, круто повернувшись, я посмотрел Изабелле в глаза.

Я не в состоянии описать силу первого впечатления. Могу только сказать, что любовь поразила меня так неожиданно, что я потерял дар речи. Сложно представить, чтобы со мной могло случиться что-нибудь более неожиданное. Мне было почти тридцать два, я был очень опытен, очень циничен, твердо уверен в том, чего хочу от женщин, и в том, какие женские

прелести меня более всего привлекают. Мне нравились зрелые женщины, часто на несколько лет старше меня, пышные, с формами, горящими глазами и длинными темными волосами. Я давно считал самую идею любви с первого взгляда абсурдной; ни один уважающий себя мужчина, говорил я себе, не может верить в подобный миф.

А тут я сидел перед хрупкой девушкой с длинной белой шеей, острым подбородком, пепельными волосами, скромно убранными с личика школьницы, и понимал, что навсегда к ней прикован. Трудно сказать почему. Может быть, секрет был в ее глазах. В них был свет, который я узнал, свет, который сразу напомнил мне себя. Потому что она была похожа на меня, я сразу это понял. Сходство наэлектризовало нашу встречу, сходство и странная искра узнавания. Тогда-то я и понял, что всегда был одинок, даже когда мне казалось, что я влюблен; я не понимал, что никогда не любил, до тех пор, пока так ясно не отразился в другом человеке. Я посмотрел на Изабеллу и, глядя на нее, увидел человека, столь схожего со мной по духу, что понял: нас всегда будет объединять загадочная связь схожести. Я сразу ее захотел, но не так, как хотел женщин раньше, а потому что увидел степень своего одиночества и понял, что не смогу без нее жить.

Вот так все просто получилось. Мне всегда казалось, что влюбленность приносит с собой множество путаных чувств, неуверенность, происходящую оттого, что суждение о человеке затмевается эмоциями, но сейчас меня ничто не смущало. Любовь не влекла за собой никакой запутанности. Она делала мир невероятно ясным и логичным.

После долгой паузы мой голос произнес:

– Гороховый суп. Пожалуйста.

– Булочки и масло? – приятным голосом произнесла она.

– Да. И воду. Пожалуйста.

Она деловито удалилась и скрылась за ширмой, которая загораживала кухонную дверь. Через минуту, когда она вернулась и поставила передо мной тарелку с супом и корзинку с булочками, я заметил, как у нее на пальце сверкнул крошечный бриллиант.

– Вы помолвлены? – с удивлением спросил я, не сознавая, что веду себя неприлично.

– Да, в августе я выхожу замуж. – Она посмотрела на меня прямо, вызывая на разговор, подталкивая меня к тому, чтобы я сломал все существующие условности.

– Значит, я больше сюда не приду, – сказал я. – Как жаль.

Она весело рассмеялась.

– Да я все равно буду здесь! У моего жениха сад возле дороги, поэтому

я буду приходить сюда, чтобы помогать родителям обслуживать гостей.

– Знаете, не очень хорошо в замужестве жить рядом с родителями. Лучше выйти замуж за неместного и уехать.

– Правда? Вы говорите это по опыту?

– По правде сказать, да. Мой собственный брак закончился разводом.

– Да? Вы хотите сказать, что жена развелась с вами, потому что вы жили слишком близко от родителей?

Рядом замаячила тень.

– Изабель, дорогая, – сказала приятная женщина, которая встретила меня у порога, – не следует болтать с гостями. Джентльмен хочет есть. – Она нервно мне улыбнулась. – Боюсь, моя дочь иногда слишком прямодушна. Простите ее.

– Дорогая миссис…

– Клей.

– …миссис Клей, вам незачем извиняться. Ваша дочь очаровательна.

Хозяйка занервничала еще больше и быстро ретировалась на кухню. Но все же, когда минутой позже она появилась и уселась у буфета, притворяясь, что смотрит на колышущуюся жимолость за окном, мне пришлось заканчивать обед в нарочитом молчании. Изабелла обслуживала меня с опущенными глазами и скромным выражением лица. Я уже чуть было не решил, что миссис Клей по-викториански строга, когда крупный мужчина с военными усами просунул голову в дверь столовой. «Тебя к телефону, Хильда», – сказал он миссис Клей и исчез, не дожидаясь ответа.

К тому времени остальные клиенты разошлись. Когда миссис Клей неохотно удалилась, мы с Изабеллой остались одни.

– Должен признаться, не могу представить вас женой рыночного торговца, – сказал я. – Вы и в самом деле хотите провести остаток жизни за срезанием роз?

– А есть что-нибудь интереснее для срезания?

– Наверное, мне стоит показать вам когда-нибудь мою оранжерею.

– Оранжерею? Как грандиозно! Вы владелец одного из тех особняков, где мигают газовые рожки, время от времени кричит героиня, а как только садится солнце, в буфетах начинают стучать костями скелеты?

– Приезжайте посмотреть, – предложил я, – и сами увидите.

– Боже мой, надеюсь, это не значит, что вы открываете особняк для осмотра «каждый день, кроме воскресенья, детям за полцены!»?

– Я еще не дошел до такой степени нищеты!

– Слава богу! В таком случае… – (дверь открылась, и ее мать вошла в комнату), – не хотите ли выпить кофе в гостиной, сэр? – скромно сказала

Изабелла.

– Спасибо, выпью.

Но кофе принесла ее мать, и хотя я не торопился его допивать, Изабеллу увидел, только когда вышел к машине.

Она сидела на переднем сиденье.

– Пожалуйста, простите меня, – сказала она, – но я просто не смогла устоять перед приглашением посмотреть оранжерею. Ехать далеко?

Ехать было далеко, поэтому я пошел на компромисс и поехал через девонскую границу, чтобы остановиться выпить чаю в Лонсестоне. По дороге мне пришло в голову расспросить ее о женихе.

– Сколько ему лет?

– Киту? Тридцать три. Он такой милый. Спокойный, надежный, на него можно положиться.

Было совершенно очевидно, что он ей уже надоел и что она выходит за него только для того, чтобы ускользнуть из-под бдительного ока родителей.

– Не выходите замуж без любви, – с жаром посоветовал я. – Я женился ради денег и крыши над головой, потерял и то и другое, обидел жену, которая, надо сказать, очень хорошая женщина. Это было фиаско. Не смейте выходить замуж за вашего садовника, если вы можете жить без него, а если вы не можете без него жить, то какого черта пьете со мной чай в Лонсестоне? Если бы ваш жених был вам хоть сколько-нибудь дорог, дорог по-настоящему, а не понарошку, вы бы на меня и не взглянули.

Она смотрела на меня огромными зелеными глазами и молчала.

– Разве это неправда?

– Да, – прошептала она. – Вы все поняли.

– Тогда давайте не будем больше говорить об этом садовнике. Не выходите за него замуж. Лучше выходите за меня. Я совсем не святой, но, по крайней мере, могу обещать, что скучно вам со мной не будет. Не погребайте себя заживо в заброшенной девонской деревушке! Вы сами прекрасно знаете, что сразу же ее возненавидите. Становитесь хозяйкой Пенмаррика.

Наступила пауза. Мы смотрели друг на друга.

– Вы на самом деле все поняли, – сказала она, притихшая, – вы совсем меня не знаете, но вы все поняли.

– Вы выйдете за меня?

– Да, конечно. Когда мы сможем пожениться?

Это правдивая история, поэтому-то она и кажется более невероятной, чем придуманная. Из нее может получиться хороший анекдот из тех, что принято рассказывать после ужина, чтобы все женщины восклицали: «Да! Правда? Как романтично!» – а мужчины говорили: «Честное слово? Ну и быстро же ты сработал!», а потом все смотрели друг на друга и думали, не сожалеем ли мы о столь быстром продвижении к матримониальным узам.

Конечно же, мы не поженились немедленно, сбежав в Гретна-Грин, – это было бы слишком быстро даже для нашего скоропалительного романа, – но мы, во всяком случае, смогли устроить так, что Изабелла все же вышла замуж в августе. Только не за своего садовника. Она вышла замуж за меня и стала хозяйкой Пенмаррика.

Когда ее родители впервые поняли, что я ею всерьез интересуюсь, они пришли в ужас. Мне кажется, что я представлялся им дьяволом в человеческом обличье, который неожиданно свалился им на голову, разрушил помолвку их дочери с респектабельным молодым человеком и покорил ее одним мановением руки. Мне пришлось основательно поработать, чтобы завоевать их расположение, но, когда мне надо, я умею много работать, а я решил, что мы с Изабеллой поженимся открыто, с благословения ее родителей, с помощью общепринятой церемонии в бюро регистраций.

Мой развод не дал нам пожениться в церкви.

– Вы были пострадавшей стороной? – с сомнением спросила миссис Клей.

– Нет, – сказал я. – Развод произошел из-за измены, но измена была организована специально, чтобы развестись. Если хотите, можете написать моей прежней жене, она очень хорошо обо мне отзовется. Мы разошлись по-дружески.

Неудивительно, что они смотрели на меня с таким невероятным подозрением.

– Приезжайте в Пенмаррик, – хитро добавил я. – Вам надо встретиться с моей матерью. Она обожает принимать гостей.

Им это понравилось. Для них это отзывалось стабильностью, убеждало, что мое предложение честно. Когда они согласились приехать, чтобы осмотреть будущий дом их дочери и увидеть ее свекровь, я со всех ног помчался в Зиллан.

– Мама, – сказал я, как только объяснил ей ситуацию, – для меня это очень, очень важно. Не могла бы ты поехать в Пенмаррик и принять их вместе со мной за обедом? Они меня не любят, потому что считают слишком богатым, знают, что я разведен, и еще они с полным основанием

подозревают, что у меня сомнительное прошлое, но, как только они увидят тебя, весы качнутся в мою сторону. Ты умеешь разыграть великосветскую леди, и, я уверен, они решат, что ты родилась герцогиней. Упомяни, что мы каждую неделю вместе ходим в церковь, что я твердо решил снова жениться и успокоиться! Они будут на лету ловить каждое твое слово.

– Гм, – скептически произнесла мать. – Хотелось бы быть уверенной, что ты знаешь, что делаешь.

– Мама, тебе стоит только увидеть эту девушку, и ты меня поймешь. Она уникальна. Я жду не дождусь, когда женюсь на ней.

– Кажется, она очень предприимчивая дама.

– Нет-нет, мама, это совсем не так! Это просто молодая девушка: свежая, невинная…

– Что ж, даже если это не так, – сказала мать, – она точно заморочила тебе голову.

– Я уверен, она тебе понравится. Я в этом даже убежден. Ее стоит только увидеть!

– Она леди? Когда я была молода, девушка, чьи родители содержали гостиницу, считалась простолюдинкой.

– Но, мама, ты же знаешь, как все переменилось! Ее родители простые, милые люди, они желают дочери добра… – Я весьма кстати не упомянул о произношении майора Клея, от которого разило пригородом, и о склонности миссис Клей притворяться изысканной дамой из нижнего слоя среднего класса. – Изабелла училась в частной школе, ее речь безупречна. – Вот тут я не солгал. – Я спокойно могу идти с ней на вечеринку в саду Букингемского дворца.

– Мне кажется, тебе не надо так спешить, Джан-Ив. Ты слишком импульсивен.

– Мама, мне почти тридцать два, и если я до сих пор не знаю, что делаю…

– Ты спишь с этой девушкой?

– Мама! – Я был скандализирован. Мать всегда была воплощением пристойности. – Мне кажется, ты не понимаешь. Я на самом деле думаю, что ты ничего не понимаешь.

– Я достаточно пожила на свете, чтобы понять, что ничто так не заставляет мужчину терять здравый смысл, как то, чего он хочет, но не может получить. Полагаю, ты хочешь с нею переспать, а она просто достаточно добродетельна и отказывается.

– Мама, ты ошибаешься! – воскликнул я в отчаянии. – Я никогда не просил ее стать моей любовницей. Я хочу, чтобы она стала моей женой, а

поскольку я решил на ней жениться, у меня и в мыслях не было оскорблять ее…

– Значит, ты не просил ее стать твоей любовницей, – заинтересованно сказала мать. – Подумать только! Интересно, что бы она сказала, если бы ты сделал это.

– Послушай, мама, мне кажется, разговор становится неприличным.

– Почему? Разве я не могу знать о подобных вещах? Ты думаешь, что мужчины никогда не делали мне неприличных предложений? Ну-ну, не сердись, дорогой, но мне кажется, что Изабелла не очень надежная девушка. Понимаешь, может быть, твои соображения по поводу женитьбы на ней и правильны, а вот ее, может быть, не очень правильны. Во-первых, у тебя есть деньги, и ты принадлежишь к более высокому социальному слою. Ты очень завидный жених.

– Мама, когда я ее увидел…

– …она не знала, кто ты такой. Но она увидела покрой твоего костюма, услышала, как ты говоришь, и, без сомнения, подбежала к окну, чтобы посмотреть на твою новую дорогую машину. И что дальше? Ты очень удачно влюбляешься в нее, а она не раздумывая разрывает предыдущую помолвку. Такая девушка не может не вызвать подозрения. Если она поступила так один раз, то может поступить снова, и в следующий раз она выкинет тебя, сбежав с кем-нибудь другим.

– Мы любим друг друга!

– Это что, магическое заклинание? Любовь умирает, Джан-Ив, и не говори мне, что этого не может случиться. Я знаю. И еще, подумай о разнице в возрасте. Все будет прекрасно, когда тебе всего тридцать два, а ей семнадцать, но что будет, когда она достигнет прекрасного возраста тридцати пяти лет, а тебе будет за пятьдесят и твои лучшие годы будут уже позади? И не говори мне, что я не знаю, о чем говорю, потому что я знаю, и знаю слишком хорошо. Я сама прожила такую жизнь.

– Когда муж старше жены – все по-другому, – упрямо сказал я. – Мужья должны быть старше жен. Ты не можешь сравнивать свой брак с моим.

– Очень хорошо, – ядовито сказала мать, сдаваясь. – Поскольку я поняла, что не могу тебя отговорить, то согласна тебе помочь. И все же мне кажется – она мне не понравится.

Но Изабелла ей понравилась. К моему великому удивлению, она была очарована Изабеллой и совершенно изменила мнение о моих планах.

– Женись на ней, – сказала она, как только ошалевшие от великолепия Пенмаррика Клеи уехали. – Может быть, иногда ты и будешь об этом

жалеть, но трудные периоды время от времени бывают у большинства супружеских пар. Изабелла чрезвычайно презентабельна. К сожалению, не могу сказать того же о ее родителях, но, по крайней мере, они не будут жить от тебя в двух шагах и тебе не придется слишком часто с ними общаться. Жаль, что она так молода, но что поделаешь? Она, конечно, слишком привлекательна, но не могу же я желать, чтобы ты женился на уродине. По крайней мере, она не дура.

Я сломя голову помчался на девонскую границу.

– Ты понравилась моей матери! – сказал я в восторге. – Правда, здорово?

– Великолепно, – ответила Изабелла. – Жаль только, что мои родители не торопятся полюбить тебя. Они лишь волнуются и доводят себя до желудочных колик. Конечно, Пенмаррик произвел на них невероятное впечатление и мать пришла в полное замешательство, но мысль о нашей поспешной свадьбе им все равно не нравится. Они хотят, чтобы мы подождали до Рождества. Как заставить их понять, что мы все равно поженимся тридцатого августа и ничто нас не остановит?

– Мы пошлем сообщение о помолвке в «Таймс», – успокаивающе сказал я, – вместе с датой свадьбы. После этого они не смогут больше спорить. Никто не спорит с «Таймс».

Никто и не спорил. Миру должным образом объявили о нашей помолвке, и через несколько дней мы начали получать поздравительные письма.

– Все, кто тебя знает, – в восторге! – наивно восклицала Изабелла, ознакомившись с подборкой писем, которые я получил. – Все рады!

– Да, – сказал я. – Правда. – И, сам того не желая, подумал о Ребекке и о ледяном молчании, исходящем с фермы в Морве, где я провел так много времени.

3

Ребекку я вскоре увидел. Мы встретились в Сент-Джасте, у магазина миссис Тревинт. Ребекка была в пальто, которое было ей мало, и в туфлях без каблука. Макияжа на ней не было.

– Привет, – сказал я, когда обрел дар речи. – Давно не виделись. Как дела?

– Очень хорошо, спасибо.

– Отлично.

Мы смущенно помолчали. Она перехватила корзину с покупками в другую руку, поправила волосы и посмотрела в сторону площади.

– Я слышала, ты помолвлен, – сказала она.

– Да?

– Да. – Пальцы ее с такой силой сжимали ручку корзины, словно от этого зависела ее жизнь. – Я рада, – сказала она. – Я бы написала тебе поздравление, но…

– Ничего страшного, – пробормотал я.

– Надеюсь, ты будешь счастлив.

– Спасибо.

– Наверное, я не смогу встретиться с твоей невестой, – сказала она. – Объясни ей, пожалуйста.

– Я ей все о нас рассказал. Она поймет.

Ребекка опять поправила волосы.

– Я должна идти… прости… автобус…

И все же она колебалась, словно еще надеялась, что я предложу ее подвезти. Но я промолчал. Наконец она быстро произнесла, отвернувшись:

– До свидания.

– До свидания, Ребекка, – ответил я и стал смотреть, как она, спотыкаясь, идет по улице. Почти дойдя до площади, она обернулась. К тому времени мы уже были довольно далеко друг от друга, но я все еще ясно видел ее лицо. Глаза были пусты от боли, лицо залито слезами. Мы смотрели друг на друга долгую минуту, потом я отвернулся, старательно зажег сигарету и нервно пошел к машине.

4

– Я бы с ней встретилась, – сказала Изабелла в искреннем порыве, – но, наверное, было бы странно, если бы мы относились друг к другу как давние подруги. Естественно, она меня ненавидит. Я бы на ее месте ненавидела.

– Дорогая Изабелла! – Я погладил ее шелковистые белокурые волосы, попытался сказать что-то еще, но был слишком ошеломлен ее благородством.

– О, как бы я ее ненавидела! – воскликнула она. – Я бы отчаянно ревновала, если бы оказалась на ее месте! На самом деле я бы умерла от ревности! Правда! Я так тебя люблю, дорогой Джан.

– Мой ангел, – пробормотал я, слишком тронутый ее словами, чтобы

произнести что-либо более отчетливое, и на секунду зарылся лицом в ее волосы.

– Джан.

– Гм.

– Наверное, Ребекка очень хороша собой, даже блистательна, если она очаровала тебя на столько лет.

– Да, я находил ее привлекательной. – Я не мог отчетливо думать о Ребекке. Она уже была далеко, став для меня частью похороненного прошлого. Когда я был с Изабеллой, я даже не мог представить себе образ Ребекки.

– Когда вы с ней познакомились?

– Когда? Много лет назад… мне тогда было семь…

– Семь! А ей сколько было? Значит, она была совсем младенцем?

– Боже мой, нет, ей было четырнадцать! Она на семь лет старше меня.

– На семь лет!

– Да, она была на год моложе Хью, а Хью был старше меня на восемь лет.

– Ты хочешь сказать… Боже мой, теперь ей, должно быть… практически сорок!

– Да, кажется, в следующем году ей исполнится сорок.

– О! – сказала Изабелла, и еще: – Бедняжка, как мне ее жаль! – И любяще улыбнулась мне, а я поцеловал ее в нос.

5

Тридцатого августа мы поженились в отделе регистрации в Эксетере с безоговорочного благословения всех, кроме священника, и в тот же день сели на поезд в Лондон, чтобы ехать в свадебное путешествие в Венецию. Это был самый счастливый день в моей жизни. Я был так счастлив, что почти не помнил себя. Мне было тридцать два, я был женат на самой красивой, самой очаровательной, самой замечательной девушке, которая любила меня так же, как и я ее. Я ее обожал. Я был настолько вне себя от восторга, что не мог дождаться, когда мы доберемся до Лондона, где, перед тем как отправиться на континент, меня ждала первая брачная ночь.

Мы остановились в Дорчестере.

Оглядываясь назад, я осознаю, что был слишком наивен, оценивая Изабеллу. Я не хочу сказать, что она хоть в чем-то разочаровала меня во время свадебного путешествия, но должен признаться, что, когда я

обнаружил, что она не была девственницей, это больно меня укололо, а еще неприятнее было то, что она об этом солгала.

– Я никогда не была с мужчиной, – сказала она. – Никогда.

Но она не смогла обмануть меня. Она могла вдохновенно играть, вздыхать и стонать в нужных местах, но она меня не обманула. У меня было слишком много опыта со слишком разными женщинами, чтобы отличить девственницу от недевственницы.

В первую ночь нашего свадебного путешествия произошла наша первая ссора.

– Хорошо, – наконец сказала она в слезах. – Я солгала. Но я солгала только потому, что боялась того, что ты скажешь, если узнаешь. Однажды я поступила нехорошо, но мне не хотелось тебе об этом говорить. Вот и все. Прости, пожалуйста, не сердись…

– Послушай, – сказал я спокойно. – Давай обсудим это раз и навсегда. Я хочу, чтобы ты не лгала мне ни в чем. Я не обижаюсь на тебя, что ты не девственница, – Господь свидетель, я и сам не святой, – но я, по крайней мере, был с тобой честен. Я рассказал тебе о Ребекке, которая была самой важной женщиной в моей жизни, прежде чем я встретил тебя, и рассказал о Фелисити. Были и другие женщины, легкие романы, которые ничего не значили. Я в этом признался! Гораздо лучше признаться во всем сразу, разве ты не понимаешь? Не надо бояться, что я не пойму или не сделаю тебе поблажек, если ты со мной честна, но я очень рассержусь, если узнаю, что ты мне опять солгала. Я не хочу, чтобы между нами лежала ложь – ни теперь, ни в будущем, понятно? Я хочу, чтобы ты была со мной честна.

– Да, Джан. – Она жалобно всхлипнула и изящно вытерла уголок каждого глаза краешком неглиже.

– Как это произошло? Это было только раз после вечеринки или что-нибудь в этом духе? С Китом?

Она шмыгнула носом.

– Ну нет. Не с Китом.

– Но это было всего раз, это была ошибка. Правда ведь?

Она жалко посмотрела на меня снизу вверх большими зелеными глазами, полными слез, и ничего не сказала.

– Ради бога, дорогая, я ведь только повторяю то, что ты сама только что сказала! – Я занервничал. – Ты сказала, что поступила нехорошо… однажды. Или это тоже ложь?

– Вроде того.

– Тогда скажи мне правду и покончим с этим. У тебя был роман?

– Нет… не совсем… Это было раз шесть или семь…

– С одним и тем же человеком?

Она задохнулась. Две огромные слезы скатились по ее белому личику. Она выглядела жалко, как беспризорница.

– Нет.

Я смотрел на нее. Я уже начал паниковать, потому что *такая* правда была мне вовсе не по душе, когда она торопливо произнесла:

– Это были просто мальчики из соседней школы. Трое. Я встречалась с одним, потом с другим, потом с третьим. Все это было страшным секретом. Если бы об этом узнали, меня бы выгнали из школы.

– Понимаю, – сказал я. В голове появилась тупая мысль: «Всего лишь несколько детских проделок».

– А потом был Кит… ну, он был ужасно почтителен, высокоморален, но раз или два… ну, пару разочков мы увлеклись…

– Но ты же мне говорила, что Кит не был твоим любовником!

– Нет… Ну, я не хотела… я запуталась… мы же говорили о первом разе…

– Ну что ж, он все-таки был твоим женихом, – сказал я, изо всех сил стараясь быть справедливым и не пугать ее проявлением гнева. – Это простительно.

– О Джан… – Она кинулась мне на грудь, прижалась. Она казалась такой маленькой, слабой, беззащитной. Тело ее содрогалось от рыданий. – О Джан, ты такой хороший, добрый, ты все понимаешь, а я так тебя люблю, в миллион раз больше, чем кого-либо еще на земле…

Я был глубоко тронут. Я погладил ее по волосам, поцеловал в лоб и крепко прижал к себе.

– Я сознаю, что плохо себя вела, но ты понимаешь, Джан, мне было так скучно в той ужасной, нудной школе, я там целыми днями была заперта с этими ужасными девчонками… А потом, когда родители уехали из Суррея и переехали в Девон, в деревню, я просто задыхалась, потому что оказалась так далеко от кино, от Лондона, от всякого веселья…

– Да, дорогая, конечно… Я понимаю.

Бедняжка. Никто никогда не пытался ее понять. Сердце мое заныло от любви к ней.

– Если бы ты знал, как это было здорово, когда ты приехал и сел у нас в гостиной! Ты был так великолепен, так прекрасен в своем красивом костюме, старом итонском галстуке и роскошной машине – как отражение земли обетованной! А еще ты был так очарователен, так привлекателен – о, я сразу в тебя влюбилась! Если бы ты знал, какими невзрачными показались мне все остальные в сравнении с тобой, какими молодыми,

неопытными и такими безнадежно провинциальными! В тот момент я поняла, что чувствовала Золушка, когда встретила своего прекрасного принца.

Разве я мог не простить ее после этого? Мы со страстью занимались любовью весь остаток ночи, потом спали от рассвета до полудня, а потом продолжили путешествие в Венецию.

Конечно, я женился по любви, а не только из-за плотского желания, но должен признать, что, даже если бы я не был влюблен, я бы в конце концов женился на ней только из плотского влечения. Она возбуждала меня невероятно. В сравнении с ее аккуратным телом, с тонкой костью, с круглой, твердой грудью и мягкой молочно-белой кожей другие женщины казались грубыми и неловкими. Ее движения меня завораживали. Ее руки и ноги были гибкими и гладкими – и такими молодыми. Мне до той поры и в голову не приходило, что молодая женщина может возбуждать так же, как и зрелая, но это было так. Я думал о том, как она будет выглядеть, когда достигнет пика красоты и зрелости, и, по мере того как мое воображение разгоралось, голова кружилась от восторга.

Я был исступленно счастлив.

– Мы ведь не собираемся сразу заводить детей, правда? – спросил я, поднимая вопрос, который нам как-то не удавалось обсудить раньше. Мы решили, что дети у нас будут («Два мальчика и девочка», – сказал я; «Два мальчика и, может быть, девочка», – сказала Изабелла), но когда они будут, мы не обсуждали. А теперь я решил, что не хочу видеть ее восхитительное тело изуродованным ранней беременностью. Я долго ждал сына. Можно подождать еще два года.

– О нет! – искренне согласилась Изабелла. – Дети будут потом. Сначала давай повеселимся.

Итак, мы веселились. До конца лета, всю осень и зиму мы наслаждались жизнью в Венеции, Париже, Лондоне и Корнуолле. Я ни разу не вспомнил о прошлом, ни разу не остановил взгляд ни на одной женщине, но однажды холодным утром в марте 1938 года я получил письмо от Ребекки.

6

Оно было очень коротким. В нем было только: «Дорогой Джан, я попала в ужасную беду, и мне больше не к кому обратиться. Пожалуйста, помоги мне. Я буду дома в пятницу утром, зайди, если сможешь. Ребекка».

За завтраком я показал письмо Изабелле.

– Думаю, мне надо к ней съездить.

– Да, конечно, – сказала Изабелла. – Мне не терпится узнать, в чем дело. Но почему она не может попросить помощи у Саймона Питера Рослина? Почему обратилась именно к тебе?

– Не знаю.

– Позвони ей и поговори обо всем по телефону.

– На ферме Деверол нет телефона.

– Правда? Как неудобно, – сказала Изабелла и принялась листать свой любимый журнал мод.

Больше мы об этом не говорили, но вскоре я встал, вывел машину и поехал в Морву. Ребекка, должно быть, ждала меня у окна, потому что, как только я подъехал, она открыла переднюю дверь и вышла мне навстречу.

– Входи, – сказала она. – Я так рада, что ты приехал. Спасибо, Джан.

Выглядела она больной. Под глазами были темные круги, а кожа вокруг рта как-то странно обвисла. Я вгляделся в ее лицо и почувствовал какое-то неопределенное ощущение тревоги.

– Где дети? – резко спросил я.

– Джонас в школе. Дебора, как всегда, на работе, в банке в Пензансе.

– Постояльцев нет? – спросил я, проходя за ней в гостиную.

– В марте?

– Я слышал, что твой летний постоялец приезжал на Рождество.

Она по-прежнему стояла ко мне спиной, и я не видел выражения ее лица.

– Да, – сказала она. – Он возвращался.

– Опять учитель, да?

– Другой. Он приезжал сюда только прошлым летом. Хочешь чаю?

– Не сейчас. – Я опять посмотрел на нее. Она казалась изменившейся. При обычных обстоятельствах я бы этого и не заметил, но теперь во мне родилось подозрение, я напрягся из-за «беды», о которой она упомянула в письме, и увидел больше, чем увидел бы при других обстоятельствах. Ее лицо было чуть полнее, я заметил, грудь, хотя и не увеличилась, казалась странно упругой, и неожиданно я произнес, еще сомневаясь: – Ты беременна.

Она удивленно на меня посмотрела, но ничего не сказала.

– Ты беременна?

– Да. – Она закурила. Я никогда не видел, чтобы она курила. Когда она подносила спичку, рука ее дрожала.

Через секунду я сказал:

– Учитель?

– Да, – сказала она. – Учитель. – Я смотрел на нее, и гнев на этого учителя мешался во мне с жалостью к ней, а она торопливо произнесла: – Мне было так грустно все лето, Джан. Я пыталась не грустить, но не могла. Когда человек предложил мне немного счастья…

– Где он сейчас?

– Не знаю. Я не могу его найти. Я написала на его адрес, но его хозяйка в Лондоне ответила, что он уехал неизвестно куда. Сначала я не могла в это поверить. В конце концов, мы были очень близки… он приезжал к нам на Рождество… я… обрадовалась сначала, когда поняла, что беременна, потому что подумала, что он может…

– Жениться на тебе?

Она не отрицала. Она сказала только:

– Я так долго была вдовой, Джан. Тяжело овдоветь в двадцать семь лет.

– Но послушай, Ребекка, если этот человек тебя бросил и ты не можешь его найти…

– Да, – сказала она. – Да, я знаю. Я уже все обдумала. Не беспокойся, я тебя сюда пригласила не за советом. Я знаю, что делать. Я просто хочу, чтобы ты помог мне это сделать.

Мне стало так неловко, что мурашки побежали по телу. Я резко сказал:

– Какого черта ты хочешь? – А про себя подумал только: «Не хочу мешаться в ее проблемы. Не сейчас. Пусть ей поможет Саймон-Питер. Он ее двоюродный брат. Пусть она обратится к нему».

– Пожалуйста, Джан! – Ее темные глаза искали во мне жалости. – Пожалуйста, помоги мне! Если бы ты сказал мне, куда обратиться, чтобы сделать аборт… Хью рассказывал истории обо всяких местах в грязных районах Пензанса, и я подумала, что если бы смогла найти там кого-нибудь для себя, кого-нибудь надежного…

Она остановилась. Наступила долгая тишина. Наконец мне удалось произнести:

– Нет.

– Джан…

– Нет.

– Хорошо, – надувшись, сказала она. – Тогда я сама. Я кого-нибудь найду.

– Знахарку с грязной улицы? Черт побери, ты что, не понимаешь, как это рискованно? Слышал я о таких абортах! Чарити сделала аборт несколько лет назад, Уильям мне об этом однажды рассказал. Она чуть не

умерла, а потом, когда она захотела иметь детей, выяснилось – с ней сделали такое, что больше ни о каких детях не может идти и речи. И еще она знает девушек, которые… но не буду говорить о мертвых. Послушай, я скажу тебе, что делать. Попроси Саймона Питера отвезти тебя в Лондон и дай взятку гинекологу, который все сделает как следует, в приличной больнице, где не будет никакой опасности. Уверен, что если заплатить достаточно денег…

– Но Саймон Питер – юрист, – сказала она, – а аборты запрещены законом. Я не могу обратиться к нему, я не могу попросить никого из Рослинов! Подумай, что они скажут! Они перестанут со мной разговаривать! Да я и так боюсь, что они узнают, что случилось.

– Но черт побери, Ребекка, что я-то должен делать? Бросить жену и самому отвезти тебя в Лондон? Что я скажу Изабелле? Как мне объяснить ей это?

– Я не прошу, чтобы ты ехал в Лондон, – спокойно сказала она, на ее напряженном лице темным пятном горели глаза. – Этого я от тебя не требую. Да и как я поеду в Лондон? Что я скажу детям?

– Ты должна. Послушай, давай я позвоню Доналду, Доналду Маккре. Он сейчас в Лондоне. Он встретит тебя на станции, присмотрит за тобой. Он наверняка знает человека, который все сделает как следует, в нормальной больнице. О деньгах не беспокойся. Я заплачу. Но этим надо заниматься серьезно, понимаешь? Нельзя ходить к знахарке с грязной улицы.

– Я не могу принять от тебя деньги, – сказала она.

– Не глупи. Мне ничего не стоит помочь тебе деньгами.

– Но что я скажу детям?

– Скажи, что плохо себя чувствуешь. Скажи, что беспокоиться им не о чем, но что врач велел проконсультироваться со специалистом из Лондона. Будь открытой, уверенной в себе, и они ничего не заподозрят. Понятно? Ты меня слушаешь? Сделаешь, как я говорю?

– Да, – сказала она глухо. – Да, Джан, сделаю.

Но не сделала.

Через два дня из ближайшей телефонной будки мне в панике позвонила Дебора, сказала, что матери очень плохо, но что та запретила вызывать врача.

– Она зовет вас, – прошептала Дебора, плача в трубку. – О дядя Джан, я так боюсь… она такая белая, столько крови…

– Я приеду через десять минут, – сказал я. – Не волнуйся, Дебора. Все будет хорошо. – Но, положив трубку, позвонил оператору и вызвал из

Пензанса «скорую».

7

– Ну что ж, – часом позже сказал мне врач в больнице. – Вам лучше мне все рассказать. Кто этот мясник? Тот, кто это сделал, заслуживает пожизненного заключения, чтобы больше ни одна женщина к нему не попала.

– Я не знаю, – бесцветным голосом сказал я. – Я не знаю, кто это был. – Я застыл от потрясения. – Я отказался помочь ей найти знахаря. Я хотел отправить ее в Лондон, к гинекологу. Она отказывалась ехать, боясь, что ее пуритане-родственники об этом узнают. Еще она не знала, что сказать детям, но мне казалось, когда я последний раз ее видел, что мне удалось заставить ее одуматься.

– Ребенок ваш?

– Нет.

– Тогда почему…

– Хотел помочь. Это моя невестка.

– Понимаю. – Он помолчал, а когда заговорил, сказал только: – Мне очень жаль. Мне очень жаль.

– Но разве вы ничего не можете сделать?

– Обещаю вам, мы сделаем все, что возможно. А вам лучше пока позаботиться о детях. Сколько лет девочке?

– Семнадцать.

– Вам лучше сказать ей, что положение сложное, что матери лучше на некоторое время остаться в больнице. Мальчика, наверное, лучше держать подальше от всего этого. Есть какие-нибудь родственники, к которым его можно было бы отправить?

– Я позвоню Саймону Питеру Рослину.

– Поверенному?

– Да, он ее двоюродный брат.

– Хорошо. Спросите, не сможет ли он сразу же приехать в больницу.

– Очень хорошо, – тупо сказал я и медленно пошел по белым, стерильным больничным коридорам к буфету в холле, где у них имелась телефонная будка.

8

Заговорила она только раз. У постели дежурил полицейский в штатском на случай, если она назовет имя знахаря, врач и сестра тоже там были, но если не считать их, там присутствовали только Саймон Питер, Дебора и я. Саймон Питер на меня не смотрел; он обнимал Дебору, которая беззвучно плакала в носовой платок, а глаза его не отрывались от Ребекки. Больше никто из семьи не пришел; Джонас сидел в приемной с женой Саймона Питера, поэтому мы трое были заключены в четырех больничных стенах, а перед нами на кровати без движения, с закрытыми глазами, с посеревшими губами лежала Ребекка, и жизнь медленно вытекала из нее на наших глазах.

Я мог думать только о прошлом. Я вспоминал четырнадцатилетнюю Ребекку Рослин в клетчатом платье на лужайке перед домом священника, Ребекку Касталлак двадцати одного года, только что вышедшую замуж за моего брата Хью; вспомнил ее неожиданное вдовство, рождение Джонаса, вспомнил, как мучительно она оправлялась от горя. Я снова увидел ее в том алом атласном платье, когда она впервые отдалась мне, наши долгие, неровные отношения в течение десяти долгих, тяжелых лет. Но я не вспоминал о ссорах, о бурных сценах, о словах, о которых мы позже всегда сожалели. Я помнил только счастье, радость, смех; помнил только, как гордился ею, когда мы ходили гулять по вечерам, о том, как хорошо мне было лежать рядом с нею в спальне, о желании, которое возвращало меня на ферму даже после наших первых ссор. Десять лет она была самой важной женщиной в моей жизни, женщиной, которую я любил больше всех на свете. Я любил ее не так, как сейчас Изабеллу, но все равно я ее любил, а она любила меня. Тогда почему, если это было так, мы так часто делали друг друга несчастными?

«Она была в этом виновата, – говорил я себе, а слезы застилали мне глаза, – она виновата. Она никогда не верила мне, когда я говорил, что люблю ее. Она отказалась выйти за меня замуж, а потом отказалась простить, когда я не захотел на ней жениться. Она была эгоисткой, любила причинять другим боль и не пыталась понять другого человека».

Вдруг она заговорила.

Ресницы ее дрогнули, веки приоткрылись, но глаза под ними были слепы. Она открыла рот и произнесла очень ясно, странным, спокойным голосом: «Хью?» – и после этого я уже не ощущал ничего, кроме понимания, что виновата была не она, а я, что я был просто неловким, бесчувственным заместителем Хью, который так ее и не понял. Я смотрел на нее и не мог говорить, я был слишком раздавлен горем и чувством вины, а из ее рта вырвался легкий вздох, и она умерла.

9

Я вышел в ночь.

Было темно, дул ветер, дождь хлестал в лицо и смешивался со слезами. Я забрался в машину и сидел там, не в состоянии уехать, один-одинешенек на улице Пензанса в то безликое, ветреное мартовское утро. В конце концов мне удалось уехать в пустошь и остановить там машину. Наступил рассвет. Солнце вставало на востоке из-за Маразиона, серый, влажный шпиль горы Сент-Майкл поднимался из холодного утреннего моря, как разбитая мечта.

Домой я приехал не скоро.

– Да, – сказал я Изабелле. – Да, я расстроен. И ничего не могу с этим поделать. Мне очень жаль, но я ничего не могу с этим поделать. Пожалуйста, прости меня.

– Джан, дорогой, да что здесь прощать? – Она обняла меня тонкими детскими руками и прижала мягкую молодую щеку к моей. Через некоторое время она сказала: – То есть прощать нечего, правда?

Я посмотрел на нее.

– Что ты имеешь в виду? – сказал я. Разум мой еще до сих пор не оправился от шока, и я не понимал, что она хочет сказать. – В толк не возьму.

– Ничего, дорогой.

– Если я когда-нибудь найду того учителя, из-за которого она попала в беду, я…

– Да, дорогой. Я знаю.

– И к кому она пошла на аборт? Надеюсь, черт побери, что полиция найдет этого человека.

– Да, дорогой, да. Они найдут.

– Если бы она сделала так, как я ей сказал! Зачем она так запаниковала? Я бы организовал ей поездку в Лондон, ей нечего было бояться! Но наверное, она в тот момент ничего не соображала, все преувеличивала, и ей показалось, что она не перенесет поездку в Лондон. Она, должно быть, решила не утруждать себя… не утруждать меня… она, должно быть, убедила себя, что короткая поездка в Пензанс была наилучшим способом…

– Дорогой, не думай больше об этом. Пожалуйста! Нельзя так себя терзать. Ты сделал для нее все, что мог, но она не последовала твоему совету, вот и все. Постарайся больше об этом не переживать. Я уверена,

полиция скоро найдет, кто это сделал. Постарайся отдохнуть.

Она отвела меня в постель. И только там, когда я положил голову ей на грудь, а она тихо лежала рядом, я наконец забылся сном, и от усталости мне ничего не снилось.

10

Ребекку похоронили несколькими днями позже, в ветреный день на погосте зилланской церкви рядом с Хью. Ее дети были там, все Рослины и ее друзья из Морвы. Ее двоюродная сестра Элис Карнфорт приехала в «даймлере» сэра Джастина с шофером, Уильям и я – в моей новой «лагонде». С нами никто не разговаривал. У Саймона Питера было побелевшее лицо, крепко сжатые губы, он был враждебен к нам, и даже Дебора, которая всегда меня любила, пробежала мимо, не остановившись, чтобы посмотреть в мою сторону. Для меня это было печально, мрачно, угнетающе, и воспоминание об этом расстраивало меня еще много месяцев.

Наступила весна; я повез Изабеллу в Лондон, потом в Кембридж в гости к Лиззи и, наконец, в Шотландию, чтобы провести август с Эсмондом в его отдаленном замке в Хайленде, который он использовал в качестве дачи. Длительный отдых пошел мне на пользу; постепенно воспоминание о смерти Ребекки отходило на второй план, и вскоре все покатилось по-прежнему; я снова стал наслаждаться жизнью, как и до несчастья.

– Нам было так весело! – задумчиво восклицала Изабелла. – Помнишь?

– Теперь нам опять будет весело, – обещал я ей и принялся развлекать ее со всей возможной роскошью остаток 1938 года и начало нового года.

Но для нас обоих, как и для всего мира, время заканчивалось, и, хотя мы с готовностью погрузились в веселое, беззаботное существование двух самых веселых и беззаботных аристократов западного графства, я уже знал, что наши легкомысленные деньки были сочтены. Все переменились с тех пор, как гражданская война в Испании превратила Лиззи в бойца, а меня в пацифиста. В Испании дела зашли в тупик, но к тому времени, когда армия Франко в 1939 году наконец одержала победу, всех уже интересовал не триумф фашизма в Испании, а его триумф в Австрии и Чехословакии. Теперь премьер-министром был Чемберлен. Весной и летом 1938 года «умиротворение» было словом, подразумевающим покой, здравый смысл и

терпение, но после драмы в Мюнхене все переменилось. Истерическое облегчение, что войны удалось избежать, уступило стыду и возобновившемуся страху, а когда Гитлер в марте 1939 года оккупировал Богемию и Моравию, умиротворение умерло, а с ним и наши слепые и глупые надежды на мир.

– Война невозможна, – часто говорил я Уильяму. – Она просто невозможна.

Но на самом деле я хотел сказать: «Не хочу верить, что опять может случиться война; не хочу верить, что моя жизнь снова может быть так несправедливо разрушена лишь из-за того, что соперники, довоевавшиеся до кровавого тупика двадцать лет назад, настолько потеряли разум, что могут сойтись для второго раунда».

1939 год был годом немыслимого, и первого сентября вооруженные немецкие дивизии и самолеты вторглись в Польшу.

Праздник закончился. Остался только потертый альбом радостных воспоминаний, пустая детская наверху и перспектива долгого, на неопределенное время, расставания.

Глава 10

Герцогиня Констанция умерла в 1201 году… Теперь герцог Артур вдвойне осиротел, потеряв свою последнюю связь с домом Анжу. Он целиком находился в руках французских советников, назначенных королем Филиппом.

Альфред Дагган.

Дьявольский выводок

«…Мы услышали, что наша мать пребывает в плотной осаде в Мирбо, и поспешили туда так быстро, как только смогли. Приехали на праздник Святого Питера Винкула. И там взяли в плен нашего племянника Артура…»

У. Л. Уоррен

(цитирует Иоанна Безземельного).

Иоанн Безземельный

1

– Эти немцы такие зануды! – сказала Изабелла, но она была напугана.

– Нехорошая история, правда? – сказал мне обеспокоенно Уильям за кружкой пива в пабе. – Вот куда завела нас политика умиротворения! Надо было давным-давно догадаться, что таких безумных вояк, как Гитлер, просто невозможно умиротворить. Или мы догадывались, но просто боялись ужасной правды?

«Дорогие, – нацарапала в записке из Парижа Мариана, – ведь эти новости – конец? Мне теперь ужасно сложно уехать из этой страны, жаль, что я не уехала после Мюнхена. Вы не могли бы одолжить мне пятьдесят фунтов? Я пыталась писать Эсмонду, но безуспешно – он, должно быть, где-то в дикой Шотландии, – потому что подумала, что могла бы наконец

приехать жить к нему в Эдинбург, но теперь ему, наверное, придется идти воевать, и мы опять будем разлучены…»

– Тебе ведь не придется идти воевать, правда, Джан? – с дрожью в голосе спросила мать. – Тебе уже за тридцать. Сначала ведь заберут молодых мужчин, правда?

– Зачем идти добровольцем? – сказала Изабелла, и ее зеленые глаза вспыхнули на белом лице. – Почему бы тебе не оставаться здесь насколько можно долго?

– Потому что если все так поступят, – сказал я, – то скоро немцы окажутся в Пенмаррике, а наши дети вырастут нацистами.

– Но у нас нет детей! А Пенмаррик всего лишь дом…

– Замолчи!

– Но это правда!

В припадке ярости я начал трясти ее за плечи; она царапалась, но потом расплакалась.

– Джан, прости, я просто не могу иначе, я так боюсь, я не хочу, чтобы ты уходил… я хочу ребенка…

– У нас будет ребенок.

Но ребенка не было.

– О! – плакала Изабелла. – Зачем мы тянули время? Почему это с нами случилось? Почему, почему, почему? Это несправедливо!

– Да, – сказал я, – это несправедливо.

И снова, казалось, перед моими глазами поднялось двуглавое чудовище, но теперь лицо справедливости было скрыто от меня темным облаком, а лицо несправедливости оставалось неприкрытым. Мой поиск справедливости, покуда неослабевавший, скоро должен был начать долгий процесс разложения, пока в конце концов не свелся к элементарным целям, которыми я в жизни и руководствовался.

Самая элементарная из них была крайне проста. Я хотел остаться в живых. Я не мог вынести несправедливости ранней смерти. Второй моей целью было, чтобы Пенмаррик оставался платежеспособным. Я не мог вынести несправедливости долгов, залога и лишения права выкупа закладной. Наконец, прежде чем расстаться с Изабеллой, я хотел оставить ей ребенка. Я не мог вынести мысли, что моя молодая жена слишком быстро заскучает, если ей будет нечем заняться. Мой брак выдержал проверку временем, пока светило солнце и мы жили в своем веселом мире среди богатых друзей, но теперь я был напуган. Существует множество цветов, которые цветут только в теплицах, но вянут при первом дуновении холодного зимнего воздуха.

Я боялся от нее уезжать.

Но я уехал. Разве я мог поступить иначе? Чертова война приближалась, Франция рухнула, а британскую армию смыло в море у Дюнкерка. Мы остались одни. Все то лето светило солнце; иногда было достаточно посмотреть на красоту природы, чтобы представить, что ничего не случилось, что жизнь продолжается, как прежде, но это, конечно, была иллюзия, желание сбежать от слишком страшной реальности.

Потому что пришел 1940 год. Вся Англия лежала у порога смерти.

2

– Моя сегодняшняя проповедь, – произнес Адриан с кафедры, – навеяна семнадцатой главой Первой книги Самуила, той ее частью, в которой описано, как… – Он замолчал. Наступила невероятная тишина. Потом он продолжил, и его голос прозвучал, как сталь, высекающая искры о блестящий камень: –…как Давид победил Голиафа.

Я встретил Адриана в Лондоне. Он только что посетил важную церковную конференцию, и его пригласили прочесть проповедь в Сент-Клемент-Дейнсе. Я всегда жалел, что эту церковь потом разбомбили. Через всю войну я пронес с собой воспоминание о том, как затесался среди моря прихожан и слушал Адриана, провозглашающего в напряженной, жаждущей тишине: «Давид победил Голиафа…»

Всю войну я думал, что не выживу.

– Я вернусь, мама, – сухо сказал я матери. – Только хорошие люди умирают молодыми. Заботься о себе, старайся не перетруждаться. Я напишу тебе, как только смогу.

Я не думал, что снова ее увижу. Ей было восемьдесят, для своих лет она была сильна, но, когда уезжаешь от человека, которому за восемьдесят, не следует принимать как данность, что он будет жить вечно.

Я терпеть не мог прощаться.

Хуже всего было прощаться с Изабеллой.

– Как только я получу увольнительную, я тебе сразу же напишу, – сказал я. – Может быть, нам повезет и не придется ждать долго.

Она, с побелевшим лицом и крепко сжатыми губами, кивнула. Зеленые глаза на маленьком напряженном личике казались огромными.

– Мне так жаль, что нет… – Но она не смогла это произнести. Она слишком давно и слишком страстно хотела ребенка.

Я дотронулся до ее волос.

– Когда мы встретимся…

Потом я сел в поезд, и ее лицо превратилось в белое расплывчатое пятно на платформе, и несправедливость, холодная, грубая и безжалостная, стала контролировать мою жизнь.

3

Большую часть 1940 года я был просто наблюдателем: мне пришлось беспомощно наблюдать, как фиаско в Норвегии заменило Чемберлена на Черчилля, а фиаско в Дюнкерке привело к подъему национального духа и превратилось в победу. Но наконец армия заметила, что я пришел в нее добровольцем, и мне выдали форму, хотя я по-прежнему ничего не делал, когда кучка летчиков выиграла «Битву за Англию» и положила конец планам Гитлера немедленно вторгнуться на английскую землю. Моя подготовка закончилась только в конце 1940 года, и меня отправили в Северную Африку, но к тому моменту неудачи временно закончились и Муссолини потерпел несколько поражений, которые продолжались до конца мая.

Я служил в частях, которыми командовал генерал Уэйвелл, и прежде чем успел опомниться, уже помогал гнать итальянцев к северу от Бенгази. Кампания была успешна; мы взяли в плен почти сто тридцать тысяч человек и отступили в Египет. Я уже позволил себе радоваться окончанию войны и пришел бы в ужас, если бы мог предвидеть мрачные месяцы 1941 года, когда нас изгнали из Греции и с Крита, а страны «оси» заняли все балканские равнины.

Пока я в Египте дожидался следующего нападения врага, главным интересом моей жизни стали письма из дома.

«Бедная Изабелла без тебя чувствует себя совершенно потерянной, – писала мать. – Я ее очень полюбила. Я и не думала, что она так быстро освоится в Пенмаррике, и считаю, что лучшей жены ты не мог бы найти. Уверена, что ты скучаешь по ней так же, как и она по тебе».

«Твоя мать очень расстроена, – весело писала Изабелла. – Бедная старушка, она так по тебе скучает. Каждую неделю мы вместе пьем чай, и я пытаюсь ее подбодрить. Лиззи написала из Кембриджа, что хочет приехать погостить, но не представляет, как ей добраться до нас, потому что ее шофера призвали в армию, да и с бензином сейчас туго. Я объяснила ей, что теперь существует прекрасное изобретение под названием поезд, приспособленное специально для людей, у которых нет денег на машину, и

спросила, не слышала ли она о таком. Никогда не перестану удивляться, как живет эта половина общества, хотя, полагаю, что я сама теперь принадлежу к ней…»

«Мой самый дорогой Джан, – писала Лиззи. – Я получила довольно необычное письмо от Изабеллы, совершенно радикальное. Может быть, она тайная социалистка? Если это так, то напиши ей, что я сама являюсь таковой уже многие годы. Я подумывала провести несколько месяцев в Корнуолле, чтобы избавить девочек от риска бомбежки (хотя слышала, что теперь даже Пензанс могут бомбить), но Эдди не хочет уезжать из Кембриджа, а я к тому же не думаю, что мы с Изабеллой поладим, если я останусь у вас больше чем на несколько дней. Не обижайся, мой дорогой, но ты должен знать, что мы с Изабеллой никогда не были особенно дружны. И все же мне жаль ее теперь, когда ты уехал, поэтому я, возможно, съезжу в Пенмаррик, чтобы пожалеть ее… Надеюсь, ей не слишком страшно жить совершенно одной в этом ужасном доме. Но ей ведь нравится Уильям, правда? Как хорошо, что он бросил поместье Карнфорт и вернулся в Пенмаррик присматривать за домом в твое отсутствие! Правда, я помню, ты говорил, что Чарити настаивала на том, чтобы остаться в Пензансе, где она теперь стала такой респектабельной дамой, и отказалась возвращаться в Сент-Джаст, где у людей, к сожалению, долгая память…»

«Дорогой Джан, – аккуратно выписывал буквы Уильям. – Как ты знаешь, давно прошли те дни, когда я писал длинные письма, поэтому не жди чудес, когда видишь конверт, надписанный моей рукой! Надеюсь, у тебя все идет хорошо. Здесь все более или менее в порядке, кроме того, что малышка Изабелла немного хандрит, и я недавно дал ей поплакаться в свою жилетку. Я подумал, что ты предпочтешь, чтобы она плакала в мою жилетку, а не в чью-либо еще! Шучу, конечно. Просто я подумал, что, если она напишет тебе тоскливое письмо, ты должен знать, что я ее немного ободрил и ей теперь лучше…»

«Мой дорогой Джан, – писала Изабелла. – Уильям такая душка! Как тебе повезло, что у тебя такой милый брат! Не знаю, как он терпит свою жену, эту ужасную, неряшливую бывшую барменшу! Она меня совсем не любит, не знаю почему. К счастью, твоя мать ее тоже не любит, и мы время от времени жалуемся друг другу на всех Рослинов. Джонас сейчас в Морве со своими тетками, старыми девами, нет, двоюродными сестрами, а Дебора – сделай глубокий вздох! – ушла в монастырь!!! Ты представляешь? Мы с ней не были близкими подружками, но она зашла в Пенмаррик попрощаться, перед тем как отправиться в Падстоу…»

«…Поэтому я решила уйти в монастырь, – немного позже написала

моя племянница Дебора. – Я знаю, что мамочка бы этого не одобрила, но она была человеком, который наслаждался всеми прелестями жизни, поэтому ей было бы сложно понять, что я никогда не была счастлива в миру, где столько греха, страданий и зла. Здесь я буду намного счастливее, я уже ощущаю удивительное духовное возрождение. В своих последующих письмах я больше никогда не упомяну о прошлых грехах, но мне бы хотелось, чтобы ты знал, дядя Джан, что я прощаю тебе все страдания, которые ты причинил моей матери, прощаю, что ты повел ее по пути греха, который в конце концов привел ее к гибели. Я часто просила Джонаса, чтобы он тоже простил тебя, но с сожалением должна сказать, что мне еще не удалось его убедить; и все же я надеюсь, что Господь его просветит и он в душе простит тебя, как простила я. Я каждый день буду поминать тебя в своих молитвах и надеюсь, что, когда кончится война, ты приедешь навестить меня…»

«Сэр, – писала грубая рука дешевой ручкой с сильным нажимом. – Как Вы знаете, а может, и нет, Дебора ушла в монастырь и не может больше зарабатывать на жизнь, поэтому мне приходится просить помощи у Рослинов, у которых нет денег, кроме как у кузена Сима, но он такой злой, что просто невероятно. Никто из вас, Касталлаков, ничего для меня не сделал, Вы только использовали меня и мою мать, как хотели, а теперь, я считаю, настало время мне получить мою часть денег дедушки Касталлака, которую Вы отняли у меня, присосавшись к дяде Филипу, когда я был ребенком, и пустив о нем слух, что он гомосексуалист, чтобы напугать мою мать. Не могли бы Вы прислать мне пятьдесят фунтов? Я вырос изо всей своей одежды и не хочу выглядеть в школе пугалом. А если Вы думаете, что я только и делаю, что бездельничаю и попрошайничаю у родственников, то позвольте мне сообщить Вам, что каждые каникулы я работаю, а во время учебы разношу по школе бумаги, и мне кажется, что дедушке Касталлаку не очень бы понравилось, что его внук – простой мальчик на побегушках в дрянной школе. Присылайте деньги для меня на адрес мисс Хоуп Рослин в Морве, где я сейчас живу. А если денег не пришлете, я, черт побери, пойду к бабушке и заставлю ее дать их мне, поэтому, если Вы не хотите, чтобы тревожили Вашу мать, лучше заплатите. Даю Вам времени до конца месяца. Джонас».

«…Вот он и появился, – писала мать, – у меня на пороге. Ему сейчас пятнадцать, и, кроме глаз, которые он унаследовал от Хью, он вылитый дедушка Джосс Рослин, которого я знала мальчишкой. Я была с ним добра, но тверда. Я сказала, что он решил добыть деньги неверным путем, что, если бы он написал тебе в уважительном тоне, ты бы с радостью помог, но

тон его письма не дал тебе возможности оказать ему помощь. Он немедленно пришел в ужасную ярость. Он орал на меня в чрезвычайно вульгарных выражениях, что, дескать, у него есть моральное право на деньги Марка, а когда я сказала ему, что это ерунда, он назвал меня старой… сказал, что, сколько он себя помнит, я всегда была настроена против него и его матери. „Совершеннейшая ерунда, – ответила я ему. – Вы с матерью всю жизнь старательно разрушали шансы, которые давала вам жизнь“. – „Это он их разрушил! – закричал Джонас, имея в виду тебя. – Он убил мою мать! Он украл у меня наследство! Он – убийца и… вор!“ – „Изволь немедленно покинуть мой дом, – сказала я, – или я позвоню мистеру Парришу и попрошу тотчас же прийти и выставить тебя силой“. Он ушел, ругаясь, и с тех пор я его не видела. Что это за ерунда, будто ты убил Ребекку? Насколько я помню, ты говорил мне, что она попала в беду из-за одного своего постояльца, а потом, бедная глупая женщина, попыталась выпутаться и попала в еще худшую беду. Разве это неправда? Кстати, раз уж речь зашла о попавших в беду женщинах, я сегодня получила очень жалобное письмо от Марианы…»

«Дорогой дядя Джан, – писал Эсмонд из Индии. – Мне очень не хочется Вас беспокоить, потому что я уверен, что у Вас и так полно сейчас проблем, но я очень волнуюсь за свою мать. Как Вы понимаете, я очень далеко от дома, а так как маловероятно, что я вернусь в Англию в обозримом будущем, я не знаю, что делать. Может быть, Вы будете так добры, что дадите мне совет. Короче, мать, похоже, уже некоторое время кочует из лечебницы в лечебницу, пытаясь вылечиться от алкоголизма. Я не знал, что она алкоголичка, хотя часто спрашивал себя, как она умудряется так быстро тратить деньги, которые я ей посылаю. Отец всегда отказывался давать ей больше, чем его обязывал закон, но я потихоньку финансировал ее даже до того, как он умер, и с тех пор постоянно снабжаю ее деньгами. Прежде чем я уехал за границу, ей удалось приехать в Эдинбург, чтобы повидаться со мной; тогда-то я и понял, что пришла беда. Прежде чем уехать за море, я поместил ее в прекрасную лечебницу, но теперь она добровольно ее покинула и, надо признаться, стала настоящим источником неприятностей для слуг в моем доме. К несчастью, она подружилась с неподобающим человеком, который ведет себя там как у себя дома, и дворецкий был вынужден написать мне письмо, в котором сообщил, что все слуги намереваются уйти. Я, как Вы понимаете, попал в очень сложное положение. Мне не хотелось выдавать матери источник информации, но в то же время мне надо было написать, что было бы лучше, если бы она на время уехала из моего дома и поселилась где-нибудь еще. В конце концов я

написал, что в Эдинбурге небезопасно и что я настоятельно советую ей уехать на лето в Корнуолл, чтобы не попасть под возможные бомбежки. Я не предлагал ей поехать в Пенмаррик, потому что мне казалось неправильным, чтобы она злоупотребляла гостеприимством Вашей жены, и я предложил ей остановиться в „Метрополе“, где она могла бы жить так долго, как ей захочется, никому не мешая, а я, конечно, оплачу ее счет. Однако сегодня я получил от нее письмо, в котором она пишет, что собирается в Пенмаррик. Я приношу свои искренние извинения за неудобства, которые это принесет Вам и Вашей жене, но мне кажется, я не смогу ее теперь остановить. Что мне делать? Я побоялся писать бабушке, потому что мне не хотелось, чтобы она узнала о состоянии матери. Если бы я мог попасть домой, то сумел бы все организовать, но это, к сожалению, невозможно. Как Вы думаете, смогу ли я получить отпуск по семейным обстоятельствам? Очень в этом сомневаюсь. Пожалуйста, простите, что я перекладываю на Вас свои проблемы, но я просто не знаю, что делать, и не знаю, к кому обратиться. Ваш любящий племянник Эсмонд».

«Дорогой Джан, – писала мать. – Я рада, что у тебя достало здравого смысла рассказать мне правду и не „щадить мои чувства“. Конечно, я была шокирована, увидев Мариану в таком состоянии, но, по крайней мере, благодаря тебе я была готова к худшему. В своем письме, которое она прислала до приезда, она очень прозрачно намекнула, что с ней не все в порядке, поэтому я была уже некоторым образом готова к твоему письму, которое пришло вскоре после этого. Бедный Эсмонд, какая обуза для мальчика, которому всего двадцать один год! Как по-взрослому разумно он себя ведет. И такой контраст с Джонасом. Я написала Мариане, что она должна остановиться у меня, а не в Пенмаррике, потому что Изабелла нездорова (это неправда) и не может принимать гостей, но ты ведь знаешь, что Мариана всегда презирала ферму, и она отказалась здесь остановиться. Слава богу, на помощь пришел Уильям, и мы поселили ее в Карнфорт-Холле, рассказав Фелисити все, поэтому теперь и Фелисити, и Элис присматривают за ней. Чрезвычайно неприятная история. Я не в силах выразить, как неприятно мне видеть Мариану, всегда такую красивую, такую привередливую – слишком привередливую, как мне часто казалось! – которая теперь так мало за собой следит и носит недостаточно чистую одежду. Я спросила у нее, почему она так много пьет, и она сказала, что все в жизни у нее шло не так, что показалось мне странным, если учесть два великолепных брака, деньги, которыми ей так хотелось располагать, несколько красивых домов и такого красивого, очаровательного сына. Но мне кажется, что люди, которые пьют сверх

меры, слишком склонны жалеть себя. „В моей жизни все было не так, – сказала она. – Никто никогда меня не любил“, – что, как мне показалось, слишком отдавало похмельем и было неправдой. Но с таким человеком невозможно спорить, поэтому я ничего не сказала и оставила ее слова без комментариев… Какой хороший человек Уильям Парриш! Оба мальчика Парриши выросли такими хорошими. Я слышала, что Адриан на днях обедал с архиепископом Кентерберийским…»

«…И несмотря на войну, мое будущее выглядит многообещающим, – писал Адриан. – Конечно, это почти неприлично, что посреди такого невероятного горя мне так везет, я чувствую себя счастливым, но боюсь или, лучше сказать, рад, что именно так я себя и чувствую… я довольно долго откладывал женитьбу, потому что сейчас я уже ближе к пятидесяти, нежели к сорока, но, мне кажется, это оттого, что я слишком долго искал Настоящую Любовь и Идеальную Женщину и судил всех женщин, применяя к ним стандарт фальшивый и нереальный. Но, встретив Анну, я понял, что совершенно не хочу жениться на образце добродетели, а лучше женюсь на той, кто разделяет мои человеческие слабости! Кроме того, Анна подходит мне по всем параметрам, а это самое главное, не правда ли? Она вдова настоятеля собора, поэтому очень хорошо знает образ жизни священника. У нее двое взрослых детей от первого брака. Странно, но она немного напоминает мне мою мать, – хотя сейчас считается, что говорить такое весьма подозрительно, поэтому я едва решился написать об этом, – но я забыл, ведь ты никогда не видел моей матери, и поэтому не сможешь заметить никакого сходства с Анной, когда вы встретитесь…»

«Адриан женится на святой, – нацарапал Уильям своим крупным, неаккуратным почерком. – Милая женщина, но, пожалуй, слишком „хорошая“, ты ведь понимаешь, о чем я? Чувствуется, что она немедленно зачисляет тебя в одну из категорий: „хороший“, „плохой“ или „безразличный“ – прихожанин и дает тебе соответствующее задание к следующему церковному празднику. Мне она показалась очень доброй и очаровательной, но я сразу почувствовал, что меня взвесили на церковных весах и сочли, что я недостаточно хорош! Странно, правда? Я женился на грешнице, а Адриан женится на святой, но я уверен, что он будет счастлив. Мы с ним всегда были разными…»

«…Меня она не одобрила, – писала Изабелла. – Мне кажется, я получила ярлык падшей женщины с наклонностью к разврату! Я видела, что ей не терпелось провести со мной воспитательную работу. Когда они ушли, мы с Уильямом потом часами о ней судачили, но Чарити это раздражало, и она попыталась меня выставить… Больше новостей нет.

Родители все зовут меня в гости, поэтому придется вскоре собраться с духом и съездить. Твоя мать чувствует себя хорошо, только мне кажется, что ужасный Джонас опять не дает ей покоя…»

«…Поэтому я дала ему десять фунтов, – писала мать. – Наверное, мне не следовало этого делать, потому что он, конечно же, вернется просить еще, но мне его по-настоящему жаль, и, в конце концов, я ему бабушка. Я знаю, что он груб, что у него плохие манеры, Джосс всегда был таким, но он все-таки немного напоминает Хью, а я почему-то думаю, что если бы Хью остался жив, то Джонас вырос бы другим, а сейчас он просто жертва обстоятельств. Я знаю, что это глупо, потому что мы все – жертвы обстоятельств, но я стара, становлюсь сентиментальной и очень много думаю о прошлом. Еще я очень много думаю о Мариане, когда она была молода… Она опять болела, и Элис Карнфорт пытается устроить ее в очень хорошую лечебницу…»

«…Я была шокирована, увидев Мариану, – писала Лиззи. – Эдди настоял, чтобы я увезла на месяц девочек, поэтому мы все потащились в Пенмаррик на поезде. Через пару дней я решила, что пора повидать семейный скелет в шкафу, и поехала в Карнфорт-Холл. Это был ужасный визит. Мариана постоянно находится в депрессии и выглядит просто ужасно. Да и вообще, поездка домой произвела на меня в целом очень тягостное впечатление. Мама позволяет этому малолетнему преступнику Джонасу делать с собой, что тот захочет. Недавно, когда он считал, что один на ферме, я слышала, как он угрожал ей, но тут вступила я и сказала все, что о нем думаю, поэтому он стремительно ретировался, поджав хвост. Я сказала маме, что, если он попытается еще раз выжать из нее деньги, ей следует вызвать полицию. Это возмутительно, когда тебя терроризирует твой собственный внук… Рада сообщить тебе, что Изабелла чувствует себя хорошо, хотя временами ее поведение кажется мне несколько эксцентричным. Спешу добавить, что тебе при этом не следует волноваться, но она приглашает на ужины в Пенмаррик страннейших людей: один из них – весьма ревностный садовник, который поставил себе целью в жизни вырастить новую форму гортензии. И еще она очень опасно водит твою машину (хотелось бы мне знать, откуда у нее берется бензин). Очевидно, эти странные люди – ее старые друзья, знакомые ее родителям, поэтому все они по-своему весьма респектабельные люди; кроме того, она говорит, что Уильям везде ее сопровождает. Чарити называет это несколько более горьким словом, но, мне кажется, к ее мнению не стоит относиться слишком серьезно. Короче говоря, я почти что почувствовала облегчение, когда вернулась в Кембридж…»

«ВАША ЖЕНА ВЕДЕТ СЕБЯ РАСПУЩЕННО, – говорилось в анонимном письме, аккуратно написанном печатными буквами на бумаге, которую использует Уильям, и проштемпелеванном в Пензансе. – СПРОСИТЕ ЕЕ, СКОЛЬКО РАЗ ОНА ПРИСТАВАЛА К ВАШЕМУ БРАТУ УИЛЬЯМУ ПАРРИШУ И СКОЛЬКО РАЗ ЕЕ ГОСТЬ ИЗ ДЕВОНА ОСТАВАЛСЯ НОЧЕВАТЬ ПОСЛЕ УЖИНА. ОНА ВЕДЕТ СЕБЯ ХУЖЕ ЧЕМ ТЕЧНАЯ СУКА».

«Мой дорогой Джан, – радостная, как весеннее утро, писала Изабелла. – Мы были так рады визиту Лиззи, хотя она и позеленела от зависти, узнав, что я достаю бензин на черном рынке. Мы хорошо с ней ладили. Какая жалость, что ее девочки такие некрасивые, но, может быть, с возрастом они станут лучше. Дорогой, новостей совсем нет. Жаль, но мне действительно нечего тебе сообщить. И еще я прошу прощения, что не писала достаточно часто. Эта старая сука Чарити каждый раз, когда мы сталкиваемся, смотрит на меня так, словно готова сожрать. Я уверена, она думает, что я хочу соблазнить Уильяма. Какая глупость! Как будто я могу всерьез рассматривать в качестве любовника кого-нибудь старше пятидесяти! Когда гостила Лиззи, приезжали мои родители и Кит с ними. Я уже говорила тебе, что мы с Китом по-прежнему дружим, несмотря ни на что, но, если уж говорить начистоту, мне было несколько неудобно увидеть его снова, и я потом написала родителям, что больше не хочу, чтобы Кит приезжал. Бедный Кит! Его признали непригодным к воинской службе из-за порванной барабанной перепонки, а правительство заставляет его выращивать овощи вместо цветов, поэтому он расстроен; впрочем, одна пышнотелая девушка приходит ему помогать… Дорогой, когда ты приедешь домой? Я знаю, что не следует писать жалобные письма, но иногда по ночам я лежу без сна и просто больше не могу переносить разлуку…»

«НЕ МОГ БЫ ТЫ ПОЛУЧИТЬ ОТПУСК ПО СЕМЕЙНЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ? – было написано в телеграмме из Корнуолла. – ПЛОХИЕ НОВОСТИ О МАРИАНЕ ТЧК ПРИНЯЛА БОЛЬШУЮ ДОЗУ СНОТВОРНОГО ТЧК ДОЗНАНИЕ СРЕДУ ПОХОРОНЫ ЧЕТВЕРГ ПОЖАЛУЙСТА ПРИЕЗЖАЙ ЕСЛИ МОЖЕШЬ ТЧК УИЛЬЯМ».

4

В то время я был в Тобруке. Стоял 1942 год, Уэйвелла заменили на Очинлека, а в конце января Роммель вытеснил нас из Киренаики. Наше

отступление, случившееся вскоре после ужасных новостей из Сингапура, привело меня в депрессивное состояние, и возможность вырваться домой, пусть даже на короткое время, поначалу показалась мне слишком невероятной, чтобы быть правдой. Но моя просьба об отпуске по семейным обстоятельствам была удовлетворена; Очинлек был слишком занят, объясняя Черчиллю, что его армия была непригодна для наступления, коль скоро не было помощи с Мальты, а Роммель получал все больше и больше припасов и амуниции, поэтому на данный момент ничего не происходило.

Когда я приехал домой, расцветали все корнуолльские цветы. За границей бомбы крушили Любек, Росток и Кельн, в Англии мы страдали от воздушных налетов по Бедекеру[19], но в Пенмаррике воздух был напоен запахами ранней корнуолльской весны, а лазурное море дымкой лежало под мирным небом.

Поначалу я не видел никого, кроме Изабеллы. Красивая, светящаяся радостью Изабелла, с длинными, переливающимися волосами, развевающимися за спиной, бежала по платформе в мои объятия, в ее огромных зеленых глазах стояли слезы, ртом я ощутил ее полные, мягкие, нежные, страстные губы.

– Джан, Джан, Джан… – Она едва выговаривала слова, прижимаясь ко мне. – Джан, как я по тебе соскучилась! Мне было так плохо, так одиноко…

Тогда я понял, что она меня любит, что она мне не изменяла и что она ждала меня с такой же тоской, как и я ее.

– Сколько? – спросила она. – Сколько у нас времени?

– Сорок восемь часов.

– Вечность! Целых сорок восемь часов! Джан, мы не должны потерять ни одного, это настоящая драгоценность!

Но по большей части мы друг друга не видели. Мне пришлось поехать в Карнфорт-Холл, чтобы поговорить с Элис и Фелисити, а потом вместе с Эсмондом, которому тоже дали отпуск по семейным обстоятельствам, заниматься приготовлениями к похоронам. Надо было присутствовать на дознании («Самоубийство вследствие нарушения мозговых функций», – звучно произнес следователь), а через день в Пензансе состоялись похороны. Это была кремация.

– Она терпеть не могла похорон, – сказал Эсмонд. – Я помню, она говорила мне, что ненавидит церковные похороны и не хочет, чтобы, когда она умрет, кто-нибудь страдал так же, как страдала она, когда умирал кто-нибудь из ее родственников. Она бы захотела, чтобы все было именно так.

Он уехал сразу после похорон, высокий молодой человек в военной

форме, с лицом, загоревшим на южном солнце, с печальными, обведенными черными кругами глазами. В следующий раз я его увидел только через много лет.

Тем же поездом уехала Лиззи. Ее муж был болен, и ей не хотелось задерживаться в Корнуолле. Мы были вынуждены распрощаться второпях, в расстроенных чувствах, и каждый из нас думал о том, что, возможно, лучше было бы вообще не провожать друг друга, чем переживать эти мучительные часы, а потом она уехала, и я остался один на платформе.

Был вечер, а мне нужно было уезжать ранним поездом, поэтому времени оставалось очень мало. Я решил, что должен напоследок навестить мать, чтобы попрощаться, поэтому сел в старую коляску, которую пришлось использовать снова из-за нехватки бензина, выехал из Пензанса и поехал по пустоши в Зиллан.

Мама хорошо перенесла смерть Марианы, но ее движения теперь стали более медленными, а когда она двигалась, то еще больше сутулилась. Когда я приехал, то обнаружил ее за излюбленным занятием: чтением дневника и обдумыванием событий давно минувших дней. Она словно умела путешествовать и снова жить во времени, где войны не были мировыми, а немцы только недавно стали чем-то большим, чем просто собранием из Руритании[20], бедными родственниками королевы Виктории.

– Мы все так радовались наступлению двадцатого века, – сказала она. – Я очень хорошо это помню. Жанна родилась как раз в самом конце тысяча восемьсот девяносто девятого года. Какой она была хорошенькой малышкой! Такой милой, с ней было так легко управляться. Иногда, когда она еще была младенцем, она напоминала мне Стефена. Странно, но я до сих пор ясно помню Стефена, хотя он умер более пятидесяти лет назад! Мой первый ребенок… Так печально, что он умер таким маленьким. Но потом родился Маркус, и мне стало полегче. Потом родилась Мариана. Потом Филип…

– Хелена тебе пишет?

– Да, каждый месяц. Она много работает для Красного Креста, и я уверена, что она им очень полезна. Милая Хелена. Я ее очень люблю. Надеюсь, увижу ее еще раз когда-нибудь, хотя вряд ли. Чувствую себя очень старой и усталой, да и не может же человек жить вечно.

– Ну хватит об этом, мама! Когда война закончится и я окончательно вернусь домой, я хочу увидеть тебя живой и здоровой, поняла? Я мечтаю, чтобы ты присутствовала на крестинах моего сына, когда бы это ни случилось. Тебе еще рано умирать! Я этого не потерплю.

Она засмеялась. Я расслабился и улыбнулся. Вскоре она сказала:

– Кстати, о внуках…

– Да, я хотел спросить тебя о Джонасе. Может быть, мне следует с ним повидаться, прежде чем я уеду?

– Нет-нет, у тебя и так мало времени. Проведи его с Изабеллой. Я справлюсь с Джонасом, а если станет совсем трудно, позвоню Уильяму и попрошу помощи.

– Лиззи говорила, что он тебе угрожает…

– Нет, ему только нужны деньги, и он пытается обосновать свои требования, говоря, что имеет на эти деньги права. Угрозы его глупы: он говорит, что пойдет в полицию и скажет, что ты организовал аборт его матери и что тебя надо преследовать по закону как виновного в ее смерти. Полиция, конечно же, ему не поверит, но это будет неприятно, и…

– Но боже мой, мама, это же шантаж!

– Нет, дорогой, но я даю ему деньги потому, что мне его жаль, а не потому, что боюсь его глупых угроз.

– Но он подумает…

– Мне все равно, что он подумает. Он просто глупый мальчишка, который еще не дорос до того, чтобы понять, что так поступать нельзя.

– Это опасный молодой негодяй! Послушай, мама, когда он придет в следующий раз, я хочу, чтобы ты послала за Уильямом, как только его увидишь, поняла? Я не желаю, чтобы все это продолжалось.

– Ну…

– Пожалуйста, мама! Я настаиваю.

– Хорошо, дорогой. Но…

– Обещаешь?

– Да, хорошо. Если хочешь.

Я убедился в том, что она действительно сделает так, как я ей велел, и, все еще злясь на то, что она дает деньги в ответ на дикие угрозы Джонаса, с неохотой ушел и вернулся в Пенмаррик, чтобы провести с Изабеллой последние драгоценные часы своей свободы.

Телефон зазвонил в восемь. У нас уже не было дворецкого, потому что Медлин ушел на пенсию нянчить свой ревматизм, а в начале войны я в целях экономии уволил лакея, но у нас была расторопная главная горничная, которая и ответила на звонок.

– Ваша мать хочет с вами поговорить, сэр, – сказала она, просунув голову в дверь гостиной.

Я поблагодарил ее и прошел в холл. Помню, я подумал, что было бы гораздо удобнее, пусть и не так аристократично, иметь телефон в гостиной. Может быть, после войны…

Я взял трубку.

– Мама?

– Джан-Ив, я держу данное тебе слово. Джонас идет. Он уже почти у входной двери. Ты сам приедешь или позвонишь Уильяму?

– Я сам приеду, – без колебаний ответил я. – Возьму машину. К счастью, у Изабеллы есть немного бензина на крайний случай, поэтому я доберусь быстро. И проучу этого бандита раз и навсегда.

Я повесил трубку и быстро прошел по холлу в гостиную. Когда я вошел, Изабелла встревоженно на меня посмотрела.

– Что было нужно твоей матери?

– Джонас опять не дает ей покоя. Послушай, дорогая, я хочу уладить все эти дела с Джонасом до отъезда. Я должен идти, прости. У меня нет выбора.

– Джан!

– Я быстро.

– Но…

– Мне очень жаль, дорогая, но выбора нет. Мне надо идти. – Я наклонился, чтобы поцеловать ее, и попытался не обращать внимания на злость в ее глазах. – Жди меня в спальне, – сказал я. – Я пройду прямо наверх, когда вернусь. – И, оставив ее в гостиной по-прежнему злой, я выбежал в ту часть конюшни, которая была переделана под гараж.

Ехал я быстро. Я несся по главной дороге через Сент-Джаст. Вскоре я устремился по пересеченной местности пустоши, а когда перебрался через перевал, ведущий в приход Зиллан, солнце исчезло в темнеющем море, а на странный пейзаж вокруг опустились сумерки. Я свернул и помчался по проселочной дороге, ведущей на ферму.

На секунду я подумал, что он уже уехал, но неожиданно увидел его велосипед, прислоненный к стене маслодельни, и понял, что он все еще там. Я остановил машину во дворе, вышел и быстро прошел на кухню.

Он сидел там, где до него, должно быть, сиживал его отец, развалившись на стуле и закинув ноги на край стола. Я едва узнал его, потому что не видел три года, а между тринадцатью и шестнадцатью годами подростки сильно меняются. Детская плотность телосложения исчезла; он по-прежнему был крепок, но это была крепость худого, жилистого тела. Выражение лица было по-прежнему агрессивное, а губы надуты. Волосы, светлые в детстве, стали грубого каштанового цвета. Он небрежно зачесывал их назад, не разделяя на пробор. Выглядел он тем, кем и был: хулиганом из рабочего класса с неясным будущим; и хотя я искал в его лице пусть самого легкого сходства с Ребеккой, это было тщетно.

– Так это ты, – сказал он, не поднимаясь со стула. – А я-то думал, соизволишь ли ты повидаться со мной, пока находишься дома. Наверное, не соизволил бы, если бы не старушка.

В его выговоре корнуолльский акцент смешивался с лондонским просторечием кокни, и все это усугублял жаргон муниципальной школы. Ужасное произношение.

– Мама, пожалуйста, оставь нас, – непринужденно сказал я, и она вышла, не говоря ни слова.

– Ну что ж, негодяй, – сказал я, неимоверным усилием воли подавляя гнев. – Проблемы с тобой начались, как только ты родился, поэтому я не удивлен, что во время моего отсутствия они только возросли. Мне казалось, что даже ты не опустишься до того, чтобы изводить свою собственную бабушку, но, как видно, я ошибался.

– Это она меня изводит! – Он встал. Он был выше меня дюйма на два. Голубые глаза сверкали гневом. – Вы оба меня изводите! Я должен был жить в Пенмаррике и иметь столько денег, сколько захочу, я должен был ходить в дорогую школу, а в результате все, что у меня есть, – это комната и содержание на грязной старой ферме дяди Джареда вместе с тремя синими чулками! И никаких денег, кроме тех, что я могу украсть, и образование в местной школе! Ты украл у меня мое наследство, ты и твоя… старуха-мать! Вы обработали дядю Филипа и заставили его изменить завещание…

– Посмотри фактам в лицо, дорогой мой, – медленно произнес я, решившись не унижать себя гневом и какой-нибудь глупой выходкой. Он был уже слишком взрослым для обычной порки, а если бы дело дошло до драки, то он сумел бы постоять за себя, а я мог и оскандалиться. – Посмотри фактам в лицо. Ни я, ни моя мать не имеем никакого отношения к тому, что Филип изменил завещание.

– Имеете! – заорал он. – Мне Саймон Питер говорил…

– Саймон Питер ненавидит и меня, и мою мать. Вряд ли можно ожидать от него объективности.

– Но это правда!

– Это неправда, – произнес я, подчеркивая каждый слог. – Правда состоит в том, что твоя мать привела Филипа в такое отчаяние, что у него кончилось терпение и он отказался от мысли сделать тебя своим наследником. Если бы не твоя мать…

– Не смей говорить мне о моей матери! – Он дрожал с ног до головы. – Я знаю, что ты с ней сделал!

– А раз уж мы заговорили о правде, то позволь мне сказать, что кое-кто, а именно Саймон Питер, наговорил тебе и Деборе кучу лжи. Я не имею

никакого отношения к смерти твоей матери, абсолютно никакого.

– Ты убил ее!

– Ерунда!

– Ты просто убийца! Я знаю, как она умерла! Я уже взрослый! У нее должен был быть ребенок – от тебя! – и ты заставил ее пойти к какому-то мяснику, чтобы от него избавиться!

– Я не делал ничего подобного. Я пытался убедить ее поехать к гинекологу в Лондоне. Да и ребенок это был не мой.

– Врешь! – орал Джонас. – Врешь! Любой в приходе Морва знал, что ты спал с ней, когда бы ни приходил в наш дом! Все знали, как она тебя любила и как плохо ты к ней относился! Она никого, кроме тебя, не любила! Мама была хорошая, красивая и не стала бы спать с любым, кто…

Во мне что-то оборвалось. Горячий, опасный гнев ударил мне в голову.

– Дорогой Джонас, – сказал я, – ты явно идеализируешь образ своей матери. На самом деле она не была и наполовину так добродетельна, как тебе хочется думать. Не говоря уже о том, что она бегала за мной, так же как и я за ней, – однажды она даже подцепила меня на углу улицы, чтобы поразвлечься после обеда! – и она не просто так интересовалась последним постояльцем, который провел Рождество на ферме Деверол перед тем, как она умерла. Тебе уже пора понять, что твоя мать…

Его движение было таким быстрым, что застало меня врасплох. Я увидел приближающийся кулак, но, хотя и попытался увернуться, он все равно попал мне в челюсть, и я отлетел к стене. Комната закачалась. Я захрипел, попытался восстановить дыхание, но, когда увидел, что он опять идет на меня, рефлексы сразу ожили.

Он опять попытался меня ударить, но на этот раз я был наготове. Я увернулся от его кулака и нанес ему точный апперкот в челюсть, от которого он сильно закачался и упал. Голова его ударилась о деревянную ножку стола; он с грохотом упал на пол и затих.

Я стоял, глядя на него и тяжело дыша. Кухонная дверь открылась. Я оглянулся и увидел, что мать заглядывает в комнату.

– Джан…

– Одну минуту, мама.

– Что случилось?

– Он ударил меня, а я ударил его. Он придет в себя. – Я смахнул пот со лба и подошел к Джонасу, который по-прежнему лежал на полу. – Хорошо, – коротко сказал я ему, тронув его кончиком ботинка на случай, если он притворялся. – Можешь вставать.

Он не шевелился.

– Джонас!

Ответа не было.

Я наклонился, перевернул его, осмотрел.

– Джан…

– Отойди, мама. – Я встал на колени, расстегнул ему воротник и попытался нащупать пульс, но слышал только громкие удары своего сердца, отдававшие в голову с такой силой, что в ушах звенело.

– Вот, – сказала мать дрожащим голосом. – Возьми зеркало. Приложи ко рту.

Я приложил. Оно не запотело.

Он был мертв. Сын Ребекки умер. Умер мой собственный племянник, а я…

Я нанес удар, который его убил.

Глава 11

По прошествии пятидесяти лет Мэттью Перис совершенно не понимал, что именно случилось, и мог только надеяться, что было неправдой то, что Иоанн убил Артура. Тот просто исчез, и поползли слухи, что он умер… (Филипп Август) начал дразнить Иоанна этим исчезновением, как только поверил, что Артур мертв…

У. Л. Уоррен.

Иоанн Безземельный

(Артур) был шестнадцатилетним рыцарем, которого захватили в плен, когда он пытался обложить мешками с песком замок, где укрывалась его восьмидесятилетняя бабка. Смерть его была несвоевременной, но не вполне незаслуженной.

Альфред Даггап.

Дьявольский выводок

1

– О боже, – сказал я. Больше я ничего не смог выговорить. Я стоял на коленях и смотрел на Джонаса; мозг мой оцепенел, я не знал, что делать. – О боже.

Тогда мать, а не я, взялась за дело. Вспоминая этот случай, я удивляюсь, как спокойно она держалась после такого ужасного потрясения, но потом она сказала мне, что не позволила шоку овладеть собой до наступления следующего дня; потом она лежала в постели целую неделю и встала, только когда врач пригрозил ей, что заберет ее в больницу на обследование. Но сейчас, через минуту после ужасного происшествия, она была само ледяное спокойствие. Я всегда знал, что моя мать – крепкая старушка; а теперь она мне это еще раз доказала. Пока я неподвижно сидел

на полу у тела Джонаса, она нашла бутылку бренди и неловко налила жидкость в два бокала.

– Пей, Джан-Ив.

Мы выпили. Я встал, но ноги мои были так слабы, что мне пришлось сесть.

– Ты в этом не виноват, – сказала мать. – Ты не хотел его убивать, я знаю. Это случайность.

Но я был слишком потрясен, чтобы отвечать. А Саймон Питер поверит, что это была случайность? Если кто-нибудь знает, что Джонас откровенно шантажировал мою мать и меня за мою роль в смерти Ребекки, в любую историю о случайности будет сложно поверить.

– Я скажу, что была в комнате, – сказала мать. – Я скажу, что видела, как это случилось.

Но она была заинтересованным лицом, предвзятым свидетелем, даже подозреваемой, которая могла задумать убийство вместе со мной.

– Ах, если бы я только не давала ему денег! – сказала мать. – Он, должно быть, сказал кому-то, что тебе есть что скрывать в отношении смерти его матери – он бы не стал молчать о том, что я даю ему деньги! А я была просто щедра к нему, потому что он мой внук, а не из-за его смешных угроз. Интересно, кто-нибудь в это поверит?

После долгого молчания я спросил:

– Интересно, а знает ли кто-нибудь, что он сегодня сюда собирался?

– Надо исходить из предположения, что кто-то знает.

– Мне кажется, нам надо сказать… – Я замолчал.

Мать посмотрела на меня:

– …что он приходил. Я позвонила и попросила тебя приехать, потому что он надоедал мне требованиями денег и вообще был неприятен. Он был сложным мальчиком, но, поскольку он мой внук и мне хотелось ему помочь, я время от времени давала ему деньги. Джан-Ив, мы будем говорить правду – и ничего, кроме правды. До определенного момента. Тогда никто не сможет доказать, что все последующее было неправдой.

– Да, – медленно произнес я. – Да… Он был груб, с ним было тяжело, поэтому я сурово поговорил с ним и велел больше тебя не тревожить. Мы поссорились, да, мы даже поссорились, а потом…

– А потом, – сказала мать, – он велел тебе убираться к черту и ушел. Мы еще долго обсуждали происшедшее, а потом ты наконец уехал обратно в Пенмаррик. Ты уехал в одиннадцать. В девять часов, то есть сейчас ты позвонил жене и сказал, что Джонас только что ушел, но что я расстроена, и ты поедешь домой не сразу, а когда я почувствую себя лучше.

– Да, – снова сказал я. – Да, так оно и было. – Я налил нам еще бренди, и мы снова обдумали ситуацию.

– Хорошо, что ты приехал на машине, – сказала мать. – Все будет легче сделать. Но что делать с велосипедом? Он уместится в багажник?

– Я от него избавлюсь, не беспокойся… Где Энни? Спит?

– Да, она всегда ложится с сумерками. Не думай о ней. Что ты собираешься делать с велосипедом, Джан-Ив?

– Есть очень плохая дорога, которая ведет к шахте Динг-Донг…

– Шахта затоплена?

– Не знаю. Да, я понимаю, о чем ты. Если бы я мог добраться до Сеннен-Гарта… но мне кажется, что я не смогу довезти и его, и велосипед до бухты.

– Зачем до бухты?

– Главные штольни выходят на пляж. Если бы я мог добраться до штолен…

– Около Кинг-Уоллоу есть старый ствол, куда Филип спускался, когда был мальчиком. Он мне однажды сказал, что, когда Сеннен-Гарт затопят, можно будет посмотреть вниз, в ствол, и увидеть воду.

– Правильно. Я знаю, о каком стволе ты говоришь: он мне его однажды показывал. Но если шахту когда-нибудь осушат… да нет, зачем? Я буду владеть ею до конца жизни, а когда я умру, никому до этого уже не будет дела. Я позабочусь о том, чтобы шахту не осушали.

– Никому и в голову не придет ее осушать, – сказала мать. – Это дорого, а там не осталось достаточного количества олова, пригодного для добычи, чтобы оправдать расходы. Корнуолльскому Оловянному Берегу пришел конец. Ты в безопасности.

– Тогда, если я доеду до Сеннен-Гарта…

Мы поговорили еще, повторяя эту версию, чтобы не упустить ни одной детали.

– Знаешь, – сказал я наконец, – я склоняюсь к тому, чтобы не избавляться от велосипеда. Кто угодно может свалиться в темноте в неогороженную штольню, но никто не заедет туда на велосипеде. Если велосипед исчезнет, это вызовет больше подозрений, чем если его найдут. А если я продырявлю заднюю шину и оставлю его на дороге в Морву? Полиция может решить, что с Джонасом, который шел по пересеченной местности к ферме своих сестер, в темноте случилось несчастье.

– Но бросит ли Джонас велосипед? Разве он не слезет с него и не покатит с собой?

– Он устал и зол. Может быть, остановилась машина и его подвезла.

– Да, полагаю, это возможно.

– Дело в том, что если они не найдут тело, то не смогут ничего доказать, а тело они никогда не найдут.

– Правда.

– У тебя есть какие-нибудь перчатки?

– Да… а что?

– Я начитался достаточно детективов, чтобы знать, что нельзя трогать велосипед руками.

Она ушла на поиски старых перчаток Филипа, а я вышел во двор, чтобы найти мешковину и потом завернуть в нее тело. Когда я вернулся, она ждала меня на освещенном пороге кухни.

– Может, погасить свет? – спрашивала она. – Меня преследует ощущение, что по крайней мере тысяча человек следят за нами в темноте из-за холмов.

– Да, выключи.

– Подожди! Позвони Изабелле сказать, что задерживаешься.

– Я сначала положу тело в машину, а велосипед в багажник.

Мы молча работали в темноте. Когда мы наконец закончили, я вернулся в холл и взял трубку.

– Пожалуйста, Сент-Джаст, двадцать один… – Я подождал, слушая пустую тишину. – Алло, можно мне поговорить с женой?.. Изабелла? Дорогая, мне очень жаль, но Джонас устроил настоящую сцену – он уже ушел, но мать расстроена, поэтому я останусь здесь еще по крайней мере на час… Не жди меня, пожалуйста… Прости, дорогая…

Когда я клал трубку, мать подошла ко мне.

– Она рассердилась?

– Да, боюсь, что рассердилась. – Мне было холодно, я устал, у меня не осталось ни сил, ни чувств.

– Бедняжка, наверное, она ненавидит тебя за то, что ты проводишь время со мной. – Мать положила руку на мою. – Джан-Ив…

Я поднял глаза:

– Да?

– Не говори ей.

– Думаю, придется. Но это не имеет значения: жена не может давать показания против мужа.

– Не говори никому, – сказала мать. – Никому. – Для такой пожилой женщины ее голос звучал очень сильно. – Послушай, Джан. Мы с тобой – единственные, кто знает об этом ужасном случае. Я скоро умру, и после этого ты будешь единственным, кто знает. Держи это при себе. Не нужно

изводить себя чувством вины. Ты не виновен в убийстве. Это была случайность, и я знаю это так же хорошо, как и ты. Кроме того, он ударил первым, а ты ударил, защищаясь: любой суд тебя оправдал бы, если бы мы только могли доказать случившееся, но мы не можем, поэтому мы поступаем правильно, хотя и рискованно. Не делай ситуацию еще более опасной, чем она есть! Не говори ни единой душе о том, что случилось. Ни Лиззи, ни Уильяму – и ни в коем случае Изабелле. Это неправильно, что между мужем и женой не должно быть тайн. Иногда лучше, когда секреты есть, и это как раз тот случай. Понимаешь, она слишком молода, она не знает жизни, хотя и любит притворяться, что знает. Для нее это будет слишком тяжело, да и к тому же, как бы она тебя ни любила, она всегда может задуматься о том, была ли это случайность. Ты меня понимаешь?

– Да, – с болью сказал я, – да, я понимаю, но… о боже! Когда я сегодня вернусь домой, она будет ждать, будет ждать от меня любви…

– Тогда займись с ней любовью, – сказала мать. – Она не должна заподозрить, что что-то произошло.

– А если будет ребенок… Я буду смотреть на него и вспоминать…

– Нет, не будешь! – сказала мать неожиданно ядовито. – Ты думаешь, что каждый раз, когда я смотрю на тебя, я вспоминаю, что ты был зачат насильственно, против моего желания, в той ужасной гостинице в Брайтоне? Может быть, я и вспоминала об этом, когда ты только родился, но не сейчас, когда ты стал мне так дорог. Пожалуйста, Джан-Ив, пойми, время все расставляет по местам. Этот случай сейчас кажется тебе ужасным, но через пять, десять, двадцать лет он станет просто воспоминанием, которое больше не будет для тебя стрессом. Ты должен мне поверить! Потому что это правда.

Я обнял ее и долго держал в объятиях. Ее сморщенная старая рука погладила мне шею, волосы и замерла.

– Пора.

– Мама…

– Никаких чувствительных прощаний. Это будет слишком для нас обоих. Я очень надеюсь, что, когда война закончится и ты вернешься домой насовсем, я все еще буду жива, а если нет, то да благословит тебя Господь. Никогда, никогда не забывай, что ты невиновен.

Перед тем как выйти в холодную ночь, я выпил еще бренди. Небо было затянуто облаками, но время от времени между ними образовывался разрыв, и бледный лунный свет просачивался на пустошь. Достаточно темно для тайн, но и достаточно светло, чтобы видеть, что делаешь.

Я сел за руль.

– До свидания, мама.

– До свидания, Джан-Ив.

Я оставил ее, хрупкую, согбенную старушку, а она смотрела, как я отъезжаю по дорожке в темноту.

Я подумал: «А увижу ли я ее когда-нибудь еще?»

2

Я оставил велосипед с порезанной шиной на обочине рядом с границей прихода Морва и поехал вниз по холму к северному берегу, а на заднем сиденье лежало завернутое тело Джонаса. Из Морвы я проехал Пендин, потом Сент-Джаст, затем съехал на заброшенную дорогу к шахте Сеннен-Гарт.

Последнюю часть пути мне пришлось пройти, и пройти медленно, потому что тело оказалось очень тяжелым, но ствол шахты я нашел без труда и остановился на его краю, чтобы отдышаться. Сквозь облака снова пробилась луна и пролила жуткий свет на руины корявых утесов, которые были мне столь хорошо знакомы. Я чувствовал себя так, словно забрел на развалины древней цивилизации, словно, пытаясь избежать ужасов настоящего, сделал шаг в прошлое. Я содрогнулся, посмотрел на мешок у своих ног и на долгую минуту закрыл глаза в молитве.

Я умолял Господа простить меня. Я просил Его о справедливом наказании, чтобы мне не пришлось всю оставшуюся жизнь жить с чувством невыносимой вины. Я просил Его о возможности пострадать, чтобы я мог искупить свою вину и почувствовать себя лучше.

«Страдать, – молил я, – но не умереть».

Умереть было бы несправедливо. Я не хотел умирать.

«Позволь мне жить», – молился я, стараясь не думать об ужасах войны, на которую мне вот-вот предстояло возвратиться, и вскоре я молил уже не только Господа, но и двуглавого фантома по имени Справедливость-и-Несправедливость, чудовища, которое завораживало меня всю мою жизнь. «Дай мне справедливости, – просил я. – Это все, что мне нужно. Дай мне справедливости. Какой бы она ни была, дай мне справедливости».

Я склонился над телом. Я пытался не думать о Ребекке, о прошлом, и все же я просил ее простить меня так, словно она стояла рядом и могла слышать каждое мое слово. По лицу у меня катились слезы, грудь стеснило от попыток подавить рыдания. Сделав невероятное усилие, я подтащил тело к краю шахты и столкнул его в темноту.

Через, как мне показалось, нескончаемое время послышался всплеск, а потом наступила тишина.

Все было кончено.

Добравшись до машины, я просидел там четверть часа, пытаясь прийти в себя. Меня еще время от времени сотрясали рыдания, но в конце концов я с ними справился и вытер глаза платком. Вскоре я зажег спичку и посмотрел в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что следов слез не осталось. Но глаза мои казались только еще темнее обычного и покрасневшими, словно я невыносимо устал.

Наклонившись вперед, я заставил себя завести мотор и задним ходом съехать до места, откуда можно было развернуться и ехать обратно в деревню. Теперь предстояло самое сложное. Мне нужно было утишить гнев Изабеллы, убедить ее, что ничего не случилось, и вести себя, как повел бы себя любой любящий муж в последние минуты сорокавосьмичасового отпуска.

Мне было страшно.

3

Я уехал на рассвете, чтобы попасть на ранний поезд в Лондон, и она пришла со мной на станцию. Мы взяли машину и поехали туда одни, хотя для этого едва хватило бензина с черного рынка.

– Бедный Джан, – говорила Изабелла, прижимаясь ко мне, пока я вел машину по холодной безлюдной дороге через пустошь. – Я знаю, что ты расстроен, хотя и очень стараешься этого не показывать. Не нужно расстраиваться из-за того, что ночь была такой короткой: было так замечательно просто лежать в твоих объятиях… Мне на самом деле кажется, что теперь ребенок будет. Мне это подсказывает интуиция. А когда ты приедешь домой в следующий раз…

Но ребенка не было. Она написала об этом тремя неделями позже коротенькое, печальное письмецо, а я подумал: «Интересно, что бы она сказала, если бы узнала об облегчении, которое я испытал, узнав эту новость?» Я не хотел никаких серьезных напоминаний о том сорокавосьмичасовом отпуске по семейным обстоятельствам.

Довольно было воспоминаний.

4

Вскоре начали приходить письма.

«Мой дорогой Джан, ты не поверишь! Кажется, Джонас таинственным образом исчез…»

«Дорогой Джан, не падай в обморок, увидев еще одно письмо от твоего престарелого полуграмотного брата, но я должен сообщить тебе, что все ищут Джонаса…»

«Дорогой Джан, – вежливо писала мать, – без сомнения, ты уже знаешь, что Джонас исчез. Это очень странно, не могу и придумать, что с ним случилось. Велосипед нашли через день после того, как он приходил к нам, но никаких других признаков его существования нет. Мы все боимся, что с ним что-нибудь случилось, но полиция так не считает. Сегодня утром ко мне приходил полисмен, очень милый человек, потому что мы, по всей видимости, были последними, кто его видел, но, боюсь, я не очень ему помогла, только сказала, что Джонас вылетел отсюда в гневе, а ты остался со мной еще на пару часов, чтобы меня ободрить. Конечно, мне пришлось совершить небольшой экскурс в семейную историю, чтобы объяснить, почему вы с Джонасом поссорились, но полисмен был очень добр, он все понял, и тебе незачем волноваться…»

«…Все это очень странно, – писал Уильям. – Версия, которая сейчас превалирует над другими, – это что Джонас пошел по пустоши и упал в неогороженную шахту, но я ей не верю. Во-первых, Джонас, когда бросил велосипед, был уже в приходе Морва, и, если он и пошел через пустошь к ферме своих сестер, я не верю, что он мог попасть в беду. Джонас знал приход Морва как свои пять пальцев, потому что жил там всю жизнь, а его путь не пролегал мимо старых шахт. Как ты думаешь, может быть, его подвез какой-нибудь сумасшедший? По правде говоря, в это я тоже не верю, потому что Джонас был таким крепким, что мог бы побить самого сумасшедшего изо всех сумасшедших убийц. Как ты думаешь?»

«Дорогой Джан-Ив, – говорилось в холодном письме, напечатанном на бумаге конторы „Холмс, Холмс, Требарва и Холмс“. – Я уверен, что Вам уже известно об исчезновении Джонаса. Мистер Винсент просил меня написать Вам, чтобы заверить, что делается все возможное, чтобы его найти, а поскольку полиция, похоже, удовлетворилась тем, что ничего криминального не произошло, мы наняли частных детективов для более тщательного расследования. Я нанял их за свой счет, потому что исчезновение Джонаса, если можно так выразиться, по меньшей мере странно. Полиция считает, что он был разгневан, когда ушел с фермы Вашей матери, а когда порвалась шина на велосипеде, пришел в такое расстройство, что решил сесть в первую попавшуюся машину и оказался в

Пензансе, чтобы переждать ситуацию. Потом, как они считают, он поддался обычному подростковому импульсу и сбежал из дома. Всем было известно, что он был угрюмым, всем недовольным и сложным мальчиком.

Но в этой ситуации есть пара аспектов, которые, как мне кажется, очень важны. Во-первых, я сомневаюсь, что Джонас бросил бы велосипед даже на время. Ему пришлось зарабатывать деньги, чтобы его купить, велосипед был новым и Джонас им очень дорожил. Он довез бы его до Морвы, а не бросил на обочине. Во-вторых, Ваша мать недавно давала ему деньги. Я это знаю, потому что он уже некоторое время не приставал ко мне с просьбами дать ему деньги помимо карманных, а когда я спросил почему, признался, что бабушка, хотя и неохотно, решила ему помочь. Цитирую его слова: „Она не хочет, но она не может отказать“. В то время я ничего на это не сказал, но поскольку Ваша мать и в лучшие времена не проявляла щедрости к этой ветви семьи, то мне показалось странным, что она проявила ее к Джонасу, когда у нее совсем не было для этого причин. Наконец, Джонас недавно узнал правду о смерти своей матери и пытался найти „врача“, который сделал незаконную операцию. Я, конечно, всячески предостерегал его от этого, поскольку полиция уже провела расследование, но ему не терпелось найти „врача“, а через него и мужчину, который заставил Ребекку искать подпольной медицинской помощи.

Конечно, Вам, так же как и мне, хочется, чтобы эта загадка разрешилась как можно скорее. Поэтому я надеюсь, что мы сможем преодолеть нашу былую взаимную враждебность и соединим усилия, чтобы понять, как и почему пропал Джонас. Искренне Ваш, Саймон Питер».

«Дорогой Саймон Питер, – написал я в ответ, стараясь не попасться ни в одну из ловушек, расставленных в его письме, и решив, что ему известно больше, чем он написал, – благодарю Вас за письмо и за найм частных детективов, чтобы разрешить эту запутанную и тревожную тайну. Мне жаль, что я не могу предложить никаких конструктивных соображений об исчезновении Джонаса. Я полагаю, что Вы уже слышали от полиции, что в ту ночь Джонас ушел с фермы моей матери разгневанным, потому что я прямо сказал ему, чтобы он ее больше не тревожил. Он вытягивал из нее деньги уже некоторое время, утверждая, что имеет моральное право разделить наследство моего отца, а поскольку она стара, слаба и сентиментальна, то поддавалась его требованиям просто потому, что он ее внук. Настоящий бандит, не правда ли? Я заметил, что Вы тоже пишете о нем без особой симпатии, и мне было интересно узнать, были ли у Вас проблемы, сходные с проблемами моей матери, касательно финансового

положения Джонаса.

Мне он не говорил, что разыскивает мясника, который убил его мать. Лично я думаю, что позор полиции, раз она не смогла найти виновного, но, без сомнения, дело еще не закрыто. Я был удивлен, узнав, что Джонасу неизвестно имя отца ребенка. Но насколько мы знаем, этот человек не был в Корнуолле во время смерти Ребекки, его вряд ли можно обвинить в том, что он нашел для нее подпольного врача. Я забыл его имя, но уверен, что Дебора помнит. Мне кажется, он был учителем откуда-то из пригородов Лондона.

Передайте от меня привет Вашей жене. Я слышал, что Вы делаете много юридической работы для армии, поэтому был удивлен, увидев бумагу конторы „Холмс, Холмс, Требарва и Холмс“. Еще я слышал, что у Вас, в дополнение к двум дочерям, родился сын, а это значит – война не отнимает у Вас все силы, как я думал! Искренне Ваш, Джан-Ив.

P. S. Не понимаю, почему Вам нужно нести все финансовое бремя найма частных детективов, и поэтому настаиваю на том, чтобы оплатить половину расходов. Пожалуйста, дайте мне знать, как только получите от них счет».

Ответ от него пришел не скоро, но был удовлетворительным.

«…поэтому я отозвал детективов и оставил это дело в Бюро пропавших лиц, – писал он. – Спасибо за предложение разделить со мной расходы; принимая его, я прилагаю счет от детективного агентства. Но мне хотелось бы, чтобы Вы знали, что я недоволен исходом расследования; по моему мнению, было совершено преступление. Посмотрим, откроются ли еще какие-либо обстоятельства дела, но для меня оно никогда не будет полностью закрыто. Я уверен, что и Вы разделяете мое сожаление из-за неудовлетворительного расследования этого загадочного и неприятного дела.

Армия заставляет меня бегать из одного военного трибунала в другой, поэтому я стал в каком-то смысле экспертом по военному праву. Но когда я писал Вам последний раз, я был дома в отпуске и воспользовался возможностью заглянуть в офис и продиктовать несколько полуделовых писем. Сыну мы дали имя Джон-Хенри в честь моего деда, и я уже записал его в Харроу. Брат жены всегда с похвалой отзывался об этой привилегированной школе, и мне кажется, что надо вести себя так, словно Харроу, равно как и любое другое английское учебное заведение, через четырнадцать лет, когда Джону-Хенри придет время поступать туда, еще будет существовать. Должен признать, что иметь сына очень приятно, этот факт внушает некоторую уверенность в будущем…»

«Черт бы тебя побрал!» – прорычал я и разорвал письмо на мелкие клочки. И хотя от письма остался неприятный осадок, я почувствовал себя лучше. Саймон Питер подозревает, что я убил Джонаса, но мы оба знаем, что он никогда не сможет этого доказать. Учитывая этот факт, я смог простить ему полный колкостей последний абзац, в котором он не только напомнил мне о том, что у него, по крайней мере, есть сын и наследник, но и о том, что его сын будет таким же джентльменом, как и мой.

Я начал страстно желать сына. Когда я вернусь с войны…

Но мир был еще далеко. Шел только 1942 год, и мне предстояло выживать еще три года.

5

Двадцатого июня Тобрук взяли немцы.

Триумф Роммеля стал моим поражением. Я стал одним из тридцати трех тысяч, вынужденных сдаться врагу, и в конце концов, после серии перемещений, слишком унизительных, чтобы их здесь описывать, оказался в обнесенном колючей проволокой итальянском лагере для военнопленных. Почему итальянском – понятия не имею. Единственное объяснение этого факта, которое мне приходит в голову, – это то, что он был ближе к Тобруку, чем к Германии, и что итальянцы были рады принять английских пленников после серии наших отступлений в Северной Африке. Но я к тому времени был настолько подавлен, что мне было все равно, в Италии ли я, в Германии или в Томбукту.

Бог, очевидно в сотрудничестве с моим двуглавым чудовищем, придумал для меня гораздо более изощренную кару, чем просто смерть, чтобы наказать за случайное убийство Джонаса. Я был активным человеком, который терпеть не мог безделья и не любил отказывать себе в плотских радостях. А меня ждали три года полного отсутствия женщин и такая бездеятельность, что я чуть не сошел с ума, – это было для меня сущим наказанием.

Я был там до конца войны.

Моя жажда деятельности невольно сделала меня лидером среди пленников. Я организовывал концерты, чтения стихов, гимнастические соревнования и десятки других мероприятий, чтобы занять всех, в том числе и себя. Из человека, который в школе демонстрировал только непослушание и неподчинение, я превратился в заядлого общественника.

– Да ты просто чертов торнадо, – сказал наш местный острослов,

коренной лондонец из Ист-Энда. – Из тебя так и сыплются всякие идеи. Тебя надо называть майор Всезнайка, а не майор Касталлак. Тебя неправильно крестили.

Я не сбежал. Я помог сбежать четверым, включая своего лучшего друга, и как раз готовился последовать за ними, когда всех их привели обратно и расстреляли. После этого я занимался только концертами и гимнастикой.

Я начал мечтать, и мечтал днем и ночью. Когда я спал, мне снился Корнуолл и Пенмаррик. Мне снилась Изабелла. Мне снилось прошлое: моя старая няня, как она добавляет по чайной ложке джина в чай и читает мне перед сном истории про чертенят; отец, который говорит: «Няня ушла. У тебя будет новая няня, и жить ты будешь в одной детской с Элизабет»; Лиззи, пухленькая и черноволосая, с леденцом в руке. Мариана мне тоже снилась – красивая, лучшая на балу, она сходит по большой лестнице Пенмаррика, а за ней идет Маркус, веселый, очаровательный Маркус, прирожденный аристократ, и вдруг Жанна хватает меня за руку и говорит: «О, Мариана такая хорошенькая! Ах, если бы я была такая же хорошенькая! Какой прекрасный бал!» Но потом бальная зала превращалась в конюшни Пенмаррика, и несчастный Адриан бормотал Уильяму: «Как ты думаешь, все уже догадались, кто мы?» Неожиданно появлялся отец, клал руку на плечо Адриана, потом сцена менялась, и Филип кричал что-то о Сеннен-Гарте, а в следующую секунду я был на двести сороковом уровне, а Тревоз говорил, смеясь: «От одного бокала сидра ничего не случится!» После этого шли похороны и смерти, так много смертей… Смерть охотилась и за мной, но я был жив, и останусь жив и в здравом рассудке, потому что Изабелла меня ждет, и я когда-нибудь вернусь домой.

Мне снилось, что я дома, бегу по длинной, извивающейся дорожке Пенмаррика, мимо цветущих рододендронов. Изабелла ждет на пороге, на ней длинное белое свадебное платье, она улыбается, видя, что я бегу к ней. Поэтому я бежал, бежал и бежал, чувствуя запах свежескошенной травы и соленого ветра с моря, а солнце было ярким и теплым, и наконец я добегал до Изабеллы, а она оказывалась просто восковой фигурой. А когда я пробегал мимо нее в холл, дом был запыленным, запущенным, крыша провалившейся.

«Изабелла! – кричал я. – Изабелла!»

Я был весь в поту, но, когда открывал глаза, Пенмаррик исчезал, а я лежал на жестких тюремных нарах.

– Ради бога! – жаловался кто-то рядом.

– Тсс. Это всего лишь майор Всезнайка. Не из-за чего волноваться. Каждую ночь одно и то же.

Я снова засыпал. Теперь мне снился Саймон Питер Рослин: он был в «роллс-ройсе» с шофером, а я стоял у обочины, снимал шляпу и кланялся, когда он проезжал, а когда поворачивался к своему плугу, то думал, что ничто не имеет значения, даже то, что Пенмаррик превращается в руины, потому что у меня есть Изабелла, потому что Изабелла меня любит, потому что Изабелла будет ждать моего возвращения…

Я стоял на вокзале – большом вокзале, Ватерлоо наверное. Я возвращался домой, кругом были огромные толпы людей, поэтому ее было трудно увидеть. А когда я увидел ее, она стояла ко мне спиной, и я подумал, что это странно, потому что она должна была бы искать меня так же упорно, как и я ее. Я пробегал всю платформу, ныряя между людьми, а когда наконец добегал до нее, понимал, что это совсем не Изабелла, а чужая женщина, которую я никогда раньше не видел. Поэтому я продирался сквозь толпу и выкрикивал ее имя: «Изабелла! Изабелла! Изабелла!»

– Заткнись, Джонни! Вот молодец. У нас от тебя бессонница.

– Черт побери…

– Молитва сегодня что-то дольше, чем обычно. Получаем за свои деньги больше, чем всегда.

Изабелла меня ждет. Когда я вернусь домой, там будет Изабелла. Мне только и нужно, что остаться живым. Мне только и нужно, что остаться в живых и не потерять рассудок, потому что меня ждет Изабелла, и я когда-нибудь вернусь домой.

Мне снился фиолетовый вереск, зеленый папоротник-орляк, серые стены замка Чун, я чувствовал запах шиповника у двери дома моей матери, а обочины узких деревенских дорог были расцвечены очным цветом, колокольчиками и лютиками, и в саду Пенмаррика горели экзотические краски. Изабелла была там, в саду Пенмаррика, она улыбалась и шла мне навстречу, она говорила: «Прости, Джан, но, понимаешь, я думала, что ты не вернешься. Мне было так тоскливо, так душно и… понимаешь, я больше не хотела ждать. Я знаю, ты поймешь. Дорогой, ты такой понимающий, я уверена, что ты уже догадался, что я всегда любила только Кита. Ты сам виноват: ты появился и очаровал меня, когда я была еще слишком молода, чтобы понимать, что к чему. Но не вини себя, дорогой, не упрекай за то, что произошло, я тебя искренне прощаю. На самом деле я молюсь за тебя каждый день и надеюсь, что, когда у тебя будет свободное время, ты приедешь к нам в гости в Девон».

Но конечно же, это был только сон; я понял, что это сон, как только открыл глаза, потому что Изабелла любит меня, ждет, и однажды…

И однажды, в 1945 году, я вернулся домой.

6

Я был на вокзале, большом вокзале, Ватерлоо. Он был полон народу. Странно, но мне почти хотелось, чтобы это было во сне, но на этот раз я не спал. Это было наяву.

Я был очень напуган.

Я вышел из поезда, остановился на платформе и вгляделся в бурлящую толпу. Вокруг меня обнимались мужья и жены. Все кричали, плакали и смеялись одновременно. В воздухе стояло возбуждение, а когда локомотив с неожиданным трубным звуком выпустил пар, никто этого и не заметил.

Я пошел по платформе. Я был в форме, с сумками в руках. Со стороны я, должно быть, выглядел как любой другой солдат, но я говорил себе, что только от меня зависит, я увижу ее первой или она меня. Я дошел до барьера, прошел через огромный холл за ним, но ее не было и следа.

Может быть, она не получила мою телеграмму? Я постоял у барьера, напрягая зрение, но увидел только безликих мужчин и женщин, которые бросались друг другу в объятия; я же, потрясенный и одинокий, стоял у платформы.

Значит, справедливости все-таки нет, нет двуглавого чудовища, которое может благосклонно улыбнуться, нет Бога, который мог бы обо мне позаботиться. Есть только случай, слепой случай, бессмысленно крутящийся в темном вакууме, потому что Изабелла не приехала меня встречать, потому что Изабелла больше меня не любит, потому что я потерял Изабеллу.

Глаза начали наполняться глупыми, незваными слезами горя.

На секунду я закрыл глаза, пытаясь справиться с болью, а когда открыл их, она была там, улыбалась, шла ко мне с легкой, воздушной грацией, которую я так ясно видел в своих снах, но это была другая Изабелла: Изабелла переменившаяся, Изабелла знакомая и в то же время ужасно незнакомая.

У меня перехватило дыхание, я не мог говорить.

Я видел женщину, женщину двадцати пяти лет, очень красивую, с пепельными волосами, красиво уложенными под невероятно элегантной шляпкой, худощавую, ослепительную женщину с огромными зелеными

глазами, блестящими от слез, и с пухлыми, чуть приоткрытыми алыми губами.

– Джан! – крикнула она. – Джан, я не могла тебя найти… это ужасно… хуже, чем в моих кошмарах…

И тогда для нас кончились все кошмары, а она кинулась мне в объятия.

---

notes

Сноски

1

Джентри – мелкопоместное дворянство в Англии.

2

Дольмен – мегалитическое сооружение в виде большого каменного ящика, накрытого плоской плитой.

3

Йомены – крестьяне, которые вели самостоятельное хозяйство на земле, являвшейся их наследственным наделом.

4

Имеются в виду герои романа Ш. Бронте «Джейн Эйр».

5

Каус – курортный город на о. Уайт, место проведения ежегодной парусной регаты.

6

У него что, не все дома? *(фр.)*

7

Горгульи – скульптуры на крыше, изображающие гротескные фигуры людей и животных и установленные таким образом, чтобы вода, текущая вниз по желобам, отбрасывалась от стен для предотвращения пятен и эрозии.

8

Троллоп Энтони (1815–1882) – английский писатель, один из самых талантливых романистов Викторианской эпохи.

9

На самом деле дочерей Джареда звали Хоуп, Пруденс, Грейс и Чарити: hope – надежда, prudence – благоразумие, grace – милосердие, charity – благотворительность *(англ.)*.

10

Любовь побеждает все *(лат.)*.

11

Шлифен (Schlieffen) Альфред фон (1839–1913) – германский генерал-фельдмаршал.

12

Ферри-данс – исполняемый на улицах и площадях танец, неотъемлемая часть старинного народного праздника, в наши дни проводимого ежегодно в день 8 мая в городке Хелстон графства Корнуолл.

13

Макдональд Джеймс Рамсей (1866–1937) – один из основателей Лейбористской партии Великобритании.

14

До бесконечности *(лат.)*.

15

«Оксфордская группа» – одна из неортодоксальных религиозных групп, основанная Ф. Бухманом (1878–1961) и существовавшая в 20-х годах XX века.

16

Коуард Ноэл Пирс (1899–1973) – английский драматург, автор салонных комедий нравов.

17

Болдуин Стенли (1867–1947) – премьер-министр Великобритании в 1923–1924, 1924–1929, 1935–1937 годах.

18

Судебное решение о расторжении брака, вступающее в силу с определенного срока, если до этого срока оно не отменено *(лат., юрид.).*

19

Речь идет о бомбардировках городов Йорк, Кентербери, Эксетер с их историческими достопримечательностями, описанными в немецком туристском путеводителе Бедекера.

20

Руритания – вымышленная страна в романах Э. Хоупа (1863–1933).